

ДОГОВО

ГАДЮК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ

К. А. НАЙТ

Райдер, Гарретт, Кензо и Дизель — Гадюки.

Они управляют этим городом и всеми, кто его населяет. Их сделки так же грязны, как и бизнес, которым они занимаются, а репутация опережает их настолько, что может поставить взрослого мужчину на колени, заставив его молить о пощаде. Они не те люди, с которыми можно связываться, но мой отец связался с ними. Мой старик задолжал им, а потом продал меня, чтобы покрыть свой долг. Да, продал. Теперь я принадлежу им. Я принадлежу им во всех смыслах этого слова. Но я никогда не была кроткой и уступчивой.

Эти люди смотрят на меня с тоской. Их покрытые шрамами, окровавленные руки крепко держат меня. Они хотят меня полностью, ту, кем я являюсь, все то, что я могу дать, и не остановятся, пока не получат именно это. Они могут владеть моим телом, но никогда не получают мое сердце. Гадюки? Я заставлю их пожалеть о том дне, когда они забрали меня. Эта девушка? Она тоже кусается.

Переводчик: *Леди Блэк*

Редактор: *Роуз*

Вычитка: *Rebellion и Херувим*

Подобно змее, сбрасывая свою кожу, мы должны отбрасывать наше прошлое снова и снова.

— Будда.

ДИЗЕЛЬ

— Ты ведь понимаешь, что это значит, Роб? — бормочет Райдер, поправляя свой костюм, хотя он даже не помялся. Ублюдок всегда одевается так, будто готов выйти на подиум. Хотя холодный расчет, который сквозит в его взгляде, дает понять, что он не просто смазливое личико.

Я сказал ему, что как только мне доведется оставить шрам на его лице, это может заставить других воспринимать его более серьезно. Не знаю, почему он сказал: «Нет».

Я, с другой стороны, весь покрыт кровью Роба, как и Гарретт, если уж на то пошло. Его покрытые шрамами татуированные костяшки пальцев кровоточат от ударов, которые он наносил нашему несчастному хозяину. Жуя чипсы парня, я с ликованием наблюдаю, как Гарретт наносит еще один жестокий удар, прежде чем отступить. На ринге он не зря получил прозвище Бешеный Пес — ты даже не заметишь, как этот ублюдочный громила приблизится к тебе. Я узнал это на собственной шкуре, так как дрался с ним пару раз. Это были хорошие времена, даже если я сломал пару-другую своих костей.

Моргая, я оглядываюсь на парня в кресле напротив Райдера. Глаз Роба заплыл, губа разбита, на щеке уже синяки. И это только те раны, которые можно увидеть наглядно. Я знаю, что под его рубашкой образовалось несколько волдырей, потому что Райдер позволил мне немного повеселиться.

Кензо прислонился к стене напротив меня, привычно перекатывая кости между пальцами. Его лицо, похожее на лицо Райдера, застыло в смертельном взгляде парня, ожидающего чего-то интересного. В конце концов, именно Кензо привлек наше внимание к этому человеку. Но Роб смотрит только на Райдера, что само по себе уже хорошо. Пусть думает, что Райдер — единственный, кто здесь главный, нам нравится, чтобы именно так и было. Чтобы он был лицом нашей... компании.

Я фыркаю на эту чертову компанию. У нас есть несколько легальных предприятий, но я не имею к ним никакого отношения. Меня сочли слишком чокнутым, чтобы допускать к сотрудникам после того, как я выжег одному из них глаз за то, что они называли меня подонком.

— Роб, обрати внимание, я не люблю повторяться, — рявкает Райдер, поэтому Гарретт хватает Роба за седеющие короткие волосы и отдергивает его голову назад, в его руке появляется лезвие ножа, который он прижимает к горлу трясущегося мужчины. Пот стекает

по лицу того, пока он кричит, и я задаюсь вопросом, позволит ли Райдер мне убить его.

Прошло целых два дня с тех пор, как мне пришлось кого-то убить, и я начинаю беспокоиться.

— Да, да, я понимаю, возьми ее! — кричит он.

Хорош придурок. Проигравший продал бы собственную дочь, чтобы покрыть свой долг перед нами. Я полагаю, когда у тебя нет денег, чтобы заплатить, и единственный вариант — рассчитаться своей плотью... ты становишься очень легкой добычей, учитывая то, на что готов пойти.

Этот город наш, он никогда не сбежит от нас. Он знает это. Это написано в его карих глазах. Интересно, его дочь выглядит лучше, чем он? В любом случае теперь она будет нашей. Обычно мы не торгуем плотью, ну, не живой плотью, но нищие не вправе выбирать.

Долг есть долг, и он должен быть оплачен, иначе другие начнут думать, что мы становимся мягкотелыми.

Райдер откидывается назад, ухмылка кривит его по-мальчишески красивые губы. Закатив глаза, я делаю шаг вперед из темноты, и в этот момент Роб начинает плакать. Он знает, кто я — смерть. Райдер мог быть лицом, Гарретт мог быть силой, мускулами, а Кензо — посредником... но я?

Я — гребаный Мрачный Жнец.

— Возьмите ее! — кричит он, извиваясь в объятиях Гарретта, лицо которого перекашивает от отвращения. Я? Я смеюсь.

Наклонившись, заглядываю ему в лицо, позволяя увидеть безумие в моем взгляде. Мои пальцы чешутся схватить зажигалку, сжечь его дом вместе с ним, пока я не услышу, как он орет. Черт, я почти чувствую привкус страха, чувствую, как пламя лижет меня — мой член твердеет в штанах от этого образа.

— Скажи мне, когда я сожгу ее, тебе будет все равно или нет? — смеюсь я.

Гарретт улыбается, сверкая идеально белыми зубами. Этот ублюдок почти так же безумен, как и я, скорее всего, потому что его слишком часто били по его массивной башке. Я ухмыляюсь ему. — Интересно, она такая же хорошенькая?

— Хватит, — рывкает Райдер, и я отодвигаюсь, делая то, что мне говорят. — Где она?

— Она... она владеет баром в южной части города, «Роксерс». — Он дрожит, плачет, как слабак. Крупные, жирные слезы стекают по его лицу.

Интересно, заплачет ли она? От этого действие становится еще слаще, когда они плачут. Я понимаю, что тру свой член через джинсы, а Кензо пялится на меня, поэтому я останавливаюсь, подмигивая.

— Роб, если нас не устроит ее оплата, мы вернемся, можешь не сомневаться, — решительно добавляет Кензо, завершая сделку. Он знает выражение моего лица.

Я жажду крови.

— Ты убьешь ее? — жалобно всхлипывает Роб.

— А тебе не все равно? — возражает Райдер, выгибая бровь. — Ты только что продал свою дочь, чтобы покрыть свой долг, даже не пытаешься остановить нас.

— Я... я дерьмовый отец, но она заслуживает лучшего, чем вы, монстры, — рычит он, демонстрирует намек на яйца, которые у него все-таки есть.

— Слышишь, Ри? Мы монстры, — грохаю я, смеясь так яростно, что шлепаю себя по джинсам. — Я же говорил тебе, что этот костюм никого не обманет.

Как обычно, Райдер игнорирует мои маниакальные вспышки.

— Мы сделаем с ней все, что захотим. Трахнем ее. Будем пытаться ее. Бить ее. Убьем ее. Просто хотел, чтобы ты это знал, — замечает Райдер, вставая и застегивая свой синий костюм. По привычке он откидывает назад свои идеальные волосы и деловито улыбается Робу.

— Мы будем на связи. — Райдер поворачивается и идет прочь.

Кензо отталкивается от стены и кладет кости в карман.

— Ведешь себя как чужак на пиру.

Я смеюсь еще громче, когда Гарретт отпускает шею Роба, постукивая лезвием по его щеке, совсем по-дружески.

— Я? — снова смотрю ему в лицо, желая, чтобы он посмотрел в глаза человеку, который собирается погубить его дочь. Когда я закончу с ней, не хватит даже на похороны. — Я заставлю ее кричать, может, даже запишу ее крики специально для тебя.

— Дизель, — окликает Райдер с порога дерьмового двухэтажного домика, в котором мы находимся.

Наклонившись вперед, я прижимаюсь губами к уху мужчины:

— Я дам тебе знать, если она кончит до или после того, как я перережу ей горло, — шепчу я, прежде чем броситься вперед и откусить ему мочку уха.

Он кричит, когда я вою от смеха, выплевывая плоть и кровь ему на грудь, и поворачиваюсь, чтобы уйти, насвистывая про себя, когда медный привкус заполняет мой рот, а кровь стекает по подбородку.

— Ты сумасшедший ублюдок, — ворчит Гарретт.

— И ты тоже, брат, а теперь пойдем за нашей новой игрушкой! — Объявляю я, пребывая в хорошем расположении духа от внезапно открывшейся перспективы пыток на горизонте.

Роб должен был знать лучше всех, весь город должен был знать...

Когда ты трахаешься с Гадюками, у тебя появляются клыки.

Эта бедная маленькая девочка понятия не имеет, что ее ждет...

РОКСИ

— Ладно, ладно, я все поняла. Ты самая красивая бабочка на ферме бабочек, — серьезно киваю я, хватаю Генри за плечо и прижимаю его к земле, помогая сесть в такси. — Увидимся завтра, Генри. Постарайся не захлебнуться собственной рвотой, — хихикаю я и захлопываю дверь. Направляясь к выходу, я передаю водителю деньги и сообщаю ему адрес Генри.

Как завсегдатай, он здесь каждую ночь. Однажды я спросила его, почему он пьет. Честно говоря, я не ожидала ответа. Дочь бедняги умерла несколько лет назад. Убита. С тех пор он топит свои печали на дне бокала, а я забочусь о том, чтобы он благополучно добирался до дома. Может, он и пьяница, но я питаю к нему определенную слабость. Я вижу боль в его глазах, а любой отец, который так заботится о своей дочери, — хороший человек. Но, может быть, это говорит мой собственный комплекс папиной дочки.

Повернувшись к своему бару, я ухмыляюсь. Смотреть здесь особенно не на что, но он полностью мой. «Роксерс» — гласит вывеска над дверью, выдавшей лучшие времена, написанная ярко-красными светодиодными буквами. Бар, конечно, та еще захудалая дыра, но пить здесь чертовски приятно. Снаружи бар похож на какую-то старую хижину. Сделан из дерева и разномастного кирпича. Имеется крыльцо, которое обходит здание кругом, где все посетители курят, с местами для велосипедов под ним. Две вращающиеся двери в данный момент не заперты, а грязные окна не позволяют заглянуть внутрь.

У нас сюда всякий контингент заглядывает: дальнобойщики, байкеры, преступники. Приглашаются все желающие. Есть только одно правило — не ломай эту чертову мебель. Это старое правило, введенное еще до того, как я вступила в права владения этим местом. Я просто продолжаю старую традицию. Песчаная стоянка пуста, если не считать моего потрепанного авто с высокой удельной мощностью, который я выиграла в пари, поэтому я возвращаюсь внутрь, на ходу снимая табличку, чтобы все знали, что мы закрыты.

Еще рано, солнце почти взошло. Я думаю, что владение баром делает меня ночным существом, я всегда предпочитала ночь и все веселье, которое с ней связано. Вздохнув, я зачесываю назад свои серебристые волосы и быстро собираю их в конский хвост. Я отправила Трэвиса домой раньше, его бабушка заболела и нуждалась в его помощи, так что теперь уборка на мне. Взяв один из разномастных стульев, я ставлю его на стол, прежде чем собрать стаканы, столько, сколько смогу.

Я направляюсь назад, мимо бильярдных столов и досок для игры в дартс, и поднимаюсь по лестнице налево. Толкаю бедром кухонную дверь и ополаскиваю стаканы, прежде чем пропустить их через посудомоечную машину. Выключив свет на кухне, я возвращаюсь в бар, чтобы вымыть пол, не то чтобы это лишало липкости, делая его удобным для хождения босиком, но это привычка.

Слева от меня старый бар, столешница которого изготовлена из пивных крышек, опраренных в смолу. Подарок. Сейчас в нем нет бутылок, перед ним пустые табуреты. На старых деревянных полках стоят всевозможные напитки, какие только можно себе представить, и бочонки, ожидающие, чтобы их наполнили.

Я уже разобралась с баром и кассовым аппаратом, пока Генри притворялся бабочкой, так что теперь мне почти ничего не осталось делать до того, как я упаду без задних ног в постель. Черт, мне нужно найти нового бармена. Хотя трудно найти кого-то с опытом, кто продержится здесь долго. Они либо не умеют держать язык за зубами, либо попадают в дурную компанию. Да, ребята, вы не можете просто забить его параметры в поиске на сайте вакансий.

Последний из них был отправлен в тюрьму за убийство. Да, именно такое это место. Хотя, должна признаться, я скучаю по старому ублюдку, он играл в покер как подлец. Проходя мимо двери, я останавливаюсь, и она захлопывается за мной.

В моем баре материализуется четверо шкафообразных парней. Татуировки покрывают костяшки пальцев и шеи, у одного даже голова выбрита. Сомнительные типы, конечно, но они ничем не отличаются от здешних типов. Одеты во все черное, и я прищуриваюсь, быстро оценивая их.

— Мы закрыты, — говорю я им, надеясь, что они поймут намек.

Чертовски небрежно, я не заперла дверь. Вот что будет с тобой, если ты будешь пить пиво и разнимать драки четырнадцать дней подряд. Я отчаянно нуждаюсь в выходном, а теперь эти придурки вальсируют здесь, как будто они хозяева заведения.

Один хрустит костяшками пальцев, и все они ухмыляются мне. Если они думают, что это напугает меня, им следует хорошенько подумать. Я пью пиво с парнями, которые заставят этих парней обмочиться, правда пью пиво, не афишируя это.

Все знают бар «Роксерс», и все знают меня... и что со мной шутить не стоит. Есть причина, по которой они все называют меня свингером, и это не потому, что я хожу на секс-вечеринки. Придвинувшись ближе к бару, я просовываю руку за него, соединяясь с гладким деревом моей верной биты, выбивающей дерьмо из таких сук, как эти.

— Я сказала, что мы закрыты. Лучше убирайтесь, ребята.

— Или что? — бросает вызов один из них, делая шаг вперед. У этого ублюдка шрам идет прямо через веко. — Будешь звать на помощь? — смеется он, и остальные присоединяются.

Закатив глаза, я вытаскиваю биты и кладу ее на плечо.

— Нет, я сломаю твои гребаные коленные чашечки и вышвырну тебя на улицу, как мусор. А теперь еще одно предупреждение — мы закрыты.

Они снова обмениваются взглядами.

— Эта девка серьезно?

— Девка? — рывкаю я, низко и смертельно, когда подхожу ближе. — Ты только что назвал меня девкой?

Они, конечно, не обращают на меня внимания, поэтому я протягиваю биты. Этот

придурок получит от меня первым. Никто не оскорбляет меня в моем собственном баре, это просто грубо.

Направляясь в их сторону, пока они все еще спорят о том, как лучше схватить меня, я размахиваюсь, так, чтобы отдача по коленям мудака была сильнее. Он падает на пол, из его горла вырывается крик, когда я ухмыляюсь ему с высоты своего ста пятидесяти двухсантиметрового роста — ну, в своих байкерских ботинках я на двадцать два сантиметра выше.

— Хочешь снова назвать меня девкой?

— Черт возьми, держите ее! — хрипит он, а я пинаю его по яйцам, заставляя его с криком упасть назад, когда я поворачиваюсь лицом к остальным, уклоняясь от их рук, пытающихся схватить меня.

Размахнувшись битой, я ударила одного из них прямо по его причинному месту, и он тяжело рухнул на пол, поэтому я подняла колено и ударила его по носу, услышав треск, когда его нос лопнул, как кожица спелого персика. Черт, теперь у меня на полу кровь. Я только что его вымыла!

Разозлившись, я раскачиваюсь, словно одержимая, в то время как двое других подныривают, стараясь не попадаться мне на пути. Один из них падает на табурет, разбивая его своим гигантским телом. Я замираю, опасно шурю, и он отскакивает назад.

— Ты только что сломал мой стул? — киплю я от злости.

Он сплывает, когда я бросаюсь на него с храбрым боевым кличем. Я бью его битой, заставляя хрюкать. Он бьет кулаком, а я опускаюсь на колени, чтобы достать его лицо. Кулак бьет мне точно в челюсть, и моя голова дергается в сторону, кровь заполняет мой рот.

Смертельная ярость наполняет меня.

Медленно поворачиваясь, я смотрю на него сверху вниз, и он понимает, что облажался. В этот момент чьи-то руки обхватывают меня сзади, поднимая на ноги. Откинув голову назад, я врезаюсь в подбородок парня, наступаю ему на ногу, толкаю локтем его в пах и выскальзываю из его хватки, пока он хрюкает от боли.

Большое вам спасибо, Мисс Конгениальность.

Подняв биту, я замахваюсь и бью его прямо в лицо. Парень на самом деле летит назад от приложенной силы, тяжело приземляясь на пол и почти сотрясая здание. Он остается лежать. Остался один. Я поворачиваюсь к парню, который сломал мой стул. Он как раз встает на ноги, поэтому я выбиваю опору из-под него, размахивая ногой, когда опускаю биту ему на спину.

Он падает вперед, а я бью его по затылку. Насвистывая, я оглядываюсь, чтобы увидеть, как первый парень с трудом поднимается на ноги, поэтому я бросаю в него биту, и она делает то, что подсказывает ее название — выбивает этого сукиного сына. Он без сознания.

Пробираясь через учиненный ими беспорядок и их тела, я беру свою биту и вытираю ее о его рубашку, прежде чем положить на ближайший стол. Уперев руки в бока, я вздыхаю при виде открывшегося передо мной зрелища. И как, черт возьми, мне их оттуда вытащить?

Смирившись, я хватаю одного из них за воротник и начинаю дергать, но он большой убудок, поэтому я выбираю одного из парней поменьше первым. Наклонившись, я кладу руки ему под мышки и, кряхтя, тащу его к двери.

Дверь как раз распаивается.

Я поднимаю голову, сдувая волосы с лица, и роняю парня, которого пытаюсь оттащить к двери. Трэвис стоит с открытым ртом. Он все еще в черной рубашке «Роксерс»,

заправленной в синие джинсы, и ботинках, его обманчиво худое тело дрожит от холода. Трэвис откидывает свои синие волосы с лица, его зеленые глаза пристально смотрят на меня.

— Господи, Рокси, что, черт возьми, стряслось?

— Этот обозвал меня девкой, тот сломал мебель, мне не понравились физиономии двух других. — Я пожимаю плечами, вытирая рукой пот со лба. — Что ты здесь делаешь?

— Забыл ключ, — бормочет он, глядя на мою работу.

— Хорошо, ты можешь помочь мне вышвырнуть этих придурков наружу, — ухмыляюсь я, а он качает головой.

— С тобой никогда не бывает скучно, детка, — Трэвис бросает сумку и направляется ко мне. С его помощью мне требуется всего пять минут, чтобы выбросить их в переулок на заднем дворе. Отряхнув руки, я возвращаюсь внутрь, на этот раз убедившись, что заперла дверь, и набираю номер местной полиции. Я собираюсь рассказать им, что случилось и где ребята, без сомнения, они испугаются сирен и убегут... если очухаются.

Трэвис поднимает палец, показывая мне ключи, когда я прислоняюсь к стойке.

— С тобой все будет в порядке? — бормочет он.

Я киваю и отмахиваюсь от него, когда кто-то, наконец, отвечает, затем передаю информацию, прежде чем повесить трубку, игнорируя вопросы, которые они мне задают.

— Конечно, передай привет своей бабушке. Я собираюсь принять душ и поспать.

— Увидимся завтра, детка, — фыркает он, уходя.

Я запираю дверь за ним, ставлю засовы и цепи на место, прежде чем пройти мимо бара и выключить свет. Я включаю сигнализацию и иду по коридору, мимо офиса и туалетов, вверх по лестнице в задней части бара, где я живу с семнадцатью лет.

Мне действительно нужен выходной.

РАЙДЕР

Я просматриваю записи в календаре на завтра, когда раздается телефонный звонок. Положив телефон обратно на стол, я поднимаю голову и, прищурившись, смотрю на Гарретта, который тычет разбитыми костяшками пальцев в сиденье напротив.

— Твои ребята в тюрьме.

Это привлекает его внимание. Он сбрасывает свои грязные ботинки с моего стола, оставляя на столешнице следы грязи, что заставляет меня нахмуриться.

— Что? — рычит он.

Откинувшись на спинку стула, я стискиваю кулаки.

— Похоже, дочь Роба умудрилась напасть на них, хорошенько избить и отправить за решетку.

Он моргает и просто смотрит на меня какое-то мгновение.

— Ты, черт тебя дери, пошутил? Малявка избил моих парней? Четверых моих парней, черт возьми?

— Да, — отвечаю я, изогнув бровь.

— Черт.

— Вот именно, — киваю я. — Если ты хочешь, чтобы все было сделано правильно, ты должен сделать это сам. Иди, освободи своих людей, завтра днем мы оплатим ей... — Я поднимаю клочок бумаги с ее информацией. — Роксана — нанести визит.

Гарретт кивает, ругаясь, и топает прочь, чтобы сделать именно то, что велено. Наклонившись, я отряхиваю грязь, которую он оставил, и возвращаюсь к своему календарю, но мои мысли все время возвращаются к этому звонку. Должно быть, ей кто-то помог. Неважно, мы сами ее достанем. Никто не избежит наших когтей.

Дверь моего кабинета снова распаивается, и я со вздохом откидываюсь назад. Почему никто не стучит? Кензо крадется в мою сторону, его большие пальцы ловко скользят по телефону, что удивительно для такого крупного парня, как он.

— Просто отправил тебе информацию о девушке, собрал все, что смог. А еще немного поспрашивал, — бормочет он, поднимая глаза.

Мой телефон звонит, но я не обращаю на него внимания.

— И что?

— Похоже, дочь Роба — настоящая легенда. Ее зовут Рокси, и она, как я и говорил,

владеет той забегаловкой на другом конце города. Большинство ублюдков, кажется, даже побаиваются этой девушки, другие же уважают ее. Она не будет легкой добычей.

— Нет ничего стоящего, — вздыхаю я, беря телефон и просматривая информацию. Возраст — двадцать четыре, рост — около ста пятидесяти двух сантиметров. Серебристо-пепельные волосы, карие глаза. Кредитная история шокирует, и есть несколько документов с печатью, когда ей было семнадцать. Надо будет спросить о них Гарретта. Я просматриваю ее банковские данные и все остальное, что он собрал, и листаю, пока не добираюсь до конца, где ее фотография.

Сердце бешено колотится в груди, кровь приливает к члену, который дергается в брюках.

— Вот именно, — фыркает Кензо. — Как ты думаешь, почему я просто не написал? Я хотел увидеть твоё лицо. Держу пари, ты не ожидал, что дочь Роба окажется такой горячей штучкой.

— Вовсе нет, — рассеянно бормочу я. Горячая — это еще мягко сказано. От нее просто дух захватывает. Темные глаза подведены в стиле «смоки-айс». Большие, пухлые, красные губы. Высокие, изогнутые скулы и брови. Короткие, до плеч, неестественно серебристые волосы, которые очень идут ее бледному лицу. Ее декольте бросается мне в глаза в майке AC/DC, в которую она была облачена в момент, когда было сделано это фото.

Ошеломляюще.

Я вообще-то теряю дар речи, когда смотрю на фотографию, но потом отталкиваю ее от себя. Это облегчает задачу, так как на нее легко смотреть. Моргая, я встречаюсь со смеющимся взглядом Кензо и вижу, как он осторожно что-то мозгует.

— Я знаю, брат, чур я первый.

Я прищуриваюсь и смотрю на него.

— Смотри на приз, братишка.

— О, это так, не волнуйся, блядь, и Рокси — тот самый приз, — огрызается он, заставляя меня вздохнуть. Всякий раз, когда Кензо что-то задумывает, он это получает. Нет необходимости делать ставки на то, каков шанс того, что он задумал проделать с Роксаной.

Но она — средство для достижения цели, послание не связываться с нами. Некоторые из нас должны оставаться умными, и, как обычно, это я.

— Завтра, Кензо. Думай головой, а не головкой, пока мы не заполучим ее.

— А потом? — фыркает он.

— Тогда ты можешь делать с ней все, что захочешь. В конце концов, она наша. Хотя я бы посоветовал тебе постараться держать ее подальше от Дизеля, — смеюсь я.

Он тоже ухмыляется, но не очень приятно.

— Конечно, она как раз в его вкусе. Бедняжка сгорела бы дотла, прежде чем переступила порог.

Я киваю.

— Он бы так и сделал, хотя я подозреваю, что сначала он мог бы позабавиться с ней.

— Интересно, согласится ли Гарретт, — задумчиво произносит Кензо.

— Может быть, если он заставит эту девицу в беде вести себя потише. Он для таких, как она, просто дурак. Только на этот раз он не позволит ей почти погубить его, — вздыхаю я.

Кензо кивает, сжимая кулаки при воспоминании о том, как мы чуть не потеряли брата. Это больше не повторится, поэтому я останусь умным, даже когда другие будут думать не головой. Может, она и привлекательна, но не стоит из-за нее терять семью. Я могу получить

красивую киску где угодно, и мне не нужно платить за нее, если я хочу с ней покувыркаться.

— Я присмотрю за ним, — предлагаю я, чтобы успокоить брата. — Итак, утром у нас встреча с Триадой по вопросам договора. Мне нужно, чтобы ты и Гарретт были со мной рядом.

— Не Дизель? — серьезно спрашивает Кензо.

— Пока нет, я хочу напугать их, а не убить. Я надеюсь, что мы сможем решить эту проблему быстро. В данный момент они останавливают наши поставки, и это вызывает ненужные тревожения в бизнесе. Что мне определенно не нравится.

— Понял, босс, — кивает Кензо. — Не забудь попытаться немного поспать. Ты начинаешь выглядеть на свой возраст, старина, — поддразнивает он, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Следи за языком, братишка. Я все еще могу надрать тебе задницу, — предупреждаю я, только заставляя его смеяться еще больше.

Качая головой, я возвращаюсь к фотографии на телефоне, мой большой палец зависает чуть ниже ее рта. От нее будут неприятности, я это чувствую. Но Гадюка никогда не отказывается от сделки, Роксана теперь наша. Давайте просто надеяться, что она не вызовет слишком много проблем, было бы печально убить такую красивую женщину.

Бросив телефон на стол, я встаю и потягиваюсь. Кензо прав. Мне нужно поспать. Прошло уже два дня, и я хочу быть готовым к завтрашней встрече. С бизнес-планами, крутящимися в голове, я кладу телефон в карман и выхожу из офиса. Грохот музыки Дизеля доносится до меня в коридоре, поэтому я направляюсь в свою спальню, а не в гостиную.

Завтра будет новый день. Мы идем за тобой, Роксана.

РОКСИ

Еще чертовски рано. В голове у меня стучит, когда снова звонит будильник. Швырнув дурацкие старые часы через всю комнату, я зарываюсь лицом в подушку, обнаруживая там пятна макияжа, который я даже не потрудилась снять прошлой ночью, забираясь в постель после рюмки хорошего виски.

Но будильник снова зазвонил, а благодаря моему полусонному мозгу он теперь на другом конце комнаты. Соскользнув с кровати, я подползаю к нему и разбиваю его об пол, застонав, когда он разбивается. Но, по крайней мере, шум прекращается. Я плюхаюсь на спину в одних трусиках и майке, потом раздумываю, не позвать ли Трэвиса, чтобы он поработал сегодня и прикрыл обеденную смену.

Но у него борьба посерьезнее, так что мне работать. Победенная, я поднимаюсь на ноги и включаю радио, из приемника гromыхает рок, пока я бреду в душ. Раздеваясь на ходу, я включаю душ и жду, пока вода прогреется. Я хмурюсь и смотрю на спутанный беспорядок, который представляет собой моя копна волос, пожимая плечами, прежде чем собрать их в пучок. Я ни в коем случае не буду мыть это крысиное гнездо, это займет слишком много времени. Вот почему сухой шампунь — лучший друг девушки.

Я быстро принимаю душ, натирая мылом покрытую татуировками кожу. Это служит мне напоминанием о том, что на следующей неделе у меня еще один сеанс в кресле Зика, чтобы тот закончил розы на моем бедре и узор мандалы. Рукав на моей левой руке доделан. На то, чтобы его закончить, ушло четыре дня по восемь часов непрерывного сидения. Но оно того стоило, не то чтобы боль меня особо беспокоила. На самом деле, я могу признаться себе, что мне это даже нравится. Особенно в руках того, кто это делает правильно.

Стряхнув воду, я вылезаю из душа и заворачиваюсь пушистым полотенцем, прежде чем почистить зубы и освежиться. Я ухитрюсь провести расческой по волосам, и на этот раз они укладываются красиво и свисают ровными прядями, прямо после того, как я наношу на них сухой шампунь. Я трачу больше времени на макияж, нанося свою фирменную красную помаду, темную подводку и тени для век, которые заставляют мои карие глаза буквально выскакивать из орбит. Некоторые называют меня типичной рокершей, черт возьми, у меня даже есть пирсинг под стать моим тату и макияжу.

Все начиналось как своеобразная форма протеста, способ разозлить моего засранца-отца, прежде чем я наконец сбегу из дома. Потом я полюбила этот образ, а теперь? Теперь

осталась лишь я. Но хватит выкапывать призраков из моего прошлого до завтрака. Уронив полотенце на пол, я снова иду в спальню и одеваюсь. Я надеваю такие же красные, застёгивающийся спереди бюстгальтер и трусики. Мой единственный порок... ну, это и еще шмотки с логотипами музыкальных групп.

Я добавляю подписанную группой *The Killers* после их тура рубашку и завязываю ее сбоку, прежде чем надеть рваные черные шорты и мои надежные байкерские ботинки на высоких каблуках. Еще раз взглянув на себя в зеркало, я хватаю ключи и выхожу, закрывая за собой дверь. Я спускаюсь по лестнице и включаю свет в баре.

Прохожу через кухню и проверяю переулочек, но, похоже, засранцев со вчерашнего вечера подобрали копы. Это заставляет меня задуматься, кто они, но это не первый раз, когда кто-то набрасывается на меня вот так запросто. И не последний, держу пари. Я оставляю заднюю дверь незапертой для Кука и возвращаюсь к парадной.

Включаю музыкальный автомат и принимаюсь за пополнение запасов и уборку, злясь как черт, когда мне приходится выбрасывать сломанный стул на задний двор. Одно чертовое правило. Я могу понять, когда набрасываются на меня, но ломать мою мебель? Это ни фига не круто.

Как раз вовремя, я слышу предательский грохот мотоцикла Кука, когда он подъезжает к заднему двору, и это заставляет меня улыбнуться, по крайней мере, я знаю, что он накормит меня... в отличие от Трака, который работает по выходным, ублюдох холоднее змеи, не делает исключений даже для меня, которая заботится о том, чтобы он платил по счетам и вообще нанимает на работу бывшего зека.

Я встречаю Кука у задней двери, мило улыбаясь ему, когда он спрыгивает со своего «харлея». Он издает стон:

— Дай угадаю, хот-дог с кетчупом?

— Ты просто душка, — и посылаю ему воздушный поцелуй, но он останавливается как вкопанный, увидев сломанный табурет, валяющийся на земле.

Кук медленно поднимает голову, его глаза при этом расширены от удивления:

— Черт, он что, умер?

— Что? — спрашиваю я, не готовая к объяснениям.

— Тот, кто сломал табуретку? — серьезно спрашивает он, заставляя меня смеяться.

— Он хотел бы, чтобы это было так, не волнуйся.

Кук хихикает и хлопает меня по плечу.

— Рич гордился бы тобой, малыш. Давай, начинай у входа, я приготовлю тебе поесть.

Мое сердце разрывается при упоминании Рича, но я отмахиваюсь от него и, весело улыбнувшись Куку, направляюсь к выходу. К тому времени, как до меня доносится запах шипящего мяса, я уже готова, поэтому, когда Кук толкает дверь, жонглируя двумя тарелками, я почти падаю на колени и кланяюсь ему в пол.

Это путь к моему сердцу — вкусная еда... или, может быть, просто сразу через мои трусики. Мы сидим за одним из столов, мои локти прижаты к столешнице, когда я поглощаю свой завтрак, как раз тогда и раздаётся стук в дверь.

— О-о, это все, малышка, — бормочет Кук с набитым ртом, хватая обе тарелки и направляясь обратно на кухню. Вздохнув, я подхожу к двери и рывком открываю ее.

— Табличка на двери гласит: «Зак..., придунок», — рычу я, а затем закатываю глаза, когда вижу, кто стоит по ту сторону двери. — Фред.

— Тебе правда не стоит так разговаривать с копами, — улыбается он и смотрит мне за

спину. — Впустишь меня, Рокс?

— Нет, — огрызаюсь я, скрепя руки. — В чем дело? Я ничего не слышала и не видела, до того, как ты спросишь.

Он приподнимает бровь, его пальцы тянутся к пряжке брюк.

— Я даже ничего не сказал.

— Ну да, я знаю, как это делается. Я не разозлю своих клиентов, так что нет. Я не знаю их, я не знаю, где они живут, и я чертовски уверена, что не знаю, сделали ли они это...

— На этот раз я здесь не из-за тебя, а из-за вчерашних парней.

— О, так вы их взяли? — спрашиваю я, немного сбавляя обороты оборонительной позиции.

— Мы так и сделали, но через два часа их вытащили. Весомые друзья, если ты понимаешь, что я имею в виду. Я не знаю, с кем ты связалась, но когда шеф говорит мне держаться от них подальше, я делаю то, что мне говорят. И тебе советую.

— Подожди, их выпустили под залог? Кто, черт возьми, эти парни? Я думала, они просто подонки.

Он морщится:

— Определенно нет. Ты кого-то разозлила, Рокс. Лучше выяснить, кто это, прежде чем я соскребу то, что от тебя останется, с улицы. А еще лучше — убирайся куда подальше. Лучше на самолете. Хорошего дня.

Фред кивает мне, оглядываясь вокруг, прежде чем поспешить обратно к своей машине.

Черт. Озираясь по сторонам, как параноидальный полицейский, я захлопываю дверь и запираю ее, прижимаясь к ней спиной. Успокойся, Рокс, бывало и хуже. Кто бы это ни был, он просто пытается напугать тебя... но чтобы копы обделались и оказались у тебя в кармане?

Он прав, знать есть знать.

Может быть, было бы лучше убраться отсюда подальше, но, черт возьми, это мой дом! Мой чертов бар. Покачав головой, я оттолкнулась от двери. Никто меня отсюда не отпугнет, будь они с большим или каким-либо другим потенциалом.

Пробираясь к бару, я наливаю себе рюмку и выпиваю, прежде чем со стуком уронить стакан на пол. Возьми себя в руки, Рокс, ни один мужчина не заставит меня бежать. Я сделала это однажды, но больше никогда. Теперь это моя жизнь, я либо стою и сражаюсь, либо умираю. Без вариантов.

Приняв решение, я вливаю в себя еще одну рюмку, прежде чем включить динамики, позволяя музыке прокачать бар, прежде чем отпереть дверь. Сейчас время открытия, и неважно, нависла над моей головой угроза или нет, но я должна работать.

Впрочем, я потом спрашиваю, может, что-нибудь услышу. Если кто-то и знает что-то, так это люди, которые приходят сюда, чтобы залить тьму внутри себя.

После этого я занята работой, бар постепенно заполняется, и у меня нет времени думать о том, зачем я кому-то понадобилась. В основном это заказы на еду с пивом, так что я просто тяну пинту, когда дверь распахивается, являя мне четырех новичков.

Четырех парней, которым здесь явно не место.

ГАРРЕТТ

Члены Триады сидят перед нами, ну, один из членов, если быть точным. Они никогда не держат всех трех лидеров в одном месте одновременно. Умный ход. Держа кулаки за спиной, я играю роль хорошего маленького телохранителя, тактика запугивания. Я громила, поэтому пользуюсь этим. Моя репутация бойца опережает меня, даже если они не знают, что я один из Гадюк.

Как раз это то, что мне нравится.

Я хочу оставаться незамеченным, это помогает мне попадать в разные места и позволяет учиться тому, чему я не мог бы научиться иначе.

— Ты здесь, чтобы все отдать? — Самоуверенный ублюдок ухмыляется, его толстые щеки тошнотворно вздергиваются, натягивая шрам на лице.

Райдер усмехается, удобно откидываясь на спинку стула напротив. Мы единственные люди в ресторане, который используется как нейтральная территория для встреч. Сегодня не будет пролита кровь... особенно, когда Ди нет рядом.

— Нет, я здесь, чтобы дать вам шанс вернуть нам наши грузы и разойтись в разные стороны, как старые знакомые, — громыкает он.

Мужчина перестает улыбаться, и я чувствую, как Кензо ухмыляется рядом со мной, когда мы стоим позади места, где расположился Ри. Он так действует на людей.

— Вы все умрете. Мы правим этим городом, — рычит член Триады.

Райдер небрежно потягивает вино, прежде чем снова посмотреть на мужчину:

— У тебя есть участок земли за пределами города, когда-то ты был богат и могуществен. Уже нет. Я раздавлю тебя, как Жука. Но помни об этом, когда тебя сожгут вместе с твоим народом. Вспомни оливковую ветвь, что я предлагал. — Он вздыхает и встает, застегивая пиджак. Чтобы оскорбить ублюдка еще больше, Ри кидает деньги на стол, чтобы покрыть счет. — Это за мой счет. Я знаю, что ты испытываешь финансовые трудности, и не хотел бы, чтобы ты разорился задолго до того, как я уничтожу тебя.

Не произнеся больше ни слова, Райдер поворачивается к нам, его взгляд жесткий и торжествующий. Я выжидаю минуту другую....

Бум.

Член Триады встает с оскалом на лице:

— Вы же еще щенки! Ты понятия не имеешь о правилах этой игры! Моя семья управляла

этим городом до того, как ты появился на свет!

Райдер бросает на него взгляд через плечо:

— Ты им управлял, больше нет. Иди в ногу со временем или умри.

Мы с Кензо расстаемся с ним. Я иду последним, позволяя Кензо прикрывать спину Райдера. Парень дергается, поэтому я расстегиваю кожаную куртку и показываю ему свое оружие.

— Я бы не стал, — рычу я и, убедившись, что он не выстрелит, отворачиваюсь.

Это риск, он может ударить меня ножом или застрелить, но таким образом я показываю ему, как мы его боимся. Он ругается, и я слышу звон разбитых бокалов, который заставляет меня улыбнуться. Не пройдет и месяца, как они станут нашими. Ничто не встанет у нас на пути, если за дело берется Райдер.

А этот человек только что оскорбил Райдера и нашу семью. Они ходячие трупы, просто пока не знают об этом. Но тот мужик не нападает, ему известно лучше. Он бросил перчатку, и теперь ему придется жить с последствиями.

Выйдя из ресторана, я надеваю темные очки и сажусь на байк, в то время как Кензо закрывает дверь авто Райдера и забирается на водительское сиденье. Я киваю и натягиваю шлем. Время пришло. Мы должны взыскать долг.

Мы мчимся через весь город обратно к небоскребу «Вайпер Индастриз». Мчась по улицам, я не обращаю внимания на ограничение скорости — это единственное время, когда я чувствую себя по-настоящему живым — и въезжаю в подземный гараж раньше Райдера и Кензо. Я сканирую свою ладонь и сетчатку глаз на панели безопасности — осторожность никогда не будет лишней — затем подтягиваюсь на свое место, прежде чем слезть с байка. Не снимая шлема, решаю перехватить Ди до того, как они доберутся сюда.

Я направляюсь к лифту и спускаюсь в подвал, о существовании которого большинство людей даже не подозревает. Вот где он будет, я это точно знаю.

Я был прав. Я нахожу Дизеля в подвале, который он называет «огненной пещерой». Seriously, если бы этот парень не был мне как брат, я бы пришел в ужас. Я почти уверен, что он не в своем уме, но Ди всегда прикрывает наши спины, и он член нашей семьи.

Я слышу крики, которые доносятся из лифта, до меня долетает запах дыма. В один прекрасный день он сожжет все это чертово здание дотла. Шагая по коридору, я следую за звуками тяжёлого металла и вхожу в комнату, которую он занимает. Я прислоняюсь к стене, наблюдая, как он наклоняется и закуривает сигарету, прежде чем вернуться к сжиганию яиц человека, которого он подвесил.

Ухмыляясь, я выключаю музыку, и он оборачивается с яростным взглядом, но, когда он видит, что это я, расслабляется:

— Как прошла встреча? — спрашивает он, не обращая внимания на всхлипывающего мужчину позади. У того следы ожогов по всему телу и отсутствуют некоторые пальцы, так что он явно пробыл здесь какое-то время.

— Хорошо, пока не надо их убивать. Кто это? — спрашиваю я, кивая на парня.

Дизель пожимает плечами:

— Какой-то придурок, который опорочил нас.

— Ну, он не сделает этого снова, — смеюсь я, а Дизель ухмыляется со своей сигаретой в зубах. — Заканчивай, мы собираемся забрать дочь Роба.

Его взгляд просто искрит. Бедная девочка, когда он доберется до нее, она будет поджарена.

— Конечно, одну секунду, — он поворачивается к парню и бьет его по лицу, чтобы заставить замолчать. — Прости, любовь моя, наше время вышло. Я бы хотел остаться, но у меня свидание, понимаешь?

Он хватается тряпку рядом с собой, запах бензина обжигает мои ноздри, когда Ди поджигает ее. Рассмеявшись, Дизель вдавливают ее в рот парня, ломая ему зубы и прикрывая рот рукой, заставляя удерживать ее там.

— Брат,... — предупреждаю я, не желая мешать ему, так как это может привести к драке. Мы заключили сделку. Когда к нему приводят людей, он может делать все, что захочет, но нам нужно двигаться.

— Отлично, — рывкает он и, выхватив пистолет из-за спины, стреляет мужчине прямо в голову, прежде чем повернуться ко мне. Он идет ко мне, а я качаю головой.

— Может, нам стоит прибраться, мы же не хотим напугать ее до смерти... пока, — ухмыляюсь я.

Дизель смеется, хватая тряпку и вытирая кровь с лица, прежде чем затянуться сигаретой.

— Пойдем, — бормочет он со вздохом, обнимая меня за плечи, а я стряхиваю его руку. — Слышал что-нибудь о девушке?

— Только то, что Кензо, я цитирую, дрочил четыре раза прошлой ночью с тех пор, как увидел ее фото.

Дизель присвистывает, а я киваю. Чтобы привести Кензо в такое возбуждение, у нее должно быть на что посмотреть. Райдер — дамский угодник, в то время как Кензо предпочитает хорошую ставку или вызов киске в любой день. — Интересно, дадут ли они мне ее первой?...

— Сомневаюсь, ты убьешь ее, так что, скорее всего, будешь последним, — бормочу я, когда мы входим в лифт и едем туда, где нас уже ждут Райдер и Кензо.

— Черт, прекрасно, — оживает он, а его бычок летит на пол. Я затаптываю, чтобы он не стал причиной пожара в доме. — Держу пари, я все еще смогу заставить ее кричать.

— Не сомневаюсь, особенно если ты поиграешь с ней, как со своими игрушками, — предлагаю я, когда дверь лифта открывается, выпуская нас в гараж.

Кензо и Райдер уже на месте, и когда они замечают меня с Ди, они ухмыляются:

— Ди, ты поедешь с Гарреттом, нам нужно место для нее.

Ди потирает руки, а Райдер прищуривается.

— Никаких сумасшедших трюков, я не хочу снова вытаскивать вас двоих из гребаной развалюхи с моста, потому что вы думали, что сможете спрыгнуть.

Ди закатывает глаза, даже когда я смеюсь:

— Я поведу.

— Черта с два! — кричит Ди, прежде чем ударить меня прямо точно в живот.

Хрипя, я успеваю выставить кулак, ударяя его в бок. Он врезается в стену, что заставляет нас обоих смеяться.

— Джентльмены, пойдете, нас ждет леди, — улыбается Райдер зло. У него что-то припрятано в рукаве, это точно.

Девушка в безопасности от меня. Не то чтобы я не убью ее, потому что убью. Терпеть не могу таких женщин, но иногда приходится. То, что у них есть киска, не значит, что они не попытаются убить тебя. Но ей не придется беспокоиться о том, что я прикоснусь к ней, возьму ее. Этот корабль отчалил от моих берегов много лет назад, и даже мысль о том, что

ко мне прикасается женщина, приводит меня в ярость.

Мне хочется на чем-нибудь выместить зло.

Она должна беспокоиться о других, потому что, судя по выражению глаз Райдера... он тоже хочет ее. И это очень плохо. Все, что Райдер хочет, он получает. Вот почему мы так богаты и нас так боятся. Очевидно, Кензо хочет ее, а Дизель? Что ж, он же должен получить новую игрушку.

Девушке повезет, если она переживет первую ночь.

РОКСИ

Я пристально смотрю на четверых парней в дверях моего бара. Должна признать, они не похожи на моих обычных клиентов. Один из них одет в костюм, который идеально ему подходит и, вероятно, стоит больше, чем весь мой бар. Остальные трое выглядят как подлые сукины сыны. Я почти уверена, что тот, который стоит позади, — настоящий гигант, поскольку ему приходится пригибать голову, чтобы пройти через дверь.

И все они явно наготове, я мельком замечаю оружие. Как и мои клиенты.

Всех будто корова языком слизала, стулья скрипят и падают на пол, пока люди пытаются сбежать от вновь прибывших. Кук высовывает голову, а я вздыхаю. Значит, это они, те, кто охотится за мной.

— Кук, проваливай домой, — приказываю я, понимая, что сегодня не откроюсь.

— Умно, — одобрительно кивает тот парень в костюме. Его слишком идеально уложенные черные волосы зачесаны назад, уложены безупречно, длинные сверху и короткие по бокам, так что у меня возникает безумное желание испортить ему причесон. Но его глаза? Они черные, холодные и расчетливые. Они сканируют комнату и меня, отмечая все. Держу пари, если бы я попросила, он мог бы передать каждую деталь.

У него высокие и заостренные скулы, челюсть точеная, покрытая щетиной, чуть обрамляющей его полные, если не сказать, пухлые губы. Он высокий, около ста девяносто двух сантиметров ростом, а его костюм обтягивает его накаченные бедра и руки самым соблазнительным образом. Он чересчур совершенен, чтобы смотреть на него, как на модель.

— Это она? — интересуется один из них с ухмылкой на губах, делая шаг вперед. Его длинные светлые волосы убраны за проколотые уши. Татуировки выглядывают из-под верхней части его белой рубашки, которая частично заправлена в рваные, выцветшие джинсы, заправленные в черные ботинки. Его руки огромны и испещрены татуировками буквально на каждом сантиметре его золотистой, блестящей кожи, но он, кажется, из тех, кто не гнушается перепачкаться не только смазкой, но и грязью. Он пристально смотрит на меня своими ярко-голубыми глазами, с которыми, кажется, не все в порядке.

Его лицо более угловатое, чем у первого парня, но от этого не менее выразительное, и он двигается крадучись, глядя на меня взглядом голодной пантеры.

— Так и есть, — подтверждает другой. Лицо у этого парня такое же, как у первого, но без щетины. Он гладко выбрит, у него чуть более квадратная челюсть. Волосы у него

длиннее на макушке и выбриты по бокам, небрежно зачесаны назад. Он выше первого и фигура у него более атлетична, хотя и не как у первого парня, но чертовски горяч.

Последний ничего не говорит, только смотрит на меня своими темными глазами. С того места, где я стою, замечаю его длинные ресницы, такие, которым позавидовали бы девушки, но это единственное, что в нем есть девчачьего. Он массивный, его руки толще, чем все мое тело, и его белая рубашка буквально прилипает к его выпуклым бицепсам и жилистым предплечьям, выдавая развитые грудные мышцы и точеный пресс.

Его джинсы облегают его так, будто он не может подобрать себе нужный размер. У него каштановые волосы с белокурыми прядями, небрежно уложенные на бок. Каждый дюйм его тела покрыт татуировками, а черное кольцо в губе блестит на свету.

Я оглядываюсь на них, а блондин снова и снова щелкает зажигалкой, глядя на меня.

— Кто вы? — рявкаю я, отказываясь поддаваться страху.

— Не хочешь ли для начала присесть? — предлагает первый, а я только смеюсь.

— Почему бы тебе не отвалить? А теперь скажите-ка мне, какого лысого вы забыли в моем баре, или проваливайте, — рычу я.

Блондин хихикает.

— О, дерзкая-то какая, она такая маленькая. Слишком легко сломать. — Он надувает губы и вздыхает, как будто я вывела его из себя.

— Меня нелегко сломать, придурок. Не успеешь и глазом моргнуть, как я разобью твое хорошенькое личико, так что отвечай на мой чертов вопрос.

Это не те головорезы, что были прошлой ночью, нет, эти люди опасны, и я определенно их цель. Я с трудом сглатываю, когда страх пронзает мое тело. Это не остается незамеченным для парня в костюме, так как тот внимательно наблюдает за мной, и уголок его губ слегка приподнимается, когда я показываю панику.

— Она мне нравится, — заявляет блондин, и здоровяк наконец начинает говорить.

— Бедняжка, — усмехается он.

— Роксана, пожалуйста, сядь, — снова предлагает первый, но я понимаю, что это требование.

Поэтому я выдергиваю табуретку и делаю то, что мне говорят, садясь как можно дальше от них. Я кладу руки на стойку, чтобы дотянуться до ножа на поясе.

— Почему вы здесь? — повторяю я свой вопрос.

Первый оглядывается, прежде чем выбрать ближайший столик. Гребаный ублюдок вытирает стул и все еще хмурится, присаживаясь на его край. Надеюсь, он испачкает свой костюм.

— Роксана, меня зовут Райдер Вайпер, — представился он. Игнорирую то, что он называет меня полным именем Роксана, никто не называет меня так.

Меня пробирает дрожь.

Вайпер.

Как те долбаные психи, что заправляют нашим городишкой? Проклятая мафия, которая контролирует все? Неудивительно, что полиция испугалась, они у них в кармане. Как и судьи, и мэр.

Черт, все серьезно.

— Это Дизель, — он кивает на блондина, который слизывает пламя с зажигалки. — Кензо, — он указывает на того, кто похож на него. — И Гарретт.

— Что ж, чертовски приятно познакомиться. Не хочешь рассказать мне, почему вчера

ночью сюда пришли те головорезы и напали на меня? — рычу я. Когда мне страшно, я защищаюсь, предъявляю свои требования.

Его брови выгибаются дугой, когда он наклоняется вперед, а руки оказываются свободно болтающимися между раздвинутыми ногами. Черт, почему так жарко?

— Как они мне объяснили, ты напала на них первая.

Я припоминаю. Черт, может, он и прав.

— Они пытались схватить меня.

— Да, так и было, — кивает он. — Но за то, что они ввязались с тобой в драку, с ними уже разобрались. Им было приказано не это. Я так понимаю, один из них ударил тебя?

Дотрагиваюсь до все еще саднящей от боли губы, но опускаю руку — слишком поздно, он заметил. Он сощурился.

— Но мы с ними еще не закончили, они ждут решения из-за того, что сделали.

— Что это вообще значит? — кричу я.

— Это значит, милая птичка, что они умрут, — смеется блондин, при этом смех получился немного как у чокнутого.

— Зачем я вам понадобилась? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— Твой отец был у нас в долгу, — начинает Райдер, и я клянусь, он снова выгибает бровь. — Да, насколько я понимаю, ваши отношения... они непростые?

— Рокки? Я бы убила этого ублюдка, если бы только могла. Ладно, — соскальзываю со стула. — Сколько он тебе должен? Я заплачу, если смогу.

Блондин, Дизель, скользит передо мной, пристально смотря на меня своими голубыми глазами, когда облизывает губы.

— Нет, мы заключили сделку с твоим папочкой, милая птичка. Скажи мне, любовь моя, ты крикунья? Мы с твоим отцом заключили небольшое пари, — утверждает он.

Я реагирую не задумываясь, отдергиваю кулак и бью его по лицу.

Страхивая руку, наблюдаю за тем, как он отшатывается назад. Дизель поднимает руку, затыкая рот и нос, когда кровь хлещет из раны. Он начинает смеяться, заставляя меня подскочить на стуле. Подняв голову, он ухмыляется, его зубы покрыты кровью.

— Это было клево, хочешь повторить это снова?

Мои глаза расширяются, но голос Райдера доносится из-за его спины.

— Хватит, Ди, — вздыхает Райдер.

Дизель вздыхает, но подмигивает мне, отступая назад, и только тогда я замечаю выпуклость на его джинсах. У него что... встал? Твою мать. Я вскидываю глаза, но уже слишком поздно, он заметил это и снова смеется.

Сумасшедший гребаный ублюдок.

— О каком пари речь? — рывкаю я, уставая от этой игры, когда меня начинает подташнивать. Им не нужны мои деньги, они заключили сделку...

— На тебя, — пожимает плечами Райдер.

О, «на меня» он произносит так небрежно и так буднично.

— Он. Продал... Меня... Вам? — рычу я.

— Она горячая штучка, когда злится, — шепчет Дизель здоровяку Гарретту, который закатывает глаза.

— Да, это он и сделал. Чтобы покрыть свой долг, а мы всегда собираем долги, Роксана. А теперь, может быть, ты соберешь свои вещи, или нам сделать это за тебя? — спокойно спрашивает Райдер.

Как будто я просто соглашусь пойти с ними. Черта с два. Они могут быть Гадюками, самыми страшными гребаными придурками в городе, но это не значит, что я пойду с ними добровольно. Перепрыгнув через стойку, я хватаю биту.

— Убирайтесь к чертовой матери! Я никуда не пойду с вами, сумасшедшими ублюдками. Ты хочешь получить его долг? Бери его с него, а мне плевать.

— Я не могу этого сделать, дорогая, сделка есть сделка. Ты теперь наша, — Райдер встает и пожимает плечами.

— Можно? — ухмыляется Дизель, делая шаг вперед, но Райдер протягивает руку, чтобы остановить его.

— Отправляйся с Гарреттом и собери ее сумку, — приказывает он, и Дизель на мгновение перестает бахвалиться, прежде чем пошевелить бровями.

— Я собираюсь подрочить на твои трусики. Увидимся позже, милая птичка.

Здоровяк делает шаг вперед и хлопает его по плечу.

— Наверху, сказали.

Подождите-ка... они знают, где я живу?

Я встаю на их пути, и большой парень смотрит на меня сверху вниз, его лицо жесткое.

— Отойди-ка, малышка.

— Черт возьми, заставь меня, — рычу я и замахваюсь на него битой.

Он ловит ее в воздухе, как муху, и вырывает из моей руки, прежде чем нахмуриться.

— Это было не очень хорошо.

— О, ну, блядь, прости меня, — издеваюсь я, а потом выбрасываю согнутую в колене ногу вперед. Он слишком занят, чтобы заметить, и колено прилетает ему прямо в пах.

Он хватается за член с хрипом, его лицо краснеет, когда он падает на колени. Я поднимаю кулак, но блондин ловит его на лету, ворча на меня.

— Извини, милая птичка, мы можем поиграть позже, — мурлычет он, и тут я вижу, как его кулак приближается ко мне.

У меня нет времени прятаться. Его кулак врезается мне прямо в лицо, и я теряю сознание.

КЕНЗО

— Ты мог бы попытаться поймать ее, — смеюсь я, глядя на красивую девушку, лежащую без движения на полу. Дизель сильно ударил ее; глаз Рокси уже распух, и я держу пари, что у нее завтра будет трещать голова.

Лучше, чем то, что Гарретт сделал бы с ней за этот дешевый выпад с ее стороны, но, когда я и правда смотрю на парня, пока он обкладывает свой член льдом, я вижу странное выражение безмолвного восхищения, застывшее на его лице. А рядом с ним валяется ее бита.

Кто эта девушка?

Определенно не та кроткая маленькая пай девочка, которую я ожидал увидеть, это точно. Черт, она даже не казалась испуганной, когда мы ей все рассказали. Она попыталась сопротивляться. Мне это нравится. Это могло бы сохранить ей жизнь на какое-то время. По крайней мере, достаточно долго, чтобы я мог порадовать своего дружка и увидеть, будет ли она так же драться, оказавшись со мной в постели.

Держу пари, что так оно и будет.

Она просто дикая.

— Кензо, иди с Дизелем и собери ее сумку... причем, не только трусики. — Райдер вздыхает, глядя на девушку. — Гарретт, подними ее, пожалуйста.

Здоровяк ворчит, вытаскивая лед из области паха, но он поднимает ее и прижимает к своей груди, не глядя на девушку, стиснув зубы. Кивнув, я следую за Дизелем наверх.

— Черт, я достану ключ, — говорю я ему, когда он дергает за ручку, но она не поддается.

Я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы достать его, когда слышу грохот. Оглянувшись через плечо, я вижу, что он вышиб дверь. Ди улыбается мне в ответ.

— В этом нет нужды, сейчас она открыта.

Качая головой, я по привычке хватаю кости, когда мы заходим внутрь. Мои брови приподнимаются от удивления, какой же здесь беспорядок. Повсюду разбросана одежда и пивные бутылки. У Райдера бы случился дерьмовый припадок, если бы он увидел это место. Дизель, не обращая никакого внимания на это, направляется прямо к полуоткрытым деревянным ящикам комода, расположившегося у задней стены под окном. Он начинает горстями хватать трусики, я даже подлавливаю его, как он их нюхает.

Я хватаю сумку из встроенного шкафа рядом с дверью ванной комнаты и наполняю ее

туалетными принадлежностями и косметикой. Я беру кое-какую одежду, которая висит на вешалке, и другие вещи из комнаты, а также кое-какие вещи, которые могут ей понадобиться. Мы всегда можем купить ей все, что она захочет, но наличие собственных вещей может ее немного успокоить.

Я чуть не смеюсь вслух, вспоминая, как она расправилась с Гарреттом. Не так уж часто кто-то на него нападает. Вообще-то, почти никогда. Это будет весело. Я поднимаю голову и вижу, как Дизель подпрыгивает на кровати, подложив руки под голову.

— Ты собираешься помогать или так и будешь дрочить ей на трусики? — серьезно спрашиваю я, заметив, что он сжимает в руке тоненький розовый кусочек. — Помнишь, что мы говорили о том, что негоже трогать себя на людях?

Он хмурится, засовывает трусики в карман и взбивает подушку под головой, но замирает. Медленным движением он достает из-под подушки пистолет — маленький револьвер. Ну и ну, ты подумай только, откуда это у нашей малышки?

Лицо Дизеля расплывается в улыбке.

— Кажется, я влюбился. Как ты думаешь, она пристрелит меня, если я попрошу?

— Наверное, хочешь побиться об заклад?

— Черт возьми, нет, ты сжульничаешь! — рявкает он, заставляя меня рассмеяться. Иногда я так и делаю. Чаще я просто читаю людей, как открытую книгу, это мой талант, который я отточил. Это автоматически превращает меня в человека, с которым лучше не биться об заклад, а также лучшим букмекером в городе.

Глядя поверх мини-холодильника, я замечаю фотографию, единственную, которую видел здесь. На ней изображена молодая Рокси, но без татуировок, а ее волосы длиннее и светлее. У нее в носу гвоздик, но это точно она, а рядом с ней крупный мужчина. Та еще громадина, с лысой головой и седеющей бородой, шрамами в углу подбородка и сломанным носом. Кто он?

Это не ее отец, но это должен быть кто-то, кто важен для нее. Поэтому я беру фото, складываю и кладу в карман на случай, если нам понадобится найти его и использовать в качестве рычага. Оглядевшись, я киваю Дизелю.

— Думаю, это все. Пойдем, пока она не очнулась и снова не начала бить людей.

— А ты думаешь, она согласится? — задумчиво спрашивает он.

— Сумасшедший ублюдок, — бормочу я, поднимая ее потрепанную сумку повыше и спускаясь вниз.

Гарретт все еще держит ее, выглядя так, словно предпочел бы оказаться сейчас где-нибудь в другом месте, а Райдер бродит вокруг бара. Без сомнения, он узнает все, что сможет. Я умею читать людей, но Райдер? Он превратил это в гребаную игру, в своеобразный спорт, позволяющий находить слабости людей и эксплуатировать их, уничтожать их тем, чем он овладел в совершенстве.

Маленькая мисс Рокси не станет исключением.

— Все упаковано, у нее почти ничего нет, — пожимаю я плечами.

Райдер кивает:

— Не думаю, что Рокси волнуют другие вещи, кроме этого бара.

Гарретт рычит:

— Черт возьми, мы можем уже убраться отсюда?

— Боишься, что она снова раздолбит твои яички? — издеваюсь я, и он, прищурившись, смотрит на меня.

— Я понесу ее, — предлагает Дизель. Я встаю у него на пути, когда Гарретт поворачивает ее от себя.

— Все в порядке, парень, он справится, — говорю я парню, который хмурится и оглядывается вокруг, пытаюсь разглядеть ее. Черт, я смотрю на Райдера, и он кивает, он тоже это заметил. Последний, кем Дизель был одержим, в конце концов, сгорел заживо. Мы хотим, чтобы она страдала, но не так сильно... пока нет.

Это означает, что мы должны стоять между ним и ней, по крайней мере, сейчас.

— Пойдем, мы вернемся. — Я хлопаю Ди по плечу и тащу прочь, когда Райдер встает между ним и Гарреттом, чтобы еще больше закрыть ему обзор.

Дизель стонет, но оживает, когда я говорю ему, что он может сесть за руль.

— Мы встретимся здесь, подготовим комнату для гостей, чтобы она могла остаться там, — говорит Райдер, и я киваю.

Гостевая комната? Как будто она останется там надолго. Кажется, Рокси будет жить вместе с нами. И с того самого момента, как я провел с ней время, я готов поспорить, что она сделает все возможное, чтобы убить нас за это.

Я не могу дождаться.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как мы в последний раз веселились по-настоящему, и к тому же этот подарочек я жду не дождусь, пока не открою. Да, я заполучу Рокси, прежде чем мы ее убьем. Я заставлю ее умолять об этом, жаждать этого, пока она не сдастся... тогда я, наконец, трахну ее.

Теперь она проиграла самую большую ставку — свою свободу и свою жизнь.

РОКСИ

Моя башка трещит так, будто я накануне изрядно перебрала. Мое лицо болит, а все тело одеревенело от долгого пребывания в одном положении. Застонав, я держу глаза закрытыми, чтобы попытаться отрешиться от боли, пока ломаю голову над тем, что произошло. Но все это как в тумане, и чем больше я стараюсь, тем сильнее мои мозги крушат тысячи молотков.

Нащупывая рукой пистолет, я замираю. Это не мое обычное дерьмовое постельное белье... это чертов шелк. У кого, черт возьми, есть шелковое постельное белье?

Не у того, кого я знаю, это точно.

Вот тогда-то меня накрывает лавиной воспоминаний. Головорезы. Гадюки. Удар...

Резко открыв глаза, я смотрю на белый потолок, а прямо надо мной — чертова хрустальная люстра. Мое сердце колотится в груди, пока ползу к изголовью кровати, прислоняясь к нему, когда я тыкаю пальцами свое саднящее лицо, этот ублюдок... Хотя не думаю, что что-то сломано. Тяжело дышу, накатывает паника, пока я пытаюсь осмотреться.

Они украли меня.

Забрали меня из бара и оставили в каком-то чертовом гостиничном номере.

Он такой... чистый. Слишком чистый. Белые стены и темно-серый ковер на полу. На стене напротив огромной двуспальной кровати, в которой я нахожусь, стоит телевизор с плоским экраном, по размеру больше, чем моя ванная. Справа стена уступает место окнам от пола до потолка, которые, когда я соскальзываю с кровати и, спотыкаясь, подхожу к ним, открывают мне вид на панораму города.

Он раскинулся подо мной, как чертов плакат. Мы так высоко забрались и находимся посреди всего этого, что просто зашибись. Отвернувшись, я замечаю две двери по обе стороны от телевизора. Я заглядываю в одну из них и вижу встроенный шкаф. Под ним я подразумеваю комнату с полками на полках, зеркалами с лампами между ними и диваном посередине. Закрыв дверь с презрительной усмешкой на губах, я открываю другую.

Это ванная комната. Левую стену занимает полностью стеклянная душевая кабина с четырьмя направленными вниз душевыми головками и серым сиденьем из кафельной плитки в дальнем углу. Позади — огромная ванна, достаточно большая, чтобы вместить, по меньшей мере, шесть человек. Справа две раковины с зеркалом в рамке над ними. Туалет спрятан рядом со мной. Похоже, кто-то не пожалел денег на все это, ух уж эти чертовы богатые ублюдки.

Возвращаясь в комнату, я осматриваю пространство в поисках чего-нибудь, что можно использовать в качестве оружия. Рядом с кроватью стоят две антикварные серые прикроватные тумбочки. С лампами на обеих. Идеально. Я бегу через комнату босиком, потому что какой-то ублюдок забрал мои ботинки. Сорвав со стены лампу, я держу ее, как летучую мышь, и направляюсь к белой двери слева, которая явно ведет из комнаты.

Подергав ручку, я обнаружила, что она, конечно же, заперта. Я отбрасываю лампу в сторону и оглядываю комнату. Эти ублюдки, они думают, что могут владеть мной? Что меня можно купить?

Они узнают, что за деньги послушание не купишь. Я не собираюсь ни для кого быть объектом утех. Они еще пожалеют о том дне, когда забрали меня.

Гадюки? Сучка, ага шас, я тоже кусаюсь.

Я жду больше получаса, чтобы увидеть, придут ли они и откроют дверь, но они этого не делают, и мне становится скучно. Злость и скука — не лучший вариант для меня. У меня есть безумное желание испортить это место, оно слишком идеально, слишком стерильно. Именно это я и делаю. Ухмыляясь, я направляюсь в ванную комнату и решаю выместить свой гнев на их драгоценной спальне.

Разбивая лампу о зеркало, я смотрю, как она разбивается вдребезги. Я ухмыляюсь, подбирая кусочек, случайно порезавшись. Шипя, я смотрю на кровь, покрывающую стекло и капающую на идеально чистый пол. Эх, к черту.

Неторопливо возвращаясь в спальню, я позволяю своей крови капать позади меня, когда я иду к кровати и начинаю громить все к чертовой матери. Я все это выбиваю из себя. Мою ярость на них, мою ярость на отца.

Мне следовало бы уже догадаться, но каждый раз, когда я думаю, что свободна от него, он делает нечто подобное. Но это? Продать меня? Даже я не думала, что он может так низко пасть.

С криком я колю и режу, пока моя рука не начинает болеть, и я задыхаюсь. Перья с подушек покрывают меня и пол, в матрасе зияют дыры, а постельное белье покрыто кровью и разорвано в клочья.

Этот беспорядок полностью отражает мои чувства, отчего я только шире улыбаюсь.

Я смеюсь, когда открывается дверь. Спрятав стакан в задний карман шорт, я отступаю, прищурившись. Райдер входит внутрь. Он оглядывает беспорядок, и его изогнутая бровь и слегка опущенные идеальные губы — единственные признаки его недовольства.

Я задыхаюсь, потею, а он стоит в костюме, как чертова модель. Я ненавижу его, и не только потому, что он похитил меня и запер в своей жуткой идеально стерильной квартире.

— Ну, я вижу, ты устраиваешься поудобнее, — комментирует он ровным и низким голосом. Как хороший глоток дорогого виски. Интересно, что-нибудь вообще волнует этого парня? Я хочу подбежать к нему и вытереть кровь о его идеальный костюм, просто чтобы посмотреть, что он сделает.

— Отпусти меня, — требую я, но он игнорирует меня. Нагнувшись, он поднимает наволочку и держит ее в воздухе одним пальцем, демонстрируя разрезанный на ленты материал.

— Твой отец продал тебя, теперь ты наша, — его тон при этом настолько прозаичен, что мне снова хочется взорваться.

— Я человек! Вы не можете просто вот так взять и продать другого человека! — кричу я.

— Кажется, можем, — пожимает он плечами, роняя наволочку. — Твой гнев на ситуацию или недоверие не сделают ее менее реальной, уверяю тебя. Твой отец продал тебя нам, и теперь ты наша. Предлагаю тебе самой найти способ смириться с этим фактом.

Смириться с этим?

Ох уж этот ублюдок.

Сжимая стакан в заднем кармане, я подхожу ближе, бросая ему в лицо:

— Отпусти меня, или, клянусь, я...

— Что ты сделаешь? — ухмыляется он, эти ледяные глаза, наконец, немного оттаивают, чтобы бросить мне вызов.

Вызов.

Стекло впирается в мою кожу, разрезая ее заново, когда я вытягиваю руку и подношу осколок к его незащищенному лицу. Райдер моргает, его рука хватается мою прежде, чем стакан оказывается в дюйме от его щеки. Он сжимает свою хватку, заставляя меня задыхаться, когда его рука сминает мои кости, а боль накатывает с новой силой.

— Ты наша, Роксана. Если мы захотим запереть тебя, мы это сделаем. Если мы хотим наказать тебя за то, что ты провинилась, мы это сделаем. Если мы захотим трахнуть тебя... — Он наклоняется ближе, прижимаясь щекой к осколку, который я продолжаю держать, и капелька крови пузырится на его щеке, когда он понижает голос. — Так и сделаем. Если мы захотим тебя убить... мы сделаем это, и ты ничего не сможешь с этим поделать. Смирись с этим, любовь моя, или ты можешь оказаться в месте похуже, чем это.

Резко откинувшись назад, он щелкает меня по запястью, отчего мои пальцы судорожно разжимаются, а я выпускаю стакан, который он кладет в карман. Я смотрю на него, и страх и что-то, что я не хочу называть, наполняет меня, наблюдая, как капля крови бежит по его щеке. Он вытаскивает носовой платок и останавливает ее, прежде чем она доберется до его идеального костюма, вытирая каплю, как будто он не сам наткнулся на осколок, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

— Я вижу, что ты в плохом настроении, поэтому оставляю тебя обдумывать то, что я только что сказал, — Райдер поворачивается, а я мчусь вперед, но слишком медленно. Дверь захлопывается, и оглушительный щелчок замка хлопнувшейся перед моим носом двери заставляет меня неистово орать на дверь, когда я колочу по ней своей раненой рукой.

Когда никто не возвращается, я разрезаю еще кусок подушки и перевязываю руку, чтобы остановить кровотечение, прежде чем оглядеться. Это было мелко, но я действительно чувствую себя лучше. Вздыхая, я лежу у окна, глядя на город, а небо начинает темнеть.

Раньше я жила в этом городе, любила исследовать его и наблюдать, как он растет. Это было до того, как я осознала, что за стеклом и гламуром скрывается тьма. А Гадюки? Они одни из худших.

Когда ты ребенок, тебе рассказывают истории о монстрах, прячущихся под кроватью или в темноте. Но взрослые не говорят тебе, что самые настоящие монстры — это люди. Те, кто охотится на людей слабее их, или даже монстры, которые прячутся внутри нас.

Богатые или бедные, не важно, люди все равно монстры. Они прячутся за красивыми лицами, любимых и любящих, твоих родных. Но все они одинаковы. Они все хотят тебя для чего-то, разница в том... как далеко они готовы зайти, чтобы получить то, чего хотят.

Похоже, Гадюки пойдут до конца.

И все это из-за моего дерьмового отца. Разве мало того, что он разрушил мое детство? Что я каждый день своей жизни расплачиваюсь за его ошибки? Нет, теперь и мое будущее

отнято.

Жалея себя, я закрываю глаза и пытаюсь успокоить ноющую головную боль. Я боец, выжившая, так было и так будет всегда. Я могу пройти через это, я переживала куда худшее и раньше. Если я заперта в пентхаусе, это еще не значит, что я не заперта...

Дверь с грохотом распаивается, и я просыпаюсь. Уже поздно, очень поздно, и темно. Мой желудок болит от того, что я не ела почти двое суток, если не считать тех оставшихся кусочков хлеба, которые я нашла.

Уже поздно.

Это означает только одно.

Я прикрываю рот, стараясь замедлить дыхание, чтобы он не услышал. Мое сердце колотится так громко, что мне хочется плакать. Я слышу его шаркающие шаги, когда он, спотыкаясь, поднимается по лестнице. Пожалуйста, пожалуйста, пусть он забудет, что я здесь.

Пусть эта ночь будет той ночью, когда он просто пройдет мимо.

Но нет. Он останавливается у моей двери. Я наблюдаю со своей кровати, как его тень загоразивает свет, льющийся из-под двери снизу, прежде чем его громадная ладонь поворачивает ручку и распаивает ее. Он стоит там с минуту, вглядываясь в меня. Его силуэт — это все, что я вижу, поэтому я не вижу его лица или выражения. Я знаю, что моя мама потеряла сознание, она сделала себе укол перед тем, как я легла спать, так что ее не будет до утра. Здесь только я и он. И он это знает.

Отсюда я чувствую запах виски в его дыхании, вижу, как гнев вибрирует в его теле. Всегда одно и то же. Он напивается, теряет деньги, вымещает злость на мне. Это порочный круг. Каждую ночь я ожидаю, что все будет по-другому, и каждую ночь повторяется одно и то же.

Если у вас никогда не было родителей, которые бы подвели вас, причинили вам боль и разбили ваше сердце, то вы не знаете, каково это. Они должны защищать вас, любить, но мои родители — причина, по которой я испытываю страх. С юных лет я поняла, что именно они причиняют мне боль, и никто другой. Им все равно, буду я жить или умру, я для них просто объект.

Дать волю чувствам, принять как должное.

Когда я смотрю, как другие дети в школе говорят о своих родителях, я злюсь, так же как и мой отец. Я ненавижу их за это, за то, что они счастливы. За то, что они наслаждались жизнью. Родители любят их, дорожат ими, осыпают подарками и дарят им счастье. Почему мне этого не дано?

Но даже если бы мои отец и мать попытались это сделать, я бы вздрогнула, ожидая удара, который последует сразу после этого. Потому что правда в том, что я знаю, что кроется в сердце всех людей, в самом их естестве... все, о чем они заботятся, — это они сами. Что-то может принести им, что-то сделать для них, и когда придет время, они всегда будут выбирать сами.

Некоторые люди рождаются с яростью, с потребностью причинять боль.

Некоторые рождаются жадными, склонными к зависимости личностями. Другие хорошо это скрывают, но, в конце концов, мы все одинаковы. Мы все истекаем кровью одного цвета, и все мы просто ищем что-то, что заставит стереть то, кем мы являемся по сути, чтобы мы чувствовали себя хорошими людьми.

Я не обманываю его, он знает, что я не сплю, поэтому я сажусь и смотрю ему в лицо. Я

отказываюсь плакать, отказываюсь умолять. Уже нет. Однажды я так и сделала и подумала, что он действительно сможет остановиться. Теперь я знаю лучше. Он не остановится, пока однажды не убьет меня, но до тех пор я просто выживаю изо дня в день с этой правдой, нависшей надо мной словно Дамоклов меч.

— Вставай, — бормочет он. Я поджимаю губы, но делаю то, что мне говорят, зная, что так все закончится быстрее.

Но каждый раз, когда это происходит, что-то растет внутри меня, этот гнев трансформируется, пока мне не приходится прикусить язык, чтобы не ударить в ответ, не наброситься. Я отказываюсь быть похожей на него.

Он спотыкается на моем пути, ругаясь, когда чуть не падает:

— Я сегодня проиграл две тысячи, знаешь, по чьей вине? — кричит он.

Я должна ничего не говорить, просто кивнуть и принять удар, как хорошая девочка.

Но, может быть, я плохая девочка, может быть, я такая же испорченная, как и он.

— Думаю, моей, — протягиваю я.

Глупо, очень глупо.

Для пьяного человека удар приходит уж слишком быстро, он большой, и это проявляется в силе его кулаков. Он врзается мне в живот, я сгибаюсь, пока изо всех сил пытаюсь дышать. Мой желудок болит даже больше, чем от ощущения голода.

Он хватает меня за волосы, заставляя меня вскрикнуть, когда дергает мою голову. Его кривые зубы сверкают в темноте, лицо расплывается от застилающих мои глаза слез. Он рычит на меня, его несвежее дыхание доносится до моего лица и заставляет меня задыхаться:

— Твоя, ты, гребаная маленькая засранка.

Я так стараюсь не блевать — в прошлый раз он сломал мне руку, — что не замечаю, как это происходит. Он швыряет меня в стену, и моя голова ударяется о нее с тошнотворным стуком. Мое тело обмякло, когда я скользнула вниз, боль пронзила мой череп, пока я не перестала ничего видеть.

Я ничего не слышу.

Потом все погружается во тьму.

Задыхаясь, я резко выпрямляюсь. Пот покрывает все мое тело, когда меня захлестывает волна адреналина. Я поднимаю руку и прижимаю ее к затылку, где все еще остается вмятина от той ночи. Черт, вот почему я пью перед сном, чтобы отогнать кошмары.

Выдохнув, я моргаю затуманенными глазами, чтобы прогнать сон, зная, что не засну в ближайшее время. Не с моими воспоминаниями, такими темными сегодня. Вместо этого я смотрю на город, он все еще яркий. Весь свет освещал его углы и улицы, даже в темноте. Словно маяк.

Еще одна ложь.

И тут из-за моей спины раздается тихий, мрачный голос, от которого меня охватывает страх.

Я в комнате не одна.

— Не спится, Птичка? Интересно, что же тебе пригрезилось?..

ДИЗЕЛЬ

Ей снится дурной сон. Конечности Рокси дрожат, как будто она пытается убежать от кого-то. Всхлипы слетают с ее губ, из-за чего в моем мозгу происходит что-то странное. Как только я собираюсь дотянуться до нее, она резко отстраняется, тяжело дыша. Резко сев, она кладет руку на свое бешено колотящееся сердце, оно бьется так громко, что я слышу его стук.

Интересно, будет ли оно стучать сильнее, если она узнает, что я за ее спиной? Протянув руку, я нежно провожу ладонью по ее волосам, так нежно, что она этого не чувствует. Такое маленькое, маленькое существо, но в нем таится такая боль... такой гнев.

— Не спится, Птичка? Интересно, что же тебе пригрезилось?.. — бормочу я у нее за спиной.

Она резко поворачивает голову, зрачки темных глаз Роксаны расширяются, когда она видит, что я расположился прямо за ее спиной. Я вижу панику в ее взгляде, когда она оглядывается в поисках оружия. Смеясь, я прыгаю на нее. Она испускает крик, который проносится по моему телу, а мой член уже затвердел, когда я прижимаю ее руки над собой, прижимаюсь к ней нижней частью своего тела, чтобы удержать ее на месте, позволяя ей почувствовать, насколько я тверд.

Остальные думали, что, заперев ее от меня, она будет в безопасности. Как глупо. Эта маленькая птичка будет той еще озорницей, я могу сказать. И теперь она наша. Я могу делать с ней все, что захочу.

Она бьется подо мной, не замирая, как большинство, когда сталкивается со мной. Она борется, брыкается и пинается. Все, что она делает, заставляет мой и без того твердый член дергаться в джинсах, когда я представляю, как она делает это, пока я трахаю ее. Бьюсь об заклад, она трахается так же, как дерется — жестко, быстро и дико.

Она может и не пережить этого, но я возьму ее.

Тем не менее, ее энтузиазм иссякает, и она останавливается, щурится, а взгляд горит от гнева и ненависти, когда она задыхается. Ее грудь вздымается, прижимаясь ко мне. Я наклоняюсь, а она отворачивается от меня, когда я провожу языком по ее щеке:

— Тебе нравится боль?

Образ ее, прикованной цепью в моем логове, заставляет меня качаться на ней, проводя пальцами по ее окровавленной, избитой коже. Мой нож оставляет яркие розовые отметины на ее теле, словно прикосновение любовника. Будет ли она тогда так же дрожать? Драться?

Кричать? Мне не терпится это узнать. Интересно, будет ли она умолять...

— Пошел. Ты, — рычит она.

— Не-а, Птичка, но я тебя трахну, — хихикаю я ей в щеку. Она замирает подо мной, становясь твердой, как камень, и я поднимаю голову. — Но не сегодня. Когда я трахну тебя, я хочу использовать все свои игрушки. Я хочу пометить эту красивую кожу в дюйме от твоей жизни. — Я провожу рукой по ее татуировкам: — Когда ты их била, ты кончала от боли? Или же ты плакала и страдала от боли?

Она резко поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, но я вижу проблеск правды в ее глазах, прежде чем она успевает это скрыть. Ах, моя маленькая птичка боится того, как сильно ей нравилась боль. И я подумал, что сломать ее, убить — это будет весело. Но это? Ломать эти барьеры, пока она не кончит, пока я буду мучить ее? Это будет еще слаще.

Я собираюсь сжечь все, что дорого этой маленькой птичке, и превратить ее в свою собственную маленькую игрушку.

— Ты пахнешь дымом и бензином, — бормочет она, а потом моргает, как будто не собиралась этого говорить, она прикусывает губу, заставляя меня смотреть на припухлость ее губ. На вкус она похожа на слезы, которые проливали во сне?

— Смотри сюда, придурок, — рявкает она, заставляя меня ухмыльнуться. Эта девушка и вправду любит играть с огнем.

Черт, у меня даже матерые мужики обыскались под действием одного моего взгляда. И все же она здесь, смотрит на меня сверху вниз, даже когда я прижимаю ее к полу. Держу пари, что она будет бороться так же сильно, как если бы смерть гналась за ней по пятам...

Я поднимаю глаза, но они останавливаются на запятнанном, окровавленном белом куске ткани, обвязанном вокруг одной из ее рук. Ну-ну, ну-ну, не поранилась ли ты, хорошенькая птичка? Схватив эту руку, я швыряю ее на пол рядом с ней, заставляя ее задыхаться, когда она снова начинает бороться.

Отодрав окровавленную ткань, я большим пальцем касаюсь края пореза, заставляя ее вскрикнуть, прежде чем она прикусывает нижнюю губу, инстинкт, выработанный за много лет, что она скрывала боль. Но я ее знаю. Глядя на нее, я прижимаю большой палец прямо к центру пореза, проверяя его.

На ее губе появляется кровь, она так сильно кусает ее, ее глаза расширяются от страха и желания, которое она пытается скрыть. Ее грудь вздымается, соски бьются о рубашку, надетую на ней. О, моя маленькая птичка любит, когда ей делают больно...

— Маленькая Птичка, грязная Маленькая Птичка, посмотри, как сладко ты истекаешь кровью, — бормочу я, наклоняясь и слизывая кровь с ее губы, прежде чем впитаться в нее зубами, пока с силой ударяю большим пальцем по ее порезу. Она кричит, покачиваясь подо мной. Я глотаю звук ее боли и страха, наслаждаясь ими.

Я слышу, как открывается дверь, но она этого не слышит. Подняв голову, я встречаюсь взглядом с Гарреттом. Он превратно истолковывает наше с ней положение и вздыхает:

— Оставь ее в покое, Ди.

— Но с ней так весело играть, — надуваю губы я, погружая большой палец глубже, заставляя ее хныкать от боли. Этот звук заставляет мой член снова дернуться, когда я буквально вжимаюсь в нее.

— Ди, — предупреждает Гарретт, скрещивая руки на груди и одаривая меня своим самым лучшим выражением не-беси-меня. — Иди, поищи кого-нибудь другого для своих игрищ, я слышал, что Райдер как раз встречается с новыми охранниками...

Я обдумываю, какие у меня имеются варианты. Пугать новых охранников или играть с грязной маленькой птичкой? Вздохнув, я снова смотрю на нее:

— Извини, Милая Птичка, до следующего раза.

Поцеловав ее в нос, я вскакиваю на ноги и иду к Гарретту, который наблюдает за мной с обеспокоенным выражением лица.

— Это не станет проблемой, не так ли? — спрашивает он, и я качаю головой.

— Нет, я же ее не убивал, не так ли? — смеюсь и хлопаю его по плечу, но он даже не шевелится, большой ублюдок.

Вздохнув, он убирает волосы с лица:

— Иди, я все тут приберу.

Насвистывая, я ухожу, слыша, как он входит в комнату:

— Ты в порядке?

— Да пошел ты! — кричит она, заставляя меня засмеяться. О да, моя Маленькая грязная Птичка снова будет играть со мной. Не могу уже дождаться этого. А до тех пор мне придется довольствоваться другими.

РОКСИ

Здоровяк по имени Гарретт входит в комнату, но, кажется, не хочет подходить ко мне.

— Ты в порядке?

— Пошел ты, — кричу я, садясь и зажимая здоровой рукой место пореза, чтобы остановить кровотечение. Это не самое худшее, что у меня было, но, черт возьми, это больно... да, больно. Я скрещиваю ноги, чтобы не думать о том другом... таком чертовски сбивающем с толку.

Опустив глаза на руки, чтобы избежать его слишком пристального, всевидящего взгляда, я тычу пальцем в порез. Сумасшедший ублюдок снова вскрыл порез. Рана не слишком глубокая, швы не нужны... я научилась понимать, что нужно, а что нет, после того как привыкла ежедневно травмироваться. Этот заживет, вероятно, оставив еще один шрам, который станет неприятным дополнением к уже имеющейся внушительной коллекции.

Я вздрагиваю, когда поднимаю глаза и понимаю, что здоровяк сидит на корточках передо мной, его темный взгляд прикован ко мне, черные волосы падают на лоб странным милым образом, когда он тянется к моей руке.

— Можно? — бормочет он, но я прижимаю ее к груди, и он вздыхает. — Я не причиню тебе вреда. Я привык иметь дело с порезами, синяками и переломами.

— Держу пари, что так и есть, — огрызаюсь я, и его бровь взлетает вверх.

— Не в этом смысле, хотя тебе действительно следует держаться подальше от Ди. А он не такой... как мы. Он причинит тебе боль ради забавы, — мягко предупреждает Гарретт, сжимая татуированные костяшки пальцев. Он такой большой, что его руки, должно быть, больше моей головы. Он мог бы переломить меня пополам и так легко причинить боль. И все же он не сделал этого... Почему?

— О, избегать его? Мне это, блядь, и в голову не приходило, и как бы ты хотел, чтобы я избегала его, когда я нахожусь в запертой комнате, а этот сумасшедший ублюдок врывается и пялится на меня, пока я сплю? — фыркаю я.

Губы здоровяка дергаются, и он снова кивает на мою рану.

— Позволь мне хотя бы промыть ее и забинтовать. Как твоя губа? — спрашивает он, поднимая большой палец и тыча в мою саднящую губу. Я замираю, когда он проводит по ней большим пальцем, взгляд его глаз при этом сконцентрирован до предела. Холодный. Как будто на него это не действует, как будто его прикосновения не вытворяют со мной нечто

странное.

Не делают с моими чувствами того, чего я, по идее, и чувствовать-то не должна, ведь я пленница.

Он кивает:

— Она не слишком сильно пострадала, заживет. — Гарретт отпускает мои губы и нежно берет мою руку, поворачивая ее, чтобы рассмотреть порез, прежде чем встать так быстро, что я отпрянула... привычка, привычка, которую я думала, что переборола. Он это видит, конечно, но никак не комментирует. — Позволь мне принести аптечку.

Он на мгновение выходит из комнаты, и я вскакиваю на ноги, чтобы побежать за ним и убежать, но здоровяк закрывает дверь и запирает ее. Ублюдок. Меряя шагами комнату, рыча и ругаясь себе под нос, я жду его возвращения. Мне этот здоровяк не по силам. Я хороша, но не настолько. Кроме того, я видела его покрытые шрамами костяшки пальцев и кривой нос, который ломали множество раз, что указывает на очевидную для меня вещь — он боец. По тому, как плавно он двигается для такого крупного парня, я бы предположила, что он боксер.

Дверь открывается, и он возвращается с аптечкой, жестом приглашая меня сесть на кровать, и я сажусь, надеясь, что если буду хорошо себя вести, то смогу усыпить их ложное чувство безопасности. Он опускается на колени и обрабатывает порез, полностью игнорируя меня.

— А что будет с моим баром? — требую я ответа. Я люблю это место. Это мой дом, единственное место, которому я когда-либо принадлежала, и я работала изо всех сил, чтобы он оставался на плаву.

— Мы заперли его, он пока останется закрытым, — предлагает он, не обращая внимания на мои вопросы или гнев, когда он обхватывает мою руку и встает. — Тебе надо немного поспать.

Он поворачивается и собирается уходить, поэтому я прыгаю прямо перед ним.

— Почему? Зачем вы это делаете? — прошептала я, и слезы наконец наполнили мои глаза. — Я человек, человек! Не вещь, пожалуйста, просто отпустите меня.

Он вздыхает, потирая лицо:

— Нет. Поспи немного.

Затем здоровяк уходит, щелчок двери сигнализирует о том, что она снова заперта. Я вытираю слезы, злясь на себя за то, что позволила ему увидеть эту слабость. Внезапно все вокруг обрушивается на меня. Я принадлежу им, они никогда меня не отпустят.

Я знаю это, я чувствую. Я слишком много знаю, слишком много видела... Теперь это моя жизнь. Вопрос в том, как долго я проживу? Между сумасшедшим и подлым ублюдком... Держу пари, недолго.

Мой отец вынес мне смертный приговор от рук этих Гадюк, и держу пари, что ему ровным счетом наплевать. Всю мою жизнь он вымещал это на мне. Я всегда думала, что он убьет меня. Оказывается, я была права, но все не совсем так, как я предполагала.

На самом деле я не сплю. Я лежу на полу и смотрю, как с восходом солнца город оживает. Все это время я обдумывала план. Я отказываюсь лежать здесь и позволять этим ублюдкам делать со мной все, что они хотят, и, возможно, позволить им убить меня.

У меня есть своя жизнь.

Они выбрали не ту гребаную девчонку. Я сражаюсь гораздо дольше, чем просто плыву

по течению. Они хотят легкую добычу? Тогда им чертовски не повезло, потому что я заставлю их пожалеть о том дне, когда они забрали меня. Мне нужно завоевать их доверие, заставить их думать, что они ломают мой дух. Тогда я сбегу.

Если они попытаются убить меня, я убью их. Вот так просто.

Это уже не обычный день, это мир, где человек человеку волк... или, точнее, это мир Гадюк. И прямо сейчас я их добыча....

Это должно ужаснуть меня, что я даже подумываю о том, чтобы убить их, но я видела дерьмовые вещи, о которых большинство людей никогда не смогут даже помыслить, и, если мне придется убить четырех коррумпированных мафиозных придурков, чтобы получить свою свободу, я это сделаю.

Я никогда не перестану бороться с ними.

Я снова обрету свободу, и тогда мой отец заплатит за это.

Чувствуя себя спокойнее теперь, когда у меня был план, я поднимаюсь на ноги, когда слышу звук приближающихся к моей двери шагов. Кензо открывает дверь и заглядывает внутрь, улыбаясь мне. Он всегда так делает, но это не может скрыть расчет в его глазах или то, как он наблюдает за мной и за всеми. Жду, наблюдаю.

Сегодня, когда он входит в комнату, его волосы выбриты по бокам и зачесаны назад. На нем белая рубашка с двумя расстегнутыми пуговицами, открывающими точеную грудь и несколько волосков на груди. Рубашка заправлена в черные брюки, а туфли начищены до зеркального блеска.

Он так сложен, так совершенен и все в нем кричит о деньгах и власти. Это сквозит во всем. Он привык быть в центре внимания, самым могущественным человеком в комнате. Чего они не понимают? Когда вы достигнете дна, у вас есть только один путь, и это путь вверх.

Они забрали все, включая меня.

Мне больше нечего терять.

У них есть все.

— Ты, должно быть, проголодалась. Пойдем, мы завтракаем и подумали, что ты захочешь присоединиться к нам, — предлагает он, засунув руки в карманы и стараясь казаться дружелюбным. Это может подействовать на других, но не на меня. Я вижу чудовище, скрывающееся за этой маской дружелюбия.

— Меня посадят на цепь, как собаку? — рычу я, а он ухмыляется.

— А ты хочешь ей быть? Это можно устроить, я уверен, — самодовольно парирует он, а я шурюсь. — Пойдем, поешь.

— А если я скажу «нет»?

Он перестает ухмыляться, выражение его лица становится холодным.

— Теперь тебе бы стоило усвоить, что здесь у тебя нет никакой власти, дорогуша. Это облегчит тебе задачу. Если бы я хотел, чтобы тебя посадили на цепь, как собаку, то ты бы уже сидела на цепи. Я веду себя с тобой прилично, так что не бросай мне это в лицо, иначе в будущем мы можем быть не такими вежливыми с тобой.

Затем он снова ухмыляется.

— Идем, — он кивает и выходит из комнаты.

Мгновение я борюсь с собой, прежде чем последовать за ним. Он ждет снаружи, не давая мне времени сбежать. Словно слыша мои мысли, он хихикает, его рука скользит к основанию моего позвоночника, согревая кожу там. Он наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Ди ищет предлог, чтобы поколотить тебя. Не искушай его, заставляя преследовать тебя, потому что, когда он тебя поймает... что ж, ты, наверное, пожалеешь, что он не такой милый, как мы.

— Ты всегда угрожаешь людям смертью и пытками за завтраком? — рывкаю я, отстраняясь от его руки.

Он смеется у меня за спиной.

— Конечно, утро не было бы добрым без хотя бы одной смертельной угрозы или драки.

Я топаю по коридору, делая мысленные зарубки на расположение других дверей. Полоска дверей резко обрывается, открываясь в остальную часть квартиры, и я останавливаюсь, вытаращив глаза.

— Вы все сумасшедшие, — рассеянно бормочу я.

Он прижимается к моей спине, исходящий от него жар и твердое тело заставляют меня замереть. Я чувствую его губы у своего уха, дыхание на моих волосах.

— Ты даже не представляешь насколько.

Я не обращаю на него внимания, слишком занятая созерцанием окружающего меня великолепия. Если я думала, что спальня выглядит как с картинки в демонстрационном зале, я понятия не имела... черт, я даже не представляла, что места могут выглядеть так.

Справа — окна от пола до потолка, занимающие два этажа, и двери, ведущие на что-то похожее на террасу с бассейном и баром. Слева — входная дверь со считывающим устройством рядом, а за ней — подвесная стеклянная лестница, ведущая на другой уровень.

Войдя в комнату, я оглядываюсь по сторонам. Все здесь выполнено в золотых, белых и черных тонах. Мраморный пол с черными вставками скрипит под ногами, ведя в гостиную. В пол утоплен огромный диван, и когда я говорю «огромный», я имею в виду достаточно большой, чтобы вместить целую команду игроков в регби. Он стоит в четко очерченном квадрате и на вид из настоящей кожи, и, черт побери, перед ним расположен источник открытого огня. Рядом со мной телевизор, который занимает всю стену. Перед диваном — стеклянный стол, занимающий всю стену, с цветами и украшениями поперек него, и рояль.

Рядом — кухня открытой планировки с островом из белого и серого мрамора и черными барными табуретами на золотых ножках. Кухня больше, чем вся моя квартира, оборудована всеми необходимыми приспособлениями и технологичными штуковинами, какие только можно себе представить. Большие подвесные люстры свисают с потолка, а холодильник и духовка — блестящие, черного цвета. Золотые цветы прекрасно расположились в вазе. Райдер кружится тут же вокруг стола.

— Открой ящик, — приказывает он, и ящик открывается, позволяя ему бросить что-то внутрь.

Конечно, у них здесь чертов «умный дом».

С потолка свисают хрустальные люстры, белые стены украшены произведениями искусства. Все так чисто, безупречно и идеально... и кричит о деньгах. Каждый позолоченный край, каждая ваза и деталь должны были произвести впечатление.

Черт, у них даже есть ступеньки в то, что выглядит как пруд в углу. Как живет другая половина. Я качаю головой, когда Кензо толкает меня вперед, и спотыкаюсь, прежде чем резко повернуть голову, чтобы посмотреть на него. Он ухмыляется, сверкая ровными белыми зубами.

— Засранец, — ухмыляюсь я и оборачиваюсь, чтобы увидеть, что все они смотрят на меня.

Я и так не в своей тарелке, что чувствую себя крошечной и ничтожной. Моя одежда дешевая, но черт с ней. Они украли меня, они знали, кто я. Я откидываю голову назад и бросаю на них надменный взгляд, когда подхожу к столу, где Гарретт держит кружку с чем-то, что пахнет кофе. Дизель тоже там, его обутые в сапоги ноги упираются в стеклянный стол, когда он щелкает зажигалкой в руке.

Райдер оборачивается, ставит блюдо на стол, садится на стул и аккуратно кладет салфетку на колени. Сегодня он в другом костюме — сером, в тонкую полоску, с гребаным жилетом, материал туго обтягивает его впечатляющие бедра, когда он откидывается назад, потягивая напиток из чертовой чайной чашки.

В его руках она смотрится крошечной, но при этом очень подходит ему. Его глаза следят за мной, анализируя каждое мое движение, пока я неловко стою, прежде чем решаю выбрать стул и плюхнуться на него, забыв о правилах приличия. Водрузив свои босые ноги на стол, я скрещиваю руки на груди и, прищурившись, смотрю на него.

— Я хочу вернуть свои ботинки.

Эти ботинки обошлись мне в небольшое состояние и являются одной из немногих вещей, на которые я когда-либо тратилась и которые покупала для себя.

Он отпивает из чашки и ставит ее на блюде на столе. Это странно завораживает и возбуждает, когда мужчина обхватывает губами такую изящную чашку. Не то чтобы я когда-нибудь собиралась говорить об этом этому придурку.

Дизель наклоняется вперед, его темные глаза прикованы ко мне, когда он заправляет свои длинные светлые волосы за уши. Как обычно, Гарретт игнорирует меня.

Дизель — чертов бешеный пес, Райдер — высокомерная задница, а Кензо — очаровательный психопат... Я не могу понять Гарретта. Он, кажется, хочет полностью игнорировать тот факт, что я здесь. Он даже не смотрит на меня. Кензо садится рядом со мной и берет две кружки.

— Кофе?

— Черный, — отвечаю я, и он наливает мне. Я обхватываю кружку руками, морщась от боли, которую доставляет рана.

Райдер, конечно, замечает это. Не думаю, что существует что-то, чего этот человек не замечает. У него глаза как у ястреба.

— Так тебе и надо, раз ты ведешь себя как ребенок и разрушаешь свою комнату.

Он только что сделал мне выговор... словно я чертов ребенок? Мне хочется выплеснуть кофе ему в лицо, и он прищуривает свои холодные глаза, словно читает мои мысли.

— Не испытывай меня. Из-за твоей вспышки гнева сегодня ко мне придут люди, чтобы привести комнату в порядок. Тебя нельзя оставлять одну, поэтому ты останешься с Кензо.

— Тюремным надсмотрщиком? — я горько усмехаюсь, потягивая кофе, который, к моему раздражению, чертовски хорош.

— Для твоей защиты, и да, чтобы ты не навредила себе или не попыталась сбежать, — сухо отвечает Райдер, беря столовые приборы и начиная нарезать еду. — Ешь, ты, должно быть, проголодалась. — Затем он игнорирует меня, как будто я всего лишь досадная помеха. Если это правда, то почему он схватил меня? Это потому, что это был бизнес, чтобы покрыть долг? Предупреждение другим? Я не знаю, и, честно говоря, мне все равно.

Кензо кладет мне на тарелку еду — полноценный английский завтрак, но я чувствую себя слишком паршиво, чтобы есть. Неужели они думают, что шикарная квартира и хорошая еда заставят меня прекратить попытки сбежать? Неужели они действительно ждут, что я

приму это?

Да, я могу утверждать, что именно это они и делают. Они привыкли, что им повинуются, что люди делают то, что им говорят.

— Твоя рука все еще кровоточит, милая птичка? — спрашивает Дизель, подпирая подбородок рукой и наблюдая за мной. От меня не ускользает, что Кензо сидит между ним и мной.

Они сделали это нарочно, но зачем? Почему их волнует, что Дизель сделает со мной? В конце концов, они сказали, что я принадлежу им и они могут делать со мной все, что им заблагорассудится. Игнорируя его, я поворачиваюсь к Райдеру, зная, что у него есть ответы.

— Мой бар... — начинаю я.

Он поднимает на меня взгляд своих холодных глаз, замораживая меня на месте. Большинство людей наблюдают за вами, но они не уделяют вам всего своего внимания. Только не Райдер, он пригвождает вас на месте анализируя все; пока я не убеждаюсь, что он знает, что капля пота стекает по моей спине, а мои руки слегка дрожат от страха, несмотря на мою браваду. Он все это замечает, наблюдает за мной, использует против меня. Это человек, который любит тотальный контроль.

— Ну и что с ним? — он бросает вызов, его голос ровный и не выходящий за грани приличия. В этом человеке нет ничего грубого, все так прекрасно, но под всем этим... все еще скрывается гадюка. Смертоносная, меткая змея.

— Что с ним будет? — интересуюсь я.

— Скорее всего, продадим или уничтожим, — бесстрастно отвечает он. Сжав пальцы поврежденной ладони, я сдерживаюсь, чтобы не броситься на него и не попытаться задушить ублюдка. Это мой бар.

Мой.

Боже, если бы Рич мог видеть это сейчас — именно эта мысль останавливает меня. Я обещала присматривать за этим местом, поддерживать его в рабочем состоянии. Я должна, даже если это убьет меня.

— Пожалуйста, пожалуйста, не нужно, — я стискиваю зубы от этих слов, единственный намек на слабость, который я позволяю.

Он откидывается назад, уголки его губ чуть приподнимаются.

— Хорошо, пока мы не решим, что с ним делать, я позволю твоим... партнерам вести дела.

Я фыркаю, когда он употребляет слово «партнеры». Он имеет в виду Кука и Трэвиса.

— Они в курсе, что со мной случилось?

Он приподнимает бровь.

— Нет, они думают, что у тебя возникли семейные проблемы и тебе пришлось уехать.

Я смеюсь, откровенно смеюсь, а он смотрит на меня.

— Что смешного?

Я чувствую, как остальные переглядываются между нами, все разом прекращают есть. О, Райдер не любит, когда чего-то не знает, когда над ним подшучивают.

— У меня нет семьи, они это знают, — фыркаю неодобрительно.

— У тебя есть отец, — смущенно отвечает он.

— Я отреклась от него много лет назад, — пожимаю плечами. — Это всем известно.

Он кивает, вытирая рот салфеткой, прежде чем аккуратно сложить ее и положить на стол.

— Я видел, что ты ушла из-под его опеки в семнадцать.

Тогда я поднимаю голову, гадая, как.

— Как...

Он улыбается и делает это так холодно и зло, что я даже вздрагиваю. Твою же мать.

— У нас свои пути, дорогуша. Я мог бы при желании узнать что угодно о ком угодно. Дай мне минутку, и я узнаю основные факты. Через час я узнаю все о твоей жизни... — он наклоняется ближе, его мятное дыхание обдаёт меня, от него пахнет мятой с нотками древесного запаха. — Дай мне день, и я уничтожу тебя, использовав против тебя все то, что знаю о тебе.

Наклонив голову, я смотрю ему прямо в глаза, отказываясь отступить.

— Ладно, ты знаешь обо мне все дерьмовые подробности, а кто не знает? Это не значит, что ты меня знаешь.

— Нет? — возражает он, выгибая бровь и откидываясь назад. В его глазах появляется удивление от моего отказа уступить, испугаться или поджать хвост, и я могу себе представить, что такое с ним впервые.

— Тогда позволь мне просветить тебя. С тех пор как тебе исполнилось три года, на твоём теле нет ни одной не сломанной косточки. Все из-за твоего папаши пьяницы, наверное. Твоя мать была наркоманкой и покончила с собой, когда тебе было четырнадцать. Ты ходишь как человек, который может постоять за себя, ты умеешь драться. Скорее всего, брала какие-то уроки самообороны. У тебя есть пушка, что только наглядно подтверждает, что у тебя есть некоторые... сомнительные друзья. Ты не боишься работать в баре для байкеров, что говорит о том, что ты также храбра, как и глупа. У тебя нет парня, вероятно, из-за твоих вопиющих проблем с папашей — на самом деле, кажется, что у тебя просто секундные любовники. Никто даже не знает твоего полного имени, просто так тебе нравится больше — изображать из себя главную. Ну, так что, мне продолжать?

— Все верно, кроме одного, — рычу я, вставая. — Моя мать не убивала себя. Мой отец сделал это, когда воткнул иглу ей в вену и нажал на шприц.

Я отворачиваюсь, и Дизель преграждает мне путь.

— Куда собралась, Птичка?

— Я не позволял тебе уходить, — огрызается Райдер за моей спиной. — Сядь.

Стиснув зубы, я делаю глубокий вдох, сжимаю руки в кулаки, разворачиваюсь и сажусь. Он кивает и продолжает есть, не обращая на меня внимания.

— Сегодня я буду на совещаниях до обеда. Сегодня вечером я жду вас всех здесь. Завтра нас с Гарреттом не будет почти весь день, — сообщает он.

— Куда ты собрался, брат? — спрашивает Кензо, поглощая пищу.

— У нас есть кое-какие дела на севере, разногласия по оплате, — Райдер закатывает глаза. — Уладим все быстрехонько. А пока я хочу, чтобы ты прижал уши к земле, Кензо. Держите глаза открытыми на случай возмездия от Триады. Они так просто не сдадутся.

Я сижу, впитывая все это, отмечая как можно больше о них. Они свободно говорят о делах передо мной. Почему?

Потому что они думают, что я никому не скажу.

Это рождает во мне вспышку страха, которая сгорает в накатившей волне гнева. Они планируют уничтожить меня, как будто я ничто, просто еще одна деловая сделка для них. Меня это бесит, к черту страх. Я зла, я в ярости.

Эти ублюдки должны заплатить. Остаток завтрака я провожу в молчаливом

раздражении, отказываясь есть. Я заставлю их заплатить.

РАЙДЕР

Я краем глаза наблюдаю за Рокси или Роксаной, как написано в ее свидетельстве о рождении. Не то чтобы она пользовалась этим именем. За ночь я многое узнал о нашей новой гостье.

Похоже, я был прав, ее отец издевался над ней. Что-то, что она похоронила глубоко внутри себя, когда рассказывала нам о своей матери минутой назад. Я знал, что он ублюдок, но не знал насколько. Удивительно, что она вообще сейчас жива, записи скорой заставили мою кровь буквально закипеть от гнева. Даже в детстве она страдала. Все это казалось очень знакомым и слишком близким мне, когда я читал о сломанных костях и внутренних повреждениях. Но ни один человек не попытался остановить его и не позаботился о том, чтобы вмешаться.

Еще один ребенок потерялся в системе.

Забытый, нелюбимый, оставленный в темноте страдать в одиночестве.

И все же она здесь, сражается даже сейчас. Я ожидаю, что она будет изящной и испуганной, как многие выжившие. Я ожидаю, что она вздрогнет и увянет, но, если уж на то пошло, она, похоже, использовала эту ситуацию, чтобы ополчиться против всего мира. Ее шрамы покрывают ее тело, только подчеркнутые татуировками, способ привлечь к ней внимание. Ее история написана на ее коже.

Я читал, что судья распорядился об освобождении ее из-под опеки отца, но я все еще не докопался до того, куда она направилась после этого. Чтобы уничтожить кого-то полностью, нужно знать о нем все, а я пока не знаю, хотя она явно думает, что я в курсе. Это заставляет ее нервничать, гадать. Именно так, как мне нравится.

Ее кулаки сжаты на столе, губы плотно сжаты, глаза сверкают гневом. Она сидит, выпрямившись на стуле, не притрагиваясь к еде на своей тарелке, хотя я слышу, как урчит ее желудок. Держу пари, Рокси привыкла голодать. Кензо жует еду рядом с ней, привычка, которую он никогда не нарушал. Та, которая укоренилась в нем от того, что он не знал, когда сможет поесть в следующий раз.

На какое-то мгновение мне больно видеть это, но я отбрасываю эти воспоминания прочь, запечатывая их за стеной льда, пока пью свой чай. Я наблюдаю за Роксаной, мои глаза оценивающе блуждают по ней. Даже за всем этим макияжем и гневом она прекрасна. На самом деле это только подчеркивает ее красоту. Цвет ее волос — оттенок льда... цвет

моей души. Ее глаза с темными кругами притягивают взгляд, а губы пухлые и красные, даже без помады и их сексуальная припухлость.

Она и вправду великолепна, естественная красота, которую легко разглядеть. Я встречался с моделями, принцессами и некоторыми из самых красивых женщин в мире, но Роксана? Она прекраснее их всех. Она обладает неподдельной красотой и грацией, к которым все они стремятся. У нее аппетитные изгибы, а не увеличенные хирургическим путем формы, как у многих. Скрестив ноги, я поправляю свой стояк, стараясь не обращать на него внимания. Я никогда не буду действовать по велению своего члена.

Она может быть красивой, и ее борьба, ее готовность не отступить сильно возбуждает, но она слишком дикая. Слишком непредсказуема, чтобы спать с ней. Мне нравятся мои покорные женщины, я люблю, когда они приходят и уходят, когда я приказываю. Никогда не смешиваю свою жизнь и секс, просто первобытное желание, пар, который мне нужно спустить.

Роксана не была бы такой, она бы боролась со мной всю дорогу. Она была бы забываемой. У меня нет времени на то, чтобы отвлекаться, а она — огромное отвлечение. У меня есть город, которым нужно управлять, и братья, которых нужно защищать, и я не позволю женщине снова уничтожить нас.

Даже в такой красивой, трагической упаковке, как Роксана.

Она ловит мой взгляд и прищуривается, не боясь меня, хотя я держу ее жизнь в своих руках. Это почти заставляет меня улыбнуться... почти.

Я понимаю, почему Дизель так очарован ею и почему Кензо хочет ее. Мой телефон вибрирует, отвлекая меня от моих мыслей, и я проверяю его, чтобы увидеть, что это мой будильник. Я уже почти опаздываю.

Неслыханно.

Встав, я смотрю на остальных, которые кивают, зная, что делать.

— Пойдем.

Затем я смотрю на нее.

— Веди себя прилично, — приказываю я и вижу, как в ее глазах снова вспыхивает гнев, та же потребность перечить мне. Ее, конечно, веселит мое раздражение.

Я отворачиваюсь, оставляя Роксану с Кензо. У меня есть империя, которой нужно управлять, и пришло время напомнить нескольким неуправляемым бизнесменам, которые думают, что могут игнорировать сей факт. Пригладив волосы, я поправляю костюм и выхожу из квартиры, братья следуют за мной по пятам.

Роксана — не более чем помеха, от которой я скоро избавлюсь.

Честно говоря, я не знаю, что мы будем с ней делать. Мы восприняли ее как урок, предупреждение. Незнание дальнейшего развития ситуации раздражает меня, оставляя меня неспособным расслабиться достаточно, чтобы заснуть. Человек непредсказуем, я знаю это, но если вы знаете его слабости, как управлять им, где толкнуть, на какую точку нажать или куда ударить — как кулаками, так и информацией — вы можете заставить его делать то, что вы хотите.

Роксана не будет такой, это я могу сказать наверняка. Она не реагирует как нормальный человек, она дикая. Неконтролируемая. Мой персональный кошмар. Не то чтобы я позволю ей это увидеть. Нет, она придет в себя, или мы убьем ее.

И то и другое работает. А пока я буду игнорировать что есть мочи. У меня есть куда более важные дела, чем одна дрянная девчонка с южного района с гневом в глазах и болью в

сердце.

РОКСИ

Гарретт и Дизель уходят вместе с Райдером, следуя за ним по пятам, словно маленькие послушные домашние питомцы, только Дизель при этом не забывает послать мне воздушный поцелуй. Псих. Мне приходится остаться с Кензо, который, как я чувствую, наблюдает за мной боковым зрением.

— Если хочешь, можешь осмотреть квартиру.

— Что? Не собираешься снова запирать меня? — огрызаюсь я.

— Только если ты будешь хорошо себя вести. — Затем он наклоняется чуть ближе. —

Так что веди себя хорошо.

Звонит телефон, Кензо берет трубку, встает из-за стола и выходит на улицу. Он говорит, прислонившись к балкону, и я наблюдаю за ним, гадая, не ловушка ли это. Кого это, блядь, волнует? Хотя я знаю, что это бессмысленно, я вскакиваю и пытаюсь открыть входную дверь. Но она заперта. Вздыхнув, я оглядываю остальную часть квартиры, прежде чем решаю исследовать ее, как он предложил. Мне больше нечего делать, и я могу найти что-нибудь подходящее.

Сначала я поднимаюсь наверх, шлепая босыми ногами по стеклу. Наверху располагается что-то вроде библиотеки с меховым ковром посреди комнаты и огромными, от пола до потолка, антикварными книжными шкафами. На самом деле сама комната довольно впечатляющих размеров. Слева коридор и еще один справа. Я выбираю тот, что слева. Первая дверь заперта, но я слышу за ней гул компьютеров. Может быть, комната охраны?

Следующая дверь тоже заперта, но на этой есть сканер, поэтому я отступаю, зная, что они не хотят, чтобы кто-то добрался до того, что внутри. Следующая дверь не заперта, поэтому я проскальзываю внутрь и оглядываюсь.

Она вдвое больше моей комнаты, но такая же аккуратная. У правой стены стоит большая металлическая низкая кровать. Напротив меня снова окна от пола до потолка. Здесь нет ни телевизора, ни даже мебели. Просто письменный стол, на котором нет ничего, кроме ручки и блокнота, но ящики заперты — попыталась их открыть. На полу мягкий-премягкий ковер, в который мои ноги погружаются, когда я блуждаю по комнате.

Постельное белье такое ровное и идеальное, что я прыгаю на него, просто чтобы немного испортить. Шелковистый серый материал морщится подо мной, когда я перекатываюсь, прежде чем встать и улыбнуться своей работе.

Как и в моей комнате, там две двери, одна ведет в ванную и первыми признаками жизнедеятельности здесь с туалетными принадлежностями и наполовину заполненной корзиной. Другая дверь — это шкаф, который заполнен костюмами слева и блестящими туфлями позади с двумя парами кроссовок под ними. Трудно представить здесь Райдера. Справа что-то похожее на серые кроссовки и рубашки, пижамные штаны и боксеры. Я провожу рукой по идеально выглаженной и развешанной одежде, прежде чем мне в голову приходит злая мысль.

Это мелочь, но, честно говоря, они не ожидали, что я буду сидеть и ждать их, как верная псина, не так ли? У меня есть потребность подначить их, выяснить, на что они готовы. Я возвращаюсь в ванную, обыскиваю шкафы, пока не нахожу то, что ищу, затем, хихикая, возвращаюсь к его шкафу. Выбрав первый костюм, я вставляю ножницы в материал, разрезая и кромсая, пока он не остается истерзанным в клочья.

Я оставляю нетронутым только один костюм, ухмыляясь. Я смотрю на идеально сшитые костюмы за тысячи и тысячи фунтов, которые теперь лежат искромсанными в локуты. Гордясь проделанной работой, я оставляю ножницы и выхожу из его комнаты. А теперь, что я могу сделать с остальными?

Направляясь обратно мимо библиотеки, я иду по другому коридору к еще трем дверям. Я заглядываю в первые две. Первая — это, конечно, комната Дизеля, выкрашенная в черный цвет и с разбросанными повсюду кожаными штанами и куртками. Его кровать не застелена, в комнате беспорядок. На его столике лежат зажигалки и сигареты, и я хмурюсь, когда замечаю на его подушке трусики, подозрительно похожие на мои.

Покачав головой, я покидаю его комнату. Кто знает, что он там держит. Следующая — аккуратнее, чище, но более обжитая. На прикроватном столике лежит колода карт, значит, комната принадлежит Кензо. Не желая, чтобы меня застукали за вынюхиванием, я проскальзываю в последнюю комнату.

Она, должно быть, принадлежит Гарретту.

Здоровяк меня пугает, по-настоящему чертовски меня пугает. Как будто он мог бы разорвать меня на части, не моргнув глазом, *но* при этом он также, кажется, не знает, что я существую, и это вызывает у меня любопытство. Он не такой, как другие, почему?

В углу у него висит боксерская груша, и она выглядит изрядно потрепанной. В другом углу — двуспальная кровать с простынями темного цвета. Вся задняя стена комнаты выкрашена в черный цвет, а над ней висят светильники в индустриальном стиле. Другая стена — кирпичная. Напротив кровати стоит телевизор, а под ним — стопки DVD. Я замечаю несколько старых фильмов ужасов, кажется, он тот еще фанат ужастиков.

Здесь нет ничего, кроме одежды и туалетных принадлежностей. Как будто они здесь почти не живут, это место выглядит таким... пустым. Они переехали недавно? Или они просто не проводят здесь так много времени? Вздохнув, я сажусь на его кровать и смотрю на прикроватный столик. С любопытством открыв его, я роюсь в хламе, прежде чем наткнуться на бархатную коробку.

Вытащив ее, я открываю ее, и мои глаза расширяются от удивления. Это кольцо, чертовски огромное кольцо. Что за...

— Тебе не следует здесь находиться, — тянет Кензо от двери.

Подняв глаза, я встречаюсь с ним взглядом, не извиняясь.

— Ты велел мне осмотреться, поэтому я здесь.

Захлопнув коробку, я осторожно положила ее обратно в ящик. Гарретт женат?

— Верно, — ухмыляется он. — В будущем мне придется быть более осторожным в своих словах, но я имел в виду, Рокс, что тебе нельзя *здесь* находиться.

— Почему? — спрашиваю я, наклоняя голову.

— Если Гарретт найдет тебя здесь... ну, это будет некрасиво. Он может казаться спокойным и сдержанным, но он ненавидит женщин, так что просто держись подальше от него, хорошо? — Кензо вздыхает.

— Ненавидит женщин? Почему? — давлю я, а он лишь качает головой.

— Ты задаешь слишком много вопросов для пленницы, — бормочет Кензо, не то чтобы это было плохо. Его глаза загораются. — Хочешь сыграть в какую-нибудь игру?

— Против тебя? Нет уж, уволь, — фыркаю неодобрительно.

— Почему нет? Струсил, — подтрунивает он.

— Я видела кости, которые ты держишь в кармане, то, как ты следишь за всем, вещи и карты в твоей комнате... нетрудно догадаться, что ты обожаешь играть в игры. Наверное, выиграешь немало, — пожимаю плечами и встаю.

— Это правда. Что, если я скажу тебе, что мне принадлежат все казино, закулисные сделки и букмекерские конторы в городе? — спрашивает он, загораживая проход и протягивая руку.

— Тогда я скажу тебе, что у тебя проблемы с азартными играми.

— Или, может быть, мне просто нравится побеждать, — бормочет Кензо, его зрачки темнеют, когда он пробегает взглядом по моему телу. Я тяжело сглатываю, но не отступаю.

— Или ты просто любишь деньги, жадный ублюдок, — огрызаюсь я, скрещивая руки, чтобы закрыть ему обзор, но его взгляд опускается на мое неприкрытое декольте, и он облизывает губы.

— И это тоже, — соглашается он.

— Ты собираешься убраться с моего пути? — рычу я.

Кензо наблюдает за мной, словно обдумывая мой вопрос.

— Почему ты больше не боишься нас?

При этих словах мое сердцебиение учащается втрое. Если бы они только знали, *как* я их боюсь, но я все понимаю. Почему я не рыдаю, не впадаю в кататонию?

— Когда испытываешь страх почти каждый день своей жизни, в конце концов, ты перестаешь позволять ему контролировать тебя и настолько привыкаешь к нему, что это просто еще один день.

Он моргает, вероятно, не ожидая от меня такого ответа.

— Это я могу понять.

— Разве? — парирую я, наклонив голову. Черт, почему я разговариваю с этим ублюдком вместо того, чтобы разбить ему голову и попытаться сбежать?

Потому что он слишком спокоен, даже слишком, как будто знает, что даже если я каким-то образом пройду мимо него, мне не выбраться отсюда. Что говорит мне больше, чем что-либо другое, что из этого здания будет нелегко сбежать. Что вполне логично, если это штаб-квартира Гадюк.

— Мы не такие уж разные, Рокс. Тебе стоит об этом помнить. — Кензо опускает руку. — Твоя комната все еще ремонтируется, и прежде чем ты пойдешь просить их о помощи, они у нас под колпаком, и им все равно. Вместо этого давай просто расслабимся.

— Расслабимся? — кричу я ему вслед, когда он начинает уходить.

— Оттянемся! В конце концов, у меня сегодня выходной! — Он смеется, когда я стою

там, но я не хочу быть пойманной в комнате Гарретта, если то, что он сказал, правда.

Ненавидит женщин... Почему?

Черт, да какое мне дело?

И почему я слеую за Кензо? Потому что, честно говоря, что еще мне оставалось делать? Я могла бы также насладиться этим роскошным пентхаусом, прежде чем сбежать.

Я ожидала пыток или, по крайней мере, того, что один из них мог бы попытаться трахнуть меня до сих пор, но никто из них этого не сделал, и это сбивает меня с толку. Они убеждают, что я их пленница, и они могут делать со мной все, что захотят. Они смотрят на меня жестоким взглядом своих глаз, но не трогают... ну, кроме Дизеля, но он сумасшедший.

Должно быть, я очень устала. Кензо включил телевизор и поставил какую-то случайную телку. Я не хотела говорить ему, что ненавижу их, даже когда свернулась калачиком так далеко от него на диване, как только могла. Мое оправдание? Мне нужно было отдохнуть, набраться сил, но это звучало как ложь, даже для меня.

Когда я просыпаюсь, я все еще нахожусь в той же позе, но на мне одеяло, и солнце опускается ниже. Кензо там, рядом со мной, ближе, чем раньше. Одна нога скрещена, ступня упирается в колено другой ноги, на коленях лежит открытый планшет, экран разделен между тем, что выглядит как камеры видеонаблюдения внутри клубов.

— Я думала, у тебя сегодня выходной? — бормочу я хриплым со сна голосом.

Кензо моргает и смотрит на меня.

— Дорогая, у Гадюк нет выходных... слишком много людей, которых надо убить, слишком много денег, которые можно заработать.

Зевая, я сажусь и потягиваюсь, вытягивая руки вверх и спину дугой. Когда я моргаю и оглядываюсь, Кензо смотрит на меня голодным взглядом. Его глаза бегают по моему телу, как огненные шары, и я отшатываюсь, задаваясь вопросом, будет ли это тот момент, когда он нападет, но все, что он делает, это возвращается к изучению экрана своего планшета.

Облизнув губы, я скрещиваю ноги и поворачиваюсь к нему лицом, чтобы предвидеть возможность удара — старая привычка. Он, конечно, замечает это и слегка поворачивается ко мне, печатая на своем планшете.

— Остальные все еще не вернулись?

— Почему ты спрашиваешь? Не терпится их увидеть?

— Определенно нет, просто интересно, нужно ли мне еще прятаться, — вздыхаю я.

Это мое действие заставляет его поднять голову.

— Прятаться?

— Да. От сумасшедшего чувака и, ну, того, который будет злиться, — отвечаю я, гадая, убьет ли меня Райдер, когда увидит свою одежду, но я не жалею о содеянном. Идеальный ублюдок заслужил это после сегодняшнего утра.

— Дизель безвреден... Ладно, это ложь. Он для нас безвреден. Если он когда-нибудь и убьет нас, то только потому, что у него не было другого выбора. — Кензо пожимает плечами.

— И ты так спокойно к этому относишься? А как насчет остальных? — бросаю ему вызов.

— Это честная игра, — парирует он.

— Господи, он же в буквальном смысле сумасшедший, ты же видишь это, правда? — почти кричу я.

Кензо поднимает голову, и я вижу в его глазах ту же темноту, что и у других, ту, которую он прячет за очаровательной личиной. Он может быть спокойнее, он может говорить медовее и быть больше дамским угодником, чем остальные, но за всем этим фасадом все еще скрывается монстр.

— Не говори о том, о чем понятия не имеешь, Рокси. Этот человек прошел через ад и вернулся обратно. Это неизбежно нанесет ущерб, а он наш брат. Мы защитим его от кого угодно, поняла?

Я киваю, немного испугавшись. Как только промелькнул страх, он моргнул и снова улыбнулся. Чертовски страшно, как быстро он может измениться.

— Твоя комната готова, я отнес туда и твою сумку.

— Мою сумку? — повторяю я, нахмурившись.

— Да, возможно, ты захочешь принять душ и переодеться. Ты начинаешь подванивать, — ухмыляется он.

Этот гребаный крысиный ублюдок.

У него хватает наглости говорить мне, что я воняю после того, как меня ударили, вырубил, заперли и сделали пленницей? Мне следовало разрезать и его одежду. Бросив на Кензо свирепый взгляд, я возвращаюсь в свою комнату, обнюхивая подмышку.

Чертовы Гадюки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГАРРЕТТ

Мы возвращаемся в середине дня. Кензо сидит на диване, наблюдая за происходящим в своих клубах, как обычно, но Рокси нигде не видно. Не то чтобы меня это волновало. Ни капельки.

Райдер, с другой стороны, зачесывает волосы назад, прежде чем расстегнуть куртку, единственный признак того, что он так же, как и я, испытывает раздражение от итогов сегодняшних встреч. Похоже, Триада стала угрожать некоторым предприятиям в городе, требуя, чтобы они платили им за их защиту. Только не мы.

Это вызов, и мы должны принять его. Глаза Райдера напряжены, даже когда он оглядывается.

— Где она?

Кензо даже не поднимает глаз:

— Прячется от тебя.

— Почему? — спрашивает Райдер, выглядя сбитым с толку. — Рокси кажется не из тех, кто прячется...

— Она шныряла наверху, когда я ее поймал. — Кензо пожимает плечами, постукивая по экрану.

Райдер вздыхает и смотрит на меня.

— Собираюсь смыть сегодняшнюю вонь, и я проинструктировал Дизеля... поговорите с некоторыми другими компаниями, чтобы убедиться, что они не думают, что им тоже нужно платить.

Я киваю, когда Райдер поднимается по лестнице в свою комнату. Решив, что я сам могу пойти принять душ, направляюсь в свою комнату, пинком закрываю дверь и прижимаюсь к ней спиной, делая глубокий вдох.

Но вместе с ним меня накрывает запах, безошибочный запах. Как виски и секс.

Она была здесь.

Ярость пронзает меня. Я издаю рык, срывая с себя рубашку и бросаясь к своей груше, нанося несколько ударов и выплескивая всю свою агрессию. Да как она смеет! Это моя комната! Мое пространство! Единственное место, где я в безопасности, и теперь... теперь оно пропитано ее запахом!

Не то чтобы моему телу было до меня дело, оно нагревается и тяжелеет, аромат

обволакивает меня, заставляя мой член разбухнуть в джинсах. Конечно, Рокси была единственной женщиной, на которую он отреагировал с тех пор, как мы держали в плену прошлую женщину. Мне не нужна другая женщина, мне не нужно еще одно гребаное осложнение.

Но моему члену все равно, он дергается в джинсах, неудобно прижимаясь к молнии, поэтому я стягиваю джинсы и иду принимать холодный душ. Но когда ледяные брызги падают мне на спину, они даже не притупляют желание, бушующее в моей крови.

Посмотрев вниз, я замечаю бусинку предэякулята на кончике моего члена, моя вена пульсирует сбоку. Твою же мать. Прошло уже слишком много времени, но в ту ночь все мои потребности исчезли. Я не знал, было ли это потому, что каждый раз, когда я даже думал о том, чтобы трахнуть кого-то той ночью, в моей голове вспыхивали вспышки, заглушая мою потребность, или с моим членом что-то было не в порядке.

Мне было все равно... даже очень.

Но теперь, из всего гребаного времени, теперь он решил проснуться, да еще и так ярко. Желание струится по моим венам ежечасно в течение всего дня. Клянусь, за последние двадцать четыре часа я мастурбировал чаще, чем когда был подростком. Прошлой ночью, когда я лег спать, все, что я мог видеть перед собой, был сверкающий взгляд этих злых глаз. Ее тело, кружащееся волчком, когда она попыталась напасть на меня.

Хотя я представлял себе другой исход — я бросил ее на барную стойку, разрывая эти крошечные шорты, и вдавливался в ее тугую маленькую пизденку, пока она бы не перестала бороться и не начала кричать.

Дерьмо.

Потянувшись вниз, единственное, на что я способен — это сжать свой член, представляя ее на коленях прямо передо мной. Эти темные глаза, моргающие на меня, эти красные губы, обхватившие мой член. Она сердится, ее ногти впиваются в мою кожу, ее глаза опасно сузились. Твою же мать. Прислонившись к стене, я поглаживаю свою длину, представляя, как прекрасно она будет выглядеть обнаженной и связанной, не способной ничего сделать, кроме как сосать мой член. Эти серебряные волосы намokли бы и прилипли к ее голове от моих рук, когда я врезался бы в ее рот. Снова и снова.

Я ворчу, а мои бедра скручивает спазм, когда мое освобождение проносится сквозь меня, изливаясь мне на живот и пачкая стену. Вздохнув, я включаю воду в душе и привожу себя в порядок, испытывая отвращение к тому, куда ведет меня мой разум. Она никто, она просто еще одна охотница за золотом. Ну и что с того, что у нее нет выбора? Она будет точно такой же, как и все до нее.

Я усвоил урок, нет, Рокси — это отвлекающий фактор. Та, от кого нам нужно избавиться, пока она не уничтожила все, что мы с таким трудом спасли.

В этот момент из коридора доносится крик. Выключив воду, я хватаю полотенце, оборачиваю его вокруг талии и направляюсь в свою комнату, распахивая дверь. Нахмурившись, я смотрю, как испуганная Рокси бежит по коридору прямо ко мне. Она даже не смотрит, куда идет, просто врезается в мою мокрую грудь. Я в замешательстве смотрю на нее сверху вниз, и она смотрит на меня в ответ. Мы смотрим друг на друга сверху вниз.

Ее грудь вздымается, когда она оглядывается через плечо, поэтому я делаю то же самое, замечая Райдера, выходящего из своей комнаты с обрывками материи в руке. Его взгляд смертоносен, когда он смотрит на маленькую девушку, прижавшуюся к моей груди.

Она вскрикивает и проскальзывает мимо меня, прижимаясь к моей спине, как будто я

собираюсь защищать ее. Я не знаю почему, но это заставляет меня раздуться от гордости, и я бросаю последний взгляд на Райдера, когда захопываю дверь. Скрестив руки на груди, я поворачиваюсь и смотрю на женщину в своей комнате. Именно там, где меньше всего хотел бы ее видеть.

Черт, она дочь нашего врага. Долбаный долг. Ничего больше... так почему мое сердце колотится, когда ее глаза бегают по моей развороченной груди? Почему я с отвращением отворачиваюсь? Ей, должно быть, тошно смотреть на меня.

Почему меня это волнует?

Я не реагирую.

— Что ты натворила? — огрызаюсь я.

Рокси мило улыбается мне, но на ее лице эта улыбка выглядит неправильно. Я предпочитаю хмурый взгляд, гнев... накал страстей.

— Ничего.

— Не ври мне, мать твою. Я вышвырну тебя обратно, чтобы ты лично справились с его вспышкой гнева, — рычу я.

Рокси вздыхает, мигом теряя невинный вид. Ее глаза темнеют, руки упираются в бедра, губы кривятся в усмешке.

— Ничего такого, чего бы он не заслужил.

— А почему ты думаешь, что я тебя защищу? — огрызаюсь я.

Ее взгляд снова скользит по моей груди, и я сдерживаюсь, чтобы не отпрянуть. К черту ее и ее мнение.

— Что стряслось с твоей грудью?

Я рычу, хватаю Рокси за горло и прижимаю к стене рядом с дверью. Не перекрывая подачу воздуха, а просто надавливая, но так трудно не сдавить сильнее. Особенно когда ее глаза превращаются в голубые насмешливые, волосы становятся светлыми и длинными, а губы вытягиваются в тонкую линию. Качая головой, я отмахиваюсь от видения, моя грудь вздымается, когда я изо всех сил пытаюсь остаться в настоящем. Чтобы не убить Рокси.

Это не она.

Я повторяю это снова и снова.

Рокси сглатывает в моей хватке, но не сопротивляется, просто висит кулем, пристально наблюдая за мной. Я наклоняюсь и смотрю ей прямо в лицо, без сомнения, оно сейчас выглядит свирепым. И я извергаю из себя с рычанием:

— Я не спасу тебя, девочка, если что, я стану твоей смертью. Райдер может разозлиться и приказать сделать это с тобой, Кензо может даже помочь. Черт, даже Дизель был бы добрее, он бы позаботился, чтобы тебе понравилось это... ну, а я? Я сделаю так, что будет больно. Я заставлю тебя страдать, потому что ты для меня ничего не значишь. Мне будет все равно, когда ты будешь умолять. Ты. Для меня. Пустое место. Еще один долбаный долг. Еще одна гребаная шлюха, вошедшая через эти двери.

Рокси откидывает голову назад, ее глаза сверкают.

— Неужели? Тогда сделай это. Убей меня. Я устала от неопределенности, просто, блядь, сделай это. Перестань угрожать, просто убей меня, — насмехается она.

Я рычу и снова хлопаю по спине Рокси, она *охаёт*, когда из нее выбивается воздух, но все еще смеется, хотя я чувствую быстрое биение ее пульса на своей руке, выдающее ее с головой. Она меня боится. Это то, что возвращает меня в реальность.

— Черт возьми, сделай это! Меня тошнит от угроз, от ожидания, когда это произойдет!

Просто убей меня и покончи с этим, это лучше, чем ничего не знать! — кричит она мне прямо в лицо.

Я так растерялся, что даже не услышал, как открылась дверь, пока чья-то рука не коснулась моей руки. Рывком повернув голову, я смотрю прямо в спокойные глаза Райдера.

— Гарретт, это не она. Смотри, видишь? Это не она. Это Роксана. Отпусти ее.

Тяжело дыша, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на женщину, которую держу в своих руках. У меня сердце заходится, черт. Отпустив ее, я отшатываюсь назад... блядь, блядь, блядь. Меня охватывает ужас. Неужели это то, во что я превратился? Моя рука дрожит, когда я смотрю на Рокси, которая падает на колени, хватая ртом воздух. Райдер пытается помочь ей подняться, но она бьет его по рукам и поднимается на ноги, взгляд ее сердитых глаз устремлен на меня.

Рокси переводит взгляд между нами, такая чертовски злая.

— Если ты собираешься убить меня, просто сделай это. Меня тошнит от этого дерьма. Надоело оглядываться через плечо, бояться заснуть. Я знаю, что для тебя я ничто, просто еще один долг, но я не просила об этом. Я прошу тебя, убей меня. Сделай это быстро.

Райдер прищуривается, а она стоит и ждет, такая храбрая, эта малышка.

— Мы не станем, и ты нам не указ, Роксана.

— Тогда пошел ты! — кричит она, набрасываясь на него в страхе. Я знаю, потому что делаю то же самое. Я вижу это в ее взгляде, те же призраки, что преследуют меня. — Ты думаешь, я буду сидеть здесь, как еще одна из твоих гребанных баб? Я — личность! У меня есть своя жизнь. — Затем она смотрит на Райдера, глядя ему прямо в глаза. — Ты пожалеешь о том дне, когда забрал меня, я тебе это гарантирую. Я собираюсь уничтожить тебя. — Она шагает прямо ко мне, несмотря на то, что я чуть не убил ее, и идет прямо на меня, упираясь своей грудью в меня.

— А ты? Еще раз прикоснешься ко мне, и я перережу тебе горло во сне. Логово гадюк или нет, плевать, даже если это означает, что я не выберусь оттуда живой.

Она отводит кулак, я вижу, как он приближается, привычка бойца, но я не пытаюсь заблокировать его, когда он касается моего лица. Я слышу, как мой нос слегка хрустит, боль пронзает меня. Но я привык к этому, я живу в этой боли.

Живи ради этого, только тогда я чувствую себя живым, нормальным. А не тем покрытым шрамами монстром, прячущимся за перчатками и костюмами.

Она встряхивает рукой, и я знаю, что ей больно, но она не подает виду, поворачивается и, высоко подняв голову, выходит из комнаты. Я стою и смотрю ей вслед. Она ударила меня. Снова. Эта женщина — настоящий ураган.

Даже перед лицом смерти она все равно борется. Это так напоминает мне некоторых других парней, которых я знаю — моих братьев, — которые никогда не останавливаются, никогда не сдаются, даже когда шансы кажутся чересчур маленькими.

Я заслужил ее удар. Черт, я знал, что не должен был впускать ее сюда. Пусть она приблизится достаточно близко, чтобы залезть мне под кожу, пусть посмеет сунуть нос не в свое дело. Она найдет лишь смерть, вот и все, что я могу предложить. От меня не осталось ничего, кроме комка гнева.

Ненависти.

— Она определенно нечто, — бормочет Райдер, наблюдая за мной. Как всегда, взгляд его глаз печален, когда он видит мою грудь. Он винит себя, я знаю. Всегда так делает, когда кто-то из нас ранен, всегда думает, что он должен защитить нас. Спасти нас. Он не должен,

но он не слушает меня, хотя мы никогда не говорили о том, что произошло. — Может быть, тебе не стоит быть рядом с ней, прости, я не думал о том, что будет, если ты приведешь ее сюда... — говорит он мне, проводя рукой по волосам, слегка взъерошивая их.

Это, по меркам Райдера, полный провал.

— Нет, все в порядке, — огрызаюсь я, отворачиваясь, чтобы он не увидел, как я близок к тому, чтобы выйти из себя из-за нахлынувших эмоций. Окунувшись во власть тьмы... отдавшись этим демонам, с которыми я борюсь каждый день. Тех, кого я сбивал с ног, причиняя боль, мял кулаками и пинками.

— Я могу просто убить ее, тогда она не будет докучать, — размышляет он так спокойно, но когда я роняю полотенце, натягивая свои серые шорты, я оглядываюсь и вижу, как уголки его губ ползут вниз. Он не хочет ее убивать. Она тоже засела у него под кожей... интересно.

— Нет, все в порядке. Я не был готов, но буду готов сейчас. Я буду держаться от нее подальше, пока мы не решим, что с ней делать, — отвечаю я, натягивая рубашку и хватая сумку, засовывая пистолет за пояс.

— Ты идешь в ямы? — спрашивает он, глубоко вздыхая и откидывая волосы назад.

— Мне нужно. — Я вздыхаю, глядя на свою спину, и его рука снова опускается на мою.

— Я знаю, иди, делай то, что тебе нужно, чтобы победить это. Но потом возвращайся к нам, — приказывает он перед уходом.

Глубоко вздохнув, я позволил его словам стать для меня путеводной ниточкой. *Вернись к нам.* Откуда ему известно, что я уже на грани? Так близко к тому, чтобы чуть-чуть ослабить бдительность, чтобы позволить этим вспышкам гнева, выражающимся в разбивании костяшек пальцев, добить меня? Это было бы проще, но это не наш путь.

Гадюки никогда не сдаются.

Гадюки никогда не прекращают драться.

Гадюки — победители.

Выходя из своей комнаты, я игнорирую остальных, сидящих внизу, и захлопываю за собой дверь. Они никогда не узнают, насколько я близок к краю. Дизель прошел через это давным-давно, но он научился жить в темноте. Кензо ходит по самому краю, а Райдер? Райдер сдерживает все это чистой гребаной силой.

А что насчет меня? Я выбил его.

Снова и снова, независимо от того, насколько сильно это тело пострадает. Это единственный способ, которым я могу функционировать. Чувствовать, как адреналин бурлит во мне, выплескивая мою ярость на другого человека. Они часто не покидают ринг на своих двоих. Присутствующие скандируют мое имя, когда кровь капает с моих выпирающих мышц, и им это нравится.

Я ненавижу это, но это необходимость.

Когда-то все было совсем иначе. Я был лучшим, даже делал это профессионально, прежде чем понял, сколько денег можно получить в подпольной битве. Теперь у меня нет другого выбора, я слишком жесток для профессионального боя. Я хочу, чтобы мой противник страдал, истекал кровью. Я хочу, чтобы их кости ломались под моими кулаками, а глаза заплывали.

Мне нужна их боль.

Они — мои холсты, а мой кулак — кисть.

~

Я бью парня кулаком. Он пытается загорodиться, спрятаться за руки, но не может остановить меня. Я отдаю ему все, отдаю себя этим эмоциям, пока не превращаюсь в одно сплошное негодование. Он падает на пол, а я не отстаю от него.

Прижимая его к земле, я бью кулаками по его незащищенному лицу. Костяшки моих пальцев хрустят, раскалываясь. Моя собственная кровь покрывает его лицо, но даже тогда я не останавливаюсь. Толпа кричит, прижимаясь ближе, так что они почти ощущают вкус кровопролития. Им это нравится.

Они скандируют мое имя, но все это превращается в сплошной гул, когда я размахиваю кулаком за кулаком. Парень отключается, но я продолжаю переть буром, его голова дергается в сторону с каждым сильным ударом. Кто-то пытается остановить меня, но я отталкиваю его. Я не могу остановиться. Просто не могу.

Мне это нужно.

Мне нужно, чтобы он истекал кровью.

Мне нужна боль.

Меня оттаскивают от парня, он едва дышит, его лицо осунулось. Поворачиваясь, я рычу, ударяя любого, кто подходит слишком близко, пока рефери и четверо охранников, пытающихся остановить меня, не появляются в поле зрения.

Грудь вздымается, мышцы болят, я стою посреди ринга мокрый от пота, а на меня бьет луч прожектора. Я киваю, давая им понять, что все осознаю, что со мной все в порядке. Все затихает, пока судья не хватает мою поврежденную руку и не поднимает ее в воздух, крича в микрофон о моей победе. Мне все равно.

Я стою и наблюдаю, как толпа, крича, скандируя и топая, набегает, заполняя подвал старой бумажной фабрики. Стойки сделаны из того, что они смогли найти, а ринг представляет очерченное мелом пространство с веревками вокруг него.

Но здесь живут одни из самых богатых людей города, а также самые бедные. И все же они — бойцы, беспризорники, каким и я когда-то был. Любой, кто пытается изменить свое будущее, отдает за свое желание все, что у него есть. Судья наклоняется ближе.

— У нас есть еще один парень, похоже, тебе это и правда нужно сейчас.

Я киваю, он прав. Глаза Рокси постоянно вспыхивают в моем сознании, и мне нужно, чтобы кто-то выбил их.

— Давай второго, — рычу я, отходя от ринга и выплескивая немного воды, прежде чем умыться. Сняв ленту с костяшек пальцев, я оцениваю повреждения — не так уж и плохо.

Женщина бочком подходит ко мне, когда они поднимают парня, которого я чуть не убил, с ринга, и отбрасывают его в сторону, как мусор. В конце концов, проигравший ничего не получает. Я кладу деньги из выигрыша в сумку, не то чтобы они мне нужны, но они не приносят боли. Женщина слегка откашливается, когда я не смотрю на нее, ее тело почти прижимается к моему боку... так делала другая.

Она.

Я должен был догадаться тогда, что она не права, но я был слишком слеп. Слишком доверчив. Слишком наивен. Больше нет. Никогда больше.

Гнев захлестывает в полную силу, когда я смотрю на незваного гостя. Платье, которое на ней надето, слишком обтягивает ее фальшивые сиськи, почти заставляя их вываливаться сверху. Ее рыжие волосы завиты, а лицо покрыто макияжем с точностью до дюйма.

Я не могу не сравнить ее с тем фейерверком в нашей квартире. У нее нет ничего от Рокси.

— Что? — рычу я, надоело быть милым. Мне не обязательно быть здесь, они все меня знают. Знают, кто я такой.

Женщины жаждут попробовать, думая, что могут справиться с безумием, живущим во мне. Парни подбадривают меня, желая увидеть воочию, как я убиваю. Чтобы я вытащил наружу их собственную тьму. Все они ошибаются. Они понятия не имеют, что скрывается в моих глубинах.

— Хочешь, составлю тебе компанию, детка? В конце концов, ты победитель, — мурлычет она, проводя рукой по моей потной руке. Я хватаю ее пальцы и сильно сжимаю, она задыхается от боли, ее глаза расширяются, и страх сочится наружу, когда она дрожит под моим взглядом, отступая назад.

Они все так делают.

Они все думают, что могут справиться со мной, но они ошибаются. Даже если бы я захотел трахнуть кого-нибудь из них — чего я больше не делаю, — я бы не смог. Я убью их.

— Не. Прикасайся. Ко. Мне, — рычу я, как только слышу свое имя. Я отталкиваю ее от себя, и женщина падает на задницу, а люди вокруг нее смеются. Отвернувшись, я возвращаюсь на ринг, готовый снова потеряться в бою.

Может быть, мне повезет, может быть, следующий будет хорошим противником. Может быть, они подарят мне боль, в которой я нуждаюсь, может быть, они наконец убьют меня и положат конец этим страданиям...

РОКСИ

Не так давно я слышала, как хлопнула дверь. После стычки с Гарреттом я пряталась в своей комнате, пытаюсь унять сердцебиение. Хуже всего то, что под всем этим страхом, который я пытаюсь скрыть... есть что-то еще. Что-то темное, что хотело его сжать, что хотело того гнева, который, как я видела, владел им.

Он хотел посмотреть, как далеко я смогу его подтолкнуть... и как далеко он пойдет.

Я в полном дерьме.

Оттолкнувшись от двери, вваливаюсь в ванную, срывая с себя одежду. Я не принимала душ раньше. Я снова заснула, но с ощущением руки Гарретта, все еще сжимающей мое горло, и запахом пота и мужчины, покрывающими меня, я должна принять душ.

Мне нужно смыть то, что я чувствовала в тот момент. Я не боялась умереть, даже не боялась, что это будет больно... Я боялась, что никогда не узнаю, каково это — чувствовать всю эту силу.

Чтобы отомстить.

Твою же мать.

Скользнув в душ, я тру свое тело, игнорируя предательскую киску, которая, кажется, слишком заинтересована этими «змеями». Закончив, я чувствую себя немного лучше и, вытершись, возвращаюсь в гардероб и надеваю старую дырявую футболку AC/DC. Одна из моих любимых, моя удобная футболка. Потом я сворачиваюсь калачиком в идеальной постели. Райдер был прав, они вернули комнату в ее исходное состояние, что, казалось, моей истерики никогда не было. Хотя я ткнула в зеркало в ванной и поняла, что оно покрыто слоем лака, чтобы его было трудно разбить.

Умный человек.

Я хочу прятаться здесь вечно, но это не в моем стиле. Я все еще хочу освободиться от этих людей, а для этого мне нужна информация. Знание — это сила. Никто больше не придет мне на помощь, и миру на это наплевать. Ему все равно, хорошая я или плохая. Черт, я даже не уверена, кто я теперь... может быть, где-то в точке золотой середины.

Так что, босиком я проскальзываю в квартиру, прижимаясь спиной к стене, чтобы они не могли меня видеть, пока я подслушиваю.

— Ты думаешь, с ним все будет в порядке? — тянет Кензо, его голос отличается теплотой, с которой он говорит.

— Да, ему просто нужно было все выяснить, — холодно отвечает Райдер.

Раздается вздох и какое-то движение.

— Ты когда-нибудь задумывался, что было бы куда милосерднее?...

— Прекрати сейчас же, — рывкает Райдер. — Он наш брат, его демоны — наши демоны.

Он выжил, и мы сделаем все возможное, чтобы он жил дальше.

— Ты прав, — соглашается Кензо, но голос его звучит грустно. — Я просто хочу, чтобы мы могли что-нибудь сделать. Я чувствую себя бесполезным, наблюдая за его внутренней борьбой.

— Это его битва, на этот раз даже мы не сможем ему помочь. Только он может, он должен сам для себя решить продолжать этот бой. Он был в подвешенном состоянии с тех пор, как это случилось, просто жил. У меня есть подозрение, что присутствие Рокси здесь перевернет его привычный мир. Заставит его взглянуть правде в глаза раз и навсегда, — бормочет Райдер.

— Т-ты знал это, когда привез ее сюда, не так ли? — сердито огрызается Кензо. — Может, ты и умный, Райдер, но иногда ты просто чертов ублюдок. Он наш брат.

— Так и есть! — рычит Райдер. — Я пытаюсь спасти его!

— Ты пытаешься все контролировать, как всегда! — орет Кензо. — На этот раз перестань пытаться быть главным, просто будь рядом с ним. Это все, что ему нужно, а не твои гребаные эксперименты. Мы не очередная твоя задача победить, мы — твоя семья. Клянусь, Райдер, иногда ты напоминаешь мне...

Воцаряется тишина, и я почти чувствую, как падает температура, и когда раздается голос Райдера, он смертельно холоден с темными нотами, не терпящими возражений.

— Скажи это.

— Отца! — заканчивает Кензо начатую фразу. — Да, я люблю тебя, брат, но с каждым днем ты становишься все больше похожим на него. Я всю жизнь боролся за то, чтобы не быть таким, как он, но иногда мне кажется, что ты не думаешь, что легче сдаться. Помни, что с ним случилось, брат, не кончай так, как он.

Выглянув из-за угла, я вижу, как Кензо исчезает наверху. Райдер стоит на кухне, опустив голову и прижимая кулаки к столешнице.

— Раз, два, три, четыре, — бормочет он. — Раз, два, три, четыре.

Райдер повторяет это снова и снова, пока я не вижу, как его тело успокаивается, снова прячась за броней льда. Оттолкнувшись от стола, он выпрямляется, вновь обретая утраченный контроль. Выражение его лица сквозит холодом, когда он застегивает костюм и направляется к входной двери.

Я пытаюсь броситься за ним, убежать, но чья-то рука зажимает мне рот, и я замираю, мои глаза широко распахиваются, сердце колотится, а дыхание учащается. Чей-то рот встречается с моим ухом, до меня доносится запах дыма и бензина.

Дизель.

Черт, они все предупреждали меня держаться от него подальше, а теперь Райдер ушел, и Гарретт тоже, не то чтобы они спасли меня. Даже Кензо ушел. Здесь только я и сумасшедший, психопатический выродок Вайпер.

— О, Маленькая Птичка, я поймал Птичку, — бормочет он, облизывая мое ухо. — Ну, ну, вот так вот подслушиваешь здесь, озорная Птичка. Знаешь, что за этим последует?

Я качаю головой, мой взгляд прикован к противоположному коридору, не осмеливаясь обернуться на случай, если это каким-то образом спровоцирует его. Меня пронзает

настоящий страх. Этот человек не следует правилам. Он убивает ради забавы, мучает ради хохмы. Хочет видеть, как я корчусь, видеть, как я страдаю. Я не знаю, что делать, как вести себя рядом с ним. Ведь добыча всегда распознает хищника, а Дизель?

Дизель — самый настоящий хищник.

Непредсказуемый и поглощающий все на своем пути, как огонь, который он так любит. Даже сейчас я улавливаю сигаретный дым в его дыхании, его рука шершавая, словно покрытая ожогами, когда он сильнее прижимает ее к моим губам, больно вдавливая в зубы.

— Наказание.

Я замираю, когда он смеется, отстраняясь от меня так же внезапно, как и пришел. Я поворачиваюсь, моя рука тянется к сердцу, когда он идет по коридору, щелчок зажигалки такой громкий, когда он открывает и закрывает ее.

Твою же мать.

Мне действительно нужно держаться подальше от этого человека. Что-то подсказывает мне, что он станет моей смертью. Мне нужно бежать, пока он не решил прекратить мучить меня и просто пойти на убийство.

Потому что прямо сейчас? За мной охотятся.

Четыре голодные гадюки подкрадываются ближе, обвиваясь все туже и туже, их темные кольца блестят на свету, когда они готовятся нанести удар.

И я в самом центре.

~

После стычки с Дизелем я решила спрятаться в своей комнате, не желая, чтобы меня снова застали наедине с ним без остальных. Возможно, они не помешают ему причинить мне боль, но я думаю, что они помешают ему убить меня.

По крайней мере, в данный момент.

Поэтому я сделала единственное, что могла, — уснула. На этот раз мне не снились кошмары, ну, по крайней мере, не о моем прошлом. Вместо этого они превратились в татуированные костяшки пальцев, бегущие по моим бедрам, взгляды темных глаз, обращенные на меня, и когда я резко просыпаюсь в утреннем свете, я вся покрыта бисеринками пота. Моя киска пульсирует, а бедра пропитаны моей собственной влагой.

Застонав от того, что мой собственный разум потерял контроль и предал меня во сне, я смотрю вниз на свою киску.

— Ты ведь понимаешь, что они нас украли? То есть, они украли нас и заперли? — рычу я, прежде чем встать и снова отправиться в душ. Тупая гребаная вагина, похоже, ей все равно, что они нас купили.

Или что они, вероятно, планируют убить нас. Она потаскушка и вся такая-растакая, *да, но они горячие*. Ублюдки. Я имею в виду, да, они горячие. Назвать их привлекательными было бы преуменьшением, все они похожи на статуи греческих богов. Идеально вырезанный пресс, который нельзя получить, ведя сидячий образ жизни целыми днями. Они упорно трудятся, чтобы быть лучшими во всем, и это явно включает в себя то, что они лучше всех выглядят.

Это несправедливо, и мои гормоны все перепутали. Я их ненавижу, правда. Я хочу убить их... но также и поиметь?

Блестяще.

Умывшись, я чищу зубы и умываю лицо, к черту этих ублюдков. Я не крашусь для них,

но расчесываю волосы, прежде чем надеть узкие черные джинсы — мои любимые с дырками и прорезами, демонстрирующие мои татуировки — и сочетаю их с моим свободным жилетом Harley, который я заправляю спереди. Так я в некотором роде презентабельно смотрюсь на случай, если мне удастся сбежать.

Когда я открываю дверь спальни, то нахожу свои ботинки снаружи и, честно говоря, чуть не плачу, натягивая их.

— Я скучала по вам, — говорю я им, поглаживая матово-черный материал, зашнуровывая их и заправляя джинсы. Я всегда чувствую себя лучше в ботинках, которые Кук называет заднецедедрами.

Черт, Кук.

Надеюсь, в баре все в порядке. Интересно, волнует ли кого-нибудь мое исчезновение?

Не то чтобы у меня был кто-то, кто бы заметил это, кроме некоторых сотрудников и людей, которые там постоянно пьют. Они, вероятно, больше обеспокоены тем, что я не могу налить им выпить и им придется найти другое место, куда они могут отправиться выпить.

Чувствуя себя сильнее, я иду по коридору, и дежавю накрывает меня, когда я нахожу их всех сидящими за завтраком. Гадюки делают так каждое утро? Я проскальзываю на свой вчерашний стул. Гарретт не смотрит на меня, но я вижу, что один глаз у него заплыл, и когда я смотрю на его разбитые, покрытые кровью костяшки пальцев на столе, он дергается, убирая их под стол.

Его футболка с V-образным вырезом приоткрывает те шрамы, которые я видела вчера. Они были ужасны, должно быть, он перенес столько боли. Столько всего вытерпел. Как он до сих пор жив? Шрамы выглядели так, словно полоски его кожи были оторваны и пришиты обратно, из-за чего создавалось впечатление, что его плоть покрыта пятнами. Я переживаю за него.

Судя по тому, что я слышала, с ним явно что-то стряслось. Но что? И почему это заставляет его ненавидеть женщин?

Я отвожу взгляд, не желая снова его спровоцировать. Райдер читает газету, также игнорируя меня, одетый в единственный оставшийся у него костюм, что заставляет меня ухмыльнуться. Должно быть, он заметил это, потому что поднял глаза, прежде чем слегка прищуриться.

— Ешь, ты вчера не ела.

— Боишься, что я умру с голоду? — усмехаюсь я.

— Есть гораздо более интересные способы умереть. — Дизель ухмыляется мне, посасывая сосиску с вилки, пока жует.

Отвернувшись, я смотрю, как Кензо снова наполняет мою тарелку, протягивая мне кофе, без спроса. Я решаю сделать так, как приказывает Райдер, не потому, что веду себя хорошо, а потому, что на самом деле голодна. И еда не может быть отравлена, иначе они все были бы мертвы.

Я ем так быстро, что у меня даже живот начинает болеть. Черт, я и забыла, как бывает больно голодать, когда снова начинаешь есть. Потягивая кофе, я откидываюсь на спинку стула, подтягивая колени к груди, чтобы попытаться унять боль.

— Сегодня ты снова останешься с Кензо, — сообщает мне Райдер, отхлебывая из крошечной чайной чашки, складывая газету и кладя ее на стол. — Гарретт, нам с тобой нужно нанести несколько визитов. Мы привезем тебе подарок, Дизель... но не для того, чтобы ты сломал его. Чисто для справки, просто поиграешь с ним.

Дизель оживает, его глаза почти сверкают, когда он ухмыляется.

— Черт возьми, да.

— Я серьезно, — предупреждает Райдер, и Дизель закатывает глаза, но кивает.

— Тогда мне нужно в центр, кажется, мне понадобится больше одежды. — Райдер вздыхает, и все взгляды устремляются на меня. Я ухмыляюсь, потягивая кофе. — Я также захвачу тебе кое-какие вещи, Роксана.

— Мне не нужна твоя гребаная благотворительная одежда, — рычу я, садясь прямо.

Райдер окидывает меня осуждающим взглядом.

— Ты одеваешься в лохмотья, Гадюка не носит такой... наряд.

— Хорошо, что я не гребаная Гадюка, — огрызаюсь я.

Уголки его губ приподнимаются.

— Нет, но ты наша гостья. Ты будешь представлять наш бизнес и семью, даже когда будешь просто находиться в квартире. Это не обсуждается.

— Что? Хочешь, я дам тебе вынуть мой пирсинг? — смеюсь я. — Недостаточно хороша, чтобы изнасиловать твою ханжескую задницу?

Затем он рычит, наклоняясь вперед.

— Будь осторожна в своих словах, Роксана, очень осторожна. — Потом он моргает и снова становится ледяным. — Нет, пирсинг можешь оставить себе, ты, кстати, прекрасно выглядишь без макияжа, но я ловлю себя на том, что вижу тебя без боевой раскраски, — смеется он.

— Хорошо, потому что есть пирсинги, которые не так легко вынуть. — Я пожимаю плечами, и все взгляды снова устремляются на меня, недоумевая. — Ты никогда, блядь, о них не узнаешь.

Дизель смеется:

— Не будь столь самоуверенной, Птичка.

Гарретт снова отворачивается и встает на ноги, держась так, словно ему больно.

— Нам пора идти.

— Действительно, — Райдер вздыхает и встает, снова глядя на меня. — Я бы сказал, веди себя прилично, но не думаю, что ты меня послушаешь. Знай, что Дизель будет здесь сегодня утром. — Он почти ухмыляется, ублюдок, он знает, что это означает, что я буду вести себя так, чтобы этот сумасшедший ублюдок не приблизился ко мне.

Я беру свой кофе и, бросив на них последний взгляд, удаляюсь в свою комнату. Я ни за что не встану на пути этого пироманьяка. В кои-то веки я их послушаюсь и останусь в стороне. Черт, это становится скучным. Я только и делаю, что сплю и прячусь.

Я полагала, что к этому времени уже буду свободна.

Я начинаю верить, что никогда больше не буду свободна. Я умру здесь, от их рук.

Я остаюсь в комнате столько, сколько могу. Мне становится так скучно, что я считаю шаги, которые нужно сделать, прежде чем плюхнуться обратно на кровать. Должно быть, прошло несколько часов, когда я, наконец, не могу больше этого выносить, я никогда не была одной из тех, кто способен долго усидеть на одном месте. Черт возьми, я работаю почти каждый день с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Сначала, чтобы расплатиться с долгом моего отца перед Ричем, прежде чем он нанял меня полностью, затем, чтобы заставить его гордиться, а затем, чтобы держать мой бар на плаву.

Я ловлю себя на том, что скучаю по нему, не зная, как заставить это чувство уйти. Поэтому я приоткрываю дверь и выглядываю наружу, чтобы убедиться, что Дизель не стоит

прямо снаружи, чтобы наброситься на меня. Когда ничего не движется, я проскальзываю в коридор, скользя ступнями по прохладному полу, чтобы не издавать ни звука, и направляюсь в конец коридора.

Оказавшись там, я заглядываю за угол, чтобы убедиться, что гостиная пуста. Кензо снова на улице, разговаривает по телефону, расхаживает взад-вперед. Дизель как раз направляется к входной двери, и я вижу свою возможность.

Они все думают, что я в своей комнате.

Мое сердце бешено колотится, когда я мчусь через пространство, просовывая ногу в дверь, чтобы остановить ее от закрытия и запираения. Я прикусываю губу, чтобы сдержать крик, когда он зажимает мою ногу в пространстве между ним и дверным проемом, слезы наполняют мои глаза. Черт, как больно. Я ныряю за дверь, выглядываю из-за нее, наблюдая, как Дизель ждет лифта. Его обычная зажигалка с ним рядом, щелкает открываясь и снова закрываясь, пока стальные двери не открываются и он не заходит в лифт.

Наклонившись, он прикуривает сигарету — это единственная причина, по которой он не замечает меня, когда двери начинают медленно закрываться. Так чертовски медленно. Оглянувшись через плечо, чувствуя панику, я вижу, что Кензо вешает трубку. Черт, сейчас или никогда. Выскользнув за дверь как раз в тот момент, когда лифт захлопывается, я осторожно закрываю дверь.

Я свободна.

Я, блядь, свободна!

Ну, по крайней мере, я вне стен квартиры, но это совсем другое дело. Я пытаюсь подняться на лифте, но там что-то вроде сканера, и он загорается красным, когда я пытаюсь. Черт. Отлично. В конце коридора есть дверь с табличкой «Пожарный выход». Да, черт возьми! Подбежав к ней, я распахиваю ее, задерживая дыхание на случай, если прозвучит сигнал тревоги. Когда этого не происходит, я немного расслабляюсь.

Не слишком много, мне еще нужно выбраться из здания. Я не знаю, куда пойду, когда выберусь, ясно, что я не смогу вернуться к своей нормальной жизни, но это вопрос на будущее. Быстро сбегая по ступенькам, я так волнуюсь, что чуть не спотыкаюсь и не падаю. Схватившись за перила, я лечу вниз так быстро, как только осмеливаюсь, пока не оказываюсь на другом уровне и у двери.

Она заперта, поэтому я пробую следующий этаж и следующий. Я спускаюсь все ниже и ниже, каждая дверь заперта сканером. Черт, неужели я застряну в их лестничной клетке? Я прохожу мимо чего-то, помеченного для следующего уровня, который обозначен как В1. Может быть, подвал?

Моя грудь тяжело вздымается, легкие горят от того, как быстро я бежала, и адреналин бурлит в моей крови. Черт, я не в форме. На этой двери нет сканера, и мои глаза расширяются от удивления. Черт возьми, да. Я резко распахиваю ее, чуть не плача от победы, когда она подается. Бросившись вперед, я резко останавливаюсь и прячусь за столбом рядом с дверью, уходящей в потолок. Это чертов гараж. Черт, это значит, что там наверняка есть камеры.

Подняв глаза, я замечаю их, как и думала. Они, кажется, вращаются, поэтому я подсчитываю, сколько времени требуется на полный оборот, прежде чем начать искать выход. Есть один на вершине пандуса со ставнем. Но, кажется, чтобы выйти с этой стороны его необходимо открыть с имеющейся кнопки. Я ухмыляюсь. Они не ожидали, что люди попытаются выбраться, а если и попытаются, то не ожидали, что они зайдут так далеко.

Оглядываясь на камеры, я наблюдаю, как они снова быстро возвращаются, прежде чем вырваться из-за столба, когда они отворачиваются от зоны пандуса. Тридцать секунд — это все, что у меня есть. Я мчусь мимо причудливых машин, байков и пустых мест, подгоняя себя быстрее.

Двадцать восемь.

Твою же мать. Размахивая руками, я опускаю голову и бегу вверх по пандусу, тяжело дыша.

Двадцать пять.

Оглядевшись, я хлопаю ладонью по кнопке. Ничего не происходит. Я делаю это снова и снова.

Двадцать.

Дерьмо.

Под ним есть прорезь для карты или сканера.

— Блядь, блядь, блядь! — ору я, ударяя по кнопке рукой. Я была так близко. Я озираюсь вокруг, там должна быть дверь, пешеходный выход или просто вход, верно?

Пятнадцать.

Там есть будка. У меня почти нет времени, поэтому я толкаю дверь внутрь и оглядываюсь в поисках ключа, карточки, чего угодно. Там есть компьютер и ряд ключей, висящих позади. Больше ничего. Я распахиваю двери, пинком отбрасывая стул.

Десять.

Твою же мать. Мои руки роются в хламе в ящиках в поисках подходящего ключа прежде, чем перекинуться на стену.

Пять.

«Мерседес», «феррари», «харлей» — мои руки начинают дрожать от страха, что я их не найду.

Три.

Нет.

Здесь ничего нет.

Я в ловушке.

Два.

Твою же мать.

Один.

Я присаживаюсь на корточки как раз в тот момент, когда я досчитала до тридцати, и выглядываю из-за края стола, чтобы посмотреть через стекло на камеру, направленную в ту сторону. Пригнувшись, я жду, когда она повернется. И тут я замечаю его — лом под столом. Черт возьми, да.

Снова подняв глаза, я замечаю, что камера уносится прочь, и выскакиваю из кабинки. Кензо, вероятно, скоро проверит меня, и если он обнаружит, что я исчезла, то перекроет здесь все. Мне нужно сбежать до этого момента.

Прижимая лом к основанию створки, я ударяю в нее. Приложив весь свой вес и силу, которую заимела от таскания бочек с пивом. Но она даже не шелохнулась. Снова крича, я оглядываюсь. *Думай, Рокс, думай.* Ключи! Черт, может быть, я смогу пробить себе путь отсюда?

Вбегая в будку, я выбираю ближайший ключ и возвращаюсь на стоянку. Я нажимаю на кнопку брелка, слышу гудок, но машины не вижу. Нажимая на нее снова, я замечаю, что в

конец загорается серебристый «мерседес». Хорошо, к черту этих гадючьих ублюдков.

Они богаты, они могут позволить себе заменить его.

Пользуясь столбами, я прячусь за ними, когда камера возвращается. Добираюсь медленно, но в конце концов я добираюсь до машины. Пригнувшись, я открываю дверь, мягкий щелчок эхом разносится по строению, когда я проскальзываю внутрь. Ладно, ладно.

Оглядевшись, я нахожу кнопку «старт-стоп» и нажимаю ее, машина оживает, двигатель урчит, когда загорается приборная панель. Чертовы богатые придурки. Ухмыляясь тому, как они разозлятся, когда узнают, что я угнала одну из их машин, я включаю передачу и жму на газ. Визг раздается от шин, когда я отрываюсь от пространства, натываясь на другие машины по ходу движения.

Упс, не жалко.

Мчась во весь опор к двери, я делаю глубокий вдох. *Пожалуйста, пусть это сработает.* Держа одну руку на руле, я пристегиваю ремень безопасности, зная, что если он не сработает, то будет чертовски больно.

Я заставляю себя открыть глаза, мое сердце бьется в горле, когда я сокращаю расстояние до двери. Я уже почти у основания пандуса, когда раздается сигнал тревоги, мигающий огоньками, после чего только усиливается по нарастающей. Начинает все вращаться, и мои глаза расширяются, когда барьеры начинают подниматься с пола, отрезая путь к пандусу.

Нет, нет, нет.

Но уже слишком поздно, они слишком высоко, а я все еще несусь к ним. Крича, я ударяю по тормозам, машина замирает, когда я пытаюсь избежать столкновения. Я замедляюсь, но этого недостаточно, я ударяюсь о барьер. Моя голова дергается и врезается в окно, заставляя меня стонать. Моя шея вдавливается в ремень безопасности, на мгновение перекрывая подачу воздуха, когда подушки безопасности взрываются.

Твою же мать.

В голове звенит, боль пронзает меня, я неловкими пальцами отстегиваю ремень безопасности и пинком открываю дверь, соскальзывая на землю. Чёрт возьми! Это было так близко. Мое сердце бьется само по себе, а желудок скручивается. Стоя на четвереньках, я отчаянно втягиваю воздух. Когда я чувствую себя более спокойной, с трудом поднимаюсь на ноги.

Вся правая сторона машины исцарапана от удара о барьер. Но это поправимо. В том месте, где я ударила головой, на водительском стекле появилась трещина. Это злит меня, и это извергается из меня потоком крика. Я была так близко! Так чертовски близко! А теперь, теперь я застряла здесь.

Где я и умру.

Я не знаю, что на меня нашло, все это слишком. Я бессильна, неуправляема и ничего не могу с собой поделать. Пугающе спокойная, я подхожу к лому, который уронила, и поднимаю его, держа, как биту. Я чувствую, как кровь стекает по моей голове, но мне все равно. Возвращаясь к машине, я размахиваю ломом и опускаю его на капот.

Мне хорошо, по-настоящему хорошо, когда звук хрустящего металла наполняет воздух. Капот состоит из вмятин, поэтому я делаю это снова и снова, разрушая идеальную дорожную игрушку. Я разбиваю окна, смеясь, когда грохот наполняет воздух. Я так хорошо была машину, потерявшись в своем собственном мире. Мне нужно больше, мне нужно все это вытащить.

Вскарабкавшись на капот, я несколько раз опускаю лом, крича при этом. Я забираюсь на крышу машины и, стоя на крыше, крушу все, до чего могу дотянуться. Мои руки словно налились свинцом, и я роняю лом. Он падает на землю с громким стуком, когда я тяжело дышу, мое тело покрыто потом, голова болит от удара, а спина и шея просто болят — но это того стоило. Видя разрушение, которое я произвела, я не могу удержаться от смеха.

Выкусите, гадючьи ублюдки.

И тут я слышу хлопки. Вскинув голову, я встречаюсь взглядом с Дизелем и Кензо, которые стоят примерно в десяти метрах от машины, просто наблюдая за мной. Кензо с ухмылкой перекатывает кости между пальцами, а Дизель хлопает.

— Держу пари, она не выживет, — Кензо ухмыляется ему, когда Дизель останавливается, его лицо светится, когда Ди смотрит на меня.

Его грудь обнажена, несколько татуировок покрывают золотистую кожу, и у него четко выраженная рельефная мускулатура. Слишком явно выраженная. Разве сумасшедшие не должны выглядеть еще хуже? Но нет, он похож на падшего ангела. Золотые волосы, что завязаны сзади в конский хвост, и все такое прочее.

— Ты сделала это, и было чертовски горячо. — Дизель кивает мне и смотрит на Кензо. — Разве она не удивительна?

В этот момент дверь в подвал распаивается, и в помещение входят Гарретт и Райдер. Они замирают, когда видят, что я стою на крыше разрушенной в хлам тачки, а Кензо и Дизель просто наблюдают за мной. Дизель присвистывает, подмигивая мне.

— Ох, теперь ты в беде, Птичка.

Твою же мать.

Лицо Райдера становится грозным, когда он подходит ближе. Рубашка у него мятая, пиджак небрежно наброшен.

— Меня вытащили с намеченной встречи, чтобы я мог посмотреть на это... — он прищуривается и смотрит на Кензо. — Объясни, — рявкает он.

Парень пожимает плечами.

— Извини, братан, она каким-то образом улизнула. Когда я это понял, обыскал камеры и увидел ее в подвале в твоей машине. Я включил сигнализацию, и барьеры, должно быть, остановили ее.

— А потом? — подсказывает Райдер, указывая на меня сверху машины.

— А потом она начала выбивать дерьмо из твоей машины, крича что-то о змеях и придурках, — задумчиво, почти мечтательно, произносит Дизель.

— Я?

Подожди-ка, машина Райдера?

О, черт.

Парень смотрит на меня холодными глазами.

— Слезай немедленно, — приказывает он. Я сплываю, но он, должно быть, видит, что я вот-вот открою рот, потому что подходит еще ближе, контролируя каждое движение. — Сейчас же. Не заставляй меня подниматься туда.

Я спрыгиваю с машины, с хрустом приземляясь и трясая ноющей головой. Я знаю, что он не шутит, особенно когда хватает меня за руку и тащит прочь. Я вырываюсь из его хватки, ругаюсь, но Райдер игнорирует меня, тащит к лифту и бьет ладонью по сканеру.

Она открывается, и он бросает меня внутрь. Я врезаюсь в стену, попутно теряя запас воздуха в легких, когда поворачиваюсь, чтобы увидеть, как он входит внутрь, прежде чем

ударить пальцем по кнопке. Мы начинаем подниматься, и я внимательно наблюдаю за ним. Его глаза потемнели, эти эмоции растопили лед. Его руки дрожат, сжаты в кулаки, и ясно, что он близок к тому, чтобы взорваться.

Так что же мне делать?

Давить на него.

Может быть, это потому, что я смирилась с тем, что умру здесь и никогда больше не буду свободна, и с этим принятием пришло определенное мужество посмотреть, как далеко я могу зайти в своем давлении на них. Это безумие, но я не могу остановиться.

— Хорошая тачка, — ухмыляюсь я.

Его движения отрывисты, и я вздрагиваю, когда он ударяет кулаком по кнопке «Стоп». Мы резко останавливаемся, из-за чего меня бросает вперед, прямо на него. Райдер ловит меня, его рука обхватывает мое горло, когда он швыряет меня обратно в стену лифта, заставляя меня кричать от боли, которую вызывает это действие.

— Не дави на меня, милая моя, — рычит он мне прямо в лицо. Мое сердце колотится, и он, должно быть, чувствует это своей рукой, потому что сжимает мое горло, позволяя мне прочувствовать всю эту силу. Силу и эмоции, которые он прячет за ледяной броней.

Этот человек смертельно опасен, Гадюка, и я только что ткнула змею, и теперь он готов нанести ответный удар.

Укусить.

А я — мышь.

Но я снова открываю рот.

— Почему нет?

Он наклоняется ближе, позволяя мне увидеть его горящие глаза. Черт, как я вообще могла подумать, что он источает лед? Он — ад, дикий огонь. Райдер сжигает все на своем пути, и прямо сейчас на его пути я. Но дело в том, что я бы с радостью сгорела, и даже не знаю почему.

— Потому что я не буду таким нежным, как Кензо. Я даже не буду убеждать, что тебе это нравится, как Дизель. Я так сильно поджарю твою задницу, что ты не сможешь ходить, не говоря уже о том, чтобы сидеть. Тогда я оставлю тебя в этом лифте, чтобы все увидели, как сильно ты нас всех хочешь. Как сильно ты нас не ненавидишь, даже если так думаешь. Ты можешь обмануть себя, но не меня, любовь моя. Я разорву эти барьеры в ключья, кусок за куском. Я подведу тебя к грани, едва не избавив от наказания, и выставлю на всеобщее обозрение... тогда посмотрим, как сильно ты этого хочешь. Тех, кого ты якобы ненавидишь.

— Я не хочу тебя, — огрызаюсь я, откидывая голову назад и встречаясь с ним взглядом, но мои бедра сжимаются, выдавая меня с потрохами, и он, без сомнения, замечает это. Райдер все замечает и использует это против меня. И он заметил кое-что, чего не хотела замечать даже я. Меня тянет к ним, к моим похитителям.

Вот что мешает мне говорить — то, что он прав и я его ненавижу за это. Ненавижу их. Я действительно хочу, но я хочу их так сильно, что это страшно, и я пыталась спрятаться от этого, вымещая это на них. Райдер ухмыляется, как будто видит мою битву с самой собой и знает, что я больше не буду с ним драться. Отступив назад, он поправляет костюм, снова прячась за своей обычной холодностью. Его руки перестают дрожать, когда он нажимает на кнопку, чтобы заставить нас двигаться.

— Последнее предупреждение, Роксана — не дави на нас. До сих пор мы были добры друг к другу. Все ставки сделаны, ты скоро сама увидишь, что такое Гадюки на самом деле, и

тебе останется винить только себя. Теперь ты честная добыча, маленькая добыча, лучше беги, — подмигивает он. — Ты деловая женщина, дорогуша, но теперь ты станешь нашей игрушкой.

Дверь открывается, и он выходит, встречаясь глазами с остальными Гадюками, ожидающими там. Черт, как они так быстро сюда добрались? Он ухмыляется им, игнорируя меня, все еще прижатую к стене, тяжело дышащую, ненавидящую его, ненавидящую себя. Но, по крайней мере, кровь из раны на моей голове остановилась.

— Ди, она твоя до конца дня. Давай покажем нашему маленькому отродью, что происходит с теми, кто предает нас, кто испытывает нас, — приказывает Райдер, его ледяные глаза все еще прикованы ко мне. Только когда он отворачивается, я снова начинаю дышать.

Охуеть.

Я думала, что Райдер — лед, бесчувственная змея. Но я ошиблась. Под всем этим — бурлящий торнадо эмоций, причем едва сдерживаемых. Я видела это в его глазах, чувствовала в его руках. Он так близок к взрыву и разрушению, что я не думаю, что Райдер даже осознает насколько.

Другие в настоящее время этого не осознают, но теперь это осознаю я. Он готов сломаться, взорваться, и когда он это сделает... кто останется в живых, чтобы рассказать эту историю?

ДИЗЕЛЬ

— Она твоя. — Это повторяется снова и снова в голове, когда мои губы изгибаются в улыбке. Маленькая Птичка отступает еще дальше в лифт, испуганно глядя на меня. Так и должно быть. Райдер и Гарретт принесли мне новую игрушку, чтобы поиграть с ней, преподать урок. Похоже, он проявил неуважение к Райдеру, когда к нему обратились с просьбой не платить.

Когда я делаю шаг вперед, Гарретт протягивает руку и хватается меня за бицепс. Я только начал с этим парнем, когда услышал сигнал тревоги, так что я без рубашки, на что он вытягивает губы:

— Не будь с ней слишком строг.

Я перевожу взгляд с руки Гарретта, ловя его взгляд. Я бы сделал все для своих братьев, но особенно для Гарретта. Мы знаем боль друг друга, поэтому мы ближе, чем другие. Мы две родственные души.

— Я думал, тебе все равно.

— Нет, — огрызается Гарретт, опуская руку и буквально убегая, в то время как Кензо смеется, наблюдая, как брат топает прочь.

— Хотя он прав, Ди. Испытай ее, но не сломай, хорошо? Я вроде как привыкаю к этой девушке, так что поиграй с ней, но не убивай. У меня еще не было шанса сломить Рокси. — Кензо хихикает, прежде чем подмигнуть моей Маленькой Птичке и уходит, оставляя меня наедине с ней.

Роксана сглатывает, но откидывает голову назад, такая трясущаяся от страха и в то же время храбрая. Я не могу дождаться, когда сниму с нее все носимое, чтобы понять, что под этим скрывается, и Райдер только что дал мне добро. Они не знают в полной мере всего, что я делаю. Я получаю результаты, и это все, что их волнует. Они позволяют мне веселиться, позволяют мне делать то, что мне нужно, чтобы выжить.

А что насчет Маленькой Птички?

Она тоже скоро это узнает.

Войдя в лифт, я нажимаю кнопку, чтобы снова спуститься вниз. Я смотрю на нее, и, чувствуя, как страх заполняет лифт, мой член твердеет в штанах. Подойдя ближе, я вдыхаю сладкий аромат Маленькой Птички, когда она прижимается спиной к стене. Я наклоняюсь и облизываю рану на ее голове, открывая рану снова, чтобы она вновь начала кровоточить.

Рокси пишит, и я смеюсь, отступая назад.

— Это будет весело, Маленькая Птичка.

Дверь открывается, и я насвистываю, поворачиваясь и направляясь в лабиринт, который представляет из себя мое логово. Здесь темно и тепло, как раз именно так, как мне нравится. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как она безрезультатно нажимает кнопки лифта. Он больше не сдвинется с места без моей карты или отпечатка ладони. Мера безопасности, которую мы ввели, когда кто-то из наших пленников высвободился из цепей и добрался до вестибюля, бродя по дому весь в крови.

Это было трудно объяснить полиции, хорошо, что у нас есть там свои люди.

— Маленькая Птичка, не заставляй меня возвращаться туда и забирать тебя силой, — напеваю я и хихикаю, когда она поднимает голову и смотрит на меня.

— К черту это, гребаная сумасшедшая задница, — бормочет моя Маленькая Птичка, выбегая из лифта и двигаясь в моем направлении. — Только попробуй убить меня, и я скормлю тебе твои собственные яйца. Хорошо?

— Позже, любовь моя, прямо сейчас нам есть с кем позабавиться. Мы можем продолжить обсуждать то, как ты хочешь прикасаться ко мне после. — Я подмигиваю и поворачиваюсь, направляясь обратно в комнату, в которой находился ранее, где меня уже ждет парень, прикованный цепью к потолку. Он уже голый и весь в крови. Парень резко возвращается в сознание, когда я вхожу, из его горла вырывается стон, а по лицу текут слезы. — Извини за это, ты же понимаешь, как трудно может быть вести бизнес и делать свою женщину счастливой, я уверен.

— Только я не твоя чертова женщина... о боже мой! — Рокси ахает, когда останавливается в дверях, ее глаза расширяются. Она в ужасе.

Я беру нож, которым пользовался ранее, и направляю его на Деклана.

— Это Деклан. Он не только оскорбил Райдера и нас, но и пытался убить Гарретта. — Цокая, я оглядываюсь на парня. — Ты и правда дурак.

— Подожди, он пытался убить Гарретта? — Рокси хмурится, ее глаза сверкают гневом. Ах, вот оно, безумие. Даже несмотря на то, что она пытается это скрыть, мы начинаем ей нравиться и в то же время Рокси продолжает ненавидеть нас. Но крайне важно, чтобы она увидела, как выглядит предательство со стороны. Что с ней будет, если она снова попытается сбежать.

Теперь Роксана наша, ей нужно это принять как данность.

Она может быть одной из нас, Гадюкой, или она может кончить как Деклан.

— За все то хорошее, что ему принесло сотрудничество с нами, — фыркаю неодобрительно. — Итак, Деклан, на чем мы с тобой остановились? Ах, да, ты собирался сказать мне, сколько Триада предложила тебе, или я собирался отрезать тебе соски.

— Дизель, — огрызается Рокси позади меня, но я игнорирую ее.

— Итак, малыш Деклан? — подсказываю я, прижимая лезвие как раз под его соском. Деклан борется с цепями, безнадежно дергая их, снова выдавливая слезу.

— Дизель, — кричит Рокси, и я начинаю резать, заставляя его кричать.

Чья-то рука опускается мне на плечо, и я поворачиваюсь с рычанием. Прижимая окровавленный нож к ее горлу, я прижимаю Рокси спиной к стене.

— Не думай, что сможешь спасти его, Маленькая Птичка. Он умрет здесь, но он может выбрать, сколько боли вынесет. Мы не можем допустить, чтобы такая угроза существовала. Этот кусок дерьма пытался убить одного из нас. Мы — Гадюки, мы не умираем. Мы

наносим ответный удар. Привыкай к этому или молчи. Нравится тебе это или нет, но теперь ты часть этого. — Наклонившись, я сильнее прижимаю лезвие к горлу моей Маленькой Птички. — Никто не причинит нам вреда, никто. Теперь это касается и тебя. Ты действительно хочешь спасти жизнь этому человеку?

Рокси сглатывает, слегка порезавшись о лезвие и задыхаясь, эти губы, о которых я мечтаю уже давно, приоткрываются.

— Я...

— Тебе поможет, если я скажу, что он изнасиловал свою падчерицу? — Рокси широко раскрывает глаза, и я киваю. — Мы хорошо делаем свою работу, Маленькая Птичка. Этот сукин сын ведет подлую жизнь. Я бы все равно убил его, если бы это было не так, но я подумал, что это может помочь тебе понять, какой он на самом деле... монстр. А ты знаешь, чего боятся монстры, Маленькая Птичка?

— Чего? — шепчет она дрожащим голосом.

— Монстра, который больше их, — шепчу я, облизывая ее губы. — Они боятся меня.

Откинувшись назад, я убираю нож и позволяю Рокси свободно дышать. Ее дыхание неровно вырывается из губ, когда Маленькая Птичка смотрит на меня, ища на моем лице ответы. Ответы она найдет только внутри себя. Это тот самый момент. Если она попытается спасти его, то сама выберет свою судьбу. Рокси никогда не будет одной из нас, слишком слабой, чтобы справиться с той жизнью, которую мы ведем. А это значит, что в конце концов мне придется ее убить.

— Ты хочешь спасти его, Маленькая Птичка?

Она смотрит на мужчину позади меня, и я вижу, как она обдумывает свой ответ. Если я лгу, если он невиновен... Но таких вещей, как невинность, больше не существует, и ей нужно это понять. Каждый так или иначе грешен. Вы можете прикрыть грех лепестками роз или найти оправдание ему, но грех останется грехом. Грешник может быть богачом в сияющих доспехах или дорогим костюме, но грешник все равно остается грешником в костюме. Здесь нет черного и белого, только серое. В глубине души мы все делаем то, что считается плохим, даже если у нас благие намерения.

Я? Я же делаю это для развлечения.

Она оглядывается на меня.

— Мне нужно знать, — шепчет Рокси и сжимает нож между нами. Я отпускаю свою хватку и отступаю назад, наблюдая за ней, любопытствуя, что она предпримет. Попытается ли Рокси использовать его против меня? Это было бы горячо.

Рокси подходит ближе к мужчине, который шмыгает носом.

— Пожалуйста, пожалуйста, отпусти меня, — умоляет он, изображая убедительную невинность. Я передам ему это. Интересно, плакала ли она так же, как в первый раз, когда он проскользнул ночью в ее комнату, но остановило ли это его? Нет. И это меня не остановит.

Она прижимает нож к его груди, ее рука дрожит, голос стальной.

— Ты изнасиловал ее?

Мудак замирает, переводя взгляд на меня, потом снова на нее.

— Нет, нет, конечно, нет, — кричит он, но этого колебания достаточно, я вижу, как она напрягается.

Рокси вонзает нож глубже, теперь ее рука тверда.

— Не лги мне, или я позволю ему делать все, что он хочет, пока ты не скажешь ему

правду.

Черт, мой член дергается в джинсах, и я чертыхаюсь на то, стоит ли его поглаживать, пока я наблюдаю. Смотреть, как она держит этот нож... видеть ее в моей берлоге, присоединиться к ней. Это что-то делает со мной.

— Я... я... она сама напросилась! — кричит он. — Разгуливала в этих микротрусиках, дразнила меня...

Его голос прерывается визгом, когда Рокси кричит и разрезает его грудь. Отступив назад, она смотрит, грудь Роксаны тяжело вздымается, глаза жесткие и злые, она бросает мне нож. Я ловлю его в воздухе, стараясь ухватиться за острый конец, чтобы он порезал мою руку, как у нее.

— Делай с этим ублюдком все, что хочешь, сделай ему больно.

— Да, Птичка, все, что ты пожелаешь, — мурлычу я, когда она запрыгивает на стойку в задней части, болтая ногами, наблюдая за мной. Я отступаю к мужчине. Она сказала, чтобы я сделал ему больно. Это именно то, в чем я хорош. Продолжая то, что начал, я переворачиваю лезвие и ловлю его поврежденной рукой, прижимая лезвие к коже мудака одним плавным движением.

Я без предупреждения отрезаю один сосок и отбрасываю его, хватаю зажигалку, нагреваю лезвие и, когда он кричит, прижимаю его к окровавленной плоти. Запах паленой плоти доносится до меня, прежде чем я делаю то же самое с другим. Затем он падает, теряя сознание, поэтому я жду, пока ублюдок очнется. Не особо интересно, если они не приходят в сознание.

— Ты часто так делаешь.

Я смотрю на свою Маленькую Птичку.

— Это моя работа.

— Убивать? — она спрашивает, не осуждая, я думаю, просто пытаюсь понять.

Вытирая лезвие, я киваю.

— Каждый из нас играет свою роль. Это то, что делает нас такими профессионалами — каждый из нас знает свое место и имеет свои сильные стороны.

— Ты мне расскажешь? — спрашивает Рокси.

— Я мог бы, но это не значит, что ты можешь кому-то об этом рассказывать. Но, Маленькая Птичка, знаешь ли ты, что все имеет свою цену? — мурлычу я.

Она сглатывает.

— Думала, азартные игры и ставки — это прерогатива Кензо?

Ах, Маленькая Птичка видит больше, чем они думают, я так и знал. Направляясь к ней я прислоняюсь к шкафу и прижимаю ее там, обхватив руками по обе стороны от Маленькой Птички. Даже в этой пропитанной кровью комнате, с мужчиной, висящим на цепях позади меня, ее глаза расширяются. Маленькая Птичка хочет этого, хочет меня, хочет быть свободной, даже если она этого пока не осознает.

— Это так, но это не значит, что я не заключу с тобой сделку за информацию. В конце концов, я работаю, чтобы получать именно это, — шепчу я, желая попробовать ее на вкус больше, чем сделать следующий вдох.

Глаза Рокси скользят по мне, пока она обдумывает свои следующие слова.

— Обещаешь, что не причинишь мне вреда?

Я смеюсь.

— Нет, я никогда этого не обещаю. Я могу причинить тебе боль, я могу даже убить тебя

однажды, но мы оба знаем, что именно в этом и заключается сила притяжения. Ты ходишь по лезвию ножа, милая маленькая птичка, и однажды ты можешь просто поскользнуться, но разве падение того не стоит?

Я слышу, как колотится ее сердце, когда взгляд Рокси падает на мои губы.

— Хорошо, что ты хочешь взамен?

— Твою капитуляцию, — рычу я. — Я знаю, что внутри тебя живет кто-то дикий, как и я, который только и ждет, чтобы ему дали волю. Я заметил это в твоих глазах, когда увидел тебя в первый раз. Ты сделаешь все, чтобы выжить, как и мы. Ты больше похожа на нас, чем можешь себе представить. Ты видишь тьму, идя по грани, ступая одной ногой по этой грани, а другой норовишь выскользнуть за грань. Пора пойти по Темному пути, Птичка, теперь это твой мир. Наполненный кровопролитием и змеями. Чего-то хочешь, тогда бери это. Делай, черт возьми, все, что захочешь, Птичка, потому что так делает весь остальной мир.

— Это... это то, чего ты хочешь? — огрызается она. — Чтобы я стала такой, как ты?

— Нет, чтобы ты стала самой собой, той, кого ты прячешь даже от самой себя. Но сегодня, сегодня я возьму что-нибудь поменьше. Поцелуй, Маленькая Птичка. Поцелуй меня, и я скажу тебе то, что ты хочешь знать, — бормочу я, наблюдая за этими губами.

— Ты клянешься? — вздыхает она.

— Каждый день, — ухмыляюсь я.

— Черт, ладно. — Она наклоняет голову вперед и целует меня, сильно и быстро, прежде чем отстраниться. — Расскажи мне.

— Что это было? — смеюсь я. — Настоящий поцелуй, Птичка, как ты и хотела.

Она рычит, теперь уже раздражаясь, и раздражение берет верх над ее страхом передо мной. Рокси протягивает руку и хватает меня за плечо, притягивая ближе, когда она прижимается своими губами к моим. Все происходит напряженно, с едва сдерживаемыми гневом и ненавистью. Без сомнения, я заставлял ее, но у Маленькой Птички всегда был выбор, и она выбрала.

Она выбрала меня.

На вкус Рокси как сладость и жизнь, она такая чертовски живая. Электричество проходит между нашими губами, ее отрицание и моя похоть смешиваются с нашим дыханием. Схватив ее за затылок, я притягиваю ее ближе, моя рука запутывается в шелковистых серебристых волосах. Я прижимаюсь зубами к ее губам, пока она не приоткрывает их достаточно, чтобы позволить мне скользнуть языком внутрь. Рокси задыхается и прижимается ближе, наслаждаясь этим, даже когда борется со мной.

Ее тело дрожит рядом со мной, мой член такой твердый, что мне кажется, я вот-вот взорвусь от одного только поцелуя. Она стонет, тихий хриплый звук, который прошивает меня, заставляя мой член ожить. Этот звук, кажется, выводит Рокси из себя, но я отказываюсь отпускать ее. Засовываю свой язык глубже, доминируя над ее ртом, отмечая ее губы, оставляя на них синяки. Беру то, что хочу.

Она сердится и начинает хлопать и царапать мои голые плечи своими крошечными коготочками, как у кошечки. Рокси может и постараться. Я видел, как она навалила Гарретту. Она хочет, чтобы я остановился? Тогда я хочу увидеть ту самую Рокси. Притянув ее ближе, я вдавливаю свою твердость между ее ног, и она замирает, прежде чем начинает сопротивляться изо всех сил. Ухмыляясь ей в губы, я целую ее крепче.

— Ты можешь сделать что-то получше, Птичка, — бормочу я, прежде чем прикусить ее нижнюю губу.

Она стонет и отвечает мне пощечину. Звук в комнате становится громким, когда моя голова резко поворачивается в сторону. Мои глаза становятся дикими, грудь вздымается, член твердый, я медленно оглядываюсь на Рокси. У нее снова широко раскрытые глаза, но ее разбитые, ободранные губы приподнимаются в ухмылке, которую я отзеркаливаю.

— Ты добьешься своего, Маленькая Птичка. Скоро ты будешь свободна. — Позади меня раздается стон, когда парень очухивается. — А до тех пор спрашивай.

— Скажи мне, в чем заключается работа каждого, — требует Рокси, ее голос хриплый, когда ее язык выскальзывает и пробует на вкус ее губы, заставляя меня издать хрюкающий звук.

— Не смотри на меня так, — рычу я.

— Это как? — спрашивает она, наклоня голову.

— Как будто ты хочешь сожрать меня, таким чертовски голодным взглядом, — огрызаюсь я.

— Ты на вкус как пламя, — шепчет она, а затем делает глубокий вдох. — Расскажи мне, я заплатила, теперь твоя очередь, — парирует Рокси, злясь на себя за то, что попала в такое положение. За то, что позволила себе наслаждаться этим.

Бедная Маленькая Птичка понятия не имеет, как сильно ей понравится то, что еще будет между нами.

Я сегодня сильно надавил на нее, поэтому отступаю и начинаю говорить. Сегодня речь идет о том, чтобы разрушить некоторые из этих барьеров, поэтому я буду продолжать давить, продолжать дерзить, пока настоящая Маленькая Птичка не выйдет поиграть, и разве это не будет блестяще?

— Кензо — букмекер, владелец всех казино в городе. Лошади, карты, все, на что можно поставить, даже драки. Он разбирается в деньгах, хорошо разбирается в цифрах. Гарретт раньше был бойцом, так что он знает много крутых парней. Он — сила. Он пугает людей, немного избивает их, чтобы заставить их слушать Райдера, который здесь за главного. Лицо и мозги операции. Они пытаются помешать, чтобы дело не дошло до меня.

— А ты кто такой?

Я ухмыляюсь, хватая со стола пилу для костей.

— Я твой худший кошмар, детка. Место, куда ты идешь, когда ты дошел до конца. Я получаю информацию любыми необходимыми способами. Когда Гарретт не может их напугать, Райдер не может их урезонить, а Кензо не может их подкупить, тогда наступает мой черед. Я убиваю наших врагов, я мучаю тех, кто осмеливается бросить нам вызов. Из-за меня люди боятся переходить дорогу Гадюкам.

— Ты убийца, — шепчет Рокси, губы все еще припухли от нашего поцелуя. Она никогда не выглядела так красиво.

— Да, Птичка, я убийца, и ты моя последняя цель. — Я подмигиваю, прежде чем снова повернуться к мужчине. — Деклан, приятно, что ты снова с нами. Может, продолжим?

Рокси все время наблюдает за мной. Она ничего не говорит, пока я разрываю парня на куски, отрезая кусочек за кусочком, выясняя нужную мне информацию, что заставляет его кричать. Он отключается еще пять раз, прежде чем я получаю ответ. А потом я убиваю его. Я обливаю его бензином и поджигаю.

Его крики снова наполняют воздух запахом крови и мочи. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на свою Маленькую Птичку, когда Деклан сгорает заживо. Языки пламени танцуют на ее лице, освещая глаза Рокси, страх и принятие в них. Она наконец-то поняла,

что за люди ее купили.

Наконец-то поняла, что она наша. Для нее нет выхода. Не сейчас. Никогда. Маленькой Птичке нужно выяснить, как выжить среди Гадюк, или умереть как наша добыча.

РОКСИ

Слова Дизеля эхом отдаются в моей голове. Освободить меня, он хочет, чтобы я сдалась. Приняла свою судьбу и стала такой же, как они. Признаю, что наш поцелуй заставил меня почувствовать что-то... что-то, что напугало меня. Это вызывало привыкание, вкус его губ чувствовался даже сейчас. Но я не могу пойти так далеко. Я должна помнить, что я для них не более чем оплата долга. Заключение. Меня купили.

Неважно, как сильно его поцелуй воспламенил меня.

Или даже что я могла бы понять, почему он делает то, что делает. Я не оправдываю Дизеля или его поступки, но есть люди и похуже. Иногда приходится бороться с огнем, и это то, что делает Дизель, защищая свою семью. Я даже не почувствовала ужаса, когда он убил человека и поджег его. Я ожидала подобного.

И это меня пугает. Разве мне не должно быть все равно?

Мудак был насильником, но... но то, как он умер... Запах его сожженной плоти обжигал меня. Крики будут преследовать меня в ночных кошмарах, а парень, ответственный за это, завел меня, отчего я вся намокла. Я сказала Дизелю, чтобы он сделал тому парню больно, и именно это он и сделал. Мне нужно помнить, что нужно быть осторожным с тем, что я говорю, так как, похоже, Гадюки очень серьезно относятся к приказам, и по какой-то причине Дизель послушался меня.

В некотором смысле, после разговора с ним, я кое-что поняла. Это похоже на игру в шахматы, в которую я и понятия не имела, что играю. Но я отказываюсь быть пешкой. Я гребаная королева, и мне пора начать вести себя как королева. Ди был прав. У всех них есть свои сильные стороны, но это также означает, что у них есть и слабые стороны. Я найду и использую их против Гадюк.

Я убью их, отрублю голову змее.

В конце концов, если вы не можете избить их, присоединяйтесь к ним, а затем убейте. Пришло время мне запачкать руки, потому что они явно грязные, и строить из себя пайдевичку я больше не буду, так как это явно работает против меня. После того, как Дизель тушит огонь, он чистит свои инструменты, прежде чем отвести меня обратно наверх. Дизель позволяет мне молчать, будучи погруженной в свои мысли. Честно говоря, я не знаю, что сказать.

Он бросил мне, что может убить меня, а затем в следующую секунду поцеловал, как

будто я была воздухом, а он был утопающим, жаждущим глоток этого воздуха. Это меня бесит. Меня часто целовали, но никогда так, никогда так страстно. Это заставило каждое нервное окончание ожить от желания, как будто, если бы я не продолжала целовать Дизеля, я бы умерла. Если бы я не попробовала его на вкус, не почувствовала, как он прижимается ко мне... Черт.

Я имею в виду, я действительно чувствовала его, было трудно не чувствовать, когда его член был прижат ко мне вот так. Вздохнув, я прогоняю эти мысли прочь. Я не могу позволить ему забраться мне в голову. Мне нужно мыслить здраво, а это значит, что больше никаких мыслей о члене сумасшедшего парня.

— Готова к ужину, Птичка? — бормочет Ди, щелкая зажигалкой, открывая и закрывая ее. Я хочу спросить его об этом, но не уверена, что смогу заплатить цену за следующий мой вопрос так скоро. Не тогда, когда последний все еще скручивает меня в узлы, и чем больше я узнаю об этих парнях... тем меньше я их ненавижу. Я не могу этого допустить.

— Умираю с голоду, — отвечаю я, заставляя Ди усмехнуться, и это правда и ужасно одновременно. Запах горящей плоти того парня... заставил меня проголодаться.

Да, официально я в еще большей растерянности, чем полагала ранее.

Дизель ведет меня в квартиру, и парни уже ждут там, с пиццей и пивом, разложенными на столе. Это меня удивляет, что не ускользает от внимания Кензо.

— Мы тоже едим нездоровую пищу, а теперь посади свою хорошенькую попку и прихвати себе немного, пока все не кончилось.

Он оглядывает меня, пока говорит, но когда находит меня целой и невредимой, кажется довольным.

Глаза Райдера следят за мной через всю комнату, когда я плюхаюсь на свое место и хватаю почти целую пиццу и два пива. Игнорируя его взгляд, я опускаю прихваченное на стол. Райдер хотел преподать мне урок, контролировать меня, как и все остальное, и ясно, что ему не нравится то, что он не может контролировать.

Он возненавидит меня.

Они все смотрят, как я ем, ошеломленные, кроме Гарретта, который странно хрюкает в знак одобрения. Остался последний кусочек, и когда я тянусь за ним, Дизель делает то же самое. Он ухмыляется мне, и я почти вижу, как он осмеливается попытаться побиться за него, но я его опережаю. Поэтому делаю единственное, что может сделать девушка, столкнувшаяся с потерей кусочка дрянного рая. Я хватаю вилку и вонзаю ее ему в руку.

Ди взвизгивает, отдергивая руку с вилкой, все еще торчащей из нее, когда я хватаю оставшийся кусочек и откусываю, чувствуя себя самодовольной. Все остальные молчат, наблюдая за Дизелем, и когда я оглядываюсь по сторонам, понимаю, что все они напряжены. Я продолжаю медленно пережевывать пиццу и смотрю на Дизеля, чтобы понять, о чем они так волнуются.

Он вынимает вилку из руки и зажимает кровоточащие отверстия, его глаза медленно закатываются, а затем он переводит на меня взгляд. Мгновение мы смотрим друг на друга сверху вниз, прежде чем Дизель раздражается смехом. Кензо подпрыгивает рядом со мной так сильно, что я удивляюсь, как он не падает со своего места. Вздыхая, он смотрит на меня.

— Не выводи Дизеля из себя, ладно?

— Что? Почему? — спрашиваю я, пряча улыбку за куском пиццы.

Кензо бросает взгляд на Райдера, и они обмениваются взглядами, прежде чем тот снова переводит взгляд на меня.

— Просто не надо.

Я пожимаю плечами и проглатываю последний кусок пиццы, прежде чем запить его пивом.

— Нас не будет здесь утром, Роксана.

Я смотрю на Райдера, когда он вытирает рот и откидывается на спинку стула. Его рубашка расстегнута сверху, и, клянусь, я никогда не видела его таким расслабленным.

— А?

— Гарретт, Дизель и я уйдем еще до того, как ты проснешься. Кензо будет здесь, я надеюсь, после нашей... демонстрации, мне не нужно объяснять тебе, как важно вести себя подобающе. — Райдер приподнимает бровь, когда я прищуриваюсь. — Или мне снова придется запереть тебя.

Твою же мать.

— Хорошо, куда это вы собрались? — спрашиваю я.

— Нам надо кое с чем разобраться, — говорит он.

— Это как-то связано с тем фактом, что кто-то пытался убить Гарретта? — спрашиваю я, и Райдер вздыхает, неодобрительно глядя на Дизеля.

— Да, человек, которого наняли, был убийцей, поэтому мы собираемся навестить старого друга Дональда, чтобы выяснить, кто его нанял. Это примерно в ста милях отсюда, — пожимает он плечами.

— Так кто же этот парень... Дональд? — продолжаю дожимать его.

Райдер ухмыляется.

— Он руководит убийцами в этой стране, если кто и знает, кем был киллер, так это он.

— А потом что вы сделаете? — интересуюсь я.

— С наемным убийцей? Разыщем его и превратим в показательный пример, — отвечает Райдер так буднично и честно, что я даже не удивляюсь. — Кензо, убедись, что на этот раз она не выйдет наружу.

— Я не гребаная собака, — бормочу я.

— Тогда перестань вести себя как стерва, — ухмыляется Райдер, и у меня отвисает челюсть. Вот ублюдок... мне стоило проткнуть вилкой его, а не Дизеля. — В твоей комнате есть новая одежда для тебя, и если ты будешь хорошо себя вести, я, возможно, даже найду тебе что-нибудь, чем ты сможешь занять себя.

— Ну, разве вы не лучшие похитители на свете? — говорю ему невозмутимо, и Кензо хихикает рядом со мной.

— Не волнуйся, дорогуша, я могу занять тебя. — Кензо шевелит бровями, глядя на меня, и я рычу, хотя мое сердце колотится в груди.

— У меня есть не только вилка, но и нож, — предупреждаю я, и Кензо смеется, пропуская кости сквозь пальцы привычным движением.

Райдер встает на ноги, расстегивая при этом рубашку, и мои глаза расширяются. Что за... срань господня. Он расстегивает две верхние пуговицы, демонстрируя золотистую кожу... покрытую татуировками. Когда он закатывает рукава до предплечий, демонстрируя большие вены и мышцы, я чувствую, как у меня отвисает челюсть при виде татуировок, покрывающих его от запястья и выше. Я этого не предвидела. Его костюм многое скрывает.

— Я иду в спортзал, будьте готовы уйти в три часа ночи, — говорит он остальным, а затем уходит, оставляя меня там, пока я пускаю слюни.

Возьми себя в руки.

Я резко поворачиваю голову и вижу, как Кензо ухмыляется мне, заставляя меня пускаться на него слюни. Дерьмо. Он наклоняется ближе.

— Хочешь поспорить, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, дорогая?

Я пытаюсь ударить его ножом, но Кензо очень быстр и грациозно вскакивает со стула, подмигивая мне, прежде чем уйти. В итоге я остаюсь наедине с Дизелем и Гарреттом. Нет, подождите-ка. Гарретт встает и уходит, даже не оглянувшись. Ладно, итак, Дизель и я снова наедине. Я оглядываюсь и вижу, как он ощупывает кровоточащие колотые раны на руках, сосредоточенно зажав язык между зубами.

Тогда ладно.

Может быть, я просто... Я выскальзываю из-за стола и возвращаюсь в свою комнату, пока он не смотрит. Закрыв дверь, я замечаю сумки на кровати и фыркаю. Гребаный мудака, держу пари, он купил мне модные платья и брючные костюмы. Это то, что носят богатые люди, верно?

Бродя по комнате, я стараюсь не обращать внимания на сумки и свое любопытство, но продолжаю оглядываться на них. На хуй. Подойдя, я хватаю первую сумку и открываю ее, вытаскивая оттуда джинсы.

Я приподнимаю штаны, мое сердце колотится. Спереди на штанинах стилизованные прорезы и потертые края. Они глубокого черного цвета, и кажутся дорогими, роскошными, но выглядят так же, как те, что на мне сегодня. Качая головой, я открываю другие сумки. Я нахожу несколько простых жилетов, несколько футболок и жилетов с изображениями музыкальных групп, а также несколько больших платьев и рубашек. Все в моем стиле, черное и стильное. Там даже есть несколько рваных свободных пижам, а также несколько мягких пижамок.

Открыв следующую сумку, я нахожу трусики и лифчики своего размера. Откуда, черт возьми, он узнал мой точный размер?

Все, что осталось, — это пакет и коробка. Сначала я открыла пакет, в котором нашла два платья. Одно из них шелковое, красный, почти голографический материал, с короткими и узкими бретельками. И действительно чертовски мило. Следующее платье — черное. Вырез на спине закрыт кружевом, а вырез спереди очень глубокий. Оно чертовски сексуальное.

Ошеломленная, я открываю коробку, чтобы найти обувь. В ней нашлось несколько новых, шикарных ботинок, а также три пары туфель на каблучке. Он подумал обо всем, буквально обо всем, и это все так... обо мне и про меня.

Я этого не ожидала. Вздохнув, я откидываюсь на кровать, не зная, что и думать. Я хмурюсь, когда чувствую, как что-то острое впивается мне в бедро. Нагнувшись, я достаю маленький пакетик, который, должно быть, пропустила. Когда я заглядываю внутрь, то вижу косметику. Я почти визжу, когда переворачиваю его, чтобы увидеть только высококачественные бренды — все в моей цветовой гамме: красные и фиолетовые помады, темная подводка для глаз и тени для век.

Он подумал обо всем.

Моя рука цепляется за маленькую черную бархатную коробочку на дне сумки, и я вытаскиваю ее, сажусь, скрестив ноги, открываю шкатулку с драгоценностями и ахаю. Там, в шелке, уютно устроились две золотые змеи. Это явно серьги с чем-то похожим на рубины в глазах. Степень детализации ошеломляет. Золотые чешуйки стекают по телам, и они такие живые, что я почти могу представить, как они скользят.

Что это значит? Почему он отдал это мне?

Я думала, что я здесь просто в уплату долга, так почему же он старается изо всех сил, чтобы мне было удобно... кроме сегодняшнего урока, который, я думаю, я отчасти заслужила... почему же они это делают?

Гадюки украли меня, напоминаю я себе, но это кажется неубедительным даже мне. Так ли это? В конце концов, они просто пытались вернуть свой долг, и не их вина, что мой отец продал меня. Я имею в виду, они могли бы сказать «нет» или просто позволить мне быть свободной, но я думаю, что у них есть репутация, которую нужно поддерживать.

Черт, я действительно сомневаюсь в этом?

Разве для этого нет названия, например, Стокгольмский синдром? Я не стану одной из тех девушек, которые влюбляются в своих похитителей. Нет, совсем нет... но если они продолжают дарить мне дорогую косметику, я, возможно, буду ненавидеть их немного меньше.

Возможно.

Глупые эмоции, глупая шлюшья вагина. Перевернувшись, я встаю и убираю одежду, прежде чем скинуть ботинки и джинсы, и лечь обратно на кровать в жилете и трусиках.

Мои мысли постоянно возвращаются к тому поцелую сегодня. Я имею в виду, черт возьми, это был просто поцелуй, так почему я не могу перестать думать об этом? Моя рука поднимается сама по себе, касаясь моих все еще воспаленных губ. Все в Гадюках причиняет боль, даже их удовольствие.

Отбросив руку обратно на кровать, я вызывающе смотрю в потолок. Ладно, так что, может быть, я смогу признаться, что хочу трахнуть этих мужчин... может быть, если бы они не разговаривали. Да, я бы заткнула им рот кляпом, оттрахала их и бросила. Да, именно так.

Нет, черт возьми. Просто не могу.

Я не могу пересечь эту черту. Достаточно того, что Гадюки отняли у меня все, но им все равно. Они самодовольны по этому поводу, прагматичны, как будто даже не понимают, насколько это неправильно, что они просто похитили человека. Я не могу, я даже не могу их хотеть. Я не могу отдать им эту частичку себя, как бы сильно я их ни хотела.

Но... что, если они не позволят мне выбирать? Что, если они возьмут мое тело силой, как забрали меня?

Что, если они поймут, как сильно я их хочу?

Как сильно сжимается моя киска, когда я даже рядом с ними... например, когда Райдер говорит этим ледяным, мрачным голосом или Кензо ухмыляется мне... Сумасшедшая, но вызывающая привыкание личность Дизеля или гнев Гарретта.

Мое сердце колотится, а бедра трутся друг о друга, когда я представляю, как вся эта сила обрушивается на меня. Ладно, мне просто нужно немного снять напряжение. Очевидно, прошло слишком много времени с тех пор, как я трахалась, и мое тело решило, что, поскольку они единственные мужчины вокруг, они подойдут.

Да, вот и все. Сбрось немного напряжения, Рокс, а потом возвращайся к планированию того, как сбежать от гребаных змей.

Ладно, придумай что-нибудь сексуальное. Что-то другое, кроме татуированных, могущественных мужчин в этой квартире...

Но мои мысли возвращаются к Райдеру, закатывающему рукава, всей этой силе... я представляю его в спортзале. Его тело скользкое от пота, его холодные глаза суровы, когда он выжимает из себя все. Чтобы стать лучшей версией себя. Быстрее. Сильнее.

То, как его ледяной взгляд мерцал в раздражении на самого себя. То, как эти худые пальцы сжимали гири...

Просовывая руку в трусики, я стону, прикусывая губу, когда обнаруживаю, что уже мокрая. Погружая пальцы в соки, я обвожу клитор, дразня себя, представляя, что это чья-то другая рука. Прикасается ко мне, потирает, заставляя меня задыхаться, когда работает над моим клитором.

Закрыв глаза, я раскачиваюсь от прикосновения, когда другой рукой задираю рубашку и сжимаю грудь, вращая сосок и представляя, как Райдер засасывает его в рот. Эти холодные глаза остановились на мне, когда он ухмыляется.

Сдерживая стон, я погружаю пальцы глубже, скользя ими туда и обратно. Притворяясь, что это один из их членов, или их пальцы... Что угодно. Ускоряясь, я гонюсь за оргазмом, который, как я чувствую, уже нарастает. Нужно достичь этой вершины.

Моему телу все равно, что я не должна их хотеть.

Оно хочет их.

Оно жаждет их.

И в моем тумане желания я вижу их, когда прикасаюсь к себе.

Задыхаясь, я сжимаю пальцы, представляя темные глаза Райдера, когда он наблюдает за мной с края кровати. Представляю, как губы Дизеля сминают мои, когда он берет то, что хочет, — меня. Гарретт тоже там, крадучись, обходит вокруг кровати, в кои-то веки наблюдая за мной. Палец Кензо дразняще скользит по моему бедру.

Да, черт возьми.

Они были бы жесткими, они были бы подлыми.

Это было бы грубо и наполнено гневом и ненавистью, все мы не хотели этого, но одновременно нуждались в этом...

Черт!

Оргазм пронзает меня из ниоткуда, и я стону, извиваясь в постели, мои бедра быстро приподнимаются, я достигаю разрядки, пока не падаю, мои пальцы влажные, когда удовлетворение буквально накрывает меня. Как и усталость.

Я чертовски устала сейчас. Вся эта борьба, весь этот стресс и бурные эмоции истощили меня. Соскользнув с кровати на дрожащих ногах, я иду в ванную и привожу себя в порядок, прежде чем забраться обратно под одеяло и свернуться калачиком.

Я могу это сделать.

Мне просто нужно, чтобы Гадюки не узнали, что они меня привлекают... или что мне чертовски любопытно, какими они были бы в постели. Да, именно так. Держаться от них подальше, вести себя спокойно и заслужить свое право на свободу.

Потому что, несмотря на модные подарки и тот факт, что они не причинили мне вреда, не совсем, я все еще хочу быть свободной. Я все еще хочу вернуть свою прежнюю жизнь, жизнь до этих змей. До их холодных взглядов и наглых рук. До того, где люди рассуждают об убийстве кого-то за кусочком пиццы. Я имею в виду, да, это, вероятно, происходит в баре, но я действительно не знаю об этом.

Я всегда ступала в эту чернильную тьму, в подбрюшьи города, но это? Это гребаный эпицентр всего этого, а эти четверо командуют парадом.

Гадюки не остановятся, пока не завладеют всеми и всем. Но это не может касаться меня.

Ни сейчас, ни когда-либо.

Нет, если я хочу выжить.

РОКСИ

На следующее утро я узнаю, что Райдер не лгал, они ушли. Как только выхожу из своей комнаты, я понимаю это... здесь слишком тихо. Слишком пусто. Вздыхая и игнорируя тот факт, что я разочарована, решаю позавтракать. С таким же успехом я могла бы есть их еду, если Гадюки держат меня в плену.

Этим утром я долго принимала ванну, брилась, когда мне стало скучно, прежде чем надеть одно из новых платьев-футболок, которые купил мне Райдер. Спереди на нем череп, который обвивает змея; платье с глубоким вырезом и свисает мне до колен. Сочетаю его с моими новыми ботинками на высоком каблуке, которые доходят до середины икры, и полагаю, что выгляжу довольно хорошо. Я даже немного накрасилась, все время повторяя себе, что это чисто для себя, чтобы снова почувствовать себя самой собой. Может быть, если бы я так оделась, я действительно могла бы быть такой.

Но небольшая часть моей души называет меня лгуньей, обвиняет в том, что я хочу хорошо выглядеть для них. Я убиваю этот крошечный кусочек. Кто сказал, что ваше внутреннее «я» все время делает правильные выводы? На самом деле, мое второе я — просто сопливая, заносчивая сука.

Я нигде не вижу Кензо, но нахожу немного завтрака, оставленного для меня на столе, и теплый графин с кофе. Поэтому я сижу и ем, но ловлю себя на том, что подпрыгиваю в тишине, ожидая, что один из них прыгнет на меня. Закончив, вздыхаю. Мне уже скучно.

Бросившись на диван, я беру планшет и пытаюсь сообразить, как включить их телевизор. Почему эти люди не могут иметь нормальные пульты управления, как у всех нормальных людей? Наконец я включаю его и нахожу канал ужасов, устраиваясь поудобнее, чтобы посмотреть фильм. Интересно, есть ли у них попкорн?

И вот тогда до меня доходит, что я просто сижу здесь. Почему я не пытаюсь сбежать? Я смотрю на дверь, но после вчерашнего это не кажется лучшим способом попытаться покинуть это место. Моя голова все еще болит от того, что я разбила ее об окно, и хотя Гадюки проверили ее, и голова покрыта струпьями, это все еще яркое напоминание. Не говоря уже о том, что я не хочу, чтобы Ди «преподал мне еще один урок». Я не думаю, что переживу это. Не сейчас.

Вздыхнув, я поворачиваю голову, как раз когда слышу шаги позади себя. Я оборачиваюсь и замечаю Кензо, идущего ко мне. У него нет планшета, как обычно, но он засовывает

телефон в свои серые спортивные штаны.

Но это не то, что заставляет меня пялиться. Нет, определенно не очень впечатляющая выпуклость в штанах для бега или тот факт, что эти свободные, низко сидящие серые спортивные штаны созданы исключительно для того, чтобы дразнить женщин. Нет, дело в том, что он без рубашки.

То есть, я могу видеть все. Включая пирсинг в правом соске и татуировки в стиле каких-то диких племен, разбросанные по его плечам. Кензо направляется на кухню, и я ахаю, увидев татуировку у него на спине. Это змея с красными глазами, обвитая вокруг черепа и занимающая всю его спину. Это потрясающее произведение искусства, не говоря уже о рельефных мышцах под ней.

— Хочешь чего-нибудь выпить, дорогуша? — зовет Кензо, и я бросаю на него взгляд, чтобы увидеть, что он повернулся и ухмыляется мне. — Или вместо этого будешь просто пускать слюни?

Козел.

Ну и что с того, что у него пресс, будто вырезанный из камня, или эта восхитительная буква V, легкая прядь волос, спускающаяся по направлению строго на юг в его спортивные штаны, и та, что пересекает его впечатляющую во всех смыслах грудь? Или что его плечи настолько широки, что все, что я могу себе представить, это то, как буду царапать их ногтями, когда он движется надо мной? Прижимая меня к дивану и позволяя мне почувствовать все эти мышцы... Я забыла, как правильно мыслить.

Гребаные бегуны трусцой и их магнетические способности.

По крайней мере, будет где разгуляться воображению во время сеансов вынужденного рукоблудия.

Кензо хватает две бутылки ледяной воды, и я смотрю, как капли конденсата стекают по его рукам. Везучие ублюдки. Проходя в мою сторону, он перепрыгивает через спинку дивана в действительно впечатляющей демонстрации силы и протягивает мне одну бутылку. Я фыркаю и беру ее, стараясь не показать, как сильно его выпендрож действует на меня.

Нет, оставайся сильной. Сила киски... это вышло неправильно.

Я отворачиваюсь, чтобы не пялиться на Кензо, и пытаюсь сосредоточиться на фильме, но продолжаю поглядывать на него краем глаза. Рука Кензо лежит на спинке дивана, его пальцы почти касаются меня. Он откидывается назад, раздвинув ноги, а другая его рука засунута за пояс штанов, из-за чего они сползли еще ниже.

Твою же мать.

Это похоже на одно из тех заманушных изображений, которые вы видите в Интернете, которое заставляет вас говорить «дай мне». Мне определенно понравились фотографии нескольких моделей в Instagram, которые сейчас его даже не трогают. Самое худшее? Кензо это знает. На его глупых губах играет ухмылка, и он поворачивается, ловя мой пристальный взгляд.

— Разве ты не хочешь посмотреть фильм? Потому что, если ты хочешь заняться чем-то другим, дорогуша, я весь в твоём распоряжении.

— Заткнись на хуй, — огрызаюсь я, засовывая руки под задницу, чтобы не протянуть руку и не погладить его мышцы. Вот именно! Погладить их.

Кензо хихикает и наклоняется ближе, его рот почти у моего уха.

— Ты уверена? Мы могли бы поспорить на это...

— Ты гребаный азартный наркоман, — бормочу я.

— Только если ставлю на тебя. Что ты скажешь, дорогая? Хочешь поиграть в игру? — соблазнительно шепчет он.

— Что, если я выиграю? — я уклоняюсь, внутренне крича на себя.

— То, чего ты хочешь больше всего... — Мои глаза скользят по его члену, и Кензо смеется еще громче. Мне следовало бы взять эту бутылку воды и затолкать ее в его очаровательное гребаное горло. Но затем его следующие слова заставили меня оживиться и забыть о том, чтобы заткнуть змеиное глубокое горло бутылкой. — Получишь свободу.

Устремляю на него свой взгляд.

— Ты издеваешься надо мной.

— Я мог бы, или, может быть, я просто уверен, что выиграю. — Кензо пожимает плечами, наблюдая за мной своими темными глазами.

— А что же ты выигрываешь? — спрашиваю я, испугавшись, что если это мой приз, то его — что-то похуже.

Кензо наклоняется ближе, отбрасывая всякое притворство обаяния. Голодные глаза Кензо опускаются к моим губам, затем к моему телу, лаская взглядом каждый дюйм меня и заставляя меня почти дрожать от желания.

— Тебя, — почти хрипит он.

Твою же мать.

Трахнись на палочке.

Почему моя киска сжимается?

— В какой игре? — спрашиваю я, и мой голос звучит более задыхающимся, чем мне бы хотелось.

— Покер, — отвечает он, и я фыркаю.

— Черт возьми, нет, ты гребаный букмекер. Держу пари, у тебя это потрясающе получается. — Я закатываю глаза.

Кензо вздыхает, но эта ухмылка снова играет на его губах.

— Не единственное, в чем я хорош... но ты умна, дорогуша. Хорошо, выбирай сама.

Я бегаю глазами по квартире, пытаюсь придумать что-нибудь, что угодно, в чем я могла бы обыграть этого человека, эту Гадюку, которая находится прямо рядом со мной, свернувшуюся кольцом, чтобы ударить и съесть меня целиком. *Игры в баре, подумай, Рокс. Я хорошо в них разбираюсь.*

— У тебя есть чашки?

Черт, почему это первая игра, которая приходит мне в голову? Потому что Кензо слишком близко, пахнет как все мужчины, и я хочу попробовать его на вкус, почувствовать его, а он отвлекает меня.

— Да, — отвечает он. Я киваю, и Кензо указывает на кухню. Я вскакиваю и бегу на кухню, открывая шкафы, пока не нахожу то, что мне нужно. Я действительно собираюсь это сделать? Рискнуть моей свободой и телом?

Да.

Схватив немного пива из холодильника, я направляюсь к столу и раскладываю их друг напротив друга.

— Неужели? — фыркает Кензо. — Мы что, подростки?

— Боишься, что проиграешь? — ухмыляюсь я, наливая пиво.

— Нет, валяй уже, дорогая. — Теперь уже Кензо ухмыляется.

Я беру первую чашку, и он копирует меня.

— Первый, кто опустошит их все, выигрывает. Все просто. Обмануть не так-то просто. Три, два, один, вперед! — кричу я и опрокидываю чашку. Вытирая рот после, я переворачиваю её, и она падает сверху вниз, Кензо смотрит на меня, когда опустошает свою. — У меня есть бар, *дорогуша*, — насмехаюсь я, прежде чем перейти к следующей.

Кензо ругается и переворачивает свою, но она не приземляется в первый раз, хотя он тянется за второй. Я продолжаю пить, прежде чем перевернуть чашку. Я на третьей, а он на второй, но я не могу заставить этого ублюдка взбеситься. Я пробую снова и снова, нервно наблюдая, как он догоняет, ставит свою третью чашку и переходит к четвертой. Дерьмо.

Черт, он побеждает. Отчаяние наполняет меня, поэтому я жульничаю. Я наклоняюсь, показывая свои сиськи, и Кензо давится следующим глотком, давая мне время опрокинуть чашку, перевернуть ее и двигаться дальше.

Что самое худшее, что может случиться? Он уже владеет мной, так что, если есть шанс на свободу, я должна им воспользоваться. Эта мысль продолжает стучать у меня в голове, пока я пью, не сводя с него глаз.

Я опускаю чашку и переворачиваю ее, но мы идем ноздря в ноздю. На последней чашке. Наши взгляды встречаются, когда мы выпиваем ее, затем Кензо стягивает брюки, показывая мне свой член. Я на самом деле давлюсь своим пивом, и это дает ему время, необходимое, чтобы перевернуть чашку.

Я смотрю на него, все еще держа чашку у губ, вне себя от шока. Я проиграла.

Я проиграла.

Кензо ухмыляется и вытирает рот.

— Я думаю, что сейчас самое время забрать приз, — бормочет Кензо и крадется вокруг стола ко мне. В его взгляде голод, тело Кензо изгибается, а член твердеет и отчетливо бугрится у него в спортивках. Я отступаю, страх и желание расцветают во мне.

Я не думала, что смогу проиграть, а если бы и проиграла... Я думала, что смогу с этим справиться. Теперь я не знаю, смогу ли я. Я хочу его, конечно, моя киска уже мокрая от этой мысли, но Кензо... Черт, любая из Гадюк опасна не только для моего тела.

Как одержимость. Или наркотик.

— Матч-реванш? — предлагаю я, держа стол между нами, но Кензо перепрыгивает через него, приземляясь прямо передо мной.

— Нет, пари есть пари. Заплати, дорогая, — хихикает он.

Я отшатываюсь и бросаюсь наутек, но Кензо ловит меня, протягивает руку и перебрасывает меня через плечо. Я визжу и хлопаю его по спине, но он просто бросает меня на диван, где я подпрыгиваю, задыхаясь. Подняв глаза, я убираю волосы с лица и вижу, что Кензо смотрит на меня сверху вниз. Он, должно быть, видит мой страх, потому что лезет в карман и вытаскивает кости.

— Предлагаю тебе другую игру, угадай число. Если угадаешь правильно, ты в безопасности, а если нет, тебе придется снять предмет одежды.

— Что? — я разеваю рот.

Кензо подходит ближе.

— Если только ты не хочешь, чтобы я просто сорвал ее с твоего тела.

Эм, да, пожалуйста.

Но в то же время, блядь, нет.

— Пошел ты, — рычу я.

— Таков план, дорогая. Угадай, — теперь уже он ухмыляется.

Я в панике.

— Семь.

Кензо бросает кости, ловко ловя их. Подмигнув, он показывает кости. Твою же мать.

— Верхнюю часть, — требует он.

— Нет, — рычу я, но наклоняюсь и срываю туфли, бросая их в Кензо. Они ударяются ему в грудь и отскакивают, отчего его ухмылка становится шире.

— Ты гребаный ублюдок! Это единственный способ заполучить женщину?

Даже когда я выплевываю в него мерзкие слова, я не могу не задыхаться, сжимаю ноги вместе, когда Кензо смотрит на меня, полностью сосредоточившись на моем теле. Как будто ему не терпится съесть меня, трахнуть, овладеть мной. Вместо того, чтобы заставить меня, как они могли бы, он просто решил играть честно и по правилам.

Покорил меня.

И мое тело.

Но... могу я заплатить?

Их досягаемость подобна яду, укореняющемуся во мне. Сначала ты даже не осознаешь этого, пока он не проникает в тебя. Медленно распространяясь по тебе, изменяя тебя, формируя тебя, заражая тебя, пока не станет слишком поздно быть свободным. Вот что я чувствую, потому что я ненавидела их, все еще ненавижу, но теперь это затуманено потребностью.

Той потребностью, которую они укоренили во мне, встроили в меня, и они это знают.

Я ненавижу это.

Ненавижу их.

Кто сказал, что я не могу немного повеселиться? Ненавистный секс ни на что не похож, и это желание явно не проходит, а я не скоро освобожусь, так что могла бы воспользоваться возможностью по максимуму... верно?

Во всяком случае, я так себя уговариваю.

— Хорошо, — рычу я. — Девять. — Я указываю на кости, и Кензо снова бросает.

Выходит двенадцать, и он ухмыляется.

— Рубашку, — требует он.

С рычанием срываю ее через голову и швыряю в него. Какого черта я согласилась на эту игру? Сейчас я только в трусиках и лифчике, и он неторопливо оглядывает меня. Я дрожу под его собственническим взглядом, мои соски соприкасаются с кружевной тканью, и мои трусики, без сомнения, уже намокли. Блестяще.

— Следующая догадка, дорогая? — бормочет Кензо, его глаза прикованы к моей покрасневшей груди, когда я еще крепче сжимаю ноги. Со стоном он наклоняется и меняет положение тела. — Черт возьми, ты слишком красива.

Я игнорирую это, потому что, честно говоря, что бы я ему ответила?

— Тринадцать, — рычу я, но он все еще слишком занят, уставившись на меня. Я почти чувствую ласку в его взгляде.

— Кензо.

Он резко встречается со мной взглядом, и кости летят вверх. Я вскрикиваю, когда он прижимает меня к дивану, раздвигает мои бедра и устраивается между ними, прижимаясь ко мне.

— Не произноси мое имя так.

— Что? Кензо? — спрашиваю я в замешательстве, и он издает стон.

— Да, вот так, дорогая.

— Это ведь твое имя, ты бы предпочел, чтобы я называла тебя просто мудаком? — огрызаюсь я, даже когда выгибаюсь навстречу Кензо.

— Называй меня как хочешь, дорогая, до тех пор, пока ты не остановишь меня и не прокричишь это так, чтобы все слышали. — Кензо смеется, прижимаясь своими губами к моим. Я не смогла бы остановить его, даже если бы захотела, мои слова застревают у меня в горле, когда я хватаю его за волосы и притягиваю ближе. Кензо ухмыляется мне в рот, так что я прикусываю его губу.

С ворчанием Кензо вырывается, тяжело дыша и глядя на меня.

— Веди себя как ребенок, и с тобой будут обращаться как с ребенком.

— Неважно, отвали от меня на хрен, — требую я. Трудно вести себя жестко в нижнем белье, но я думаю, что справлюсь с этим.

Кензо снова ухмыляется, эти темные глаза пристально смотрят на меня, заставляя меня чувствовать себя слабой.

— Почему? Я нравлюсь тебе там, где я сейчас.

— Нет, я не хочу, — нерешительно протестую я, голос дрожит.

Кензо смеется, действительно смеется, все его тело дрожит.

— Конечно, тогда почему твои соски затвердели и так и просятся ко мне в рот? — бормочет Кензо, срывая с меня лифчик и оставляя меня практически голой. Не сводя с меня глаз, он обхватывает губами один из сосков и засасывает его в рот, заставляя меня стонать, когда мои глаза закрываются, и я выгибаюсь навстречу его рту.

Гнев на мою реакцию вспыхивает во мне, и я пытаюсь оттащить голову Кензо, дергая его за волосы. Снова смеясь, он игнорирует мои отчаянные рывки и целует меня в живот, останавливаясь на пирсинге в пупке и обводя его языком, прежде чем перейти к моим трусикам, его глаза встречаются с моими.

— Я буквально ощущаю, какая ты мокрая. — Зубами Кензо стягивает с меня трусики и отбрасывает их в сторону.

Я пытаюсь сомкнуть бедра, но он раздвигает их и швыряет меня на диван, открывая ему полный обзор. Кензо тихо стонет, этот звук причиняет мне боль, когда он смотрит на меня.

— Ты чертовски мокрая. Думала, ты меня не хочешь?

— Я не хочу, — рычу я, даже когда наклоняю бедра, нуждаясь в прикосновениях.

Он ухмыляется и тянется к пространству меж моих бедер, поглаживая мои губы, прежде чем приоткрыть их.

— Что это? Пирсинг? — Кензо шокировано бормочет, его палец обводит мой проколотый клитор. Это было на спор по пьяни, и было чертовски больно. — Это так чертовски сексуально, — Кензо издает стон. — Я так чертовски близок к тому, чтобы кончить в штаны, что это даже не смешно, — бормочет он, заставляя меня хихикать.

Кензо прищуривается и дергает за мой пирсинг, заставляя меня ахнуть, когда меня пронзает боль, за которой следует удовольствие.

— Либо кончай с этим, либо проваливай, — рычу я, но трудно быть пугающей, когда тебя прижимает к дивану голый и мокрый мужчина.

Без предупреждения, Кензо опускается на локти, утыкается лицом прямо в мою киску и лижет меня от клитора до задницы. Я почти отрываюсь от дивана, но он кладет руку мне на живот, хватаясь за пирсинг там, и удерживает меня в таком положении.

Мой разум все еще кружится, пытаюсь объяснить мне все причины, по которым я

должна прекратить это, почему должна оттолкнуть его, почему я должна ненавидеть Кензо, но когда он вдавливая в меня два пальца, все это растворяется в ощущении удовольствия.

Мои глаза закрываются, когда я стону, не в силах больше смотреть на эту темную копну волос зарывшегося меж моих ног мужчины. Его руки впиваются в мясистую часть моих бедер, удерживая меня открытой для него, когда Кензо усердно трудится над моим клитором, дергая и облизывая мой пирсинг, умело скручивая свои пальцы внутри меня. Кензо играет со мной, будто в одну из своих игр. Точно зная, где лизать, где прикасаться, тереться и трахать.

Я задыхаюсь в мгновение ока, мое тело покрывается потом, лицо и грудь покраснелись. Я пытаюсь остановить себя, но ничего не могу с собой поделать, я прижимаюсь к его лицу, нуждаясь в большем. Кензо играет со мной, как на скрипке, его пальцы трутся внутри меня, пока он продолжает в том же сводящем с ума темпе с моим клитором. Я наклоняюсь и щелкаю сосками, слишком возбужденная, чтобы обращать на это внимание.

— Ты чертовски восхитительна на вкус, — издает он стон. — Слишком чертовски хороша.

Я качаю головой, пытаюсь остановить мощный оргазм, который, как я чувствую, нарастает во мне. Нет. Нет, этого не может быть. Я пытаюсь оттолкнуть Кензо, но он игнорирует меня, ускоряется и бросает меня в этот омут необходимой мне разрядки.

Это разрывает меня на части, вырывая крик из моего горла, когда мои бедра сжимают голову Кензо, моя киска сжимается под его пальцами. Оргазм прокатывается по мне снова и снова, моя грудь выгибается в воздухе, когда глаза закрываются, пока это, наконец, не прекращается.

Упав на диван, я позволила своим бедрам раздвинуться, и я смотрю вниз, чтобы увидеть ухмыляющегося Кензо с растрепанными волосами, все еще лежащего между ними, его язык небрежно облизывает мою пизду.

Кензо нависает надо мной, и ненависть к себе пронизывает меня при виде довольной ухмылки, искривившей его блестящие губы. Он облизывает пальцы дочиста, пока я наблюдаю, и я больше не могу этого выносить. Я не могу поверить, что просто позволила этому случиться или что я кричала от удовольствия, чтобы все слышали.

Он мой гребаный похититель.

Скатившись с дивана, я бросаюсь прочь, и когда слышу, что он идет за мной, я двигаюсь быстрее. Мое сердце бешено колотится, а ноги все еще подкашиваются от содеянного им. Я не могу... черт, я не могу поверить, что это произошло. Или что это было так хорошо. Я пытаюсь убежать от него, но Кензо ловит меня в коридоре и прижимает к стене, удерживая там, когда наклоняется, его глаза теперь злые.

— Куда, черт возьми, ты собралась?

— Отвали от меня на хрен! — кричу я, брыкаясь и вырываясь из его хватки. Кензо хмыкает и снова отталкивает меня, пытаюсь удержать на месте.

— Почему?

— Я ненавижу тебя, — отчаянно огрызаюсь я, и Кензо смеется, но звук его смеха злобный. Все намеки на поддразнивание исчезают перед лицом моего гнева. Но не весь мой гнев предназначенся ему одному. Черт возьми, кое-что из этого из-за того, что он заставил меня чувствовать себя подобным образом, из-за того, что заставил меня быть слабой, но часть этого гнева предназначена и мне.

— Нет, ты ненавидишь то, что тебе это понравилось, не лги, черт возьми, дорогуша. Ты

кричала в мгновение ока, и ты ненавидишь то, что тебе нравилась каждая гребаная секунда моего языка в твоей киске.

Грязные слова Кензо приводят меня в бешенство, и прежде чем я успеваю это осознать, влепляю ему пощечину. Звук громкий в тишине, и я делаю глубокий вдох, когда его голова резко поворачивается в сторону. Кензо медленно поворачивается ко мне лицом, и все намеки на обычного, очаровательного, дразнящего Кензо исчезли. Теперь я вижу сходство с Райдером. Это эмоции, дикие, неконтролируемые чувства.

Он очень зол.

Яростен.

Ну, и я тоже!

— Тебе не следовало этого делать, — предупреждает Кензо низким и грубым голосом. Одной рукой он прижимает меня к стене, в то время как другой стягивает свои спортивные штаны, и вид его твердого, пульсирующего члена заставляет меня замереть. Он большой, действительно чертовски большой. Слишком большой.

Нет.

Достаточно того, что я позволила ему попробовать себя на вкус. Он не трахнет меня. Направляю всю эту ярость, всю эту ненависть на него. Все это от того, что меня украли, из-за моего отца, из-за этих придурков, из-за моих собственных эмоций, я позволил всему вылиться из меня. Не заботясь о том, что я причиню ему боль.

Я выбрасываю кулак и бью Кензо в лицо, затем, когда он отшатывается назад, я делаю это снова и снова, но Кензо ловит последний и прижимает мою руку к стене рядом со мной, сдавливая мое запястье, пока я не вскрикиваю. Он прижимается своим лицом к моему, его ухмылка превращается в рычание.

— Ты хочешь ненавидеть меня? Отлично. Ты все еще будешь выкрикивать мое имя, когда твоя киска будет сжимать мой член.

— Пошел ты! — кричу ему в лицо, наклоня голову вперед. Она впечатывается ему в лицо, и мы оба хрюкаем, когда боль проходит через мою и без того поврежденную голову.

Кензо хватает меня за другую руку и хлопает обеими руками надо мной, заставляя меня приподняться на цыпочки, грудь вздымается, когда я пинаю его. Кензо сбрасывает свои штаны и прижимается ко мне обнаженным телом. Я ненавижу вспышку желания, которая проходит через меня, или тот факт, что я хочу его. Тот факт, что при виде его пульсирующего члена я становлюсь влажнее, чем когда-либо.

Он поглаживает свою длину, заставляя меня смотреть, как я тяжело дышу.

— Я собирался быть милым и надеть презерватив, но теперь? — Кензо качает головой и наклоняется, облизывая мои губы. — Ты моя, я не обязан этого делать.

Отпустив свой член, Кензо хватает меня за бедро и приподнимает вверх. Я рычу, пытаюсь вырваться из его хватки, чтобы ударить его снова. Мне удастся слегка отодвинуть руки от стены, царапая руки Кензо достаточно сильно, чтобы выступила кровь, прежде чем он возвращает их обратно.

— Хочешь вести себя как гребаное животное? Я трахну тебя как следует, — кричит он мне в лицо.

Прежде чем я успеваю возразить, меня отрывают от стены, разворачивают и снова толкают в нее. Мои руки упираются в стену, когда я пытаюсь удержаться от падения, а затем Кензо оказывается там, прижатый по всей длине моей спины, его член прижимается к моей заднице, а рука пробегает по моим волосам. Кензо дергает за них, и я вскрикиваю,

откидывая голову назад, пока не оказываюсь в равновесии, и только его рука поддерживает меня. Схватив меня за бедро, он тянет меня назад и раздвигает мои ноги.

— Слезь с меня, — требую я.

Рука Кензо скользит меж моих бедер, фиксируя мою влагу.

— Нет, ты, блядь, хочешь этого так же сильно, как и я, дорогая, и с меня хватит твоего отношения. Я вытрахаю из тебя его все до капли.

Я снова борюсь, продолжая бороться с ним, даже когда я сильнее впечатываюсь своей киской в его ладонь. Ненавижу их. Я чертовски презираю этих Гадюк.

Но вся эта борьба, вся эта ненависть заставляют меня так сильно нуждаться в этом, что, когда его член оказывается у входа в мою киску и резко проникает внутрь, я кричу. Не от боли. От удовольствия.

Кензо смеется, отстраняясь, борясь с моей цепкой киской, и остается внутри.

— Хорошая девочка, — воркует Кензо, облизывая мою шею, прежде чем укусить меня за плечо, причиняя боль, когда он снова входит в меня, задавая жесткий темп.

Это не ебля.

Это ненависть.

Мы оба ненавидим тот факт, что хотим друг друга. Я ненавижу, что они вырвали меня из моей привычной жизни. Он ненавидит, что я здесь и имею наглость не упасть к его ногам.

Эта ненависть течет через нас, направляя нас. Каждый удар его бедер резок, его руки впиваются в мою кожу, когда Кензо насаживает меня на свой член. Мои груди трутся о стену, трение заставляет меня вскрикнуть, когда я сжимаюсь вокруг него.

Кензо так отвлекся, трахая меня, что не замечает, как я поворачиваюсь. Я вырываю свои волосы из его хватки, оставляя несколько прядей в его кулаках, и его член выскальзывает из меня, когда я поворачиваюсь и бью прямо в лицо.

— Ах ты сукин сын! Я не твоя! — кричу я.

Кензо хватает меня и швыряет на пол, опускаясь на меня сверху.

— Так и есть, — рычит он, когда я бью его наотмашь, отталкивая, прежде чем перевернуться. Я начинаю отползать, но рука Кензо обхватывает мою лодыжку, и он тянет меня назад. Я скольжу по полу с гневными криками.

И все же я ни разу не сказала четкого «нет».

Потому что я хочу этого.

И я ненавижу это.

У него быстрые руки. Они подтягивают мои бедра вверх, а затем Кензо снова там, притягивает меня обратно к своему члену. Я стону, ничего не могу с собой поделать. Он такой большой, что это потрясающе. Кензо сильно шлепает меня по заднице, не поддразнивая. Это не шутка, это наказание. Он причиняет мне боль, и мне это нравится.

Я вскрикиваю, отталкиваясь, чтобы встретить его быстрые толчки, звук соприкосновения нашей кожи отдается громким хлопком, когда он издает хрюкающий звук позади меня.

— Придурок! — кричу я, даже когда протягиваю руку между ног, чтобы потереть клитор.

Рука Кензо добирается туда первой и отшвыривает меня.

Наклонившись надо мной, Кензо снова хватает меня за волосы, скручивая их и используя как поводок, когда он выгибает мою шею, рыча мне в ухо:

— Я не говорил тебе, что ты можешь кончить.

— Ты ублюдок, — кричу я, когда Кензо приподнимает мои бедра еще выше и ударяет в то более глубокое место внутри меня, от которого мои глаза буквально сходятся на переносице. Мое дыхание конденсируется на их идеальном полу, мои руки карабкаются по Кензо, когда я пытаюсь сопротивляться, но не могу.

Не тогда, когда он находится так глубоко во мне, контролируя меня. Владея мной.

— Признайся, что тебе это нравится, — рычит Кензо, проводя зубами по моему плечу, — и я позволю тебе кончить. — Тот факт, что его голос грубый и напряженный, заставляет меня усмехнуться, Кензо не так равнодушен, как думал.

— Придурок, — огрызаюсь я. — Гребаный мудака, членосос, мать твою...

Рука Кензо опускается на мою задницу снова и снова. Боль прошивает меня насквозь, даже когда его член бьет по оголенным нервам. Я так близко и пытаюсь бороться с этим, но когда Кензо наклоняется и дергает за мой пирсинг, я кричу, моя разрядка наступает, разрывая меня на куски.

Я сжимаю его член, извиваясь под ним. Его бедра дергаются, затем Кензо входит в меня еще дважды, прежде чем успокоиться, его сперма наполняет меня. Тяжело дыша, я падаю на пол, когда вся борьба покидает меня, и Кензо падает на меня сверху, его вес тяжел, когда он прижимает меня к полу.

Шум заставляет меня поднять голову, и когда я вижу источник шума, то перестаю дышать.

Подняв глаза, я замечаю Дизеля, стоящего в конце коридора с ухмылкой на губах.

— Ну-ну, Милая Птичка, это было фееричное шоу.

Откинув локоть назад, я чувствую, как он впечатывается аккуратно в Кензо, который со стоном откатывается от меня. Я вскакиваю на ноги и бросаю на него свирепый взгляд.

— Ты трахаешься примерно так же хорошо, как и дерешься, — огрызаюсь я, прежде чем отбросить волосы назад и со всем оставшимся у меня достоинством, которого не так уж много, врываюсь в свою комнату и хлопаю дверь.

Мое сердце бешено колотится, пока я прижимаюсь к двери, ощущая, как следы его разрядки стекают вниз по моим бедрам, когда я слышу, как Кензо и Дизель смеются по другую сторону двери.

Твою же мать.

ДИЗЕЛЬ

Не могу перестать думать о том, как подглядывал за Рокси с Кензо. То, как она кричала, то, как она боролась. Это было захватывающе. Ее прекрасное обнаженное тело извивалось на полу, наполненное гневом и удовольствием. Маленькой Птичке это казалось отвратительным и прекрасным одновременно.

Моя Маленькая Птичка.

Чего она, вероятно, не понимала, так это того, что я пролился в свои джинсы, когда она кончила, просто наблюдая за тем, как Рокси изогнулась с чувством спасительного освобождения, когда Кензо вошел в ее тугое, скользкое тело сзади. Это что-то со мной делало. Конечно, я бы предпочел чуть больше кровушки, но это было адское зрелище.

После того, как она ушла, я подмигнул Кензо, который засмеялся, и нырнул в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. У вас когда-нибудь была сперма в джинсах? Ни фига не весело. Это почти так же раздражает, когда разгуливаешь с пятнами крови. Надев только боксеры, я валяюсь на кровати. Я слышу, как остальные разговаривают внизу, без сомнения, рассказывая Кензо о том, что мы нашли. Но я был там, и мне не нужно слышать это снова.

Нет, все, что мне нужно, — это моя Маленькая Птичка. Она сейчас напугана, даже если не признается в этом, а Гадюки кружат вокруг. Маленькая Птичка снова собирается бежать, я видел это в ее глазах, и я не могу этого допустить.

Теперь она моя.

Когда все это началось, она была просто игрушкой, просто долгом. Безликая женщина, которую я мог бы пытаться за грехи ее отца... теперь она женщина, которая поцеловала меня так, словно от этого зависела ее жизнь. Та, что смотрела мне в глаза, которая видела мою тьму, моих монстров, прячущихся там, и наслаждалась этим зрелищем. Даже если она не признается в этом. Нет, моя Маленькая Птичка больше похожа на змею, чем она себе представляет, но она провела так много времени среди добычи, что не знает, как быть хищником.

Я собираюсь показать ей. Я собираюсь освободить ее и выпустить все эти эмоции наружу. Я собираюсь сделать из нее Гадюку.

Она никогда не собиралась уходить от нас, но теперь мне очевидно, что это нечто большее. Она даже скрутила Райдера в узлы, а Гарретту, этому бедному ублюдку, она

возвращает ему все его плохие воспоминания. Он ненавидит ее за это, но в то же время хочет ее. Я слышал, как он дрожил прошлой ночью с ее именем на устах.

Моя Маленькая Птичка либо сблизит нас, либо сожжет. Мне не терпится узнать, что же это будет.

Поэтому я жду, пока остальные лягут спать, зная, что Райдер, несомненно, не будет спать всю ночь в своем кабинете, пытаюсь выяснить, кто на нас напал. Это было оскорблением, что ему удалось сбежать, что он чуть не напал на одного из нас. Я не могу дождаться, когда доберусь до него и покажу ему, на что похоже Змеиное логово.

Как только все стихает, я выскальзываю из кровати и спускаюсь вниз. Я иду в темноте, ожидая, что Рокси попытается открыть входную дверь. Но она не пыталась этого сделать, возможно, передумав? Или, может быть, она все еще выжидает.

Направляясь в ее комнату, я приоткрываю дверь и заглядываю внутрь. Она все еще лежит, свернувшись калачиком на кровати, в одной из своих старых рубашек. Я наблюдаю за ней из темноты, отмечая, как равномерно поднимается и опускается ее грудь. Она спит. Неудивительно, что она до сих пор не попыталась сбежать, похоже, Кензо ее уработал.

Проскользнув внутрь, я осторожно закрыл дверь, чтобы не разбудить ее. Это уже входит в привычку — наблюдать за Рокси, пока она спит. Но меня тянет к ней, и я нуждаюсь в моей Маленькой Птичке. Разорвать ее на части и подставить ее внутренности моему пламени. Я ничего не могу поделать с этим вынужденным желанием.

Гарретт говорит, что у меня аддиктивный характер, вероятно, доставшийся мне от моей матери-наркоманки, которая ширялась, когда я еще был в ее утробе. Мне все равно, это лишь значит, что я на сто процентов сосредоточен на своей Маленькой Птичке. Я вижу то, чего другие не хотят или не могут видеть.

Как будто она принадлежит нам, хотя и ненавидит нас... но так ли это на самом деле? Если бы Рокси действительно ненавидела нас, мы бы уже были мертвы, она бы перерезала нам глотки во сне и проклинала последствия. Она не напала на нас, хотя и злится из-за того, что произошло.

Нет, она колеблется. Она хочет ненавидеть нас, чувствует, что должна это делать из-за того, как все началось, но ее броня медленно падает. Если она кого и должна ненавидеть, так это своего гребаного отца, тупого ублюдка. Он продал ее. Мы просто согласились.

Самое лучшее, что с нами случилось, — это тот день, когда мы зашли в тот бар, чтобы забрать деньги. Я до сих пор помню, как она уложила Гарретта и попыталась напасть на меня. Мой член твердеет при этом воспоминании. Интересно, будет ли она так драться со мной, когда мы трахнемся?

Я надеюсь, что так и будет.

Крадучись через комнату, я забираюсь на кровать позади нее, придвигаясь ближе, пока не чувствую ее жар. Я обнимаю Рокси одной рукой и прижимаю к своей груди. Я видел это в фильмах, но сам никогда не пробовал. Обычно женщины, с которыми я был, либо теряют сознание, либо так напуганы, что убегают, и нам приходится платить им, чтобы они вели себя тихо.

Через некоторое время все веселье пропадает — а все это из-за их гребаного страха. Хотя бы раз я хочу, чтобы кто-то подошел мне, не сгорел в моем огне, а возродился в нем.

Я надеюсь, что Рокси — та самая.

Потому что в любом случае она погружается в это, и для нее нет спасения. Ни сейчас, ни когда-либо потом. Теперь она это знает, я вижу это по ее глазам. Рокси вздыхает во сне,

прижимаясь ближе своей пухлой попкой к моему члену, заставляя меня хрюкать, когда желание пульсирует во мне. Чего бы я только не отдал, чтобы сорвать с нее трусики и врезаться в ее влажное тепло. Услышать ее крик, нарисовать мое безумие на ее коже.

Скользнув рукой вверх, я прижимаю руку к ее рубашке, пока не чувствую ее мягкую, шелковистую кожу. Рокси идеальна. Огонь и тепло, завернутые в пышную, красивую упаковку. Я хочу увидеть, как она разлетится на части для меня, как она сделала с Кензо. Чувствовать, как ее киска или ее задница сжимаются вокруг моего члена, когда я трахаю ее.

Все, что я продолжаю представлять, это как она связана в моей берлоге, ее тело обнажено и покрыто кровью, огонь ревет позади нее, когда я беру ее. Трахаю ее! Ей бы это понравилось, моей Маленькой Птичке, так же, как ей понравился мой поцелуй, так же, как ей понравилось, что я убил того человека, даже если бы она попыталась уклониться от этого. Она хотела, чтобы он заплатил сполна. Нужно было почувствовать, что где-то в мире не все так плохо, и эти ублюдки получают то, чего заслуживают.

Мы можем быть Гадюками, хищниками, но часто люди, которых мы убиваем, — чистейшее зло.

Насильники, садисты, мошенники и убийцы.

Наш мир полон ими, и если мы уничтожим только одного и спасем чью-то жизнь, то я буду пачкать свою душу каждый день, прокладывая путь сквозь кровь и дерьмо. Не все, что мы делаем, связано с деньгами, в конце концов, мы начали, когда все были потеряны. Без семьи, с жадной мести в наших сердцах. Все разные, но объединенные единой болью. Объединенные потребностью. Это формировало нас, переделывало нас, пока мы не стали *такими*, какие есть.

И каждый человек, которого мы уничтожали, каждый человек, которого мы убивали, заставлял нас терять еще одну частичку тех парней, которыми мы были раньше. Мне все равно, ведь тот парень, которым я был, был доверчивым дураком, который любил свою мать-наркоманку, даже несмотря на то, что она пыталась продать его тело за дозу. Который продолжал убежать назад к ней, даже когда государство забрало его под свою опеку. Пока не стало той, к которой можно было бы бежать обратно.

Я не жалею о пути, который привел меня сюда, потому что он привел меня к ней, и теперь я знаю, что это было моей целью с самого начала, вся эта боль, все эти страдания и тьма, в которые мне пришлось погрузиться, были для того, чтобы я мог найти свою Маленькую Птичку.

Рокси всхлипывает во сне, ее тело напрягается от страха. Бедная Маленькая Птичка, запертая в своей собственной темноте.

Ущипнув ее за живот, я бужу ее. Я чувствую тот момент, когда она осознает, что не одна. Ее дыхание прерывается, все ее тело прижимается ко мне, пока я продолжаю гладить ее мягкий живот. Такая мягкая, такая шелковистая, интересно, вонзится ли мой нож в ее кожу как в масло.

— Маленькая птичка, Маленькая птичка, так старается улететь от нас, даже во сне, — шепчу я в шею Рокси, ее пульс бьется громко и совпадает с моим.

— Дизель? — шепчет она в ночь. Я не думаю, что она понимает, но, когда осознание приходит к ней, что это я, у Рокси перехватывает дыхание, и она немного расслабляется. Рокси начинает доверять нам, даже если сама этого не видит.

— Устала, Маленькая Птичка? Не пытаешься сбежать сегодня вечером, даже после того, как ты трахнулась с Кензо и он заставил тебя понять, как сильно ты хочешь нас?

Она рычит и переворачивается, свирепо глядя на меня. Ухмыляясь, я притягиваю ее ближе, кладу руку на ее пухлую задницу, чтобы удержать ее рядом.

— Я не хочу тебя, это была глупая ошибка... Я даже не хотела этого.

— Нет? Не лги мне, Птичка, я видел твое лицо. Ты хотела этого... Но давай вернемся... Ты сказала «нет»? — интересуюсь я. Рокси не может заставить Кензо чувствовать, что он взял ее без ее на то согласия, это разрушит его. Он такой хороший.

Рокси с трудом сглатывает, на мгновение отводя глаза, пытаюсь не обращать на меня внимания. Мы не можем этого допустить.

— Птичка, ответь мне, — рявкаю я, ущипнув ее за задницу и заставив взвизгнуть.

— Нет, хорошо? Я не говорила «нет»! — кричит она.

— Почему? — дожимаю я.

— Потому что... потому что я этого хотела. — Ее грудь поднимается быстрее от этого заявления, глаза Рокси расширяются, как будто она не может поверить, что призналась в этом.

— Хорошая Маленькая Птичка, наконец-то осознавшая то, что мы все можем видеть и так. Ты жаждешь нас, ты хочешь нас, нуждаешься в нас, — бормочу я, мои глаза опускаются к ее губам. Я хочу поцеловать ее снова. Интересно, позволила бы она мне теперь?

Рокси замолкает, ее взгляд затуманивается прежде, чем она снова обращает его на меня. И я знаю, я просто знаю, что она собирается что-то предпринять. Моя Маленькая Птичка не может сдаться без боя, она думает, что это сделает ее слабой. Ничто не может быть дальше от истины.

Сдаться и принять нас было бы самым сильным, что она когда-либо могла сделать. Мы монстры, гадюки, а любовь к монстру делает тебя одним из самых сильных людей в мире. Впустить их в свое сердце, зная, что они могут уничтожить тебя, убить тебя... это высшая демонстрация силы, но однажды она это осознает.

А пока я смирюсь с этим, будучи рядом. Держа ее, а она при этом не пыталась бы вырваться. Это приятно, и кажется правильным и успокаивающим. Как будто возвращаешься домой.

Однажды все может измениться. Однажды этого может и не случиться. Единственный способ, которым я знаю, как показать ей свои чувства, — это боль. Любовь ко мне могла бы принести ей смерть, даже само обладание мной, но разве это не было бы лучшим признанием в любви, которое ты мог бы получить?

Рокси высовывает свой язычок и смачивает губы, заставляя меня стонать, когда я смотрю.

— Не дразни меня, Птичка.

— Или что? Никаких сделок сегодня вечером? — насмехается она, придвигаясь ближе, пока не прижимается ко мне. Каждый ее изгиб прижимается к моей твердости.

— Никаких сделок, Птичка, но знай, что сегодня вечером я близок к краю. Погрузись в эту тьму, и ты можешь не вернуться, — предупреждаю я.

Рокси наклоняет голову, на мгновение рассматривая меня, прежде чем наклониться еще ближе, ее рука скользит по моей руке.

— Может быть, я и не хочу возвращаться.

Я не двигаюсь, когда Маленькая Птичка прижимается своими губами к моим. Я позволяю ей целовать меня жестко, отчаянно, когда она прижимается ближе. С раздраженным ворчанием она сильно кусает меня за губу. Я рычу, потом огрызаюсь. Я

пытался сдержаться, но не могу.

Она мне не позволяет.

Схватив ее за затылок, я притягиваю Рокси ближе. Ее губы приоткрываются в судорожном вздохе, ее рука сжимает мое бедро, когда она погружается в поцелуй. Скользнув языком ей в рот, я позволил ей почувствовать мою потребность в ней. То, как она сводит меня с ума. Рокси стонет, встречая меня своим собственным отчаянным желанием, когда мы теряемся друг в друге.

Ее рука гладит мое бедро, заставляя меня стонать ей в рот, когда Птичка проводит рукой по моему восставшему естеству. В знак предупреждения я прикусываю ее губу, и она начинает гнуть свою линию. Ее зубы врезаются в мои, когда мы сражаемся друг с другом. Оба боремся за господство. Я так погружен в нее, что даже не замечаю, как Рокси просовывает руку в мои боксеры, где у меня припрятан нож, пока лезвие не прижимается к моему горлу.

Я переворачиваю нас, и ее колени скользят по обе стороны от моих бедер, когда она смотрит на меня сверху вниз, держа нож наготове, прижимая его к моей уязвимой шее. Ухмыляясь, я откидываю голову назад, давая ей лучший доступ, пока наблюдаю за ней. Черт, она великолепна.

— Я сделаю это, — рычит Птичка, ее киска прижимается к моему твердому, обтянутому боксерами члену. Она лгунья. Я чувствую, какая Рокси мокрая сквозь тонкую ткань. Она откидывает свои пепельные волосы назад, наблюдая за мной, как будто не знает, что делать дальше.

Моя бедная, потерянная Птичка.

— Сделай это, пролей мою кровь. Я умру счастливым, когда ты будешь лежать на мне... Черт, ты даже можешь трахать меня, пока делаешь это. Только подумай, как это было бы горячо.

Я стону, поднимаюсь и хватаю Рокси за бедра, двигая ее взад и вперед по своему члену. Ее губы приоткрываются в стоне, прежде чем она качает головой и вонзает нож глубже. Я чувствую, как он разрезает мою кожу, вспышка боли пронзает меня насквозь.

Кряхтя, я толкнулся вверх, заставив ее подпрыгнуть на мне и вонзить лезвие глубже. Рокси вскрикивает, вытаскивая нож, когда я чувствую, как моя кровь стекает по моему горлу. Этого недостаточно, я хочу большего. Я хочу, чтобы она делала все, что, черт возьми, она хочет.

— Еще, — требую я.

Рокси отчаянно трясет головой.

— Ты серьезно поехал башкой.

Я ухмыляюсь.

— И тебе это нравится. Выбор за тобой, так что же ты собираешься делать, Маленькая Птичка? Убить меня? Ты могла бы отрубить мне руку, чтобы выбраться из этого здания. Ты была бы свободна, я бы даже не стал с тобой драться.

— Почему? — спрашивает она в замешательстве, нож при этом легонько касается моей кожи.

— А почему бы и нет? Ты сама сказала, что я чокнутый.

Рокси сидит там, на мне, раздумывая, убить меня или сбежать. Она умна, она прокручивает все это в голове: «Они пришли бы за мной, они бы наверняка убили меня тогда».

— Может быть. — скалюсь я в ответ. — Или, может быть, ты бы сбежала от них.

Рокси сглатывает, глядя на меня.

— Нет, я этого не сделаю. Я никогда этого не сделаю.

Ах, теперь она все понимает.

— Нет, ты этого не сделаешь. Но это твой выбор, Птичка. Беги до конца своей жизни и надейся сбежать от них, или используй этот нож для чего-то, что закончится тем, что мы оба хорошо проведем время.

Она смотрит на нож, со вздохом бросает его рядом со мной и переворачивается, плюхаясь на спину рядом со мной.

— Гребаные засранцы, пришли и разрушили мою чертову жизнь.

— Мы и вправду это сделали? — с любопытством спрашиваю я, не беспокоясь о том, что мы это сделали.

Рокси не смотрит на меня, но прикусывает нижнюю губу.

— Я люблю свой бар.

— Что-нибудь еще? У тебя не было ни настоящих друзей, ни постоянных любовников... все, что у тебя было, — это бар.

Затем она смотрит на меня со слезами на глазах.

— Бары не причиняют тебе вреда. Бары тебя не предают. Я так сильно любила одного человека, а он взял и просто ушел.

— Он бросил тебя? — спрашиваю я, прищутив глаза, прокручивая в мозгу, что она любит кого-то, кроме меня. Я хочу убить его. Не будет ли слишком сложно выследить его?

Рокси фыркает.

— Ну, в некотором смысле, но этот ублюдок, — рычит она, — пошел и, блядь, умер на моих руках. Единственный гребаный человек, которому когда-либо было не насрать, ела ли я, спала ли и была ли я жива, и вот он умер. Даже мой собственный отец не знал, а моя мать даже не знала, что я была там, она была слишком накачана наркотиками, чтобы беспокоиться. Но он был богат. Он взял меня к себе, когда у меня ничего не было. Он дал мне работу, дом, а потом, блядь, умер.

Я обдумываю ее слова.

— Он владел баром?

Рокси кивает.

— Я уже работала там, чтобы погасить долг моего отца, когда я, наконец, получила право быть свободной. Я жила на улице, и он это заметил. Он выделил мне место над баром, заплатил за мебель и все остальное. Дал мне работу, сначала барменом, потом менеджером.

— Как он умер? — спрашиваю я, любопытствуя. По крайней мере, мне не нужно его убивать. Но я все еще завидую любви, сквозящей в ее голосе. Она не может любить никого, кроме нас.

— Рак, — шепчет Рокси, слезы катятся по ее щекам, прежде чем она смахивает их, не позволяя даже этой слабости ускользнуть от нее. Моя храбрая Маленькая Птичка. — Это было ужасно, так чертовски быстро. К тому времени, когда мы узнали об этом, было уже слишком поздно. Этот ублюдок ушел и оставил мне бар, не сказав мне, сказал, что теперь это мой дом. Надеялся, что это подарит мне лучшее будущее, чем было у него.

— Прости меня, Маленькая Птичка. За то, что я такой же.

Она так много пережила, так много пережила, шрамы остались на ее теле и душе. Рокси не понимает, что похожа на нас больше, чем кто-либо другой. Может быть, мне стоит

попытаться объяснить.

Поэтому, хотя я никогда никому не рассказывал, я вскрываю эти старые раны, те, что отравили меня, просто чтобы она могла понять.

— Моя мать тоже была наркоманкой.

Рокси поворачивает голову и смотрит на меня, ее темные глаза блестят от слез. Протянув руку, я вытираю одну и пробую ее на вкус, слизывая с подушечки большого пальца.

— Она заботилась обо мне, пока могла использовать меня. В качестве наркокурьера, мальчика на побегушках, а однажды даже попыталась продать меня. Но все равно я любил ее. Меня часто у нее забирали, отправляли в приюты. Но я был тем, кого они называли трудным подростком. Я так сильно ее любил, она была моей матерью. Я всегда убегал и возвращался. Но это означало возвращение к той жизни, жизни, из-за которой я на некоторое время оказался в колонии для несовершеннолетних.

Глаза Рокси пристально наблюдают за мной, когда я поворачиваюсь и кладу голову на руку, а другой рукой тянусь к ней. На этот раз она не останавливает меня, когда я провожу ей вверх и вниз по ее бедру.

— К тому времени, как я вышел оттуда, отсидев по обвинению в причинении тяжких телесных, она была уже мертва.

Рокси ахает:

— Как же она умерла?

Мои губы сжимаются, когда я пытаюсь подавить ярость, чтобы заговорить.

— Убита. Я понял, что она задолжала продавцу слишком много денег и не могла их вернуть, поэтому он позвонил ей. Избил ее до полусмерти и, пока она была еще жива, сжег дом вместе с ней. Я приехал туда сразу после этого. Я попытался войти, добраться до нее, дым душил меня. Пламя сжигало меня. — Я поднимаю руки, щелкая ими, чтобы показать ей ожоги на моих ладонях. — Я не мог, но я слышал, как она кричала. Несмотря на все те времена, когда мама подводила меня, она все еще была моей матерью. Несмотря на все ее недостатки, я любил ее всеми фибрами души, она была моей навязчивой идеей. Моим единственным членом семьи.

— Дизель, — шепчет Рокси.

— Я преследовал его, понимаешь? Я был так зол в ту ночь, наблюдая, как пламя поглощает ее, что наконец отпустил. Я так долго сдерживался, подавляя свой гнев, вся тьма извивалась внутри меня. В ту ночь я перестал бороться с этим, я позволил ему поглотить меня. Я охотился за ним по всему городу.

— Сколько тебе было лет? — спрашивает она.

— Семнадцать. Я нашел его, вырубил и оттащил на старый заброшенный склад. Когда он очнулся, я заставил его заплатить. Повторно. Я выплеснул на него все и впервые понял, каково это — быть свободным. Быть самим собой. Чувствовать, как хрустят кости под моими руками и брызжет кровь, но этого было недостаточно, мне нужно было, чтобы он почувствовал ту же боль, что и она. Поэтому я облил его, поджег и наблюдал... и знаешь что? Этого все равно было недостаточно. Я хотел большего, подобно тому огню, мне нужно было больше. Я облажался, я сумасшедший, я знаю это. Никогда не думал, что найду подходящее место, а потом я нашел этих парней, и они такие же придурки, как и я, хотя и скрывают это лучше. Мы все знаем, что значит быть потерянными, быть одинокими, Птичка, но вместе? Вместе мы сильнее. Мы теряем эту жизнь, как змея сбрасывает кожу...

— Поэтому и стали Гадюками, — заканчивает она, вздыхая. — Черт, зачем ты мне это

рассказал? Это усложняет процесс ненависти к тебе.

— Потому что ты на самом деле не ненавидишь нас, ты просто ищешь причины ненавидеть. Вот тебе одна. Да, я чудовище, Маленькая Птичка. Я люблю боль людей, я люблю свою работу, мне нравится убивать людей и заставлять их страдать. Мне нравится защищать свою семью, и я делаю все это ради них... а теперь и ради тебя.

— Меня? Ты едва меня знаешь, — бормочет она.

— Я знаю достаточно. Теперь ты одна из нас. Я буду защищать тебя, как и их, ты вошла в логово гадюк, Маленькая Птичка. Останешься ли ты нашей добычей или же станешь хищницей — выбор за тобой. Выбирай с умом. Не всех приглашают внутрь, на самом деле, никого не приглашают. Живи или умри.

— Но почему я? — спрашивает Рокси. — И не говори мне про долг, ты мог бы убить меня и покончить с этим.

— Потому что, Птичка, в ту ночь... в ту ночь, когда твой отец отдал тебя без боя, мы разглядели в тебе то же самое, что и во всех нас. Думаю, Гарретт даже не знает, почему он спас тебя. Райдер лжет себе, говорит, что это бизнес. Кензо играет в это, как в игру, держа все в себе. Но я это вижу. В тот момент, когда твой отец бросил тебя... ты стала такой же, как мы. Еще одна потерянная душа. Еще одна Гадюка в поисках дома. Мы все начинали ни с чем, у нас не было никого рядом, а теперь посмотри, где мы сейчас. Семья. Сломленная, испорченная семья, но, тем не менее, семья, которая убьет, прежде чем позволит кому-нибудь забрать тебя. Подумай об этом. — Наклонившись, я нежно целую Рокси, и она вздыхает. — Спокойной ночи, Птичка. Ты можешь оставить нож себе, думай обо мне каждый раз, когда используешь его, но знай, что, если ты применишь его против нас, против моих братьев, мне придется убить тебя. Возможно, мне это даже понравится.

С этими словами я соскальзываю с кровати и ухожу.

— Дизель? — зовет она, и я останавливаюсь. — Ты прав, я хочу ненавидеть тебя, но, честно говоря, мне больно. Обидно, что мой отец мог так легко от меня отказаться. Я не должна удивляться, но, наверное, я всегда хотела видеть в нем хорошее. Потом пришли вы, дав мне людей, на которых можно было направить эту ненависть, но я тоже это вижу. Призраки в твоих глазах, они совпадают с моими... и я ненавижу это еще больше. Потому что это значит... — ее слова затихают, голос тихий.

— Это значит, что ты такая же, как мы, — киваю я, глядя на нее через плечо. — Змея.

Я закрыл дверь. Рокси не придет за мной, и она не сбежит сегодня ночью, я знаю это сейчас, даже если она этого не сделает. Она дома, и она, наконец, начинает это понимать.

Может быть, Птичка все еще будет бороться, но, если бы она этого не сделала, это было бы не так весело.

Я не могу дождаться, когда увижу, как она разорвет остальных на куски, чтобы проникнуть в их холодные сердца, как она проникла в мое. Мы все будем гореть вместе.

Из-за одной женщины.

Нашей женщины.

РАЙДЕР

Я слышал о Роксане и Кензо. Это крутилось у меня в голове всю ночь, пока я смотрел на слова на экране. Я не спал, как я мог? У меня в голове все кружится.

Она уничтожит нас? Неужели Роксана станет нашим концом? Должен ли я был убить ее? Должен ли я сделать это сейчас?

Все это усугубляется ответами, которых у нас нет. Даже Дональд не знал, кто на нас напал. Он подозревает, что тот был нелегалом, а значит, подделал документы, чтобы попасть сюда. Но для того, чтобы кто-то нанял его, это должен быть кто-то больший, чем недовольный владелец казино, вроде Деклана. Кто-то, кто мог позволить себе прибегнуть к его услугам.

Вздыхаю, мои мысли бегают по кругу, когда я опускаю голову на руки. У меня слишком много вопросов и недостаточно ответов. Значение слов моего отца доходят до меня, хотя я ненавижу это.

Найди ответы. Делай все, что нужно, играй грязно.

Он был ублюдком, дерьмовым отцом и еще худшим мужем, но он был чертовски хорошим владельцем бизнеса. Первое, что я сделал, прибрал к рукам все его предприятия. В этом был смысл. Он прав, найди ответы. Я слишком много думаю, как бизнесмен. Думай, как Гадюка.

Мне нужно найти человека, который подделал документы, которые приведут меня к денежному следу. Даже когда они пытаются это предотвратить, всегда остается денежный след. Затем мы находим нападающего, прежде чем он снова попытается прикончить одного из нас.

С Роксаной, Триадой, а теперь и убийцей, — нам явно есть из чего выбрать. Я чувствую, что теряю контроль, и не знаю, как его вернуть. Я видел лицо Кензо прошлой ночью после того, как он трахнул ее. Он выглядел потерянным. Я уже видел это выражение его глаз раньше. Он мечтатель, в отличие от меня. Любовник. Он мог бы выиграть у нее эту партию, но впереди целый турнир, а Роксана даже не знает, что играет по самым высоким ставкам.

Нет, не ее жизнь.

Ее сердце.

Мой брат хочет именно этого.

Это значит, что теперь она в честной игре. Может быть, это моя вина, что я пересек эту

черту в лифте, но я ничего не мог с собой поделаться. Проблема состоит в том... хочу ли я в действительности играть в эти игры? Хочу ли я ее? Мой член говорит «да», но мой разум говорит «нет». Роксана — проблема, а мы не можем позволить себе влипнуть в еще большие проблемы. Кто-то должен сохранять ясную голову, когда дело касается ее. Так что нет, я не могу.

Встав, я поднимаюсь на лифте в нашу квартиру, расположенную как раз над одним из наших предприятий. Это старое здание когда-то было гордостью и радостью моего отца. Я наслаждался им, получал огромное удовольствие от того, что сносил его и перестраивал в соответствии с нашими техническими требованиями. Я направляюсь внутрь, ранний утренний свет освещает гостиную, которая пуста. Я поднимаюсь наверх, принимаю душ и готовлюсь к новому дню.

У меня так много дел, а времени на сон нет. По одному вопросу за раз. Сегодня мне нужно найти фальсификатора. Я сделаю несколько звонков за завтраком и надеюсь услышать ответ. Пока выжидаю, я снова подкачу к Триаде, они неохотно дали нам ответ.

Как всегда, я надел свой костюм, готовый встретить новый день. Внешний вид важен, а если ты облачен в костюм, ты наделен силой. Прежде чем они успеют открыть рот, говорю им, что я не тот, кого можно так просто наебать.

К тому времени, как я одеваюсь и спускаюсь вниз, Роксана уже сидит на своем месте вместе с остальными вокруг нее. Кензо ухмыляется ей, пробегая глазами по ее сердитому лицу. Дизель режет ножом стейк, а Гарретт свирепо смотрит на стол. Итак, все как обычно.

Занимая свое место, я наблюдаю за ними, пока наполняю свою тарелку и наливаю чай.

— У нас сегодня много дел...

— А когда было иначе? Ты когда-нибудь берешь выходной? — спрашивает Роксана. Похоже, она часто это делает. Для тех, кому мы не нравимся или кто не хочет быть здесь, она задает слишком много вопросов.

— Нет, — предлагаю я, прежде чем протянуть руку и налить ей кофе, пока Кензо выглядит слишком очарованным ее грудью в рубашке с глубоким вырезом, чтобы сделать это.

Скрестив ноги, я прячу свой собственный твердеющий член. Она хоть понимает, что с нами делает? Разгуливает в этих чертовых нарядах, осмеливается дотронуться до нас. Соплячка.

— Как я уже говорил, — я протягиваю Роксане чашку, и она, кажется, удивлена, — мне нужно, чтобы вы навели справки о фальсификаторе, который оказался достаточно хорош, возможно, даже является лучшим в своем роде. — Когда Кензо не отвечает мне, я сощуриваюсь. — Брат, будь внимателен. Как бы ни была прекрасна грудь Роксаны, у нас есть дела, с которыми нужно разобраться.

— У нее красивая грудь, — кивает Дизель с серьезным видом. — Хоть я и задница, но есть еще много мест, где можно порезаться, понимаешь?

— Волнующе, — невозмутимо отвечаю я, когда Кензо смеется. — Фальсификатор, найди мне одного.

— Я знаю одного. — Роксана пожимает плечами, заставляя нас всех удивленно посмотреть на нее. Роксана фыркает. — У меня есть бар, помнишь? Я знаю почти каждого преступника в городе, к тому же им всем нравится наведываться ко мне, поэтому я делаю так, чтобы алкоголь всегда тек рекой. Это единственное место, где им не нужно беспокоиться о том, что их арестуют.

— Ты знаешь фальсификатора? Того, кто достаточно хорош, чтобы подделать документы для потенциального убийцы-нелегала? — спрашиваю я, выгибая бровь.

— Ага, придурок. Я как раз собиралась рассказать тебе, но теперь не думаю, что скажу, — огрызается она, заставляя Ди рассмеяться, и даже Гарретт ухмыляется.

— Хорошо, мне жаль, Роксана. Это было грубо с моей стороны. — Я вздыхаю, выдавливая слова сквозь стиснутые зубы.

Она усмехается, и я предупреждаю Роксану взглядом, чтобы она не давила на меня.

— Хорошо, да, я знаю такого человека. Он завсегдагай, иногда набирает клиентуру в моем баре. Я уже слышала о нем раньше, и у него весьма хорошие рекомендации. Я расскажу тебе... при одном условии.

— Каким именно? — говорю я, растягивая слова.

— Ты берешь меня с собой, — серьезно заявляет Роксана.

— Нет, — рывкаю я, но это было не то, чего я ожидал. Я думал о деньгах, драгоценностях, одежде, о чем угодно. Она постоянно меня удивляет.

— Тогда ты не добьешься от меня имени. Он все равно не стал бы с тобой разговаривать без меня. Возможно, вы и страшные Гадюки, но он выше этого. Он гораздо выше тех, кого ты знаешь, понимаешь? Ты его не знаешь, — Роксана улыбается, зная, что я у нее в руках.

— Почему? Почему ты хочешь поехать? — серьезно спрашиваю я. Если это для того, чтобы сбежать, я не могу на это пойти. Тогда мне пришлось бы наказать ее, и я, честно говоря, хочу держаться от Роксаны как можно дальше, так как она уже проверяет меня на мой уровень самоконтроля. Снова прикоснуться к ней было бы ошибкой.

— Мне скучно в этой гребаной квартире. По крайней мере, так я смогу что-то сделать, — рассуждает она, откусывая кусочек омлета, и издает стон. — Это чертовски вкусно.

— Ну же, Рай, что самое худшее, что может случиться? — Кензо смеется. — Мы отправимся туда все вместе, так она, по крайней мере, не сможет попытаться сбежать или что-то в этом роде. Ты сказал, что нам нужен этот парень, думаю, так мы его и заполучим.

Сжимая кулаки, я мысленно начинаю считать в обратном порядке, пытаюсь взять себя в руки. Я ненавижу поспешные планы, я ненавижу, когда в дело вмешивается неожиданный, непредсказуемый элемент.

А Роксана? Она непредсказуемая.

— Я связался с Триадой и жду ответа. Другие семьи отрицают, что знали о нападении, — рычу я.

— Тогда это они, — кивает Дизель с серьезным видом. — Давай просто уьем их.

— Подожди, это может быть и не так. У нас точно не самый короткий список врагов, и сделать шаг сейчас, ударить по ним, было бы ошибкой. Мы не готовы, и если мы сможем удержать их на нашей стороне, то нам нужно это сделать. Кто-то другой придет на их место, а я бы предпочел иметь дело с дьяволом, которого мы знаем, чем с тем, которого мы не знаем.

Мы ждем, когда Роксана оденется, она казалась взволнованной. Я думаю, сидеть взаперти в пентхаусе, даже при всей здешней роскоши, это не ее конек. Она хочет приключений, она хочет стимула. Я могу это понять, но это не значит, что я рад позволить ей поехать с нами. Но если это единственный способ добраться до фальсификатора, я был бы дураком, если бы проигнорировал это преимущество.

— Он прав... мы подождем и посмотрим, они никуда не денутся. Давайте сначала разберемся с этим убийцей, — кивает Гарретт, будучи голосом разума среди хаоса.

— Хорошо, о, мы должны проверить бар Рокси, — добавляет Дизель.

Вздыхаю. Я смотрю в сторону коридора, чтобы убедиться, что она не подглядывает.

— Я уже сделал это. Там новый бармен, которому мы доверяем. Он открывает и закрывает его, присматривая за баром для нее, следит за тем, чтобы его не разгромили. Все деньги переводятся на ее счет.

Кензо присвистывает с ухмылкой на губах.

— Полагаю, это означает, что ты видишь в ней нечто большее, чем просто долг.

— Это было просто, не такая уж и пыльная работа, и я подумал, что это уменьшит вероятность того, что Роксана нападет на нас.

— О-о-о, — говорит он. — Конечно, убеждай себя, старший брат, если это поможет тебе спокойно засыпать по ночам.

Я прищуриваюсь, но не отвечаю, когда Роксана идет по коридору. Мой рот слегка приоткрывается. Черт, зачем я купил ей новую одежду? Мне не следовало ничего покупать, тогда ей пришлось бы разгуливать голой.

На ней черное платье, которое выбрал Гарретт, и оно облегающее, демонстрирующее все ее изгибы, сквозь него проглядывают чертовски сексуальные татуировки. Куртка — это то, что, должно быть, подобрал ей один из парней. Она кожаная, с шипами на плечах, и когда она слегка поворачивается, я замечаю гадюку на спине — гладкую.

Роксана выглядит чертовски горячей и опасной, особенно с фиолетовой помадой и макияжем «смоки айз» — косметику выбирал ей я. Волосы Роксаны распущены волнами, и, честно говоря, я теряю дар речи. Она всегда выглядит привлекательно, но сегодня?

Сегодня Роксана похожа на Гадюку.

Я бросаю взгляд на остальных как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дизель откидывается на спинку стула, вытягивая шею, чтобы попытаться взглянуть на ее задницу. Но он отклоняется слишком далеко и с визгом летит на пол. Она смотрит на маленькую катастрофу, замечает его на полу и ухмыляется.

— Уже влюбляешься в меня, Ди?

Ди.

Она назвала его Ди.

Ревность пронзает меня насквозь. Она использует его прозвище? Я ожидал, что она будет его бояться. Мы все время предупреждали ее, чтобы она держалась подальше, но вот она здесь, смотрит на него с удивлением и называет его Ди. Вставая, я привлекаю ее внимание к себе, пытаюсь игнорировать свои собственные глупые чувства.

— Хорошо, пошли, — приказываю я, начиная движение.

Я останавливаюсь рядом с ней, опуская голову, не в силах сдержаться.

— Ты выглядишь достаточно хорошо, чтобы тебя можно было сожрать.

Роксана в шоке моргает, когда я ухожу, проверяя свое оружие у двери, пока жду остальных. Она оглядывается на нас, проверяя наши пистолеты и ножи, и, похоже, не удивляется, когда отслеживает, где мы их прячем.

— Можно мне взять мой пистолет?

— Нет, — почти рычу я. — Тебе он не понадобится, мы позаботимся о тебе.

— Можно мне взять мою битую? Я обещаю больше не использовать его на барахле Гарретта, — сладко предлагает Роксана, заставляя его фыркнуть.

— Нет, — отвечает он.

Она драматично вздыхает, но затем улыбается.

— Одну секунду.

С этими словами она бросается в свою комнату, а через минуту возвращается, подбрасывая нож в воздух.

Где, черт возьми, она его взяла?

Дизель смеется.

— Вот это моя девочка. Давай, Птичка, пора играть. — Ди кладет руку ей на плечи, когда Роксана засовывает его в карман куртки и смотрит на меня. Однако я не могу пошевелиться, слишком занятый тем, что пялюсь на них — на то, как близко их тела, на то, как им комфортно вдвоем.

Все хуже, чем я думал.

Что мне теперь делать? Пока ничего, у нас есть другие дела, с которыми нужно разобраться, но мне нужно принять решение позже — до того, как Роксана проникнет слишком глубоко и сможет разрушить все, ради чего мы так упорно работали.

— Пойдем. — Распахнув дверь, я топаю прочь, осознавая, что веду себя иррационально, поэтому я подавляю все эти эмоции, используя время, пока мы ждем, пока едем в лифте, который окутывает меня слоем бесчувственного льда, чтобы немного успокоиться. Когда раздается звон и двери открываются, я снова становлюсь собой.

Поскольку моя машина была разбита, а я жду, пока пригонят замену, я решаю взять внедорожник. Мы все можем поместиться. Гарретт забирается на водительское сиденье, а я сажусь на пассажирское. Кензо и Дизель проскальзывают внутрь и усаживают Роксану на среднее сиденье, хотя она, кажется, не возражает. Роксана расслабляется в ответ, но угрожает ударить Кензо ножом, если он снова прикоснется к ее бедру.

Кензо только смеется. Иногда другие задаются вопросом, как Кензо вписывается в нас, в то время как я нет — он чертовски хорошо скрывает свое безумие.

— Куда едем? — спрашивает Гарретт в целом, не глядя на Роксану, поэтому я смотрю на нее через плечо.

— Направляйся на юг, проезжай театральную площадь и оттуда напрямиком в трущобы. Остановись у моста Декли, ты его не пропустишь. Там повсюду граффити, прямо рядом с заброшенным сталелитейным заводом, — поясняет она.

Повернувшись вперед, я достаю свой телефон, игнорируя их всех, пока просматриваю электронные письма и сообщения. Я мог бы попросить наших охранников встретить нас на месте, но со всеми нами четверьмя в этом нет смысла. Роксана, должно быть, думает в том же направлении.

— У вас четверых есть телохранители? Вы стоите больших денег, верно?

— У нас есть охрана, — рассеянно бормочу я. — Более семидесяти пяти личных телохранителей, разбросанных по всему городу, в том числе для охраны наших активов и домов. Мы проинструктировали их, чтобы ты их не замечала. Обычно они пошли бы с нами, но когда мы все четверо выходим на дело, то трое из нас играют роль охранников. Никто не знает, что они тоже главари, так как я являюсь лицом операции, поэтому имеет смысл, что я бы взял с собой охрану.

— Зачем вести себя как охрана? — спрашивает Роксана.

— Так только Райдеру стоит беспокоиться о том, что он станет основной мишенью. Им на нас наплевать, мы просто корм для скота. Это означает, что мы можем слышать гораздо

больше, — отвечает Кензо.

— Вау, разве такой расклад не заставляет тебя беспокоиться о том, что у тебя на спине все время своего рода красная мишень? — спрашивает Роксана, наклоняясь вперед, когда мы выезжаем с подземной парковки.

— Нет, это моя работа, — отвечаю я, пролистывая ответ на электронное письмо, прежде чем положить телефон в карман. — Сядь поудобнее, пристегнись, — приказываю я.

— Итак, кто тот человек, на встречу с которым мы направляемся? — начинает Кензо.

— Просто позволь мне рассказать, хорошо? Он ненавидит посторонних и к тому же грубый ублюдок.

— Даже с тобой? — спрашивает Кензо.

— Особенно со мной. Это его способ показать, что ты ему нравишься. К тому же, если ты не заметил, я грубая сучка. Мы отлично ладим, — смеется она.

— Хочешь, чтобы я убил его? — весело спрашивает Дизель.

Я оглядываюсь назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как Роксана закатывает глаза и хлопывает его по груди.

— Нет, и, если бы я хотела его смерти, я бы грохнула его сама.

— Это классно, — кивает Ди вполне серьезно. — Можно мне посмотреть?

Потирая виски, я громко вздыхаю, зная, что это будет долгий день. К счастью, нам удастся избежать большого потока машин, и, если не считать громкого, фальшивого пения Дизеля, остальную часть пути они ведут себя тихо. Подъехав к мосту, я выскальзываю из машины, проверяю свое оружие, прежде чем оглядеться. Остальные сразу переключаются в режим повышенной опасности, их глаза остры, а тела напряжены, когда они осматриваются.

Гарретт идет первым, я и Роксана за ним, а Кензо и Дизель позади. В конце концов, ты никогда не можешь быть слишком осторожным. Положив ладонь на спину Роксаны, я направляю ее вперед, пока мы идем.

— Куда теперь?

— Боковой переулочек, там стальная дверь, — серьезно сообщает она нам, явно чувствуя напряжение. За пределами нашего дома, вот какими мы должны быть, мы можем расслабиться только там. Ставки слишком высоки, чтобы ослабить нашу бдительность хотя бы на мгновение.

Мы направляемся в ту сторону, не обращая внимания на бездомных и разбросанные повсюду иглы. В конце концов, мы вырвались с этих улиц, нам здесь так же комфортно, как в пентхаусах и особняках, возможно, даже больше. Не то чтобы Роксана знала об этом.

Роксана протискивается мимо нас и Гарретта, который пытается схватить ее, прежде чем она вскочит на две ступеньки и постучит в прочную стальную дверь.

— Эй, придурок, это твоя любимая сучка. Открывай! — кричит она.

Я поднимаю брови, но через несколько минут в двери открывается щелочка, являя два ярко-голубых глаза.

— Какого лысого ты приперлась, засранка?

Роксана выпячивает бедро, закатывая глаза.

— Очевидно, чтобы вышибить тебе мозги, — невозмутимо отвечает она, и все мы переглядываемся. — А теперь впусти меня, ты, неприятный человечиска.

Я слышу, как он хихикает, прежде чем защелка хлопывается и дверь распаивается. Должен сказать, парень, который выходит, не такой, как я ожидал. Он массивный, такой же большой, как Гарретт, с руками, способными раскроить череп. Его голова выбрита и

покрыта татуировками, рубашка натянута на груди. Он смотрит на нас и прищуривается, его голос глубокий и грохочущий, когда он спрашивает:

— Кто они?

— Друзья, на данный момент. Собираешься впустить нас, или мне придется стоять здесь, пока вы, ублюдки, меряетесь длиной своих членов? — насмешливо спрашивает она.

Он вздыхает, улыбка кривит его губы, когда мужчина смотрит на нее сверху вниз. Она крошечная по сравнению с ним, но по ее поведению этого не скажешь.

— Ты знаешь, что мой больше твоего, мы измеряли в прошлый раз.

— Да, да, ну, ты жульничал, Тайни, так чтопусти меня. — Роксана протискивается мимо него, и он следует за ней. Гарретт оглядывается на меня, и я киваю.

Мы входим внутрь, и когда я захопываю за собой дверь, я вижу, что она ждет внизу какой-то промышленной лестницы. Комната маленькая, не больше лестничной клетки, и когда я оглядываюсь, то понимаю, что здесь есть камеры, автоматическая система блокировки и огромный дробовик, лежащий рядом с дверью.

Удовлетворенная тем, что мы идем за ней, Роксана начинает подниматься по лестнице. Мы следуем за ней, мои глаза прикованы к ее заднице в форме сочного персика, когда она делает два шага за раз. Кажется, Роксана знает, куда идет, и когда мы добираемся до следующего этажа, она поворачивает налево через другую дверь и входит на склад.

Комната огромная, и ребята разделились, чтобы проверить, нет ли там кого-нибудь еще или укромных мест. Я стою и жду, пока она направляется прямо к диванам в центре комнаты и плюхается на них, вытянув ноги на одном из них. Они старые и красные, но ей, кажется, достаточно удобно.

Рядом с Роксаной располагается впечатляющая установка — четыре компьютерных монитора, все повернуты внутрь, с огромным креслом, которое, без сомнения, предназначено для Тайни. В дальнем углу под окнами стоит кровать на полу и шкаф для одежды. Справа — оружейный склад с пистолетами, ножами и даже гребаной ракетницей. Она не шутила, когда говорила, что знает нужных людей.

Тайни шагает мимо меня и шлепает Роксану по ногам, когда он бросается в свое кресло. Она показывает ему язык и поднимает их обратно.

— Так чего стряслось, засранка? Слышал, ты исчезла по семейным обстоятельствам? — издевается он.

Она закатывает глаза.

— Я говорила им, что никто в это не поверит. — Я ощетиливаюсь, думая, что нам придется убить этого человека, но она продолжает, несмотря ни на что. — Просто хочу немного отдохнуть от бара, залечь на дно.

— У тебя неприятности? — интересуется он, наклоняясь вперед.

— Когда у меня их, сука, не было? — смеется она. — Ничего такого, с чем я не могла бы справиться, но мне действительно нужна услуга.

Он вздыхает.

— Конечно, ты здесь поэтому.

— Ублюдок, ты все еще должен мне с прошлого раза, когда мы проснулись на той барже. Не хнычь сейчас, когда тебе нужно отработать.

Насколько близки эти двое? Я прищуриваюсь на Роксану и направляюсь в ее сторону, присаживаясь на подлокотник ее дивана, в то время как остальные завершают обследование комнаты. Тайни не сводит с них глаз, и на экранах компьютеров я замечаю открытую

секцию видеонаблюдения, позволяющую видеть весь склад, как на ладони.

— Ладно, какого хрена тебе нужно? — рывкает он.

Роксану, кажется, не смущает его грубость, она ковыряет ногти своим новым ножом, отдыхая. Почему ей не может быть так же комфортно с нами? Я хочу разбить ему харю, прежде чем вспоминаю, что он нам нужен. Роксана сказала, чтобы говорила только она, но я все равно перебиваю.

— Мне нужно отследить кое-кого, кто приобрел у тебя документы.

Его лицо застывает, когда Тайни поворачивает свою массивную голову и смотрит на Роксану.

— Девочка, кто, черт возьми, эти парни? Ты рассказывала им всякую чушь обо мне?

Он лезет под стол, поэтому я хватаю свой пистолет и небрежно кладу его на колени в качестве предупреждения. Его глаза сужаются, но он перестает тянуться к оружию.

— Какого хрена тебе надо, чувак?

Роксана вздыхает и садится.

— Убери свой гребаный пистолет, — рывкает Роксана на меня и смотрит на Тайни. — Одолжение, как я уже сказала ранее.

— Сколько это стоит?

— Бесплатные напитки в течение года за счет заведения, — предлагает она, и в комнате воцаряется тишина.

— Удвой, и по рукам. — Тайни протягивает руку, и она пожимает ее.

— В следующий раз, блядь, не приводи этих придурков, тупая сука.

Он смотрит через мое плечо, и я следую за его взглядом на Дизеля, который играет с гранатами из арсенала хозяина.

— Не трогай мои гребаные вещи.

Дизель ухмыляется и отступает, но я вижу, как он кладет в карман гранату, отлично. Повернувшись обратно к Тайни, я смотрю, как он поворачивается лицом к своему компьютеру.

— Кто они вообще такие? Какой-то мужской гарем, который следует за тобой повсюду?

— Точно, — кричит Дизель, прежде чем поспешно оказаться рядом с Роксаной и ухмыльнуться. — Ее гарем.

— Храбрый парень, — бормочет Тайни. — Хорошо, кого мы ищем?

— Насколько храбрый? — вопросительно ухмыляется Дизель.

— Ну, в прошлом месяце я видел, как она чуть не отрезала чей-то член осколком разбитой стеклянной бутылки, которую он бросил в Роксану, когда она разбила ему сердце. Я просто говорю, что вы храбрые ублюдки, — ржет Тайни.

Я смотрю на Роксану, приподнимая бровь, а она просто пожимает плечами.

— Он был груб, плюс это было один раз... Ладно, может быть, и не один раз, но, честно говоря, парни с членами всегда думают, что они знают все намного лучше и могут вести себя так, как будто ты им принадлежишь. Я напоминаю им, что влагалища сильнее, чем члены, так как наши спрятаны внутри, а ваши торчат... будто только и ждут, чтобы их отрубили.

Я скрещиваю ноги и морщусь, даже когда Дизель истерически смеется.

— Не стесняйся, можешь отрезать мой, Маленькая Птичка.

Тайни поворачивается, глядя на Роксану.

— У этого что-то не в порядке с головой.

— Расскажи-ка мне об этом подробнее. — Роксана кивает, наклоняясь вперед, когда

Дизель начинает играть с ее волосами. — Хорошо, парень был бы за границей, что еще?

Затем она смотрит на меня, и я откашливаюсь.

— Мужчина, моложе сорока, черноволосый. Нападающему также понадобились бы способы достать оружие, а именно снайперскую винтовку. Как-то завязан со здешними. — Я знаю, что он понимает, что я имею в виду, когда выражение его лица омрачается. — Не местный, которого ты никогда не видел, дорогой.

Он присвистывает.

— Лучше бы тебе выделить мне три годика бесплатной выпивки, когда я пересекусь с ним.

— Так ты его помнишь? — взволнованно спрашивает она.

— Черт возьми, да, чувак был мудаком. Платил хорошо, хотя хотел получить документы в два раза быстрее. — Тайни кивает.

— В курсе, кто его нанял, или, может, вспомнишь какие-нибудь подробности о нем? — спрашиваю я. Мы близко как никогда, причем не только к тому, чтобы найти этого человека, но и людей, стоящих за ним.

Тайни о чем-то спорит сам с собой секунду прежде, чем взглянуть на Роксану.

— Я хочу напитки с самой верхней полки, сука, — требует он, прежде чем повернуться к компьютеру и начать печатать. — Я проверяю всех, когда они входят в эту дверь, знают они об этом или нет. Вы правы, он немец. Свободный художник, без связей. Тоже хорош, один из лучших, не считая того, что на севере, и его команды.

— Дональд, — киваю я.

— Да, вот этот. Кто-то платил ему кучу гребаных денег, это точно. Они действительно хотели твоей смерти. Однажды он вышел, чтобы ответить на звонок. У меня есть запись.

Тайни загрузил ее, и мы все наклонились, чтобы послушать.

Из динамиков доносится голос с немецким акцентом: *«Все будет сделано сегодня вечером, а затем я покину город. Я хочу двойную плату, ты не сказал мне, что люди, которых ты хотел грохнуть — те, кто правит этим городом».*

На мгновение он замолкает, а затем продолжает: *«Меня не волнуют ваши ссоры или стремление к власти. Двойную оплату, или я умываю руки».* Он отключается.

— Ссора, — бормочу я, это, должно быть, Триады. Но без доказательств я не могу отправиться за ними немедленно. Мне нужно найти нападающего. — Спасибо, Тайни, — киваю я, вставая.

Я протягиваю пачку наличных, Тайни присвистывает и смотрит на Роксану.

— У твоего гарема бездонные карманы, ты уверена, что с тобой все в порядке, сука? — спрашивает он серьезно, и мы все напрягаемся. Сейчас нам бы представился шанс, при этом было бы стыдно убить его так просто, но мы это сделаем, если придется. Я кладу пистолет и замечаю, что Гарретт подкрадывается сзади к мужчине, но я качаю головой, ожидая, что она предпримет дальше.

Роксана смотрит на нас, замечая, что мы ждем ее ответа, готовые отреагировать. Ее глаза сужаются.

— Нет, я в порядке. Как я уже говорила, просто затаилась. Будь осторожен, петушара. — Она встает на ноги, и я чувствую удивление, написанное на моем лице.

Когда Роксана подходит ко мне, она хватает мою руку с пистолетом, который я прячу.

— Я сделала это, чтобы спасти его, не думай ничего такого.

Я чуть не фыркнул в ее защиту.

Роксана сделала свой выбор.

Она наша.

Роксана проходит мимо нас, и я подхожу ближе к Тайни, чьи глаза сужаются. Я оглядываюсь, чтобы увидеть, как она уходит, затем киваю Кензо, который идет позади мужчины с пистолетом наготове. Я снова достаю свой и прижимаю его к его голове. Тайни может быть и огромен, но я убивал людей покрупнее и куда могущественнее этого.

— Если ты когда-нибудь снова назовешь ее сукой или оскорбишь ее, я нажму на курок, ты меня понимаешь? — бормочу я низким и смертоносным голосом.

— Райдер, — протестует Роксана, но я игнорирую ее, когда Гарретт и Кензо окружают мужчину, их лица холодны. Они могут не договориться между собой о том, что с ней делать, но, в конце концов, она наша.

Никто ее не оскорбляет.

Я сильнее прижимаю дуло к его голове, и руки Тайни поднимаются, дыхание становится тяжелым.

— Мы поняли друг друга?

— Да, черт возьми, да! — кричит он, когда Гарретт хрустит костяшками пальцев.

— Хорошо, теперь ты никому не скажешь, что мы были здесь, или я пришлю сумасшедшего ублюдка и громилу, чтобы они поговорили с тобой. Мне все равно, доверяет ли Роксана тебе, я не доверяю никому, — рычу я.

— Понял, черт, ладно, чувак, — протестует Тайни.

Убрав пистолет, я засовываю его обратно в кобуру и киваю остальным.

— Хорошо, пойдём.

— Я не могу поверить, что ты это сделал, — шипит Роксана, шлепая меня по руке. Глядя на нее сверху вниз, я останавливаю свои губы, чтобы они не скривились в улыбке. Она такая храбрая.

— Я пойду и на худшее, чтобы защитить то, что принадлежит мне, помни об этом, любимая, — шепчу я, прежде чем прижать свою ладонь к спине Роксаны и вывести ее из комнаты.

— Я был неправ, они все сумасшедшие, — слышу я позади бормотание Тайни, заставляющее меня ухмыльнуться.

ГАРРЕТТ

Перехватываю инициативу в свои руки. Мы спускаемся вниз, и я на всякий случай держу руку на пистолете. Как всегда, я первым захожу в дверь, оглядываясь по сторонам, прежде чем осмотреть крыши близлежащих зданий и выпустить остальных.

Рокси пытается убежать, но я обнимаю ее за талию и кидаю обратно Райдеру. Кто-то там пытается пришить нас, и им все равно, кто попадет под перекрестный огонь. Но я отказываюсь позволить, чтобы это была она. Я слышу, как Рокси спорит, прежде чем раздастся шлепок, и она вскрикивает.

— Еще раз шлепнешь меня, приятель, и я отрублю тебе руку и отдам ее Ди. — Я ухмыляюсь на это замечание, но, тем не менее, продолжаю следить за всеми, сканируя все, пока мы идем. Мне это не нравится, мне кажется, что это неправильно.

Когда мы переходим дорогу, волосы у меня на затылке встают дыбом. Щелчком открываю кобуру, вкладывая пистолет в ладонь. Остальные, должно быть, заметили, потому что замолкают, и я чувствую, как они приближаются ко мне сзади, их собственное оружие, несомненно, уже наготове. Прислонившись спиной к стене, я осматриваюсь вокруг, и мой взгляд улавливает отблеск из противоположного переулка как раз в тот момент, когда раздаются выстрелы.

Схватив Рокси, я прижимаю ее к стене позади нас и становлюсь спиной к ней, прицеливаясь и отстреливаясь. Остальные окружают ее, защищая, пока отстреливаются. Выстрелы идут вразброс, так что это не нападающие. Сам характер стрельбы кажется небрежно отчаянным. Однако один подходит слишком близко, поэтому, выдыхая, я прищуриваюсь, целясь, и стреляю, наблюдая, как парень падает с криком. Еще два выстрела, нашедших свою цель, доносятся до нас, и стрельба прекращается.

Ровно дыша, я осматриваю местность в поисках еще каких-нибудь нападающих. Рокси вцепляется мне в спину, но я игнорирую ее, продолжая наблюдать.

— Гарр... — кричит Рокси, прежде чем вытащить мой второй пистолет, припрятанный в районе копчика.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как она прицеливается и стреляет в парня, крадущегося слева от меня, очевидно, притаившегося и поджидающего нас у нашей машины. Рокси попадает ему прямо промеж глаз, но продолжает стрелять снова и снова. Пули попали ему в грудь, когда он дернулся и упал.

Я смотрю на Рокси, приподнимая брови в удивлении. Ее глаза округлены, дыхание прерывистое, лицо бледное, но когда Рокси смотрит на меня, она кивает и возвращает пистолет. Я качаю головой.

— Оставь его пока себе.

Рокси моргает, прежде чем легкая улыбка изгибает ее губы, а затем она нажимает на предохранитель и держит его рядом со своей ногой.

— Пошли, — рывкаю я. — Не хочу, чтобы меня снова застукали на открытом месте.

— Я уже написал шефу, он заметет все следы, — предлагает Кензо, когда я хватаю Рокси за руку и прохожу мимо человека, которого она убила. Я открываю дверцу машины и заталкиваю ее внутрь, прежде чем убедиться, что остальные уселись. Только когда они внутри и в безопасности, я обхожу тачку со стороны капота, все еще держа пистолет наготове, и прыгаю на водительское сиденье. Положив пистолет на приборную панель, я завожу двигатель и убираюсь оттуда к чертовой матери.

Как только мы отъезжаем на несколько кварталов, я расслабляю руки на руле, но не перестаю проверять, не следил ли кто за нами. Как, черт возьми, они узнали, что мы там были? Неужели Тайни предал ее? Нет, у него не было бы достаточно времени, а это значит...

— Кто-то следил за нами, — вздыхает Райдер, очевидно, приходя к тому же выводу.

— Ага, — рычу я. — Вероятно, откуда-то из здания. Но они не были профессионалами. Это было поспешное решение, они воспользовались представившейся возможностью. — Я ударяю кулаками по рулю. Это было небрежно, но слишком близко, особенно с Рокси там, рядом с нами.

Я смотрю в зеркало и ловлю ее взгляд на заднем сиденье. Убить кого-то в первый раз тяжело. Для этого нужно потерять частичку себя, частичку, к потере которой я привык, но она, вероятно, нет. Рокси привыкла иметь дело с плохими людьми, но есть разница между тем, чтобы надрать задницу битой и застрелить кого-то. Ее голова покоится на плече Кензо, который легонько целует ее. Другую ее руку держит Дизель, поигрывая с ее пальцами, наблюдая за ней. Но взгляд Рокси прикован ко мне. В ее глазах нет ни капли страха и даже обеспокоенности. Они спокойны.

— Ты хорошо поработала, — киваю я ей. — Спасибо.

Рокси спасла мою задницу. Почему? Она ненавидит нас, ненавидит то, что мы украли ее. Она могла бы легко позволить мне умереть, но вместо этого она отняла жизнь у другого, чтобы спасти мою. Рокси мягко улыбается, эти губы, которыми я одержим, изгибаются.

— Не за что. Кстати, неплохой пистолет. Я собираюсь дать ему прозвище «Убийца».

Я фыркаю, не в силах сдержаться.

— Никто не дает кличек своему оружию.

— Кхм, — кашляет Дизель.

— Ладно, по крайней мере, никто в здравом уме этого не делает, — смеюсь я. Я замечаю, что Райдер разговаривает по телефону, без сомнения, разговаривает с охраной здания и полицией.

— Мне нужны записи с камер видеонаблюдения со всего здания. Выясните, кем они были, пойдите и добудьте их отпечатки пальцев и удостоверения личности в полиции. Я хочу, чтобы охрана была удвоена. Мы собираемся отсидеться. Кто-то хочет нашей смерти. Наймите больше людей, если потребуется.

Я оставляю его разбираться с этим самолично. Райдер хорошо справляется со своей работой. Моя задача — сохранить нам жизнь, но его задача — все спланировать. Поэтому я

сосредотачиваюсь на вождении, игнорируя указатели ограничения скорости. Никто не посмеет остановить нас.

— Я голодна, — скулит Рокси.

Райдер вешает трубку и смотрит на нее.

— Мы скоро будем дома.

Тот факт, что она не подвергает сомнению слово «дом», вызывает во мне какое-то чувство теплоты, которое я хочу подавить, но, похоже, я не могу этого сделать, когда она рядом.

— Но, Райдер, я тоже голоден, — жалуется Дизель, и тогда к нему присоединяется Кензо.

Райдер вздыхает, зажимая нос, как будто у него болит голова, и я не могу удержаться от смеха. Это, должно быть, убивает его. Она в буквальном смысле выбрасывает все его идеальные планы и самоконтроль в окно. Рокси может мне не нравиться из-за того, что она собой представляет, и потому что я не могу перестать думать о ней, но Райдер? Райдер возненавидит ее, потому что она его слабость.

— Мы могли бы остановиться у «Риццо», — предлагаю я. — Рэд в любом случае может что-то знать о нападении, и если нас кто-то и поджидает, они будут ожидать, что мы отправимся прямо домой, чтобы перегруппироваться, — пожимаю плечами.

Райдер недоверчиво смотрит на меня.

— И ты Брут.

— Мне нравятся их гамбургеры. — Я ухмыляюсь, и Райдер вздыхает, понимая, что потерпел поражение.

— Хорошо, мы войдем через заднюю дверь, — предупреждает он, и я киваю, проверяя зеркала, прежде чем сменить полосу движения и направиться в высококлассное итальянское заведение, которым управляет бывший убийца. Он еще и тот парень, который научил меня драться, хороший, надежный человек. Райдер никому не доверяет нашу жизнь или бизнес, и он единственный человек, которому известно чуть больше и из того и из другого, а это значит, что он тот, кому мы доверяем часть нашей жизни.

Я направляюсь не к главному входу, а в переулочек позади здания. Я выхожу первым, проверяю его, прежде чем открыть заднюю дверь и дать Дизелю с Рокси вывалиться наружу. Остаюсь рядом с Рокси, понимая, что она, скорее всего, запаникует в такой ситуации. Кладу руку ей на спину и веду ее к задней двери, которую открывает Райдер. Он пропускает нас первыми, а Дизель прикрывает с тыла. Мы расслабляемся только тогда, когда дверь за нами захлопывается.

Убирая пистолет, я держу руку на плече Рокси, чтобы она была рядом на случай, если что-нибудь случится. Во всяком случае, так я себе говорю. Я просовываю голову в кухонную дверь, когда мы проходим мимо нее, ухмыляясь, когда замечаю, как Рэд отдает приказы.

— Привет, старик, для нас местечко найдется?

Рэд оглядывается, и оскал на его лице превращается в широкую кривую ухмылку. Его лысая голова поблескивает на свету, а огромное, покрытое шрамами, татуированное тело облачено в куртку и брюки шеф-повара.

— Гарретт, мальчик мой! Всегда! — Рэд направляется в мою сторону, заключая меня в большие медвежьи объятия, прежде чем отстраниться и улыбнуться остальным, затем его глаза останавливаются на Рокси и расширяются.

Он присвистывает.

— Ну, черт возьми, кто же такая красавица?

Рокси ухмыляется и протискивается мимо меня.

— Я Рокси, эти придурки похитили меня, — небрежно говорит она и пожимает ему руку.

Рэд смеется, гулким, знакомым смехом.

— Она мне нравится, оставь ее себе, — говорит Рэд, заставляя меня закатить глаза.

— Ну, тогда пошли, давай тебя накормим.

Он ведет нас по коридору, мимо туалетов, к вращающейся двери, ведущей в ресторан. Проходя мимо, я держу Рокси между собой и остальными посетителями, не то чтобы они осмелились сделать хоть шаг. Половина богачей, которые приезжают сюда, не знают, кто такой Рэд на самом деле. Другая половина знает и боится его, но не так сильно, как они боятся нас.

Хотя, оглядываясь сегодня вокруг, кажется, что большинство из них — убийцы. Это видно по их острым взглядам и подтянутым телам. Никогда не расслабляюсь. Когда я рядом с ними, мне было легко их узнать, но здесь безопасная зона. Никаких столкновений, никакой конфронтации. Просто место, где можно расслабиться и вкусно поесть.

Нас ведут к нашему столику в задней части, отделенному от остальных ширмой, чтобы обеспечить нам некоторое уединение. Учитывая, что мы купили это место и подарили Рэду его в подарок по моей просьбе, он позволяет нам есть здесь бесплатно, когда мы захотим. Также способствует и то, что большинство его клиентов возвращается в наших кругах, и он может собирать информацию для нас.

Дизель проскальзывает в кабинку первым, а затем Рокси. Кензо садится рядом с ней, но я опережаю его, не зная почему, когда проскальзываю в кабинку, и Рокси сминается под моим весом. Кензо ухмыляется, но садится рядом со мной, не говоря ни слова.

Рокси колеблется, не зная, куда девать пистолет, поэтому я склоняюсь ближе к ней в кабинке.

— Я достану тебе кобуру, а пока я придержу его для тебя, хорошо?

Она кивает и передает его со словом: «Спасибо».

Наши пальцы соприкасаются, когда я беру пистолет, и желание захлестывает меня. Не обращая на это внимания, я убираю пистолет в кобуру и отвожу взгляд, мое лицо напряжено.

Райдер садится, расстегивает куртку, хватая салфетку и кладет ее себе на колени, оглядываясь по сторонам. Он развернут спиной к комнате, еще одна демонстрация власти, даже когда мы расслабляемся. Я киваю, давая ему понять, что продолжаю наблюдать. Дизель подскакивает ближе к Рокси и наклоняется.

— Здешний торт — это то, ради чего стоит убивать, буквально, я однажды убил кого-то за кусок торта.

Рокси смеется, и мне интересно, думает ли она, что он шутит.

— Я поборюсь с тобой за него, — парирует она. Ах, так, может быть, и нет.

— Чего ты хочешь, красавица? — спрашивает Рэд, передавая меню Рокси, которая открывает его и стонет.

— Черт, я могла бы съесть все, — бормочет Рокси.

Опустив взгляд, я пробегаю глазами по ее крошечному, соблазнительному телу.

— И куда бы ты это все запихнула, учитывая твое отношение? — фыркаю неодобрительно.

Она вскидывает голову и, прищурившись, смотрит на меня.

— Я, пожалуй, *снова* отхожу тебя своей битой, — шипит Рокси, заставляя меня смеяться. Она улыбается в ответ, и я качаю головой. Поднимаю глаза и вижу, что все в шоке тарашатся на меня.

Я щурюсь, смех застревает в горле, пристально смотрю на них всех, когда они переводят взгляд с нее на меня. Губы Райдера приподнимаются в едва заметной улыбке, прежде чем она исчезает. Рэд улыбается мне.

— Рад снова видеть тебя смеющимся, мальчик.

Прямо сейчас хочу провалиться сквозь землю.

— Хорошо, озадачьте меня, чего бы вам хотелось, и я сейчас не только про еду.

Рэд кивает, хватая стул и разворачивает его, чтобы сесть на него задом наперед.

Райдер вздыхает, откидываясь на спинку стула.

— Похоже, мы стали мишенью. Можешь посмотреть, чего сможешь нарыть? За нами охотится профессионал, немец, но теперь он кажется каким-то неряхой второго сорта.

Брови Рэда взлетают вверх.

— У вас было много дел. Кого вы сейчас разозлили?

— Всех, — отвечает Дизель с ухмылкой, и Рэд издает еще один раскатистый смешок.

— Хорошо, я посмотрю, что смогу найти. Думаете, они связаны между собой? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Может быть, кто-то много заплатил за немца. Когда он не завершил дело, возможно, они разозлились и наняли каких-нибудь местных головорезов.

Рэд кивает.

— Хорошо, теперь хотите поесть, как обычно?

— Пожалуйста, — отвечает Райдер, и Рэд смотрит на Рокси, которая угрожает Дизелю ножом. Вздохнув, я выхватываю его у нее из рук и передаю ей свой, побольше.

— По крайней мере, воспользуйся этим, если собираешься пырнуть его ножом.

— Что ты хочешь съесть, милашка? — задает вопрос Рэд, и я предупреждающе прищуриваюсь, глядя на него.

— Даже не думай об этом, она наша, — огрызаюсь я, а ревность пронзает меня. Рэд ухмыляется, и я знаю, что он сделал это нарочно, придурок.

— Я буду чизбургер с двойным беконом с картофелем фри, чесночным хлебом и дольками лимона. — Рокси улыбается ему.

Рэд отшатывается, прижимая руку к сердцу.

— Ты уверен, что она ваша? Разве я не могу ее забрать?

Лицо Дизеля сереет, черт возьми. Я протягиваю руку как раз в тот момент, когда он идет, чтобы броситься через стол на мужчину.

Смеясь, Рэд встает.

— Хорошо, хорошо, я перестану издеваться над тобой и приму твой заказ.

Оттолкнув Дизеля, я качаю головой и отхлебываю воды. Этот парень однажды убьет нас, напав на такого вот убийцу. Черт возьми, Дизель сам по себе убийца, но даже здешние ублюдки держатся от него подальше, потому что он слишком сумасшедший.

Я оглядываюсь и вижу, как Рокси похлопывает Ди по груди, будто собаку.

— Хороший мальчик, я поделюсь своим кусочком торта с тобой, если ты никого не убьешь за ужином.

— Но что, если их нужно убить? — спрашивает Дизель, хмуро глядя на нее.

— Тогда позволь Гарретту сделать это, — сладко предлагает она.

Ди драматически вздыхает и опускается на стул.

— Хорошо, Маленькая Птичка. Только потому, что ты так мило меня об этом попросила.

Рокси откидывается назад, самодовольно глядя, как Райдер просто пялится на нее. Как, черт возьми, ей удалось заставить его делать то, что она захочет? Мы пытались в течение многих лет, и у меня есть шрамы, которые доказывают безуспешность этой затеи. И все же один взмах этих ресниц, и Дизель ведет себя как чертовски нормальный человек.

— Итак, каков ваш следующий шаг? — спрашивает она, поигрывая соломинкой в своем стакане с водой.

— Мы выследим их, кого сможем найти первыми, и отдадим их Ди.

Райдер ухмыляется, довольно противно.

— Если мы не сможем их найти, мы будем охотиться на их семьи. Их детей, их жен. Мы разрушаем их жизни, пока они не выйдут из укрытия, а затем просто убиваем их. Ставим их в пример, напоминая людям, что происходит, когда ты приходишь за Гадюкой.

Рокси кивает, как будто ожидала этого.

— Если вы дадите мне телефон, я смогу сделать несколько звонков. Такие люди обычно завсегда в баре «У Рокси», так что кто-то мог что-то слышать.

Райдер с любопытством наблюдает за ней.

— И почему ты продолжаешь помогать нам, любовь моя?

Она вздыхает.

— Потому что это лучше, чем смерть. Я никогда не избавлюсь от вас, ублюдки, так что, похоже, я готова к очередной вылазке, и мне и правда нравится быть живой. Так что позвольте мне помочь. Я не просто хорошенькая мордашка.

Райдер мгновение наблюдает за Рокси, обдумывая ее слова, прежде чем передать ей свой телефон. Мои глаза расширяются. Он даже не позволяет мне дотронуться до его телефона. Это как его библия. Но передает телефон, и Рокси набирает номер большим пальцем и ждет, пока в трубке раздаются гудки, ее пальцы барабанят по столу. Кто-то, должно быть, ответил на том конце, потому что она ухмыляется.

— Это очередной способ поприветствовать меня? — спрашивает она, и затем я слышу бормотание в телефоне.

— Да, да, мне все равно, как поздно ты проснулась, отсасывая член. Мне нужна услуга.

Все стихает, и она фыркает.

— Да, конечно. Отлично. Верно, у некоторых подонков сегодня была перестрелка недалеко от убежища Тайни. Можешь выяснить, кто они и где сейчас находятся?

Повисает тишина, и я слышу, как кто-то печатает на заднем плане, прежде чем Рокси ухмыляется.

— Это твоя цена? Сука, ты же знаешь, что я больше не буду встречаться с твоим братом. В последний раз он водил меня в бордель.

Рокси смеется и ждет, пока мы все ошарашенно пялимся на нее... Бордель? Кто эта девушка?

— Да, спасибо, девочка. Увидимся. — Рокси вешает трубку и смотрит на нас, приподняв бровь.

— Они бандиты, заправляют Пожирателями Смерти на южной стороне. Маленькие, не страшные ублюдки. Если они придут за вами, значит, их наверняка наняли, они работают

только за баблишко. Вы можете найти их на заброшенной газетной фабрике на пристани. Хотя их охраняет свора из сорока собак.

Рокси кладет телефон на стол и небрежно потягивает воду.

— И одному из вас придется отправиться на свидание с ее братцем. Вероятно, в бордель.

РОКСИ

Дизель так сильно смеется, что ему приходится вытирать глаза салфеткой.

— Я выдвигаю Гарретта, — ухмыляется он.

— Отвали, — рычит в ответ здоровяк.

Райдер игнорирует их всех, как всегда сосредоточившись на своем телефоне. Я не могу перестать пялиться на него, он такой изящный, такой утонченный... такой холодный. Как снег. Но снег прекрасен, и когда он тает... то вскрывает все, что скрыто под ним.

— Нужно отлить, — говорит нам Дизель, прежде чем выскользнуть из кабинки, и мгновением позже Кензо садится на свое место рядом со мной.

— Он грохнет тебя, — предупреждаю я его, пожимая плечами, откидываясь назад и встречаясь взглядом с взглядом темных глаз Кензо. Он откидывает волосы назад, улыбка изгибает эти губы, и мое тело прошивает накатившей волной тепла от воспоминаний о том, как они были хороши в непосредственной близости от моей киски.

Глаза Кензо расширяются, как будто он знает, о чем я думаю.

— Веди себя прилично, дорогая.

— А я, по-твоему, что делаю, — возражаю я, даже когда мой взгляд возвращается к его губам. Мы не говорили о том, что произошло, но, честно говоря, я не думаю, что нам это нужно. В нас обоих бурлила агрессия, которую нам нужно было выплеснуть. Черт, я все еще ненавижу их... но я устала бороться с этой потребностью, потребностью отыметь их всех. Почувствовать эту силу.

Я знаю, что говорила себе раньше, но я никогда не освобожусь от их власти, так почему бы не поймать кайф по дороге? У них есть способ затащить вас в свой мир и поглотить вас вместе с ним, а я оказываюсь прямо посередине... и мне это нравится.

Кензо наклоняется ближе, его палец касается моего подбородка, когда он наклоняется, почти прижимаясь своими губами к моим.

— Чувствуешь потребность, дорогуша? Боюсь, мы не сможем проделать это здесь...

Кензо облизывает мои губы, прежде чем отодвинуться и вернуть мою голову в исходное положение. Я позволяю ему, и мой взгляд натывается на холодный взгляд Райдера. Он внимательно наблюдает за нами, его лицо ничего не выражает, но за этой холодностью просвечивает что-то еще.

Искра.

Та, которую он отчаянно пытается скрыть. Кензо все равно, он проводит губами по моей шее и по моему бьющемуся пульсу. Мои губы приоткрываются в судорожном вздохе, когда пытаюсь слегка отодвинуться, но я натыкаюсь на Гарретта, поэтому отодвигаюсь, и Кензо буквально вжимается в меня. Комната наполнена болтовней, смехом и звоном вилок о тарелки, но все, что я слышу, — это звук моего сердца от того, как этот придурок дразнит меня.

Вот засранец.

Его рука опускается на мое бедро под столом и гладит вверх по моей ноге, поднимаясь все выше и выше, пока Кензо покусывает мою шею. Не сводя глаз с Райдера, я снова поворачиваюсь к Кензо, пытаюсь игнорировать свою пульсирующую киску. Облизывая мою шею, он начинает покусывать мое ухо, раздвигая мои бедра и прижимая руку к моим мокрым трусикам, платье дает ему полный доступ.

— Я чувствую, какая ты мокрая, — мрачно бормочет Кензо голодным голосом. — Держу пари, если бы я просунул пальцы в твою тугую маленькую пизденку, ты бы кончила для меня, не так ли?

— Ты бы не посмел, — огрызаюсь я, пытаюсь действовать жестко, но как только слова слетают с моих губ, я понимаю, что наделала.

Бросила вызов... человеку, который сделал состояние на азартных играх и ставках.

Твою же мать.

Губы Райдера слегка приподнимаются, как будто он знает, что должно произойти. Откинувшись на спинку стула, забыв свой телефон на столе, он пристально смотрит на меня. Без сомнения, отмечая подъем и падение моей груди, мои приоткрытые губы, румянец, заливающий мои щеки и стекающий по шее. Рука перекинута через спинку стула, ноги раздвинуты, он сидит и ждет, как будто смотрит гребаную театральную постановку.

И актриса я.

Кензо на мгновение отстраняется, и я удивленно смотрю на него. Этот парень не похож на того, кто отступает, но потом на меня отсвечивает блеск лезвия, вспыхнувший молнией в свете ламп, прежде чем он прижимает его к ткани, обтягивающей мою киску. Я замираю, едва дыша, а Кензо смеется мне в ухо.

— Они мешают, — рычит он, прежде чем отрезать их. Я громко вздыхаю, когда прохладный воздух обдувает мой влажный центр.

Я смотрю, как Кензо засовывает нож и мое нижнее белье в карман, прежде чем его рука снова возвращается к поглаживанию моего бедра. Я ничего не могу с собой поделаться и раздвигаю ноги еще шире для него, задевая огромное бедро Гарретта под столом. Мой взгляд резко поднимается к нему, чтобы увидеть, как он смотрит на меня сверху вниз. В Гарретте, как обычно, плещется злость, но я также замечаю в этом взгляде глубокий голод.

Я хочу отодвинуться, должна. Он не любит меня, или женщин, или когда к нему прикасаются. Но Гарретт не отстраняется, и я тоже. Моя нога прижимается к его ноге, когда рука его брата, наконец, накрывает мою теплую киску.

Затем Дизель подходит к столу и опускается на место Кензо.

— Придурок, — бормочет он, а затем смотрит на меня, его глаза загораются, когда Ди видит, в каком я состоянии.

— О, во что мы тут играем, Маленькая Птичка?

— Да, Птичка, скажи ему, — насмехается Кензо мне на ухо, поглаживая мою щель, вверх и вниз, вверх и вниз, дразня меня.

— Я... э-э, ни во что, — бормочу я, тянусь за водой и делаю глоток, пытаюсь удержаться от того, чтобы не поддаться прикосновению Кензо. Я только делаю глоток, как он раздвигает мои губы и щелкает по моему клитору. Поперхнувшись водой, я с грохотом ставлю стакан на стол, и Кензо смеется мне в ухо, когда я выплевываю воду и вытираю забрызганные глаза. Этот ублюдок...

Стон срывается с моих губ, когда Кензо делает это снова, прежде чем обвести большим пальцем и надавить на клитор, потирая. Он лижет мне ухо, пока мои глаза мечутся между ухмыляющимся взглядом Дизеля и холодным взглядом Райдера. Они все наблюдают за мной. Я в центре внимания, так как Кензо отлично играет со мной.

Его друг мог вернуться в любой момент, любой мог поднять глаза и заметить нас. Эта мысль только делает меня влажнее, и он использует мои соки в качестве смазки, чтобы погрузить в меня палец. Застонав, прикусываю губу, чтобы не быть слишком громкой, когда откидываюсь назад в кабинке, открываясь Кензо еще больше, позволяя ему погрузиться глубже.

Если не можете победить Гадюк, станьте одним из них.

Мои глаза закрываются, когда прислоняюсь головой к кабинке, просто ощущая его. Кензо скручивает палец внутри меня, поглаживая меня, его большой палец все еще проводит сводящими с ума кругами по моему клитору, пока я не оказываюсь так близко к краю. Их взгляды на моем теле и ощущение Кензо, нажимающего на мою сокровенную точку, — это уже чересчур.

— Открой глаза, дорогая, посмотри, что ты с ними делаешь, — шепчет Кензо мне на ухо, и я распахиваю глаза, подчиняясь.

Сначала я смотрю на Дизеля, сумасшедшего ублюдка, который вывалил свой член. Издаю стон, наблюдая, как он кружит по всей длине, не заботясь о том, что он в публичном месте. Его брюки расстегнуты, он смотрит на меня, пока Кензо доводит меня до края пальцами.

У меня слюнки текут при виде него. Он толстый, такой чертовски толстый, при этом его пересекает надпись черными чернилами. Он сделал татуировку на члене. Сей факт меня ни капли не удивляет, как и пирсинг в конце... он, вероятно, получил удовольствие, прокалывая его. Вот только я не могу не задаться вопросом, каково это было ощущать, как этот пирсинг трется о мои внутренние складочки...

Кензо добавляет еще один палец, заставляя меня издать громкий стон, когда я беззастенчиво наклоняю бедра, чтобы встретить толчок его руки.

— Посмотри на моего брата, видишь его глаза? Его взгляд горит для тебя, а глаза тают при виде тебя. Он пытается бороться с этим, ненавидит, что не может контролировать тебя или свою реакцию на тебя, но только посмотри.

Я следую его указаниям и пристально смотрю на Райдера. Сначала я встречаюсь с ним взглядом и вижу, о чем говорит Кензо... они тают в прямом смысле. Огонь борется там со льдом, когда его лицо напрягается. Пробегая глазами по его телу, я замечаю, что его грудь слегка вздымается, его руки сжаты в кулаки на бедрах, а брюки... натянуты на его твердый член.

Он хочет меня.

Это шокирует меня, и я лишь издаю громкий стон, когда Кензо ускоряет темп, трахая меня по-настоящему пальцами. Я теряюсь в этом, в удовольствии, пронизывающем меня от того, что за мной наблюдают, и от того, что я нахожусь посреди всех этих могущественных

парней, превращая их в слабаков. Дураков.

Приподняв бедра, я бесстыдно оседлала его пальцы, нацелившись добиться освобождения, пока Кензо шептал мне на ухо грязные слова. Он кусает меня за мочку уха.

— Держу пари, если ты протянешь руку между ног Гарретта, ты тоже найдешь его твердым.

Слотнув, я бросаю взгляд на здоровяка, который изо всех сил старается не смотреть на меня. Его лицо хмурится, тело напряжено и отклоняется, как будто он больше не может прикасаться ко мне. Его руки... они сжаты в кулаки, татуировки простираются по его покрытой шрамами коже, но они слегка подрагивают.

Мой взгляд скользит по его широкой груди к коленям, которые я вижу прямо под столом. Кензо прав. Он возбужден.

Твою же мать.

Кензо хихикает мне в ухо.

— Как и я при одном воспоминании, как ты извивалась подо мной, как крепко твоя киска обхватывала мой член, выжимая до капли. Как чертовски красиво ты выглядела подо мной. Держу пари, Ди тоже вспоминает. Райдер... Райдер фантазирует об этом, желая, чтобы он был на моем месте. Желая, чтобы он был мной, ощущая, как твоя маленькая влажная киска обвивается вокруг его пальцев прямо сейчас. Ощущая, как ты близка к тому, чтобы кончить от моего прикосновения и их глаз.

Стоны слетают с моих губ без зазрения совести, грязные слова Кензо возбуждают меня до тех пор, пока мне не хочется сорвать с себя одежду и просто взобраться на него, как гребаное животное. Оседлать его член прямо здесь, прямо сейчас. Он стонет мне в ухо, как будто знает, о чем я думаю, его пальцы растягивают меня, когда он трет мой клитор.

— Я хочу, чтобы они видели, как ты кончаешь, слышали, как ты стонешь. Чтобы все здесь знали, кому ты принадлежишь, кто доставляет тебе удовольствие, которого никто другой никогда не получит, — рычит Кензо.

Тяжело дыша, я качаю головой, пытаюсь бороться с этим, но уже слишком поздно. Мой оргазм пронизывает меня насквозь. Когда это происходит, мой взгляд наталкивается на взгляд Райдера, и на мгновение я вижу ад, бушующий в его взгляде, прежде чем мои веки закрываются, я кончаю жестко с низким вскриком.

Меня прошивает чувственным фейерверком, когда Кензо трахает меня, а его пальцы пробиваются через мой тугий канал, его большой палец трет мой чувствительный клитор, заставляя стон сорваться с моих губ, когда пытаюсь отстраниться, но я ослаблена и выдохлась.

Я откидываюсь назад, тяжело дыша, мои глаза распахиваются, чтобы снова встретиться с Райдером, но он моргает, и лед возвращается, как будто я никогда не видела того, что думала, что видела. Оглянувшись, с бьющимся в груди сердцем, я вижу, как Дизель протирает свой член салфеткой, скомканной в руке... Он что, кончил? Боже.

Кензо хихикает мне в ухо, и я отталкиваю его. Кензо откидывается назад, его пальцы высвобождаются из моей мокрой киски со слышимым хлопанием. Сжимая бедра вместе, я съезживаюсь от покрывающей их влаги.

Я тяжело дышу, не в силах отдышаться, и мое тело все еще дрожит от толчков, когда я смотрю, как Кензо вытаскивает свою руку, ту, которой он трахал меня, демонстрируя им свои пальцы, покрытые соком. Глаза Кензо встречаются с моими, когда он подносит их к своему высокомерному рту и облизывает дочиста.

Твою же мать.

Я больше не могу этого выносить, мне нужно время, чтобы прийти в себя. Чувствую себя обнаженной и беззащитной, а они все еще наблюдают за мной.

— Можно я пойду приведу себя в порядок? — бормочу я.

— Нет, — огрызается Райдер.

— Посидишь измазанной собственными соками, осознавая, что это только первый из многих сегодняшних разов. — Кензо ухмыляется.

Гребаные придурки.

Как раз в этот момент нам приносят еду, и я не могу встретиться взглядом с Рэдом и другим официантом, как будто он знает, что только что произошло. Черт, он что, ждал, пока я кончу, чтобы принести еду сюда? Мои щеки краснеют от осознания этого. Как-то неловко. Даже для меня.

Но потом я беру себя в руки. Нет, к черту все. Я отказываюсь смущаться. Это мое тело, если бы я хотела оседлать все их члены прямо здесь, я бы это сделала. Сглотнув, я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с официантом. Его щеки порозовели, и как только я встречаюсь с ним взглядом, он смотрит в стол, быстро раздает еду, прежде чем ретироваться. Рэд хихикает и следует за ним.

— А они говорят, что мы страшные, видели бы вы себя. Это чертовски гениально, — ухмыляется Дизель, прежде чем схватить свой гамбургер и откусить огромный кусок.

Я делаю то же самое, умираю с голоду после перипетий прошедшего дня. Я не утруждаю себя тем, чтобы соблюдать правила приличия за столом. К черту их. Если бы они хотели классную птичку, им следовало бы ее похитить. Я ем так же, как и они, поглощая пищу только так, как это может делать ребенок, который всегда боялся, что у него никогда не будет следующей порции.

Когда я съедаю столько, сколько могу, откидываюсь назад, меня переполняет чувство вины за чесночный хлеб, который я не доела. Еще одна вещь, которой я научилась, голодая, — есть все, потому что никогда не знаешь, когда ты снова сможешь поесть. Но я не могу, я слишком сыта. Пытаюсь убедить себя, что это не имеет значения, я больше не голодаю, но от этой привычки трудно избавиться.

Райдер наклоняется над столом и нежно приподнимает мой подбородок, его глаза метаются между моими, как будто он видит мою внутреннюю войну. Это глупо, но меня охватывает паника. Будет ли он сердиться, что я не смогла съесть все это?

Райдер на мгновение смягчается.

— Дыши, — бормочет он, прежде чем наклониться, взять последний кусочек еды с моей тарелки и съесть его руками, что для него необычно. Когда Райдер заканчивает, он встречается со мной взглядом и вытирает рот, и я знаю.

Он сделал это для меня.

Я откидываюсь на спинку стула, потрясенная прошедшим днем. Честно говоря, было слишком много эмоций, с которыми можно было бы справиться так просто. Поэтому просто сижу, не говоря ни слова, пока они заканчивают есть. Взглянув на Гарретта, я понимаю, что его тарелка стоит перед ним нетронутой.

Я наклоняюсь ближе.

— Разве ты не голоден? — интересуюсь я.

— Мой голод не имеет ничего общего с едой, — рычит Гарретт и смотрит на меня сверху вниз, его глаза потемнели, а губы сжались от вожделения. Я задыхаюсь, дрожа под

этим пристальным взглядом. Я думала, он ненавидит меня.

Затем звонит телефон Райдера, отрывая меня от нашего момента, и я отвожу взгляд, избегая этих глаз. Черт, что они со мной делают? Я не могу сосредоточиться на разговоре Райдера, но сразу после этого он подзывает официанта.

— Позови-ка сюда Рэда, — требует он.

Не прошло и двух минут, как тот уже за нашим столиком.

— Нам пора идти, спасибо за еду, сколько мы тебе должны?

— К черту это, ты знаешь, что я не беру твои гребаные деньги, но у меня есть для тебя кое-какая информация. — Затем он наклоняется ближе, встречаясь взглядом с Райдером. — Эти люди — местные головорезы, с ними легко иметь дело, но за ваши головы назначена награда, друзья мои. — Рэд смотрит на Гарретта. — Люди начнут охотиться на тебя, так как ставки высоки.

— Понятно, — бормочет Райдер. — Тогда это не сильно отличается от привычных будней.

— Ты не понимаешь. Они говорят, что как только ты умрешь... город будет в новых руках. Куда лучших. Они планируют уничтожить Гадюк и захватить власть, это разносится по всем улицам.

Мои глаза расширяются от этой новости. Кто был бы столь глупым, чтобы бросить вызов Гадюкам? Они владеют всем, всеми. Они могущественны и чертовски ужасны. Но Райдер не выглядит шокированным, хотя он слегка напрягается от этой новости и кивает.

— Позаботься о безопасности, — добавляет Рэд. — Выйди через заднюю дверь.

А потом он просто встает и уходит.

— И тебя это не заботит? — Я задаю вопрос, как только Рэд удаляется.

Райдер ухмыляется, но ухмылка получается ни разу не приятная, отчего по моей спине пробегает волна жара.

— Заботит? Нет. Всегда есть люди, которые пытаются убить нас, забрать то, что у нас есть. Когда ты на вершине, самый могущественный, все они хотят, чтобы ты упал. Но нас не свергнуть. Просто пришло время показать им это снова, небольшой урок, чтобы напомнить им, кому принадлежит этот город. — Райдер пожимает плечами и встает, застегивая пиджак, прежде чем бросить деньги на стол, игнорируя слова Рэда. — Давай вернемся, нам нужно кое о чем позаботиться.

Дизель издает победный вопль.

— Черт возьми, да, пришло время поиграть!

О, черт, мне не нравится, как это звучит. Но все они кажутся взволнованными этой перспективой, счастливыми, что их руки будут в крови. Иногда я забываю, что они убийцы, головорезы и змеи.

Иногда мне все равно.

Гарретт выскальзывает из кабинки, и я проскальзываю через его сиденье. Его рука пробегает по мне быстро и резко, и я вздрагиваю. Гарретт замирает и медленно протягивает ее мне. Я прослеживаю это движение до его лица и вижу понимание в его глазах.

Он знает.

Приняв его руку, я позволила Гарретту поднять меня на ноги, и он сразу же отпустил, но я не ожидала от него такой любезности.

Когда мы выходим из ресторана, мой взгляд падает на парочку — женщину и мужчину, склонившихся максимально близко друг к другу. Ее темные волосы туго зачесаны назад, и

она улыбается... она прекрасна. Парень блондин, наклонившись к ней, шепчет ей на ухо, и, судя по усмешке на губах девушки, я бы сказала, что это что-то неприличное. Она ловит мой пристальный взгляд и кивает мне, когда встает.

— Куда ты направилась, дурочка, — зовет парень, и девушка смотрит на него сверху вниз.

— В уборную. Хочешь присоединиться?

Я отворачиваюсь, ухмыляясь про себя. Все в этом мире немного сумасшедшие, так чем же я отличаюсь?

По дороге домой у нас не возникло никаких проблем, но Гарретт продолжал следить за тем, чтобы нас никто не преследовал. Когда мы вернулись в высотку, у входа в метро нас ждали охранники. Они дважды проверили нашу машину на наличие взрывчатки, прежде чем занять свои позиции позади нас, когда мы припарковались.

У входа в лифт даже появились два новых охранника. Однако они там и остаются, пока мы подъезжаем к пентхаусу. Я чувствую напряжение, гнев в телах окружающих меня Гадюк, поэтому на этот раз я молчу. Как только мы открываем дверь квартиры, я замечаю всех новых охранников. Здесь по меньшей мере пятеро. Черт, чего они ожидают? Они все большие, все крепкие и устрашающие. Их глаза остры, а тела напряжены — они явно профессионалы.

— Держись подальше от окон и оставайся внутри квартиры. Мы вернемся позже, — сообщает мне Райдер, снимая куртку и направляясь наверх. Я наблюдаю снизу, как он сканирует свою руку и входит в ту запертую комнату. Я вижу ряды пушек отсюда, прежде чем дверь захлопнется за ним.

Остальные столь же серьезны, пристегивая оружие к своим телам. Все, кроме Дизеля, который смеется про себя. Его фигура похожа на ходячий арсенал, увешанный пистолетами и клинками. Они действительно собираются попытаться убить их всех?

Четверо против двадцати с лишним?

Они решили умереть?

Райдер возвращается с кобурами на груди и бедрах. Теперь он больше похож на Кензо, его лицо холодное и смертоносное. Его тело — это оружие. Райдер подходит ближе ко мне, и я понимаю, что остальные стоят у двери и ждут.

— Веди себя прилично, любимая.

— Когда я вообще это делаю? — ухмыляюсь я. Райдер отворачивается, но я хватаю его за руку. — Ты не берешь никого из этих парней?

Райдер смотрит на меня через плечо, его губы растягиваются в усмешке.

— Нет, но не волнуйся, любимая, мы справимся с этим. Просто еще один день в жизни Гадюки.

— Их там больше двадцати! — огрызаюсь я.

Он смеется, на самом деле смеется, и, честно говоря, это устрашающий звук.

— Хорошо, они могли бы постараться дать нам отпор. Они все равно проиграют, но от этого будет только веселее.

Повернувшись, Райдер берет меня за руку и целует костяшки пальцев.

— Не доставляй парням слишком много хлопот и постарайся никого из них не убить.

— Ничего не обещаю, — со смехом отвечаю я, и затем Райдер отходит.

Он смотрит на охранников.

— Она не уходит, и вы не прикасаетесь к ней, — приказывает он, прежде чем распахнуть входную дверь. Они все оглядываются на меня, и я чувствую себя такой потерянной, такой внезапно одинокой без них вокруг меня. Я привыкла к их присутствию, и теперь они уходят, может быть, навстречу своей смерти.

Дизель машет мне рукой.

— Скоро увидимся, Птичка, я принесу тебе подарок.

А потом они уходят, и я остаюсь одна.

Оглядевшись, я замечаю, что все охранники наблюдают за мной. У них есть приказы, но я не просто сижу здесь и верчу большими пальцами, пока охрана здесь. Я должна попытаться что-то сделать, что угодно... Я не беспокоюсь о них, не так ли?

Нет, к черту это, если они умрут, я тоже умру. Это единственная причина, по которой меня это волнует.

— Ну, мальчики, чем мы с вами займемся, пока их здесь не будет? — интересуюсь я.

ДИЗЕЛЬ

По дороге на склад я снимаю рубашку. Это хорошая вещь, которую я не хочу испачкать кровью. Кроме того, мне нравится, когда кровь брызгает мне на грудь. Я уже продвинулся, как вернусь покрытый ею, чтобы произвести впечатление на свою Маленькую Птичку.

Райдер, как всегда, молчит, прежде чем что-то происходит. Гарретт злится, его шея хрустит, а костяшки пальцев щелкают, пока он готовится. Кензо тоже молчит, дважды, а затем трижды проверяя свое оружие. Мы знаем, каковы наши шансы, и на этот раз у кого-то может быть шанс... ну, они могут подумать, что знают это.

Мы сражаемся вместе дольше, чем эти панки, мы точно знаем, как работать сообща. Нас невозможно остановить, и кровь прольется еще до восхода солнца. Их кровь.

От моих ножей и пуль за их оскорбление.

Мы им точно напомним, почему все нас боятся. Может быть, в последнее время мы стали мягче, так что хорошая резня должна расставить все точки. Мы останавливаемся в квартале отсюда и выходим, запирая машину. Райдер снял пиджак, он настроен серьезно. Брат сжимает в руке пистолет и смотрит на меня.

— Крыша. — Затем он переводит взгляд на Кензо. — Задняя дверь. — Затем он говорит Гарретту: — Второй этаж.

Я знаю, что по дороге сюда он просмотрел чертежи и разработал лучший план, он всегда так делает.

— А ты? — ухмыляюсь я, точно зная, что он планирует сделать, этот сумасшедший ублюдок.

Райдер улыбается в ответ кровожадной улыбкой.

— А я пойду через гребаный парадный.

Райдер может прятаться за костюмами, но он такое же животное, как и мы, и сейчас он позволяет себе играть, да поможет им Бог. Они думали, что я плохой, но они еще ничего не видели. На том мы и рассредоточились, других слов не требовалось. Я проскальзываю по переулку вместе с Гарреттом, мы оба направляемся в одном направлении. Огибаем здание, позади нас водоем. У них есть патрули, но они небрежны.

Точки от зажженных сигарет выхватывают их позы, их тела устали, а глаза недостаточно остры. Мы перелезаем через забор и проходим мимо них. Собаки лают, зная о нашем присутствии, но патрульные не обращают на это ни малейшего внимания. Идиоты. Я

киваю Гарретту, и он складывает руки вместе. Сделав прыжок с разбега, я позволил ему поднять меня. Я хватаюсь за металлическую лестницу, затем поднимаюсь и переваливаюсь, прежде чем взглянуть на стены склада. На крыше не за что зацепиться, но в кирпиче есть трещины.

Ухмыляясь, я начинаю карабкаться, используя трещины. Я вдавливаю в них ноги и пальцы, чувствуя, как моя кожа разрывается, а кровь стекает по ним, но боль только усиливает мою сосредоточенность. Если бы кто-нибудь поднял глаза прямо сейчас, они бы увидели меня, но они этого не делают, и я перепрыгиваю через край и приземляюсь на бесшумную подошву ботинок.

Проползая по черепичной крыше, я нахожу люк примерно на полпути и жду сигнала. Остальные сейчас займут свои позиции. Склад имеет три уровня. Нижний этаж практически полностью усыпан поддонами и ящиками, а посередине стоят несколько кроватей и стол. Повсюду разбросаны бутылки с пивом, а в баках горят два открытых огня. На втором этаже помещения, напоминающие офисы, окна грязные и затемненные, но свет проникает изнутри. Третий этаж, прямо подо мной, больше похож на дорожку, огибающую все помещение, с несколькими патрулирующими мужчинами.

Все старое оборудование, должно быть, отсюда вывезли в какой-то момент. Какой позор, я надеялся использовать что-то из него в качестве орудия для убийства.

Я вижу, как Гарретт проскальзывает в окно и присаживается на перила второго этажа, его тень сливается с остальными, если только вы не знаете, что ищете. Открыв люк в крыше, я готовлюсь, стоя над ним.

Это будет весело.

Задняя и передняя двери распахиваются одновременно, стреляют пистолеты, и я падаю. Я приземляюсь прямо на испуганного парня, спешащего на звук боя. Обхватив его рукой за горло, я облизываю его лицо.

— Бу, — шепчу я, прежде чем свернуть ему шею и сбросить с выступа.

Я замечаю, как Гарретт сражается с двумя парнями с ножами. Он режет и потрошит их, прежде чем тоже бросить. Смеясь, я вкладываю зажигалку в ладонь и закуриваю сигарету как раз в тот момент, когда какой-то парень заворачивает за угол. Он замирает, когда замечает меня. Щелкнув зажигалкой, я ухмыляюсь ему и выпускаю немного дыма в его сторону.

— Беги, малыш, беги, — смеюсь я.

Парень колеблется, прежде чем броситься на меня с криком. Я уворачиваюсь от его отчаянных выпадов с ножом и вырываюсь. Парень врезается спиной в перила, почти переворачиваясь, и с криком бросается вперед, насаживаясь на заранее подготовленный для него нож.

Насвистывая, я выдергиваю нож и постукиваю окровавленным концом по его лицу.

— Надо было бежать. — Я ухмыляюсь, прежде чем пнуть парня, его крик заглушает стрельба внизу. Оглядываясь, я наблюдаю, как Райдер пробирается сквозь толпу отстреливающихся тел, проходит прямо сквозь нее, не боясь и не испытывая никаких эмоций. Он видит их приближение еще до того, как они успевают выстрелить, и убивает их. Как всегда, спокойный и невозмутимый с пистолетом, бьющим точно в цель. Гребаный убийца.

Кензо раздражается смехом на другом конце, когда катится за ящиками и выпрыгивает на людей, стреляя им прямо в лицо. Я замечаю, как Гарретт проскальзывает в офисы внизу.

Здесь больше нет людей, поэтому я хватаюсь за перила и бросаюсь вниз. Приземлившись на втором этаже, я пинком открываю дверь другого офиса, чтобы зачистить и их, работая на пару с Гарреттом.

Стреляет пистолет, и я пригибаюсь. Это плохой, отчаянный выстрел. Пуля ударяется о деревянную дверную раму и разрывается, осколки режут меня, когда я рычу. Швырнув сигарету в парня, я в панике приземляюсь на него, прежде чем он снова успевает нажать на курок. Он борется подо мной, но я сильнее. Я поворачиваю пистолет в его руках, прижимаю его к подбородку и нажимаю на его палец, разбрызгивая его же мозги повсюду. В ушах звенит от выстрела, но я встаю и ухожу, пинком закрывая за собой дверь, прежде чем перейти к следующей.

Гарретт как раз входит в дверь, я следую за ним, и мы замираем. На кровати, съездившись, лежит обнаженная женщина. Она обхватывает руками колени и плачет.

— Где? — требует Гарретт, запах секса наполняет воздух.

Женщина указывает на дверь в углу, и мы улыбаемся друг другу. Я подхожу к ней ближе.

— Лучше убирайся прямо сейчас, дорогуша, а то прямо сейчас твои дружки окажутся по уши в дерьме.

Она кивает, вскакивает, не заботясь о своей одежде, и выбегает за дверь. Покачивая головой, я прислоняюсь к двери, на которую она указала, и спокойно стучу. — Давай-ка, выходи, малыш, и поиграй с нами, — зову я.

Я слышу проклятие и грохот снарядов. Закатив глаза, я машу Гарретту, чтобы он действовал. Гарретт отдергивает ногу и пинком распахивает дверь. Что-то взрывается изнутри, а затем он врывается в комнату, хватая голого парня и швыряет его о кафельную стену ванной. Гарретт бьет его кулаком по лицу один раз, еще два, прежде чем бросить его окровавленное тело на пол и посмотреть на меня.

— Он весь твой, веселись, я иду вниз, чтобы посмотреть, не нужна ли им какая-нибудь помощь.

— Я найду тебя позже, — ухмыляюсь я, прежде чем встать на пути парня, когда он пытается отползти, — Как только я повеселюсь с этим. — Присев на корточки, я поднимаю его голову за волосы. — Привет, приятель, хочешь поиграть со мной?

Гарретт смеется, уходя, зная, что бедняга скоро умрет.

Его глаз уже заплывает, губа разбита, а кожа бледная и липкая. — Пошел ты, — кричит он и плюет кровью прямо мне в лицо. Я позволяю ей стекать по мне беззаботно, когда мои губы растягиваются в улыбке.

— Нет, спасибо, у меня дома есть для этого Маленькая Птичка, — отвечаю я.

Парень снова собирается сплюнуть, поэтому я хватаю его за подбородок и заставляю открыть рот. Схватив его язык, я отрезаю его своим ножом. Парень кричит, разбрызгивая кровь, когда я роняю его оторванную мышцу на пол и смотрю, как он катается по полу в агонии.

Парень на мгновение отключается, поэтому я хватаю чашку сбоку и открываю кран, наполняю ее, прежде чем плеснуть холодной водой ему в лицо. Он очухивается, отплеываясь, и когда видит меня, издает стонущий звук и пытается проползти у меня между ног. Наступаю на одну из его рук, пока не слышу, как хрустят его кости, я наклоняюсь.

— Тебе не следовало приходить за мной или за теми, кто стоит за мной.

Парень всхлипывает, и большие, жирные слезы катятся по его лицу, когда он смотрит мне в глаза и видит свою смерть. Не торопясь, я переворачиваю парня и присаживаюсь

рядом с ним, прежде чем включить зажигалку. Я прижимаю ее к его коже, наношу удар, хватаю его за голову и выжигаю ему глаза.

Забавный факт: глаза не просто тают, они лопаются.

Глаза стекают по его лицу, когда я отпускаю парня, и он сжимает голову будто в тисках, а из его горла вырывается вопль. Насвистывая, я убираю зажигалку и хватаю его за ноги, выволакивая из комнаты. Я перекидываю часть постельного белья через плечо, когда мне в голову приходит идея.

Приподняв его, я оборачиваю кусочки постельного белья вокруг каждого запястья, прежде чем схватить свой нож — нет необходимости в театральности, в конце концов, он меня не видит. Я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его уху.

— Это будет больно.

Я вспарываю ему живот и выпускаю содержимое наружу, прежде чем пнуть его через перила.

Используя постельное белье, я привязываю его за руки, чтобы он свесился через перила. Тот, кто придет сюда, чтобы провести расследование, увидит это, и по городу поползут слухи. Они поймут, что это мы, и будут напуганы. Его кишки вываливаются из живота и падают вниз, кровь тоже проливается.

Снова насвистывая, я спускаюсь по боковой лестнице, останавливаясь, чтобы полюбоваться сделанной работой. Неплохо, учитывая, в какой спешке пришлось работать. Спрыгнув с последних трех ступенек, я переступаю через тела, лежащие на полу, их оружие бесполезно валяется рядом с ними. У них не было ни единого шанса.

Когда добираюсь до середины комнаты, Райдер сидит в кресле. Его рубашка вся в крови, а пистолеты лежат на столе рядом с ним, когда он откидывается назад, нюхает бутылку с чем-то, прежде чем выбросить ее. Гарретт прислонился к ящику, оттирая окровавленные костяшки пальцев.

— Я его поймал, — кричит Кензо, прежде чем подтащить мужчину в джинсах и заляпанной футболке. — Этот глупый идиот спросил, знаю ли я, кто он такой. Очевидно, он лидер.

Кензо бросает его к ногам Райдера, который наклоняется, зажав руки между ног.

— Это правда? Ты знаешь, кто я такой? — спрашивает Райдер.

Черт, мне нравится этот момент.

Я хихикаю, когда Райдер медленно закатывает рукава, обнажая свои татуировки.

— Лучше ответь ему, — кричу я.

— Я... я в курсе, кто ты, — рычит мужчина, вставая на колени. Он пытается подняться на ноги, но Кензо прижимает его голову вниз, так что он остается в сидячем положении.

— Хорошо, это облегчает дело. Кто вас нанял? — небрежно спрашивает Райдер, все еще закатывая рукава. Методично, медленно.

— Пошел ты, — огрызается он. Почему они все продолжают это твердить?

Райдер ухмыляется и встает, хватая со стола нож. Он держит его в воздухе, позволяя ему поблескивать на свету.

— Тогда давай-ка начнем. Я хочу, чтобы ты с самого начала знал, что с тобой произойдет. Я предлагал тебе выход, а теперь его нет. Я отрежу тебе пальцы, и пока ты все еще продолжаешь кричать, я сдеру кожу с твоих рук. Потом я перейду к твоим ногам. Я, конечно, прижгу раны, чтобы ты не истек кровью. Очевидно, что ты заговоришь. Но очевидно и то, что ты должен послужить наглядным примером. Я разрежу твое тело на

куски и разошлю их по всем частям города в качестве предупреждения.

Этот человек больше не кажется таким храбрым. Он вспотел, и его тело дрожит.

— Я расскажу тебе, боже, я расскажу тебе все.

Райдер вздыхает.

— Да, ты это сделаешь. — Он хватает парня за руку и начинает отрезать ему пальцы.

— Я тебе скажу! Пожалуйста! — отчаянно кричит тот, сопротивляясь, поэтому я подхожу и держу его неподвижно, наблюдая за его лицом, когда Райдер отрубает один палец.

— Его сейчас вырвет, — спокойно замечаю я.

— Нет, грохнется в обморок, — возражает Гарретт.

— И то, и другое, — вставляет Кензо, и мы все смотрим, как Райдер начинает со следующего пальца, осторожно и хладнокровно.

Кензо был прав, парня тошнит. Я отскакиваю, чтобы на меня ничего не попало, а затем он теряет сознание, приземляясь в собственную блевотину. Твою же мать. Я отдаю сотню, и Гарретт тоже. Райдер присаживается на корточки и ждет, когда тот очухается.

В конце концов, парень все-таки возвращается в сознание, хотя только после того, как я достаю из штанов свой член и начинаю мочиться на этого идиота. Он захлебывается, пока мы лишь смеемся, и Райдер начинает снова. Прежде чем он добирается до второй руки, парень уже рыдает, как ребенок, и все выкладывает.

Включая того, кто его нанял.

Триада.

Они пытаются уничтожить нас.

— Они... они сказали, что как только ты сдохнешь, они разделят город, и мы сможем занять эту сторону, — плачет он.

Я смеюсь над этим.

— Они бы и тебя убили, идиот. Никогда не работай с этими ублюдками, они никогда не держат своего слова.

Райдер выглядит взбешенным.

— Подозреваю, что, если они хотят войны, они ее получают.

— Так... значит, я могу идти? — хнычет бедолага.

Я и Райдер ухмыляемся.

— Нет, ты будешь посланием, как я уже сказал. А теперь, пожалуйста, стой спокойно и постарайся дышать. Это будет больно.

Мы все рассаживаемся и наблюдаем за работой Райдера. В конце концов, я учился у лучших. Я могу быть жестоким и слетевшим с катушек, но Райдер... он точно знает, где резать, куда бить, где разрезать, чтобы причинить наибольшую боль. Я почти уверен, что в другой жизни из него вышел бы хороший врач, знаете ли, если бы он не был таким кровожадным ублюдком.

Парень молит о смерти, прежде чем она настигает его, и он умирает в муках и одиночестве, зная, что виноваты его собственные ошибки. Я нахожу несколько коробок, и Райдер кладет конечности мужчины в каждую из них.

Руки.

Ноги.

Руки.

Пальцы.

Член.

Голова.

Смеясь, мы запечатываем их и несем с собой в машину.

К тому времени, когда мы заканчиваем, уже рано, и солнце почти встает.

— Возвращаемся домой. — Райдер натягивает куртку, хмуро глядя на пятна крови.

— Да, интересно, что задумала эта Маленькая Птичка.

РОКСИ

— Флеш, сучки! — Я смеюсь, выкладывая карты на стол. — Дивитесь и хнычте.

Тони стонет, его крупное тело втиснуто в кресло в столовой, где мы играем в покер. Он похож на гориллу, но в мужской версии. Хотя, на самом деле, он очень милый. Бывший солдат специальных авиационных войск, который не смог вернуться к гражданской жизни. Я узнала, что у парней примерно одинаковый способ выбора секьюрити. Всем парням больше некуда идти, нет другого места, где можно было притулиться или кому позвонить. Мои ребята дали им место, куда приходят средства для оплаты счетов.

— Черт, как ты продолжаешь выигрывать? — рычит Сэм, бросая свои карты. Он худее, чем Тони, но такой же массивный по сравнению со мной. Его длинные каштановые волосы собраны сзади у основания черепа.

— Она, должно быть, жульничает, — рычит Дем. Теперь он? Он засранец. Грубый гребаный ублюдок, который думает, что женщин следует видеть, а не слышать. Мне доставляет огромное удовольствие доказывать, что он ошибается. Даже другие, кажется, ненавидят его. Поуп все еще патрулирует квартиру и наблюдает, но остальные просто сидят там, так что становилось слишком скучно.

Я обыскала комнату Кензо, пока не нашла колоду карт, и не бросила парням вызов на несколько раундов покера, пока мы ждали прихода парней. Я ни за что не усну, пока они не уснут, так что я могла бы с таким же успехом заработать немного денег. Я хватаю записки и запикиваю их в лифчик, ухмыляясь Дему.

— Ты просто большой неудачник, особенно для женщины. — Я смеюсь, и его глаза сужаются, ноздри раздуваются. Дем симпатичный сукин сын, это позор для его личности.

— Да, и каково это — быть игрушкой? — огрызается Дем.

Я выгибаю бровь в ответ на это, откидываюсь назад, и потягиваю пиво.

— Я не знаю, каково это? Ты ведешь себя как ходячий, говорящий член, так что ты, должно быть, дилдо.

Сэм и Тони раздражаются хохотом, когда я прячу ухмылку за краем бутылки. Солнце почти встает у нас за спиной, так что ребята скоро должны вернуться. Я должна убрать все это до того, как они вернутся и разозлятся на меня за то, что я отвлекла их охрану.

— Ты, гребаная сука, покажи мне свои карты, — рычит Дем, протягивая руку, но я хватаю их и из принципа прижимаю к груди. Он хватается меня за запястье и выкручивает его,

заставляя меня задыхаться, когда Дем пытается их достать.

Сэм и Тони поднимаются на ноги, их взгляды суровы.

— Отпусти ее, чувак.

— Нет, пока она не покажет мне свои карты, блефующая сучка, — усмехается Дем.

Мы пристально смотрим друг на друга, когда открывается дверь. Твою же мать. Наши взгляды медленно направляются к дверному проему, где сейчас стоят ребята. Кровь покрывает их с головы до ног, в основном Дизеля и Райдера. Я даже дважды удивленно смотрю на обычно холодную Гадюку. Его рукава закатаны, обнажают окровавленные предплечья, но под ними я замечаю рукава с татуировками, которые заканчиваются на запястьях. Я этого не ожидала. Куртка Райдера перекинута через плечо, волосы взъерошены, а его идеальная кожа почти полностью покрыта красными пятнами.

Парни все улыбаются, пока их взгляды не останавливаются на нас с Демом. Затем их веселье сменяется чистым гребаным гневом. Дерьмо. Я покойница.

— Эй, ребята, повеселились немного? Ты принес мне подарок? — спрашиваю я, заполняя тишину, когда Тони и Сэм отходят. Их руки за спиной, их взгляды снова ничего не выражают, когда парни оказываются перед окном, оставляя Дема позади, который все еще сжимает меня, демонстрируя мне и парням, насколько сильно он им не нравится. Они даже не пытаются увести его, пока Гадюки не реагируют. Черт, черт, черт. Райдер делает шаг вперед, взгляд его ледяных глаз пригвозждает меня к месту.

Он такой красивый и смертоносный, что это почти сродни боли, смешанной с гневом, черт возьми. Я хочу утонуть в этом взгляде.

Дизель выглядит взбешенным. Он обходит комнату слева, а Кензо идет направо, когда Гарретт захлопывает дверь и встает перед ней, скрестив руки на груди, при этом его лицо вытягивается в оскале. Райдер бросает куртку на пол и проходит дальше в комнату, не сводя с нас глаз.

— Что здесь происходит?

— О, ты знаешь, просто играем в покер, чтобы скоротать время, надирая задницы твоим парням. — Я ухмыляюсь, выкручивая запястье, пока Дем не отпускает меня. Быстро пряча его под стол, я тру запястье, зная, что там будут красные отметины, но Райдер замечает движение и шагает через комнату.

Дем подсакивает, падая со стула, чтобы избежать его, но Райдер этого не замечает. Он присаживается на корточки рядом со мной, пинает стол, пока мягко не хватает меня за руку, приподнимая ее. По какой-то причине я не могу отвести взгляд от крови, покрывающей его длинные, худые пальцы, когда Райдер медленно поворачивает мое запястье, пристально глядя на красные отметины, которые проявились на моей коже.

— Чувак, все в порядке, мы просто дурачились. — Я пытаюсь вырвать свою руку, но Райдер сопротивляется. Его взгляд опускается, когда он наклоняется и целует раздраженную кожу.

— Никто не трогает то, что принадлежит нам. Никто не причинит тебе вреда, любимая, — бормочет Райдер, прежде чем подняться на ноги, при этом выражение его лица меняется. Его тело напрягается, лицо бледнеет, и только тогда я понимаю, как много Райдер мне демонстрировал. Он медленно поворачивает голову, чтобы посмотреть на Дема, поднимающего руки вверх, причем страх проступает в каждой черточке его лица.

Глаза парня бегают по комнате, грудь тяжело вздымается.

— Слушай, чувак, мы просто немного повеселились.

— Он назвал ее сукой, — услужливо добавляет Тони.

— Райдер... — я пытаюсь подняться на ноги, но вдруг кто-то оказывается рядом, и чья-то рука обнимает меня за талию, притягивая обратно к груди.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, смотри и познай, что происходит с теми, кто переходит нам дорогу, — шепчет Дизель мне на ухо, его твердый член прижимается к моей заднице. — Он ходячий мертвец. Никто не прикасается к тебе, никто не причиняет тебе боли, никто не оскорбляет тебя, кроме нас. Ты наша, — рычит Ди, прежде чем в наказание ущипнуть меня за ухо.

Я молчу, не в силах отвести взгляд от Райдера, который крадется за Демом по комнате, прежде чем прижать его к стене.

— Райдер, мне очень жаль! Мне очень жаль, но это больше не повторится! — Дем кричит, его голос дрожит от страха. Этот женоненавистнический, сильный мудака увядает под пристальным взглядом Райдера. Райдер приструнил его без слов, одним взглядом. Это все, что ему нужно. Райдер вселяет страх в сердца своих врагов, когда он в своем костюме.

Но сейчас? Вот так? С кровью его врагов, покрывающей тело Райдера, его ярость льющаяся из него, — Райдер просто ужасен... и это немного заводит.

Ладно, сильно заводит.

Возбуждение даже не то слово, которое описывает мое состояние, но я давным-давно перестала с ним бороться. Если смотреть, как могущественный парень, весь в крови, до смерти пугает другого парня, в то время как его брат обнимает меня и шепчет мне на ухо грязные вещи, делает меня мокрой, так что, черт возьми, что? У каждого есть причуды, и Гадюки и все, что они влекут за собой, кажется, принадлежит мне.

— Ты прикасался к ней? — спрашивает Райдер, его голос тихий и убийственный.

Дем замирает, широко раскрыв глаза, как животное, столкнувшееся с хищником, потому что Райдер именно такой.

— Я не хотел, — шепчет Дем.

Дизель хихикает мне в ухо, потираясь своим членом о мою задницу.

— Он собирается уничтожить его. Тебе бы стоило видеть его ранее. Это было похоже на поэзию в движении, Маленькая Птичка. Так много крови, и то, как он разрезал плоть... — Дизель дрожит рядом со мной, обнимая меня за шею, чтобы я не двигалась. Большой палец Дизеля лежит на моем бешено бьющемся пульсе, когда он заставляет меня смотреть на Райдера.

Тишина, слышно только их дыхание, а потом внезапно Райдер наносит удар. Он хватается Дема, который выше и шире его, и швыряет его на кофейный столик. Стекло трескается, но не разбивается. Держа руку на голове Дема, Райдер хватается его руку и хлопает ею рядом с собой, подальше от своего тела.

— Молоток, — требует Райдер.

Мгновение спустя Гарретт протягивает ему его, прежде чем вернуться на свой пост, но я не могу отвести взгляд. Я не могу говорить. Наблюдаю с болезненным удовлетворением, тепло разливается по мне от того, что делает Райдер. Из-за меня. Это пиздец, но раньше никому не было до этого дела. Недостаточно, чтобы причинить кому-то боль, потому что они причинили боль мне, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться ко мне.

Без предупреждения он опускает молоток на руку Дема. Парень кричит и мечется, но Райдер легко удерживает его. Пальцы и рука Дема превращаются в разбитое кровавое месиво, прежде чем Райдер хватается другую руку, швыряет ее на стол и делает то же самое со

второй. Встав, Райдер отпускает парня, свободно держа окровавленный молоток в одной руке.

Именно тогда я понимаю, что почти задыхаюсь и трусь спиной о Дизеля, поэтому я остаиваюсь, и он хихикает мне в ухо.

— Тебе это нравится, Маленькая Птичка.

— Ты назвал ее сукой? — спрашивает Райдер, роняя молоток на пол. — Ты смеешь оскорблять нашу принцессу?

Дем перестает кричать, кровь капает с его разбитой губы, где он, должно быть, прикусил ее. Я бросаю взгляд на Тони и Сэма и вижу, как они ухмыляются. Они знали, что произойдет, они уже видели Гадюк в действии раньше. Из моего горла вырывается крик, когда я резко отворачиваюсь, но затем я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Райдер отрезает язык Дема.

Я хочу блевануть, но хватка Дизеля на моем горле останавливает спазм, и тепло, собирающееся в животе, заставляет меня задуматься, действительно ли мне не все равно. Он был мудаком, это точно, но действительно ли он этого заслуживает?

Это не мой выбор.

Райдер отбрасывает язык, когда парень жалобно кричит, поднося свои изуродованные конечности ко рту, из которого льется кровь.

— Он умрет? — спрашиваю я, и мой голос странно спокоен.

— Может быть, это было бы забавно, не так ли? Держу пари, это мучительно больно, не так ли? — шепчет Дизель.

Райдер отступает назад, с отвращением глядя на парня.

— Тони, Сэм, уведите его. Я хочу, чтобы охранники все время стояли у входной двери, пока мы здесь, Поуп. Всякий раз, когда мы уезжаем, вы проверяете место на наличие жучков и взрывчатки, то же самое с машинами. Я хочу, чтобы кто-то постоянно следил за видеоканерами, чтобы никто не приходил и не уходил без причины или пропуска.

— Да, сэр, — отвечают они все, прежде чем схватить Дема под руки и потащить его прочь. Они не смотрят на меня, на самом деле, они полностью игнорируют меня. Теперь я знаю почему — из-за Райдера и того, что он делает. Это печально, парни мне понравились, и теперь я вернулась к тому, чтобы снова зависать в обществе моих Гадюк.

Не моих, а просто Гадюк, напоминаю я себе, когда Дизель отпускает меня, быстро облизывая мою шею, отчего я вся дрожу, а он мрачно хихикает. Затем в поле зрения появляется Кензо, он ухмыляется мне и пробегает глазами по моему телу.

— Он прикасался к тебе где-нибудь еще, дорогуша? Я мог бы поцеловать его получше, — предлагает Кензо, и в комнате становится тихо, пока они все ждут моего ответа.

— Ты, блядь, этого хочешь, — выплевываю я, скреживая руки на груди и свирепо глядя на них. — Значит, мне теперь даже не разрешают играть в покер?

— О, ты можешь поиграть, дорогая, со мной. Я мог бы даже позволить тебе выиграть... А еще лучше, мы можем поиграть в покер на раздевание, — мурлычет Кензо, облизывая языком нижнюю губу и обводя горящим взглядом каждый изгиб моего тела.

Я пытаюсь не обращать внимания на тепло, которое собирается между моих бедер, и отвожу взгляд, переводя свой взгляд на Райдера.

— Так вот в чем дело? Кто-то прикасается ко мне, и у него ломаются руки? — фыркаю неодобрительно. — Собираешься выследить и всех моих бывших тоже?

— Это неплохая идея, — шепчет Дизель, заставляя Гарретта смеяться, но я игнорирую

их, подходя ближе к Райдеру. Теперь я зла.

— Потому что, позволь мне сказать тебе, они трогали меня везде. — Я ухмыляюсь своей самой темной улыбкой. — Собираешься грохнуть и их тоже? А как насчет любого, кто смотрит на меня? Вы гребаные засранцы, я не ваша собственность! — почти кричу я.

Райдер подходит ближе, взгляд его глаз, прикованных ко мне, холоден.

— Так и есть, тебе лучше начать принимать сей факт, любимая, но продолжай давить на меня, умоляю тебя.

Я сглатываю и откидываю подбородок назад. Райдер не пугает меня, даже после того, что он только что сделал. Не потому, что я знаю, что он не причинит мне вреда — он сделал бы это, если бы ему было это нужно, если бы я стала угрозой, Райдер бы не колебался, а потому, что я знаю Райдера. Я понимаю его, и все, что он делает, делается им ради его семьи. Он злой, холодный, расчетливый, очень умный... и чертовски опасный.

— Почему? Собираешься и мне руки переломать? — бросаю я вызов, подходя ближе. — Нет, просто связать меня? Держать меня в своей власти? Потому что я должна тебе сказать, что даже у этого сумасшедшего ублюдка больше шансов, чем у тебя.

Его бровь выгибается, и Райдер не издает ни звука. Я знаю, что кольнула его, но, кажется, не могу остановиться.

— Что? Нечего сказать? Здоровяк мальчиш-плохиш Райдер потерял дар речи? Или, может быть, ты просто не знаешь, как вести себя с женщиной, у которой есть мозги, которую ты не можешь подкупить, которая тебя ни хрена не боится, — рычу я.

— О черт, — слышу я, как один из них говорит, но я не отвожу от Райдера взгляда, пристально глядя на него.

— Оставьте нас, — рявкает Райдер, глядя на меня, пока я стою там.

— Удачи, Маленькая Птичка, — смеется Дизель, когда они все покидают комнату.

— Гребаные предатели, — шиплю я, уставившись на Райдера, уперев руки в бока.

— Что? Собираешься наказать меня за то, что я развлекаюсь? — чванливо спрашиваю я.

— Нет, за то, что позволила им прикоснуться к тебе, за то, что отвлекла их, — спокойно предлагает Райдер варианты, расстегивая рубашку по одной пуговице за раз. Мои глаза следят за его ловкими пальцами, когда он обнажает все больше и больше своей золотистой татуированной кожи. Татуировки покрывают каждый дюйм его тела.

— Я...

— Они здесь, чтобы защитить тебя. Если ты их отвлечешь, они не смогут этого сделать, — рассуждает Райдер, когда рубашка распахивается, обнажая его идеально выточенную грудь, отчего у меня слюнки текут. Он сложен как бог, все грани идеальны. — Ты позволила ему прикоснуться к тебе.

— Как, черт возьми, я могу запретить кому-то прикасаться ко мне? — рявкаю я, но мой голос прерывается.

— Ты научись. Каждый раз, когда кто-то прикасается к тебе, он умирает. Запомни это. Неважно, кто они, я убью их, и ты будешь знать, что это из-за тебя.

— Ты жестокий гребаный ублюдок, — рычу я, когда Райдер подходит ближе.

— Да, в этом весь я, любовь моя. Лучше запомни это.

Я смотрю на Райдера, не в силах ничего с собой поделаться. На Райдере вытатуирован тот же рисунок, что и у Кензо, но, похоже, он начинается у него на спине и обвивается вокруг бока. Змея обвивается вокруг его грудной клетки и заканчивается над сердцем. Язык высунут, и она выглядит такой живой, я могу представить, как она мерцает, а эти красные

глаза пристально смотрят на меня.

Райдер выводит меня из равновесия. Я привыкла быть самой страшной в комнате, но он пугает меня, потому что в этой комнате я ничто. Все эти деньги, вся эта власть — я должна была бы ненавидеть его. Но во мне нет ненависти. Ни капельки. Райдер жаждет моего полного контроля, но и моей капитуляции тоже. Полная капитуляция, но я так привыкла бороться, и когда он снимет все эти слои упрямства и ненависти, что он найдет под ними? Это пугает меня, вот почему я набрасываюсь. Почему я давлю и продавливаю, прогибаю их, пока мы все не взорвемся.

— Что? Я должна упасть на колени и молить о прощении? — смеюсь я. — Не в моем стиле. Иди к черту и прихвати с собой своих тупых гребаных Гадюк. Я покончила со всеми вами.

Это было сказано неверно.

РАЙДЕР

Роксана разворачивается, чтобы уйти, поэтому я резко выбрасываю руку — реакция, направленная моим собственным гневом и потребностью. Как она посмела? Она не может уйти, Роксана должна заплатить за свои поступки и слова. Схватив ее сзади за шею, я разворачиваю Роксану лицом к себе и прижимаюсь губами к ее губам. Это не было запланировано, но я ничего не могу с собой поделать. Ей не позволено вот так запросто уходить от меня. Не сейчас. Никогда. Я бы убил всех в этом гребаном мире ради нее, любого, кто когда-либо посмел причинить ей боль. Она не может задирать нос при этом и вести себя как соплячка. Не тогда, когда под ним находится покрытый шрамами, крепкий орешек, выживший, вроде меня. Роксана не может знать истинной глубины моих чувств к ней, что, хотя я стараюсь оставаться беспристрастным, что я пытаюсь ненавидеть ее, но не могу.

Потому что я влюбляюсь в нее.

Роксана замирает на мгновение, прежде чем слегка растаять, при этом она лицом к лицу со мной, а ее губы устроили войну с моими. Ее поцелуй тяжел и гневен — противостояние как всегда. Это дуэль, битва за доминирование, когда я открываю ее рот и проскальзываю языком внутрь, смакуя ее сладость. Эта сладость взрывается на моих вкусовых рецепторах, аромат Роксаны теперь запечатлен на мне, и я знаю, что это было ошибкой, потому что для меня не будет обратного пути. Никогда не смогу лишиться себя возможности не прикоснуться к ней, не попробовать ее на вкус, как сейчас. Я просто подвергаю свою семью риску, и, кажется, мне все равно, когда она в моих объятиях. Весь этот гнев, вся эта храбрость и отношение, и она так легко тает от моего прикосновения. Моя маленькая сломленная принцесса. Роксана, кажется, понимает это, пытается оттолкнуть меня и начинает сопротивляться. Бесполезно извиваясь в моих объятиях, она кусает меня за губу, пока я не чувствую привкус крови, как будто я когда-нибудь отпущу ее. Нет, сегодня вечером она будет моей. Сегодня вечером я утолю свою похоть, выплесну все это желание к Роксане, а завтра... завтра я смогу снова стать Гадюкой, которой мне нужно быть, чтобы защитить свою семью. Но на одну ночь я буду эгоистом. Проклинаю последствия и возьму то, что хочу — ее. Хрипло хихикая, я отстраняюсь, игнорируя свой пульсирующий член, так как ему так сильно хочется оказаться внутри нее, когда она вот так мне противостоит.

Нет, сначала Роксане нужно научиться послушанию, сдаться мне и моему контролю. Только тогда я позволю нам искупаться в удовольствии.

Чувствую, как бьется ее пульс под моей рукой, пока я лениво обхватываю ее горло. Наклонившись, я шепчу ей в губы, не в силах сдержаться.

— В этом мире тебе некуда идти, тебе некуда от нас деться, принцесса.

Я жажду ее тепла, ее тела, ее разума, даже противостояния. Роксана — моя постоянно растущая слабость, серая область, расцветающая в моем темном сердце и окрашивающая мою душу до тех пор, пока я не могу не захотеть быть для нее лучшим мужчиной, быть мужчиной, которого она заслуживает. Но я никогда не буду таким, поэтому вместо этого она получит меня таким, каков я есть. Ей придется научиться выживать и привыкнуть к этому, потому что у меня такое чувство, что она никуда не денется.

Я хотел наказать Роксану, может быть, напугать, но, кажется, ничего не могу с собой поделать. Теперь балом правит мой член. Я утолю свое желание, а затем вернусь к тому, чтобы держаться на достаточном расстоянии с прохладцей. Я все еще могу контролировать это, контролировать Роксану и то, как я ее беру.

— Хочешь, блядь, поспорить? Отпусти меня, и поглядим. — Роксана шмыгает носом, но ее губы в синяках от нашего поцелуя, ее грудь прижата к моей так сильно, что я чувствую, как напряженные соски просто умоляют меня поиграть с ними. Я вижу ее потребность в том, как зрачки Роксаны расширяются от вожделения, когда ее взгляд скользит по моему лицу и снова возвращается к моим губам, и в легкой дрожи ее соблазнительного тела, когда я прижимаю его к себе. Роксана ненавидит то, что хочет меня.

Чувство взаимно, любовь моя.

— Отпустить тебя? — ухмыляюсь я. — Никогда. Настало время для твоего наказания. — Роксана замирает рядом со мной, а я хихикаю. — Не думала, что ты так легко отделаешься, не так ли? — Я отталкиваю Роксану, и она отшатывается, внезапно занервничав, ее грудь вздымается, а щеки восхитительно краснеют.

Кружа вокруг Роксаны, я удерживаю ее за длинное платье-рубашку, в которое она одета, рыболовные сети под ним позволяют мне увидеть ее бледную татуированную кожу. Нуждаясь в том, чтобы восстановить контроль, я толкаю Роксану, пока она не сгибается пополам.

— Стой, — приказываю я, стоя у нее за спиной.

Расстегнув пуговицу на брюках, я высвобождаю ремень, вытаскивая его из петель, шум громкий в тихой комнате, и Роксана дрожит в предвкушении. Задираю ее платье, чтобы обнажить задницу Роксаны и крошечные красные трусики, и мне приходится кусать костяшки пальцев, когда я смотрю на нее, пытаюсь удержаться от того, чтобы не бросить ремень и не опуститься на колени, дабы поклониться ей, как мне того хочется. Хочу вонзить свой член в ее влажное тепло и услышать, как Роксана кричит для меня.

Для меня.

Не моих братьев.

Но я обуздываю этот порыв, только сейчас, мои годы тщательного контроля пошатнулись перед лицом моего величайшего вызова. Она уже мокрая, я это вижу. Твою же мать. Засовывая свой член в брюки, я пытаюсь игнорировать желание просто сорвать эти дразнящие трусики и засунуть его в ее тугую маленькую киску. Нет, сначала наказание. Затем контроль. Только тогда она будет у меня.

— Райдер, не смей, блядь...

Я опускаю ремень на ее незащищенную задницу. Роксана шипит и падает вперед, но я ловлю ее, перехватывая примерно посередине талии, и когда Роксана снова обретает почву

под ногами, я провожу рукой по ее пухлой шелковистой попке, массируя след от ремня, прежде чем снова отбрасываю ремень назад и опускаю его на ее задницу еще дважды. Роксана кричит, но остается стоять, ругательства и оскорбления слетают с ее губ.

Но она не двигается, не сопротивляется мне... потому что она этого хочет. Роксана хочет почувствовать мой контроль. Она хочет сдаться мне. Она хочет быть поглощенной мной, и я тоже этого хочу.

Умница.

Отодвигая ее трусики, я чувствую, как Роксана замирает под прикосновениями моих пальцев, когда я открываю ее своему взгляду. Облизываю губы, переводя взгляд на ее блестящие, такие влажные половые губы. Она восхитительно пахнет, и я держу пари, что на вкус Роксана такая же вкусная. Проводя пряжкой ремня по ее центру, я наблюдаю, как Роксана вскрикивает и отталкивается, желая большего.

Смеясь, я возвращаю ее нижнее белье на место, и пока Роксана не видит, я слизываю немного ее соков с пряжки ремня, издавая стон от приятного послевкусия.

— Такая чертовски мокрая, любимая. Скажи мне еще раз, как ты ненавидишь нас, пока сочишься влагой на мой член.

— Пошел ты, нахальный сукин сын... — хнычет Роксана, когда я снова опускаю ремень на ее зад. Уронив ремень на пол, я прикусываю губу от вида красных отметин у нее на заднице. Моих отметин. Это так горячо видеть ее такой.

Но Роксана уже достаточно наказана, и я тоже. Если я не получу ее в ближайшее время, я просто кончу. Наклоняюсь и сжимаю свой член. Пока нет, мне нужно, чтобы Роксана поняла, кто здесь главный. Кому принадлежит ее тело и разум. Ей нужно полностью отдаться мне, и только тогда принцесса получит удовольствие, которого так жаждет. Я не могу позволить ей узнать, как меня это заводит.

Как легко Роксана разрушает мой контроль.

Отвернувшись, я даю себе время перевести дух, и когда все эти бурлящие эмоции находятся под моим самым наилучшим контролем, я сажусь на диван, раздвинув ноги и закинув руку на спинку, и смотрю на ее все еще согнутую фигуру. Я жадно пробегаю глазами по пышным татуированным бедрам и пухлой красной попке Роксаны. Она чертовски великолепна, самое великолепное создание, которое я когда-либо видел. Роксана неловко ерзает, и мне становится ее жаль.

— Встань.

Роксана на мгновение колеблется, прежде чем сделать, как ей велят, поворачивается ко мне лицом, заставляя меня замолчать.

— Я не говорил тебе поворачиваться, не так ли, принцесса? Снимай рубашку, — требую я.

Роксана ощетинивается при этом приказе, и я прищуриваюсь.

— Мне снова нужно отстегать ремнем твою пухлую маленькую попку, любовь моя? Я сделаю это, и на этот раз все закончится болью, а не удовольствием. Когда я отдам тебе приказ, ты его выполняешь. Снимай рубашку, сейчас же. Дай мне посмотреть, что мне принадлежит, — приказываю я.

— Я тебе не принадлежу, придурок, никто и никогда не мог мной владеть. Не ты. Не твои гребаные братья. В мире не хватит денег, чтобы купить меня, — рычит Роксана, и у меня такое чувство, что она права. Теперь, когда она наша, это больше похоже на притворство. Мы все знаем, что Роксана не содержанка и не игрушка.

Она гребаная козырная карта.

Но Роксана все равно делает то, что ей говорят, потому что, хотя она и борется с этим чувством, она хочет всех нас так же сильно. С рычанием она срывает с себя рубашку, обнажая тело передо мной. Я позволил своим глазам пробежаться по ее обнаженной коже. Полные груди вздымаются в прозрачном маленьком кружевном бюстгальтере, ее розовые соски заострены и указывают точно на меня. У Роксаны осиная талия с идеальным изгибом, идеально подходит для того, чтобы ухватиться и подтянуть к себе, взявшись за сияющий драгоценный камень, пронзающий ее пупок, умоляющий меня провести по нему языком. Ее бедра округлые и восхитительные, и я уже вижу, как они обхватывают мою голову, когда я трахаю языком ее киску. Ноги Роксаны длинные и стройные, и я не могу дождаться, когда они обхватят мою голову.

Она чертовски красива, так красива, что это причиняет боль. Бледная, шелковистая татуированная кожа, полные бедра и точеная фигурка. Сочетание, которое, я не предполагал, что посчитаю неотразимым, но мой член сильно дергается, когда я запечатлеваю каждую деталь ее тела в своей памяти. Каждую ложбинку, изгиб и шрам.

Роксана раздвигает ноги, запрокидывает голову, когда я впитываю ее образ, не стыдясь собственного тела. Нет, оно всецело принадлежит Роксане. Она не стремится сделать то, что считает идеальным, не прибегает к пластическим операциям или изменениям, как многие в нашем мире. Роксана чувствует себя комфортно и уверенно в своей собственной коже, со шрамами и всем прочим, и это чертовски сексуально. Не говоря уже о татуировках, вырисованных на ее коже, словно лучшие произведения искусства.

Вот кто она такая. Произведение искусства.

На которое я буду смотреть всю оставшуюся жизнь.

— Что дальше, придурок? Хочешь, чтобы я тоже приползла к тебе? — саркастически усмехается Роксана.

Пряча улыбку в ладони, я потираю подбородок, прежде чем опустить руку на колени.

— Да, вообще-то.

— Подожди, что? — пискнула она, прежде чем прочистить горло. — Я имею в виду, какого хрена?

Наклонившись вперед, я прищуриваюсь, глядя на Роксану, предупреждая, чтобы она не ослушалась меня.

— Ползи ко мне, любимая. — Роксана делает глубокий вдох, раздумывая, игнорировать меня или нет. Интересно, что это будет означать, но она хочет получить удовольствие, которое я могу ей предложить.

Роксана хочет меня больше, чем ненавидит сейчас.

— Черт, — кричит она, опускаясь на колени.

— Ненавижу тебя, — Роксана швыряет это заявление в меня, словно колючую проволоку. Я просто смеюсь, хотя, поскольку она так часто это говорит, теперь это становится шуткой между всеми нами. Если бы Роксана этого не сказала, я бы начал беспокоиться. Это лучше, чем она... чем если бы она говорила, что любит нас. Роксана не может этого сделать, но это? Ненависть и желание? Это то, что мы делаем, чтобы выжить.

Роксана опускается на руки и с вызывающим и жестким взглядом начинает ползти по направлению ко мне. Она даже не хочет, чтобы это было сексуально, Роксана слишком зла для этого, но то, как покачивается ее тело, ее полные сиськи почти вываливаются из лифчика, ее задница соблазнительно покачивается... черт. Это так чертовски чувственно,

что я чуть не кончил в штаны.

Когда Роксана в моей власти, это вызывает привыкание, видеть ее на коленях передо мной — прекрасное зрелище. Роксана останавливается, когда приближается ко мне, ее грудь вздымается от переполняющего ее гнева и вожделения, затем Роксана откидывается на пятки, прежде чем схватить меня за бедра и впиться ногтями, заставляя меня хихикнуть.

Даже сейчас она борется, когда знает, что это бесполезно. Я заполучу ее. Роксана будет выкрикивать мое имя, эти маленькие когти будут полосовать меня по спине, пока я буду трахать ее, чтобы все слышали и видели. Те парни, с которыми она подружилась, охранники за дверью, они услышат, кому она принадлежит.

— Достань мой член, — приказываю я, пряча дрожащие руки и наблюдая за ней.

Роксана скрипит зубами, но протягивает руку и расстегивает мои брюки, громко шипя, когда находит мою обнаженную и твердую плоть под ними. Роксана задыхается, ее губы соблазнительно приоткрываются, и взгляд этих темных глаз жадно опускается на мой член, когда Роксана обхватывает его рукой и сжимает, вытаскивая наружу.

— Ну-ну, веди себя прилично, принцесса.

Я подавляю стон при виде моего члена в ее крошечной бледной ручке, при виде этой миниатюрной женщины, которая так легко контролирует меня одним гребаным прикосновением.

Роксана сжимает меня, заставляя застонать, прежде чем я успеваю уловить это, когда ухмылка изгибает ее губы.

— И что в этом интересного? Ты хочешь контролировать каждое мое действие, потому что это означает, что ты можешь дистанцироваться от этого, ну и к черту это. Если мне придется быть твоей чертовой рабыней, ты не будешь вести себя как отстраненный мудака. Ты хочешь трахнуть меня? Тогда трахни меня. Только без этих игр, без всех этих защит, позволяющих держать меня подальше от тебя. Сделай так, чтобы мне было больно, сделай так, чтобы мне было хорошо, мне, блядь, все равно, но перестань пытаться быть таким холодным ублюдком, когда я вижу, как сильно ты хочешь этого... хочешь меня.

Я все еще погряз в этом, как... как она узнала? Я смотрю в эти глаза, потому что Роксана умна. Ее храбрость и твердость — это действие, направленное, чтобы держать людей подальше. Чтобы помешать им получить контроль над ней. Чтобы они не причинили ей вреда. Я вижу это в ее взгляде, Роксана причиняет им боль, сначала отталкивает их, чтобы они никогда не могли причинить боль ей.

Только не снова.

— Ты захочешь моего контроля, моей холодности, любовь моя. Потому что без них ты бы не выжила после меня, — признаюсь я.

Роксана вызывающе наклоняет голову, снова сжимая мой член и заставляя меня излиться в ее руку.

— Испытай меня, — осмеливается бросить мне Роксана. Я замираю от ее слов, глядя Роксане в глаза, когда она смотрит прямо на меня с вызовом. Роксана сама не знает, о чем просит. Что она выпустит на волю.

— Ты решила умереть? — ухмыляюсь, чтобы скрыть свое беспокойство по поводу того, как быстро Роксана разрушает мою защиту.

— Все умирают, плюс я могла бы умирать каждую минуту каждого дня с вами, ребята. Но я этого не сделаю. Я смирилась с тем, что это неизбежно, так что испытай меня, Райдер. Покажи мне, чего ты так боишься, чего ты больше никому не показываешь, и, если это убьет

меня... Так что, блядь, в этом такого. Никто не будет скучать по мне.

Это гребаная ложь, я бы так и делал. Я бы так сильно скучал по Роксане, что осознание этого пронзает мое ледяное сердце острой болью. Никогда больше не слышать ее смеха, никогда не видеть, как она бросает мне вызов, бросает вызов мне... нет. Я буду скучать по ней.

Мои братья тоже скучали бы по ней. Они убьют меня, если я причиню ей боль.

Я наблюдаю за Роксаной мгновение, пытаюсь сдержаться. Но я не могу. Ее прикосновение, ее слова, — все это развеивает мой контроль. Это разрушает все мои тщательно выстроенные стены, пока все, что я так ненавижу, не прорывается наружу. Боль, гнев, гребаная потребность причинить вред. Чтобы все разрушить. Уничтожить все хорошее и прекрасное.

Как и ее. Потреблять и брать. Черты моего отца, с которыми я пытаюсь бороться, его самый последний дар мне. Дар, превращающий меня именно в того, кого я ненавижу. *Ego*.

Я хватаю Роксану и поднимаю. Она задыхается и раскидывает свои бедра по обе стороны от меня, ее голова оказывается над моей, когда я сжимаю бедра Роксаны и прижимаю ее к своему твердому члену, позволяя ей почувствовать, что она делает со мной, даже если я не могу произнести это вслух. Даже несмотря на то, что я не могу дать ей эту силу. Протянув руку, я расстегиваю застежку лифчика между пышными грудями Роксаны, и он распахивается, ее груди вываливаются в мои ожидающие руки. Наклоняюсь, всасывая один из ее сосков в рот, постанывая, когда Роксана хнычет, поэтому я засасываю сильнее, слегка впиваясь зубами, не в силах сдержаться.

Удовольствие и боль идут для меня рука об руку.

Роксана вскрикивает, выгибаясь мне навстречу, когда я перекаत्याю другой ее сосок между пальцами. Задыхаясь, Роксана запутывается пальцами в моих волосах, сжимая их и прошивая меня искрой боли, когда она раскачивается на моей длине, беря то, что хочет от моего тела. Роксана непримирима в своей потребности и удовольствии, когда прижимает меня к себе.

Выпустив наверх ее соска с хлопающим звуком, я проделываю то же самое с другой грудью, прежде чем откинуться назад и наблюдать, как Роксана тяжело дышит и извивается на мне, ее влага просачивается сквозь трусики. Ее груди великолепны, я не могу перестать пялиться на них. Черт, как красиво они выглядели бы с моими отметинами на них? Представляю эти бледные шары с их мягкой кожей, помеченной для меня. Я сопротивляюсь искушению, наклоняюсь и хватаю зубами кусочек ее кожи, кусаю, пока Роксана не вскрикивает.

Отпустив ее плоть, я поднимаю голову, чтобы увидеть, как мои зубы отпечатались на ее груди, поэтому я поворачиваю голову и кусаю другую, оставляя и на ней свои отметины. Роксана хнычет, но притягивает меня ближе. Поглаживая ее бедро сквозь прилив боли, я отпускаю Роксану и с удовлетворением смотрю на свой шедевр. В следующий раз Роксана может примерить на себя мою плетку. Я думаю, ей бы это понравилось.

— Райдер, — выдыхает она, сильнее прижимаясь ко мне.

Я поднимаю Роксану, срываю эти рыболовные сети и трусики и отбрасываю их, прежде чем снова поднести Роксану к своему члену, отклонив ее назад и чуть вперед по нему. Я позволил ей покрыть меня своей влагой. Роксана снова всхлипывает, ее глаза затуманены от удовольствия, когда она чувствует каждый дюйм меня, который скоро окажется внутри нее. Отмечать Роксану до тех пор, пока никому другому не представится такая возможность.

Сделать ее нашей навсегда.

— Ты собираешься оседлать меня прямо здесь, — требую я, наклоняясь и прижимая свой член к ее тугому маленькому входу. Моя жадная маленькая девочка раскачивается сильнее, пытаюсь опуститься на мой член, но я все еще держу ее, заставляя смотреть на меня. Роксана не сможет отстраниться, если я этого не сделаю. Она будет знать, кто ее трахает, кто отвечает за то, кто способен доставлять ей такое удовольствие, с которым она не сможет совладать.

Как только эти глаза встречаются с моими, я бросаю Роксану, насаживая на свой член.

Мы оба издаем стон. Она такая чертовски тугая, такая мокрая. Обхватив меня, словно перчатка из шелка, ее внутренние мышцы растягиваются вокруг меня. Роксана раскачивается сильнее, мгновенно двигаясь, не дожидаясь ни секунды. Мы оба слишком отчаянны, чтобы двигаться медленно, чтобы наслаждаться этим — наслаждение придет позже.

Мы оба боимся, что, если замедлимся настолько, чтобы подумать обо всех этих заботах, обо всех тех факторах, которые разделяют нас и делают врагами, мы прекратим это.

— Оседлай меня, поскачи на моем члене, пока не кончишь, — резко приказываю я, откидываясь назад и наблюдая за ней. Тело Роксаны перекачивается в такт ее движениям, груди покачиваются от силы ее толчков. Мой член глубоко погружен в нее, когда она скачет на мне, делая именно то, что я ей приказал. Доставляя себе удовольствие.

На это чертовски захватывающе смотреть.

Я не могу удержаться, чтобы не протянуть руку и не схватить ее за изгибы бедер, чувствуя каждое движение, когда борюсь за то, чтобы толкнуться, схватить Роксану и взять ее сильно и быстро, просто вдавливаясь в Роксану. Нет, это из-за нее.

Ее руки поднимаются, и Роксана щиплет себя за соски. Это не шоу, она получает удовольствие от себя. Я чувствую, как ее влага стекает с киски, покрывая меня. Скользя рукой вниз по животу, она достигает своего клитора и начинает его растирать. Ее голова со стоном откидывается назад, когда Роксана корчится и усиливает трение, пытаюсь добиться освобождения.

— Я так близко, — хнычет Роксана, но я не помогаю ей, я просто наблюдаю за моей девочкой, и со следующим движением пальцами она кончает мне на член.

Роксана кричит, ее тело сжимается и дрожит, а киска сжимается на мне, когда Роксана раскачивает бедрами, наслаждаясь своим освобождением. Мне приходится сжать пальцы в кулаки на ее бедрах, чтобы не двигаться, это самая сладкая гребаная пытка. Только когда Роксана падает, я беру верх. Показывая ей, как сильно я ее хочу. То, как она сводит меня с ума.

Схватив Роксану за бедра, я поднимаю и опускаю ее на свой член, толкаясь вверх и насаживая ее на свою длину. Роксана вскрикивает, ее глаза широко распахиваются, когда она смотрит на меня сверху вниз. Роксана чертовски сногшибательна, ее грудь покраснелась от оргазма, ее кожа блестит на солнце от пота. Эти звуки, которые она издает, сводят меня с ума.

Но я хочу, чтобы она кричала.

Роксана повеселилась, теперь моя очередь. Она хочет меня? Всего меня? *Пристегнись, любимая, потому что ты вот-вот получишь это.* Вставая, будучи все еще погруженным в ее влагалище, я меняю позу, бросаю Роксану на диван и быстро снимаю брюки. Обычно я остаюсь одетым, но мне нужно чувствовать ее кожу на своей. Я опускаюсь над Роксаной, приподнимаюсь и вжимаюсь обратно в ее тугую киску, которая быстро становится моей

любимой ебаной шгукой. Ее ноги автоматически обвиваются вокруг моей талии, пытаюсь притянуть меня обратно к своему телу, ее грудь выгибается, как только я погружаюсь глубже в ее влажный жар.

— Ты так чертовски красива, — бормочу я, облизывая ложбинку между ее грудями, пока вонзаюсь в нее снова и снова. Роксана такая скользкая, что я могу войти в нее на всю длину, проводя своей длиной по нервным окончаниям, когда я наклоняюсь и потираю сверхчувствительный клитор Роксаны, заставляя его болеть так же сильно, как дарю ей потрясающие ощущения.

Роксана кричит, ее ногти царапают мою спину и режут кожу. Эта боль проникает в меня до тех пор, пока последние остатки моей сдержанности не лопаются. Застонав, я теряю контроль над собой. Нет ни ритма, ни ритмического рисунка, когда я трахаю Роксану глубокими, мощными толчками. Все сильнее и сильнее, гоняясь за собственным освобождением, не заботясь о том, как Роксана борется со мной. Ее ноги притягивают меня ближе, хотя она продолжает биться. Ногти Роксаны впиваются в мою плоть, и я чувствую, как она разрывается, кровь начинает стекать по моей коже. Это только делает меня тверже, мое лицо искажается в рычании, когда я откидываюсь на пятки и хватаю ее за бедра, одним плавным движением поднимая ее задницу в воздух.

Роксана так совершенна, слишком совершенна. Моя маленькая драчунья. Наблюдая за тем, как мой член входит и выходит из ее влажного тепла, я почти изливаюсь в Роксану. В ней слишком легко потеряться, слишком тесно, слишком влажно, слишком чертовски красиво, это больно, и я не могу сдержаться, хотя и хочу, чтобы это длилось.

Я попал в то место глубоко внутри, которое заставляет ее цепляться за диван, голова Роксаны ударяется, когда она борется со мной.

— Кончай, — приказываю я, не узнавая звук своего собственного хриплого голоса, нуждаясь в том, чтобы Роксана нашла свое освобождение раньше, чем это сделаю я. Я так близко, чертовски близко. Этого никогда не происходит быстро, я всегда убеждаюсь, что они кончают по крайней мере три раза, прежде чем это сделаю я, но с Роксаной я ничего не могу с собой поделать, это не рутинный секс. Не что-то, что стоит отметить галочкой в моем списке, чтобы удовлетворить свои плотские потребности. Я хочу Роксану каждой гребаной клеточкой своего существа, так сильно, что это причиняет боль. Хочу излить свое семя на ее груди и на свои следы от укусов. Я хочу взять каждый дюйм ее тела своим языком и членом, но это будет позже, а сейчас я хочу заполнить Роксану, и я больше не могу сдерживаться.

Роксана уничтожает меня, и зная, что она будет ходить с моей спермой, вытекающей из нее, все узнают и увидят, что она моя, я приподнимаюсь над ней, когда мои бедра сокращаются.

— Сейчас, — требую я, щелкая ее по клитору.

Роксана кричит о своем освобождении в тихой квартире, ее киска сжимается вокруг меня так сильно, что мне приходится бороться с напористостью Роксаны, пока я оказываюсь не в силах больше сопротивляться. Я рычу от собственного освобождения, наполняя ее своим семенем. Роксана всхлипывает, когда я скольжу в нее, мой член смягчается, когда я выскальзываю из нее.

Тяжело дыша, Роксана дрожит подо мной, ее тело истощено, когда ее глаза распахиваются и взгляд Роксаны встречается с моим. Мне тоже трудно дышать, и мои стены вокруг разнесены вдребезги, так что Роксана видит, что я прячу под ними. Моя кровь покрывает мою спину от ногтей Роксаны, мой член влажный от освобождения моей девочки.

— Черт, это было так горячо, — мурлычет она. — В следующий раз не сдерживайся, я хочу всего этого.

В следующий раз?

Черт, Роксана собирается убить меня, и я, возможно, даже позволю ей.

Но ее глаза опущены, и я знаю, что Роксана не спала, потому что ждала нас. Мне нужно лучше за ней присматривать.

— Нам нужно поспать. — Я заключаю ее в объятия и, спотыкаясь, поднимаюсь с дивана, мои ноги слабеют. Роксана хихикает, но прижимается ближе. Она слишком устала, чтобы бороться со мной прямо сейчас, не то чтобы она стала бы, я думаю.

Мне следует принять душ и подготовиться к новому дню, у меня много дел, но я, кажется, не могу заставить себя подняться наверх и войти в свою комнату. Уложив Роксану на кровать, я проскальзываю в ванную и хватаю тряпку, смачиваю ее, прежде чем вернуться к ней. Роксана даже не сопротивляется мне и не кричит, когда я раздвигаю ее бедра и очищаю мою девочку до блеска от следов животного секса. Я ничего не могу с собой поделаться, — наклоняюсь и целую ее киску, а Роксана стонет и пинает меня, заставляя смеяться. Бросив тряпку в корзину, я возвращаюсь в постель и заключаю ее в объятия.

Это кажется естественным, верно. Но это странно. Я никогда не сплю с женщинами, не говоря уже о том, чтобы обниматься, но я хочу этого. И когда Роксана опускает голову мне на грудь и засыпает с тихим, милым сопением, срывающимся с ее губ, я не могу не закрыть глаза и заснуть, притягиваю ее ближе.

Что она со мной делает?

Мне нужно быть осторожным, пока Роксана не уничтожила нас всех. Мой долг — защищать их... Но как я могу, когда хочу сгореть в ее пламени? Когда ее яд мчится по моим венам, говоря мне, что Роксана именно там, где должна быть, и я тоже. Меняю себя, исправляю, высвобождаю те эмоции, которые я скрываю от всех.

Завтра, или, думаю, сегодня попозже, я снова подниму свои осторожные стены и надену костюм, вновь превратившись в жестокого лидера Гадюк, но здесь и сейчас, когда Роксана спит у меня на груди, наши ноги переплетены, а пальцы сплетены... Я позволил себе быть слабым.

Всего на мгновение.

Ради нее.

РОКСИ

Когда я просыпаюсь, согретая, довольная и зевающая, Райдер уходит. Помню, как он отнес меня в свою комнату, в свое личное пространство, и обнял. Но сейчас он ушел, и все свидетельства нашего времени, проведенного вместе, отсутствуют, не считая боли между моими бедрами и следов укусов на груди. Приподняв простыню, я вижу, что они все еще там, красные и свежие. Их наличие заставляет меня ухмыляться.

То, что мы сделали, было чертовски удивительно. Я кончила так сильно, что даже ослепла, а наблюдать за тем, как этот лед тает, превращаясь в чистое желание, было увлекательно. Все эти стены скрывают под собой такого взрывоопасного человека, и я понятия не имею, как он это делает. Переворачиваюсь на другой бок, простыни обволакивают меня, словно шелк, а я смотрю в окно и вижу, что солнце почти садится. Черт, неужели я проспала весь день? Обычно я встаю через несколько часов, чтобы открыть бар, но мне становится лень находиться здесь.

Соскользнув с кровати, я хватаю одну из белых рубашек Райдера и застегиваю ее, прежде чем прокрасться вниз. К несчастью для меня, внизу Гарретт и Дизель. Гарретт засовывает что-то в сумку за столом, а Дизель наблюдает. Они оба поворачиваются при моем появлении. Дизель курит, его глаза бегают по моему телу. Гарретт с отвращением смотрит на то, что на мне надето. С тех пор как мы побывали в ресторане, он снова отдалился, почти испытывая ко мне отвращение... или к себе, я не уверена.

— Куда-то собрался? — спрашиваю я, зная, что у меня нет причин стыдиться того, что я сделала с Райдером.

— Не твое собачье дело, — огрызается Гарретт.

— Подраться. Мы собираемся посмотреть, сможем ли нарыть что-нибудь еще и распуścić несколько слухов. Хочешь пойти с нами? — спрашивает Дизель, игнорируя рычание Гарретта.

— Конечно, дай мне немного времени одеться, — скажусь я в ответ.

Гарретт хлопает ладонями по столу.

— Она, блядь, не идет. Она может остаться здесь с охраной, пока Кензо и Райдер не вернутся с работы.

— Нет, это скучно, я иду, — говорю я окончательно, прежде чем развернуться и убежать.

— Черт возьми! — Я слышу, как кричит Гарретт. Ух ты, кто-то сегодня злой. Может быть, ему нужна эта борьба, может быть, она поможет ему справиться с проблемами контроля гнева.

Быстро умываюсь, прежде чем одеться. Надеваю рваные шорты и одну из новых рубашек, которые парни мне купили, завязываю ее так, чтобы мой живот был открыт. Слегка накрасилась, надела свои крутые ботинки и готова к выходу. Я хватаю свою кожаную куртку и засовываю в нее нож, прежде чем отправиться им навстречу.

Гарретт бросает на меня один взгляд и вылетает в парадную дверь. Дизель смеется и хватается за меня.

— Это будет весело.

Мы спускаемся в лифте в напряженной тишине. Я замечаю Тони и Сэма внизу, поэтому машу им рукой, но Дизель тащит меня к машине. Я сажусь на заднее сиденье с Дизелем и молчу, пока Гарретт выезжает из гаража. Мы едем около двадцати минут, прежде чем останавливаемся у другого парковочного сооружения. Гарретт выключает двигатель и вылезает из машины, не говоря ни слова. Я следую за ним, громко хлопая дверью на парковке. Дизель встречает меня у передней части машины, в то время как Гарретт своими широкими шагами уже подходит к боковой двери здания. Он дважды стучит в нее, и она открывается, оттуда вырываются музыка и крики.

— Кто они такие? — рявкает жирный мужчина, глядя на меня с ухмылкой. Гарретт встает у него на пути, загораживая меня от его взгляда.

— Со мной.

Мужчина фыркает, но отступает назад.

— У меня есть место через десять минут, будь готов. — С этими словами он ушел.

Гарретт оглядывается на меня и, кажется, что-то обмозговывает, споря сам с собой, прежде чем вздохнуть.

— Держись рядом.

Я тянусь вперед и хватаюсь за его рубашку сзади. Гарретт замирает, прежде чем проигнорировать меня и пробраться сквозь толпу. Музыка громкая, звук удара плоти о плоть слышен даже отсюда. Гарретт бьет и толкает людей, чтобы пройти, а Дизель следует за ним, чтобы люди не давили на меня.

Когда мы подходим к выходу, голова Гарретта вытягивается, прежде чем он направляется к каким-то старым ящикам в углу ринга. Гарретт поворачивается, хватается за бедра и сажает на одно из них.

— Оставайся здесь, не двигайся, черт возьми, и кричи, если тебе что-нибудь понадобится, — приказывает он.

Я киваю, и Гарретт отступает назад, прежде чем стянуть рубашку через голову и бросить ее мне. Я ловлю рубашку автоматически, даже когда пускаю слюни ему на грудь. Шрамы заставляют меня неловко ерзать от ощущения пульсирующей киски. Гарретт чертова машина, и его торс вырезан для девичьих эротических снов. Я держу его рубашку у себя на коленях, когда Гарретт поворачивается и скидывает ботинки, а затем кладет свое оружие мне на колени, прежде чем, еще раз прищурившись, посмотреть на меня, Гарретт направляется к рингу, где кого-то вытаскивают с него, без сознания.

— Собираюсь посмотреть, что я могу услышать, оставайся здесь. Я все время буду следить за тобой, — бормочет Дизель, прежде чем поцеловать меня в щеку и смешаться с

толпой. Я ишу его, но не могу разглядеть в толпе. Однако, как и сказал Дизель, я чувствую на себе его взгляд, как и взгляды других. Я поворачиваюсь и встречаю их взгляды. Они не понимают, кто я такая, но никто не осмеливается подойти ко мне, и, честно говоря, я их не виню. Я вошла сюда с Дизелем и Гарреттом — двумя страшными гребаными ублюдками.

Даже если люди не знают, кто они такие, они могут чувствовать опасность, поэтому держатся подальше. Следующим идет Гарретт, и они объявляют его Бешеным Псом, прежде чем действительно большой парень выходит на ринг прямо перед ним.

Поэтому я не могу оторвать от него глаз. Я понимаю, что Гарретту это было нужно, чтобы выпустить немного гнева. Это не игра и не способ получить информацию. Ему нужно было драться, как дышать. Тело Гарретта, наконец, расслабляется, плечевые мышцы перекачиваются, когда он хрустит шейей, и мерзкая улыбка кривит его губы.

В этот момент моя киска, по сути, становится преданной фанаткой Гарретта, с черлидерской атрибутикой и всем прочим.

Гарретт ждет, когда другой парень начнет наступление первым, толпа выкрикивает его имя, но все они исчезают, когда я наблюдаю за тем, как напрягаются мышцы его спины, зная, что Гарретт собирается двигаться. Он уклоняется от удара, танцуя задом наперед на легких ногах, дразня своего противника.

— Эй, горячая штучка, хочешь повеселиться? — чей-то голос невнятно шепчет мне на ухо.

Я резко поворачиваю голову и понимаю, что была так отвлечена, что ко мне подкрался мужчина. Он ухмыляется, сверкая кривыми желтыми зубами. Его зачесанные назад волосы сальные и неухоженные, голубые глаза тусклые, а кожа бледная и липкая. Наркоман. Я бы узнала признаки в любом месте, даже не видя следов.

— Проваливай, — огрызаюсь я, зная, что Дизель скоро закончит разведку.

— Ой, давай, я могу показать тебе, как хорошо провести время, — бормочет мужчина и хватается меня за ногу — за мое голое бедро. Прежде чем Дизель успевает надрать ему задницу, я хватаю мужчину за руку, выкручиваю ее назад, хватаю за запястье и использую ее как рычаг, чтобы развернуть мужчину.

— Не смей, блядь, прикасаться ко мне, ты, кусок дерьма, или я убью тебя, понял? — рычу я и отталкиваю мужчину.

Он взывает, но смотрит на меня, спотыкаясь, приближается все ближе, прижимая саднящее запястье к груди. Я замахваюсь кулаком и бью его в лицо, прежде чем схватить пистолет Гарретта и снять с предохранителя. Прижимая оружие к его лбу, я встречаюсь с ледяным взглядом мужчины. Я нажму на этот курок без колебаний. Мне, блядь, все равно.

— Я убью тебя, читаешь это в моих глазах? — Мужчина кивает, от него явственно ощущается страх. — Хорошо, лучше беги, пока я этого не сделала.

Мужчина, спотыкаясь, уходит, ругаясь и проталкиваясь сквозь толпу, собравшуюся посмотреть. Я наблюдаю за его продвижением, пока он не оказывается у двери, затем исчезает. Обернувшись, я понимаю, что бой приостановлен. Гарретт наблюдает за мной, его взгляд горит желанием и гневом. Он кивает, и я киваю в ответ, давая ему понять, что со мной все в порядке. Легкая улыбка изгибает его губы, когда Гарретт поворачивается к своему противнику.

Толпа снова начинает аплодировать, но они стараются дать мне немного личного пространства. Странно, что они боятся меня, когда Гарретт находится в комнате. Но я держу пистолет наготове на случай, если кто-нибудь попытается вытворить что-нибудь еще. Вы

никогда не можете быть слишком осторожны, находясь в подполье, а это именно то место, где я сейчас нахожусь. Я могла бы быть с Гадюками, но я отказываюсь сидеть здесь и выглядеть красиво, пока кто-то нападает на меня. Я могу постоять за себя, и я убью, если понадобится.

Я возвращаюсь к наблюдению за дракой Гарретта, но где-то в толпе я слышу мужской крик, который заставляет меня улыбнуться. Держу пари, Дизель нашел того парня. Какой позор. В конце концов, толпа вокруг меня расслабляется, их внимание возвращается к Гарретту, который надирает противнику его чертову задницу. Смотреть на это чертовски сексуально, и мне приходится сжать бедра вместе, закусив губу, когда я наблюдаю за ним. Неудивительно, что его называют Бешеным Псом. Шепот толпы доносится до меня. Я слышу, как некоторые говорят, что я девушка Гадюк и лучше не связываться со мной, если они не хотят оказаться мертвыми, что заставляет меня смеяться.

Я думаю, что они не ошибаются.

Слышу и другие слухи, высказанные из ревности и страха, слова, произносимые шепотом, когда они оглядываются на меня, зная, что я с Гадюками. Я пытаюсь вслушиваться, но после того, как я слышу несколько обрывков разговора о выпотрошенном человеке и резне, я снова сосредотачиваюсь на драке. Гарретт — это машина. Гребаное искусство в движении. Его тело — гигантское оружие, каждый удар стратегически выверен и наполнен такой силой, что я могу это видеть. Его стиль грубый и дикий, его гнев просачивается наружу.

Это полностью захватывает его, пока он едва видит своего противника, он просто сражается. Выплескивает всю эту агрессию наружу. Им приходится дважды сдерживать его, когда они меняют соперников, но Гарретт выигрывает каждый бой, и когда он заканчивает, то весь покрыт потом. Его грудь вздымается, руки в крови, а лицо темное. Гарретт игнорирует аплодисменты и драматизм, вместо этого спрыгивает с ринга и направляется ко мне. Он поднимает с земли свою сумку.

— Дизель? — огрызается Гарретт, с его лица капает пот, при этом у меня возникает странное желание слизнуть его.

— Он вынюхивал, — говорю я, как раз в тот момент, когда парень, о котором идет речь, появляется рядом с нами.

— Пойдем, — кивает Дизель, и Гарретт стремительно уходит. Толпа расступается перед ним, когда я спрыгиваю вниз. Дизель обнимает меня за плечи, когда мы следуем за рассерженным парнем. Все смотрят на нас со страхом и уважением, и я вздергиваю подбородок еще выше.

Дизель едет домой, а Гарретт игнорирует нас всю дорогу, его голова отвернута в сторону окна, в котором он усиленно что-то рассматривает. Когда мы возвращаемся, он крадется по квартире в свою комнату, захлопывая за собой дверь. Дизель тоже ускользает, и я оказываюсь в коридоре, не зная, что делать.

По какой-то причине я следую за Гарреттом, чувствуя, что я нужна ему. Я открываю его дверь и проскальзываю внутрь, чтобы увидеть, как Гарретт стоит там, его тело напряжено, он сердит, стоит босыми ногами на полу. Гарретт поворачивается и смотрит на меня.

— Что?

— Ты в порядке? Хочешь, я осмотрю твои руки? — Я предлагаю сладко, мягко, как если бы ты подкрадывалась к дикому животному.

— Отвали, — рычит Гарретт и снова отворачивается, как будто ему невыносимо

смотреть на меня.

Поэтому я захожу в комнату и хлопаю дверь. Он хочет подраться, тогда ладно.

— Нет, хочешь поговорить об этом?

— О чем? — огрызается Гарретт, его крепкие плечи напрягаются и выпрямляются, как если бы он готовился поспорить.

— О том, что тебя гложет? — Давлю я на Гарретта, прислоняясь спиной к стене.

Гарретт разворачивается и бросается на меня, впечатывая в стену. Его руки опускаются по обе стороны от меня, заключая меня в своеобразную клетку, когда Гарретт наклоняется ближе и смотрит на меня.

— Я сказал тебе отвалить! — рычит Гарретт мне в лицо.

Но его глаза потерянные, дикие, ищущие и одновременно причиняющие боль. У него разбито сердце.

— Позволь мне помочь, — шепчу я.

Его глаза на мгновение закрываются.

— Ты не можешь, никто не может. Я ненавижу, что ты видела меня таким... — Гарретт замолкает. С рычанием отворачиваясь к самому себе он отрывается от меня, его руки пробегают по волосам, когда Гарретт начинает расхаживать по комнате.

Это то, что его волнует? Что я видела, как он потерял контроль? О, моя поврежденная Гадюка.

— Мне это понравилось. Смотреть, как ты выбиваешь дерьмо из этих людей? Было жарко, — признаюсь я, не стыдясь того, что завелась, наблюдая за ним.

Гарретт игнорирует меня, поэтому я продолжаю, пытаюсь вытащить его из его чувства ненависти к самому себе.

— Действительно, так оно и было. Вся эта сила в твоём теле, это чертовски сексуально. То, как они смотрят на тебя, то, как они тебя боятся... ты неприкасаемый.

Гарретт останавливается, повернувшись ко мне спиной, его грудь вздымается.

— Я хочу тебя, — заявляю я, сглатывая.

Гарретт вздрагивает, поэтому я обхожу его, встречаюсь с ним взглядом, зная, что мне придется сделать с ним первый шаг.

— Я взмокла, наблюдая за тобой.

— Убирайся, пока я тебя не убил, — предупреждает Гарретт, но в его голосе слышится отчаяние, он не хочет, чтобы я уходила.

Гарретт не это имеет в виду, я вижу это по его лицу, по его глазам. Он хочет, чтобы я осталась, Гарретт хочет, чтобы я боролась за него, боролась вместе с ним. *Помоги мне.* Я вижу, что это написано на его лице. Интересно, неужели никто другой никогда не заглядывал под все эти слои гнева — туда, к испуганному, поврежденному парню, молящему о помощи под этими слоями.

Его драки, его гнев — все это способ защититься.

Гарретту нужен кто-то, кто подтолкнет его, вытащит из этого, но это может просто убить их... тогда почему я готова попытаться?

Он мой похититель. Мой враг. Но я не могу уйти от него.

— Нет, я не думаю, что так просто уйду. Ты тоже этого хочешь, хочешь меня. Так почему бы просто не сдать? — скалюсь я в ответ.

— Что заставляет тебя думать, что я хочу тебя, когда я даже не могу смотреть на тебя? Когда я ненавижу тебя? Хм? Скажи мне, детка, что заставляет тебя думать, что ты такая

чертовски особенная, что я бы тебя трахнул? Или что позволю тебе прикоснуться ко мне? — выдавливая Гарретт.

Я упиваюсь его гневом, отказываясь пугаться и отступать, как все остальные. Гарретт срывается из-за страха, из-за гнева. Я знаю это, потому что я делаю то же самое.

— Потому что ты уже готов, потому как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не замечаю, потому что ты представляешь, как трахаешь меня, даже если осознание этого тебе ненавистно. — Я бросаю вызов, и Гарретт не разочаровывает, когда я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к нему.

С рычанием он хватается за мои блуждающие руки, прежде чем они могут коснуться его груди, и заламывает их мне за спину, заставляя меня выпрямиться, прогнув спину, когда Гарретт наклоняется. Ненависть и потребность светятся в его глазах.

— Никогда, блядь, не прикасайся ко мне, или я убью тебя. Ты хочешь меня? Ты так отчаянно нуждаешься в члене, что Райдера и Кензо тебе недостаточно? Прекрасно. — Гарретт тащит меня к душевой кабинке в ванной.

Одной грубой, покрытой шрамами, кровоточащей рукой он срывает с меня топ и шорты и отбрасывает их, его глаза с отвращением пробегают по моей коже, прежде чем он включает воду. Гарретт опускается на колени, все еще держа меня, и хватается за мои ботинки, бросая их за спину, прежде чем подняться на ноги, его рука сжимает мое запястье так, что мне больно. Толкая меня на колени, Гарретт завязывает мою рубашку вокруг моих рук в районе основания позвоночника, чтобы я не могла дотронуться до него. Я еле держу равновесие, стою перед ним на коленях, когда он сбрасывает шорты, его твердое обнаженное тело передо мной. Каждый дюйм покрыт мышцами. Его тело смертоносно, оружие, которое Гарретт использует каждый день. Его грудь не повреждена, как он думает, это шедевр боли и страданий. Все остальное в нем настолько потрясающе, что я едва могу дышать. Его член твердый, длинный и толстый, он сочится и направлен прямо на меня. Вода струится по мне, приликая к волосам, охлаждая мое разгоряченное тело.

Мне все равно. Гарретт блокирует брызги и хватается за голову, заставляя открыть рот, прежде чем без предупреждения вонзить в него свой член. Это невежливо, не то чтобы я ожидала вежливости от него. Это жестоко, наказание для меня и для него самого за то, что он хотел меня.

Я держусь изо всех сил, просто марионетка, которую Гарретт может использовать для своих желаний, словно отдушину. То же самое происходит, когда он дает волю своему гневу на ринге. Гарретт направляет все это в меня, его член такой твердый, толстый и длинный, что он попадает мне в горло. У меня нет выбора, кроме как дышать через нос, когда я поднимаю на него глаза. Гарретт встречает мой пристальный взгляд со стоном, его бедра подергиваются, прежде чем он снова врывается в мой рот. Яростнее, чем раньше.

— Не смотри на меня так, черт возьми. Как будто ты этого хочешь, — огрызается Гарретт, но я ничего не могу с собой поделать. Что я и делаю. Каждый жесткий удар его члена в мой рот заставляет меня извиваться на холодной плитке, с моей киски уже капает.

Гарретт берет то, что хочет, это грубо и жестко. Мои губы кровоточат от этого, его движения наполнены ненавистью и отвращением... и похотью. Гарретт вонзается в мой рот, не заботясь о том, причиняет ли мне боль, и когда его бедра сжимаются, его пресс перекачивается, Гарретт рычит от облегчения, выстреливая мне в горло. С рыком отвращения он отталкивает меня, выскальзывая у меня изо рта. Облизывая свои поврежденные губы, я наблюдаю, как Гарретт поворачивается и, не говоря ни слова, выходит

из душа. Его задница выгибается, когда он выходит из комнаты, дверь почти срывается с петель от его стремления убежать от меня.

Гарретт оставляет меня там, мокрую и связанную, со слезами, стекающими по моему лицу, кровью и спермой, льющейся с моих губ, моя собственная влага капает между моих бедер.

Вот в таком состоянии Дизель и находит меня. Он бросает на меня один взгляд и присвистывает. Выключая воду, он присаживается на корточки, большим пальцем потирая мои ноющие губы, не заботясь о сперме на них.

— Продолжай давить, Маленькая Птичка. Ты единственная, кто может достучаться до него, и если ты этого не сделаешь, мы можем потерять его навсегда. — Дизель развязывает мои путы, нежно поднимает меня за руки и вытирает, прежде чем отвести в мою комнату и уложить в постель.

Дизель мягкий и такой милый, отчего у меня на глазах выступают слезы. Этот сумасшедший ублюдок начинает мне нравиться. Кто бы мог подумать, и что он имел в виду, говоря о Гарретте?

Я знаю, что он ненавидит женщин. Легко увидеть, что где-то в его прошлом кто-то причинил ему боль. Неистово. Неужели это та, что отвергла его предложение? Так вот что это было за кольцо? Нет, это что-то похуже, я это чувствую. Но я сомневаюсь, что он мне скажет. Хотя ясно, что Гарретт пытается держаться от меня подальше, но, как две машины в лобовом столкновении, нас тянет друг к другу.

Кто выберется оттуда живым?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

КЕНЗО

— Нонсенс, — бормочу я, когда мы подъезжаем к спа-салону. — Я забыл попрощаться с Рокс.

Райдер фыркает, но выскальзывает из машины, как и охранники, которых мы захватили. Я выскакиваю и перегибаюсь через крышу спортивной машины, ожидая, когда подъедет внедорожник с охраной.

— Что? Я слышал вас двоих прошлой ночью, брат, — говорю я, поигрывая бровями.

Губы Райдера изгибаются в довольной ухмылке, даже когда он кладет руки на машину, подражая мне.

— И что? В отличие от тебя, братишка, я могу отделять секс от чувств.

— Ага, тогда почему ты ударил Гарретта этим утром за то, что он вел себя слишком громко и почти разбудил Рокси? — подтруниваю я.

Райдер закатывает глаза, но ухмылка исчезает.

— Ей нужно было поспать. Я не мог смириться с ее дерзостью.

— Конечно, — ухмыляюсь, обходя машину, и мы направляемся в спа-салон. — Тогда почему ты уложил ее и поцеловал на прощание, когда думал, что никто не видит?

Райдер замирает, потом поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Что я тебе говорил о том, чтобы ты не шпионил за мной?

Смеясь, я хлопаю его по спине.

— Признай это, Рай. Она тебе тоже нравится. Это круто, я не против поделиться, но я не собираюсь быть с тобой на ножах.

Райдер вздыхает и кладет руку на дверь.

— Мы можем, пожалуйста, сосредоточиться на том, зачем мы здесь?

— Правильно, угрозы, оплата врагам. Заметано. — Я киваю, и Райдер рывком открывает дверь. Расслабляющая музыка спа доносится до нас, когда мы входим внутрь с нашими охранниками позади нас. Райдер отказался оставить Тони и Сэма за пределами заварушки, более того, он позаботился о том, чтобы они были с нами. И этот идиот все еще думает, что она ему не нравится.

— Мы должны прихватить для Рокс отсюда какое-нибудь девчачье дерьмо, чтобы она чувствовала себя как дома, — предлагаю я, оглядываясь вокруг. Женщина в платье сидит в приемной, поправляя свои сиськи, чтобы продемонстрировать их, и улыбается мне. Я

подмигиваю и наклоняюсь ближе. — Извини, я занят, и он тоже.

Она опускается на стул, улыбается и снова смотрит в свой журнал. Насвистывая, я оглядываюсь и вижу, что Райдер пристально смотрит на меня.

— Мы заняты? — вопросительно повторяет он.

— А как же иначе! Ты думаешь, Рокс не убила бы ни одну бедную девушку, которую бы ты привел, чтобы причинить ей боль? Если ты еще не заметил, Рай, она такая же чокнутая, как и мы.

Он качает головой, бормоча себе под нос о братьях-идиотах и надоедливых женщинах, подходит к столу и стучит костяшками пальцев по изогнутой столешнице.

— Мне нужно поговорить с Сандрой. Сейчас же, — требует Райдер с ничего не выражающим и одновременно сердитым выражением лица.

Женщина за столом съеживается, ее лицо бледнеет.

— Я... простите, сэр, Сандра занята...

— Сделай перерыв, Иззи, — зовет Сандра, выходя из кабинета за спиной секретарши. Она большая девочка, я имею в виду, высокая. Почти выше Райдера. Ее соблазнительное тело заключено в обтягивающее платье, а на ногах туфли на каблуках. Ее сидящие волосы собраны в тугий пучок, открывая искусственно натянутое лицо. Губы Сандры розовые и слишком пухлые — такие же неестественные, как лицо. При виде нас она щурит глазки.

Сандра страшная женщина, достаточно страшная, чтобы у меня яйца съежились, но именно поэтому она нам понравилась.

— Джентльмены, какой сюрприз. Пожалуйста, проходите и перестаньте беспокоить моих сотрудников, — огрызается она, прежде чем повернуться и, щелкнув каблуками, войти в свой кабинет.

Наклонившись ближе к Райдеру, я улыбаюсь и бормочу:

— Мне нравятся женщины, но эта пугает меня до чертиков. Хотя все еще не так пугает, как Рокс. О, я спрятал ее битку в оружейной комнате.

Райдер игнорирует меня и протискивается за стол, следуя за ней в кабинет. Я киваю Тони, который останавливается у входной двери. Оглядев посетителей, я ухмыляюсь и объявляю:

— Боюсь, спа-салон закрыт, пожалуйста, уходите.

Ожидающие своей очереди женщины и мужчины начинают возражать, поэтому я с сияющей улыбкой демонстрирую пистолет, и вот они уже бросаются к выходу. Тони захлопывает ее за ними и закрывает на замок. Сэм следует за мной и останавливается у двери офиса, но я останавливаюсь и позволяю своему лицу на мгновение принять угрюмое выражение, когда смотрю между ними без Райдера здесь.

— Я, возможно, никак не отреагировал, Райдер, возможно, не отреагировал тоже, но еще раз приблизитесь к нашей женщине, и это будет последнее, что вы сделаете в своей жизни, — предупреждаю я и смотрю, как Сэм сглатывает, когда они оба лишь кивают на мою отповедь. Затем, вернув счастливую улыбку на место, я похлопываю Сэма по груди, проскальзываю внутрь и закрываю за собой дверь.

— Извините за это, кажется, все ушли, — комментирую я с широко раскрытыми невинными глазами, перебрасывая кости на костяшках пальцев и прислоняясь спиной к стене.

Сандра пристально смотрит на меня, скрестив ноги в своем офисном кресле и крепко сжав руки на животе, пока выжидает, когда Райдер заговорит. Он сидит на диване напротив

нее, играет со своим телефоном, заставляя Сандру потеть. В буквальном смысле слова. Я наблюдаю, как по ее лицу стекает настоящий пот, и она нервно ерзает.

Сандра знает, что сделала, и теперь ей интересно, выберется ли она отсюда живой.

Райдер заставляет ее ждать, и я достаю свой собственный телефон и отправляю сообщение Гарретту, чтобы проверить, как там Рокс. Он присылает мне в ответ фотографию, на которой она спит, свернувшись калачиком на диване рядом с ним. На фотографии его лицо застыло хмурой маской, что заставляет меня смеяться. Я передаю телефон Райдеру, который кривит губы в ухмылке, прежде чем убрать свой телефон в карман.

Он смотрит на Сандру и громко вздыхает.

— Мы давно не слышали о тебе, Сандра, что удивительно, учитывая, что мы владеем землей, на которой ты отстроилась... так что расскажи-ка мне. Если ты не платишь нам свои деньги, то куда идут твои денежки, а? Мы уже в курсе про списания с твоего счета.

Сандра пытается возразить на это, вероятно, не понимая, что мы не просто гора мускулатуры.

— Я... мне нужно было оплатить несколько счетов, и я припозднилась с оплатой, — отвечает она, откидывая подбородок назад, но ее глаза нервно бегают по сторонам.

— Не лги мне, Сандра. Я был добр к тебе, и мне было бы стыдно перестать быть таковым, — рычит Райдер холодным и смертоносным голосом. — Ты пришла ко мне с предложением, а не наоборот. Тебе нужна была наша помощь, мы одолжили тебе денег, чтобы ты могла управлять этим местом... Теперь ты пытаешься нарушить свою часть сделки? Это работает не так, дорогуша.

— Мне надоело платить, — выпаливает она, прежде чем сглотнуть. — Я... я теряю половину своей прибыли из-за вас.

— Мы предлагаем меньшие проценты по погашению, чем банки, или ты запамятовала? Без нас не было бы спа, — протягивает Райдер. — Я мог бы, конечно, вернуть свой кредит, купить это место, уволить весь твой персонал и снести это место к черту... или я мог бы сделать еще хуже. Как поживает твой муж, Сандра?

— Оставь Майка в покое, — почти кричит она, заставляя меня усмехнуться.

— Хотелось бы, дорогая, но Майк сам в это ввязался. Ты знала, что он любит играть в азартные игры? — Я невзначай бросаю это в разговоре, и Сандра смотрит на меня в замешательстве. — Теперь не пойми меня неправильно, это происходило лишь время от времени, пока я... не показал ему захватывающую сторону города. Я пытался ему помочь. — Вздыхая, качаю головой. — Похоже, он устал от того, что его держали за яйца дома. Майк напился и всем рассказал.

— Ты лжешь, — огрызается она, поэтому я загружаю видео из одного из своих клубов. Я показываю ей только долю секунды, прежде чем снова положить его в карман.

— Ну и что? — говорит Сандра, но я вижу боль в ее глазах.

— Так что это привело его к зависимости, и теперь он должен некоторым плохим людям деньги. Если бы Майк пришел ко мне, я мог бы ему помочь. Но он этого не сделал. — Я протянул руки в притворном умиротворяющем жесте, недобрая улыбка тронула мои губы.

— Он... он в порядке? — спрашивает Сандра, глядя между нами.

— Он может быть в порядке, но все зависит от твоего выбора, Сандра. Я могу внести за него залог, но, конечно, эти деньги пойдут в довесок к тем, которые ты уже должна нам, или я могу оставить его в их руках. Пока они не убьют его за первый проступок, нет, просто ломают ему коленные чашечки. Но, к сожалению, для строителя эта часть тела кажется

наиболее важной, не так ли? — Я смеюсь, но это неприятный звук, и она вздрагивает от него.

— Вы, гребаные злобные змееныши, — шипит она, когда слезы капают из ее глаз, которые она пытается смахнуть, но вместо этого размазывает макияж по лицу.

— Нет, дорогая, не злобные, просто бизнесмены. Мы дали тебе деньги, работу, мы убрали тебя с улиц. Мы присматривали за твоим мужем, который без нас был бы сейчас мертв. Да, мы любим деньги и получаем прибыль от наших деловых сделок... но все это не черно-белое. Во всем этом немало серых пятен, а мы просто случайно оказались в серой зоне.

Сандра поворачивается и с грохотом открывает свой ящик, выписывает чек, прежде чем бросить его Райдеру. Он кладет его в карман. В конце концов, дело не в деньгах, а в ее гребаной наглости не отплатить нам после всего, что мы для нее сделали. Банк уже забрал бы ее спа-салон.

— Спасибо, мадам, — подмигиваю, напоминая ей, где именно мы ее нашли. Работала в одном из клубов Триады много лет назад.

Сандра отводит взгляд, тяжело шмыгая носом.

— Я просто хотела иной жизни, — тихо шепчет она, так тихо, что мы не должны слышать.

— Мы знаем, вот почему мы помогли тебе в обмен на всю эту информацию. Твой долг почти выплачен, Сандра, так что не высовывайся, и это место скоро будет твоим, — вежливо предлагаю я. Райдер закатывает глаза, глядя на меня, прежде чем подняться на ноги.

— Не заставляй нас возвращаться, Сандра.

— А Майк? — шепчет она, глядя на нас с огромными слезами, стекающими по ее лицу.

Я кидаю короткое сообщение мужчинам, которые его удерживают.

— Я только что заплатил его долг, он свободен, но, может быть, ты присмотришь за его расходами и поможешь ему. — Я достаточно легко играю роль милого брата и, дружески подмигнув, поворачиваюсь, чтобы уйти, но мой взгляд останавливается на полках с продукцией.

— О, нам нужно немного девчачьего дерьма, — говорю я Сандре. Она кивает, слезы все еще текут по ее лицу, а черная тушь стекает дорожками. Сандра в полном раздрае.

— Бери все, что хочешь, — шепчет она, быстро отводя взгляд.

— Спасибо, эта маска... для лица хороша? — спрашиваю я, и Райдер фыркает.

— Просто возьми все. Я уверен, что Сандра сможет приобрести больше товара на деньги, которые она получит от Триады. Не так ли, Сандра? — он злобно бросает вызов, и она поспешно кивает.

Схватив сумку сбоку, я складываю в нее все вещи, надеясь, что Рокс все это понравится, прежде чем перекинуть ее через плечо и открыть дверь. Сэм мгновенно берет сумку, его взгляд по-прежнему остр, когда он контролирует периметр. Снова насвистывая, я направляюсь к двери, и Тони открывает ее, но выходит первым, проверяя все, прежде чем кивнуть нам.

Мы возвращаемся к машине, и когда оказываемся внутри, я смотрю на Райдера.

— Мы должны купить Рокс что-нибудь другое, чтобы она чувствовала себя как дома. Она ведь останется, не так ли?

Он сжимает руль.

— Без понятия.

— О, брось, Рай, она совсем не похожа на эту сучку. Ей даже не нужны наши деньги, — смеюсь я.

— Нет, она хочет чего-то похуже. Свою свободу. — Тогда он пристально смотрит на меня. — Она никогда не будет счастлива, находясь в нашем пентхаусе, она не содержанка. Ей нравится работать, вот как она справлялась.

Я киваю и отвожу взгляд.

— Тогда мы дадим ей работу, что-нибудь, что угодно. Потому что она нас не бросит.

— Мы не смогли бы дать ей свободу, даже если бы захотели. Это было бы признаком слабости, а они все видели ее сейчас с нами. Она была бы мертва в тот момент, когда вышла бы из здания. — Райдер вздыхает и потирает голову. Мы оба знаем, что это правда. Если она наша, это автоматически пришивает знак мишени ей на спину, но я не могу заставить себя сожалеть об этом, когда это означает, что я получу ее.

— Хорошо, давай прикупим ей кое-что, остальное может и подождать.

Заводя свой Астон, Райдер выезжает в пробку с Тони и Сэмом позади нас и делает разворот, чтобы отвезти нас в центр города, в торговый район.

— Я чертовски ненавижу ходить по магазинам, — рычит он.

Включив радио, я вытанцовываю под музыку.

— Мне это нравится.

— Как мы можем быть братьями? — бормочет он.

— Потому что весь гнев и безумие достались тебе, — смеюсь я.

Райдер ругается, а я игнорирую его и звоню Гарретту.

— Эй, мы заскакиваем в магазин, тебе что-нибудь нужно?

— Чтобы мне позволили убить эту гребаную соплячку, — огрызается он, а затем кричит громче: — Тогда, блядь, не пытайся снова сделать это дерьмо, прежде чем вернуться к телефону. Она такая надоедливая, ты уверен, что я не могу ее пришить?

— Я слышала это, придурок! — кричит Рокси на заднем плане. — Может, у меня и нет моей биты, но я все равно уложу тебя, ублюдок.

Я приподнимаю брови, услышав это.

— Я думал, вы двое начали ладить?

Гарретт фыркает, но не отвечает. Ах, ладно, значит, она забралась ему под кожу. Мы с этим справимся.

— Не смей, блядь, снова переключать этот канал, — рывкает он.

— Я оставляю это на тебя, развлекайся, — предлагаю я со смехом, прежде чем повесить трубку и посмотреть на Райдера. — Она скоро обведет его вокруг пальца.

Теперь уже он ухмыляется.

— Без сомнения, ты же у нее уже в кармане.

— И Ди, ты слышал, что он убил того пьяного идиота в драке?

Райдер кивает.

— Небрежно, но Дизель сделал это для тебя.

Райдер параллельно паркуется у магазина, игнорируя линии разметки, указывающие на то, что парковка запрещена. Мы ждем, пока Тони и Сэм выйдут, а затем они открывают наши двери — в данный момент мы не можем быть слишком осторожными. Было бы нехорошо, если бы одного из нас застрелили только потому, что мы были небрежны, и с перспективой награды за наши головы они все выйдут из-за дерева, чтобы попытаться уложить нас. Мы надеемся, что немец — один из них, вот почему мы здесь и сейчас.

Приманка.

Высоко подняв головы и ничего не боясь, мы входим в магазин. Продавец сразу же чувствует запах денег от нас, и его глаза загораются.

— Джентльмены, чем я могу вам помочь?

Райдер указывает на меня и достает свой телефон, чтобы, несомненно, ответить на все скопившиеся электронные письма. Обхватив его рукой за шею, я отнимаю телефон у Райдера и кладу в карман.

— О нет, ты этого не сделаешь, ты тоже засовывал в нее свой член, так что тебе придется покупать ей красивые вещи, чтобы компенсировать свое дерьмовое отношение.

Райдер ворчит и смотрит на меня, отталкивая. Он пытается схватить свой телефон, но я со смехом отступаю. Продавец даже не моргает, притворяясь, что не слышит нашего разговора, как это делают все лучшие продавцы года. Угождение богатым и знаменитым означает, что вы очень быстро оглохнете или долго не протянете.

— Хорошо, ей нужно больше украшений, — бормочет он, заставляя меня хлопать в ладоши.

— Теперь ты заговорил. Ей нужно больше этих сексуальных лифчиков, и, конечно, еще несколько пар этих ботинок, они чертовски сексуальные. О, мы должны купить ей какое-нибудь оружие. — Я тоскливо вздыхаю.

Райдер смотрит на меня.

— А когда Роксана использует его на нас?

Пожимаю плечами.

— Вероятно, только на Дизеле, и ему бы это понравилось, и, ну, может быть, на Гарретте, но он просто возродился бы, как дьявол во плоти, которым он и является.

— Конечно, сэр, прошу вас следовать за мной. Я попрошу моего коллегу Франческо сопроводить вас, сэр, к витрине с драгоценностями.

— Нет, мы можем пойти вместе, мы никуда не спешим, — отвечаю я и машу ему рукой. Продавец наклоняет голову и ведет нас на второй этаж, где находятся драгоценности.

— Какое дерьмо нравится женщинам? — бормочу я.

— Что-нибудь дорогое, — огрызается Райдер.

— Как хрен. Ты думаешь, Рокс волнуется, сколько мы тратим? Она, вероятно, просто бросила бы это нам в лицо, скрестила бы эти маленькие ручки, надела бы милое личико и сказала бы: «Мне не нужны твои взятки, придурок», — издеваюсь я, а у Райдера челюсть отвисает от моего девчачьего голоска.

— Это было точно странно и немного пугающе. Хорошо, что мы ей подарим? — Он скидывает руки в воздух.

— Ты, продавец, что нам подарить женщине, которой наплевать на деньги или богатство и которая похожа на рокера?

Он на мгновение задумывается над этим.

— Ах, у меня есть кое-что, что может сработать.

— Есть что-нибудь в змеиной тематике? — спрашивает Райдер.

Мужчина даже не моргнул на эту странную просьбу.

— Прямо сюда.

Он ведет нас в небольшую гостиную, а затем исчезает. Откинувшись на спинку стула, я оглядываю все сверкающие драгоценности вокруг нас.

— Черт, я помню, как приходил в такие места с папой, чтобы он мог похвастаться своей

новой женой-трофеем. — Райдер ворчит, но я продолжаю: — Я всегда ненавидел это, и женщин, ведь все, что их заботило, — это деньги. И все же мы оказывались в одной постели с такими типажамми женщин... ну, кроме как сейчас с Роксаной. Она и вправду другая. Думаешь, это потому, что она действительно не знает, сколько у нас денег?

— Я не думаю, что это имело бы значение. Она была воспитана ни на чем, выросла из ничего, и она работала ради всего, что у нее есть. Я верю, что Рокс нравится зарабатывать себе на жизнь. Ее бы здесь не запугали, но она также настояла бы на том, чтобы заплатить самой.

Я лишь киваю. Райдер прав, он всегда прав. Он хорошо разбирается в людях.

— Ты когда-нибудь думал, что это то место, где мы закончим?

Затем Райдер смотрит на меня, его лицо холодно, но я знаю лучше. Мой брат взвалил весь мир себе на плечи. Так было всегда. Даже тогда, защищая меня от нашего старика, это делало его резким, холодным и злым.

— Нет, я думал, что мы либо умрем, либо все еще будем с этим ублюдком.

Я торжественно киваю.

— Ты сделал то, что должен был, брат.

Райдер на мгновение отводит взгляд, наблюдая за проходящими и уходящими людьми.

— Я знаю. — Райдер замолкает. — Я иногда напоминаю тебе его?

Я обдумываю его вопрос.

— Да, но у тебя есть то, чего у него никогда не было.

— Что же это? — спрашивает он, глядя на меня.

— Я, — ухмыляюсь я. — У него не было никого, кто мог бы оттащить его назад, остановить, пока он не зашел слишком далеко. У тебя есть его голод, его ум и, да, его гнев. Но у тебя также есть семья, которая искренне заботится о тебе. Мы все немного не в себе, но мы знаем, как поддерживать друг друга в здравом уме. Тебе никогда не нужно беспокоиться о том, чтобы быть им, я бы никогда тебе этого не позволил. Я бы убил тебя первым, — клянусь я, и Райдер улыбается, искренне, и я почти вижу его ребенком, когда он все время так улыбался, пока мой отец не выбил это из него.

Как раз в этот момент продавец возвращается и раскладывает драгоценности перед нами. Мы выбираем те, которые нам нравятся, не утруждая себя просмотром ценников. Он обещает, что они будут упакованы и будут ждать нас, а затем ведет нас в зону с одеждой.

Мы сидим некоторое время, пока он демонстрирует их и согласовывает наряды из того, что нам нравится. Рокси, возможно, не нравится быть избалованной, только потому, что у меня такое чувство, что ни у кого из нас никогда не было такого опыта, но у нее больше нет выбора. Я решил, что мы оставим ее себе, а это значит, что я могу баловать ее, когда захочу, и у нее нет другого выбора, кроме как смириться с этим.

Рокс может загладить свою вину передо мной, показать мне, как она благодарна за новые комплекты нижнего белья, которые мы ей купили, потому что, черт возьми, они сексуальные. Я могу только представить, как они поддерживают ее сиськи, прикрывая ее татуированную кожу.

Черт, какое неподходящее время для того, чтобы уже быть готовым. Переместившись, я перестраиваюсь и протягиваю свою карточку мужчине, чтобы заплатить за все это.

— Машина у входа, — отвечаю я, когда он спрашивает, куда отнести покупки.

Снимая очки с пальто и надевая их на лицо, я следую за Тони и Сэмом на улицу, наблюдая, как они быстро загружают покупки в машину.

— Мы должны купить Рокс машину, быструю, ей бы это понравилось.

Райдер фыркает.

— Какую часть фразы «она наша пленница» ты не понимаешь?

Тогда я смотрю на него, ухмыляясь.

— Мы оба знаем, что это ложь. С самого первого момента, как мы увидели Рокси, она была больше, чем пленницей.

— Ей не нужна машина. Мы отвезем Роксану куда угодно, — огрызается Райдер.

Я лишь киваю.

— Просто подумай, брат, может быть, она почувствует себя более свободной. Но пока не покупай, дай Рокси понять, что она больше, чем просто влюблена в нас, и она никогда не уйдет от нас.

— Теперь ты ведешь себя как сумасшедший, она никогда не полюбит нас. Мы слишком извращены для этого, она хочет нас, конечно, но она никогда не полюбит нас, — усмехается Райдер.

— Вот тут ты ошибаешься, старший брат. Возможно, ты и являешься мозговым центром всей операции, но на этот раз ты ошибаешься.

Я подмигиваю, прежде чем забраться в машину.

Райдер ворчит и следует за мной. Мы едем в центр города, выбираем длинные маршруты, чтобы посмотреть, не попытается ли кто-нибудь что-нибудь предпринять.

— Все еще ничего, мы не можем продолжать ездить, это выглядит подозрительно, — огрызается Райдер, стуча по рулю. — Я правда думал, что он что-то предпримет, когда мы оба здесь.

Я постукиваю себя по подбородку, размышляя, мои глаза прикованы к окну.

— Остановись здесь и притворись, что тебе звонят. Это пустое место, и здешние здания помешают ему выстрелить. Ему пришлось бы подобраться поближе, предоставив хорошую возможность схватить его.

— Откуда ты вообще знаешь, что он выжидает? — срывается он.

— Подумай, Рай. Я знаю, что тебя наебали, но перестань позволять своему члену командовать парадом. Он здесь, он разочаровал их однажды, и теперь он отчаянно пытается загладить свою вину перед ними. Это делает его небрежным, и это работает на нас.

Райдер кивает и делает глубокий вдох.

— Мне не нравится, что он охотился за вами, ребята. Это злит меня, а это никогда не заканчивается хорошо.

Я киваю.

— Я знаю, брат. Тебе все равно, когда они придут за тобой, но мы? Это бьет по твоим кнопкам. Мы прикроем твою спину. Мы можем это.

Райдер заезжает в переулок, как я и предлагал, и мы немного отстаем от Тони, чтобы он подумал, что у него есть шанс, а затем мы выжидаем. Райдер делает вид, что разговаривает по телефону, и я откидываю голову назад, притворяясь спящим, хотя мои глаза приоткрыты, а рука лежит на пистолете в ожидании.

Давай, ты, ублюдок.

Минуты тянутся бесконечно. Может быть, я ошибался. Черт, он нам нужен, нам нужно попасть в Триаду и выяснить, что он знает. Не говоря уже о том, что Дизелю не терпится выследить этого ублюдка, и это приведет к тому, что количество убитых увеличится по всему городу. Нет, нам нужно найти его и передать Ди, чтобы он немного повеселился.

Тогда мы уничтожим ублюдков, которые пытались причинить вред нашей семье.

Мы старались вести себя хорошо, мы старались проявлять уважение, и вот как они нам отплатили? Нет, они подписали свои смертные приговоры. Мы уничтожим их, кирпич за кирпичом. Это то, в чем Райдер спец. Я уже знаю, что он работает над тем, как развалить их бизнес и опустошить банковские счета, чтобы забрать их деньги. Затем Рай займется их семьями. Только после этого, когда они будут напуганы и одиноки, он обратит на них свой взор.

Он жестокий ублюдок, лучший в своем деле.

По части защиты тех, кого он любит.

Даже когда мы были детьми, он был таким же, всегда самым серьезным. Черт, он даже тогда носил костюмы. У него никогда не было настоящего детства. Нет, Райдер стал тем, кем хотел его видеть мой отец, чтобы убедиться, что я никогда не встану на пути этого человека. Он делал все, о чем просил наш отец, даже марал руки.

Я помню ночь, когда Райдер впервые убил кого-то, ему было тринадцать, мне — одиннадцать. Райдер вернулся домой, и в нем что-то изменилось. Он боялся, но не Отца, как обычно, а самого себя. У него на руках была кровь, и он сидел, оттирая ее, слезы катились по его щекам. Он рассказал мне, что произошло, не всю правду, конечно. Позже я узнал, что он сделал это, чтобы защитить меня, что Папаша сыграл на его любви ко мне, как последний ублюдок, каким он и был. Он угрожал Райдеру, сказал ему, что если он не убьет этого человека, то он заставит меня сделать это.

Тот не хотел, чтобы я запятнал свою душу, поэтому он сделал это. Даже несмотря на то, что это что-то надломило в нем, Райдер сделал это. Я удерживал его, пока он плакал. Это была последняя ночь, когда я видел, как Райдер плакал или проявлял слабость до сегодняшнего дня. Он сказал мне, что ему было страшно, что он не был в ужасе, что это казалось правильным... что он был монстром, как мой отец.

Я обещал, что никогда не оставлю его одного. Я сдержу это обещание. Райдер отдал свое детство, свою душу ради меня. Я бы сделал для него все, что угодно. Он даже не понимает, что Роксана, как он ее называет, является частью этого. Ему нужна слабость, кто-то, с кем он мог бы разделить мир, кто мог бы помочь ему справиться с его бременем, иначе он просто сгорит.

А я не могу потерять его.

Я защищу плачущего мальчика с окровавленными руками, и она будет ключом.

Это началось в моей голове в самый первый день после того, как он посмотрел на нее так, словно она была вызовом, загадкой, которую Рай не мог разгадать, и Рокс не боялась его, как все остальные. Она встретила его лицом к лицу, такая же упрямая, такая же злая на весь мир. Рокси спасет его.

Она спасет нас всех.

И мы запятнаем ее.

Мне должно быть не все равно, но я, кажется, не могу ничего с собой поделаться. Не тогда, когда я смогу оставить ее и моего брата.

Замечаю что-то дальше по переулку, движение настолько слабое, что я бы не заметил его, если бы не смотрел.

— На двенадцать часов, — бормочу я, едва шевеля губами.

— Да, — огрызается Райдер, все еще притворяясь, что разговаривает по телефону.

Тень движется вдоль стены и останавливается за ящиком. Я быстро набираю сообщение

Тони, не глядя, не сводя глаз с силуэта. Он стреляет, и мы бросаемся вперед, когда машина трогается. Идиот, это гребаное стекло пуленепробиваемое.

Он пытается убежать, зная, что мы его заметили, но Тони блокирует переулочек на другом конце, и тогда мы настигаем его. Выскакивая из машины и перепрыгивая через капот, я хлопаю его по плечу, а когда он поворачивается, бью кулаком в лицо. Он не падает, хотя и пытается ударить меня пистолетом, но Райдер хватается его сзади и начинает душить, поэтому я выхватываю у него оружие из руки и бью пистолетом по виску.

Он падает в объятия Райдера, который позволяет ему упасть на землю.

— Видишь, брат? Просто, — смеюсь я.

Тони и Сэм хватают мужчину и тащат его обратно к своей машине, а мы направляемся к нашей.

— Дизель будет вне себя от счастья. — усмехается Райдер. — И мы получим необходимую нам информацию. Они связались не с теми людьми.

— Гадюками, брат. Даже змеи боятся других змей, — соглашаюсь я.

РОКСИ

— Я его грохну.

Я серьезно. Я собираюсь убить Гарретта. Мы с Гарреттом не разговаривали все утро после того, что случилось прошлой ночью. Этим утром Дизель вытащил меня из моей комнаты, а Гарретт приготовил мне завтрак, не сказав ни слова. После этого они потащили меня в гостиную, где я заснула на диване. Он не разговаривает со мной и даже не смотрит в мою сторону.

Это сводит меня с ума.

Ну и что? Он ненавидит женщин. И да, он использовал меня, но мне это понравилось. Иначе я бы сказала ему «нет» или надрала бы задницу. Мне плевать, и по какой-то неизвестной мне причине я все равно хочу его. Мне нужно слой за слоем содрать с него весь его гнев, чтобы добраться до того страха, который я обнаружила под ним. Добраться до того настоящего парня, который скрывается под слоем гнева.

Это кажется таким важным, но Гарретт не позволяет мне, вместо этого оказывая мне холодный прием. К черту. Никогда не была одной из тех, кто предпочитает сидеть сложа руки. Ведь все это время, так долго я выживала, будучи бойцом и никогда не сдаваясь, как бы мне ни было страшно. И это ничем не отличается.

Что бы ни было между нами, за то время, что я здесь, все изменилось, и секс с Кензо и Райдером только укрепил нашу связь. Я хочу их, и я забочусь о них — не то чтобы я когда-нибудь им в этом признаюсь. Эти ублюдки использовали бы мое признание против меня.

Я могу продолжать бороться с собой, сколько захочу, или я могу просто получать наслаждение от этого. Купаться в удовольствии и силе, которую они мне предлагают. Я устала убегать, устала выживать изо дня в день, и Гарретт не может оттолкнуть меня, потому что он напуган.

Я в ужасе.

Относительно него, относительно их всех и особенно в отношении того, что они значат для меня, в частности, для моего тела и моего сердца. Но я все еще здесь. Все еще борюсь. Так что он тоже должен это делать.

Сначала я раздражаю Гарретта, толкаю, пинаю, а когда он рычит на меня, я торжествующе ухмыляюсь. Гарретт снова игнорирует меня и смотрит телевизор, поэтому я переключаю канал. Он ворчит и кричит на меня, но тут звонит его телефон.

Я слышу, как Гарретт разговаривает с кем-то, по голосу похож на Кензо, поэтому продолжаю переключать канал. Он раздражается, кричит и заканчивает разговор, свирепо глядя на меня.

— Веди себя прилично.

— Или что? — скалюсь я в ответ. — Собираешься снова поставить меня на колени?

Его глаза темнеют, пристальный взгляд опускается на мои ухмыляющиеся губы в воспоминании, когда он ерзает на диване, без сомнения, вспоминая свой член там — я знаю, что так и есть.

— Это была ошибка.

— Конечно, как скажешь, здоровяк. Эй, кстати, мне скоро надо доделать татушку, как думаешь, я могу пойти к мастеру? — спрашиваю я.

— Кому? — возражает он, прищутив глаза. По крайней мере, это шаг в правильном направлении.

— К Зику, из салона «Соблазнительное искусство», — пожимаю плечами.

— Парень? — почти огрызается Гарретт, а его тело вибрирует от гнева. — Нет.

— Что? Почему? — спрашиваю я, уже разозлившись.

— Никто, кроме нас, не прикасается к тебе, — рычит Гарретт, и я смеюсь.

— Ревнуешь? — ухмыляюсь я.

Гарретт снова ухмыляется.

— Нет, другие убили бы его. Твоя татуировка действительно стоит его смерти?

Дизель тоже смеется, развалившись на диване рядом со мной.

— Он прав, я бы убил его, но посмотри татуировки Гарретта, он может закончить ее для тебя. Он бил нам все татухи.

Гарретт замирает, когда я оживляюсь.

— Черт, правда? Они хороши! Ты сделаешь это?

— Нет, — огрызается Гарретт, скрежеща зубами и бросая свирепый взгляд на ухмыляющегося Дизеля.

— Что? Почему? Я не могу пойти к Зику, но ты не закончишь ее? — ору я.

Его голова медленно поворачивается, глаза темнеют.

— Я не буду добивать тебе ее, забудь об этом.

— Почему? Потому что я женщина, и тебе не хотелось бы опускаться до того, чтобы прикасаться ко мне?

Тыкаю я его носом.

— О, это будет хорошо, мне нужен попкорн, — бормочет Дизель, но я игнорирую его, уставившись на Гарретта, не отступая сейчас.

— Отвали, — предупреждает Гарретт.

Да, к черту все это. С меня хватит его истерик.

— В чем, собственно, твоя проблема? Боишься киски, или ты действительно настолько любишь заниматься самоедством и пышешь ненавистью, что можешь завести ее, только причинив кому-то боль?

В комнате воцарилась тишина, если не считать хлопков попкорна Дизеля на кухне.

— Уходи, сейчас же, — рычит Гарретт, его голос низкий и смертоносный. Его глаза горят тем же гневом, который я видела на ринге — он вне себя от гнева. Гарретт вступает на свою боевую территорию, а я его противник.

Разумнее всего было бы уйти и дать ему остыть. Так ли это? Нет, конечно, нет. Я

никогда не говорила, что я блещу умом, и у меня в заднице застрял свербун, у которого явно большие яйца.

— Нет. Так это все, малыш Гарретт? Дело в твоей мамочке? Нет, держу пари, то была твоя подружка. Что она сделала, обманула? О нет, бедный маленький Гарретт, но это не значит, что ты можешь обращаться со мной как с дерьмом, ты, большой засранец. Ты можешь сверлить меня взглядом и угрожать мне сколько угодно, но все знают правду. Ты хочешь меня, и ты ненавидишь себя за это.

Никто не обещал, что ты проживешь сотню лет, никто не гарантировал, что завтрашний день наступит, и я не верю в то, что стоит тратить время на то, чтобы хотеть что-то сказать или сделать. Поэтому, хотя я знаю, что это глупо, я все это вылила на него. Мы никогда не сможем двигаться вперед, пока не преодолеем прошлое.

Гарретт двигается быстро, вероятно, после бокса, хватает меня за горло и поднимает в воздух. Мои ноги едва касаются пола, но я не сопротивляюсь его хватке. Я расслабляюсь с ухмылкой, даже когда он сжимает свою хватку, перекрывая мне доступ воздуха. Эти губы скривлены в ненависти, а его лицо — оскал. Им руководит только гнев. Он не видит меня, нет, он видит ее.

Женщину, которая причинила ему такую глубокую боль, что он так и не оправился.

— Ты решила умереть? Это все? Хочешь, чтобы я тебя убил? Потому что я так и сделаю. Ты могла бы отсосать мне член, я мог бы хотеть тебя, но я все равно прикончу тебя, — угрожает он.

— Тогда сделай это, давай действительно покончим с этим. Убей меня сейчас или прекрати использовать свой страх как предлог, чтобы оттолкнуть меня, — хриплю я.

Гарретт тяжело дышит, его грудь вздымается, когда он смотрит на меня. С ворчанием Гарретт швыряет меня обратно на диван и уходит прочь. Делая быстрые вдохи, я поднимаюсь на ноги, мои глаза ловят Дизеля, который сидит в стороне на столе, жует попкорн и выглядит слишком счастливым, чтобы наблюдать за разворачивающейся драмой.

Топая за Гарреттом, я гонюсь за ним наверх. Он хлопает дверью, но я распахиваю ее и следую за ним внутрь. Я отказываюсь отступить сейчас, я наконец-то чего-то добилась.

Гарретт меряет шагами пол, прежде чем взмахнуть рукой и провести ею по своим ящикам, с грохотом опрокидывая все на пол. Стекло разбивается, но ему все равно. Он взмахивает рукой и с такой силой прижимает ее к боксерской груше, что та щелкает и падает на пол. Он сгребает свою кровать и опрокидывает ее, и даже посреди всего этого разрушения, кажется, этого недостаточно.

Я чувствую это.

Я знаю это чувство, когда ты так переполнен болью... болью, которая выворачивает тебя наизнанку. Я вылечила свою за эти годы с помощью Рича, но у Гарретта не было такого шанса. Он держал все это в себе, не желая показывать свою слабость, и это гниет в нем изнутри.

Это убьет его.

Поэтому, несмотря на то, что я смотрю в лицо смерти, я продолжаю давить.

— Закончил? — протягиваю я, прислоняясь к стене.

Гарретт поворачивается, его ноздри раздуваются, и он приближается ко мне. Гарретт вжимает мою спину в стену.

— Это кажется знакомым, — поддразниваю я.

— Перестань давить, — рычит он.

— Почему? Мне надоело ходить вокруг тебя на цыпочках. Другие могли бы, но я не буду. Я вижу боль в твоих глазах, я знаю, потому что раньше видела ее в своих. Кто-то причинил тебе боль, кто-то, кому ты доверял. Кто-то, кого ты любил. Она меняет тебя, она ломает тебя, и вскоре на ее месте окажется лишь сломленное существо. Тот, весь мир которого просто рухнул. Я знаю, — ору я, — потому что именно так было со мной. — Тогда я замолкаю, тяжело дыша. — Иногда это все еще так, я все еще убегаю от этого. Все еще живу в страхе, как будто я та же самая маленькая девочка.

Гарретт становится неподвижным, его взгляд мечется, поэтому я бросаюсь вперед, обнажая свою душу, даже несмотря на то, что мне больно раскрываться для него.

— Я доверяла ему, Гарретт. Я любила его, как и положено ребенку. — Слезы наполняют мои глаза, и я ненавижу это проявление слабости, зная, что у него все еще есть эта сила. — Каждый кулак, каждый удар или брошенное слово ломали меня. Я стала всего лишь выжившей, живущей от одного дня к другому, и даже сейчас... даже сейчас, когда я свободна от него, я сделала то же самое, потеряв себя в выпивке и сексе, чтобы мне не пришлось смотреть себе в лицо. Хочешь узнать, в чем дело? Он умудрился испоганить мне жизнь снова, продав меня. Он, блядь, продал меня. — Я горько смеюсь. — Как будто недостаточно было разрушить все мое гребаное детство, он пошел дальше и продал меня. Но знаешь что? Я устала убегать. Ненавижу его. Я хочу, чтобы он заплатил, но более того, я хочу освободиться от тех когтей, которые все еще скребут внутри меня. Не знаю, как это сделать, но я пытаюсь. Ты должен попытаться, Гарретт, потому что я вижу это в твоих глазах — ты в режиме выживания, все еще борешься, живешь изо дня в день, но так жить нельзя. Я перестану убегать, если ты прекратишь драться.

Гарретт отпускает меня и отворачивается.

— Я не знаю как, — признается он.

Я не прикасаюсь к Гарретту, зная, что он ненавидит это, поэтому вместо этого я обхожу его тело, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Первый шаг? Признайся в этом самому себе. Тебе нужно исцелиться, Гарретт, иначе твои устои рухнут. Я не говорю, что ты должен говорить со мной, но я здесь, если тебе нужно. Но и твои братья тоже. Они там, снаружи, и они любят тебя.

— А ты? — хрипит он, наблюдая за мной воспаленными глазами.

— Я? Я не ненавижу тебя... все время, — ухмыляюсь я.

— Почему? Почему ты пытаешься мне помочь? — спрашивает Гарретт, и это кажется важным.

— Честно? Без понятия. Может быть, потому, что я вижу себя в тебе. Или, может быть, мне скучно, может быть, я делаю это по чисто эгоистичным причинам. В любом случае я здесь, и я никуда не уйду. Мы должны найти способ жить вместе. Если ты действительно ненавидишь меня, мы можем составить график, чтобы ты мог избегать меня, если это поможет, — предлагаю я, а затем задерживаю дыхание.

Гарретт сглатывает, его кадык подпрыгивает, а кулаки сжимаются.

— Я не ненавижу тебя. В этом-то и проблема, детка, разве ты этого не видишь? — Гарретт горько качает головой. — Я не ненавижу тебя, я слишком забочусь о тебе... но последний человек, с которым я...

— Причинила тебе боль, — заканчиваю я. — Хорошо, поэтому мы делаем это по одному шагу за раз. Я не прошу жениться на мне. — Я ухмыляюсь, а Гарретт смеется. — Просто перемирие, если мы сможем это устроить. Я перестану давить на тебя, требуя

реакции, а ты можешь перестать пытаться задушить или убить меня... Ладно, может быть, мы сможем опустить часть «убей меня». Не стесняйтесь душить меня в любое время, на самом деле это довольно сексуально.

Гарретт снова хихикает, но это заканчивается стоном.

— Ты не можешь так со мной разговаривать. — Он качает головой. — Я хочу тебя, правда, но я не могу... Я бы убил тебя... Я даже не знаю, смогу ли я снова быть с кем-то. Тебе стоит держаться других, того, кто может дать тебе то, что тебе нужно. А не сломанного ублюдка вроде меня.

— Просто попробуй, — пожимаю плечами. — Выясни это по-настоящему. Это не обязательно должно произойти прямо сейчас, но подумай об этом. Не буду врать, я нахожу тебя привлекательным и не стала бы выгонять тебя из постели.

— А я думал, ты нас ненавидишь, — усмехается он.

— О, я все еще вас ненавижу, это чертовски раздражает, но я работаю над этим. Оргазмы, как правило, уменьшают ненависть, и давай посмотрим правде в глаза, мы оба знаем, что теперь это моя жизнь. Я просто устала бороться с этим.

Гарретт вздыхает, прежде чем сесть на перевернутую кровать и обхватить голову руками.

— Да, это так. Мы конченные парни, нам не следовало соглашаться на сделку.

— Может быть, а может и нет. Но это в прошлом, нет смысла заикливаться на этом. Что сделано, то сделано. Теперь я одна из вас, и пришло время мне узнать, что это значит, и начать вести себя соответствующим образом. Это будет нелегко, я все еще зла и могу выместить злость на вас, ребята, но я постараюсь понять... или они могут просто выебать ее из меня.

Гарретт издает стон, но на некоторое время замолкает, так что я просто сижу здесь с ним. Рич научил меня, что это нормально — просто быть там, дать знать, что ты здесь, если ты нужен. Он сидел у моей спальни так каждую ночь в течение года. Каждый раз, когда я просыпалась с криком или испугом, он был рядом, и это помогало.

— Твой отец... Однажды ты нам расскажешь? — шепчет он.

— Да, однажды, — я лишь киваю.

Гарретт вздыхает.

— Тогда однажды я тоже расскажу тебе, малышка. — Он смотрит на меня, и слово «малышка» на его губах заставляет меня отодвинуться, чтобы не обращать внимания на жар, пульсирующий во мне. Этот человек способен на такое разрушение, на такое зло. И все же я так сильно хочу его. Я хочу, чтобы он уничтожил меня наилучшим образом.

— Отлично. Итак, куда мы двинемся дальше? — смеюсь я.

— Мы... мы постараемся поладить. Постараемся перестать бороться друг с другом только потому, что мы боимся того, что представляем собой друг для друга. — Гарретт кивает и оглядывается. — Я лучше приберусь здесь. — Он вздыхает и тяжело поднимается на ноги.

— Я помогу. В конце концов, это из-за меня. — Гарретт поворачивается и протягивает мне руку. Он делал так раньше, но это кажется более важным, как новое начало, поэтому я позволяю ему поднять меня на ноги, и на этот раз он не отпускает меня сразу, Гарретт улыбается мне, его прикосновение затягивается.

— Спасибо.

Я киваю и, не говоря ни слова, начинаю прибираться. Мы работаем вместе синхронно,

осознавая, где располагаемся относительно друг друга. Я стараюсь не прикасаться к нему и не подходить слишком близко, когда выбрасываю дрова, в которые превратилась мебель, и подметаю пол, пока Гарретт поправляет кровать и вешает грушу. Я складываю его вещи из ящика сбоку, морщась, когда нахожу кольцо. Но я не спрашиваю, я лишь кладу его сверху. Я чувствую его взгляд, но на сегодня он достаточно открылся мне, так что я продолжаю работать, как ни в чем не бывало.

Когда мы заканчиваем, то спускаемся вниз. Дизель ухмыляется нам и шевелит бровями, бросая нож в банки, выстроившиеся на столе.

— Вы двое трахнулись и помирились? Я слышал грохот, много грохота, но подумал, что мне стоит оставить вас наедине.

Я смеюсь.

— Фраза «поцелуй и помирись, ты, сумасшедший ублюдок» тебе должна о чем-то говорить.

Он хмурится, внезапно становясь серьезным.

— Ну, это скучный способ помириться.

— Знаешь, что? Ты прав. — Я ухмыляюсь и направляюсь в его сторону. — Могу я попробовать?

Дизель держит нож над моей головой.

— Ты собираешься использовать его на мне или Гарретте? — Не то чтобы эта идея его отталкивала, скорее, ему было любопытно.

— Почему? Мы оба знаем, что тебе бы это понравилось. — Я подмигиваю, прежде чем ударить Дизеля в живот. Он наклоняется, хрипя, и я вырываю лезвие из его руки и поворачиваюсь к банкам, когда он задыхается от смеха.

— Я собираюсь жениться на ней, — говорит он Гарретту, но я игнорирую это, воспринимая это заявление как очередной его безумный бред.

— Ты должен сначала спросить ее, гений. — Гарретт усмехается.

— Нет, однажды я просто надену кольцо ей на палец и скажу, что это свершившийся факт, — серьезно заявляет Дизель.

Закатив глаза, я бросаю нож, как когда-то учил меня Рич. Он попадает в банку и сбивает ее. Улюлюкая, я поворачиваюсь к ним с ухмылкой.

— Помни об этом, когда будешь злить меня в следующий раз.

Обойдя вокруг стола, я хватаю нож и возвращаюсь, пока они в шоке наблюдают за мной. Подбрасывая его в воздух, демонстрируя, я бросаю его в руку Дизеля.

— Спасибо, псих.

Я неторопливо ухожу, их взгляды все еще прикованы ко мне.

— Кажется, я только что обкончался, — слышу я голос Дизеля.

Гарретт фыркает.

— Вот засранец.

— Хочешь сказать, что у тебя не просто встал? — громко спрашивает Дизель.

— Я не обсуждаю с тобой свой член, — отвечает Гарретт, когда я хихикаю.

Следующий час мы проводим в уютной тишине, но вскоре мне становится скучно. Мне нужно чем-то заняться. Я так привыкла к работе, что без нее теряюсь. Я использую ее как некий отвлекающий маневр, но это работает, и я, честно говоря, скучаю по этому. Я не из тех, кто спит весь день или бездельничает. Мне нужно что-то делать. Поэтому, когда Райдер

и Кензо возвращаются, я в волнении вскакиваю на ноги.

Я в шоке наблюдаю, как Райдер снимает куртку и оглядывается на нас, но затем я замираю от крови на его рубашке. Мы не обсуждали то, что произошло. Да, мы трахались, но там были замешаны чувства. Не знаю, с чего начать, но, глядя на кровь, я чувствую, как беспокойство скапливается у меня в животе, и я внезапно оказываюсь перед ним, хотя и не помню, как двигалась.

Райдер моргает, смотря на меня, выглядя смущенным, когда я показываю пальцем на кровь.

— Ты в порядке? Что произошло?

— Это не моя кровь, — уверяет он меня холодным голосом, но его лицо слегка смягчается. Райдер расстегивает рубашку, чтобы показать мне свою нетронутую грудь. — Видишь?

Я киваю, расслабляясь и глядя на Дизеля, который кажется выглядит слишком уж счастливым.

— Он собирается выудить нужную тебе информацию?

Райдер кивает, когда его пальцы обхватывают мои руки у него на груди, удерживая их так, чтобы я чувствовала биение его спокойного сердца.

— Да.

— Тогда я хочу пойти с ним, — заявляю я, прежде чем наклониться и быстро поцеловать Райдера. Я не уверена, почему, но это кажется правильным. — Мне нужно чем-то заняться. Я могу убедиться, что он не убьет его слишком быстро, — шепчу я Райдеру, который, кажется, шокирован моим поцелуем.

Кензо надувает губы.

— Ой, а меня не поцелуют, да? — бормочет он.

Смеясь, я выбрасываю кулак, чтобы ударить его. Кензо перехватывает его в воздухе и притягивает, резко прижимая меня к себе, когда целует меня крепко... так крепко, пока я не стону ему в рот, и только тогда он отпускает меня. Моя киска пульсирует расплавленным жаром от этого единственного поцелуя. Я отшатываюсь, и Кензо подмигивает.

— Лучше.

— Ты уверена, Роксана? — спрашивает Райдер, возвращая меня к разговору.

Пожимаю плечами.

— Я уже видела Дизеля за работой, и он меня не пугает. Плюс, ты уже сказал, что я могу контролировать его. Позволь мне помочь, я здесь схожу с ума от безделья.

Райдер смотрит мне в глаза, прежде чем кивнуть.

— Если его станет слишком много, возвращайся, — предупреждает Райдер, притворяясь, что Дизель его не слышит.

— С ней все будет в порядке, не так ли, Маленькая Птичка? — Дизель ухмыляется, потирая руки.

— Он прав, я так и сделаю, увидимся позже. — Я киваю им, и Дизель тащит меня к лифту. Я не вернусь, даже если это будет слишком тяжело. Мне нужно показать им, что я могу выжить в их мире, а это, как ни крути, их мир. Если я буду бояться Дизеля, он использует это против меня и сожрет меня с потрохами, пока я не помру.

Нет, я отказываюсь отступать.

Я знаю, что теперь они — мое будущее, и мне нужно взять все под контроль. Быть частью их мира. Доказать им, что я могу приносить пользу, а не только быть девчушкой для

хорошенького перепиха. Честно говоря, моя прежняя жизнь кажется размытой, я так увлеклась Гадюками. Я больше не хочу сваливать.

Поняла это некоторое время назад, но все еще борюсь с этим пониманием. Устала быть одной, просто выживать, бороться каждый день. Да, я скучаю по бару, и мне нужно будет убедиться, что он все еще работает, но, честно говоря, если сбросить со счетов все плохое, моя жизнь здесь не так уж плоха — если не считать того, что мне чертовски скучно. Надеюсь, что если я смогу оказаться полезной, они позволят мне что-нибудь сделать. Мое будущее все еще неопределенно. Они могут убить меня, но с течением дней это кажется все менее и менее вероятным.

Я им нужна не меньше.

Я знаю это, я вижу это. Они хотят, чтобы я была здесь, все, кроме Гарретта. Да, они преступники, но половина людей, которых я знаю, таковы. Да, они могут быть холодными, злобными ублюдками, и эти... эти отношения начались не лучшим образом. Но чего не происходит в обычной жизни? Они не рыцари в сияющих доспехах, нет, они злодеи в темноте, с задумчивыми глазами и звериными наклонностями.

Но мне никогда и не нужен был рыцарь.

Мне нужно было тело, способное выстоять со мной в окутавшей меня тьме, а эти змееныши с этим прекрасно справляются. Они это делают.

Чем больше я узнаю о них, тем больше понимаю, насколько мы похожи на самом деле. У них могут быть деньги и власть, но в глубине души мы все одинаковы. Может быть, именно поэтому они, кажется, не хотят убивать меня или использовать, как они сначала хотели.

Подобное притягивает подобное.

Может быть, их яд заражает меня, может быть, это какой-то Стокгольмский синдром. Может быть, мне просто, черт, все равно. Я никогда не чувствовала себя такой живой. Они заботятся, они замечают. Их слова могут быть резкими, а прикосновения — злыми, но только потому, что я не думаю, что они способны выразить любовь лучше, чем я.

Я думаю, мы будем учиться вместе, потому что сейчас, знаете что? Я полностью в их власти. Я охотно возвращаюсь в это логово гадюк и добровольно протягиваю руки, чтобы меня укусили. Давайте просто надеяться, что это не убьет меня.

Дверь со звоном открывается, и Дизель смотрит на меня сверху вниз, его лицо меняется. Он выглядит нетерпеливым и голодным, но не из-за меня. Он жаждет боли. Он жаждет крови.

— Готова, Птичка? Ты скоро увидишь, на что я действительно способен.

— Готова. — Я киваю, изображая храбрость.

Дизель ухмыляется, выходя.

— Хорошо, потому что ты не уйдешь от меня, пока не станешь выкрикивать мое имя.

Он поворачивается и идет по коридору.

Подождите... что?

ДИЗЕЛЬ

Я слышу Птичку позади себя. Она понятия не имеет, во что ввязывается, но у Рокси был выход, а она им не воспользовалась. Я сдерживался, стараясь быть хорошим, но с этим покончено. Сегодня вечером я выбью необходимую нам информацию и возьму принадлежащую мне женщину.

Мою Маленькую Птичку.

Я слышу, как парень уже бьется в цепях, пытаюсь высвободиться. Он убийца, так что его будет труднее сломать и тем приятнее для него.

Когда я вхожу в комнату, он замирает. Парень осматривает меня в поисках того, что можно использовать в качестве оружия. Он знает, почему он здесь, и понимает, что его шансы выжить невелики. Он умен, я вижу это по глазам. Интересно, заговорит ли он первым или проверит, как далеко я готов зайти.

— Приступим, что ли? — Ухмыляюсь и слышу, как моя Маленькая Птичка входит в комнату, но на этот раз она не будет просто наблюдать, нет, она будет ассистировать.

Она хочет быть одной из нас? Тогда вот как это будет.

— Маленькая Птичка, подай мне тесак, — приказываю я. Слышу, как Рокси колеблется, и смотрю на нее. — Сейчас же, Маленькая Птичка.

Рокси смотрит в мои голубые глаза, прежде чем сделать глубокий вдох, схватить нож с подноса и передать его мне. Ухмыляясь, я наклоняюсь и целую её руку.

— Умница. — Поворачиваюсь к парню и подхожу ближе. Знаю, что у него изъяли все его пушки, но осторожность никогда не помешает.

Делаю несколько быстрых надрезов и избавляю его от одежды, пока он не висит на моих крючках голый — его плечи, должно быть, уже болят. Рокси ахает, без сомнения, увидев, насколько парень покрыт шрамами. В конце концов, он убийца.

— Итак, есть ли что-нибудь, что тебе хотелось бы мне рассказать до того, как я приступлю.

Прошу тебя, скажи мне «нет».

Парень поджал губы, а его взгляд метнулся к Рокси до того, как он плюнул мне в лицо. Смеясь, я подбрасываю нож в воздух.

— Спасибо, черт возьми. Это будет весело.

Я бросаю нож снова, целясь прямо в него. Мужик весь подбирается, когда нож

вонзается в его плечо. Единственный звук, который издает этот кусок дерьма, — это шипение сквозь стиснутые зубы.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, они всегда так легко ломаются... но я не думаю, что этот сломается так просто.

— Это хорошая новость? — спрашивает Рокси, и я чувствую её руку на своей спине.

Я бросаю взгляд на Птичку и ухмыляюсь, и она сглатывает при виде этого.

— Очень хорошая, — мурлычу я, и Птичка протягивает скальпель, даже не спрашивая меня. Ах, теперь Рокси начинает все понимать.

Повернувшись к парню, я позволил ему на мгновение увидеть безумие, которое таится глубоко во мне; огонь, который они зажгли во мне в детстве, который даже я не в силах хоть как-то контролировать.

Подойдя ближе, пристально смотрю в глаза убийце, провожу острым краем лезвия ножа по его коже, разрезая толстую зарубцевавшуюся ткань, пока он снова не шипит, прищуривая глаза. Прodelываю то же самое снова, проходя поперек его груди и рук, прежде чем схватить нож в его плечо и вывернуть.

— Теперь что-нибудь хочешь сказать? Как насчет того, чтобы начать просто с того... на кого работаешь?

— Санта, — усмехается он, заставляя меня смеяться, поэтому я вонзаю лезвие глубже, наблюдая, как кровь капает из раны.

— Будучи профессиональным убийцей, держу пари, что твой палец на спусковом крючке важен, верно? — размышляю вслух.

Парень сглатывает, его кадык дергается, и я внезапно выдергиваю нож, заставляя его закричать. Этот звук — мед для моих ушей, он возбуждает меня так, как ничто другое не может... не считая моей Маленькой Птички.

Повернувшись, я хватаю пилу, поднимаю руку и начинаю насвистывать себе под нос. Парень кричит и дергается, пытаюсь бороться. Кровь брызжет на кандалы и его руку, пока я не наткнулась на кость. Ругаясь, я работаю лезвием сильнее.

— Глупая пила, так трудно найти хорошую, которая бы резала кость, и которая не слишком легко затупляется, — говорю я ему невзначай, поддерживая разговор. — Ты не согласишься, сколько раз мне приходилось её менять. — Я вздыхаю, отрывая его палец и отбрасывая его. Бросив пилу на пол, я хватаю зажигалку и, ухмыляясь в нескольких дюймах от его лица, прижимаю её к ране, чтобы остановить кровотечение.

Он снова кричит, и когда до меня доходит запах горячей плоти, я издаю стон. Щелкая зажигалкой, я отступаю назад с кивком, оглядывая его.

— Может, попробуем еще раз?

— Пошел ты.

Он плюет в меня, сопки капая у него из носа, а слюна стекает по подбородку.

— Очень хорошо.

Снова схватив скальпель, я начинаю колоть и резать, мои движения случайны и хаотичны, так что он не может собраться с силами.

Но его крики звенят в моих ушах, эхом отдаются вокруг меня, вызывая другие крики из прошлого, смешиваясь с запахом горелой плоти. Я режу все быстрее и быстрее, нанося удары.

Продолжаю резать, подхлестываемый криками, посмеиваясь в промежутках. Не могу остановиться. Огонь мерцает вокруг меня, крики моей матери звенят в голове, пока чья-то

рука не пронзает пламя. Достает прямо до меня.

— Ди, посмотри на меня, — требует голос. Он низкий, чувственный.

Знакомый.

— Маленькая Птичка? — бормочу я, замирая.

Она хватает мою руку и лезвие. Тяжело дыша, я моргаю, и комната снова обретает четкость. Она стоит перед окровавленным, задыхающимся мужчиной. Ее рука сжимает лезвие, оно режет ей кожу, так она пытается помешать мне воспользоваться им снова. Когда Птичка смотрит на меня, улыбка играет на ее губах.

— Ты забыл обо мне.

— Никогда, — бормочу я, глядя в эти глаза.

— Ты не можешь убить его, пока нет, у тебя нет нужной информации, — предупреждает она.

— А ты не пыталась его спасти? — спрашиваю я, нахмурившись, и внезапная вспышка ревности пронизывает меня. Как он посмел? Она моя!

Рокси наклоняется к лезвию, чтобы снова привлечь мой взгляд к себе, и только тогда я понимаю, что начал рычать, как животное. Она задыхается от боли, ее глаза расширяются, когда кровь Птички стекает по лезвию ножа и по моей руке, заставляя меня стонать.

— Нет. Пытаюсь помочь тебе, — шепчет она с болью в голосе.

Накрыв ее руку своей, я вонзаю лезвие глубже, и она хнычет, но позволяет мне сделать это. Я издаю стон и убираю руку Рокси, отбрасывая лезвие, прежде чем притянуть ее в свои объятия. Руки Птички поднимаются к моему лицу, и она заключает его в свои ладони. Я чувствую кровь на ее руке, покрывающую мои щеки, и мой член дергается от этого ощущения, когда Птичка отчаянно тянется вверх, но она такая маленькая.

Ухмыляясь, я поднимаю её с пола, пока наши губы не соприкасаются. Это грубый, полный боли поцелуй, и он возвращает меня с края пропасти, как ничто другое. Заменяя впечатление пламени, лижущего мою кожу, её мягкостью. Вкус дыма её сладостью. Звук криков моей матери её стоном, который я проглатываю.

Отстраняясь, я ставлю Рокси на ноги, и она слегка покачивается, потеряв равновесие, поэтому я поддерживаю ее.

— Мне нужно присесть, — бормочет Рокс, тяжело дыша.

— Можешь сесть мне на лицо, — возражаю я, и смех срывается с ее распухших губ.

Ухмыляясь, я несу Рокси к ящику с инструментами и сажаю на него. Я разжимаю ее скрюченный, раненый кулак и смотрю на порез — он не слишком глубокий. Наклоняясь, глядя Птичке в глаза, я целую ее, и кровь Рокси покрывает мой рот. Я выпрямляюсь и облизываю губы, ощущая металлический привкус на губах, а она сдвигается, облизывая собственные губы.

О да, моя Маленькая Птичка любит, когда я такой дикий. Злой. Зверь.

Слетевший с катушек.

Чувствуя себя более похожим на себя прежнего и держащим себя в руках, я поворачиваюсь к парню и ухмыляюсь.

— Прости за это. А теперь, ты хочешь что-нибудь сказать?

Он тяжело дышит, его голова поникла.

— Триада, они наняли меня. — Каждое слово звучит грубо, его голос, несомненно, сорвался от крика.

Схватив парня за волосы, я поднимаю его голову и поворачиваюсь, чтобы ухмыльнуться

ему.

— Очень хорошо, но как?

— А как, черт возьми, ты думаешь? — огрызается он, заставляя меня нахмуриться, а его сглотнуть. — Через знакомых.

— Я думал, они испытывают финансовые трудности? — Я задумываюсь, нахмурившись. Он отчаянно качает головой.

— Нет, все это галимая ложь. Они скрывают свою прибыль. Они торговали в других городах, чтобы заработать немного денег, так как знали, что они им понадобятся, чтобы они могли прийти за вами.

— И откуда ты это знаешь? — небрежно спрашиваю я.

— Навел справки, — он горько усмехается. — Очевидно, сделал я это недостаточно хорошо, так как выбрал не ту сторону.

Наступает моя очередь ухмыляться.

— Что ты и сделал.

Он поворачивает голову и сплевывает немного крови на пол.

— Думаю, нам лучше продолжить? — предлагает он, выглядя усталым, так что я молчу.

— О, не сдавайся так легко. Ты был таким сильным в начале, — комментирую я, глядя на свои инструменты. — Как насчет небольшой пытки водой, чтобы снова тебя разбудить?

Он усмехается:

— Что? Ничего нового? Должен сказать, я разочарован. Великий Дизель, использующий старые методы. Я думал, ты более изобретателен в этом плане.

Я замираю. О, он хочет поиграть в эту игру? Отлично. Схватив свою игрушку, я оборачиваюсь с ухмылкой.

— Что-нибудь новенькое? Как насчет этого? Я сделал это сам. Конечно, концепцию позаимствовал у нескольких аналогичных устройств. — Я пожимаю плечами и подхожу ближе.

Его бравада на мгновение спадает.

— Да? Для чего это?

— Это. — Ухмыляюсь, направляя канал на его член и щелкая замком. Он замирает, едва дыша, но когда ничего не происходит, расслабляется. Я наблюдаю за лицом парня, пока он не понимает, что оно медленно сжимается на его члене. Его глаза вылезают из орбит, когда трубка закрывается, сжимаясь все сильнее и сильнее, и когда он начинает кричать, я понимаю, что приспособление врезается в кожу его члена. — Хм, как тебе эта новинка?

Отступаю назад и наклоняюсь между ног Рокси, наблюдая, как парень орет. Она обнимает меня, расслабленно опираясь о мою спину, а ее подбородок упирается мне в плечо.

— Тебя заводит возможность причинять боль людям? — наугад спрашивает она, заставляя меня моргнуть, прежде чем я растягиваю губы в улыбке.

Повернувшись, я хватаю руку Птички и прижимаю к своему члену.

— Что скажешь?

Рокси наклоняет голову и закусывает губу, когда я отпускаю ее руку, но Птичка не убирает ее, нет, она трет меня через брюки, заставляя меня мычать. Наклонившись к Рокси, положив кулаки по обе стороны от бедер Птички, я облизываю ее губы.

— Не дразни, Маленькая Птичка, если не хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь.

Она делает глубокий вдох.

— Ты хотел бы причинить мне боль?

— Да, — признаюсь я без капли стыда. — Хочу разрезать твою кожу, смотреть, как капает кровь, когда я вонзаюсь в тебя.

Она прерывисто втягивает воздух, ее рука сильнее прижимается ко мне.

— Переживу ли я это?

— А тебе было бы не все равно?

Она отчаянно трясет головой.

— Возможно, но я, кажется, хочу это выяснить, — скалюсь я в ответ. — Я знал, что с тобой так и будет, Маленькая Птичка, ты такая храбрая. Думаешь, что можешь контролировать меня... останови меня, прежде чем я убью тебя. Скажи мне, ты можешь превратить эту жажду крови в обычную похоть?

Она наклоняется ко мне, прикусывая мою губу.

— Я хочу попробовать.

Особенно громкий крик раздается у меня за спиной.

— Не выбрасывай этой мысли из своей головы, я не хочу, чтобы он умирал прямо сейчас.

Трудно оторваться от ее исследующей руки, но я делаю это. Поворачиваюсь, снимаю зажим с его члена, морщась от зрелища, представшего передо мной — этого кровавого, порезанного месива.

— Вау, надеюсь, ты не хотел детей. — Я смеюсь. — Дам тебе минуту, чтобы прийти в себя. У меня просто есть еще несколько вопросов, а потом мы, пожалуй, закончим.

Отбросив свое изобретение в сторону, я поворачиваюсь и снова смотрю на Рокси, когда она выходит позади меня. Я подкрадываюсь к Рокси, и она улыбается, ничуть не испуганная. Может быть, я ошибся, может быть, она не Птичка. Может быть, она Змея.

Как я.

Она смотрит на меня с желанием в глазах. Моя Маленькая Птичка освобождается из своей клетки с каждым днем, каждым действием. Я хочу этого. Ее свободу, ее удовольствие, ее боль. Я должен быть сосредоточен на убийце, но когда Птичка здесь, все, о чем я могу думать, это о возможности нагнуть ее над этим ящиком с инструментами и врезаться в ее киску, наблюдая, как влагалище Птички принимает мой член, когда нас окружают кровопролитие и пытки.

Она облизывает губы, как будто знает, о чем я думаю.

— Ты собираешься трахнуть меня? — беспечно спрашивает она. Я кружу вокруг нее, проводя пальцами по ее плечам и волосам, вдыхая сладкий аромат Рокси. Это проникает в мои кости, заставляя мой член дергаться, и единственный способ облегчить это состояние — это пустить ей кровь.

— Я думаю об этом, — отвечаю я.

— Перед ним, или ты сначала убьешь его? — спрашивает она, выгибаясь, чтобы дать мне лучший доступ.

Остановившись позади Птички, я откидываю ее волосы в сторону, и она замирает, когда я облизываю и целую девичью шею, чувствуя, как ее пульс бьется у моих губ. Моя Маленькая Птичка такая хрупкая и в то же время такая сильная.

— Думаю, что сначала убью его, а потом, когда его кровь все еще будет на моих руках, я сорву это платье с твоего тела и трахну тебя, оставив отпечатки рук на этой идеальной бледной коже.

Рокси задыхается и дрожит, прижимаясь ко мне. Маленькая грязная Птичка, ей это нравится. Напевая, я покусываю ее шею, прежде чем прикусить. Рокси задыхается от боли, но вжимается, заставляя меня вонзаться глубже. Я понимаю, что она делает, проверяя свой контроль на мне и бросая вызов самой себе.

Рокси думает, что если сможет взять меня, обладать мной, то сможет выжить в этом мире.

Посмотрим.

— А что, если я использую некоторые из моих игрушек на тебе, Маленькая Птичка? Ты бы все еще кончала так красиво с моим ножом в твоей коже и моим членом в твоей киске? — Птичка стонет на мои слова, ее рука тянется назад и обхватывает мою голову, притягивая меня ближе, пока Рокси покачивается на ящике с инструментами.

Пробегая руками по ее плечам и вниз, я обхватываю ее вздымающиеся груди и сжимаю, сильно, заставляя ее хныкать.

— Я видел, как ты взяла член Кензо. Тебе нравилась борьба, боль, но сколько боли ты сможешь вынести? — шепчу я ей в кожу.

— Всю до капли, — отвечает Птичка, когда я провожу рукой вниз по ее животу по направлению к киске Рокси, прежде чем обхватить ее, позволяя Птичке прижаться ко мне, пока я покусываю и облизываю ее шею.

— Поживем, увидим. Другие тебя сейчас не спасут. Ты пришла сюда, и ты не уйдешь, пока я не буду удовлетворен твоими соками на моем члене и твоей кровью на моих руках. Храбрая Маленькая Птичка, идущая прямо в логово Гадюки, — бормочу, когда убийца начинает просыпаться.

Сильнее прижимая руку к сочащейся соками киске Рокси, я закатываю глаза, чтобы встретиться с парнем взглядом, когда он моргает и поднимает голову. Он встречается со мной взглядом, и его глаза расширяются от страха, пока я вот так играю со своей девочкой. Исследуя ее тело, я ласкаю ее грудь, прежде чем сильно укубить за шею, заставляя Рокси закричать. Смеясь, я отстраняюсь.

— Он очнулся, Маленькая Птичка, так что тебе придется немного подождать, пока дойдет очередь до тебя. Не стесняйся играть с собой, пока ждешь своей очереди, хотя бы до тех пор, пока не кончишь, а он не увидит ни дюйма твоей кожи.

Убийца закрывает глаза.

— Я ничего не видел, — открещивается он, когда я обхожу Рокси.

— Верно, — собственнически рычу я. — Но ты чувствуешь запах ее возбуждения? — Я делаю глубокий вдох. — Я же чувствую. — Рокси нравится смотреть, как я работаю, нравится кровь. Боль. Моя Маленькая грязная Птичка.

Он качает головой, намеренно стараясь не дышать, но его дыхание сбивается, и он делает вдох. Бросившись вперед, я затыкаю ему рот и нос и впечатываюсь в его лицо.

— Ты не сможешь почувствовать ее запах, — рычу я, и его глаза расширяются, когда он пытается не сделать еще один вдох.

Мы смотрим друг на друга, как он борется, без сомнения, его легкие горят.

— Ди, будь паинькой, — зовет Птичка из-за моей спины.

Смеясь, я отстраняюсь, и он делает глубокий вдох и кашляет.

— Скажи спасибо моей Маленькой Птичке за то, что она оставила тебя в живых.

Парень снова кашляет, его глаза слезятся, когда он поднимает взгляд и смотрит на нее.

— Спасибо тебе, Маленькая Птичка.

Я замираю, а она ругается.

— Ты только что назвал ее «Маленькой птичкой»?

Он переводит взгляд на меня и осознает свою ошибку.

— Нет-нет, я просто...

— Ди, — бормочет Рокси, но я игнорирую ее, когда смотрю ему в лицо.

— Тщательно подбирай слова. Есть что-нибудь еще, что ты можешь мне сказать? — спрашиваю я, пока сдерживаясь, пытаюсь выполнять свою работу, хотя мне хочется разорвать его на куски.

— Они наняли других, ребятки, чтобы убить вас. Они не остановятся, пока ты не умрешь, и у них есть кто-то, кто кое-что знает о тебе, — выпаливает он.

— Крот? — требую я ответа.

Он сильнее качает головой.

— Нет-нет, некоторые сведения были старыми, я предполагаю, что это кто-то из тех, кто раньше работал на вас.

Я легонько шлепаю его по лицу.

— Ты хорошо поработал.

Я вне себя от злости, что кто-то, кто получил работу у нас, предал нас. Я должен буду сказать Райдеру и позволить ему прошерстить их всех. Мы, как правило, следим за старыми сотрудниками, чтобы убедиться, что им ничего не нужно, но это? Это предательство.

Отвернувшись, я ухмыляюсь моей Маленькой Птичке, снимая с пояса маленький нож. Она ахает, когда я поворачиваюсь и перерезаю ему горло. Его глаза расширяются от шока, и парень отплевывается, когда кровь брызжет и хлещет из раны. Он не может остановить ее, а я прижимаюсь лицом прямо к его лицу, когда он умирает, наблюдая за тем, как тускнеет свет в его глазах.

— Она моя. Моя! — рычу я.

Я смотрю, как он умирает, а затем, все еще чувствуя, как во мне бурлит желание, я поворачиваюсь лицом к своей женщине. Она смотрит на меня со страхом и желанием, борющимися во взгляде ее глаз, когда я подхожу ближе. Хорошо, она должна бояться меня. Я мог бы сжечь Птичку так же легко, как она могла поглотить меня.

Рокси знает, что я опасен, знает, что, возможно, быть в моих объятиях означает её смерть, но она охотно делает шаг вперед. Мы просто два человека, которые нашли друг друга в этом темном, жестоком мире. Она облажалась, но и я тоже. Вместе мы могли бы стать чем-то удивительным, или мы могли бы взорваться.

Я хочу это выяснить.

Я не буду ее спасителем, я буду ее грешником.

Но у нее с этим все в порядке — более, чем в порядке. Понимаю это, когда Птичка прижимается к моей груди и откидывает голову назад, чтобы улыбнуться мне. Слышу, как кровь капает на пол позади меня, но она игнорирует тело так же, как и я. Мы танцевали вокруг этого пламени с тех пор, как она впервые появилась здесь, и пришло время нам зажечь.

— Дизель. — То, как она произносит мое имя, посылает импульс похоти прямо к моему и без того твердому члену. Губы Рокси приоткрыты в желании, наворачивая ее груди такие острые, когда она тяжело дышит.

— Маленькая Птичка, — отвечаю я, медленно опуская голову, давая ей возможность отстраниться. Я бы не позволил ей сбежать, но это задало бы тон тому, как все это

закончится. Хочет ли Рокси драться, как с Кензо, или она хочет сдаться мне и той боли и удовольствию, которыми я готов ее одарить?

Птичка идет мне навстречу. Я запускаю пальцы в волосы Рокси и притягиваю ближе, заставляя встать на цыпочки, когда целую. Она взывает к этой дикой части во мне, выманивает ее наружу, чтобы прикрыть ею свою кожу.

— Пожалуйста, — умоляет Рокси у моих губ.

Это ее просьба, она подстегивает, и Птичка это знает. Ее глаза светятся озорством, моя Маленькая Птичка точно знает, что сказать, чтобы поиграть в эту игру. Она готова на все, чтобы получить то, что хочет, и прямо сейчас она хочет получить меня.

Глубоко внутри нее.

Щеки Рокси пылают от желания, а глаза сверкают. Даже здесь, в подвале, она сияет, как драгоценный камень. Ее рука скользит по моей груди, и я позволяю ей. Птичка ловко расстегивает мои джинсы и освобождает член, опуская взгляд на него.

Она рассматривает татуировку на моем члене и языки пламени, которые поднимаются по моим бедрам, и облизывает губы.

— Пламя?

— Напоминание о том, как легко мы все можем упасть, — бормочу я.

Рокси понимающе кивает, обводя меня по всей длине, прежде чем щелкнуть пирсингом на конце. Издавая животный рык, устав от ее игр, я хватаю Птичку за руки и поднимаю их над головой, пока она не растягивается.

— Все будет не так, Маленькая Птичка.

— Нет? — бросает Рокси вызов с заигрывающей улыбкой на губах.

— Хочешь мягкости, иди к другим, ты приходишь ко мне за порцией боли. Но ты уже знаешь это, Маленькая Птичка. Ты пришла сюда, чтобы наказать себя вместе со мной, за то, что хотела нас, за то, что сдалась. Я с радостью окажу тебе услугу.

Колени Рокси подгибаются, поэтому я поддерживаю ее — нет, это не сработает. Мне нужны свободные руки.

Держа руки Птички в своих, я ловлю их под мышкой, быстро развязываю путы на цепях убийцы и бросаю его труп в угол. Тащу Птичку через лужу его пролитой крови и приковываю ее по одной руке за раз, натягивая цепи, пока они не обвивают ее запястья, и Рокси едва может коснуться пола. Обязательно оттягиваю ее плечи назад, пока она не начинает задыхаться, боль постоянная и беспощадная. Поддерживающая ее на пределе.

Удовольствие — это просто еще одна форма пытки, и я в ней мастер.

Ее глаза широко раскрыты, грудь вздымается, когда она смотрит на меня. Рокси хочет этого, она вошла сюда, в это место, добровольно. Теперь я собираюсь брать Птичку снова и снова, пока не буду удовлетворен, и если она выживет, тогда она одна из Вайперов.

Используя тот же самый маленький нож, которым я перерезал горло тому парню, я разрезаю ее топ, буквально отрезая его от нее. Ткань спадает, оголяя ее грудь, которая вываливается из прозрачного черного кружевного бюстгалтера. Я стараюсь аккуратно снять с нее ботинки, зная, что она их любит. Когда кремовая кожа Рокси обнажается передо мной, я протираю лезвие и дезинфицирую его, понимая, что оно должно быть чистым для того, что я запланировал.

Птичка смотрит на меня дикими глазами, судорожно сглатывая. Краска теперь заливает ее грудь, когда я провожу взглядом по ее татуировкам и изгибам. Она восхитительна, само искушение. Полные бедра, татуировки и сумасшедшее отношение, которое все время делает

меня твердым как камень.

— Я собираюсь провести этим ножом по твоей коже, не разрезая, пока нет, просто волоча. Оставляя восхитительные розовые следы для моего рта, — говорю я ей, позволяя лезвию блеснуть на свету. Подойдя ближе, я прикасаюсь губами к ее губам. — Прямо к твоей сладкой маленькой влажной киске, которую я чувствую. — Пока говорю, я веду лезвием вниз, срезая ее лифчик. Отбросив его в сторону, я провожу лезвием ножа по коже ее бедра и нити стрингов, заставляя Рокси замереть, когда я делаю быстрый взмах ножом вверх. Я отбрасываю и это все тоже. Она чертовски сногшибательна. Ее кожа испорчена несколькими шрамами и чернилами татуировок — от нее у меня слюнки текут.

Она вызывает привыкание.

Моя любимая новая навязчивая идея.

— Так сделай это, перестань болтать, — огрызается она.

— Или, может быть, я просто не закончил играть с тобой? Может быть, я жду, чтобы увидеть этот огонь в твоих глазах. — Ухмыляясь, я обхожу Птичку, провожу пальцем по ее пухлой попке и вокруг бедра к животу, останавливаясь на кольце в пупке. Встретившись с ней взглядом, я тяну ее за руку. Сначала она молчит, пока я не тяну сильнее, затем из горла Птички вырывается вскрик, заставляющий меня стонать в ответ. И вот он, этот огонь. — Вот так-то лучше, — бормочу я.

— Придурок, — выплевывает она, пытаясь откинуться назад, цепи гремят.

Я бросаюсь вперед, прижимая нож к её шее, где всего несколько минут назад я перерезал горло мужчине. Рокси сглатывает и откидывает голову назад, и когда ее глаза встречаются с моими, она вдавливаясь в лезвие, проверяя меня. Проверая, как далеко я зайду. Когда лезвие рассекает кожу и ее кровь касается лезвия, я отстраняюсь, а она смеется.

— Значит, не убьешь меня? Тогда почему бы не трахнуть меня? — насмехается она и раздвигает свои кремовые бедра, показывая мне блестящую киску и пытаясь заставить меня поторопиться.

Ворча, я провожу лезвием по ложбинке груди Птички, прежде чем обвести вокруг сосков. Я делаю эту петлю несколько раз, каждый раз нажимая сильнее.

— Ты не можешь торопить меня, Маленькая Птичка. Я представлял все способы, которыми я мог бы трахнуть тебя, причинить тебе боль, заставить тебя истекать кровью и кричать с тех пор, как увидел тебя.

Поднимая лезвие, я ухмыляюсь розовым отметинам, которые оставил, и, как и обещал, опускаю голову и провожу языком по дорожке. Рокси задыхается, выгибаясь вперед, чтобы попытаться вдавить сосок мне в рот. Жадная маленькая птичка.

Снова подняв голову, я провожу лезвием от ее груди к животу и вокруг пупка, прежде чем опуститься на колени и проследовать по этому пути вслед за лезвием. Закатив глаза, я провожу языком по ее драгоценному камню на животе, а ее голова наклоняется вперед; глаза Рокси встречаются с моими. Она закусил губу, дрожит от моего прикосновения.

Обводя языком ее пирсинг, я немного натягиваю его, заставляя ее стонать, прежде чем повернуть голову и без предупреждения прикусить бедро. Стон Птички превращается в крик, когда она дергается в цепях, слегка отклоняясь, поэтому я хватаю ее за бедро и впиваюсь зубами глубже, прежде чем отпустить ее кожу и поцеловать ее. Облизывая и покусывая ее тело, не обращая внимания на свой ноющий член, я провожу ножом по ее соску. Она стонет от опасного лезвия ножа в одной из ее самых чувствительных областей и наклоняется к нему, поэтому я делаю это снова и снова, прежде чем лизнуть дорожку. Птичка снова стонет

мое имя, моя Маленькая Птичка пытается соблазнить меня.

Поэтому в наказание я быстро взмахиваю ножом, делая два тонких пореза поперек вершинок ее груди. Откинувшись назад, я хорошо вижу кровь на срезах, когда она хнычет:

— Ди, пожалуйста.

Не сводя глаз с Рокси, я облизываю порезы, проникая языком по краям, пока она не начнет стонать от боли и дрожать от удовольствия.

— Знаешь ли ты, Маленькая Птичка, что боль может усилить твое удовольствие? Нормальным людям нравится совсем немного, в то время как другие могут справиться со многим... Интересно, сколько ты можешь терпеть?

Облизывая ее шею, я останавливаюсь на губах Рокси.

— Мы собираемся это прояснить, продолжая продвигаться вперед, пока твои крики агонии не смешаются с твоими криками блаженства. — Рокси кусывает мои губы, заставляя меня улыбнуться. — С чего мы начнем, Маленькая Птичка? Я могу продолжать работать с ножом... У меня есть представление о том, как это будет выглядеть на твоём проколоте клиторе, когда мой язык трахает твою дырочку... Или, может быть, тебе по нраву, как твоя маленькая тугая попка наполнена моим членом?

Рокси задыхается, дергаясь против меня.

— Нож, — шепчет она, задыхаясь.

— Очень хорошо. — Опустившись на колени, я раздвинул ее кремовые бедра, чтобы выставить киску Птички напоказ. Она такая мокрая, что соки капают с ее бедер, и когда я раздвигаю половые губы и ласкаю проколотый клитор, Рокси прижимается ближе. Я бы умер счастливым, уткнувшись лицом в киску Рокси, пробуя ее на вкус своим языком.

Проведя ножом по обоим бедрам, оставляя жгучий след, я обвожу им киску Птички, прежде чем смочить лезвие ее соками. Я откидываюсь назад и встречаюсь с этими глазами, позволяя Птичке наблюдать, как я облизываю острый край, очищая его от ее соков.

— М-м-м, восхитительно.

Глаза Птички на мгновение закрываются, прежде чем она моргает, снова открывая их.

— Ну, ты собираешься трахнуть меня или просто посидеть и поговорить?

Схватив ее за бедро, я впиваюсь ногтями, прижимая лезвие плоской стороной к клитору, сильно, удерживая его там, когда погружаю язык внутрь нее. Птичка стонет мое имя, дергаясь в цепях и прижимаясь ближе. Но этого недостаточно ни для меня, ни для нее. Отстраняясь, я облизываю клитор Птички и вынимаю нож, глаза Рокси расширяются, и ее дыхание сбивается, прежде чем она кивает, отталкиваясь, чтобы попытаться принять его в свое тело.

— Это нож, которым я убил его. Ты видела, как красиво он умер, захлебнувшись собственной кровью? — бормочу я, вдавливая его в нее, прежде чем вытащить, а затем вдавить еще на дюйм.

— Лезвие легко разрезало его кожу, вся эта кровь, кровь, в которой ты стоишь... — Я замолкаю, облизывая губы, чтобы сохранить вкус ее киски во рту. — В следующий раз я заставлю тебя смотреть. Я трахну тебя с лезвием, приставленным к твоему горлу, когда они умрут у нас на глазах. — С этими словами я полностью погружаю рукоять в Рокси.

Она кричит и от боли, и от удовольствия, и я хихикаю, прежде чем повернуть ручку, ребристая хватка которой заставляет ее бедра дергаться вперед, когда она пытается взять больше.

— Да, больше, — кричит она, когда я вытаскиваю нож из ее цепляющегося тела, прежде

чем вонзить его обратно, трахая ее им. Рокси повторяет мое имя и слова ободрения, пока я наблюдаю, как краска расплзается по ее телу, а бедра Птички дрожат, когда она достигает пика. Птичка так близко, ее голова откинута назад в блаженстве, глаза закрыты, лицо расслаблено.

Так близко.

Я выдергиваю лезвие, и ее глаза распахиваются.

— Какого хрена? — кричит она.

Снова усмехнувшись, я начисто облизываю рукоятку лезвия, пока она наблюдает, как вздымается грудь.

— Ты еще не можешь кончить. Ты будешь ходить по этому краю снова и снова, пока тебе не станет так больно, что ты будешь умолять меня кончить.

— Ты гребаный придурок, — рычит она, прежде чем раскачаться в цепях, пиная меня. Я хватаю Птичку за лодыжку в воздухе и подношу к губам, когда царапаю зубами свод ее стопы, заставляя ахнуть.

— Это было ни разу не мило, Маленькая Птичка, — бормочу я, прежде чем опустить ее ногу и встать на ноги самому. Отступая, я медленно снимаю брюки, и она стонет, глаза Рокси скользят по моему телу, ее бедра сжимаются вместе.

Схватив деревянный шест, который я иногда использую, чтобы связать преступникам руки, я провожу им между ее грудями и вниз, к киске, слегка шлепаю по ней, прежде чем подойти сзади к Рокси. Ее волосы струятся по плечам, и я убираю их, целуя ее в шею.

— Ты хочешь быть наказанной? Ты же все поняла.

Я опускаю палку ей на спину быстрыми движениями несколько раз. Рокси корчится и кричит. Я не делаю это нежно и когда отстраняюсь, замечаю рубцы на ее коже, так красиво украшающие ее.

— Так красиво... наблюдать, как твоя кожа разрисовывается для меня. Осознавать, что тебе придется ходить с ними, а остальные будут гадать, что я с тобой сделал... Интересно, Маленькая Птичка, знают ли они, насколько ты на самом деле извращенка? — шепчу я ей в кожу. — Потому что прямо сейчас я знаю, что если я протяну руку между этими шелковистыми бедрами, ты захлебнешься от боли. Они знают, что тебе это нравится так же сильно, как и мне?

Она качает головой, всхлипы срываются с ее губ.

— Я так не думаю. Большая, крепкая Рокси, податливая словно пластилин в моих руках. Отдаешь все мне. — Снова опуская шест, я смотрю, как он темнеет на ее коже. — Только для нас. Все остальные получают суку, мы получаем податливость...

— Пошел ты, — шепчет она почти, теряя сознание.

Смеясь, я шлепаю шестом по ее заднице, заставляя Птичку с криком качнуться вперед.

— Еще нет, Маленькая Птичка. Я хочу посмотреть, что еще ты можешь принять.

— Все. Что угодно. Ты думаешь, что можешь причинить мне боль? Ты не можешь. Со мной поступали гораздо хуже. Так что вываливай все твои извращенные желания, сделай это. Я могу с этим справиться. Я могу справиться с тобой, — рычит Роксана, ее голос сильный, несмотря на обнаженное, податливое тело.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ухмыляюсь, задаваясь вопросом, действительно ли она может. Другие пытались, думая, что смогут приручить меня. Парни бросали к моим ногам женщин, и я сломал каждую из них. Станет ли моя Птичка одной из них?

Ни разу я не хотел их так сильно, как ее. Птичка поджигает меня, в то время как они

даже не вызывали искры. Это плохо для нее, ей приходится принимать на себя основную тяжесть моей одержимости, но мы не сможем двигаться вперед, если она этого не сделает. Если я не буду знать, что она сможет пережить безумие, которое скрывается внутри, или я могу случайно убить ее, и остальные будут в ярости.

Бросив шест, я хватаю Рокси за горло словно в тиски. Я больше не буду вести себя как подобает. Я пытался сдерживаться, потому что она мне небезразлична, но она продолжает подначивать...

Самое время зажечь для нее пламя.

Рокси ахает и выгибается назад, потирая свою саднящую задницу о мой твердый член. Убедившись, что перекрыл ей подачу воздуха, я хватаю свой член и рывком раздвигаю ее бедра, вонзая своего дружка в нее. Птичка вздрагивает от интенсивности, не в силах издать ни звука, когда я выхожу и снова резко вхожу обратно. Цепи громко звякнули. Я держу ее на грани, доводя тело Птички до предела того, что она может вынести.

Ее киска сжимается вокруг меня, ее влажность позволяет мне легко входить и выходить из ее тела. Она снова дрожит, когда я сжимаю свои руки, и она начинает дергать за цепь, когда я забираю у нее жизнь, прежде чем Птичка внезапно останавливается и расслабляется во мне. *Хорошая девочка, не сопротивляйся этому.* Я немного ослабляю давление, и Рокси втягивает воздух, одновременно отталкиваясь, чтобы встретиться мои толчки.

Наклонившись, я снова хватаюсь за лезвие. Погружаясь глубоко в самую ее суть, я провожу лезвием по выпуклостям груди Рокси. Она громко стонет, не боясь, позволяя мне делать с ее телом все, что захочу.

Она может бороться с Кензо, она может нести чушь и быть самым храбрым человеком, которого я когда-либо встречал, но здесь, внизу, со мной, она отпускает этот наработанный контроль, ее стены, которые Птичка возвела вокруг себя, рушатся, когда я беру ее, как животное.

Я делаю надрез между грудями Птички, вниз по ложбинке между ними, и чувствую, как из пореза течет кровь. Потирая о него руку, я нажимаю на порез и заставляю Рокси кричать от боли. Хихикая, затаив дыхание, я провожу этой окровавленной рукой вниз по ее животу к киске и щелкаю по проколотому клитору, пока Рокси не возвращается в эту пропасть.

Затем я останавливаюсь, замирая, с моим членом внутри ее тела и пальцем на ее клиторе. Рокси хнычет, пытаясь оттолкнуться, чтобы получить рычаг, чтобы кончить. Возвращая нож на место, я окунаю рукоятку в ее соки, покрывая его красиво и полностью, прежде чем вынуть свой член из ее сжимающейся киски. Схватив Рокси за бедра, я еще сильнее наклоняю Птичку назад и раздвигаю ее ягодицы.

— Скажи мне, Маленькая Птичка, у тебя здесь раньше что-нибудь было?

Я слышу, как она громко сглатывает.

— Да, — шепчет она.

— Тебе понравилось это? — спрашиваю я с искренним любопытством, не думая, что это изменит то, что я собираюсь сделать.

Птичка дрожит в моих объятиях. Ее бьет крупная дрожь.

— Да.

Посмеиваясь, я прижимаю рукоятку ножа к дырочке Рокси. Мне удастся проработать его на дюйм, а затем снова выйти. Это происходит медленно, пока рукоятка маленького лезвия не окажется у нее в заднице. Отступив назад, я смотрю на это зрелище — красные рубцы на ее заднице, торчащий из нее нож, ее соки, покрывающие бедра. Твою же мать. Я

почти кончаю от одного этого зрелища. Схватив свой телефон, я быстро делаю снимок и отправляю его парням, давая им понять, чего им не хватает, прежде чем отбросить сотовый и снова взять ее за бедра.

— Дизель, — начинает Рокси, когда я подхожу к ее киске, лезвие прижимается к мясистой коже над моим бедром. — Тебе будет больно...

С ревом я снова врываюсь в Рокси, насаживаясь на нож. Он рассекает мою кожу, и хорошо, что я знаю, где резать, чтобы это не было смертельно, но это чертовски больно. Боль пронзает меня, отдаваясь пламенем у меня в животе и яйцах. Я вымещаю это на ней, трахаю сильнее, быстрее, нож входит и выходит из моего тела, когда она кричит. Кровь капает из раны на наши соединенные тела, делая проход еще более скользким. Я не могу много двигаться, я не хочу кромсать свои внутренности, хотя нож маленький и просто входит под кожу.

Птичка хнычет, ее киска сжимается и хочет большего, как и я. Поэтому, несмотря на то, что мне нравится боль и кровь, которая теперь покрывает наши тела и руки, я хватаю нож между нами, отодвигая его, чтобы освободить мне место.

Я поворачиваю нож, заставляя ее стонать, а меня поскуливать от боли, прежде чем откидываюсь назад и вытаскиваю нож, отбрасывая его, пока трахаю ее.

Кровь свободно течет из моей раны, и я знаю, что если не остановлю ее в ближайшее время, то потеряю сознание. В какой-то момент ее нужно будет зашить, но пока что я выживу.

— Тебе придется зашить меня.

— Что... — стонет она, едва способная говорить.

— Как только мы закончим, зашей меня, или я умру, — поддразниваю я, но Рокси задыхается, думая, что я серьезно. Смеясь, я хватаю ее за бедра и вонзаюсь в Птичку снова и снова, проводя своим окровавленным пальцем по ее клитору. Мои яйца напрягаются, удовольствие и боль режут во мне.

Я слишком близко, и хочу, чтобы это длилось вечно, и с радостью умер бы здесь, но мне нужно кончить. Видеть, как сперма капает из ее окровавленной, мокрой пизды.

— Кончай, — требую я, и Рокси кричит, когда я дергаю ее за пирсинг клитора, ее киска сжимается вокруг меня, когда Рокси так и делает. Я чертыхаюсь, когда врезаюсь в Птичку и все еще наполняю ее своей спермой.

Тяжело дыша, я прислоняюсь к ней, цепи громко раскачиваются, прежде чем со стоном я соскальзываю с ее тела. Я поднимаю руку и морщусь от боли, которую это движение причиняет моей поврежденной коже, когда я освобождаю Птичку и ловлю до того, как она упадет. Несмотря на то, что это больно, и я чувствую небольшую слабость от потери крови, я укачиваю ее на руках и направляюсь к ящику, опуская ее. Глаза Рокси все еще закрыты, тело сотрясается от толчков.

Птичка пережила это.

Убирая волосы с лица Рокси, я нежно целую ее.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, я знал, что ты будешь единственной. Теперь ты никогда не сбежишь от нас, ты моя. Навсегда. Связаны крепче, чем когда-либо могли быть связаны любовными или брачными узами. Попробуешь уйти, и я тебя выслежу.

Она усмехается, и я со стоном наклоняюсь к ней.

— Хочешь зашить меня, Маленькая Птичка? Надеюсь, пальцы у тебя не дрожат.

Она моргает, открывает глаза и в шоке смотрит на рану, задыхаясь.

— Черт, ладно, да, я умею зашивать. Мне приходилось делать это несколько раз на себе. Я быстро научилась. У тебя есть аптечка?

Смеясь, я указываю на аптечку в углу, которую припрятал здесь на случай, если мои игрушки попытаются истечь кровью. Сейчас она оказалась очень кстати. Птичка спотыкается о ящик и, ступая босыми ногами, подходит и хватается аптечку, ее окровавленная задница соблазнительно трясется. Закрыв глаза, я жду ее.

Я чувствую, как Птичка приближается и снова открываю их, чтобы обнаружить, что она стоит на коленях у моих ног, аптечка открыта, когда она хватается то, что ей нужно. Рокси промывает рану, заставляя меня шипеть, даже когда мой член твердеет от боли. Она ухмыляется и игнорирует это, когда снова начинает зашивать разрез.

— Выглядит не так уж плохо, просто кровотечение, вот и все. Ты сумасшедший ублюдок.

Как только Рокси заканчивает, она откидывается назад, смеясь над моим твердым членом.

— Ну, это было весело. — Рокси падает на бок и прижимается ко мне. Наклонившись, я глажу ее по волосам. — М-м-м, — напевает она, просто расслабляясь. — Но, чисто для справки, я не помогаю тебе избавиться от тела. Думаю, ты сломал меня, мне нужно поспать и чего-нибудь перекусить.

Ухмыляясь, я целую Птичку, не обращая внимания на то, как натягиваются швы.

— В следующий раз. Я отведу тебя наверх, я уверен, что Кензо хорошо о тебе позаботится.

Птичка поднимает глаза и дуется на меня.

— Особенно, если я сделаю такое лицо, держу пари, что смогу даже заставить Райдера приготовить мне ванну.

Я смеюсь.

— Злая маленькая штучка, ты точно знаешь, как крепко они прижаты ногтем твоего мизинца.

Она не выглядит ни капельки пристыженной.

— Скорее, моей киской.

— И это тоже. — Я с серьезным видом киваю, ожидая, пока ко мне вернутся силы, прежде чем смогу двигаться. — В следующий раз, Маленькая Птичка, я придумаю что-нибудь еще более смелое.

Она издает стон на мое замечание.

— Я не могу дождаться, но серьезно, мне нужно принять душ, я чертовски липкая.

— Чуть погодя. — Я киваю и соскальзываю на пол, притягивая Птичку в свои объятия, мне нравится мысль о том, что она вся в моей крови и сперме.

— Тебя действительно зовут Дизель? — спрашивает Рокси, прижимаясь ко мне, кровь и пот покрывают её тело. Это такое прекрасное зрелище вместе с моими отметинами.

— Нет, — отвечаю я, и Рокси поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. — Чего это знание будет стоить тебе, Маленькая Птичка?

Рокси целует меня. Ее поцелуй голодный и жесткий. Я издаю стон, когда она отстраняется. Опускаю голову на пол.

— Боже милостивый, ты пытаешься убить меня. Нет, мое настоящее имя Кейс. Я взял прозвище Дизель после той ночи. Кейс погиб в том пожаре вместе с моей матерью, а я родился.

Маленькая Птичка заглядывает мне в глаза, прежде чем нежно поцеловать в губы.

— Не знаю, как кому-то еще, но мне нравится Дизель. Даже если он немного сумасшедший и склонен наблюдать за тем, как я сплю.

Я смеюсь и притягиваю девушку ближе.

— Ты еще ничего не видела, Маленькая Птичка, теперь ты моя. Я не могу решить, хочу ли я рискнуть убить или трахнуть тебя.

РОКСИ

Немного погодя Дизель прижимает меня к груди и, не беспокоясь об одежде, шагает по коридору, направляясь к лифту... с этой его раной, которую он, к слову, нанес себе сам, так что я не испытываю ни капли сочувствия. То, что мы только что сделали, было... чертовски потрясающе.

Я чувствую так, будто появилась новая я, что странно, как если бы Дизель помог мне избавиться от всей этой боли, живущей внутри меня. Каждый дюйм агонии, которую он причинял, разрушал стены, удерживающие меня, пока мой гнев и страх не переродились в некое чувство по отношению к нему, и я одаривала его им. Ди прав — с другими я другая, но здесь, внизу, я должна быть именно такой, какой я нуждаюсь быть.

Все они предлагают мне другой выход, просто Дизель оказался испорченным, окровавленным и наполненным болью. Другие люди кричали бы в ужасе от того, что мы делали, и отпрянули бы, но все это было по обоюдному согласию и все кончилось удовольствием, так что мне плевать. Может быть, это весь остальной мир сошел с ума, а не мы...

С другой стороны, может быть, мы просто слишком безумны, чтобы видеть, насколько не сумасшедшими являются все остальные. Не знаю почему, но в объятиях Гадюк я не только открываю себя с новой стороны, но и наконец-то сокрушаю те стены, которыми была окружена всю мою сознательную жизнь.

Женщина может быть сильной и слабой.

Красивой и полностью покрытой шрамами.

Испуганной и храброй.

Умной и сексуальной.

Вайперы учат меня этому, и я обнаруживаю, что с их поддержкой становлюсь на голову выше. Я та, кем являюсь, и нет нужды оправдываться за это. Даже в баре я чувствовала потребность быть Рокси-Надери-мне-задницу-детка, темной, сердитой барменшей. Мне никогда не позволяли быть слабой. Даже когда я в этом остро нуждалась. Здесь же я могу быть слабой.

Черт, это не значит, что я перестану выколачивать из них дерьмо, бороться с их правилами, бить людей или быть сучкой. Но, может быть, я могу доверить им все остальное, чего не видит мир.

Когда дверь лифта открывается, Ди удается отпереть дверь квартиры одной рукой, и когда мы входим, то замираем у дверей. Они все там, просто сидят на диване и ждут. Кензо бегло окидывает меня взглядом, и когда он видит меня целой и невредимой, подмигивает мне. Гарретт фыркает, но я читаю уважение в его глазах, прежде чем он отводит взгляд. Райдер кивает, но его губы слегка подергиваются.

— У меня есть кое-какая информация, — начинает Дизель серьезным тоном, прежде чем начинает ухмыляться. — Рокси – крикунья. Могу сообщить ее отцу об этом прямо сейчас.

Райдер смеется, на этот раз беззаботно.

— Я мог бы и сам рассказать тебе это.

Парни.

— Но я также вызнал кое-что у убийцы, — продолжает Дизель, и Райдер моментально становится серьезным.

— Я узнаю все позже у Райдера, позволь мне позаботиться о Рокси, пока ты делишься тем, что узнал, — ухмыляется Кензо и бросается ко мне, хватая меня, а я лишь вскрикиваю, когда он хихикает и неторопливо уходит. Глядя на меня сверху вниз, он мягко улыбается.

— Не могу поверить, что ты пережила его пытки. Ты чертовски жестока, женщина. Ты ведь понимаешь, что это значит, верно?

— Что? — спрашиваю я, прижимаясь к Кензо. Мне стоило бы потребовать, чтобы меня опустили, сказать, что я сама могла ходить... но я серьезно не могу не начать беспокоиться.

— Ты лишь бросила ему вызов, чтобы Ди нашел новые способы причинить тебе боль, — смеется он. — Хорошо, что ты ему нравишься, но это не лишает тебя необходимости испытать много боли в будущем.

Я издаю стон:

— Черт, Ди сумасшедший. — Но даже когда я произношу это, я улыбаюсь.

— Он не единственный, — смеется Кензо, многозначительно глядя на меня, прежде чем пинком распахнуть дверь и ввалиться в комнату. Держа меня на коленях, он открывает ванну и наполняет ее чем-то, отчего вода в ней начинает пузыриться; Кензо притягивает меня ближе.

Мы сидим в тишине, пока наполняется ванна, а я расслабляюсь в его объятиях. Мне следовало бы спросить, почему я не хочу делиться своим телом с ним и его братом, или почему ему все равно... но, честно говоря, я делала вещи и похуже, и я отказываюсь стыдиться этого. Для них, как мне кажется, это потому, что они пошли на это, зная, что должны разделить «долг».

Я так погружена в собственные мысли, что даже не замечаю, что ванна уже наполнена до краев, пока Кензо не сжимает меня.

— Вот так вот, детка.

Он окунает меня в воду, заставляя кричать, когда я выныриваю и смотрю на него.

— Мне нравится, когда ты выкрикиваешь мое имя.

— Я этого не делала, — бормочу я.

— Нет? Позволь-ка мне это исправить. — Кензо подмигивает, заставляя меня усмехнуться, какой дрянной убудок. Он издает картинный стон, прижимая руку к сердцу. — Бля, ты чертовски милая. Если бы тебе не потребовался отдых, я бы довел тебя до оргазма прямо сейчас.

Я брызгаю на него и плаваю в огромной ванне, все мое тело болит, как и мои киски и

задница, но это того стоило. Кензо отступает назад и убирает волосы с лица, прежде чем сбросить рубашку и брюки. Обнаженный, он позволяет мне впитать в сознание каждый дюйм его совершенного тела, а моя нежная киска трепещет от того, каким шедевром предстал передо мной Кензо, но ни один из нас не поддается влечению, хотя его член уже тверд.

Он скользит в ванну и притягивает меня в свои объятия, держа сзади, пока я плаваю, его колени оказываются по обе стороны от меня. Он намыливает руки и начинает тщательно мыть меня.

— Почему ты так добр ко мне? Когда я впервые оказалась здесь, остальные буквально пылали ко мне ненавистью хотя и привели сюда, но ты все равно был со мной милым.

— Я видел в твоих глазах, как я уже сказал, тех же призраков, которые преследовали и нас самих. Честно говоря, нам нужно было, чтобы кто-то пришел сюда и встряхнул нас. Мы просто существовали, уже почти не были семьей. Бизнес и деньги брали свое, и мы все становились холодными — Райдер слишком серьезным, Дизель слишком безудержным, Гарретт слишком злым и замкнутым... — напевает Кензо.

— А ты? — подсказываю, когда он намыливает мою киску, заставляя задыхаться.

— Слишком блуждающим. Я продолжал уходить все дальше и дальше, но ты привела меня домой, Рокси. Ты возвращаешь нас всех назад и напоминаешь нам, почему мы начали это. Любовь и семья, — шепчет Кензо, прежде чем поцеловать меня в плечо. — Никогда не переставай быть собой, даже когда ты злишься. Ты подталкиваешь их к нечто большему, ты подвергаешь сомнению то, в чем они перестали сомневаться, и все же ты не страшишься смерти. Ты можешь играть с Дизелем, но говорить о делах с Райдером. Ты не понимаешь, какая это редкость.

Я вздыхаю.

— Я не редкость, я такая же испорченная, как и вы, ребята.

— Вот именно, — смеется он. — Ты отвечаешь на нашу испорченность по-своему. Ты такая крошечная штучка, и все же ты можешь сбить нас с ног и насолить нам. Это чертовски сексуально. Даже когда ты говоришь нам, что ненавидишь нас.

— Я и правда ненавижу тебя, — бормочу я.

— Конечно. — Он хихикает. — Просто не зли Дизеля, хорошо?

— Подожди, — бормочу я, взвизгивая, когда пытаюсь повернуться и почти тону, поэтому сдаюсь. — А это разве не было вспышкой гнева Дизеля?

Кензо смеется, притягивая меня ближе и поддерживая.

— Нет. Ты не захочешь видеть это воочию... его гнев чертовски страшен, и я сомневаюсь, что тебе будет под силу вернуть его обратно.

Мы просто сидим в воде, и я почти засыпаю, это так расслабляет. Кензо целует меня и сливает воду из ванной, помогая мне выбраться.

На меня разом навалилась сонливость и усталость от теплой воды, что даже не протестую, когда Кензо вытирает меня, несет в другую комнату и сажает на кровать.

Кензо намазывает меня кремом, чтобы обезболить рубцы, прежде чем поцеловать каждый по отдельности, затем притягивает в свои объятия, обнимая меня всем телом, пока его колени не сгибаются вместе с моими, и мы не сворачиваемся с ним в единый клубок. Я так засыпаю, но, должно быть, только на короткое время, потому что, когда я просыпаюсь, я почти не чувствую себя отдохнувшей, но, по крайней мере, сейчас я могу функционировать.

— Я позволю тебе одеться. У нас для тебя сюрприз, выходи, когда будешь готова, —

бормочет Кензо, целуя меня в щеку, прежде чем соскользнуть с кровати. Перевернувшись на спину, я зеваю и потягиваюсь, морщась от боли между ног и на спине. Даже после того, как Кензо позаботился об этом, там все еще болит, ну да ладно.

Сюрприз? Интересно, какой? Это то, что заставляет меня двигаться, и я подхожу к своей одежде, накидываю сброшенную рубашку Кензо и ничего больше, прежде чем отправиться выяснять, какой же меня ждет сюрприз. Лучше бы это был хороший сюрприз. Что-нибудь из еды или оружия.

~

Мне в значительной степени приходится ковылять в гостиную, что, честно говоря, выглядит не очень презентабельно, но все равно. Когда я прихожу туда, Кензо выглядит очень взволнованным, и даже Райдер не разговаривает по телефону. Гарретт одаривает меня легкой улыбкой, своего рода улыбкой перемирия, и Дизель, ну, Дизель подпрыгивает на диване, ожидая.

— Мне нужно выпить кофе, — ворчу я и тыкаю пальцем в Дизеля. — Кофе, сейчас же.

Все трое поворачивают головы к Дизелю и буквально бросаются вперед, как будто ожидают, что он взорвется или что-то в этом роде, но он просто смеется и перекачивается через спинку дивана.

— Конечно, Птичка.

Я же перевожу взгляд на остальных и вижу, что Райдер ухмыляется.

— Я бы сказал, что нам нужно сделать то, что делаешь ты, чтобы заставить его вести себя хорошо, но... ну, мы все видели, что он с тобой сделал, и я не могу сказать, что мне это настолько интересно.

Закатив глаза, я бросаюсь на его место.

— Держу пари, я могла бы заставить тебя, — поддразниваю я, и Райдер смеется.

— Возможно, но все же, используй свою новую власть над ним осторожно, — предупреждает он и наклоняется ближе. — Не пользуйся преимуществами. — Райдер поддразнивает, но в этом есть намек на осторожность.

— Я не собираюсь делать Ди своим персональным убийцей, иначе вас бы он, ребята, точно трахнул. Я просто хочу кофе... и еды... может быть, оргазмов. — При этих словах пожимаю плечами.

Райдер улыбается мне, сверкая белыми зубами.

— Уверен, что смогу помочь с этим, — соблазнительно бормочет он, его глаза скользят по моим губам и сиськам, просвечивающим через белую ткань рубашки Кензо, ни капли не оставляя воображению шанса. Я громко сглатываю, сжимая ноющие бедра вместе. Мою киску буквально избили, но она все еще пульсирует от его слов. Потаскушка.

Райдер ухмыляется, проводя пальцем по моей обнаженной ключице, заставляя меня дрожать мелкой дрожью, но все, что он делает, это заправляет прядь волос мне за ухо, прежде чем отвернуться.

Дорогой гребаный Бог, эти парни не подходят для моей киски. Все, что им нужно сделать, это посмотреть на меня этими злыми глазами, и я таю.

Дизель проскальзывает за мной на диван, подталкивая меня вперед, когда его ноги оказываются по обе стороны от меня. Его грудь все еще обнажена, а шов, сделанный мной, скрывает кусок белой марли. Он обнимает меня за талию и тянет назад, пока я не оказываюсь зажатой между его бедрами. Другой рукой Ди предлагает мне чашку

дымящегося кофе.

Беру ее из его рук, издавая стон, когда обжигаю рот, делая глоток — оно того стоит. Тогда у меня урчит в животе, и он смеется, целуя меня в щеку.

— Сначала подарки, потом еда.

— Подарки? — оживляюсь я. — Это новая бита?

Гарретт смеется.

— Я же тебе говорил, — ворчит Кензо и протягивает ему немного денег, которые он кладет в карман, прежде чем подмигнуть мне. Вау, наше перемирие действительно работает.

— Нет, боюсь, никаких новых бит, дорогуша, — говорит мне Кензо, наклоняясь вперед, чтобы встретиться со мной взглядом. — Мы хотели показать тебе, что мы представляем из себя гораздо больше, чем... ну, простые гангстеры. Это все для тебя. Все, что тебе не понравится, мы можем забрать обратно, и, да, мы можем получить все, что тебе нужно. — Он потирает затылок. — Я знаю, что мы начали... неловко, но нам важно, чтобы ты была довольна и счастлива.

Я пялюсь на пакеты и коробки на столе, которые раньше не замечала. Их так много, что они буквально усыпали весь пол. Что за...

— Когда вы вообще успели все это притащить?

— Ранее мы с Райдером пробежались по магазинам, — смеется Кензо.

Я смотрю на Райдера, который только вздыхает.

— Он заставил меня.

— Вам не обязательно покупать мне шмотки, — ворчу я. Это раздражает меня, мне нравится оплачивать выбранные мной вещи, как и самой выбирать, какой дорогой мне идти по жизни... Такое чувство, что после этого я буду им чем-то обязана.

Райдер наклоняется, не обращая внимания на то, что я заключена в объятия Дизеля, и крепко хватает меня за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Никаких обязательств, никаких ожиданий. Это просто что-то приятное, и я знаю, что это трудно понять, я все еще борюсь с осознанием этого, но мы сделали так, потому что нам не все равно. Прими это, любимая.

Черт, откуда он узнал?

Потому что Райдер знает все, и он хорошо проделал свою работу, чтобы разузнать все на свете обо мне. Гребаный придурок. Он ухмыляется, как будто знает, о чем я думаю, и наклоняется, облизывая мои губы, прежде чем пропеть:

— М-м-м, кофе.

Райдер отстраняется, а я задыхаюсь и ощущаю, что уже растаяла для него. Козел. *Ладно, никаких обязательств. Нормальные люди могут принимать подарки. Ты можешь это сделать.*

— Серьезно, я надеюсь, что ты не потратил на меня так уж много, — бормочу я, и мои глаза расширяются, когда я замечаю коробку с надписью Cartier.

Дизель смеется, когда я пытаюсь вырваться из его хватки, обхватывая меня ногами, пока вокруг меня не обвивается психованная человеческая коала, удерживая меня на месте. Райдер выхватывает кофе из моей руки, прежде чем я его пролью, и, не сводя с меня глаз, пока я борюсь с удерживающим меня придурком, прикладывается губами к тому месту, где только что были мои губы, после чего ставит чашку.

— Ублюдок, — шиплю я. — Ты должен мне еще чашку кофе.

— Я заглажу свою вину перед тобой, — подмигивает Райдер, хватая коробочку, самую

маленькую, и протягивает ее мне. Он вдруг начинает нервничать, а это не то слово, которое я обычно использую для того, чтобы описать Райдера. — Вот, это то, что я выбрал.

Не в силах вырваться, я вздыхаю и беру у него коробку, открывая крышку. Внутри лежит ожерелье, завернутое в шелк. Выглядит оно чертовски потрясающе и представляет собой толстую золотую спираль, кольцо, со змеиной головой на одном конце и хвостом на другом. Золотая поверхность покрыта чешуей, а глаза — ярко-красные рубины. От одного его вида перехватывает дух и, без сомнения, оно стоит дорого.

Две части меня вступают в противоборство — одна, ожидающая, что с этими подарками они натянут на меня марионеточные струны, а другая просто хочет в этот момент слететь с катушек. Я не вещь, которую могут купить за драгоценности. Мне не нужны их гребаные деньги.

Кензо наклоняется вперед.

— Дорогая, прими это. Мы планируем тебя побаловать.

— Это еще зачем? — требую я ответа, сжимая коробку, теперь уже достаточно выйдя из себя.

Он пожимает плечами.

— Потому что мы можем, потому что мы все знаем, откуда ты к нам пришла, и большинство из нас тоже вышли оттуда. У тебя должны быть красивые вещи, тебя нужно баловать драгоценностями и подарками, которые вряд ли сравнятся с твоей красотой. Привыкай к этому, это реально.

— Но... — начинаю я, но Райдер сощуривается.

— Просто скажи спасибо, мы ничего не хотим взамен... Ну, может быть, не тыкай Гарретта снова фамильными драгоценностями.

— Как насчет денег...

— У нас их чертова прорва, больше, чем нам когда-либо могло понадобиться, так что просто прими эти чертовы подарки, или ты ранишь их чувства. Эти тупые придурки никогда ничего не делают для кого-то другого, так что не переворачивай все сейчас с ног на голову, — огрызается Гарретт.

Вот дерьмо.

Вздыхая, я собираю все свое мужество в кулак, осознавая, что это моя проблема, с которой нужно разобраться. Я сама решила пойти с ними ва-банк, отказаться от борьбы с каждой мелочью. Это моя проблема с деньгами и подарками, а не их. Гарретт прав.

— Мне жаль, — шепчу я, прежде чем посмотреть на Райдера и Кензо, которые кажутся опустошенными. Райдер скрипит зубами. — Спасибо, у меня никогда раньше не было подарков, и, наверное, я не знала, как ответить.

— Никогда? — грохочет Гарретт.

Я качаю головой, протягиваю руку и глажу змею.

— Никогда, мы не отмечали никаких праздников или мой день рождения в детстве, так что, во взрослом возрасте... Нет, наверное? — При этих словах пожимаю плечами. — Да, никогда.

— Гребаные придурки, — ворчит Гарретт, когда Дизель притягивает меня ближе.

— Когда у тебя день рождения? — требовательно спрашивает Кензо.

— Эм, в мае, кажется. — Вздыхаю, а Райдер вопросительно смотрит на меня. — Они никогда не говорили мне когда именно.

Его глаза сужаются, кулаки сжимаются.

— Я это выясню.

Дизель снова целует меня.

— У меня тоже никогда не было подарков до этих парней, но посмотри на них, посмотри, как они счастливы, ты подарила им цель. У них есть все эти деньги, и им не на кого их тратить, так что позволь им побаловать тебя, Маленькая Птичка. Это так же важно для них, как и для тебя. Их отец использовал свои деньги как оружие, еще одну вещь, которую приходилось копить. Так это? Это хорошо для них, показывая, что это может сделать что-то еще, кроме того, чтобы сделать тебя могущественной.

Он прав. Кензо широко улыбается, и даже Райдер расслабляется и кажется счастливым.

— Это прекрасно. Хотя я вижу закономерность. — Я смеюсь, и Кензо протягивает мне еще две коробки.

Осторожно закрыв коробочку с ожерельем, я оглядываюсь в поисках места, куда бы его положить, когда рука Райдера накрывает мою и извлекает его, устремив на меня взгляд своих грустных темных глаз.

— Спасибо, — шепчет он, и я следую за его взглядом к Кензо. В нем кроется что-то еще, но сейчас не самое лучшее время это выяснять.

Я киваю, и Райдер передает мне следующие две коробки. Осторожно открываю их, даже не будучи шокированной драгоценностями внутри — насколько богаты эти парни? В одной коробке лежит шарм для пирсинга со свисающей золотой змеей, от вида которой я начинаю улыбаться. В другом — перстень, от которого у меня перехватывает дыхание. Он черный и большой, оправленный в золотую оправу, в которой виднеются клыки, сжимающие драгоценный камень.

— Они... — я качаю головой. — Потрясающие, — шепчу я.

— Думаю, это компенсирует все дни рождения, Рождество и все остальное, что ты когда-либо пропустила, — подкалывает Дизель.

— Пока нет, для этого потребуется еще как минимум три рейса, — добавляет Кензо с усмешкой.

Серьезно, что ли?

— Передай ей следующую, — взволнованно настаивает Кензо, и прежде чем я успеваю разинуть рот на драгоценности, они забирают их, и мне в руку кладут новую коробку.

Я осторожно открываю ее, почти качая головой при виде безделушки внутри, еще одного кольца, похожего на первое, но на этот раз красного. За ним следуют еще четыре украшения, серьги в виде змей, браслет на лодыжку и диадема. Я чувствую себя подавленной, и они должны это понимать, потому что Райдер объявляет перерыв на кофе. Я снова прижимаюсь к Дизелю, позволяя ему обнимать меня, пока пытаюсь все это осмыслить.

Это похоже на сон.

Кензо придвигается ближе, пока Райдер уходит, и хватает меня за руку.

— Прости, если это слишком, я просто хотел тебя побаловать, — предлагает он и внезапно кажется мрачным, поэтому я вспоминаю взгляд Райдера и заставляю себя улыбнуться.

— Это слишком, честно говоря, и, кажется, что это происходит с кем-то другим, но спасибо, это так много значит для меня, — говорю я ему, а затем, набравшись храбрости, наклоняюсь вперед и целую Кензо. Он издает стон в районе моих губ, и когда я отстраняюсь, он, кажется, оживляется. Кензо бросает взгляд на Гарретта, прежде чем соскользнуть на пол

и перебрать оставшиеся коробки и пакеты.

Райдер возвращается и передает мне кружку с кофе, на этот раз я дую на нее, ожидая, пока она остынет. Он садится рядом со мной, достаточно близко, чтобы можно было говорить шепотом, чтобы никто другой — ну, кроме моей коалы — не мог услышать.

— Мой отец никогда не покупал маме подарков, ни разу. Если он когда-нибудь и дарил нам что-то, то только потому, что ожидал чего-то взамен, это всегда сопровождалось кнутом. Кензо любил Рождество, открывал подарки от нашей мамы, но мой отец подсчитывал каждый цент в своей голове. Ты бы видела, как это ранило нашу маму, она была такой тихой, хрупкой, слабой женщиной, даже если она очень любила нас. В конце концов, праздновать Рождество мы прекратили, но Кензо каждый год находил способ сделать ей подарок. Он зарабатывал свои собственные деньги и покупал ей что-нибудь, тайком передавая маме, когда мой отец не видел этого. Кензо думал, что это поможет сделать ее счастливой, так он показывал ей, что любит ее. Вплоть до ее смерти.

Я смотрю на Райдера, вглядываясь в его глаза. Он сказал это холодно, как будто с ним ничего не стряслось. Неужели эта корка льда снова скрывает его истинные чувства? Я так думаю, поэтому протягиваю руку и провожу пальцем по его челюсти.

— Это, должно быть, было тяжело для вас обоих. Как она умерла?

Он делает глубокий вдох, и этот лед слегка тает.

— Она покончила с собой, однажды мы пришли домой из школы и обнаружили ее висящей в коридоре. Мне удалось остановить Кензо до того, как он увидел...

— Но ты сделал это, — шепчу я.

Он кивает:

— Кензо был молод, я вытащил его на улицу, а потом... потом я попытался спасти ее. Я тянул и тянул, пытаюсь втолкнуть ее тело обратно через балкон, но тогда я был таким маленьким. Я не мог этого сделать, я не мог спасти ее.

— Рай, — шепчу я, — это была не твоя работа — спасти ее. Ты был ребенком.

Он качает головой.

— Это была моя работа — защищать их обоих, и я потерпел неудачу. Я больше никогда не потерплю неудачу.

Я киваю, теперь понимая, почему он такой, какой есть.

— Спасибо, что рассказал мне.

Райдер пожимает плечами, лед возвращается на место, когда он пытается отодвинуться, дистанцироваться, механизм преодоления, поэтому я хватаю его за руку и соединяю наши ладони, не отпуская, когда Кензо взволнованно протягивает мне маленькую сумку. Смеясь, я открываю ее одной рукой, отказываясь выпускать руку Райдера. Ему нужно чувствовать это, быть здесь, не запирается в себе и сидеть сложа руки, защищая нас, а наслаждаться этим, как Кензо. Он прошел через такое же воспитание, и когда Рай рассказал эту историю, я почувствовала его боль и то, как сильно он хотел показать своей матери, что любит ее. Теперь он не сможет отступить, я растоплю этот лед по кусочку раз за разом.

Внутри сумки лежит новый топ. Следующие подарки — это много новой одежды, и когда больше нет коробок или сумок, я вздыхаю с облегчением. Как бы удивительно это ни было, я все еще пытаюсь принять подарки, но я справлюсь с этим.

Я жонглирую пакетами одной рукой, все еще держа руку Райдера в своей. К черту все это. Я крепче сжимаю его руку и прижимаю ее к своей груди.

— Вот, — бормочу я, когда мне удается поставить сумки двумя руками.

Когда я поднимаю глаза, они все смотрят на меня.

— Что? — спрашиваю я, и вдруг все они раздражаются хохотом.

— Придурки, — ворчу я, когда Райдер сжимает мою грудь.

Я смотрю на него, чтобы увидеть эти холодные сверкающие глаза и его широкую и безудержную улыбку.

— Никогда не меняйся, любимая.

— Заткнись. А теперь накормите меня, похитители, я голодна.

Райдер наклоняется ближе, хватая меня за затылок и целует в лоб, растягивая поцелуй.

— Конечно, — бормочет он, прежде чем встать и направиться на кухню. Кензо бросается за ним, крепко целуя меня.

Я остаюсь с Дизелем и Гарреттом, и внезапно Гарретт выглядит неловко, но бросает в меня коробку, не глядя.

— Вот.

— Что это? Мы пропустили какую-то? — в замешательстве спрашиваю я.

— Это от меня, — бормочет он, потирая голову.

— От тебя? — скалюсь в ответ.

— Это важно, я все еще ненавижу тебя, — огрызается он, заставляя меня смеяться.

— Не волнуйся, милый, я тоже тебя ненавижу. — Киваю я, и он на мгновение ухмыляется мне.

— Открой, — требует он.

Я делаю, как мне говорят, и огромная ухмылка расплывается на моем лице. Это пистолет, он намного лучше, чем мой старый дерьмовый. Нет, этот необычный, и на затворе выгравированы слова «Девушка Гадюк».

— Он не заряжен. — Произносит Гарретт, кашлянув.

— Боялся, что я тебя пришью? — скалюсь я в ответ. — Случайно, конечно! — Я хлопаю ресницами, глядя на Гарретта, и он заливается смехом.

— Мне нужно убедиться, что ты знаешь, как правильно стрелять из него. Покажу тебе позже. — Он кивает, и я оживляюсь.

— Черт возьми, да! Ты тоже научишь меня некоторым своим необычным боевым приемам? — скалюсь я в ответ.

— Нет, — огрызается он, нахмурившись. — Ты можешь использовать их на мне.

— Или я могла бы использовать их на Ди. — Я ухмыляюсь, а Дизель дрожит.

— Пожалуйста, сделай это со мной, Маленькая Птичка, — бормочет он.

— Вы двое запутались. — Гарретт закатывает глаза, но на его губах играет улыбка.

Точно девушка Гадюк.

Райдер и Кензо накормили меня достаточно, чтобы я лежала на диване, не в силах пошевелиться, и в итоге я дремлю там, положив ноги на колени Райдера, когда он гладит мои пальцы, а другой рукой держит телефон. Моя голова лежит на коленях Кензо, а Дизель лежит на полу рядом со мной, рукой он тянется, чтобы схватить мою ладонь. Гарретт садится на другой диван, но не уходит, что является плюсом. Когда я просыпаюсь, все, кроме Гарретта, уже свалили.

Потягиваясь, я зеваю и оглядываюсь вокруг.

— Черт, как долго я была в отключке?

Гарретт отрывает взгляд от лезвия, которое он точит, и убирает его, откидываясь назад, наблюдая за мной.

— Несколько часов, тебе это было нужно. — Он встает на ноги и потягивается, его рубашка задирается, обнажая пресс, а я не могу не пялиться.

Он ловит мой взгляд и, должно быть, думает, что я пялюсь на его шрамы, потому что он замолкает, его взгляд темнеет.

— Готова опробовать свой новый пистолет? — предлагает Гарретт, но сейчас кажется отстраненным.

— Конечно. — Я встаю и надеваю обувь. — Нам нужно ехать туда?

Гарретт хмыкает и направляется к входной двери, так что я следую за ним, прихватив свой новый пистолет. Он направляется к лифту, не разговаривая со мной всю дорогу вниз, и я знаю, что мне нужно резко изменить ситуацию, прежде чем он снова начнет ненавидеть меня всецело, но когда я собираюсь заговорить, дверь лифта открывается, и он выходит.

Вздыхая, я следую за Гарреттом, но замираю, когда он ведет меня в то, что выглядит как гребаное стрельбище. Какого хрена? Что еще они прячут в этом здании?

— У вас есть собственное стрельбище? — усмехаюсь я.

Гарретт пожимает плечами, когда садится.

— У нас в здании есть все необходимое – тренажерный зал, ресторан, магазин. Это самодостаточное здание.

Я двигаюсь в сторону Гарретта, и он надевает мне на голову наушники.

— Тебе когда-нибудь приходилось стрелять из пистолета раньше?

Я лишь киваю.

— Раз или два Рич учил меня, но... ну, нигде так, как здесь. Мы стреляли в лесу.

— Рич? — эхом отзывается он, глядя на меня сверху вниз.

— Ему принадлежал бар, — сообщаю я Гарретту, а затем отвожу взгляд. — Он... мой отец задолжал ему немного денег, и я устроилась туда на работу, чтобы погасить его долг, но, в общем, мне так понравилось, что Рич взял меня под свое крыло. Когда я ушла из дома, мне некуда было идти, поэтому он выделил мне место, где я могла остановиться. Он помог мне. Рич был хорошим человеком.

— Что случилось? — тихо интересуется Гарретт.

Я сглатываю и смотрю на пистолет.

— Он умер. — Я делаю глубокий вдох и смотрю на Гарретта. — Итак, как мне это сделать?

Он показывает мне, как стоять и как правильно держать пистолет, прежде чем позволить мне сделать несколько выстрелов. Гарретт несколько раз корректирует мою стойку, прежде чем позволить мне продолжать стрелять, пока я снова не расплываюсь в улыбке. Остановившись, я щелкаю предохранителем и снимаю наушники, глядя на Гарретта, когда он стоит рядом со мной. Однако он избегает моего взгляда. Помимо разговоров о Риче, он все еще, кажется, злится из-за того, что на него пялятся.

Ладно, тогда, думаю, мне решать, как это исправить. Я ни за что не позволю нашему перемирию нарушиться из-за какого-то недоразумения.

— Ты собираешься сверлить меня взглядом всю ночь или, блядь, поговоришь со мной? — огрызаюсь я, выпячивая бедро. Он скрипит зубами, но игнорирует меня. — Чувак, наберись смелости. Что случилось?

— Прости, что мои шрамы вызывают у тебя отвращение, гребаная принцесса. Пора возвращаться наверх, — рычит Гарретт.

Прижимая пистолет к его подбородку, я прищуриваюсь.

— Мне плевать, что ты думаешь о своих шрамах, Гарретт, но ты выслушаешь меня. Мне они нравятся, они заставляют меня чувствовать себя лучше по отношению к моим. Каждый из них был заработан, и это показывает, что ты пережил то, чего не пережили бы большинство других. Когда я вижу их, я вспоминаю, насколько ты силен, и, честно говоря, они не умаляют твоей сексуальности, а только усиливают ее. Я раньше пялилась на твой гребаный пресс, ясно? Интересно, будет ли выглядеть странно, если я оближу кубики твоего пресса.

Гарретт замирает, широко раскрыв глаза.

— Что?

— Ты увидел в моих глазах то, что хотел увидеть – отвращение, потому что так было бы легче продолжать отталкивать меня, — вздыхаю я. — У нас перемирие, Гарретт, так что, если ты злишься на меня, просто поговори со мной, хорошо?

— Ты любила его? — спрашивает он, отталкивая меня. Я, должно быть, выгляжу такой же смущенной, какой чувствую себя, потому что он уточняет: — Рича.

— Да, но не так, как ты думаешь, а как отца. Похоже, это не прерогатива мужчин старшего возраста по отношению ко мне. Я предпочитаю язвительных придурков, которые меня похищают, — скажусь я в ответ.

Затем Гарретт ухмыляется, прижимаясь ближе к пистолету, наши тела почти соприкасаются, и от этого по мне прокатывается волна тепла. Я хочу Гарретта, я даже сказала ему об этом, и он явно хочет меня, но что-то его останавливает, сдерживает. Зная, что это глупый шаг, я открываю рот.

— Что случилось с твоей грудью?

Гарретт замирает, его глаза темнеют, а тело твердеет. Он спросил меня, и я рассказала ему о себе, так почему же он не может хоть немного доверять мне? Гарретт отстраняется и поворачивается.

— Убери пистолет, мы вернемся до того, как остальные вернутся домой.

— Так это все? Я получаю несколько грубых слов, открываю тебе свою боль, и все, что я получаю, это непробиваемую стену? — огрызаюсь я. — Ты не должен так поступать со мной, я не прошу ничего, кроме нескольких демонов прошлого.

Гарретт рычит и поворачивается, его тело вздымается. Сейчас он выглядит массивным.

— Ты просишь слишком многого! — орет он. — Моя боль — это моя собственная боль. Я не просил тебя о твоей, да и не хочу этого. Ты можешь получить кого угодно, только не меня.

— Пошел ты! — кричу я. — Ты не можешь пытаться разрушить стены людей и проникнуть в их сердца, не оголив своего, это, блядь, не так работает, ты, придурок!

— Кто сказал, что я хотел оказаться в твоем сердце? — бормочет он, наклонив голову, его голос жесток. — Мне даже не хочется залезть тебе в трусы. Ты пытаешься принять похоть за любовь, *любовь*, — издевается он. — Как только ты им наскучишь, они вышвырнут тебя в сторону, как и всех остальных.

Я дергаюсь от его слов как от удара... неужели он прав?

— Ну, наверное. Я могу справиться сама, но до тех пор я здесь. Я одна из вас...

— Ты никогда не станешь одной из нас. Только потому, что ты хорошо раздвигаешь ноги, это не делает тебя одной из нас, равной нам, — рычит Гарретт, и я действительно отступаю, таким ядом исходит его тон. Это больше не Гарретт, это дикое животное, набрасывающееся на всех и вся, потому что он напуган, испуган, что я подобралась слишком

близко. Бойтся, что ему причинят боль. — Ты не более чем уплата долга.

— Ненавижу тебя, — шиплю я.

— Взаимно, детка, — рычит он и, не сказав больше ни слова, срывается с места, оставляя меня недоумевать, все ли, что он сказал, правда.

Я смотрю вслед Гарретту, прежде чем повернуться и схватить наушники, выплескивая свой гнев на цель. Я стреляю снова и снова, пока не начинаю задыхаться и не наполняюсь большим количеством вопросов, чем ответов. Прислонившись к деревянной перегородке, я опускаю голову. Мне не стоило давить на него, он не был готов... но то дерьмо, которое он сказал...

Он прав?

— Не смей позволять ему лезть тебе в голову. Гарретт — это много чего — боец, убийца и, да, мудака, — но он не прав. Не в этот раз, — бормочет Райдер, и я чувствую, как он прижимается к моей спине. Он все это слышал? Я даже не слышала, как он вошел. — Гарретт напуган, любимая, напуган тем, что ты одна из нас, что ты так легко подходишь... Напуган тем, что это значит для него, и он кидается на тебя. Он не имел в виду то, что сказал, и ты знаешь, что ты больше, чем просто девушка для переписки по-быстрому.

— Разве? — спрашиваю я, храбрясь, так как не смотрю в эти ледяные глаза.

— Да, — огрызается он, хватая меня за бедра и поворачивая. Его грудь прижимается к моей, когда Рай прижимает меня спиной к стене и заманивает в ловушку, опуская голову, пока она не оказывается у моего лица. — Ты думаешь, мы впускаем в наш дом кого попало? В нашу жизнь? Доверяем им наши секреты? Были женщины, но мы никогда, никогда не впускали их в наш круг. Ты? Ты прямо в центре всего этого, Роксана. Если бы я хотел по-быстрому переписаться, я бы вышел из дома и взял бы любую, но я этого не делаю.

— Тогда чего ты хочешь? — спрашиваю я.

— Тебя и твоего неповторимого отношения. Даже когда ты ненавидишь нас, даже когда нападаешь на нас, — ухмыляется Райдер. — Даже когда ты куксишься, я хочу тебя, Принцесса, так что не позволяй ему заставлять тебя сомневаться в этом. Продолжай давить, тебе придется быть сильнее, чем когда-либо, чтобы достучаться до него.

— Почему ты хочешь, чтобы я это сделала? — спрашиваю я, заглядывая в глаза Райдера.

— Потому что я понимаю, что либо мы все вместе, либо никто из нас. Я знаю, что Гарретт хочет тебя, хочет того, что мы с тобой здесь выстраиваем, но он не знает как. Его прошлое делает его слепым. Он не видит того, что перед ним, кто перед ним. Вскрой эту рану, вытащи его, брыкающегося и кричащего, и сделай его своим, как и всех остальных.

— Как и тебя? — спрашиваю я, наши губы почти соприкасаются.

— Как и меня. — Он усмехается мне в губы. — Не думай, что ты можешь начать командовать мной, любовь моя, или я напомню тебе, что именно тогда происходит. — Его глаза горят, а я дрожу. Райдер хихикает и притягивает меня ближе, нежно целуя. — Пошли, давай вернемся, пока Ди не забеспокоился и не выследил тебя. Он хуже бешеной собаки.

Смеясь, я следую за ним, чувствуя себя лучше. Рай прав. Я позволила Гарретту прятаться достаточно долго. Я могу быть долгом, но этот долг? Она победила Гадюк, она выдержала пытки Дизеля, она обвела вокруг пальца Кензо, и она, черт возьми, командовала Райдером.

Он будет моим.

РАЙДЕР

Настала моя очередь сидеть дома с Роксаной. Не думаю, что она еще раз попытается сбежать, но не чувствую себя вправе оставлять ее одну, в то время как Триада явно хочет нас убить. Кроме того, мне нужно провести кое-какие изыскания. Дизель охотится за наемными головорезами вместе с Гарреттом, напоминая им, кто мы такие. Возможно, мы еще не сможем добраться до Триады, но мы можем перекрыть их поставки, пока они не придут в отчаяние.

Кензо со своими охранниками проверяет остальные наши предприятия, чтобы убедиться, что они не уверены, что могут нам доверять. Я, конечно, отвечаю на законные деловые электронные письма и конференции по Skype. Трудно управлять империей. Нам все еще нужно заниматься реальным бизнесом в городе, и для этого мы технически являемся инвестором и архитектурной компанией с различными секторами, которые нуждаются в надзоре с нашей стороны. Не говоря уже о совете директоров, который нуждается в постоянном обновлении — это становится утомительным.

Я также слежу за новостями от парней, так что, прежде чем я это осознаю, уже почти полдень, а я вообще не видел Рокси. С ней все в порядке? Я отрываюсь от экрана и направляюсь на ее поиски.

Нахожу ее сидящей снаружи у бассейна в кружевных трусиках и лифчике, ее волосы зачесаны назад, а лицо купается в солнечных лучах. Черт, мы что, не купили ей никакой одежды для плавания? Я делаю мысленную зарубку, даже когда пробегаю глазами по ее соблазнительному телу. Отвернувшись и игнорируя позывы своего члена, я иду на кухню и завариваю ей кофе, а себе чай. К тому времени, как я заканчиваю, Рокси направляется внутрь в длинной рубашке, заставляя меня нахмуриться. Интересно, смогу ли я убедить ее разгуливать по дому голой?

Не то чтобы я тогда был бы в состоянии выполнять какую-либо работу. На самом деле, я сейчас должен готовиться к еще одной встрече, изучать биографию нового менеджера... черт. Она улыбается мне и поворачивается, запрыгивая на табурет напротив меня, свободная рубашка распахнута и открывает мне грудь, блестящую от воды из бассейна. Я наблюдаю за каплями, размышляя, смогу ли я уйти, облистав их дочиста.

Рокси прочищает горло, и мои глаза пробегаются вверх по ее горлу, чтобы встретиться с насмешливым взглядом.

— Доброе утро, Кензо сказал, что ты работаешь, так что я не хотела тебя беспокоить.

Передавая ей кофе, я прислоняюсь спиной к стойке, мысленно считая, чтобы удержаться от того, чтобы бросить Роксану на стойку и трахнуть. *Работай, Райдер. У тебя есть работа, у тебя эта встреча, тебе также нужно проведать ее отца, убедиться, что Кензо в порядке, а Дизель не...*

— Ты когда-нибудь расслабляешься? — спрашивает она, наклоняя голову и наблюдая за мной. — Я вижу, как твой ум усердно трудится каждую минуту каждого божьего дня. Ты когда-нибудь просто останавливаешься?

Приподняв бровь, я отпиваю глоток чая.

— Нет, у меня нет времени.

Рокси фыркает.

— Так найди его. Если ты не будешь беречь себя, то рано склеишь ласты. Жизнь так удивительна, Райдер, оглянись вокруг. Посмотри, где ты находишься, что у тебя под ногами. Ты когда-нибудь этим наслаждался или же просто продолжал подниматься еще выше? Когда же всего этого будет достаточно? — Она со знанием дела изучает взгляд моих глаз.

— Дело тут вовсе не в деньгах, а в том, чтобы обеспечить безопасность моей семьи. Дать Дизелю пространство, где он может быть самим собой, а Гарретту — дом, где он сможет уединиться и быть в безопасности, — бормочу я.

— А Кензо? — подсказывает она.

— Ему нужна семья, люди, о которых он должен заботиться и любить. — При этих словах пожимаю плечами.

— Что насчет тебя? — настаивает Роксана с улыбкой.

— Меня? — повторяю я за ней.

— Да, Рай, тебя. Что нужно тебе? — спрашивает она.

Я колеблюсь, а улыбка нашей Рокси становится шире.

— Не думаю, что эта мысль когда-либо приходила тебе в голову? Ты слишком занят тем, чтобы быть лучшим во всем и давать им все, что они когда-либо хотели и в чем нуждались, чтобы никогда не задумываться о том, чего хотел ты.

— Я хочу их, моих братьев, рядом. Я хочу, чтобы они были счастливы и в безопасности. — Я пожимаю плечами.

Она кивает.

— Знаю. Хотя мне следует спросить тебя о том, как ты с ними познакомился.

— Кензо — мой брат. Мы познакомились с Гарреттом на одном из его боев, когда он еще занимался этим профессионально, мы поддерживали связь, и когда он ушел в подполье, чтобы заколачивать больше бабла, мы начали работать с ним. Однажды ночью мы столкнулись с Дизелем, когда он за кем-то гнался. В то время он работал наемным убийцей, в чем ему явно не было равных, но я видел, каким потеряннным он был, судил об этом по его взгляду. Это свело нас всех вместе. У нас были деньги, деньги нашего отца, и у нас были планы. Планы, которым суждено было сбыться, только если бы пополнились наши ряды. Поэтому мы нашли остальных. С тех пор мы неразлучны, — поясняю я.

Рокси потягивает кофе, постанывая, и я сдвигаюсь, чтобы поправить свой затвердевший член.

— Вайпер — ваша настоящая фамилия?

Вот тогда-то я и начинаю смеяться, ничего не могу с собой поделать.

— Нет, мы взяли ее после смерти нашего папаши. Мы никогда не хотели, чтобы его имя

или наш успех зависели от его фамилии. Мы сознательно выбрали себе это имя, потому что, когда ты загоняешь змею в угол, она при этом становится самой опасной тварью на свете. Мы все были загнаны в эти углы. Семей. Горем. Деньгами. Мы все были гадюками^[1]... а теперь ты одна из нас.

— Я? — усмехается она, ерзая на стуле, отчего ее рубашка еще больше распахивается.

— Тебя загнали в угол, а ты от этого стала только сильнее. Возможно, это не та жизнь, которую ты себе представляла, но то, что ты делаешь, работает. Ты используешь то, что у тебя есть, себе во благо. Ты умная и сильная, ты – Вайпер, ты – Гадюка, — настаиваю я, наклоняясь к Рокси и вдавливая костяшки пальцев в стойку.

Тогда она оживляется, почти смеясь.

— Это всяко лучше, чем фамилия моего отца, крысиного ублюдка.

— Разве ты не сменила свою фамилию на фамилию Рич, фамилию человека, который владел баром? — спрашиваю я с искренним любопытством, поскольку в Интернете и по слухам можно узнать не так уж много.

— Всегда роешь основательно, верно? Да, я сделала это, я сделала это на его день рождения, хотя это решение сыграло и мне на руку. Окончательный разрыв с моей семьей, которая не сделала ничего в моей жизни, а лишь причинила мне боль. Но не он.

Сейчас Роксана кажется грустной, поэтому я протягиваю руку и накрываю ее ладонь своей. Она смотрит на нее сверху вниз, вероятно, не привыкшая к чувству защищенности, но не отстраняется.

— Полагаю, ты в курсе, что его нет в живых? — Я киваю, а она вздыхает. — Он был хорошим человеком, очень хорошим человеком. В прошлом Рич совершил несколько плохих поступков, но меня это никогда не волновало. У моего отца чистая биография, другие его всегда считали очаровашкой, но он был истинным чудовищем. Рича считали чудовищем, но он заботился обо мне больше, чем кто-либо когда-либо. Он помог мне взяться за учебу и закончить школу, начать новую жизнь, найти работу и крышу над головой, где я могла бы просто спать, не задаваясь вопросом...

— Вопросом? — подсказываю я.

— Вопросом, проснись ли я следующим утром от удара руки злодея. — Она беззастенчиво пожимает плечами.

— Он бил тебя. — Я уже знал это. — Мой отец тоже так делал.

Без понятия, почему я сообщаю ей об этом. Помимо боли в глазах Роксаны, когда она смотрит на меня — смущение и гнев там взывают ко мне. Это заставляет меня хотеть поделиться с ней, помочь ей понять, что мы не такие уж разные. Однако для этого разговора мне нужно что-нибудь покрепче, поэтому я поворачиваюсь, наливаю нам обоим по порции скотча и передаю стакан ей. Опрокидываю свой, после чего прислоняюсь к столешнице, чтобы удержаться, крепко вцепившись в столешницу. Она терпеливо ждет, вертя стакан в руках.

— Он был ублюдком, но я полагаю, что ты уже в курсе. Папаша был богат, могуществен и обаятелен. Все любили его или хотели быть таким, как он. Он сколотил свои миллионы, уничтожая более слабых людей и переступая через них. Но дома? Он был еще хуже, он был чертовски злым. Он ненавидел нас, особенно Кензо. Этот уёбок считал его слабым, потому что тот умел любить, умел улыбаться. Я должен был защитить своего брата. Знаю, что он иногда бил его, когда я не мог его уберечь, но по большей части я принимал каждый словесный удар, каждый удар ремнем, принимал побои на себя. Я встал между ним и моей

матерью. Не то чтобы это заставило ее любить нас больше. Кензо всегда надеялся, что она заберет нас и оставит его, но я знал лучше. Она была слабой, что горько признавать, потому что я действительно любил ее. Но мама была слабой. Ей нужны были его деньги, чтобы выжить, и она никогда не бросила бы его из страха. Даже для того, чтобы защитить нас.

— Райдер... — Роксана качает головой, и я грустно улыбаюсь.

— Все в порядке, Роксана. Это в прошлом. Я говорю тебе это, потому что хочу, чтобы ты знала: неважно, откуда ты родом — со свалок или небоскребов, — зло все равно остается злом. Мы могли бы пролить свою кровь на мраморные полы, но мы все еще истекали бы кровью, и если бы я мог вернуться назад, я бы проделал все это снова. Я бы стоически перенес каждую взбучку.

— Почему? — интересуется она, нахмурившись.

Я оглядываюсь по сторонам.

— Чтобы быть здесь со своей семьей... Я заплатил высокую цену, но теперь все это того стоит. Меня окружают лучшие братья на свете, даже когда я иногда забываю об этом, теряясь в цифрах и бизнесе. У меня есть все, что я всегда желал.

— Всегда? — бормочет она, и тогда я смотрю на нее.

— Всегда, — шепчу я, имея в виду и ее тоже. Любовь хорошей женщины, достаточно сильной, чтобы пережить нас, пережить меня и того монстра, в которого мой папаша меня превратил. Отставляя стакан в сторону, я чувствую желание потянуться к ней, но не знаю как. Я не такой любящий, как Кензо, у меня даже никогда не было отношений. Мой отец разрушил саму мысль об этом для меня тем, как он обращался с моей матерью... Думаю, что единственная причина, по которой я подпускаю Роксану так близко, это то, что у меня нет выбора.

С ней все начиналось, как деловая сделка, которой я не мог избежать, а теперь я не могу выбросить ее из головы или из своего холодного сердца.

Но она снова набирается храбрости, соскальзывает с табурета и обходит стойку, останавливаясь только тогда, когда оказывается в моих объятиях. Я крепко обнимаю ее, гадая, как мне заставить Рокси остаться здесь навсегда. Все мысли о бизнесе вылетают у меня из головы, когда эти ухмыляющиеся глазки смотрят на меня снизу-вверх.

Меня поражает, как такая маленькая девочка может обладать такой силой. Она могла бы позволить своему отцу издеваться над ней и сломать ее, она могла бы перестать бороться. Роксана могла бы остановиться, даже когда мы украли ее, сдать и зачехнуть. Вместо этого она расцвела. Дизель прав — Роксана живет ради опасности, ради стресса и черных полос в жизни. Вот когда она больше всего похожа на саму себя. Интересно, знает ли она об этом? Вероятно, именно поэтому она решила управлять баром, чтобы ощущать удары судьбы каждую ночь.

Ощущать то, что Дизель находит в огне, Кензо в азартных играх, Гарретт в драках... а я в сделках, в победе и манипулировании людьми. Но здесь мной манипулируют, и я не думаю, что она даже осознает это.

Протянув руку, я обхватываю лицо Рокси ладонями, вглядываясь в эти глаза, которые держат меня в плену. Если бы только мои враги знали, что, чтобы добраться до нас всех, убить нас... все, что им нужно будет сделать, это забрать ее у нас. Причинить Роксане боль. Это уничтожило бы нас.

Когда Гадюки что-то делают, мы делаем это жестко, а Роксана? Она здесь всего неделю, но уже тесно связана с нами, так важна для нашей жизни. Она изменила нас,

заставила нас любить и испытывать злость. И все же здесь, с ней в моих объятиях, я, наконец, делаю глубокий вдох, моя рука дрожит у ее щеки от страха. Что, если я слишком похож на своего отца?

Что, если я причину ей боль?

— Ты единственная, кому доводилось видеть, как дрожат мои руки, любимая, — бормочу я, а Роксана ухмыляется.

— Хорошо, не показывай им этого. — Она кивает, играя в эту игру так же хорошо, как и мы. — И нет, я не думаю, что ты причинишь мне боль.

Я удивленно моргаю, а она смеется.

— Ты не единственный, кто умеет читать людские мысли, придурок. — Тогда я смеюсь, а Роксана прижимается ко мне, все еще находясь в моих объятиях. — Ты не твой отец. Я вижу это беспокойство. Ты так боишься, что станешь им, что не замечаешь, что порой перестаешь быть собой. Перестань бороться с этим, с этим адом внутри. Используй это во благо. Гнев, который он породил, у меня такого же рода. Мы — две разные стороны одной медали. Ты пытался похоронить это чувство, я же использовала его, чтобы сделать себя. Ни то, ни другое не является правильным или неправильным, но я знаю, Райдер, я знаю, что ты никогда не причинишь мне вреда, по крайней мере, физически. Я знаю это. Ты можешь обидеть меня словами, ты можешь попытаться оттолкнуть меня или притвориться, что не хочешь меня по той же причине, что и я, но нет, ты никогда не причинишь мне боль.

— Откуда тебе знать? — спрашиваю я, искренне удивляясь. Я даже сам себя не знаю. Разве мой контроль, моя потребность в ее полном подчинении не означают, что однажды я могу зайти слишком далеко и причинить ей боль?

— Потому что мы оба видели, что это делает с людьми, и мысль о том, чтобы сделать это с кем-то другим, никогда бы не пришла нам в голову. К тому же, я бы никогда тебе этого не позволила. Может, я и не такая сильная, как вы, ребята, или у меня нет денег, но я боец, как вы и говорили. Это позволило мне выжить. Ты никогда не причинишь мне боль, потому что я никогда тебе этого не позволю. Я бы убила вас, надрала бы ваши гребаные задницы, если бы вы попытались это сделать. Дизель может порезать мою кожу или причинить мне физическую боль, но это мой выбор. Я хочу этого, и я отказываюсь стыдиться этого. Но я всегда хочу видеть улыбку Кензо и мягкое поддразнивание... и твой лед и огонь.

— Что насчет Гарретта?

Я должен спросить. Роксана права, она слишком сильная, не такая, как моя мать, она никогда не позволит нам причинить ей боль. Она убьет нас первыми. Эта мысль успокаивает меня, и я действительно ныряю в осознание этого и расслабляюсь.

— И его я хочу, — признается она. — Я даже сказала ему об этом, но мы не торопимся. Я больше не буду спрашивать, что произошло. Он скажет мне, когда будет готов, и я надеюсь, что однажды мы сможем с этим разобраться.

— Похоже на речь того, кто планирует остаться, — поддразниваю я, и она вздыхает.

— А у меня есть выбор? — Роксана подмигивает, но я чувствую настоящую правду в этих словах, и это заставляет меня напрячься.

Так ли это?

Отпустил бы я... отпустили бы мы ее, даже если бы она не вернулась? То, что я сказал ей, было правдой, все с ней начиналось, как некая сделка. Мы планировали использовать Роксану, а после избавиться. Но сейчас она здесь, в нас, одна из нас... но как Роксана может действительно быть одной из нас, если это не ее выбор? Мы все выбрали эту жизнь... но ее

принудили к этому.

Аналогично тому, как я жил рядом со своим отцом.

— Райдер, — начинает Роксана, и я жду, но она прикусывает губу, вероятно, понимая то же самое — нет ничего, что она могла бы сказать, что не было бы ложью. Да, она хочет нас, но насколько сильно? Потому ли, что она выжимает максимум из плохой ситуации, или она и правда хочет нас?

— Мне лучше вернуться к работе, — бормочу я, прежде чем наклониться и нежно поцеловать ее, желая знать наверняка. Я отстраняюсь и поворачиваюсь, чувствуя, как она смотрит мне вслед, и останавливаюсь у двери.

— Твой день рождения седьмого мая, ты родилась в восемь пятьдесят пять утра, — говорю я, а она втягивает воздух.

— Спасибо, Райдер.

Я киваю и ухожу, не в силах больше оставаться, мои мысли роятся в мозгу от нахлынувшего беспокойства. Мне нужно поговорить с моими братьями. Нам нужно сделать выбор. Мы можем удержать ее, заставить остаться, и она, возможно, даже не возненавидит нас за это. Но Роксана никогда не полюбит нас, не так, как мы того желаем. Как вы можете любить того, кто отнимает у вас свободу?

Я не знаю, но я также не знаю, можем ли мы позволить Роксане уйти сейчас. Не только из-за того, что она видела и знает, но и потому, что другие привязаны к ней.

Я привязан.

~

Днем я погружаюсь в работу, пытаюсь избежать вопросов, крутящихся у меня в голове, пока мне не звонит Гарретт. Взяв трубку, я нажал зеленую кнопку и откинулся на спинку стула.

— Говори.

— Что ж, мы зачистили город. Единственные люди, которые получают награду, — это приезжие или люди, нанятые непосредственно Тριάдой, — громыхает Гарретт в трубку.

— Хорошо, вы выяснили что-нибудь об утечке? — спрашиваю я, и Дизель фыркает.

— Он не позволяет мне играть с ними, — скулит он, заставляя меня ухмыляться.

— Мы собираемся снова совершить вылазку завтра и вернуться к этому вопросу. Мы очистили несколько имен. Достаточно было просто угрожать их семьям и их жизням, и они не предали нас.

— Но кто-то же нас предал, — огрызаюсь я, а затем вздыхаю, барабанив пальцами по столу, пока думаю. — Это должен быть кто-то, кто здесь работал, иначе они бы ничего не знали, продолжайте копать.

— Конечно, — ворчит Гарретт, а затем все стихает, но он не вешает трубку. Я удивленно выгибаю бровь, Гарретт обычно не разговорчив.

— В чем дело? — спрашиваю я и слышу грохот в трубке, прежде чем он громко вздыхает.

— Дизель хотел бы знать... Рокси в порядке? — спрашивает он с болью в голосе. Я улыбаюсь, но мне удастся сдержать смех. Держу пари, что за этим вопросом нечто большее, чем просто Дизель, но я позволю ему использовать Ди в качестве оправдания.

— В прошлый раз, когда я проверял, с ней все было в порядке, хотя я думаю, что она заскучала. Ты был прав, в какой-то момент нам придется дать ей работу.

— Ты говоришь неуверенно, — замечает Гарретт.

— Сегодня вечером, когда вы все вернетесь, нам нужно поговорить, — это все, что я говорю, прежде чем повесить трубку. Я ничего не могу решить без них, это так не работает. Мы все говорим «да» или не делаем этого.

И речь идет о свободе Рокси.

Я не уверен, что Дизель вообще отпустил бы ее в этот момент, но я должен знать. Бросив телефон на стол, я ослабляю галстук и на мгновение закрываю глаза. Всегда так много нужно сделать. Роксана права? Неужели я не знаю, как расслабиться?

Я слышу скрип открывающейся двери, но не открываю глаза. Это она. Я знаю это. Любой другой постучал бы, будучи слишком напуганным, чтобы не постучать, только моя девочка была достаточно наглой, чтобы войти в мой кабинет, который она каким-то образом нашла. Должно быть, она снова подкупила одного из охранников.

— Да? — спрашиваю я, а Роксана на это только смеется. Когда я открываю глаза, она развалилась на стуле напротив моего стола.

— Мне скучно, могу я помочь? — спрашивает она, покачивая босыми ногами. На ней все еще одета одна эта рубашка.

— Ты хочешь помочь? — спрашиваю я, выгибая бровь.

Роксана садится и встает, и я внимательно наблюдаю за ней, пока она обходит стол. Наша девочка отодвигает мой стул и запрыгивает на стол прямо передо мной, дрыгая ногами и ухмыляясь.

— Ага. Кого мне пришить?

— Мы делаем куда больше, чем это, — смеюсь я. — Мы на самом деле управляем бизнесом, инвестируем в людей, строим здания и ремонтируем проблемные районы. Мы управляем приютами для бездомных и благотворительными столовыми, помогаем благотворительным организациям...

Она отмахивается от этого.

— Полагаю, вы запустили руки практически во все сферы.

— Не все... пока, — бормочу я, пробегая глазами по ее раздвинутым бедрам. Поза Рокси позволяет мне разглядеть ее трусики.

— Легче, — дразнит она.

Прищурившись, я смотрю на нее и указываю на пол.

— На колени, любимая.

Она ухмыляется и опускается на колени без вопросов. Роксане, возможно, и нравится контролировать ситуацию, но со мной ей нравится, когда я контролирую ее. На самом деле, я держу пари, что, если бы я полез в эти маленькие трусики, она бы промокла насквозь.

— Снимай рубашку, — приказываю я, откидываясь назад и наблюдая за ней. Мой член твердеет в штанах, когда она срывает рубашку и отбрасывает ее. Ее груди обнажены, если не считать этого маленького кусочка кружева.

— Долой, — приказываю я.

— Это? — шелковисто мурлычет она, прежде чем погладить выпуклости своей груди.

— Сейчас же, — требую я.

Ухмыляясь, Роксана расстегивает лифчик, прежде чем медленно сдвинуть бретельки вниз по рукам, прижимая его к себе, пока я не сжимаю кулаки, а затем со смехом отпускает его, обнажая передо мной свои великолепные груди, ее соски превращаются в твердые пики, пока я пристально смотрю на них.

Руки Роксаны в опасной близости от моих бедер, и она гладит все выше и выше,

подбираясь близко к моему члену, который плотно прижимается к моим брюкам.

— Высвободи его, — приказываю я.

Роксана снова дразнит меня, зная, что из-за этого у нее будут неприятности, но она этого хочет. Ее рука гладит мой член, не делая того, что ей было приказано сделать.

— Сейчас же, — огрызаюсь я. — Тогда ты отсосешь мне за то, что недостаточно быстро сделала то, что тебе было приказано.

— Да, сэр, — бормочет она, прежде чем освободить мой член и взять его в руку.

Серебристые волосы падают ей на плечо. Она умело отбрасывает их, когда взгляд ее темных глаз встречается с моими, когда Роксана смыкает губы вокруг головки моего члена и напевает. Застонав, я наблюдаю за ней, как Рокси проводит языком по моей щели, слизывая предэякулят, прежде чем отступить, ее рука обхватила мое основание, сжимая. Она облизывает губы.

— Восхитительно.

Схватив ее за волосы, я притягиваю Рокси ближе, не говоря ни слова, и она заглатывает мой член почти полностью, прежде чем отстраниться, а затем снова закатывает глаза, прежде чем снова взять меня на всю длину.

Я громко хрюкаю, дергаясь у нее во рту, когда добираюсь до задней части ее горла. Блядь, блядь, блядь. Рокси отстраняется, проводя зубами по нижней стороне моего члена, прежде чем соскользнуть вниз, подпрыгивая, пока я почти не выливаюсь ей в рот.

Телефон звонит, заставляя меня стонать, и она с ухмылкой отрывается от моего члена, дразняще облизывая губы.

— Ответь, — мурлычет она хриплым голосом. — Давай взглянем на твой ледяной контроль в такой момент, *любовь* моя.

Она ждет, и я скриплю зубами, но тянусь к телефону, не глядя, когда нажимаю кнопку «Ответить», не сводя с нее глаз.

— Черт... — я прерываюсь, задыхаясь, когда она снова проглатывает меня.

— Мистер Вайпер? Извините, я не вовремя? — спрашивает испуганный, жалобный голос.

— Кто это? — огрызаюсь я, приподнимаясь, чтобы встретиться со ртом Роксаны, пытаюсь сдержать свое желание, когда этот лед неистово тает. Я тянусь к своему пульту, считая в уме, но не досчитываю до четырех, потому что она снова начинает напевать.

Твою же мать.

— Мистер Вайпер, вы здесь?

— Какого хрена вам надо? — рычу я, заставляя Роксану хихикать, поэтому я сильнее дергаю ее за волосы, беря верх, когда я снова и снова врываюсь в ее рот.

— У меня есть номера, которые вы хотели получить в новом клубе, о которых вы просили, — выпаливает он, пища.

Клуб... О, точно.

— Он кажется хорошим вложением денег, но я хотел бы убедиться, что владелец способен вернуть кредит, поэтому я надеялся, что смогу изучить их информацию, — выпаливает он, вероятно, не желая меня раздражать. Моя репутация мудака бежит впереди меня, и они не зря называют меня зверем за моей спиной. Они все меня боятся, я не отличаюсь манерами.

Сдерживая стон, я стараюсь говорить ровным голосом.

— Согласен, давайте продолжим в том же духе.

Я не слышу его ответа, потому что Роксана делает что-то своим языком, отчего я выгибаюсь в ее рту и громко рычу.

— Мне нужно идти. Добудь для меня эти цифры. — Я вешаю трубку, отбрасываю телефон, и смотрю на нее сверху вниз.

Роксана отрывает свой рот от моего члена и вытирает его одним пальцем, выглядя самодовольной.

— Проблема?

Кряхтя, я хватаю ее и поднимаю. Развязывая галстук, пока Роксана смотрит, я дергаю ее руки за спину, пока ее грудь не выгибается дугой, и Роксана не задыхается от боли. Я завязываю руки Рокси у основания позвоночника, крепко целую Роксану и пробую свой вкус на ее губах, прежде чем оторваться и повернуть ее. Я срываю с Роксаны трусики, оставляя ее голой, хотя я все еще в костюме, за вычетом галстука, который я никогда не смогу надеть, не возбудившись снова.

Она смеется, когда я рывком раздвигаю ей ноги и опускаю верхнюю часть ее тела на стол.

— Интересно, мог бы ты сейчас сосредоточиться на работе, — задыхаясь, дразнит она, когда я обхватываю свой член ладонью и провожу им по ее щелке, целясь в ее мокрую киску. Роксана громко стонет, отталкиваясь, чтобы попытаться взять меня, поэтому я протягиваю руку и провожу рукой по ее волосам, больно поднимая ее голову.

— Я мог бы трахать тебя, заставляя кончать снова и снова, и все равно управлять этой империей, любимая, — рычу я, даже когда прижимаю головку своего члена к ее киске. Когда она собирается ответить мне, без сомнения, дразнящим замечанием, я врезаюсь в нее, заставляя кричать.

Когда я замолкаю, она тяжело дышит, сильно опираясь на стол.

— Серьезно? Я не думаю, что ты смог бы, бедный маленький Райдер... твой член взял верх.

— Веди себя прилично, — рычу я, шлепая ее по заднице, когда Роксана стонет и сжимается вокруг моего члена.

— Зачем мне это, когда твои наказания так хороши? — хнычет она, отталкиваясь, чтобы встретить мои жестокие толчки, шлепки нашей кожи, громко соприкасающейся в этой комнате. Мой контроль разлетелся на куски.

Врезавшись в Роксану, я поворачиваю бедра, протягиваю руку между ее ног и щелкаю по ее скользкому клитору, заставляя ее выкрикивать мое имя.

— Ах, ты черт, — стонет она, сильнее отталкиваясь, принимая меня всего, ее тугая киска такая влажная.

Я снова хрюкаю, пытаюсь замедлиться, остановить нарастающее облегчение, которое я чувствую. Я хочу, чтобы это продолжалось, чтобы она взрывалась вокруг моего члена только тогда, когда я ей прикажу, но Роксана мне не позволяет. Она отчаянно отталкивается, заставляя меня дергаться и входить в нее сильными, дикими толчками.

Звонит мой телефон. Это Гарретт, так что, ухмыляясь, я беру трубку и шлепаю ее по заднице.

— Тихо, если ты не хочешь, чтобы они узнали, — издеваюсь я, не говоря Роксане, кто это, продолжая въезжать в нее, одной рукой сжимая ее бедро, когда я отвечаю на звонок, а другой прижимаю телефон к уху.

Сейчас я почти задыхаюсь, но стараюсь сосредоточиться на том, что он говорит, а не на

липкой киске, завладевшей моим членом, на том, как пот стекает по спине Рокси к связанным рукам, или на том, как чертовски красиво она выглядит, склонившись над моим столом, принимая меня, как хорошая девочка.

— Говори.

— Мы рассмотрели половину списка, но Дизель угрожает поджарить мне яйца, если я не привезу его домой, чтобы он смог увидеть Рокси, так что мы в пути, — произнося это, Гарретт вздыхает.

Смеясь, я включаю громкую связь и кладу трубку Роксане на спину, когда вхожу в нее. Тихие хриплые стоны срываются с ее губ, когда она пытается оставаться спокойной.

— Она здесь, — это все, что я говорю, снова протягивая руку между ее ног и безжалостно потираю ее клитор. Мое собственное освобождение нарастает, мои яйца подтягиваются, вытягиваются из самого основания позвоночника, когда я пытаюсь сдержаться. Мои толчки становятся прерывистыми, отрывистыми и отчаянными.

— Рокси? — спрашивает Гарретт, а затем я слышу визг и другой голос, без сомнения, сейчас мы на громкой связи, даже лучше.

— Маленькая Птичка, что ты задумала? — спрашивает Дизель.

— Черт возьми, мой нос, ты, придурок, — рычит Гарретт.

Кряхтя, я кусаю кулак, чтобы не шуметь, но мне было все равно, потому что от одного последнего толчка и движения моего пальца она кончает с криком, ее тело извивается подо мной, ее киска сжимается так сильно, что я не могу не кончить сам. Я вливаюсь в нее, все еще тяжело дыша и сдерживая собственный крик.

Роксана падает на стол, тяжело дыша, когда я тихо хихикаю, все еще запертый в ее узкой киске. В телефоне на мгновение воцаряется тишина, пока не раздастся смех.

— О, я понимаю, какое озорство ты задумала! Ты прилетела за ним, как хорошая Маленькая Птичка?

Гарретт издает стон.

— Ты действительно только что включил громкую связь, чтобы мы могли услышать, как она кричит?

Смеясь, я откидываюсь на спинку стула, увлекаю Роксану за собой, удерживая ее насаженной на мой уже затвердевший член, держа телефон в другой руке и поглаживая ее дрожащий бок.

— Ага, она была наказана.

Я пожимаю плечами, заставляя ее рассмеяться.

— Мне это не показалось наказанием. Привет, сумасшедший, — приветствует она Дизеля. — Привет, злюка.

Они оба смеются.

— Тогда мы не будем торопиться. Мы принесем немного еды, она тебе понадобится, — предлагает Дизель, прежде чем они вешают трубку. Затем я отбрасываю телефон, ее гладкая спина прижимается к моей груди, когда Рокси извивается, заставляя нас обоих стонать. Схватив ее за бедра, я заставляю нашу девочку замолчать, прижимаясь лбом к ее потному плечу.

— Успокойся.

Я возбужден, хочу трахнуть ее снова. Господи, неужели это когда-нибудь угаснет? Это гребаное желание к ней? Как может одна женщина так сильно контролировать мои эмоции и заставить меня потерять контроль, всего лишь улыбнувшись, сказав мне пару слов?

— Это было потрясающе. Готов ко второму раунду? — спрашивает она и приподнимается, прежде чем опуститься на мой член.

Твою же мать.

— Всегда, — огрызаюсь я, помогая ей оседлать меня, наблюдая, как мой член входит и выходит из ее влажной дырочки, ее задница прижата к моим бедрам. Она соблазнительно покачивает бедрами, и я протягиваю руку и хватаю одну из грудей Роксаны, щиплю за сосок, заставляя ее издать низкий, горловой звук.

— Это был просто твой первый оргазм. Давай попробуем добиться трех, хорошо? — бормочу я, когда глажу ее по животу к клитору, и снова щелкаю по нему.

Она кончает еще три раза. Дважды на моем члене и один раз мне в рот. К тому времени, как мы заканчиваем, мы оба словно стали бестелесными и покрыты блестящим потом.

— Давай примем душ, пока они не вернулись, — предлагаю я, и Роксана вздыхает, прижимаясь ближе.

— Я не в состоянии идти, так что неси меня, — требует она.

— Все еще командуешь мной, принцесса? — поддразниваю я.

— Все еще притворяешься, что это не работает? — насмехается она, утыкаясь носом мне в грудь.

Я поднимаю Роксану, и она обхватывает ногами меня за талию, пока я несу ее из своего кабинета в свою комнату, где мы вместе принимаем душ. Только одеваясь, я понимаю, что оставил свой телефон на столе. Я замираю. Я? Оставил свой телефон? Неслыханно. Но когда я собираюсь вернуться и забрать его, она хватается за руку и ведет вниз, туда, где ждут остальные.

Вскоре я снова забываю об этом. Это мой первый вечер свободы... когда-либо.

Ее стиль — это повседневный шик, удобный и свободный покрой. Вам обязательно должно понравиться. Особенно с ней, сидящей у меня на коленях, делящей со мной еду, с пивом в одной руке и улыбкой на лице, когда Дизель рассказывает свои истории за день, заставляя ее смеяться вместе с нами.

Это так мило.

Это мой дом.

РОКСИ

Я просыпаюсь очень рано, сама не знаю почему. Перевернувшись на спину, я вздыхаю. Я так привыкла просыпаться днем, что, хотя сейчас только десять утра, чувствую себя совершенно иной. Встав, я надеваю платье, не утруждая себя поисками обуви, но останавливаюсь, когда прохожу мимо зеркала, прежде чем вернуться и дополнить образ сережками и кольцами, которые купил мне Райдер.

Они хорошо смотрятся и вызывают у меня улыбку, когда я выхожу из комнаты, уже слыша, как они спорят за столом за завтраком. Это уже вошло в привычку — есть вместе с ними, и, наверное, именно поэтому я проснулась. Как изменилась моя жизнь. Когда я сажусь, они все улыбаются мне, а потом переглядываются, глядя на украшения. Райдер выглядит самодовольным, Кензо мягко улыбается мне, Гарретт просто одобрительно хмыкает, а Дизель наклоняется вперед.

— Да, одна из нас, одна из нас! — напевает он, стуча ножом и вилок по столу, заставляя меня смеяться.

— О, хочешь что-то покажу? — спрашивает он меня, картинно шевеля бровями.

— Не знаю... хочу ли я? Если это твой член, милый, то я его уже видела, и каким бы красивым он ни был, я бы предпочла просто съесть сосиску, что лежит на моей тарелке, — говорю я, принимая кружку из рук Райдера и нежно улыбаясь ему. Его губы при этом кривятся в полуулыбке, больше, чем обычно. Может быть, этот лед наконец-то треснул.

— Нет... это подождет. Как только ты увидишь это, ты обязательно набросишься на меня. — Он смеется, поднимаясь на ноги. Я оглядываюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как он срывает с себя рубашку.

— Ди, у тебя хороший пресс... — начинаю я, но замираю, увидев новую тату на его груди. Я даже не отвлекаюсь на мускулистый торс этого сумасшедшего, как обычно. Он стоит там гордо, надувшись, с безумной улыбкой на губах, а я могу лишь тупо пялиться.

Там, на его груди, прямо над сердцем, расположилась птица.

Птица сидит на его груди, взгромоздившись на свернувшуюся клубком гадюку. Они обе выглядят так реалистично, что мне хочется дотронуться до них, чтобы убедиться, что они настоящие. Птица изображена такой смелой. Она не боится змеи, ее клюв высоко поднят, а змея? Она обвилась вокруг нее, не сдерживая ее... удерживая ее.

Я и он.

Этот сумасшедший ублюдок набил татуировку с нашим изображением над своим сердцем.

— Нравится, Птичка? — интересуется он, и внезапно кажется, что Ди нервничает.

Я оглядываюсь вокруг, а Гарретт выпучивает глаза, дергая головой в сторону Дизеля, чтобы подсказать мне. Сглотнув, я снова смотрю на Ди и облизываю губы.

— Полагаю, это я... и ты?

— Верно, — ухмыляется он. — Моя Маленькая Птичка, прямо над моим сердцем.

— Я... — я снова сглатываю. — Мне это определенно нравится.

И мне и правда нравится. Она великолепна, явно очередная работа Гарретта, но что это значит? Какая-то часть меня понимает ее суть, и страх и волнение наполняют меня. Неужели Дизель... любит меня?

Быть любимой им было бы и опасно, и приключенчески интересно. Это может убить меня, это может поглотить меня, но я умру с улыбкой на губах. Вот только он не может меня любить. А может ли он? И такой ли он меня видит? Стоящей такой сильной, захватывающей их в свой плен?

— Это прекрасно, — пробормотала я, и он обогнул стол, приседая передо мной.

— Как и ты, Птичка.

Дизель подмигивает, затем наклоняется и крепко целует меня, не замечая, что я замерла. Он отстраняется, выглядя слишком счастливым.

— Я же сказал тебе, ты наша, Птичка, и ты никогда от нас не уйдешь. Это просто чтобы показать людям. Ты носишь наши метки, мы носим твои.

Мои глаза расширились на это его простое заявление. Неужели все остальные также набили себе такую же татуху? Эта мысль ошеломляет меня.

— В этом весь Ди, — комментирует Гарретт, как будто читает мои мысли, и я сдуваюсь. Слава богу. Ди — сумасшедший, и его эмоции отличаются от эмоций всех остальных. Он хочет меня, он берет меня. Он любит меня и причиняет мне боль. Для него все просто. Для остальных это было бы еще одной причиной, и я не знаю, готова ли я к этому.

Но Дизель?

Неважно, что я не говорю ему в ответ или не уверена в своих чувствах, он знает. Он всегда знает. Ди снова целует меня, и на этот раз я отвечаю ему. Он смеется, довольный, когда возвращается на свое место, но я молчу всю трапезу. Я чувствую, как Райдер смотрит на меня все это время.

Неужели это теперь моя жизнь?

Влюбиться в Вайперов? Вожделение и принятие моей новой жизни — это одно... но могу ли я действительно полюбить их? Мы начали далеко не нежно, и часть меня до сих пор ненавидит их.

Где-то в начале пути слова «ненавижу тебя» стали означать что-то другое? Меня пугает неизвестность. Райдер боится, что я разрушу его семью... что, если он прав?

Но что, если нет? Что, если я найду здесь счастье? Я делаю вдох и решаю, что должна попробовать. Я могу бояться полюбить кого-то... больше, чем кого-то, но я пока не хочу отказываться от этой возможности, поэтому я не дам им понять, как трудно мне любить, или как меня убивают слова о людской любви ко мне. Люди говорят мне, что любят меня, а я жду лишь боли. Потому что она всегда приходит.

У тех, кто нас любит, есть возможность причинить нам самую сильную боль, и, по

моему личному опыту, они всегда это делают.

~

После завтрака, я спешу в свою комнату, чтобы побыть наедине со своими мыслями. В итоге я засыпаю, а когда просыпаюсь, чувствую себя лучше. Я не могу позволить этому вывести меня из себя.

Я могу спрятаться, отгородиться от этого, позволить этому управлять мной... и, возможно, потерять парней — лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Или я продолжаю жить, несмотря на страх, и продолжаю принимать их. Я уже знаю, какой сделаю выбор, поэтому я наношу боевой раскрас, чувствуя себя лучше, сильнее с макияжем. Мои глаза подведены, а губы темно-алые, словно кровь, и я добавляю ожерелье, которое они мне купили, чокер, прежде чем влезть в другое платье. Оно черное, с кружевными рукавами. Платье немного нарядное, облегает, почти прилипает к моему телу, но при этом я чувствую себя в нем комфортно. Наконец, я укладываю волосы, выпрямляя их.

Выхожу, но в доме только Кензо, его волосы зачесаны назад, на нем белая рубашка с закатанными рукавами, обнажающая его мускулистые предплечья, серая жилетка и брюки. Он выглядит потрясающе. Когда Кензо с мягкой улыбкой поднимает взгляд от планшета и видит меня, его рот приоткрывается. Я же чувствую себя сексуальной, поэтому подбегаю к нему и, осмелев, сажусь ему на колени. Его планшет падает в сторону, и он тут же забывает о нем, когда хватает меня за задницу и притягивает ближе.

— Ты выглядишь достаточно сексуально, чтобы я сожрал тебя прямо здесь, дорогуша, — рычит он.

— Это обещание? — ухмыляюсь я ему, проводя рукой по волосам, так что некоторые из них падают набок.

Он стонет.

— Я бы хотел, но мне пора вот-вот выходить.

— Куда ты направляешься? — спрашиваю я, чувствуя, как его твердый член прижимается ко мне.

Его зрачки темнеют от вождления.

— Играть, — бормочет он. — Вернее, там будет играть один человек, о котором мне нужна информация.

— О заказных убийствах? — интересуюсь я.

Кензо качает головой.

— Об утечке. Он мой старый игрок, тот, кто раньше делал для меня ставки.

Я мигом оживляюсь.

— Можно мне с тобой?

— Ты хочешь составить мне компанию, — спрашивает он медленно, а я на это лишь фыркаю.

— Да, черт возьми, мне чертовски скучно, позволь мне помочь. К тому же, выпивка, азартные игры и ты? Звучит заманчиво.

Кензо издает стон, облизывая губы.

— Звучит до смешного сексуально.

Он пробегает глазами по моему телу, заставляя меня дрожать.

— Ты можешь пойти вместе со мной, но знай, что будешь подбирать свое платье с пола моей комнаты еще до того, как этот вечер дойдет до своего логического завершения. Ты —

мой выигрыш в этой игре.

Наклонившись, я нежно целую его.

— Слова, слова, одни слова... — бормочу я, встаю и удаляюсь, останавливаясь у двери, чтобы оглянуться на него. Его глаза закрыты, губы сжаты.

— Идешь?

Кензо поднимается на ноги, с ухмылкой смотрит на меня, поправляя жилет и хватая свой телефон, а затем убирая его в карман. Его рука крутит игральные кости, когда он направляется ко мне, обхватывая мое плечо.

— Не могу дождаться, дорогая.

Мы спускаемся вниз, рука Кензо гладит меня по спине до самой задницы в лифте. Я усмехаюсь, когда дверь открывается, и он ведет меня под руку к красному «феррари». Он открывает дверь, и я проскальзываю внутрь, наблюдая, как он огибает капот и скользит на водительское сиденье. Кензо подмигивает мне.

— Держись, — предупреждает он, и двигатель ревет, когда машина резко трогается с места.

Я кричу в экстазе, когда мы вырываемся из подземного гаража здания и мчимся на улицу. Уже темнеет, город оживает, пока Кензо лавирует в пробках. Мы покидаем город и выезжаем на трассу. Держа одну руку на руле, а другую на рычаге переключения передач, Кензо набирает скорость, а затем протягивает руку к моему обнаженному бедру и сжимает его, пока ведет машину.

Мои волосы откинута назад, сердце колотится от ощущения скорости, а губы кривит ухмылка. Это потрясающе. Я раздвигаю ноги, а его рука скользит чуть выше, останавливаясь только тогда, когда его большой палец касается моей киски. Причем Кензо даже не заботится о том, чтобы убрать руку, просто ведет машину. То, как он управляет машиной, и то, как быстро мы едем, продолжая наращивать скорость, возбуждает меня.

Почему это так возбуждает?

Проходит совсем немного времени, и вот мы уже поворачиваем и едем по частной подъездной дорожке в самой богатой части города.

— Почему у вас, ребята, нет здесь дома? — интересуюсь я.

— Вообще-то он у нас есть. Но мы его ненавидим.

Кензо усмехается, когда мы подъезжаем к черному, богато украшенному забору с гербом на фасаде.

— Мы ненавидим богачей, этих душных ублюдков.

— Ты один из этих богачей, — усмехаюсь я.

— Правда, а разве я не душный ублюдок?

Ворота открываются, и Кензо на скорости проезжает через них, двигаясь по освещенной вымощенной дорожке к подъездной аллее округлой формы с фонтаном посередине, расположенной перед огромным особняком. Он останавливается прямо перед дверью и бросает ключи парковщику, выходя из машины, огибает ее, чтобы открыть мне дверь. Кензо подает мне руку, и я принимаю ее, затем он помогает мне подняться и обхватывает меня за талию, пока мы поднимаемся по ступенькам ко входу.

Дверь распаивается перед нами. Льется музыка, и когда мы заходим внутрь, я чуть было не подбираю челюсть с пола. Черт, вот как живет добрая половина богатого сброда. Повсюду висят люстры, а на каждой стене, наряду с семейными портретами, висят старинные картины в золотых рамках. Две изогнутые лестницы ведут на второй этаж из

холла, в котором мы в данный момент находимся.

Музыка, смех и звон бокалов доносятся до нас. Женщины дефилируют в облегających платьях и драгоценностях, разодетые в пух и прах под руку с мужчинами в дорогих костюмах. Все здесь кричит о деньгах, и я, конечно, чувствую здесь себя не в своей тарелке. Но Кензо все равно, он наклоняется ко мне, чтобы прошептать:

— Притворись, детка, они все такие, все они скрывают свои маленькие темные секретки по шкафам с дорогущими нарядами. Видишь вон того, с усами? — Я киваю, когда мужчина, о котором идет речь, проходит мимо. — Он спит со своей падчерицей, а тот, что смеется над чьей-то остротой из компании богатеньких придурков... Он на грани банкротства. Это все игра, дорогая, опасная игра, но все же игра. Здесь они используют слова, а не кулаки, но это все одно и то же. Ты знаешь, как играть, и я тоже. Они не лучше нас, нет, они ничтожества. Просто пешки, жаждущие власти и денег, готовые на все ради этого.

Кензо целует меня в шею и выпрямляется, когда мужчина направляется к нам, чтобы поприветствовать. Он даже не смотрит на меня, когда пожимает руку Кензо.

— Рад вас видеть. Вы должны мне помочь позже, чтобы хотя бы попытаться вернуть мои деньги.

Произнося это, он притворно смеется.

— Конечно.

Кензо усмехается, но это маска, я это вижу.

— Пожалуйста, позвольте мне представить вам мою спутницу, Рокси.

Мужчина наконец-то смотрит на меня, пробегая глазами вверх и вниз по моему телу, его собственные глаза-бусинки загораются огнем.

— Приятно познакомиться... Рокси, — приветствует он, берет мою ладонь и целует ее тыльную сторону.

— Хотела бы я сказать то же самое, но поскольку вы не имели чести представиться, прежде чем уставиться на мою грудь, я не могу считать наше с вами знакомство таким уж приятным, не так ли?

Я ухмыляюсь.

Он смеется и кажется более заинтересованным, словно он сам играет в игру.

— Конечно, нет. Извините, просто я привык к тупым конфетным фантикам, которых волнует только цвет вашей кредитной карты. Меня зовут Стефан, мне очень приятно, Рокси.

Он кивает, теперь этот парень кажется немного уважительным.

— Извините, но нам нужно встретиться с другими людьми, взять деньги, — замечает Кензо и уводит меня, а Стефан смотрит нам вслед.

— Уже очаровываешь мужчин, дорогая? — говорит он мне. — Будь осторожна, детка, они все здесь те еще змеи.

— Но ни один из них ни разу не такая змеюка, как ты, — парирую я, глядя на Кензо, когда мы останавливаемся в дверном проеме. — И все же, я в твоих руках, засранец.

— Тебе же это нравится.

Он подмигивает, когда нам приносят два напитка. Кензо передает мне скотч и выпивает шампанское, прежде чем передать пустой бокал обратно официанту.

— Еще стакан скотча для меня.

Я почти смеюсь от осознания того, что он предвидел, что я не буду пить это пузырящееся дерьмо, потягивая напиток, позволяя теплу омыться меня изнутри, пока я

осматриваю пространство комнаты. Столы расставлены по всему помещению, как в казино, но в особняке, и есть бар и столы. Это впечатляющее место заполнено богатыми и влиятельными людьми города, все они играют на свои деньги.

На те же деньги, которые они крадут у бедных.

— Кто управляет этим вертепом? Ты?

— Нет, джентльмен, к которому мы пришли в гости. Он вне границ моей досягаемости, поскольку промышляет не в городе, к тому же он мой старый знакомый, — спокойно отвечает Кензо, улыбаясь и кивая проходящим мимо людям.

— Не друг? — спрашиваю я, сканируя толпу.

— У меня нет друзей, дорогая. У меня есть братья и ты, — рассеянно отвечает он, прежде чем протащить меня сквозь толпу.

— Вот он. Не стесняйся растряссти мой счет, этим богатым придуркам не помешало бы твое отношение, детка, так что встряхни их и смешай с дерьмом. Черт знает, что я делаю.

— И все же они тебя любят, — комментирую я, видя, как они все приветствуют Кензо.

— Они любят мои деньги и власть, которой я обладаю. Они не знают, как взять тебя, но ты со мной, поэтому они будут смеяться вместе с тобой и не будут сопротивляться. Делай, что хочешь, будь настолько озлобленной, насколько хочешь быть, будь собой.

Ну, Кензо дал мне разрешение. Он еще пожалеет об этом.

Мы останавливаемся у полного стола, и вдруг в его присутствии освобождается место. Кензо садится и притягивает меня к себе. Там четверо мужчин, дилер — женщина в коротком коктейльном платье.

— Дэнни.

Кензо кивает на мужчину, сидящего напротив нас.

Он рыжий, с густой бородой, пронзительными голубыми глазами и бледной кожей, в наполовину расстегнутой рубашке. Он выглядит угрожающе, наблюдая за нами.

— Кензо, не помню, чтобы я тебя приглашал.

— Когда это меня останавливало?

Кензо смеется, сжимая меня крепче.

Дэнни переводит взгляд на меня, изучая и отводя глаза в сторону, демонстрируя крайнюю степень незаинтересованности. Ублюдок.

— Не знаю, детка, мне он кажется совсем никаким, — замечаю я, прислоняясь к Кензо, который целует мое плечо, его рука гладит мое бедро под столом, когда он берет свои карты.

Дэнни оглядывается на меня, в его взгляде разгорается раздражение, а ноздри раздуваются.

— Что ты сказала, девочка?

— Я женщина, а не девушка, — бросаю я, а затем отворачиваюсь, игнорируя его. — Не думаю, что он тот, кто нам нужен.

Дэнни щурится, глядя на меня. Я чувствую это, когда ласкаю плечо Кензо, пока он играет.

— Мы можем найти кого-нибудь другого, куш достаточно большой.

Кензо ухмыляется, когда выигрывает, и раздается новая партия. Другой мужчина за столом смотрит на меня, и я выдерживаю его взгляд.

— Проблемы, придурок? Тебе нужна виагра, чтобы завестись, или просто поглазеть на мои сиськи?

Он отшатывается в шоке, а я смеюсь.

— Не волнуйся, твоей жене будет все равно, ей будет так же противно в своих жемчугах, как и тебе, заниматься своим скучным ванильным сексом, пока песок сыплется из твоих дряхлых костей.

Мужчина брызжет слюной, а Кензо смеется, но не останавливает меня. Я оглядываю другого мужчину, он средних лет и немного пухлый.

— Дай угадаю, папашины деньги? Ты тратишь их на шлюх, вот почему ты чешешь свои яйца. ЗПП замучили, верно?

Дэнни лишь раздражается громким смехом, когда эти двое встают из-за стола. Теперь здесь только Кензо и он.

— Она мне нравится, где ты ее нашел?

— Там, куда бы ты не пошел.

Кензо ухмыляется, откладывая карты и забирая свой выигрыш, заставляя Дэнни ругаться, когда сдают очередную партию.

— Мне нужна информация.

— Мило с твоей стороны.

Дэнни фыркнул.

— Он ведет себя, как баба, — смеюсь я. — Предпочитает играть в карты, а не на реальные деньги.

Кензо скользит рукой выше, не обращая внимания на остальных, и ласкает мою киску. Я издаю стон ему в ухо, покусывая мочку, он сосредоточен на своих картах и выигрыше, даже когда ласкает меня, и я позволяю ему это. Моя киска пульсирует и болит от желания обладать им. Видеть эту его сторону, контроль, власть... это что-то делает со мной.

Я промокла насквозь.

Кензо, должно быть, чувствует это, потому что издает стон, заставляя меня ухмыляться, когда я снова облизываю его ухо.

— Я представляю, как ты трахаешь меня на глазах у всех этих старых, богатых ублюдков и показываешь им, что такое быть живым, — мурлычу я ему в ухо.

Он чертыхается и проигрывает следующую партию, отчего Дэнни разбирает смех.

— Информация, говоришь? Отлично, чего ты хочешь?

Но Кензо встает, увлекая меня за собой.

— Позже, — рявкает он.

Кензо рывком поднимает меня со своих колен и, схватив за руку, подмигивает Дэнни, заставляя меня задуматься, что он изображает, но он тащит меня из комнаты, похоже, в отчаянии. Кензо игнорирует всех, кто пытается с ним заговорить, при этом его взгляд обыскивал периметр, пока Кензо не открыл какую-то дверь и не толкнул меня внутрь. Я с грохотом впечатываюсь в стену. Это коморка для швабр. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как он закрывает дверь и щелкает замком, прежде чем поворачивается ко мне. Кензо смотрит на меня темным, изголодавшимся взглядом.

— Прямо сейчас я собираюсь трахнуть тебя, дорогая. Лучше кричи громко, чтобы они тебя услышали, и ты сможешь по-настоящему шокировать этих старых, богатых ублюдков.

Кензо ухмыляется, подходя ближе.

— Тебе не стоит дразнить меня, дорогая.

— А кто тебе сказал, что я дразнюсь?

Я ухмыляюсь, хватаю платье и задираю его выше, обнажая трусики.

— Ну что, ты все еще собираешься меня трахнуть?

Кензо расстегивает ремень и молнию на брюках, пока его глаза бегают по мне. Затем он начинает двигаться быстро. Слишком много сдерживаемого желания, слишком много потребности. В прошлый раз я боролась с ним, но в этот раз нет. Я хочу этого, его. Я хочу, чтобы его член был во мне, в особняке, в окружении богатых ублюдков, которых я всегда ненавидела.

Я хочу, чтобы они слышали, что он делает со мной, чтобы знали, что они могут владеть деньгами и людьми, но у них никогда не будет того, что есть у нас. Реальность. Сырое, блядь, желание и потребность. Потребность в другом человеке.

Кензо впечатывает меня в стену и поднимает на ноги.

— Все будет жестко и быстро, ты, гребаная дразнилка.

Я лишь громче стону, откидывая голову назад, когда Кензо отодвигает мое нижнее белье в сторону, ровняется с моей мокрой киской и врзается в меня. Я вскрикиваю от боли, и затопившего меня разом удовольствия. Он не останавливается, Кензо отстраняется и входит в меня, пока я обхватываю ногами его талию.

Ручка двери покачивается, и я смеюсь, а он хихикает.

— Занят траханьем моей девочки, скоро выйду, — отзывается Кензо, прежде чем снова врзаться в меня.

— У них, наверное, там массовый сердечный приступ, — скулю я, а мои глаза закрываются.

— Наверное. Разве это не здорово? — бормочет Кензо, облизывая местечко чуть выше моих груди.

Я упираюсь пятками в его задницу, подталкивая Кензо вперед. Его рука прижимается к стене, другая лежит на моем бедре, пока он трахает меня. Кензо выкрикивает мое имя. То, как он произносит его, как слоги слетают с его губ, пока его толстый член входит в меня, пронзая меня, вызывает во мне всплеск желания. Кензо задыхается, наши сердца бьются в унисон, когда он вдавликает меня в стену от силы своих толчков.

Упираясь руками в его плечи, я притягиваю Кензо ближе, моя разрядка прорывается сквозь него, влекомая его руками и членом. Он прикусывает мою грудь, и я кричу в экстазе захлестнувшего меня освобождения. Оно прорывается через меня, пока я дрожу и трясусь, и он что-то бубнит, утыкаясь мне меж груди, когда я чувствую, как его освобождение заполняет меня.

О, блядь.

Мы оба тяжело дышим, прислонившись к стене, мышцы в моих ногах разом потеряли былую силу, но мои ноги все еще обхватывают его. Кензо поднимает голову, в его взгляде застыла тьма вперемешку со смешинками.

— Интересно, они слышали это, или нам стоит зайти на второй круг?

— Не знаю, — бормочу я, задыхаясь. — Может, еще разок?

Кензо злобно усмехается и вырывается из моего цепкого тела. Мои ноги падают на пол, они слабые и почти подкашиваются, но тут он оказывается рядом, обхватывая меня рукой за талию и опускаясь на колени у моих ног, уткнувшись лицом в мою киску.

Застонав, я закидываю одну ногу ему на плечо, но Кензо хватает другую и закидывает ее туда же, поднимая меня без усилий, пока он ласкает мой клитор, не заботясь о том, что его разрядка ускользает от меня.

Кензо облизывает меня сверху донизу, погружается в мою киску, прежде чем сосредоточиться на моем проколоте клиторе, играя с ним, пробуя меня на вкус. Я

прижимаюсь ближе, почти задушив Кензо своей киской, когда мои бедра сжимаются вокруг него.

Ему все равно, его руки крепче сжимают меня, как будто он не может насытиться мной. Язык Кензо умело нажимает и лижет там, где мне нужно. Дверная ручка снова дребезжит, но мы оба не обращаем на это внимания.

— Да, — лишь простонала я, откидывая голову назад. — Кензо, прошу тебя, — умоляю я.

Я так сильно хочу кончить снова, что у меня сводит живот, когда кровь, словно лава, течет по моим венам от ощущений, что дарит его умелый рот. Он стонет в моей киске, звук вибрирует во мне, когда Кензо нажимает на мой пирсинг.

— Боже, да, — кричу я, притягивая его ближе, тянусь вниз, чтобы схватить Кензо за волосы, когда кручу бедрами, отчаянно трахая его рот.

Оргазм нарастает, я чувствую. Я так близко к краю, что, когда он снова дергает за мой пирсинг, я вскрикиваю. Кензо лижет меня, нежно поглаживая мой сверхчувствительный клитор, а я пыхчу и упираюсь в стену, мой живот все еще сжимается, а бедра дрожат вокруг него.

Кензо помогает мне встать, опуская мои ноги на пол. Он все еще стоит на коленях, его подбородок и рот покрыты моими соками, и он ухмыляется мне.

— Открой дверь, долбаный урод, у меня есть для тебя информация, — кричит Дэнни, пока Кензо вытирает рот и, подмигнув мне, засовывает свой член обратно в брюки, приводит себя в порядок и проверяет, в порядке ли я, прежде чем открыть дверь.

— Ты в порядке, приятель? Что-то нужно? — спрашивает Кензо, загоразивая Дэнни вид на меня, пока я выпрямляюсь и выравниваю дыхание.

— Ты хочешь знать, кто тебя предал, верно? — огрызается Дэнни, голос у него при этом низкий.

— А меня предали? Я не знаю... — Кензо ухмыляется.

— Заткнись на хрен, ты же знаешь, что я не мог говорить там. Впустишь меня? Он проходит мимо Кензо, закатывая на меня глаза.

— Здесь воняет сексом.

— Правда? — ухмыляюсь я. — Наверное, это из-за карточной игры, она меня так завела. Я подмигиваю.

Кензо закрывает дверь, прислоняясь к ней, и ухмыляется мне.

— Что я могу сказать, я не могу удержаться рядом с ней.

— Да, да, мне плевать на то, что у тебя мокрый член. Я не могу быть замечен за разговором с тобой, они меня просто порешат. Ты хочешь информацию или нет? — рычит Дэнни, отворачиваясь от меня, чтобы посмотреть на лицо Кензо, которое посерело и стало серьезным.

— Что тебе известно? — требует Кензо.

— Достаточно, чтобы понять, что быть твоим другом сейчас опасно, даже богатые придурки здесь знают это, но они боятся тебя больше. Кто-то знает все, парень, и это не ваш сотрудник. Они знают детали, которые не знает никто другой. Они малость устарели, но, тем не менее, они есть, — ворчит Дэнни. — На твоём месте я бы порылся в своём прошлом и не высывался.

— Почему? — требовательно спрашивает Кензо.

— Потому что грядет битва, а я не думаю, что ты ее переживешь. Если переживешь, мы

сыграем снова, может быть, приведешь свою девушку, чтобы я мог выиграть еще немного.

Дэнни кивает, и Кензо кивает в ответ со спокойной улыбкой.

— Спасибо, парень.

Кензо выпускает его и закрывает дверь.

— И это все? Ты само спокойствие.

Кензо смеется.

— Дорогая, мы уже знаем, что будет нанесен удар, он всегда последует, мы живем с этим постоянно. У меня здесь четыре охранника, они смешались с толпой. Никто не причинит тебе вреда, — рычит он, его глаза снова темнеют, — кроме нас.

— Романтично, — поддразниваю я, поправляя платье. — Ну что, мы уже уходим?

— Вечер только начался, пойдем выиграем немного денег.

Кензо подмигивает, берет меня за руку и переплетает наши пальцы. Когда мы открываем дверь, мимо проходит мужчина, и его лицо краснеет, когда он видит нас, несомненно, он слышал, чем мы занимались. Он уворачивается и спешит прочь, заставляя нас смеяться.

Это должно быть весело, и я уже слишком давно не выходила из дома. Пора насладиться богатой жизнью и забрать все их деньги. Я уже говорила, что люблю играть в азартные игры?

Упс, кажется, я забыла сказать об этом Кензо.

КЕНЗО

Моя девушка — самородок, она ослепляет комнату. Не только своим острым умом и не менее острым язычком, она высасывает досуха богатеньких стариков. Рокси берет их деньги с наглой улыбкой на губах, не стесняясь в выражениях. Они не знают, что с ней делать, ведь она не знает границ приличия. Рокси грубая, громкая и чертовски совершенная.

Она убирает фишки со стола и сидит, положив ногу на ногу, в своем кресле, как будто она гребаная королева, демонстрируя свои длинные худые ножки, которые не так давно обвивали мою голову. Зная, что на ней нет трусиков, я постоянно нахожусь в состоянии возбуждения, не говоря уже о том, как она чертовски хороша. Девушка явно по мою душу.

Она знает, когда нужно отступить, а когда блефовать.

Это чертовски возбуждает. Наши змеи сверкают в ее ушах и на шее, клеймя ее как нашу собственность. Я же делю свое внимание между ней и толпой, выискивая угрозы. Обычно мне было бы все равно, я бы наслаждался хорошим мордобоем, но, когда она со мной, никто не подходит достаточно близко.

Никто не прикасается к ней.

Рокси выигрывает еще одну партию и подмигивает мне, отчего мой член уже стоит по стойке.

— Похоже, эти богатые ублюдки действительно любят расставаться со своими деньгами. Должна признать, я ожидала, что они будут лучше в этом дерьме, раз уж они хотят сохранить свои деньги, чтобы оставаться богатыми.

Она смеется, и другие женщины смеются вместе с ней.

— Над чем ты смеешься, Карен? Мы все знаем, что ты легла на спину, раздвинув ножки, ради этих драгоценностей.

Она фыркает на молодую женщину, которая вместе со старым, морщинистым ублюдком взирает на мою девочку.

Женщина задыхается, выглядит шокированной, ее рот открывается и закрывается, но она не отрицает этого. Все знают, что она золотоискательница, хотя я не думаю, что ее зовут Карен.

— Ты играешь так же хорошо, как трахаешься, — говорю я своей девочке, и мужчины это слышат, выглядя неловко, пока я ухмыляюсь.

— Ты тоже, — ухмыляется она в ответ. — Если они в этом также хороши, то мне жаль

их жен. Они явно не за это выходили замуж.

Я смеюсь так сильно, что чуть не плачу. Боже, это потрясающе. Рокси никогда не сможет влиться в это общество. У нее есть мозги, она слишком высокого мнения о себе, к тому же во всем виноват ее рот, который она не закрывает. Специально ли? Черт, я обожаю его. Ей наплевать, что это самые влиятельные люди в городе. Она ведет себя с ними так же, как с нами и посетителями ее бара.

Это освежает и так чертовски притягательно.

Она встает.

— Мне скучно, с ними слишком просто.

Рокси смотрит на меня.

— Как насчет сыграть один на один.

Ее взгляд пробегает по моему телу.

— Брось мне настоящий вызов, ты же богатый урод, в конце концов. Что ты теряешь?

Смеясь, я отставляю свой недопитый стакан и встаю.

— Ты в деле, дорогая. Какова твоя цена?

— Все.

Рокси ухмыляется.

— Выигрываю я, то получаю все, я получаю тебя.

Это напоминает мне о том, как мы впервые играли, и в этом вся суть. Блядь.

— А если выиграю я? — бормочу, прижимаясь к Рокси, не обращая внимания на отвратительные взгляды, направленные в нашу сторону за нарушение социальных устоев в общественном месте. К черту их суждения.

— Ты получишь меня, — соблазнительно бормочет она.

— О, дорогая, ты уже у меня, но я в деле.

Веду Рокси к отдельному столику и начинаю демонстрировать ей, почему все ненавидят ставить против меня.

Я выигрываю.

Это выводит Рокси из себя, но она смиряется с этим, когда мы снова встаем и идем по комнате. Я специально подвожу ее к людям, которых ненавижу, и представляю их ей, чтобы посмотреть, что она скажет. Это моя любимая новая игра, я никогда не знаю, что вырвется у нее изо рта. Когда мы подходим к людям, они пытаются отступить, но не из-за страха, как обычно, а из-за отвращения к тому, что скажет моя шлюха-с-ртом-помойкой.

Человек, который это сказал, может быть, сейчас валяется в несознанке в туалете — дело моих рук.

— Дорогая, это мэр Brentworth, — говорю я Рокси, представляя ее ему и его жене.

— Приятно познакомиться с тобой, Рокси. Я слышал, тыводишь настоящий переполох.

Мэр смеется.

— Может быть, а может быть, вы, богатые люди, не привыкли слышать правду. Я знаю, что не привыкли. Когда вы в последний раз смотрели мимо своих небоскребов на людей, которые спят на улице, на людей, выбравших вас? В следующий раз, когда вы поставите десять тысяч на игру, подумайте, что эта сумма сделает для нуждающихся, а? — предлагает она, теперь уже сердито.

Ах, моя маленькая Гадюка. Всегда пытается спасти людей.

Мэр становится белым как полотно, хотя его жена смеется.

— Она мне нравится. Я говорила своему мужу, что ему нужно вкладывать больше денег в окраины, и меньше в этих богачей.

Рокси моргает, когда медленная ухмылка растягивается по ее лицу.

— Ты мне нравишься, — кивает Рокси, оглядываясь на мэра, и добавляет: — Она умная, вам стоит прислушиваться к ней время от времени, мэр, и, возможно, меньше людей будут вас ненавидеть.

Рокси ставит свой стакан и поворачивается ко мне.

— Мне скучно, хочешь свалить?

Ухмыляясь, я обхватываю ее за талию.

— Да, черт возьми, давай свалим отсюда. Я могу трахнуть тебя на кровати на те деньги, которые ты выиграла.

Ее глаза загораются, и я слышу, как окружающие задыхаются, заставляя меня смеяться сильнее, когда я наклоняюсь к ней.

— Никогда не меняйся, детка, сегодня вечером я получил самое большое удовольствие за долгое время.

— Шокируешь стариков?

Она усмехается.

— Нет, смеюсь, пока работаю. Эта жизнь... иногда я ненавижу ее денежную сторону и людей, которые снуют вокруг, как стервятники. Сегодня... сегодня я могу быть собой и веселиться, спасибо за это, — говорю я, выводя Рокси из комнаты.

Когда мы выходим на улицу, парковщик бежит за нашей машиной, и мы остаемся с ней вдвоем. Рокси прислоняется к моей груди.

— Спасибо, что привез меня. Мне было весело, было приятно выбраться, быть полезной, и было нетрудно оскорбить этих ублюдков за тебя. Мне не понравилось, как они смотрели на тебя сверху вниз.

Я фыркнул.

— Мое происхождение куплено старыми деньгами, дорогая, но они знают, что это деньги, пропитанные кровью. Они всегда смотрели и будут смотреть на нас свысока. Мы уже давно перестали пытаться вписаться в это общество.

— И что? Они не имеют права смотреть на тебя свысока, пока я рядом.

Рокси усмехается, когда машина подъезжает.

Я не могу говорить, поэтому просто целую ее. Рокси пыталась защитить нас, бороться за нас по-своему, и я не могу не любить ее за это. Наш собственный маленький убийца.

Такая же Гадюка, как и мы.

Я сажаю Рокси в машину, прежде чем разогнаться, но в конце пути я останавливаюсь и смотрю на нее.

— Устала?

Она качает головой, откинувшись на сиденье и наблюдая за мной.

— Даже близко нет, а что?

— Хочешь увидеть, куда я на самом деле уйду? Где я становлюсь собой? — спрашиваю я.

Она кивает со смущенной улыбкой, и я отстраняюсь.

~

РОКСИ ЖИВЕТ НАСТОЯЩИМ МОМЕНТОМ. Она не была создана для такой жизни, она просто ждала, пока мы ее найдем. Мне только жаль, что это заняло так много времени.

Рокси принадлежит нашему миру, она встряхнула его и заставила нас понять, что мы теряем себя.

С ней я становлюсь собой.

С ней я счастлив.

И теперь я собираюсь отвезти Рокси в то место, куда я никогда никого не вожу. Ни богатства, ни клубов, ни игр. Просто место, куда я иногда езжу, чтобы убежать от всего этого, место, о котором я даже не говорю Райдеру, что посещаю его. Это сделало бы меня сентиментальным, но мне это тоже помогает.

Мы едем по городу, но оставляем музыку и огни позади. Я знаю, что Рокси интересно, куда мы едем, но не могу заставить себя заговорить, даже когда мы подъезжаем к кладбищу. Она выходит, а я молча беру ее за руку и отпираю ворота. Я чувствую, как она смотрит на меня, но я молча иду с ней по дорожке и нахожу нужную мне могилу в глубине. Она находится в стороне от других, с огромным ангелом, уходящим в небо, и скамейкой перед ним. Я сажусь, и Рокси тоже, ее ладонь все еще лежит в моей, ее плечо прижимается к моему, когда она, несомненно, читает надпись на камне.

Могилы моей матери.

— Она была не плохой женщиной, она сильно любила нас. Я думаю, Райдер иногда забывает об этом. Но он заплатил за это, чтобы присматривать за ней после смерти. Я часто прихожу сюда, чтобы поговорить с ней, почувствовать близость с ней. Чтобы никогда не забывать, откуда мы родом, о силе любви и семейных уз, — шепчу я в темноту.

— Кензо, — шепчет она, прижимаясь ближе.

— Она бы полюбила тебя, знаешь?

Я усмехаюсь. Раньше я находил здесь лишь печаль, но не сейчас. Я нахожу здесь покой, мое спасение. Я скучаю по маме, всегда буду скучать, но она не была создана для этого мира. Слишком мягкая, слишком любящая, слишком заботливая. Мой отец все это разрушил. Я никогда не позволю Райдеру стать таким. Он защищает нас, а я держу его в смирении... ну, я стараюсь.

— Ты думаешь? — спрашивает она, кажется, удивленная своей мыслью. — Я не совсем... твоего поля ягодка, детка.

Я лишь фыркнул.

— Она тоже с улицы. Думаю, я никогда не говорил тебе об этом. Она сбежала от своего отца в пятнадцать лет после того, как он слишком часто насиловал ее. Она рассказала мне об этом однажды, когда я был расстроен из-за отца, и я не понял, почему она осталась.

Рокси прижимается еще ближе, как будто ее присутствие может отогнать плохие воспоминания.

— Он подобрал ее с улицы, разглядел красоту мамы. Сначала он осыпал ее деньгами и подарками, защищал так, как никто другой. Поэтому сначала она осталась, дорогая, чтобы быть в безопасности. Потом она осталась из-за нас. Мама могла быть слабой, но она также была сильной, такой сильной, потому что она осталась в логове монстра, чтобы защитить нас, чтобы любить нас, даже когда это привело к ее смерти, — шепчу я.

Рокси вздыхает, и когда я смотрю на нее, в глазах моей девочки стоят слезы.

— Рокси, она была сильной, как и ты. Но ты сильнее, намного сильнее, ты умная, сообразительная, красивая и добрая, но ты также умеешь держать себя в руках. Ты злая, сердитая и такая чертовски удивительная. Если хочешь, это может быть и твоим местом. Местом, куда ты можешь приходить, когда все достало. Когда ты ненавидишь их всех, когда

ты злишься, ты можешь прийти сюда. Я всегда приведу тебя, даже если ты не захочешь со мной разговаривать.

Я снова смотрю на могилу, но Рокси протягивает руку, касается моей щеки и поворачивает мою голову. Я прислоняюсь лбом к ее лбу.

— Спасибо, Кензо, — шепчет она, прежде чем нежно поцеловать меня. — Я чувствую, как сильно она любила тебя, а ты любил ее. Ей так повезло, и тебе тоже.

— Знаю.

Я мягко улыбаюсь.

— Расскажешь мне о ней? — просит Рокси и снова целует меня, прежде чем склонить голову на мое плечо.

Там, под луной, я рассказываю ей истории о своей матери. Те, которые я никогда не рассказывал. Райдер не хочет их слушать, они причиняют ему боль. Он не хочет признавать этого, но он так и не простил маму за то, что она бросила его, за то, что не спасла нас. А я простил. Поэтому так приятно поделиться ими с кем-то.

С моей девушкой, которая смеется вместе со мной, а когда я, наконец, плачу, обнимает меня. Обнимая меня и глядя по волосам, она осыпает поцелуями мою голову.

— Я влюбляюсь в тебя, дорогая, — бормочу я, и она замирает.

— Не надо, любовь имеет свойство меняться на ненависть, — испуганно шепчет она, и я поднимаю голову. Теперь моя очередь обнимать ее.

— Мы начали с ненависти, детка, не думаю, что у нас получится по-другому. Любовь может причинить боль, я знаю это. — Я пристально смотрю на могилу. — Но она также подарила мне те истории, которыми я дорожу по сей день. В любом случае это не то, что ты можешь остановить, Рокс.

Я широко улыбаюсь.

— Это уже происходит, так что присоединяйся.

Я подмигиваю, заставляя ее рассмеяться.

— Идиот.

— Ааа, это лучше, чем придурок, которым ты обычно меня называешь.

— О, ты все еще им являешься, — шепчет Рокси, когда я снова целую ее. — Мне страшно, — признается она.

— Знаю, нам тоже. Но ты никогда не позволяла страху остановить тебя, и мы тоже.

Рокси кивает, и мы снова сидим бок о бок, погруженные в собственные мысли, наши тела сплетены вместе под ночным небом. Я должен вернуться домой, остальные будут волноваться, но я хочу украсть еще один момент, наш с ней общий — только между нами. Потому что сегодня я увидел настоящую Рокси, ту, которую она пытается скрыть, ту, которую ее отец пытался выбить из нее. Увидел еще одну грань, куда большую, чем те, которые видел с тех пор, как она попала ко мне.

К нам.

Каждый раз, когда я высвечиваю еще одну грань характера этой женщины, я влюбляюсь еще сильнее. Вопрос в том, полюбит ли она меня в ответ?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГАРРЕТТ

Мы все слышали, как вернулись Кензо и Рокси. Я выглянул на балкон и увидел, как он глубоко поцеловал ее у двери, прежде чем сказать ей, чтобы она немного поспала. Он широко улыбался, счастливее я его никогда не видел. Кензо даже не заметил моего взгляда, когда уходил в свою комнату.

Влюбленный дурак.

Закатив глаза, я захлопнул дверь и лег в постель, подложив руку под голову, но, как всегда, не смог заснуть. А если и удастся заснуть, то сон — всегда воспоминания, те воспоминания. Разве недостаточно того, что я вижу физические шрамы от них? Я должен переживать это каждую гребаную ночь.

Закрыв глаза, я заставляю себя заснуть, у меня нет выбора, но, как я и ожидал, кошмар берет верх.

Я чувствую запах собственной крови. Она пропитывает воздух, как и мои собственные крики. Сначала я держался стойко, но по мере того, как все больше и больше кожи сдиралось с моего тела, пока она смеялась, я не мог остановить это. Они лились из меня, мои крики агонии.

Она безумно ухмыляется, глядя на меня, голубые глаза, которые я когда-то любил, потемнели от жадности и похоти. Жажды моей боли, моей смерти. Она думает, что это даст ей то, чего она жаждет. Я хочу сдать, погрузиться в это светлое тепло, зовущее меня, но я борюсь с ним. Мне нужно освободиться, убить ее, пока ее не нашли другие. Они будут пытаться ее, они сделают ей больно... и, несмотря на все это, часть меня все еще любит ее.

Даже сейчас, когда ее клинок вспыхивает в свете, когда он снова опускается на мою грудь, прорезая еще больше мышц, сжигая их, я забочусь о ней.

Дергаясь в цепях, я борюсь с ней, а она хихикает.

— О, Гарретт, всегда борец до конца. Мне нравится это в тебе, знаешь ли? Видеть боль, которую ты причинил, всю эту кровь на твоём теле, когда ты боролся с ними.

Она стонет, прижимаясь ко мне и заставляя меня задыхаться.

— Но я ошибалась. Ты слабый, чертовски жалкий. Просто тупой богатый паренек, совсем не такой, как я.

Кольцо на ее пальце, которое я подарил ей несколько часов назад, блестит на свету, когда она держит нож, покрытый моей кровью.

Это должна была быть самая счастливая ночь в моей жизни. Остальные ушли, чтобы дать нам побыть вдвоем, чтобы я мог сделать предложение, и вот мы здесь. Я умираю.

Я чувствую это — слишком большая потеря крови.

Этого ли она хочет? Во мне разгорается чертов гнев, который я испытываю во время драк, который помогает мне выжить. Он бурлит в моих венах, когда я смотрю на нее. Я сжимаю губы и не даю вырваться ни единому звуку, но ей это не нравится. С криком она наносит удары и режет. Боль, как никакая другая, проходит через мое связанное тело...

Я резко просыпаюсь, что-то не так. Я чувствую это — цепь на моей руке. С ревом я хватаю ее и кручу, бросая человека рядом со мной, прежде чем прижать его к себе. Ярость и страх проходят через меня, ослепляя меня. Я вслепую обхватываю руками горло человека, пока тоненький голосок не достигает меня в моем тумане.

— Гарретт?

Моргнув, я смотрю на Рокси.

— Рокс? — бормочу я в замешательстве. Я сглатываю, замечаю свою руку на ее горле и сажусь, быстро отстраняясь от нее. Сон все еще длится, заставляя меня чувствовать себя чертовски злым.

Рокси сидит, кажется, не боясь, хотя я почти только что снова убил ее. Мое тело вздымается, грудь болит от сна. Она не может быть здесь, не сейчас, но, похоже, ей, как обычно, наплевать.

— Ты в порядке? Я услышала, как ты кричишь, и пришла проверить...

— Я в порядке, убирайся, — огрызаюсь я, сдерживая ярость внутри себя, которая хочет вырваться и наказать Рокси, хотя она ни в чем не виновата.

Она хмурится.

— Гарретт, ты...

— Убирайся. Убирайся, — рычу я.

Она замирает, наблюдая за мной.

— Это о том, почему ты ненавидишь женщин... женщину, которая сделала это с твоей грудью?

Настала моя очередь замереть.

— Как?

— Это нетрудно выяснить. Я не знаю, кто она была, и что произошло, но я предполагаю, что это была женщина, которая сделала это с тобой.

Рокси грустно улыбается.

— Мне жаль, Гарретт, неудивительно, что ты ненавидишь женщин.

— Ты ничего не знаешь, убирайся.

Я отворачиваюсь в стыде.

— Тогда поделись со мной, — умоляет она, тянется ко мне, но останавливается, не дотрагиваясь до меня. — Я пойму, я могу помочь. Что случилось? — умоляет она.

Я скрежещу зубами, и Рокси вздыхает, позволяя своей руке опуститься на кровать между нами.

— Я просто хочу помочь, Гарретт, клянусь, я не причиню тебе вреда. Я просто хочу... ну, тебя. Как бы я тебя ни заполучила, даже в качестве друга.

— Разве ты не видишь, что я уничтожен? — кричу я. Я знаю, что остальные слышали меня, но они не пытаются остановить меня или спасти ее. Глупцы. Рокси вздыхает, выглядя раздраженной.

— Где? Где ты испорчен? — огрызается она, явно устав от доброты. — Твоя грудь? Она сексуальная, забей на нее, у тебя несколько шрамов.

Она фыркает.

— Несколько? — рычу я и впиваюсь в лицо Рокси, указывая на расплавленную ткань по всему торсу. — Это гребаный ужасный беспорядок, на который мне даже смотреть тошно. Как ты могла ожидать, что я сочту это привлекательным?

— Не тебе говорить мне, кого я считаю привлекательным, — с рычанием возражает она, злясь на себя. — Я люблю твои шрамы так же, как люблю свои собственные. Они заставили меня почувствовать близость с тобой раньше, чем с кем-либо другим. Кто-то с такими шрамами знает, что такое боль, как и я. Так что да, они мне нравятся, да, я хочу тебя так чертовски сильно, что это глупо, так сильно, что я прикасаюсь к себе при мысли о тебе, даже когда ты злой и ненавидишь всех и вся. Ты не можешь говорить мне, чего я хочу, потому что ты чертовски боишься! — кричит она, а потом тяжело дышит, пока мы смотрим друг на друга.

— Конечно, я боюсь, я чертовски напуган, — кричу я, ударяя себя рукой в грудь. — Она разрушила меня, мое тело, мой разум, и, блядь, Рокс, как ты можешь хотеть этого? Как ты можешь хотеть, чтобы я прикасался к тебе, когда я такой мудака? Когда я могу убить тебя?

— Что такое маленькая опасность? — ухмыляется она. — Я была с Дизелем, чувак, ты не хуже его.

Я молчу, не зная, что сказать.

— Они не сказали тебе, что случилось? — спрашиваю я негромко.

— Нет, это твоя история, — тихо отвечает Рокси, уже не злясь.

Черт, мы испортили это перемирие.

— Ты в порядке?

Вытирая лицо, я сажусь, прижимаясь спиной к стене, и она рядом со мной.

— Да, нет, — бормочу я, не в силах смотреть на нее. — С тех пор мне снятся кошмары, но в последнее время они стали только хуже.

— Мне жаль, — пробормотала Рокси, и я кивнул. Мы сидим в тишине, и она вздыхает. — Я уйду, я не хотела...

— Не уходи, — резко бросаю я и чувствую, как она оборачивается и смотрит на меня.

Но я не знаю, что сказать или сделать. Я так чертовски по уши застрял в этом дерьме, и не знаю, что меня вернет к жизни. Как я могу тянуться к Рокси, когда знаю, что могу причинить ей боль? Разве я не хочу ее так эгоистично? Но я хочу. Я хочу ее.

Я хочу целовать ее до усрачки каждый раз, когда мы ссоримся, хочу бросить ее на кровать и трахнуть. Но я не могу.

Рокси придвигается ближе, но мне все равно невыносимо смотреть на нее. Она тихо смеется, и в следующий момент она перекидывает ногу через мои колени и оказывается передо мной, нависая над моими бедрами.

— Так нормально? — спрашивает она.

Все, что я могу сделать, это беззвучно кивнуть, и Рокси улыбается мне.

— Гарретт, ты раньше всех заметил, что я вздрагиваю, когда кто-то двигается слишком быстро. Ты ведь знаешь, почему? Готова поспорить, что ты сам догадался или они тебе рассказали.

— Твой отец.

Я киваю, жалея, что не убил этого ублюдка, когда у меня был шанс.

— Мой отец.

Она кивает и горько улыбается.

— В первый раз у меня был секс после... — она сглатывает. — Это было тяжело, это был мой первый раз, это должно было быть потрясающе, но мы были пьяны, и все, что я видела каждый раз, когда он брал меня, было лицо моего отца. Все быстро закончилось, я заплакала и пошла домой. Стало лучше, я научилась блокировать это. Я научилась справляться со своими реакциями. На это ушло много лет, черт, я и сейчас вздрагиваю. Мне до сих пор снятся кошмары, это не проходит просто так — травма остается с тобой каждый божий день твоей жизни. Но у нас есть выбор — позволить ей управлять нами или уничтожить нас. Я решила ни то, ни другое, потому что тогда он победит. Это звучит глупо и самонадеянно, как будто я просто решила в один прекрасный день, но я решила. Я устала бояться, поэтому даже сейчас, когда это дерьмо пугает меня, когда у меня возникают воспоминания, кошмары или я неправильно реагирую... я выбираю, как с этим справиться. Я. Никто другой, потому что они не могут понять, что я чувствую в данный момент. Никто другой не может. Исцеление дается нелегко, дорогой. В некоторых отношениях это хуже, чем само... насилие, и у вас будут неудачи и разочарования, но попытаться стоит. Иначе ты все еще будешь в плену этих воспоминаний, все еще будешь бороться за выживание...

— Я устал от борьбы, — признаюсь я, и она усмехается.

— Я тоже. Так что, если я делаю что-то не так, если я провоцирую тебя или что-то еще, говори. Дай мне знать. Дай нам знать, чем мы можем помочь, потому что они хотят этого. Твои братья, они тянутся к тебе, пытаются понять, как они могут защитить тебя. Помочь тебе. Как и я. Ты должен решить, можешь ли ты позволить нам сделать это.

— Я должен сделать это один, — бормочу я.

— Я знаю, но мы здесь, — шепчет она, — и иногда этого достаточно, а может, я просто полусонная и в бреду.

Я хихикаю, а она ухмыляется.

— Хочешь посмотреть фильм или что-нибудь еще?

— Нет, блядь, не хочу, — огрызаюсь я, и ее лицо опускается. Когда Рокси собирается отодвинуться, я протягиваю руку, медленнее, чем обычно, чтобы она успела заметить, запутываю пальцы в ее волосах и притягиваю Рокси к себе. Она задыхается, когда я прижимаюсь губами к ее губам. Сначала я замираю, не привыкший к контакту, но когда она начинает двигаться мне навстречу со стоном, я не могу удержаться, но хриплю и целую ее.

Рокси хнычет мне в рот, когда я просовываю свой язык меж ее губами и переплетаю его с ее языком. Поцелуй отчаянный и грубый, наполненный такой сильной потребностью, что я не могу не представить ее губы вокруг моего члена. Но тут она опускается на мои колени, очевидно, устав держать себя в руках, и я замираю.

Интересно, чувствует ли Рокси страх на моих губах, страх, что все это исчезнет, превратится в очередной сон, и я вернусь к тому, чтобы хотеть ее издалека. Жажда ее с опустошением, проносящимся в моей голове.

Давление Рокси на меня, надо мной.

Черт.

Я даже не помню, как пошевелился, но когда я моргнул, она была прижата ко мне на кровати, а я рычал на нее. В ужасе от самого себя, я отшатываюсь.

— Черт, прости, черт.

Я не могу смотреть на Рокси, но ее рука легко ложится мне на плечо, не боясь даже

после того, как я снова попытался причинить ей боль.

— Все в порядке, это из-за поцелуев или из-за того, что я оказалась на тебе?

— Черт, Рокс, почему это имеет значение? — огрызаюсь я, вытирая лицо. — Ты была на мне, — грустно шепчу я. — Она... она была сверху, когда делала это.

Я жестом показываю на свою грудь.

Я был привязан, не мог двигаться или сбежать.

— И я была на тебе... — вздыхает она. — Черт, мне жаль, Гарретт.

— Да, мне тоже, я в жопе, — рычу я.

Рокси замолкает, и я поворачиваюсь к ней, внезапно разозлившись на себя — на свое прошлое, на женщин, на свою собственную гребаную потребность, которую я не могу, черт возьми, удовлетворить.

— Мне чертовски надоело это дерьмо, быть чертовски твердым и не иметь возможности прикоснуться к тебе. Я хочу трахнуть тебя так сильно, что мне больно. Я просыпаюсь, кончая на свой собственный чертов живот, представляя, как ты подо мной, как я вхожу в тебя. Те крики, которыми ты одариваешь других, звучат у меня в ушах, — качаю головой, ударяя кулаком в грудь. — Я хочу тебя так чертовски сильно. Как ты можешь сидеть здесь так спокойно?

Я почти кричу.

Грудь вздымается, я смотрю на Рокси, когда она садится и скрещивает ноги, ее глаза устремлены вдаль.

— В твоих мечтах я под тобой? — спрашивает она.

— Какое, блядь, это имеет значение? — рычу я, моя рука обхватывает ее горло и сжимается, когда я придвигаю Рокси ближе, но она не сопротивляется.

— Просто думаю. Если ты действительно хочешь этого, как и я, почему бы нам не попробовать меня под тобой? Черт, ты можешь даже привязать меня!

При этих словах она пожимает плечами.

Я бунтую, а Рокси улыбается.

— Детка, мне нравится быть связанной, не напрягайся. Если ты свяжешь мне руки, я не смогу дотянуться до тебя, не смогу прикоснуться к тебе, и ты сможешь чувствовать, что все контролируешь. Как если бы ты связал мне руки, когда трахал мой рот.

Я рычу на это заявление, а ее зрачки темнеют, глаза перемещаются к моему члену с желанием.

— Только на этот раз ты трахнешь меня по-настоящему, как мы оба хотим.

— Рокси... — начинаю я, а она ухмыляется.

— Держу пари, у Дизеля есть цепи, — она играет бровями. — Что думаешь, большой парень, хочешь попробовать?

Мой взгляд пробегает по ее телу.

— Я попробую все, если смогу трахнуть тебя.

Она смеется.

— Вот это решимость.

Рокси собирается встать, но я удерживаю ее на месте, медленно наклоняюсь и целую, чтобы доказать ей и себе, что я могу. Рокси стонет мне в рот, когда я сжимаю ее горло, прежде чем отпустить. Она встает, хихикая, и я шлепаю ее по заднице, заставляя смеяться сильнее, когда Рокс выскальзывается из комнаты. Через две минуты я слышу вскрик, а затем смех Дизеля.

Вскинув бровь, я смотрю, как она возвращается в мою комнату и закрывает дверь, с цепями в руках и раскрасневшимся лицом.

— Думала попробовать напугать его во сне, как он меня, но ничего не вышло.

Я смеюсь.

— Что он сделал?

— Шлепнул меня своим членом.

Я таращусь, а потом раздражаюсь смехом. Она усмехается, но кладет руку на бедро.

— Серьезно, Гарретт, чья первая мысль — ударить незваного гостя своим членом?

Она вскидывает руки вверх.

— Он, вероятно, знал, что это ты, кроме того, это наверняка остановило бы меня, если бы я пытался убить или ограбить его.

Я ухмыляюсь.

— Мужчины.

Рокси качает головой и подходит ближе, прежде чем нерешительно остановиться.

— Тебе нужно, чтобы я приковала себя к кровати, или я могу достать Дизеля, чтобы тебе не пришлось. — Рокси смотрит вниз на цепи. Я тоже смотрю, ожидая, что они приведут меня в чувство, но этого не происходит.

— Нет, думаю, я в порядке, она... она использовала ржавую цепь снаружи, это было...

— Фактически связан.

Рокси кивает, понимая. Она протягивает руку, опускает их в мою ладонь и ждет. Я тоже жду, но когда ничего не происходит, шурю, глядя на нее.

— На кровать, лицом вверх, сейчас же, — рычу я, желание овладевает мной. Если это сработает...

Черт. Я наконец-то смогу получить ее.

Увидеть, как Рокси кричит подо мной, пока я трахаю ее маленькую тугую киску.

Ее глаза вспыхивают, словно она знает мои мысли. Отступив назад, Рокси сбрасывает крошечные шорты и топ, в которых спала, оставаясь голой, и все, что я могу сделать, это смотреть. Она потрясающая, вся нежная кремовая кожа покрыта шрамами и татуировками, полные бедра, полные груди и змея, поблескивающая в ее пупке.

Я почти кончаю сразу же.

— В постель. Сейчас же, — приказываю я, заставляя ее ухмыляться.

Рокси подходит ближе и забирается на кровать, покачивая попкой, пока она взбирается к изголовью, заставляя меня застонать и протянуть руку, чтобы провести по персиковой половинке. Вот уже который день ощущаю себя любителем задниц.

Она снова виляет задницей, и я слегка провожу цепью по ней, заставляя Рокс вздохнуть и дернуться. Она кувыркается вперед и переворачивается, ее волосы разметались по моей подушке, а глаза пылают вожделением. Она раздвигает бедра, чтобы показать мне свою розовую, блестящую киску, поднимает руки над головой и сжимает их вместе. Ее груди покачиваются от этого движения, притягивая мой взгляд. Подползая ближе, я целую каждую из них, тянусь к ее рукам, фиксируя их цепями у изголовья, а затем засасываю один из ее сосков в рот.

Она громко стонет, выгибаясь от моих прикосновений, когда я освобождаю его и делаю то же самое с другим, а затем откидываюсь назад и смотрю на розовые пики. Ее грудь быстро поднимается и опускается, лицо покраснелось, румянец расплзается по шее к груди, а я просто сижу и смотрю на нее. Я не могу вспомнить, чтобы когда-либо видел что-

то столь же прекрасное раньше.

Мои руки в шрамах и крови, ее плоть слишком совершенна, чтобы прикасаться к ней, но я сделаю это. Я испачкаю Рокси ими, теми самыми руками, которыми убиваю людей, потому что не могу этого не сделать.

Взявшись за ноги Рокси, я раздвигаю их, чтобы посмотреть на ее киску, запомнить ее. Мои губы покалывает от желания попробовать ее на вкус, узнать, такая ли киска Рокси сладкая, как выглядит, в отличие от ее обычного отношения.

— Ты забыл, как это делается? Член в дырочку, — дразнит она, заставляя меня рычать и зарываться руками еще глубже.

— Следи за своим ртом.

— Или что? Будешь трахать его снова?

Рокси ухмыляется, соблазнительно приподнимая бедра.

— Надеюсь, это обещание? — хрипло шепчет она.

Сучка.

Я хочу действовать медленно, не торопиться, наслаждаться ею, но она нужна мне слишком сильно. С того момента, как я встретил Рокси и она дала мне по яйцам, я хотел ее. Мой собственный маленький боец.

— Райдер прав, ты — гребаное сучье отродье, — рычу я, нависая над ней, упираясь руками по обе стороны ее головы. — Неистовое, грязное маленькое отродье.

— Тебе это нравится, — ухмыляется она. — Как и ему. Он заставлял меня кричать, даже когда называл меня так, — дразнит Рокси.

Схватив ее за горло, я шурю. Рокси не сопротивляется, просто ухмыляется мне, ее ноги обвиваются вокруг моей талии, чтобы попытаться притянуть меня ближе.

— Ты моя.

— Одержимый, — пробормотала она. — Засунь свой член туда, где твой рот... а еще лучше... засунь свои губы туда же.

— Такая охуенно жаждущая, — бормочу я, снова сжимая горло Рокси, заставляя ее стонать.

— Хватит болтать, трахни меня уже, Вайпер, — рычит она, дергаясь в цепях, чтобы попытаться сократить расстояние между нами.

Сев на пятки, я сбрасываю боксеры, в которых спал, и ее глаза пробегают по моему покрытому шрамами и татуировками телу. Рокси жалобно стонет, наклоняя бедра. Она хочет меня. Со шрамами и всем остальным.

Это разрушает последние колебания. Рокси не такая уж хорошая актриса, у нее нет времени на чушь и ложь. Она хочет меня.

Раздвигая бедра Рокси, я тяну ее задницу вниз, вытягивая ее руки над собой, пока она давит ногами на мои разрушенные грудные мышцы, колени Рокси сгибаются. Я злобно хватаю ее за бедра одной рукой, а другой обхватываю член.

— Сильно и быстро, детка, ты будешь кричать мое имя.

— Хочешь поспорить? — смеется она.

Сузив глаза, я направляю свой член к ее входу. У меня большой, возможно, больше, чем у остальных, поэтому, несмотря на то, что Рокси вся мокрая, я вхожу медленно, не желая причинить ей боль. Я проскальзываю на дюйм, затем отступаю и вхожу еще немного, но Рокс надоедает ждать, и она с решительной ухмылкой насаживается на мой член.

Она шумно вскрикивает, а я издаю стон, закрыв глаза.

Черт, черт, черт.

Рокси слишком хороша, слишком тугая, слишком мокрая. Я не продержусь, прошло слишком много времени. Даже сейчас мой позвоночник почти прогибается от ощущений. Когда ее крики стихают до хныканья, я открываю глаза и вдавливаю руку в матрас, медленно выходя из нее, а затем снова вонзаясь.

Рокси задыхается и прижимается, чтобы принять больше меня, и мы быстро находим ритм. Сначала он медленный, но потом становится быстрым и жестким. Мы оба не в состоянии контролировать себя, пока я просто не врезаюсь в нее, растягивая киску вокруг моего члена. Рокси бьется в цепях, дергая за них так сильно, что скрипит изголовье кровати.

— Гарретт, боже, еще, — требует она, ее ноги раздвигаются шире, углубляя мой угол.

Стиснув зубы, я трахаю Рокс сильнее, теряя контроль. Это искушение судьбы, я могу сорваться и убить ее, я могу причинить Рокси боль, но нас обоих это не волнует. Мы слишком потеряны в потребности, проникающей в нас. Я не смог бы остановиться, даже если бы попытался, я слишком далеко зашел.

Потерялся в ней.

Рокс выкрикивает мое имя, когда я наклоняюсь и кусаю ее сосок, прежде чем пососать его; ее грудь выгибается под моими губами, прежде чем я выпрямляюсь и с рычанием переворачиваю ее. Руки Рокс скручиваются в цепях, несомненно, болезненно, когда я поднимаю ее задницу в воздух и врезаюсь в ее киску, хватая за бедра, чтобы потянуть Рокси назад.

Она стонет, толкается назад, чтобы встретиться мои толчки снова и снова, ее киска пульсирует вокруг меня. Рокси близка, чувствую это, но и я тоже. Я хочу, чтобы это продолжалось, чтобы она была на мне всю ночь, но я не могу бороться с этим. Мои яйца подтягиваются, живот сжимается. Протянув руку между нами, я поглаживаю ее клитор.

— Сейчас, — рычу я.

Рокси хнычет, качает головой, когда я снова и снова вхожу в нее, а затем с ревом кончаю, мои бедра замирают, спина прогибается от напряжения. Рокси громко кричит, сотрясаясь подо мной, сжимаясь вокруг моего члена, и только затягивает мое собственное освобождение, пока, кажется, это продолжается вечно.

В конце концов, она останавливается, и я падаю вперед, наполовину на нее, наполовину на кровать. Боже мой.

— Первый раунд, — бормочу я, заставляя Рокси рассмеяться, прежде чем она практически хнычет.

— Это был первый? Блядь.

— Только для того, чтобы снять напряжение, — бормочу я, прежде чем поцеловать плечо Рокс и скатиться с нее. Она переворачивается на спину, и мы лежим, сплетенные вместе, заново учась дышать.

Когда мое дыхание выровнялось, я посмотрел на нее с огромной улыбкой. Я сделал это, я позволил Рокси прикоснуться ко мне.

— Спасибо, детка, — пробормотал я.

Сглотнув, она поворачивается ко мне и ухмыляется.

— Ты можешь компенсировать мне это оргазмом, пожалуйста?

Смеясь, я перекатываюсь на Рокси, и она хихикает, а затем, когда я целую ее, стонет.

РОКСИ

— Дизель, какого хрена, чувак? — услышала я бормотание Гарретта.

— Ну, кто-то не давал нам спать всю ночь, и я решил, что если приду и потрахаюсь, то смогу уснуть, — бормочет Дизель. Застонав, я еще глубже зарываюсь головой в подушку.

Подождите-ка, Дизель?

Мои глаза распахиваются, и я переворачиваюсь на спину, чтобы увидеть его, ухмыляющегося мне в лицо, Гарретт все еще на другой стороне.

— Знаешь, у тебя проблема с тем, что ты наблюдаешь, как я сплю. Это жутко, чувак.

Его ухмылка становится шире.

— Это не все, что я делаю, пока ты спишь.

Я моргаю.

— Еще слишком рано для твоих безумств, — ворчу я, потягиваясь, а потом морщусь, когда мое тело протестует. Мои бедра болят, как и моя киска, обе хорошо и по-настоящему использованы. У Гарретта не совсем маленький член, и весь секс, которым я занималась, принес свои плоды.

— Дизель, моя киска болит, — жалуюсь я, и они с Гарреттом смеются.

— Хорошо.

— Засранцы, вы оба, — огрызаюсь я. — Вас даже не волнует, что вы и ваши большие члены причинили боль моей маленькой вагине.

— Не-а, разве ты не хотела этого каждый раз и не умоляла об этом?

Дизель ухмыляется.

Я щурюсь.

— Ты мне больше не нравишься.

— А раньше я тебе нравился?

Он оживляется.

— Сумасшедший ублюдок, — бормочу я. — Я собираюсь пойти и найти Кензо. Он будет заботиться и ухаживать за мной.

Они оба смеются.

— Очень в духе сопливого ублюдка.

Я собираюсь отодвинуться, но Гарретт обхватывает меня за талию, притягивает к себе и закрывает глаза. Дизель прижимается ближе ко мне сзади, его член упирается в мою голую

задницу.

— Даже не думай, блядь, об этом. Только приблизь ко мне свою маленькую змеюку, и я ее отрублю, — рычу я, снова закрывая глаза.

Дизель хихикает мне в ухо.

— Маленькая змея? Мне напомнить тебе, какая она большая?

Гарретт рычит:

— Заткнись и спи.

— Это он начал, — бормочу я и прижимаюсь ближе к Гарретту, отодвигаясь подальше от Дизеля, но через две секунды он снова прижимается к моей спине. И я словно гребаный сэндвич с мясом гадюки.

— Я вас всех ненавижу, — ворчу я, и Дизель кусает меня за плечо, заставляя вскрикнуть.

Каким-то образом мои «я вас ненавижу» стали означать что-то другое, но я слишком устала, чтобы думать об этом, поэтому я снова засыпаю, зажата между этими двумя Гадюками, а когда просыпаюсь, они все еще там.

— Разве у тебя нет работы? — спрашиваю я, снова потягиваясь.

Глаза Гарретта открываются, он наблюдает за мной, его взгляд теплеет, и я смотрю на него.

— Нет, плохая гадюка, — огрызаюсь я, шлепая его по носу.

Дизель смеется, а Гарретт фыркает и переворачивается на спину, потягиваясь.

— Не сегодня, сейчас очередь Кензо и Райдера, — отвечает Дизель и тянет меня назад, пока я не оказываюсь лежащей у него на груди, спиной к нему. Странно.

Дизель обнимает меня, как плюшевую игрушку, и я пытаюсь вывернуться, но останавливаюсь, когда он стонет. Грязный ублюдок.

— Так чем займемся сегодня? — спрашиваю я, надеясь, что это будет что-то веселое.

— Мы не можем уйти отсюда, они забрали большую часть охранников. Прости, Птичка. Но мы можем найти себе занятие, — предлагает Дизель, и я скатываюсь с него и с кровати, сажусь на колени и поднимаюсь на ноги.

— Нет, я иду в душ.

Я поворачиваюсь и смотрю на них.

— Тот, без члена, иди и приготовь мне еду и кофе.

Когда я поворачиваюсь и ухожу, я слышу смех Гарретта.

— Она была гораздо менее требовательной, когда ненавидела нас.

— Я все еще ненавижу вас, — говорю я, бросая ему через плечо. — Мне просто нравятся ваши члены!

После того, как я приняла душ и почувствовала себя более похожей на человека, все еще находясь под самоналоженным запретом на член, что сложнее, чем кажется, когда рядом два возбужденных, горячих, словно ад, парня, я нашла их на кухне. Они заняты готовкой, но Гарретт протягивает мне кружку и поворачивается назад, чтобы продолжить, но затем колеблется, прежде чем повернуться на пятках, перегнуться через стойку и крепко поцеловать меня.

Моя киска сжимается, когда он отстраняется, ухмыляясь про себя. Блядь, запрет? Может, мне стоит переосмыслить его. Гарретт подмигивает, как будто слышит мои мысли, и Дизель смеется.

— Вылечила его член, и теперь он трахает сэра Прекрасного Принца.

— Ты просто ревнуешь.

Гарретт фыркает, а Дизель щурится.

— Да ну? Ты называешь это поцелуем?

О, черт.

Я пытаюсь вырваться, но он перепрыгивает через кухонный островок и хватает меня, вжимает мое тело в себя, крепко целует, запустив руки в мои волосы. Все быстро заканчивается, и он помогает мне вернуться на землю, пока я задыхаюсь. К черту запрет на члены.

Они могут трахать меня прямо здесь и сейчас, если захотят.

Дизель смеется и уходит, засранец.

— Вот это поцелуй, — говорит он Гарретту.

— Ненавижу вас обоих, — бормочу я, потягивая кофе. — Гребаные Гадюки, больше похожие на гребаных детей.

Они оба смеются и не обращают на меня внимания. Наконец, еда готова, и мы садимся за островок, но я скучаю по тому, что мы едим все вместе. Меня передергивает, но я отгоняю эту мысль, зная, что они заняты. У них много дел, логично, что они не могут делать это каждый день.

Закончив есть, я усаживаюсь поудобнее.

— И что теперь?

— Я могу сделать тебе татуировку, — предлагает Гарретт, и я замираю.

— Правда? — ухмыляюсь я, оживляясь.

Он пожимает плечами.

— Если хочешь. Разве ты не говорила, что у тебя есть одна, которую нужно закончить?

Дизель ухмыляется.

— Да, блядь, давай сделаем это.

— Почему ты такой счастливый? — фыркнула я.

Он ухмыляется, пробегая глазами по моему телу.

— Я помню наш разговор, не так ли, Птичка?

Я хмурюсь на мгновение, прежде чем меня осеняет. Я плотаю, черт, я помню. Он узнал, что я намокаю, когда мне бьют татуировки, что мне нравится боль... может, это не очень хорошая идея.

— Какой разговор? — спрашивает Гарретт, сбитый с толку.

— Ни о чем!

Я проболталась, а Дизель рассмеялся.

— Сейчас узнаешь. Иди, собирай свое дерьмо, я тут все подготовлю, — говорит ему Дизель, прихлебывая кофе.

Они оба уходят и оставляют меня на кухне. Черт, я не продумала все до конца. Чертовски сексуальный парень по имени Гарретт делает мне татуировку, пока Дизель смотрит?

Этот запрет на член вылетает в окно, я чувствую это. Тупая вагина и ее одержимость членами.

~

Я ЛЕЖУ на одном из шезлонгов снаружи, который мы затащили в гостиную, в одних трусиках и топике. Моя нога обнажена, я лежу на боку, чтобы Гарретт мог посмотреть на имеющуюся там татуировку, пока я объясняю, чего я хочу.

— Я могу сделать свободной рукой, если ты мне доверяешь, — пробормотал он.

— Никаких членов, — огрызаюсь я, пока он дезинфицирует область. По крайней мере, я гладко выбрита, так что в этом нет необходимости.

Гарретт ухмыляется, но ничего не отвечает. Дизель стоит позади меня, его взгляд прикован к моей заднице. Грязный ублюдок. Он следит за тем, как я возбуждаюсь, чтобы потом настучать Гарретту.

— Как насчет змеи? — спрашивает он, и я замираю. Гарретт смотрит вверх. — Ты можешь отказаться, но я могу набить туда гадюку.

— Просто сделай это, — ухмыляется Дизель.

То, что он спрашивает, заставляет меня вздохнуть. Дизель прав, они могли бы просто сделать это. В конце концов, они все еще считают меня своей. Но мысль о том, что на мне будет гадюка, на самом деле привлекательна. Я представляю, как загорятся их глаза, когда они увидят ее, а реакция Райдера и Кензо... черт возьми, да. К тому же, это ничего не значит, верно? Это просто змея, ничего больше.

— Конечно, — я пожимаю плечами. — Я доверяю тебе.

И я говорю это серьезно, правда. Гарретт никогда не причинит мне вреда. Он зарабатывает на жизнь насилием, но здесь? В его доме? Он — мой защитник.

Я опускаю голову на руку, когда начинается жужжание иглы, и Гарретт подходит ближе, одна рука лежит на моем бедре, а другая прижимает иглу к коже. Он делает крошечную линию, затем останавливается и смотрит на меня, явно ожидая, что я задрожу.

— Детка, я вся покрыта татушками, — напоминаю я Гарретту, и он ухмыляется, снова приступая к работе.

Я наблюдаю за ним в течение первой части. Сосредоточенность на его лице и то, как он прикусывает губу, восхитительны. Он выглядит расслабленным, что, во-первых, удобно. Это то, что он делает, чтобы сбежать? Как в случае с могилой матери Кензо и пытками Дизеля? Может быть, в любом случае я рада помочь, и пока боль прошивает мои кости с жужжанием иглы, я стараюсь не шевелиться и не подавать вида, что она меня достала.

Потому что, черт возьми, это так. Когда Гарретт так близко к моей киске, когда его покрытая шрамами и татуировками костяшка касается моей кожи, когда он делает мне укол? Это чертовски сексуально. Эти же руки, способные приносить смерть и разрушение, создают прекрасные картины на моей коже, погружаясь в боль. Да, я мокрая.

Наверняка Дизель тоже знает, но Гарретт, кажется, не замечает, пока я неловко двигаюсь, пытаюсь ослабить давление на свою киску. Я закрываю глаза и представляю что угодно, но с каждым движением ткани и жужжанием иглы я осознаю, как близко он находится. Как близко его рука к моей киске. Какое удовольствие он может доставить, даже сейчас, когда мне больно. Я прикусываю губу, чтобы не вырвался вздох, сдерживая себя от наклона бедер, когда моя киска сжимается, а трусики становятся влажными от потребности.

— Все в порядке, Птичка? — спрашивает Дизель, и я слышу веселье и желание в его тоне.

Этот засранец, вероятно, получает от этого удовольствие. Стоп, конечно, он получает — это пытка для меня, ему бы это понравилось. Я удивлена, что он не поглаживает свой член, хотя Гарретт мог бы ударить его, если бы тот сделал это.

— Все хорошо, — отвечаю я, задыхаясь.

Жужжание прекращается, и Гарретт поднимает голову, хмуро глядя на меня.

— Ты уверена? — спрашивает он, очевидно, думая, что мне больно.

Да к черту меня.

— Да, Птичка, ты уверена? — смеется Дизель.

Гарретт выглядит озадаченным, и я вздыхаю.

— Чувак, я в порядке, Дизель просто дразнит меня, потому что мне нравится боль от татуировок.

Гарретт хмурится сильнее, наблюдая за мной, и тут его глаза расширяются, а рот открывается, заставляя меня ухмыляться.

— Готова поспорить, что ты не получишь этого в этой партии, не так ли? — поддразниваю я.

Гарретт правда краснеет, что заставляет меня смеяться сильнее.

— Я не трахаюсь в процессе, детка, — прохрипел он, переводя взгляд с моего лица на татуировку. — Теперь мне будет тяжело, пока я пытаюсь это сделать.

— Ну тогда мы оба с тобой боремся, — хихикаю я.

Он делает глубокий вдох, но потом снова издает стон.

— Черт, — слышу я бормотание Гарретта, а затем начинается жужжание. Я перестаю пытаться скрыть свою реакцию, потому что, честно говоря, наблюдать за его борьбой очень весело.

Когда Гарретт забивает особенно чувствительное место, стон рвется наружу, и он ругается, голова Гарретта взлетает вверх, и он смотрит на меня, пока Дизель смеется.

— Клянусь Богом, еще раз так сделаешь, и я забью на татуировку и просто трахну тебя вместо этого.

— Нет, сначала татуировка, здоровяк, — отвечаю я, пока Гарретт двигает мою ногу, чтобы получить другой угол обзора, и начинает снова, но время от времени его взгляд вперивается в меня, и когда он поворачивается, чтобы окунуть иглу в чернила, то смотрит на меня со знанием дела.

Дизель придвигается ближе, и его дыхание проносится над моим ухом, когда начинается жужжание. Я не смотрю на татуировку, желая, чтобы это было сюрпризом, когда все будет готово.

— Интересно, позволит ли он тебе кончить после, или ты кончишь к тому времени, когда он закончит, — шепчет громко Дизель, чтобы Гарретт мог слышать. — Думаю, он представляет себе все способы, которыми он может трахнуть тебя на этом стуле. Я знаю, что представляю, Птичка.

— Дизель, — огрызается Гарретт, а затем вздыхает, снова останавливаясь. — Ведите себя хорошо, вы оба.

Мы оба смеемся, и Дизель гладит меня по руке вверх и к груди, обхватывая мою грудь через расстегнутый топ. Я не потрудилась надеть лифчик, иногда татуировки просто должны быть на свободе. Но это значит, что Дизель хватает мою голую грудь, пощипывает сосок и заставляет меня снова стонать. Гарретт ругается. Облизывая мое ухо, Дизель хихикает, крутит языком и щелкает им, пока я не дергаюсь в кресле, а Гарретт не отстраняется.

— Черт, — рычит он. — Я занимаюсь этим всего два часа, и у меня впереди еще как минимум тридцать минут.

— Тридцать минут? — смеюсь я, пока Дизель щипает и крутит мои соски. — Да, я так долго не протяну.

Гарретт выглядит как страдалец, наблюдая, как Дизель трогает меня, его рука все еще лежит на моем бедре, пока он пытается успокоиться настолько, чтобы вернуться к

нанесению чернил.

— У меня есть идея, Птичка, — усмехается Дизель, а затем смотрит на Гарретта. — Я могу отвлечь ее. Птичка может посидеть на моем члене, пока ты заканчиваешь.

— Как это, блядь, поможет? Думаешь, я смогу работать, когда она стонет и кричит? — рычит он.

Дизель смеется.

— Не трахать, не двигаться, просто быть внутри нее, дразнить ее. Мучить ее.

Зрачки Гарретта при этих словах темнеют.

— А когда ты закончишь, я заставлю ее кричать для тебя.

Трахни меня. Буквально.

Лучше бы кто-нибудь трахнул меня прямо сейчас.

Мои глаза чуть не закатились обратно в голову от этой мысли, когда я выгнула свою грудь навстречу его руке, так сильно желая этого.

— Можешь трахнуть мой рот, — предлагаю я Гарретту, и он срывается.

Он срывает перчатки и убегает. Через две минуты он возвращается и смотрит на нас.

— Это будут самые длинные полчаса в моей жизни, — бормочет он. — Ладно, пока я мою руки, делай это.

Я втягиваю воздух, мое тело дрожит от этой мысли. Дизель хочет попытать меня, засунув свой член в меня, пока Гарретт наносит татуировки на мою плоть. Это будет чистый гребаный ад, и я не могу дождаться. Пока Гарретт топает прочь, Дизель своим ножом разрезает мои трусики, а затем опускается на стул позади меня. Мне приходится податься вперед, так что я чуть не падаю. Он поднимает мою ногу и закидывает ее на свою; член Дизеля упирается в мою мокрую киску.

— Черт, Птичка, ты вся мокрая, — бормочет он, обхватывая меня, окуная палец в мою влагу и размазывая его по моему клитору, потирая его. Когда я стону, извиваясь в его руках, он вводит свой член в мою саднящую киску, заставляя меня вскрикнуть. Дизель замирает и целует мое плечо, пока я успокаиваюсь. Его рука обхватывает меня, удерживая в неподвижном состоянии, пока он остается там, погруженный до самого основания, почти падая со стула.

— Готово, — зовет он.

О, черт.

Гарретт возвращается, и когда он видит меня, его кулаки сжимаются, а темный взгляд сосредотачивается на том месте, где Дизель зарылся глубоко в мою киску по самые яйца. Он втягивает воздух, его глаза закрываются на мгновение, прежде чем он натягивает перчатки и садится, подкатываясь на стуле ближе.

— Хорошо, — бормочет он и хватается за ногу, перетягивая ее на свои колени. — Ну вот, так лучше... по крайней мере, я больше не могу видеть твою киску, — ворчит Гарретт, заставляя Дизеля смеяться, а меня стонать, когда он покачивает меня на своем члене.

Когда мы успокаиваемся, Гарретт начинает наносить татуировку, и я стараюсь оставаться неподвижной и тихой, чтобы дать ему сосредоточиться, но Дизель время от времени смещается, легкое движение, которое тянется по моим внутренним нервам, смешиваясь с болью, и я хнычу.

— Хорошенькая Птичка, — бормочет Дизель мне на ухо. — Ты должен почувствовать, какая она мокрая, — говорит он Гарретту.

Я щурюсь и тянусь назад, чтобы дать ему пощечину, но Дизель хватается за мою руку и

тащит ее вверх по моему телу, чтобы погладить мою собственную грудь.

— Она чертовски мокрая, и каждый раз, когда ты нажимаешь на особенно болезненный участок — о да, вот так — она сжимает мой член.

Гарретт ворчит, его рука сжимает мою ногу, прежде чем он делает глубокий вдох.

— Заткнись, блядь, или я нарисую член.

Дизель смеется, я тоже.

— Не думаю, что он его нарисует, Птичка. Ему пришлось бы смотреть на это, когда он трахал тебя.

Я пытаюсь сдерживать хихиканье, а потом стон, когда он вдавливается глубже. Гарретт проводит по больному месту, потом еще раз, и я понимаю, что он делает это нарочно, засранец. Я смотрю на него сверху вниз, и его глаза на мгновение поднимаются, а губы кривятся в ухмылке.

— Чертов дрончер, — шиплю я.

— Не волнуйся, Ди, я почти закончил, потом я трахну ее в рот, чтобы она больше не могла нас оскорблять, — комментирует Гарретт, снова опуская голову.

— Не, она так делает, когда возбуждается, — хихикает Дизель.

— Правда? — пробормотал Гарретт. — Это правда, детка? Потому что ты часто меня оскорбляешь.

— Отъебитесь, оба-а-а.

Дизель прикусывает мое плечо, заставляя меня сжаться на его члене. Я стараюсь не двигаться и закрываю глаза, чтобы не выгибаться, нуждаюсь в большем трении, нуждаюсь в том, чтобы кончить. Он прав — это пытка.

Желание мутит мой мозг, все тело пылает от него, и если Гарретт не кончит в ближайшее время, я скажу, что к черту татуировку, и потащу его по своему телу. Я остаюсь неподвижной еще пятнадцать минут — самые долгие пятнадцать минут в моей жизни. Затем поцелуй впечатывается в мое бедро, дальше вниз.

— Все готово, детка.

Я чувствую, как Гарретт убирает иглу, когда открываю глаза, и собираюсь поднять голову, чтобы посмотреть, но он срывает перчатки и отбрасывает иглу, а его темный взгляд задерживается на моем рте.

— Посмотришь потом. Можешь поблагодарить меня сейчас. Рот открыть, ты, гребаная дразнилка.

— Я хочу посмотреть... — начинаю я, но тут он уже рядом. Гарретт быстро расстегивает джинсы и вытаскивает свой большой член. Он твердый и сочится на кончике, и он прижимает его к моему рту, касаясь им моих губ.

— А я хочу, чтобы ты заткнулась и сосала мой член, чтобы Ди наконец-то смог тебя трахнуть. Я провел два часа, уткнувшись башкой аккурат в твою мокрую киску, глядя на твою ебаную мокрую пизду и представляя свой член там. Потом еще тридцать минут я видел, как член Ди действительно входит в тебя, а ты стонешь надо мной. Так что. Открой рот. Открывай. Сейчас же, — рычит Гарретт, его пальцы запутываются в моих волосах и грубо дергают мою голову вперед.

Сузив глаза, я делаю то, что мне говорят. Он запихивает свой член мне в рот, почти заставляя меня задохнуться. Гарретт хватается за подбородок и заставляет сомкнуть губы вокруг него, в то время как Дизель обхватывает мое бедро и начинает двигаться медленными, размеренными толчками, которые заставляют меня потянуться и сжать бедро

Гарретта. Он стонет, и я поднимаю глаза вверх, чтобы встретиться с его темными, полными желанием глазами, пока я сосу его.

Издаю стоны вокруг члена Гарретта, я впиваюсь ногтями в его бедро, а он не выходит из себя. Возможно, потому что меня сдерживает Дизель, который лижет и кусает мою шею, его рука тянется вниз по моему животу, чтобы пощелкать и подергать пирсинг на моем клиторе. Боль от этого и от моей татуировки на бедре проходит через меня, встречаясь с огнем удовольствия внизу живота.

Это происходило в течение последних нескольких часов, и теперь я в диком восторге от этого, просто клубок желаний. Мне нужно больше, нужно все. Мне нужно удовольствие, которое они могут мне дать. Держа глаза открытыми и прикованными к нему, хотя они хотят закрыться, я всасываю его глубже. Я чувствую, как слюна стекает по моему подбородку, но мне все равно. Я прижимаюсь задом к Дизелю, стону вокруг члена Гарретта, когда он входит и выходит из меня.

Гарретт стонет, его голова откидывается назад, когда он начинает входить в мой рот быстрыми, жесткими толчками в погоне за оргазмом. Засасывая его, я двигаю головой, все быстрее и быстрее, в такт толчкам Дизеля, мы все заперты в этой петле удовольствия. Дизель стонет мне в ухо грязные слова, подстегивая меня, его пальцы дразнят и щелкают мой клитор, пока я не вскрикиваю вокруг члена Гарретта, мой оргазм проносится через меня. Я пытаюсь отстраниться, но его рука в моих волосах удерживает меня, и он берет верх.

Используя мой рот, злоупотребляя его жесткими толчками, от которых он проникает в мое горло, Гарретт кричит, когда его бедра замирают, прежде чем его семя заполняет мой рот. У меня нет выбора, кроме как проглотить его, и только тогда его пальцы распутывают мои волосы.

Задыхаясь от боли в губах и щеках, я открываю глаза и вижу, что он ухмыляется, глядя на меня, прежде чем опуститься на стул.

— Моя очередь, — прошептал Дизель мне на ухо.

Я вскрикиваю, когда меня переворачивают, пока я не оказываюсь у него на коленях. Дизель лежит на спине подо мной, моя задница обращена к его лицу, он поднимает и опускает меня на свой член. Я отчаянно тянусь и хватаюсь за обе стороны кресла, крутя бедрами, и то же самое удовольствие нарастает снова.

Гарретт смотрит на меня, смотрит, как я трахаю и скачу на его брате. Схватившись за сосок, я кручу и щипаю его, подпрыгивая на члене Дизеля, его толчки злые и жесткие, неумолимые.

— Блядь, — стонет он. — Птичка, я так близко, заставь себя кончить, сейчас же, — требует он.

Хныча, я тянусь вниз и поглаживаю свой сверхчувствительный клитор, когда он всаживает так сильно, что я почти падаю вперед, но это делает свое дело. Он проносится сквозь меня, вытягиваясь из каждого нерва, пока я не перестану думать или дышать. Наслаждение накатывает на меня снова и снова, пока я сжимаю его член.

Ди громко стонет и замирает, удерживая меня на своем члене, когда кончает. Я дрожу и трясусь, не в силах сдержаться, моя киска все еще пульсирует, мой живот сжимается, а сердце колотится в грудной клетке. Святой ад.

Наконец Дизель отпускает мои бедра и снимает меня со своего члена, а затем снова притягивает меня к своей груди. Я лежу там, тяжело дыша, и смотрю на Гарретта, чтобы увидеть, как он наблюдает за мной мягкими темными глазами. Он кивает, а затем на

мгновение исчезает. Гарретт возвращается с бутылкой воды, которую я с благодарностью пью, пока он мягко и без слов приводит меня в порядок, а затем протягивает мне большое зеркало.

— Посмотри, детка.

Я поднимаю тяжелую голову, пока он держит зеркало, и наклоняюсь, чтобы увидеть татуировку. Когда я это делаю, я задыхаюсь. Она чертовски красива, немного болит и кровоточит, но совершенно потрясающая. Она нежная, в отличие от их толстых, тяжелых татуировок. Розы спускаются по моему бедру с острыми шипами, капают мандалы и бусины, а вокруг стебля розы извивается крошечная гадюка, ее глаза выглядывают из листьев. Она потрясающая и такая реалистичная, ее тени создают впечатление, что она живая.

— Мне нравится, — шепчу я и встречаюсь с ним взглядом. — Ты такой талантливый. Спасибо, Гарретт.

Он пожимает плечами и вытирает ее для меня, прежде чем наклониться и поцеловать мои губы.

— Не за что, детка, — тихо прошептал он и попытался отстраниться, но я схватила его за затылок и не отпускала, показывая своим поцелуем, как много это значит. Когда я отстраняюсь, он ухмыляется.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы стать татуировщиком? — спрашиваю я с любопытством.

— Нет, мой отец им был, хотя до того, как его убила одна из семей, которые управляли этим городом до нас. Наверное, мне просто нравится, что это напоминает мне о нем, драки всегда были моей стихией, — объясняет он, снова садясь.

— Тебе это нравится? — спрашиваю я, прижимаясь к груди Дизеля.

— Раньше нравилось, — вздыхает он. — Очень. А сейчас? Сейчас для меня это разрядка эмоций, и одно из единственных мест, где мне не нужно беспокоиться о сдерживании. Я могу просто причинять боль людям, и это нормально.

Дизель фыркнул.

— Раньше Гарретт был профессиональным боксером, и он тоже был чертовски хорош, у него было несколько титулов.

— Правда? — спрашиваю я, расширив глаза от удивления.

Гарретт кивает.

— Это всегда было слишком... ограничивающим для меня. Я предпочитаю бои без правил. Я люблю причинять боль людям, детка, всегда любил, всегда буду.

Я ухмыляюсь.

— И что? Ты думаешь, мне не нравится, когда я использую свою битку на людях? Или когда я пнула тебя по яйцам?

Он смеется, и Дизель тоже.

— Я никогда этого не переживу.

— Неа, извини, здоровяк.

Я вздыхаю и кладу голову на Дизеля.

— Они нашли того, кто вас предал?

— Пока нет, но мы найдем, Птичка, и когда найдем... — он застонал. — То, что я сделаю с ними, а потом с тобой...

Я дрожу от обещания в его тоне, и Ди смеется, шлепая меня по бедру.

— Так что ты хочешь делать теперь, Птичка?

Я обсуждаю свои варианты.

— Хочу увидеть, как ты работаешь, а не мучаешься. Я видела Кензо в его роли... но чем вы, ребята, занимаетесь каждый день?

Гарретт фыркает.

— Все меняется. Мы не часто бываем в залах заседаний, этим занимаются Кензо и Райдер. Мы управляем барами и казино, собираем информацию на улицах и у торговцев.

— Мы могли бы отвести ее в «Лаундж», — предлагает Дизель.

Гарретт поднимает бровь.

— Стрип-бар? Зачем?

Я оживилась.

— Потому что она хочет увидеть, как мы занимаемся бизнесом, а нам все равно нужно заглянуть туда, убедиться, что эта старая сучка Черри не проболталась.

Гарретт смотрит на меня, и я ухмыляюсь.

— Голые женщины в блестках? Я в деле.

Он удивленно моргает, заставляя меня рассмеяться.

— Детка, ты забываешь, что у меня бар, и, если мне не по вкусу салат, это не значит, что я не могу оценить эстетику.

— Салат, — прохрипел Дизель, и тут мы все разразились хохотом. Когда мы берем себя в руки, он снова дарит мне пощечину.

— Иди, одевайся. Надень что-нибудь, чтобы я мог видеть твою новую татушку, Птичка, и мы тебя отвезем.

~

ПОСЛЕ ШЛЮШНО-ДУШНОГО ДУША НЕ желая обнажать свою татуировку в душе выпрямляя волосы, я наношу макияж и надеваю украшение с гадюкой, а затем просматриваю свою новую одежду. Остановившись на черном комплекте, который купил мне Райдер, я влезая в него и туфли на каблуках, смотрю в зеркало, чтобы убедиться, что он открывает мою тату, что и происходит. Затем я замираю, глядя на себя.

Я не похожа на себя, но в то же время похожа. Эта версия Рокси лучше одета, окружена цветами, но меня шокирует улыбка на моем лице. Когда в последний раз я просто улыбалась? Я даже не могу вспомнить... Я счастлива здесь?

Что это значит?

Я не хочу уезжать, я знаю это, но я все еще... злюсь. Я хочу свободы, я хочу свою собственную жизнь и право выбора, но я все еще... чертовски счастлива. Из-за них. В этот момент открывается моя дверь, и входит Дизель. Он обхватывает меня сзади, его голова покоится на моем плече, его светлые волосы распущены, и эти детские голубые глаза светятся счастьем.

На нем кожаная куртка, узкие черные рваные джинсы и на нем нет рубашки. Его золотистая грудь блестит, новая татуировка гордо красуется, а его пресс на мгновение притягивает мой взгляд. Мы хорошо смотримся вместе, светлый и темная, золотистая кожа и золотистые волосы у него, бледная кожа и серебристые волосы у меня.

— Такая идеальная, Птичка, — пробормотал он, целуя мою шею, когда встретился с моими глазами в зеркале. — Ты идеальна. Всегда. Пойдем, хочешь посмотреть, чем занимаются Гадюки? Ты хочешь увидеть, кто мы такие, когда мы там, и мы хотим показать тебя. Чтобы они знали, что ты наша девочка.

— Девушка Вайперов? — ухмыляюсь я, и Ди ухмыляется, прижимаясь к моей коже.

— Навсегда, — пробормотал он.

— Ты готова? — орет Гарретт из коридора.

Дизель берет меня за руку и выводит из комнаты, а потом возвращается обратно, останавливает меня в коридоре и опускается на колени. Глядя на меня сверху, он берется за край моего платья и медленно тянет его вверх, обнажая мои бедра. Достав из кармана что-то черное, он оборачивает это вокруг моего бедра, не покрытого свежими чернилами, и вставляет в него мой клинок, который он мне подарил.

— Вот так.

Он целует мое бедро и одергивает мое платье, прежде чем снова взять меня за руку.

Мы встречаемся с Гарреттом в коридоре. Он занят своим телефоном, но я не могу удержаться от того, чтобы не задержать дыхание при виде его. Эти мужчины слишком опасно красивы. Волосы Гарретта зачесаны назад, и он хмурится, что только усиливает его привлекательность. Его мускулистая, высокая фигура обернута во все черное, татуировки бросаются в глаза, руки большие и в шрамах.

Когда Гарретт понимает, что я здесь, он кладет телефон в карман и начинает улыбаться, но потом его взгляд падает на платье, и вместо этого он стонет.

— Мне придется ударить некоторых людей.

— Разве это не здорово? — Дизель смеется, кружит меня по полу, пока я не утыкаюсь в грудь Гарретта, который ловит меня и прижимает к себе. Его большие руки переходят к моей заднице и притягивают меня ближе, пока он массирует мои булки, его голова наклоняется, чтобы прошептать мне в губы.

— Я убью любого, кто посмотрит на тебя косо. Будь рядом с нами, но не бойся, детка. Может, это и Логово Гадюк, но снаружи? Это чертово осиное гнездо.

Гарретт целует меня, прежде чем открыть дверь и выйти первым. Дизель берет меня за руку, но его вторая рука лежит на ноже у него на боку.

— Гарретт должен держать руки свободными, чтобы был доступ к оружию, — объясняет он, и я киваю.

Спустившись в гараж, мы берем одну из больших, но все еще спортивных «ауди». Гарретт не разрешает Дизелю вести машину, и когда я спрашиваю об этом, он качает головой.

— Поверь мне.

Дизель фыркает, но садится на заднее сиденье, а я забираюсь на пассажирское.

— Я бы не стал убивать нас, пока с нами Маленькая Птичка.

— Естественно, — ехидничает Гарретт, заводя машину и подъезжая к барьерам, которые начинают подниматься. — Пристегнись, детка.

Я делаю, что мне велят, и пока мы мчимся в город, я смотрю на здания и людей, мчащихся мимо. Мы в богатой части города с дизайнерскими штуками, бутиками, спортивными машинами повсюду, женщинами и мужчинами, которые никуда не спешат. Все здесь кричит о деньгах. Здесь я чувствую себя не так уютно, как на улице, поэтому, когда мы проезжаем в темную часть города, я расслабляюсь. Я знаю, как жить здесь, как выжить, но на сверкающих улицах, залитых кровью и деньгами? Не очень.

Мы не направляемся к моему бару, но мы на другой стороне, проносимся мимо всех крупных банков и набитых бабками заведений, что вполне логично. Мы останавливаемся прямо у входа, и Гарретт выходит первым, огибает машину, не давая мне выйти, пока он осматривается. Только когда его все устраивает, он открывает мне дверь. Дизель снова берет

меня за руку и ведет в клуб, а Гарретт идет позади нас, прикрывая нам спины.

Снаружи он выглядит так, как и полагается стриптиз-клубу — большая неоновая вывеска и затемненные окна. Мне это нравится. Дизель не платит и даже не смотрит на мужчину у двери, просто открывает ее и затаскивает меня внутрь.

Мгновенно наступает темнота, и на меня обрушивается чувственная музыка, а также запах сигар, выпивки и пота. Деревянный пол в коридоре ведет вниз к двум большим двойным дверям, которые мы открываем и проскальзываем в основную часть клуба.

Бар находится позади нас справа, а большую часть помещения занимает сцена. В воздухе парят платформы и клетки, а наверху находится VIP-зона. Вокруг каждой стены располагаются отгороженные занавесками кабинки, которые мне приходится прищуриваться, чтобы разглядеть. Все темное и угрюмое, с цветными огнями. Повсюду стоят шесты, а маленькие столики окружают сцены.

Это определенно похоже на дайвинг, поэтому я чувствую себя как дома. На стенах висят неоновые вывески — вишни, губы, называйте как хотите, у них это есть. Пол из липкого дерева, и мои каблукы цепляются за него, когда мы идем. Здесь многолюдно, даже в это время суток, вокруг сидят мужчины в костюмах и кожаных куртках, а также несколько женщин. Официантки, разносящие коктейли в облегающих нарядах, пробираются сквозь толпу с подносами, а за барной стойкой тоже две женщины. Сейчас на сцене выступает танцовщица в бикини с драгоценными камнями, она крутится вокруг шеста и извивается под музыку. Я наклоняю голову.

— Она хороша.

Я киваю, а Дизель ухмыляется.

— Ты странная, Птичка, мне это нравится, — пробормотал он, наклоняясь, чтобы я могла слышать его сквозь музыку.

— Эй, я занималась танцами на шесте, это делать крайне тяжело. Эти женщины — чертовы спортсменки, и пытаются вывести все это в статус шика? Нелегко, — усмехаюсь я.

В этот момент подходит женщина и нервно улыбается нам, ее взгляд перебегает с одного парня на другого.

— Черри в задней части заведения, милые, хотите, я ее позову? У нее встреча.

— Нет, все в порядке, мы можем подождать, — говорит ей Гарретт, а затем садится за столик у одной из стен, чтобы видеть всех. Его рука покоится на коленях, где лежит его пистолет, а глаза Гарретта остры, он сканирует все вокруг. Дизель, с другой стороны, хватается за стул и сажает меня к себе на колени, пока мы наблюдаем за женщиной на сцене.

— Хотите приватный танец, пока ждете? — спрашивает нервная официантка, явно зная, кто они такие.

— Нет, — рычит Гарретт.

— Извините, я привел свою девочку, — смеется Дизель.

Официантка убегает так быстро, как только может, а я замечаю, как остальные в баре нервно оглядываются на нас. Некоторые явно знают, кто мы, потому что они встают и уходят, а другие остаются. Они могут не знать, кто такие Дизель и Гарретт, но они чувствуют, кто они, даже если не знают их лично.

Убийцы.

Богатые.

Могущественные.

Настроение портится, когда мужчины выпрямляются и трезвеют.

Все взгляды устремлены на нас, даже если это быстрые взгляды, чтобы не попасться им на глаза. Напитки подносят мгновенно, нас проверяют каждую секунду и ждут с нетерпением. Именно такую реакцию вызывают у людей Гадюки — страх и благоговение. Как у королевских особ.

— Я отлучусь в дамскую комнату, — бормочу я Дизелю, вставая. Гарретт ловит мою руку и щурится, не говоря ни слова.

— Это прямо там, здоровяк, отсюда видно дверь. Я сейчас вернусь.

Наклоняюсь и целую его, и я вижу, что удивила Гарретта, когда он отпускает мою руку.

— Побыстрее, детка, или я приду за тобой, — рычит он, когда я отстраняюсь.

Я отмахиваюсь от Гарретта и прохожу сквозь толпу к туалету, чувствуя на себе все взгляды, всем им интересно, кто и что я для Гадюк. Я проскальзываю в туалет и делаю свои дела, прежде чем помыть руки.

Я открываю дверь, и музыка снова обрушивается на меня. Как раз, когда я возвращаюсь в главный клуб, мужчина преграждает мне путь. Он большой, вдвое выше меня, в плохо сидящем костюме и с фальшивыми часами на запястье. Он пытается выглядеть богаче, чем есть, в отличие от моих парней, которые даже не выставляют напоказ свое богатство.

Глаза парня остекленели, так что он под кайфом или пьян, а может, и то, и другое, когда он, спотыкаясь, подходит ко мне.

— Эй, дорогуша, вот пятьдесят за минет.

Он бросает мне деньги.

Фыркнув, я закатываю глаза, прежде чем оттолкнуться и врезаться каблуком в его промежность. Он с визгом падает на колени и хрипит.

— Какого хрена, сука? — кричит он, когда Гарретт подходит к нему сзади.

Отведя назад кулак, я бью его по лицу.

— Кто нашел, того и бабки, милый.

Я смеюсь, убирая баксы в карман и переступая через его лежащую, хнычущую фигуру.

— Тупая шлюха, — огрызается он; не только Гарретт слышит его, но и я тоже.

Никто не имеет права оскорблять меня. Крутанувшись, я выхватываю нож с бедра и откидываю его сальные волосы назад, приставив лезвие к его горлу.

— Еще раз оскорбишь меня, и это будет последнее, что ты сделаешь. Надеюсь, въехал, дерьмо с мозгами? — огрызаюсь я.

Он замирает, запах алкоголя окутывает меня, и я чувствую, как дрожит его тело.

— Когда я отпущу тебя, ты извинишься. Ты скажешь: «Прости меня, всемогущая Рокси, я огромный идиот с маленьким членом», а потом ты заплатишь за все наши напитки сегодня вечером, не так ли?

Он кивает, а я смеюсь, убирая свой клинок и отступая назад на случай, если этот мудака попытается что-то сделать. Он, спотыкаясь, встает на ноги и поворачивается, его лицо бледнеет, когда он смотрит на меня.

— Скажи это.

Я ухмыляюсь, постукивая лезвием по бедру.

— Прости, всемогущая Рокси, я огромный идиот с маленьким членом...

Он запинается, его взгляд вспыхивает в панике.

— Ты заплатишь за все наши напитки, — подсказываю я, и он быстро кивает.

— Все ваши напитки, извини, — повторяет он, и я с ухмылкой поворачиваюсь, чтобы увидеть ухмыляющегося Гарретта.

— Детка, где ты вообще держала этот клинок? — спрашивает он, его глаза темнеют от голода, когда Гарретт пробегает взглядом по моему телу и моему чрезвычайно облегающему платью. Схватив его руку, я провожу ею по бедру, пока он не нащупывает ножны. Гарретт стонет, его глаза на мгновение закрываются.

— Черт, Рокс.

Я отстраняюсь, хихикая.

— Не делай ему больно, я позаботилась об этом.

Держа его руку в своей, я тяну его обратно к столу, где Дизель наблюдает за мной с ухмылкой.

— Птичка, это было так сексуально, — пробормотал он, пробегая глазами по моему ношу. — Разрешаю использовать его на мне позже.

Смеясь, я опускаюсь к нему на колени, зная, что Гарретту нужно держать руки свободными. Мы наблюдаем за следующей девушкой, когда на наш столик опускается еще одна бутылка. Это шампанское. Я откупориваю пробку и делаю глоток, поднимая тост за парня, которому я угрожала за угловым столиком. Он кивает и испуганно смотрит в сторону.

В этот момент у нашего столика останавливается вышибала. Он смотрит на меня и фыркает.

— Иди за кулисы, девочка.

Он поворачивается к моим парням.

— Она готова увидеть вас, следуйте за мной.

Дизель прижимается ко мне. О, черт. Я прижимаюсь к нему сильнее, прежде чем он успевает убить этого идиота, но тут Гарретт в мгновение ока оказывается рядом. Он так быстр, что я даже не заметила, как он встал. Его кулаки быстро двигаются, и вот вышибала уже стоит на коленях, из его носа и губы течет кровь, оба разбиты, а Гарретт гневно стоит над ним.

— Что ты сказал о ней? — рычит Гарретт, его голос низкий и грохочущий.

Я вижу, как взгляд вышибалы расширяется, когда он понимает, что крупно облажался. Он пытается посмотреть на меня, но Гарретт встает на его пути, загораживая ему обзор.

— Не смотри на нее, никогда.

— Простите, сэр, я думал, что она танцовщица. Мне действительно чертовски жаль, — пытается оправдаться мужчина. Минуту назад он был большим, грузным ублюдком, которого даже я бы не решилась завалить. Теперь он похож на испуганного мальчишку, когда перед ним стоит Гарретт.

— Пожалуйста, пожалуйста, простите меня, — умоляет он.

— Ты оскорбил ее, — говорит Гарретт и снова бьет кулаком по лицу парня.

Я потягиваю шампанское, наблюдая за происходящим. Он вроде как заслужил это, к тому же Дизель все еще пытается подняться, и, если он присоединится, парень умрет, что было бы не очень хорошо.

Вышибала падает на живот и пытается отползти, но Гарретт уже там, прижимает ботинки к руке парня и топает вниз. Крик вышибалы раздается громко. Музыка обрывается, и весь клуб замирает. Гарретту все равно, они неприкосновенны.

— Ты оскорбил ее, — снова рычит Гарретт, топчя другую руку, а затем пиная его. — Встал.

Черт. Вышибала, спотыкаясь, поднимается на ноги, прижимая руки к груди, по его лицу текут слезы.

— Мне очень жаль, мне очень жаль, прошу вас, — умоляет он, из его носа капаят сопли.

Ладно, он повеселился. Я встаю и, схватив свой нож, на секунду прижимаю его к горлу Дизеля.

— Не двигайся, блядь, или, клянусь, я больше никогда не буду с тобой играть.

Он морщится, но кивает, забирая у меня шампанское, я убираю нож и поворачиваюсь к Гарретту как раз в тот момент, когда он снова заносит кулак. Я вижу, как ярость вибрирует в его теле. Он не остановится, как на ринге, но мы пришли сюда не просто так, не для того, чтобы избивать идиотов.

Я кладу руку ему на спину, и он затихает, поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня своими темными глазами.

— Оставь его, большой парень, — бормочу я.

В этот момент рядом с нами раздается женский голос.

— Что, блядь, здесь происходит?

Мы все поворачиваемся, чтобы посмотреть на ту, от кого он исходил. Это высокая женщина, более ста восьмидесяти сантиметров, с огромной грудью. Серьезно, какого хрена? Они огромные и выпирают из ее облегающего розового платья, которое обтягивает ее толстый живот и бедра. Волосы у нее рыжие и пышные, как в старших классах. Губы красные, глаза карие, а на лице толстый слой макияжа. Она щурится, но, кажется, колеблется, когда смотрит на обоих Вайперов, прежде чем встряхнуться.

У этой женщины большие яйца. Респектую. Она отбрасывает волосы на плечо.

— Милый, что ты делаешь с моими сотрудниками?

Гарретт выпрямляется и снова смотрит на парня.

— Убирайся, пока я не передумал.

Вышибала не колеблется, он быстро убегает, а Дизель встает на ноги. Они стоят по обе стороны от меня. Ее взгляд пробегает по ним в более чем клиническом смысле, что заставляет меня вздрогнуть, прежде чем он останавливается на мне. Она поджимает губы, как будто ей не нравится то, что она видит, и снова отбрасывает волосы.

— Рада вас видеть, пройдем в мой кабинет.

Ого, эта сука просто проигнорировала меня. Как, блядь, грубо.

Дизель наклоняется ближе.

— Хочешь, чтобы я ее убил? Или поддержать ее, а ты ее уложишь?

Смеясь, я отталкиваю его, но он обхватывает меня рукой и следует за ней, а Гарретт снова идет позади нас, всегда в режиме защиты. Женщина ведет нас по коридору рядом с баром и заходит в дверь в конце, которая открывается в кабинет. Она садится на стол, раздвинув бедра, чтобы мы все могли видеть ее платье.

Дизель ведет меня к дивану, стоящему у задней стены, и усаживает меня рядом с собой. Его рука играет с моими волосами, пока Гарретт закрывает дверь и встает напротив нее, скрестив руки. Смеясь и по-прежнему игнорируя меня, женщина подходит к нему, покачивая бедрами и попкой.

Она протягивает руку, чтобы коснуться его, и я вскакиваю, хватая ее прежде, чем она успевает спуститься по его груди. Сжав руку вокруг ее пальцев, я щурюсь, когда она задыхается от боли.

— Не прикасайся к нему, — предупреждаю я, зная, что он ненавидит это, и да, я немного ревную.

Я отталкиваю ее, и женщина нервно хихикает, садясь обратно на стол. Я тяну Гарретта к дивану и усаживаю его рядом с собой, пока я снова не оказываюсь между ними. Гарретт наклоняется и целует меня в щеку.

— Спасибо, детка, — тихо шепчет он.

— Итак, чем я обязана твоему визиту? Полагаю, раз Райдера здесь нет, значит, дело не в бизнесе? — спрашивает она с ухмылкой, ее ноги все еще раздвинуты. Она проводит рукой по бедру, пытаюсь привлечь их взгляды, но они даже не дергаются, что меня успокаивает.

— Да, — огрызается Гарретт, очевидно, уже устав от нее.

В этом есть смысл, поскольку она женщина, использующая свою сексуальность, и она почти коснулась его. Он, вероятно, ненавидит ее. Дизель слишком занят игрой с моими волосами, чтобы заметить это, но он фыркает на ее действия.

Ее рука проходит по широкой груди, снова пытаюсь привлечь их взгляды, когда она наклоняется вперед, чтобы выставить напоказ еще больше своей груди.

— Что за дела? — пробормотала она с намеком, ее голос при этом прозвучал низко.

В этот момент я понимаю, что она владеет своим телом как оружием, используя свою сексуальность, чтобы отвлечь внимание. Она не самая крупная и не самая сильная, но она выжила так долго благодаря тому, что умеет играть с мужчинами и вести игру. Я уважаю ее за это, и когда я признаю это, я расслабляюсь.

— Черри, мы здесь не для того, чтобы причинить тебе боль, ты можешь не играть.

Ее глаза вспыхивают, а затем застывают, когда она убирает руку с груди, настоящая Черри занимает место куклы, даже ее лицо становится другим. Внезапно она выглядит намного старше.

— Спасибо, — усмехается она, одаривая меня дружеской улыбкой. — Извини, это привычка.

— Еще бы. Я делаю то же самое, обычно выставляя себя крутой стервой с битой.

Я пожимаю плечами.

— Ты мне нравишься, так почему ты здесь? — спрашивает она, глядя только на меня, что заставляет меня с любопытством наклонить голову. — Да ладно, они богатые и влиятельные, но не они здесь главные, а ты. Так почему ты здесь?

Я главная? Я жду, что они поправят ее, но Ди и Гарретт этого не делают, поэтому я усаживаюсь повыше. Ладно, мы сыграем в эту игру.

— Нам нужно знать, не предал ли нас кто-нибудь из присутствующих. Если кто-то задавал вопросы или вел себя подозрительно.

Она снова поджимает губы.

— Откуда мне знать?

— Не прикидывайся дурочкой, Черри, тебе это не идет. Ты слишком умна для этого. Ты делаешь свое дело, чтобы знать, а твои девочки? Я видела, как они собирают информацию, как собирают деньги. Люди свободно болтают, когда они крутятся поблизости. Нам просто нужно знать, слышала ли ты что-нибудь. Это будет много значить для «Гадюк», для нас, и вы, естественно, не останетесь в долгу.

Здесь я допускаю вольности, но ребята меня не останавливают. Будем надеяться, что Райдер не убьет меня после этого.

Она улыбается, совершенно искренне.

— Черт, ты молодец. Ладно, хорошо. Да, у меня есть кое-какая информация. Я знаю о покушениях на вас, ребята, но я не настолько глупа, чтобы участвовать в этом, я знаю, на что

вы способны. Вы всегда будете побеждать, а что касается предательства? — она вздыхает и садится за свой стол. — Слышала, что есть некий молчаливый игрок, поставляющий информацию, но я не могу понять, кто. Я пыталась это выяснить, чтобы продать вам информацию. На днях ко мне приходили люди из Триады, и я приставила к ним своих лучших девушек, но все, что мы получили, — это старый друг. Я слышала, они возвращаются из поездки на следующей неделе. Я могу сообщить вам, когда они будут здесь, если хотите... и вы могли бы поговорить с ними.

При этих словах она усмехается.

— Я, естественно, могу предоставить отдельную комнату для этого... разговора.

— Буду признательна.

Быстро записываю свой номер.

— Напишите мне, и мы сразу будем здесь. А пока, если вы что-нибудь узнаете, мы с радостью возместим вам время и усилия.

Вставая, я протягиваю руку и пожимаю ее ладонь, заставляя ее рассмеяться.

— Девушка, наслышана о тебе. Рокси, не так ли? Дочь Рича? — спрашивает Черри со знанием дела, и я ухмыляюсь.

Если она знает, кто я, зачем она выкладывает мне все это дерьмо? Должно быть, она увидела вопрос в моих глазах.

— Я должна была убедиться, что ты та девушка, о которой он говорил. Не давала ни хрена, делала все, что и кого хотела. Ничего не боялась. Бесстрашная. Смелая и чертовски умная.

— Проверяешь меня?

Она смеется, смеется во весь голос.

— Девушка, что присоединилась к «Гадюкам»? Та, о которой я слышала, что она делит их самое пристальное, безраздельное внимание и преданность? Многие девушки пытались, так что да, я была заинтересована. Рич был старым другом, хорошим человеком.

Она хмурится.

— Мне жаль, что он умер, старый ублюдок заслуживал лучшего.

Я киваю.

— Заслуживал, он был одним из единственных хороших людей, которых я когда-либо встречала. Взял меня к себе сопливой девчушкой с закидонами.

— Да, и чем это обернулось?

Она ухмыляется.

— За мной не заржавеет.

Я подмигиваю.

— У меня есть для этого навыки, чтобы подкрепить свое отношение.

Она усмехается.

— Без сомнения. Это он вытащил меня из жестоких отношений, когда нашел меня плачущей в туалете бара «У Рокси».

Она грустно улыбается.

— Я обязана этому человеку жизнью. Я так и не смогла расплатиться с ним, так что держи свои деньги, Рокси. Теперь этот долг переходит к тебе, и я помогу тебе всем, чем смогу. Ради Рича.

Она кивает.

Я киваю в ответ.

— Спасибо, и не стесняйтесь приводить своих девушек в «У Рокси» в любое время, выпивка за счет заведения, — подмигиваю я. — Черт его знает, нам бы пригодилась... привлекательность, которую они принесут.

Я смеюсь и поворачиваюсь, чтобы уйти. У двери я останавливаюсь и оглядываюсь на нее.

— Ты хороша в игре, Черри, только смотри, чтобы тебя не убили, это было бы чертовски обидно.

Распахнув дверь, я выскальзываю наружу, Дизель и Гарретт следуют за мной. Гарретт наклоняется ко мне.

— Это было чертовски красиво проделано, детка.

— Подожди, пока мы не расскажем Райдеру, — охает Дизель. — Я знал, что моя Птичка будет той еще дрянью.

Я со смехом качаю головой. Мы идем через клуб, пробираясь через столы, но перед самым входом нас останавливают. Там стоит мужчина, тот, что был с пьяным парнем раньше, и он выглядит разъяренным.

— Чертова шлюха, тратит все его деньги. Сама не можешь себе позволить, что ли?

Вот дерьмо.

Я чувствую, как двое мужчин напряглись позади меня, но этот тупой ублюдок продолжает.

— Оставьте моего брата в покое. У тебя проблемы, мы будем в третьей кабинке. Ты можешь отсосать у нас за те деньги, которые хочешь получить.

Ну вот, этот тупой ублюдок мертв, и я ему ни за что не помогу.

— Что ты только что сказал? — рычит Дизель, его лицо ничего не выражает. Он медленно поворачивается к мужчине. — Ты назвал мою девушку шлюхой?

Где попкорн, когда он так нужен?

Ди сбрасывает куртку, бросая ее мне, и откидывает назад волосы, завязывая их у основания шеи в косичку. Его грудь блестит под светом стробоскопов, когда он обходит мужчину, который теперь выглядит так, будто сожалеет о своих словах.

— Ди... — начинаю я, но он игнорирует меня.

Его плавная походка заставляет меня облизывать губы. Он действительно ошеломляющий, опасный, темный, сумасшедший и чертовски красивый. Ди достает свой нож и подносит его к лицу мужчины.

— Ты не думал, что я услышу, как ты оскорбляешь нашу девушку?

Да, этот парень точно уже мертвец. Я смотрю на этого тупого уродца, который все еще выглядит так, будто может прикончить Дизеля. Конечно, это все ложная бравада, любой может увидеть, насколько Дизель опасен. Он — спичка, которая только и ждет, чтобы ее чиркнули, а этот парень? Он, мать его, ударил.

— Беги, пока можешь, придурок, — советую я, но он плюет в мою сторону. Ну, я попыталась.

Вместо этого я беру рюмку с ближайшего стола и бросаю ее обратно, прислонившись к Гарретту, чтобы понаблюдать за работой моего сумасшедшего парнишки.

— Это должно быть весело.

— Детка, с тобой рядом никогда не бывает скучно.

Гарретт смеется, хотя я чувствую, как он сканирует толпу на случай, если кто-то решит сглупить и наброситься на нас или на Ди.

— Пошел ты, — рычит парень. — Ты думаешь, что ты крутой, потому что ты здесь со своей шлюхой?

Парень снова смеется, заставляя меня вздрогнуть. Черт, это будет плохо.

— Вы никто, просто два идиота, которых водит за члены одна и та же низкопробная шлюха.

Дизель закончил говорить. Он наносит удар с точностью человека, привыкшего убивать, который точно знает, куда бить. Он не боится и дерзок. Его нож ударяет человека по лицу, и идиот отшатывается назад с болезненным криком. Его рука поднимается, чтобы заблокировать следующий удар Дизеля, который попадает ему в грудь, рассекая рубашку и кожу, и проливается кровь. Но Дизель — одержимый человек. Он не мучает и не дразнит, как обычно. Он крутится и наносит удары, разъяренный, его лицо застыло в смертоносном гневе. Его глаза жесткие.

Ди перерезает мужчине запястья и заднюю часть коленей, заставляя его упасть на пол с болезненным криком. Все смотрят, не зная, помогать или нет, когда Дизель откидывает назад свои золотые локоны и подходит к мужчине. С суженными, разъяренными глазами он хватается его за волосы и дергает голову назад.

— Эта шлюха, — выплевывает он это слово, — пыталась спасти тебя. Помни об этом, когда будешь валяться в гробу.

Дизель перерезает ему шею слева направо, и она распахивается, как зияющая кровавая улыбка. Без особого труда Ди бросает несчастного на пол, чтобы он захлебнулся собственной кровью, которая льется из раны.

Перешагивая через его тело, Дизель приближается ко мне, не останавливаясь, пока не прижимается ко мне спереди, и протягивает мне нож, как подарок.

— Хочешь, я отрежу ему яйца для тебя, Птичка?

Смеясь, я беру нож и целую его в губы.

— Нет, детка, все в порядке. Пойдем, я устала.

Он усмехается и отстраняется, хватая свою куртку и перекидывая ее через плечо. Другая его рука скользит вокруг моей талии, забирая меня у Гарретта.

— Пойдем домой.

Я оглядываюсь вокруг.

— Наверняка сейчас нагрянут копы.

Люди разговаривают по телефонам, люди плачут, девушки кричат, а затем Черри врывается в их среду — спокойная, собранная и контролирующая ситуацию. Она смотрит на мужчину, потом на нас и кивает.

— Я разберусь, идите, — говорит нам Черри, а затем поворачивается к клиентам и девушкам. — Вы ничего не видели! А теперь возвращайтесь к работе! Рик, налей всем бесплатной выпивки!

Кивнув в знак благодарности, хотя я не думаю, что у парней будут проблемы с полицией, мы уходим, пока есть возможность. Они могут немного поколебаться, но, держу пари, им придется отвечать на вопросы, а это не очень хорошо, учитывая то буйное настроение, в котором они оба находятся.

Не говоря уже о том, что это взбесит Райдера. Моя первая прогулка с ужасной парочкой, и нас арестовали? Да, меня бы наказывали всю ночь...

Если подумать... мне точно стоит вернуться и позаботиться о том, чтобы меня арестовали.

РАЙДЕР

Рву волосы, опускаю голову на руки.

— Пять, четыре, три, два, один, — бормочу я, повторяя это снова и снова, пока не почувствую себя под контролем. Нам слишком многое нужно сделать. *У меня слишком много дел.*

Мне все еще нужно выяснить, кто нас предает, пока нас не убили, и мне нужно разобраться с Триадой, а также вести наш законный бизнес. Я измотан, мои глаза слезятся, тело устало, но я должен продолжать. Я не могу остановиться, пока не спасу свою семью.

Я должен защитить их, даже если это убьет меня. Все остальное не имеет значения.

— Пять, четыре, три, два, один, — шепчу я снова, когда слышу, как открывается входная дверь и слышу знакомое хихиканье Роксаны.

Откинув волосы назад, я выпрямляюсь и возвращаюсь к проверке банковских переводов от бывших сотрудников. Это будет первым признаком того, что они нас предали. Я мог бы попросить Кензо проверить это, но он устал и ему нужен сон.

Я устроился за столом, не желая сидеть в кабинете всю ночь. У меня повсюду раскиданы кипы бумаг, два ноутбука открыты, телефон и планшет тоже прокручивают информацию. Для меня слишком много всего, но я должен справиться. Я не поднимаю глаз, когда слышу, что они перестали смеяться. Я слышу несколько шепотков, звук удаляющихся шагов, а затем прочищение горла.

Вздыхнув, я не поднимаю глаз.

— Гарретт, я в порядке, я посплю, как только...

— Извини, я выгляжу лучше него, — поддразнивает Роксана.

Моя голова дергается, и я хмурюсь.

— Прости, я думал... — Вытирая лицо, я мягко улыбаюсь. — Прости, милая. Ты хорошо провела ночь?

Она смотрит на бумаги и на меня и кивает.

— Я сделаю кофе.

Я поднимаю свою кружку.

— Я... ах, кажется, я его выпил.

Смеясь, Роксана наклоняется и чмокает меня в губы.

— Я справлюсь, хорошо? Позволь мне позаботиться о тебе, пока ты заботишься о нас.

Я изумленно моргаю, но потом она уходит. Я слышу, как Рокси на кухне спорит со шкафами, пытаюсь заставить их открыться, что заставляет меня ухмыльнуться, когда я оглядываюсь на банковские записи, которые я рассматривал. Федред, это точно не он. Его банковский счет почти переполнен, на его счета поступают все деньги с работ, которые я отследил, чтобы убедиться, что то, чем он занимается, законно. Федред работал охранником, кажется, в дежурной части, он был хорошим человеком.

Схватив свой телефон, я перевел ему пару тысяч, чтобы помочь, прежде чем загрузить следующий список банковских переводов, который для меня достал Кензо. Он весь день работал над сбором этой информации. Я не спрашиваю как, мне все равно, но это большая помощь. У меня есть охранники, которым я доверяю, они проверяют текущую безопасность, но, согласен, это кто-то, кто работал на нас раньше. У них нет свежей информации.

Роксана возвращается и ставит кружку рядом со мной, ее рука лежит на моем плече, когда она наклоняется ближе. Я не могу удержаться и на мгновение расслабляюсь в ее тепле, ища комфорта в теле моей девочки, хотя я этого не заслуживаю. Почему я не могу узнать, кто нас предает? Наклонившись вперед, я возвращаюсь к работе, отстраняясь от нее.

Я должен выяснить, кто нас обманывает. Я должен.

— Позволь мне помочь, — предлагает она.

— Я в порядке, иди поспи, — рассеянно говорю я ей, и тут мой стул внезапно отодвигается, и она падает мне на колени. Я автоматически хватаю ее и слежу за тем, чтобы Роксана не упала, недоверчиво глядя на нее.

Ее лицо жесткое, глаза сузились.

— Я не спрашивала, теперь позволь мне помочь, или я буду раздражать тебя всю ночь. Ты устал и напряжен. Я знаю, ты думаешь, что должен все решить, что вся тяжесть лежит только на твоих плечах, но, в конце концов, ты должен на кого-то опереться, Рай. Пожалуйста, позволь мне помочь, — мягко говорит она, протягивая руку и обхватывая мое лицо. Я не могу удержаться, но прислоняюсь к ней, и она улыбается.

— Это не делает тебя слабым, ты все еще наш лидер, все еще главный, но даже лучшим лидерам время от времени нужна помощь.

— Роксана, — вздыхаю я. — Ты уверена?

Она кивает, наклоняется и целует меня.

— Теперь, босс, скажи мне, что делать, и, если я хорошо отработаю, ты сможешь отблагодарить меня позже.

Смеясь, я помогаю ей подняться, и Рокси садится в кресло напротив меня, снимает туфли и устраивается поудобнее. Я не могу не улыбнуться, она такая милая. И никуда не денется. Если я не позволю ей помочь, хрен знает, что она сделает. Подумав об этом, я почувствовал прилив облегчения. Логически это означает, что это сработает быстрее, а значит, поможет нам отследить их до того, как они смогут ударить по нам снова. Я подношу планшет к ней.

— Мы проверяем банковские записи на предмет чего-нибудь подозрительного. Если ты что-то найдешь, отметь это для меня. Любые повторяющиеся крупные платежи свыше тысячи и, возможно, до миллиона, — я киваю, обдумывая это. — Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, тогда мы сможем продолжить работу по этому списку. О, также отметь всех, кто испытывает финансовые трудности, — добавляю я в конце концов и чувствую, что моя девочка смотрит на меня, поэтому я снова смотрю на нее.

— Что, любимая?

— Ты собираешься посылать им деньги, если они испытывают трудности? — спрашивает она, на ее губах появляется ухмылка, когда я хмурюсь. — Большие, плохие Гадюки, кто бы мог подумать, что вы такие мягкотелые?

— Мягкотелые? — фыркнул я. — Только никому не говори.

— Или ты меня убьешь, — поддразнивает она, покручивая журнал. — Угроза уже немного устарела, детка.

— Знаешь, мне кажется, мы были слишком легкомысленными с тобой, милая. Ты слишком самоуверенна, — усмехаюсь я, пролистывая информацию.

— Не-а, детка, я была самоуверенной до того, как ты меня встретил, ты не заслуживаешь похвалы за мой ум и рот, — ухмыляется Рокси, переводя взгляд на планшет. — А теперь приступай к работе, я хочу получить свою награду, когда мы найдем этого ублюдка.

Потягивая кофе, который она приготовила, я погружаюсь в банковские выписки, отвечая на случайные электронные письма по ходу дела. Мы работаем в основном в тишине, но Рокси несколько раз подливает мне кофе, прежде чем вернуться к работе. Через пару часов я откидываюсь назад.

— Что-нибудь?

Она поднимает глаза вверх и кладет планшет рядом со списком, который у нее есть.

— Несколько, три, если быть точной, но мне еще нужно проверить четыре имени. А у тебя?

— У меня есть четыре для углубленного изучения, осталось семь имен.

Я вздыхаю, потирая глаза. Сейчас середина ночи, но я не могу остановиться.

— Давай разберемся с последними, а потом я приготовлю нам поесть.

Она ухмыляется.

— Лучше бы это была хорошая еда.

Смеясь, я быстро просматриваю оставшиеся имена. Она, конечно, закончила раньше меня, и я заметил, что Рокси хмуро смотрит на список, поэтому, когда я закончил, я взял его и вычеркнул несколько имен.

— Некоторые из них все еще выполняют для нас непостоянную работу, поэтому мы их переводим.

У нас осталось десять имен.

— Хорошо, я попрошу Кензо проверить их завтра, может быть, подключу их и приделаю им хвосты. Ты голодна, милая?

— Умираю с голоду, — простонала Роксана, вставая и потягиваясь, заставляя мой взгляд пробежаться по ее восхитительному телу. Она хватает наши кружки, когда я встаю и закатываю рукава.

— Домашняя паста? — спрашиваю я, и она останавливается.

— Ты готовишь? Делаешь домашнюю пасту? — пробормотала она, и я ухмыльнулся.

— Готовлю.

— Чертовы засранцы, есть ли что-нибудь, чего вы не можете сделать? — ворчит она, когда мы снова направляемся на кухню. Рокси запрыгивает на остров, чтобы посмотреть, как я беру необходимые ингредиенты.

Но ее слова не дают мне покоя. Есть кое-что, о чем я думал, что крутилось у меня в голове. Единственный способ узнать наверняка — спросить у нее, поэтому, опершись спиной к столешнице, я сужаю глаза и пристраиваюсь рядом.

— Роксана?

Она наклоняет голову.

— О-о, у меня проблемы? Это из-за парня, которого я избил?

Я моргаю в шоке.

— Ты снова кого-то избил? Неважно, мы можем вернуться к этому. Мне нужно тебя кое о чем спросить.

— Конечно, в чем дело? — непринужденно спрашивает она.

— Ты хочешь быть здесь?

Рокси замирает, ее глаза расширяются.

— Я серьезно. Я знаю... я знаю, что мы не оставили тебе выбора. Но сейчас, кажется, ты почти счастлива. Я вижу, как ты общаешься с моими братьями, я должен знать, я должен знать, попытаешься ли ты снова сбежать, или ты сможешь когда-нибудь остаться и быть счастливой с ними?

— А если я скажу «нет»? — медленно спросила она.

— Мне нужно защитить их, любимая, даже от их собственных чувств. Все становится серьезнее, чем я мог себе представить. Скажи мне правду, Роксана, ты хочешь остаться? С нами?

Я затаил дыхание, ожидая ответа, потому что правда в том, что... я тоже хочу ее.

Роксана — лучший долг, который я когда-либо собирал, и самая важная деловая сделка.

Но смирилась ли она с неизбежным? Решила ли отказаться от борьбы? Если дело дойдет до нее или моих братьев, будет ли мудрым мой выбор? Смогу ли я вообще выбирать? Несмотря на все мои намерения держать Рокси на расстоянии, маленькая распутница проникла за мои доспехи, и теперь на кону стоит даже мое собственное сердце.

В руках этой женщины.

Она способна уничтожить всех нас. Знает ли она об этом?

Кажется, она размышляет, обдумывая свой ответ.

— Любимая, посмотри на меня. Счастлива ли ты? Ты все еще хочешь свободы... или ты хочешь нас?

— И это только два моих выбора? — спрашивает она, а затем на мгновение отводит взгляд, и свет города отражается на ее душераздирающе прекрасном лице. — Не знаю. Если бы ты спросил меня неделю назад, я бы выбрала свободу... но ты влез мне в душу. Ты влил в меня свой яд, и за эту последнюю неделю я почувствовала себя более живой, чем когда-либо. Ди постоянно говорит мне, что я принадлежу ему, Гарретт наконец-то впустил меня, а Кензо так мил и поделился со мной своим прошлым... и с тобой. Ты, Райдер, даешь мне шанс стать частью настоящей семьи...

— Но? — спрашиваю я, мои руки вгрызаются в гранит, когда страх проникает в меня. Я ненавижу страх, он делает нас слабыми. Она делает меня слабой.

— Но... как я могу быть полностью счастлива в плену? Разве ты не хочешь, чтобы я выбрала тебя? Чтобы я не нуждалась в тебе, но хотела тебя? Я живу своей собственной жизнью, у меня есть свой дом, свой бизнес. Я сама зарабатываю деньги, оплачиваю счета и покупаю то, что хочу. Я не богата, но мне комфортно. Я научилась менять лампочки, косить траву, менять чертовы шины. Собирать мебель, путешествовать и быть одной. Благодаря всему этому я поняла, что мне не нужен мужчина рядом, делать что-то для меня, я могу делать это сама. Нет ничего слишком сложного, всегда можно найти выход. Но это значит, что, когда я с кем-то... когда я выбираю кого-то, это потому, что я хочу его. Не потому что они мне для чего-то нужны, потому что я должна быть с ними, а потому что я могу быть с

ними. Разве ты не хочешь этого?

Это мой самый большой страх и то, что я знал с самого начала. Почему я старался держаться подальше. Роксана хочет быть свободной. От нас. Уйти... но вернется ли она? Она сама просит о выборе, и кто я такой, чтобы скрывать это от нее? Если я действительно забочусь о ней, то, конечно, я должен позволить ей выбрать нас. Но что, если она не выберет? Ди никогда не отпустит ее, это разобьет сердце Кензо, а Гарретт, черт возьми, наконец-то снова впустил кого-то, пытаюсь исцелиться.

Она убьет нас всех и разрушит все, над чем мы так упорно работали.

Но есть и другой вариант: она начнет медленно ненавидеть нас снова, когда гламура и доброты будет недостаточно, когда нас будет недостаточно, чтобы остановить эту ненависть, ненависть от того, что у нее отняли ее собственный выбор. В конце концов, разве не так поступил ее отец? Она презирает этого человека. Разве мы лучше его?

Мы не хорошие люди, мы преступники, но для нее? Можем ли мы сделать что-то хорошее, хотя бы на этот раз?

Я поворачиваюсь и начинаю готовить еду, обдумывая свой ответ.

— Рай? — шепчет она. — Я не хочу никому причинять боль, правда не хочу. Сначала я ненавидела вас всех, и я думаю, что часть меня, вероятно, все еще ненавидит, но я также забочусь. Ди сказал мне кое-что, что теперь имеет смысл. Если бы я действительно ненавидела вас, я бы убила вас в ту первую ночь, и он прав. Я сильная, я знаю это, я могла бы убить тебя, у меня было много возможностей. Но я не хотела, я не хотела заслужить свою свободу таким образом. Но, как меня назвал Ди, я — птица, мне нужны крылья. Мне нужна моя свобода. Она была отнята у меня в детстве, я жила в постоянном страхе и ненависти, такой сильной ненависти, что она исказила мое восприятие, а когда я стала свободной? Я могла быть собой, я нашла себя. Я не хочу потерять это снова. Я не хочу ненавидеть тебя.

Ее слова под конец речи переходят в еле слышный шепот, и я дрожу.

— Я тоже этого не хочу, — говорю Роксане, — но я не знаю, как тебя отпустить.

— Я знаю, — вздыхает она, прежде чем ее руки обхватывают меня сзади. — Я твой худший кошмар, Райдер Вайпер, то, чего ты никогда не ожидал. То, что ты не можешь контролировать.

Я прижимаю руки Роксаны к своему животу, прислоняясь к ней. Она права. Но она также лучшее, что случилось с нами. Рокси наполнена такой жизнью, такой способностью смеяться и радоваться. Она пробуждает в нас лучшее и принимает худшее. Могу ли я полюбить ее?

А если да...

Смогу ли я отвергнуть ее?

Смогу ли я вынести, что в будущем она будет нас ненавидеть? Как моя мать ненавидела моего отца?

— Может быть, я больше похож на него, чем хочу признавать, — вздыхаю я.

— На кого? — спрашивает она.

— На моего отца. Я знаю, что ты кое-что о нем знаешь, но он был ублюдком, любимая. Настоящим ублюдком. Он вылепил меня, чтобы я был похож на него, но что, если это так? Что, если вся эта лепка, все эти уроки превратили меня в то, что я так ненавижу? Кензо видит это, как и ты. Я способен на такие разрушения, на такие мерзкие поступки, но я оправдываю это необходимостью спасти свою семью. Но вот ты здесь, моя пленница, и я не хочу тебя отпускать. Я хочу приковать тебя к себе, запереть тебя здесь, чтобы никто другой

никогда не смог заполучить тебя. Так же, как он поступил с моей матерью. Неужели я обречен повторять его ошибки?

Роксана на мгновение замолчала.

— Обречена ли я повторять поступки своего отца? — возражает она. — Быть такой же слабой и вместе с тем жестокой? Не знаю, может быть. Но я думаю, что тот факт, что мы беспокоимся об этом, показывает, что мы не будем такими же как они, потому что мы не хотим этого, потому что мы осознаем. Да, ты можешь быть жестоким, холодным и манипулирующим. Я тоже могу быть злой стервой и жестокой. Но это не делает нас ими. Это делает нас нами. Перестань бороться с тем, кто ты есть, Райдер, перестань бояться того, кого ты можешь найти. Никогда не знаешь, возможно, ты даже обнаружишь, что любишь себя.

Роксана отстраняется, и я отпускаю ее, потому что должен.

Я мог бы оставить ее здесь, со мной, но это может убить ту ее часть, которую я люблю. Сильную, сумасшедшую, непредсказуемую Гадюку, потому что она такая и есть — одна из нас. Бесплезно отрицать, я понял это, когда впервые увидел Роксану. Вот почему я так боялся. Потому что если она одна из нас... что случится, когда она уйдет?

В своей жизни я натворил немало зла. Я наступал на людей. Я убивал их. Я разрушал их жизни, семьи и бизнес, не моргнув глазом. Мои руки в крови больше, чем она может себе представить. Все ради них. Моей семьи.

Так что же я сделаю для нее?

Что угодно.

Это дается мне легко. Я готов на все. На все. Я бы сжег весь этот гребаный город дотла и нашел бы ее в пепле. Я бы убил, я бы украл, я бы солгал. Но как насчет того, чтобы отпустить ее?

Могу ли я это сделать?

Для всех остальных мы — злодеи, мы — зло в этом городе. Люди, погрязшие во власти и деньгах. Мы те, кого они боятся, от кого они прячутся. Но она не прячется, Роксана греется в этом. Что, если я оставлю ее у себя? Здесь, навсегда? Неужели это было бы так плохо?

Я поворачиваюсь, чтобы взять нож для резки макарон, когда что-то ударяет меня по лицу. Кашлянув, я смахнул белый порошок и повернулся, чтобы увидеть смеющуюся Роксану, держащую в руке пакет с мукой. Она ухмыляется мне — так, что мне хочется сделать ей что-нибудь плохое. Одна улыбка, и она отталкивает всех моих демонов, которые жаждут вырваться на свободу.

— Беги, — огрызаюсь я.

Она хихикает и отступает.

— Беги, любимая, — предупреждаю я, перемещаясь по островку в ее сторону. Смеясь еще сильнее, Роксана пытается убежать, но я хватаю ее и притягиваю к себе.

— Тебе следовало бежать быстрее, — бормочу я ей на ухо.

— Может, я хотела, чтобы меня поймали.

Роксана смеется, извиваясь, пытаясь вырваться.

Схватив яйца сбоку, я разбиваю одно прямо над ее волосами. Она вскрикивает и отшатывается. Наблюдая, как оно стекает по ее лицу, я не могу удержаться от смеха. Ее ноздри раздуваются, глаза сужаются.

— О, ты мертвец. Теперь твоя очередь бежать, мать твою!

Она хватается за масло сбоку и бросает его в меня. Уворачиваясь, я с усмешкой хватаю

макароны и кидаю в нее. Роксана кричит и гонится за мной с молоком, заставляя меня смеяться, когда я уворачиваюсь и избегаю ее. Роксана поворачивается, чтобы схватить что-то еще, и я обхватываю ее сзади за талию.

— Перемирие, — кричу я с усмешкой, пока она брыкается и смеется.

Замирая, Рокси хихикает и снова прижимается ко мне. Я поворачиваю ее в своих объятиях и с усмешкой смотрю на мою девочку, убирая неровную прядь волос, покрытых яйцом. Роксана улыбается мне, ее темные глаза сияют от счастья. Как она это сделала?

Она освободила меня от моих демонов, даже не попытавшись. Никогда еще в этом доме не было такого смеха и счастья. Он эхом разносится по этим тихим, убогим стенам, наполняя их жизнью. Наполняя его ею.

Мука покрывает мое лицо, еда в волосах и на одежде, и я улыбаюсь так широко, что не помню, когда в последний раз целовал Роксану. Отчаянный, цепкий поцелуй. Прощание, потому что теперь я знаю. Я должен отпустить ее.

Даже если Роксана не вернется к нам.

Потому что она никогда не должна была сидеть взаперти. Она должна быть свободной, дикой и неконтролируемой. Даже сейчас, со смехом на наших губах и счастьем на ее лице, я знаю, что Роксана размышляет о том, действительно ли она была бы здесь, если бы у нее был выбор.

Она слишком сильная, слишком чертовски сильная для этого.

Если она выбрала эту жизнь, я могу принять это, но она не выбрала, у нее не было выбора, и я должен дать ей это. Даже если это разрушит мою семью.

Даже если это означает конец Вайперов, конец Гадюк.

Я должен отпустить ее.

РОКСИ

Прошлой ночью я снова спала в объятиях Райдера, после того, как мы приняли душ, конечно. По крайней мере, он хоть немного перестал работать, даже если разговор получился мрачным. Поэтому, когда я проснулась, а его уже не было, я не удивилась, обнаружив записку на его подушке.

До скорой встречи. Не шали.

Засранец. Ухмыльнувшись, я влезаю в одну из его рубашек и замираю, вспоминая наш вчерашний разговор. Неужели он действительно думал о том, чтобы отпустить меня? Не знаю, но если он это сделает... уйду ли я? Я привыкла жить здесь, и они мне действительно дороги... Вайперы заставляют меня чувствовать себя живой, они делают меня счастливой, но может ли счастье, может ли любовь действительно случиться, когда у меня не было выбора?

Не знаю, но я сомневаюсь, что это их беспокоит. Они сделали выбор, и будут его придерживать. Я уже решила перестать бороться и просто начать жить, поэтому, хотя я и скучаю по своей прежней жизни, я отталкиваю ее.

Когда спускаюсь вниз, там только Дизель и Гарретт. Я опускаюсь в кресло, и Гарретт передает мне кофе, наши пальцы соприкасаются на мгновение дольше.

— Так, где «Тупой и еще тупее»? — ухмыляюсь я.

Гарретт фыркает, но Дизель даже не смотрит на меня.

— Просматривают этот список.

Я киваю и наклоняюсь ближе к Дизелю.

— Эй, горячая штучка, думаю, это значит, что мы с тобой снова вместе.

Я вздергиваю брови. Он скрежещет зубами и уходит, оставляя меня смотреть ему вслед.

— Может, объяснишь? — спрашиваю я Гарретта.

Обернувшись, я вижу, как он печально смотрит на меня, прежде чем смахнуть с лица любой намек на эмоции.

— Ничего страшного, просто плохая ночь, не волнуйся об этом. Так чем ты хочешь заняться сегодня?

— Эмм, чем угодно, — рассеянно отвечаю я, глядя в ту сторону, куда исчез Дизель. — Это он так сердится?

Гарретт на самом деле смеется.

— Нет, черт возьми, ты поймешь, когда увидишь его злым, детка. Он будет в порядке. А сейчас, сегодня...

Я киваю, пока он говорит, но мои мысли все время возвращаются к Дизелю. Что не так с моим сумасшедшим Вайпером? И как мне все исправить? Я никогда не думала, что буду скучать по его сумасшествию, но по мере того, как затягивается утро, я ненавижу его. Я хочу вернуть своего сумасшедшего, безумного Дизеля, поэтому я обращаюсь за помощью к Гарретту. Он занял такую позицию, что я отправляюсь искать его.

Я нахожу его лежащим на моей кровати и смотрящим в потолок. Запрыгнув на Ди, я ползу вверх по его телу и прижимаюсь лицом к его лицу.

— Твоя Маленькая Птичка капризничает, хочешь помочь? — ухмыляюсь я.

Ди моргает, его руки обхватывают меня.

— Как будто тебе нужна моя помощь, — бормочет он, но сорванный голос Ди и голубые глаза не такие блестящие, как обычно.

— Не-а, давай, сумасшедшие штаны, иначе я получу все удовольствие, а потом кто меня накажет?

Я подмигиваю и хватаю его за руки, подтягивая к себе.

Ди вздыхает, но позволяет мне, и когда он встает на ноги, я бросаюсь на него. У него нет выбора, кроме как поймать меня, когда я обхватываю Ди ногами за талию и кусаю его в губы, заставляя парня стонать.

— Поиграй со мной, — бормочу я.

Его руки сжимают мою задницу и прижимают меня крепче.

— Маленькая Птичка, — рычит Ди, и я никогда не испытывала такого облегчения. Прикусив его губу до вкуса крови, я отстраняюсь и падаю на пол, прежде чем встать и убежать.

Я слышу его смех, когда мчусь по коридору.

— Я догоню тебя, Птичка! — зовет Ди. Когда-то это испугало бы меня, но теперь это просто вызывает во мне желание и смех.

Я добираюсь до гостиной и прыгаю на спину Гарретта, который согнулся и разбирается с креслом. Он ворчит, протягивает руку и хватает меня за ноги, чтобы удержать на месте, и выпрямляется как раз в тот момент, когда в комнату с ухмылкой вбегают Дизель.

— Прячешься, моя Птичка? — воркует он и пробирается ближе, заставляя меня смеяться на ухо Гарретту.

— Не-а, она подкупила меня для одного из своих планов.

Гарретт пожимает плечами, а затем смеется, бросая меня в Дизеля. Я вскрикиваю, когда лечу по воздуху, но Дизель ловит меня с ворчанием, выбивая дыхание из моих легких на мгновение, пока обхватывает меня руками.

— Так что ты задумала, Маленькая Птичка? — Дизель ухмыляется, глядя на меня.

— Мы собираемся сделать татуировку Гарретту, — ухмыляюсь я.

Он смеется.

— Как, блядь, тебе удалось убедить его пойти на это?

— Легко, — фыркнула я, пригнувшись и подмигнув ему. — У меня есть вагина, которую он хочет трахнуть. Ты мне поможешь или как?

— Она также угрожала снова отбить мне яйца, — говорит Гарретт.

Я серьезно киваю.

— И это тоже, на этот раз сковородкой, поскольку у меня до сих пор нет биты.

Дизель смеется.

— Ты должна прекратить избивать людей, Маленькая Птичка. Проще просто убить их.

Я отмахиваюсь от него.

— Убийства потом, татуировки на членах сейчас.

— Никаких гребаных членов, — кричит Гарретт, а я поворачиваюсь и страшно шурюсь.

— Я сделаю член, если захочу сделать член, — огрызаюсь я.

Он оглядывается и становится со мной лицом к лицу.

— Нет. Блядь. Члены. Если я увижу хоть один чертов член на своей коже, я...

— Что сделаешь? — приторно подсказываю я, проводя рукой по груди Гарретта к члену и обхватывая его. — Ну?

— Справедливость есть справедливость, — рычит он. — Я нарисую его на твоём лице.

— Ты не посмеешь, — прорычала я.

— Попробуй.

Он ухмыляется.

— Ты мне больше нравился, когда просто хрюкал. Ладно, никаких членов, садись, — требую я, отпуская твердый член Гарретта и топчась вокруг него, пока он смеется.

Но тут меня осеняет идея, и я подманиваю Ди ближе, пока мы обсуждаем, что нарисовать. Я наклоняюсь и шепчу ему на ухо, чтобы Гарретт не услышал.

— Мы врисуем туда член, в пространство дизайна, он никогда не узнает.

— Он укокошит тебя, я согласен.

Ди смеется.

— Он может попытаться, — ухмыляюсь я, застегивая перчатки и шевеля пальцем. — Время зондирования, детка, нагнись.

Дизель так и делает, виляя своей задницей передо мной и заставляя Гарретта стонать.

— Дети, — зовет он, и мы переглядываемся, пока я шлепаю Дизеля. — Никаких игр с задницей до татуировок.

— После? — спрашиваю я серьезно, и он закрывает глаза рукой.

— Это чертовски ужасная идея, и они называют его сумасшедшим, она такая же плохая, — бормочет Гарретт про себя.

Я сажусь на стул и подкатываюсь ближе, раздумывая, где сделать татуировку. У него не так много места.

— А как насчет твоей задницы? — бормочу я, снова оглядывая его.

— Ты не будешь делать татуировку на моей заднице, — огрызается Гарретт, и я хмыкаю.

— А где еще? На твоём члене? Я не буду трогать пальцами твою большую задницу.

Я дрожу от отвращения.

Он смотрит вниз, ища место.

— Черт, детка, пожалуйста, только не моя задница.

Я снова оглядываю его.

— Задница или член, на выбор.

Гарретт сужает глаза, а я ухмыляюсь.

— Наклонись, мальчик.

— Ни одна вагина этого не стоит, — рычит Гарретт, расстегивая джинсы и снимая их, оставаясь в одних черных трусах, его полные бедра испещрены татуировками, и он отчаянно ищет свободное место. Он не находит его и смотрит на меня расширенными глазами.

— Блядь.

Ухмыляясь, я поворачиваю к нему палец, и Гарретт нехотя поворачивается и ложится лицом вниз. Я стягиваю с него боксеры и открываю его персиковую задницу, но тут я замираю.

— Ты в порядке? — спрашиваю я негромко, вспоминая.

Он замирает, но кивает, потом поворачивает голову, чтобы видеть меня.

— Я в порядке, я тебя вижу.

Я киваю и снова ухмыляюсь.

— Дизель, бритва.

Он протягивает мне одну, и я дезинфицирую Гарретту половинку задницы, прежде чем начать брить ее.

— Не могу сказать, что я когда-либо думала, что буду брить задницу своего парня, — бормочу я, заставляя Дизеля смеяться.

Гарретт стонет.

— Я никогда не переживу этого. Никаких Барби или какого-нибудь странного дерьма, детка, или я сделаю с тобой что-нибудь похуже.

— Ладно, — дуюсь я, глядя на его бледную кожу. Что делать? Я беру иглу и, как Гарретт показывал мне раньше, прикладываю ее к его коже. Я делаю крошечное сердечко, а затем поднимаю взгляд и вижу, что он тяжело дышит, его глаза плотно закрыты, поэтому я откатываюсь назад.

— Готово!

Он открывает глаза и смотрит на меня.

— Детка, все хорошо.

Наклонившись, я нежно целую его.

— Перевернись, я могу заняться твоей грудью, — предлагаю я, зная, что, если мы остановимся, это убьет его.

Гарретт кивает, натягивает штаны и переворачивается. Я вытираю область рядом с его животом, где есть еще пространство, а также несколько шрамов.

— Ты уверен? — спрашиваю я мягко.

Он скрипит зубами.

— Я справлюсь, сделай это.

— Дай мне знать, если нужно остановиться, — приказываю я, и он кивает.

Дизель проскальзывает внутрь, помогает мне, и мы начинаем бить татуировку. Надеюсь, ему понравится. Честно говоря, я боюсь, что не понравится, но сейчас уже слишком поздно. Я делаю только небольшой участок, и я не так хороша, как Гарретт, но я в порядке. Я любила рисовать, так что это не слишком сложно. Ладно, это ложь, но все же.

Когда все готово, Дизель добавляет детали и тени, пока я хватаю дрожащую руку Гарретта и наклоняюсь к его лицу, ухмыляясь.

— Это точно член, ты накажешь меня еще раз?

Я ухмыляюсь, а он смеется.

— Еще бы, детка.

Он не сводит с меня глаз, и я бормочу, отвлекая его, пока Дизель не закончит.

— Я так чертовски горжусь тобой, — бормочу я ему в губы.

Гарретт обхватывает мою голову и стонет.

— Я доверяю тебе, детка.

Это поражает меня.

Я не могу говорить, пока Гарретт отстраняется и рассматривает свою новую татуировку. Я застыла на месте. Он доверяет мне. Я слышу его вздох.

— Ни хрена себе, Рокси.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее через зеркало, беспокоясь, что она ему не нравится. То, что началось как шутка, теперь действительно что-то значит. Он доверяет мне настолько, что я прикасаюсь к нему... Черт, о чем я думала? Это часть его кожи, содранная на месте шрама, а под ней — шевелящиеся змеиные витки, как будто его кожу содрали, чтобы показать гадюку под ней. Благодаря деталям Дизеля это выглядит намного лучше, и нет никакого члена. Я подумала, что Гарретт слишком храбр для такого дерьма.

Он поворачивается, его глаза расширены, и он выглядит потрясенным.

— Детка...

Я пожимаю плечами.

— Может, она и порезала тебя, Гарретт, но под всей этой кожей скрывается гадюка, хищник, сильный, как никогда.

Он бросается ко мне, и я задерживаю дыхание, но он притягивает меня к себе и целует крепко, отчаянно, с любовью, прежде чем прислонить свой лоб к моему.

— Мне это чертовски нравится.

— Да? — спрашиваю я.

Гарретт кивает, но потом дразняще сужает глаза.

— Что ты нарисовала на моей заднице?

Я отстраняюсь и показываю на Дизеля.

— Это он сделал! — кричу я, прежде чем начать убежать.

Я слышу, как он стягивает штаны.

— Рокси! — кричит он, а я смеюсь.

Гарретт ловит меня, подхватывает на ноги и прижимает к своей груди.

— Сердце? Правда?

— Это мило, — ухмыляюсь я, а он фыркает, когда несет меня обратно в гостиную. — Какие неприятности мы теперь можем устроить? — спрашиваю я, шевеля бровями.

Оказывается, мы можем попасть в большие неприятности. Похоже, я начала войну розыгрышей среди Вайперов, но эти преступники не наполняют водяные шарики мукой и не прячут где-то фальшивых змей. Нет, они играют по-настоящему. Это безумие, и я не могу удержаться от смеха, когда мы возимся с машиной Кензо. Мы решили покрасить ее аэрозольной краской, которая, держу пари, стоит миллионы. Я рисую на ней члены, потому что, ну, почему бы и нет, и Дизель тоже. Гарретт помогает, и мы все хихикаем, как дети, пока занимаемся этим.

Для Райдера мы отправляемся в его офис, который находится под квартирой. Дизель предлагает положить гранату под его кресло, но нам, к счастью, удается наложить вето на эту идею. Я очень хочу спросить, где он взял гранату, но, честно говоря, меня это даже не удивляет. Вместо этого мы делаем нечто столь же безумное.

Мы покупаем бордель на его имя.

Все сообщения отправляются на его электронную почту, и через несколько минут он звонит нам.

— Что, блядь, происходит? Меня взломали, или вам стало скучно, и вы купили гребаный... что это за хрень, Гарретт? Скользящая дыра? Что за хуйня?

Я не могу перестать смеяться, и он должен это слышать.

— Любимая, если ты это сделала, почему они спрашивают меня, хочу ли я пробный запуск? Мои предпочтения — это... гребаный золотой душ от мужчин? Господи, Роксана.

Но я слышу улыбку в его голосе.

— Ты хочешь войны, любимая? Ты ее получишь.

Он вешает трубку.

Вот дерьмо.

Я так мертва.

Мы все ждем в гараже внизу, пока Кензо вернется, и он приезжает на машине, которую я никогда раньше не видела. Она черная, матово-черная, что чертовски возбуждает. Это гладкая, низкая, спортивная машина, но, честно говоря, я понятия не имею, какая именно модель. Райдер притормаживает за ним, и мы выпрыгиваем, когда они выскальзывают из своих машин и все стоят вокруг машины Кензо.

Он подходит к нам и замирает, увидев новую краску.

— Вы, блядь, не посмели сделать это, — рычит он.

— Мы? Мы бы не посмели.

Я хлопаю ресницами, когда глаза Кензо ловят графическую схему, изображающую его и фигурку из палочек.

— Дорогая, эта машина стоит больше, чем весь этот чертов город, — ворчит он. — И подумать только, я собирался подарить тебе машину...

— Подожди, что? — Я задыхаюсь, бросаюсь к нему, но он качает головой, протягивая ключи. — Эта чертовски сексуальная машина — моя?

Обычно я бы разозлилась на них за то, что они купили что-то настолько дорогое, но... она действительно чертовски сексуальна.

— Собирался, но не думаю, что ты этого заслуживаешь. А ты, брат? — спрашивает Кензо.

Райдер фыркает.

— Я все еще получаю электронные письма о недержании мочи. Я сказал ей вести себя хорошо, поэтому я говорю «нет».

— Но она такая красивая, — шепчу я, оглядываясь вокруг него и разглядывая машину. — Она действительно для меня?

Он бросает ключи мне в руку, но я просто стою, и его лицо смягчается.

— Это машина, дорогая, а не гребаная пересадка почки. Это просто деньги, иди.

Он подталкивает меня к ней, но, блядь. Сколько это стоило? Не то чтобы я удивлялась, эти идиоты не знают понятия умеренности.

Я подхожу ближе, но не хочу даже прикоснуться к машине. Она такая чертовски красивая... что она означает? Это способ Райдера дать мне немного свободы?

— Садись в эту гребаную тачку, детка, — приказывает Гарретт, и я закатываю глаза и открываю дверь, погружаясь в черные ковшеобразные сиденья, кожаные и чертовски удобные. Приборная панель покрыта гаджетами и светится яркими фиолетовыми светодиодными лампочками.

— Она твоя, — говорит Райдер. — Почему бы тебе не прокатиться на ней?

Дизель вскрикивает и садится на пассажирское сиденье, с ухмылкой глядя на меня.

— Заводи, Птичка!

— Никаких аварий! — кричит Райдер, когда я завожу двигатель, который заводится с

ревом.

— Черт, кажется, меня сексуально влечет к этой машине, — бормочу я, закрывая дверь и подъезжая к уже поднимающемуся шлагбауму. Я выезжаю на дорогу, еду медленно и очень осторожно, эта машина слишком красива, чтобы ее портить, но Дизель фыркает.

— Орудуй, Малыш, жизнь слишком коротка, чтобы ехать медленно.

Так я и делаю.

Я смеюсь, когда мы мчимся по городу, и только на обратном пути понимаю, что я вышла, я была свободна. Да, рядом был Дизель, но я могла его выгнать. Я даже не думала об этом. Что это значит? Я молчу, пока мы едем обратно и заезжаем в гараж, где все еще ждут остальные. Они спорят, но все прекращается, когда мы подъезжаем, и я выскальзываю наружу.

— Мне она нравится, — говорю я им, но я также смущена, и Райдер должен это заметить.

— Пойдем, милая, мне нужна твоя помощь с документами.

Оглянувшись на машину, я киваю и следую за ним. Я погружаюсь в работу, стараясь не задаваться вопросом, почему я не сбежала. В ту ночь я притворяюсь больной и ухожу в свою комнату, впервые за долгое время проводя ночь в одиночестве, и никто из них не приходит ко мне.

Одиночество поселилось во мне, и я едва могу заснуть. Я смотрю в окно и думаю, кем я стала.

Хочу ли я остаться?

Не знаю, я действительно не знаю, и это пугает меня. Так легко потеряться в их жизни, но я не хочу потерять себя. Только не снова. Я должна быть собой, и они это поощряют, особенно Дизель, но... но что, если я не смогу быть собой здесь?

Черт знает, что я не сочетаюсь с их богатыми друзьями, но разве это имеет значение?

Когда солнце встает, у меня не больше ответов, чем когда оно садится. Я запуталась и чувствую себя как дерьмо. Они делают для меня все эти приятные вещи, они покупают для меня всякую всячину и дают мне все, что я только могу пожелать.

Но достаточно ли этого?

Что если то, что мне нужно, нельзя купить?

А должно быть дано?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

КЕНЗО

Никто из нас не спал.

Дизель уехал после принятия решения, хрен знает, что делать, но я знаю, что через город будет проложен кровавый путь, и не знаю, вернется ли он. Гарретт тоже свалил, сражаться, без сомнения. Для человека, который хотел, чтобы она ушла с момента ее появления, он не хотел, даже злился при упоминании о том, чтобы отпустить ее.

Потому что он любит ее так же, как и я.

Но я люблю ее достаточно, чтобы отпустить. Чтобы дать ей то, что ей нужно. Я думал, что машина поможет, но когда она вернулась, я увидел правду в ее глазах. Этого никогда не будет достаточно. Нас никогда не будет достаточно, не до тех пор, пока она не обретет свою свободу.

Я слышал, как Рокси разговаривала с Райдером той ночью, и с тех пор он не был прежним, поэтому, когда он созвал собрание после того, как она ушла спать, это не было сюрпризом. Я был готов. Меня называют романтиком, мягкосердечным, и, возможно, я такой и есть, но Райдер? Он логичен, и это единственная причина, по которой, я думаю, остальные прислушались.

Рокси свободна от нас.

Мы отпускаем ее.

И я молюсь тому, кто, блядь, слушает, чтобы она вернулась, потому что, хоть раз в жизни, я счастлив. У меня есть все, что мне нужно, то, что деньги никогда не смогут купить — кто-то, с кем я могу пройти через эту жизнь. Так получилось, что этот кто-то также является моим братом, что вполне логично. Никто никогда не встанет между нами.

Одна и та же блестящая, сильная, яростная, злая, умная и сексуальная женщина.

Она — наше сердце. Наша мягкость. Наш разум, за такой короткий промежуток времени. Но мы для нее? Мы — ее похитители.

Я жду, когда она проснется, мое сердце стучит в горле, а желудок завязан узлом. Будет ли Рокси счастлива? Грустна? Черт. Райдер сидит рядом со мной. Два брата, бок о бок, готовые вместе решать очередную проблему. Это похоже на то, как в детстве мы ждали противостояния с отцом, ждали, когда нам станет больно. Райдер, как всегда, леденеет, но я не могу. Я чувствую все это.

Боль.

Она в каждом моем вздохе. Если Рокси уедет, что станет с нами? Дизель и Гарретт уже ушли. Если ее здесь не будет, вернутся ли они?

Мы можем продолжать жить без нее, мы выживем, как всегда, но сейчас мы прирученные змеи, и без нее все будет напрасно.

Я влюблялся в нее медленно. Когда она впервые улыбнулась мне. Первый раз, когда я заставил ее смеяться, наш первый поцелуй, наше первое совместно проведенное время вместе. Когда она заснула в моих объятиях и держала меня за руку на могиле моей матери. Когда Рокси доверилась мне, поверила мне. Когда она перестала вздрагивать, когда начала тянуться ко мне. Доверилась мне.

С каждым разом я падал все ниже и ниже, пока не понял, что полностью влюблен в нее. Я принадлежу ей, но она не моя.

Не полностью. Ее сердце все еще тянется к городу. К прежней жизни. К свободе за этими стенами. Ничто не заменит Рокси, ни подарки, ни любовь. Ей нужно быть свободной.

А мне нужно, чтобы она перестала ненавидеть меня.

Я не мог этого вынести.

Я не мог снова вынести ненависть в этих глазах. Любовь означает боль, я знаю это, но эта боль? На этот раз она может просто уничтожить меня. Я уже пережил потерю матери, но это гораздо хуже.

Рокси проснулась рано. Я слышу, как она двигается, и не могу не улыбнуться. Она похожа на нас, всегда готова встретить день, одетая и накрашенная, только рядом с нами она теряет бдительность. Райдер застыл рядом со мной, но я вижу, что его руки сжаты в кулаки под столом, поэтому я делаю то, чего не делал с тех пор, как мы были детьми, — тянусь к нему и беру за одну из них.

— Что бы ни случилось, ты никогда не потеряешь меня, — говорю я Райдеру, не глядя. Это то, что я должен был сказать давным-давно. Я знаю его страхи. Он думает, что станет нашим отцом.

— Ты никогда не станешь им. Это правильный поступок, брат.

— Знаю, но это так неправильно, — сокрушенно шепчет он.

— Знаю, — шепчу я в ответ, в горле ком. — Но ее жизнь не мы должны забирать. И никогда не должны были. Рокси никогда не была долгом, никогда не была деловой сделкой, она всегда была нашей судьбой, но иногда судьба имеет обыкновение приходить не вовремя.

— Что нам теперь делать? — спрашивает он, и я поворачиваю голову, чтобы встретиться с его потерянным взглядом. В его костюме и этих темных глазах я вижу того ребенка, которым он когда-то был, того, кто потерял маму слишком рано, кто потерял невинность от рук жестокого отца. Человек, который всегда знает, что делать, сейчас потерян, как и я. Наша идеальная жизнь и планы разрушены из-за одной женщины.

Его самый большой страх стал явью.

— Мы продолжаем жить, как всегда. Один вдох за другим. Позволь мне защитить тебя на этот раз, брат, позволь мне сделать это, — говорю я Райдеру, будучи сильным в этот раз. Ему это нужно. Ему нужно опираться на людей, даже если он этого не знает. Рокси научила меня этому.

Я слышу, как открывается дверь в ее комнату, и шаги направляются в нашу сторону. Он крепко сжимает мою руку и лицо брата ничего не выражает; мы оба поворачиваемся, чтобы посмотреть на Рокси, когда она входит. У нее мешки под глазами, и она устала. Вероятно, она тоже не спала. Она скользит взглядом между нами, и Райдер встает.

— Я не повторю жизнь своего отца, любимаая, — рычит Райдер. — Я не мог вынести твоей ненависти ко мне. Все остальные? Смирюсь, но только не с тобой. Никогда.

Затем он уходит, предоставив мне разбираться с этим, как я и обещал. Он не убегает, не прячется, он учится тому, что иногда можно позволить другим помочь.

— Рай? — зовет она, когда он поднимается наверх, но он замирает, держась рукой за перила.

— Я люблю тебя всеми разбитыми, окровавленными частями себя, — пробормотал он, а затем исчез. Она задыхается, спотыкаясь, и смотрит на меня в шоке.

Я встаю и делаю шаг к Рокси, но не могу сократить расстояние между нами. Если я сделаю это, то могу обнять ее и никогда не отпустить. Сейчас мне нужна холодная уверенность Райдера, мне нужна сила Гарретта и убежденность Дизеля. Мне нужны они все, и они здесь, все они, в моем сердце. С ней.

— Рокси, мне нужно, чтобы ты хоть раз послушалась и держала свой красивый рот на замке, пока я не закончу. Ты — любовь всей моей жизни, дорогая. Та, о ком я даже не подозревал, что искал все эти годы. Но ты здесь, и я люблю тебя больше, чем слова, вот почему я даю тебе эти ключи. Я знаю, что ты никогда не сможешь полюбить меня так, как я люблю тебя, когда ты не свободна. Надеюсь, я чертовски надеюсь, что хотя ты можешь уйти, ты свободна, и я обещаю, что это так. Мы не будем преследовать тебя, мы не будем охотиться на тебя. Ты действительно свободна... Я надеюсь, что ты все равно захочешь остаться. С нами. Люби нас, Рокси. Я знаю, что прошу не о чем-то легком или простом, я прошу обо всем, но я не могу не просить. Ты наше сердце, Рокс, наше живое, бьющееся сердце. Кусочек, которого нам не хватало в нашей семье. Ты перевернула наш мир с ног на голову. Мы не хорошие люди, мы не мягкие и не любящие, мы жесткие, и наши руки испачканы кровью. Но я клянусь, я клянусь, если ты останешься, ты никогда ни в чем не будешь нуждаться, и никто никогда больше не причинит тебе боль... ну, кроме нас. — Я ухмыляюсь, и слезы наполняют ее глаза, когда Рокси смотрит на меня, потеряв дар речи. — Мы будем любить тебя без напряжения, всегда, даже когда это трудно или больно, когда мы ненавистны и мрачны, даже когда мы пугаем всех, кроме тебя. — Я подхожу ближе и передаю ей ключи от машины. — И вот я здесь, умоляю тебя не уезжать, хотя ты можешь. Ради тебя я потеряю всякое чувство достоинства и гордости. Я сделаю то, что они не могут. — Я сглатываю, слова даются с трудом, когда я смотрю в эти глаза, которые я знаю лучше, чем свои собственные. — Останься, будь нашей. Сохрани Райдера в здравом уме, растопи этот лед и дай ему любовь, которой у него никогда не было, но которую он заслужил. Люби Гарретта, даже если он борется с любовью к себе. Люби Дизеля, даже если это может убить тебя... и люби меня, даже если я этого не заслуживаю. Будь моей величайшей победой.

Она моргает и на секунду отводит взгляд, и я поворачиваю ее лицом к себе, моя рука задерживается на ее щеке.

— У меня нет подарков, нет драгоценностей, дорогой одежды или... или чего-либо, что можно предложить. Только я и мое сердце, — я ударяю кулаком в грудь. — То, которое мой отец пытался вырезать из меня. Оно разбито, повреждено и темно, как и все мы, но оно твое. Вместе с моим оружием и моей преданностью. Навсегда. Останься, дорогая, пожалуйста, останься.

Рокси сглатывает, не позволяя слезам пролиться, она слишком сильная, наша девочка.

— Я действительно свободна? — спрашивает она.

Я киваю.

— Свободна, ты можешь вернуться к своей жизни, если ты этого хочешь.

Она безмолвно смотрит в мои глаза. Мое сердце бьется в груди так громко, что она, должно быть, слышит его. Мои ноги подкашиваются, желудок скручивается, и когда она делает шаг назад, позволяя моей руке оторваться от ее лица, все обрывается.

Моя грудь разрывается, живот опускается, а ноги почти подгибаются. Я смотрю, как Рокси молча поворачивается и бежит к двери. Она распахивает ее, колеблется, и на мгновение у меня появляется надежда, надежда, что она останется, но потом она уходит, дверь за ней закрывается.

Я падаю на колени, мое сердце разлетается на миллион осколков, когда я смотрю на пустое место, где она стояла. Мой дом холоден и пуст. Я один.

И мне только что разбили сердце.

Она ушла.

Она ушла от нас.

Из-за шума я поднимаю голову к балкону. Я вижу удаляющуюся фигуру Райдера, а затем слышу, как хлопает его дверь. Сегодня она разбила не одно сердце, но мы сдержим свое обещание.

Подарим ей свободу.

Но... но что, если я не смогу?

Потому что секунды идут, а дышать становится все труднее и труднее, чем дальше она от нас. Что, если без нее не будет нас?

Что, если я не смогу ее отпустить?

Что, если я недостаточно силен?

Что если я слишком большая гадюка, чтобы отпустить нашу добычу?

РОКСИ

Мое сердце колотится, легкие болят, но я обгоняю его. Я сжимаю ключи так сильно, что они врезаются мне в руку, но даже эта боль не ощущается. Она не сравнится ни с болью в животе, ни с криком моего сердца.

Кензо умолял.

Он выложил мне все и попросил остаться.

А я ушла.

Я бегу быстрее, бросаясь вниз по лестнице, пока не добегаю до гаража. Я прикладываю руку к сканеру, и он мигает зеленым, пропуская меня. Торопливыми шагами я добегаю до машины и кидаюсь на водительское сиденье, но когда бежать уже некуда, реальность обрушивается на меня.

Боль в его голосе. Любовь в его взгляде. Отчаяние, которое я увидела в его позе. Они дали мне все, чего я когда-либо хотела, с тех пор как впервые вошли в мой бар... но что, если то, чего я хочу, изменилось? Что если эта змея сбросила свою кожу и стала чем-то новым?

Нет, не позволяй им овладеть тобой.

Это то, чего ты хотела... — напоминаю я себе. Я хватаюсь за руль и включаю двигатель. Я свободна. Я больше не принадлежу им.

Но, сидя в машине, я не могу пошевелиться. Моя прежняя жизнь наполнена призраками, это пустая, одинокая оболочка. Неужели я действительно хочу вернуться обратно? Есть ли вообще что-то, к чему можно вернуться?

Вайперы — это не ситуация для прогулок, это на всю жизнь. Если я выбираю их, я выбираю их навсегда со всеми вытекающими последствиями, с которыми сопряжена их жизнь.

Потому что где-то по пути «я тебя ненавижу» превратилось в «я тебя люблю».

Да, я ненавижу их так сильно, что это пугает меня. Вот почему я ухожу, но я не могу позволить страху удержать меня. Не с таким количеством на кону. Не с четырьмя сердцами. Все просто. Я хочу их, они хотят меня.

Свобода, семья, работа — все это не имеет значения. Только они.

Гадюки.

Мои Гадюки.

Я их девочка.

Так почему я бегу? Потому что я боюсь, вот почему. Боюсь того, как сильно я хочу их, как сильно они поглотили меня. Как правильно я чувствую себя в их объятиях, в их жизни. Холодный, контролирующий альфа. Поврежденный насильник с золотым сердцем. Романтичный, очаровательный игрок. Безумный убийца с одержимым сердцем.

И кем же я становлюсь?

Их пленницей?

Нет, больше нет. Это делает меня их Гадюкой. Здесь, с ними, я дома.

Как только я это осознаю, я понимаю. Я знаю, что не хотела уходить, не хотела уже долгое время. Эта борьба и ненависть были направлены на себя, потому что я понимала, что если бы я не сделала этого, если бы я сдалась, я бы увидела правду с самого начала. С первого поцелуя, подмигивания и улыбки. Я принадлежала им.

Но нельзя брать и не отдавать что-то взамен.

Они взяли меня, но они отдали мне себя.

А я просто разрушила это. Я отказываюсь быть такой, как родители Райдера и Кензо. Я отказываюсь быть сухой, которая разрушила Гарретта. Я отказываюсь быть матерью, которая никогда не любила Дизеля. Я отказываюсь повторять прошлое.

Это наше будущее, они — мое будущее. Я выключаю двигатель, и если это не кажется неправильным, я знаю, что это правильное решение. Я остаюсь с ними. С их образом жизни и всем, что он включает — враги, кровь, богатство, вечеринки, змеи и лжецы. Все это. Выскользнув из машины, с колотящимся сердцем, я поворачиваюсь, чтобы бежать обратно к ним, и замираю, увидев там Кензо.

Он стоит позади машины, его глаза блестят от непролитых слез, грудь вздымается, тело дрожит, как и у меня. Мы оба боремся, но то, что я сказала Гарретту, правда, я больше не буду бороться.

Он подходит ближе, и на этот раз я не отступаю.

— Я солгал, — кричит он. — Я всегда буду следовать за тобой. Я буду охотиться за тобой по всему миру. Даже если ты возненавидишь меня, нас, за это. Я притащу тебя обратно, пинающуюся и кричащую. Бей меня, бей меня, дерись со мной. Мне все равно, боль стоит того, чтобы ты была со мной, дорогая. Я слишком сильно люблю тебя, чтобы отпустить. Я чересчур эгоистичен, чтобы позволить лучшему, что когда-либо случилось с нами, уйти. Ты принадлежишь нам.

Я бросаюсь к нему, и он встречает меня на полпути, мгновенно поднимая меня. Наши губы встречаются здесь, на парковке. Отстранившись, он резко хватает меня за волосы, его взгляд остер и вместе с тем жесток.

— Никогда больше не смей уходить от меня, дорогая.

— Не позволяй мне, блядь, — огрызаюсь я и, ухмыляясь, даю ему пощечину.

Кензо застонал, его голова дернулась назад, и он крепко поцеловал меня. Он начинает идти назад к лифту, но останавливается и впечатывает меня в бетонную стену, заставляя меня задохнуться от боли. Его взгляд жесток, и мне это чертовски нравится.

— Теперь ты от нас никуда не денешься, Рокси.

— Хорошо, — ухмыляюсь я. — Это обещание?

Он ворчит, когда мы слышим, как открывается гараж, и я смотрю через его плечо, чтобы увидеть Гарретта, который врывается на своем мотоцикле. Он срывает шлем и, увидев меня, бросается на меня, его глаза злые, а тело напряжено от гнева. Он подходит прямо к нам, не обращая внимания на то, в каком положении мы находимся.

— Ты, блядь, не уйдешь.

— Думала, ты меня ненавидишь, — поддразниваю я.

— Ненавижу, — рычит Гарретт, его рука обхватывает мое горло, когда он впивается мне в губы, не обращая внимания на Кензо. — Но ты не можешь уйти.

— Я ненавижу тебя, — огрызаюсь я, и он ухмыляется.

— Я тоже тебя ненавижу, детка.

Кензо оттаскивает меня.

— Наверх, сейчас же, — требует он и торопит нас в лифт. Гарретт нажимает пальцем на кнопку, он сверлит меня взглядом своих темных глаз, и я знаю, что бы они ни планировали, это будет больно. В самом лучшем, блядь, смысле.

Он наблюдает за мной всю дорогу, и когда двери открываются, там стоит Дизель с диким взглядом. Он останавливается, когда видит меня, его глаза сужаются.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, пыталась сбежать?

— Нет, просто захотелось, чтобы меня наказали, — ухмыляюсь я.

Он ухмыляется, его голодный взгляд блуждает по мне.

— Это можно устроить.

Кензо отказывается отпустить меня, когда мы выходим из лифта, но Дизелю удается приблизиться.

— Думала, я позволю тебе уйти? Я сказал тебе, ты моя, им придется убить меня, чтобы я не смог прийти за тобой.

Я таю от его слов. Когда-то это испугало бы меня. Когда я увидела его в первый раз, я подумала, что он сумасшедший, он и сейчас такой — чертовски сумасшедший. Но он — мой псих. И когда Ди шепчет угрожающие, грязные вещи вроде этих, я не могу не извиваться, желая большего.

Наверное, я тоже сумасшедшая.

Я должна быть такой, чтобы любить четырех Вайперов.

Дверь все еще открыта, и Кензо врывается в нее, сбивая меня с ног в гостиной и стоит передо мной, скрестив руки и злясь.

— Раздевайся. Сейчас же.

— Что, на этот раз обойдемся без кубиков? — дразнюсь я, даже когда моя киска сжимается от приказа. Где Райдер?

Дизель рыщет вокруг меня, а Гарретт наблюдает за мной с дивана, раздвинув ноги и смотря голодными глазами. Но они все еще злятся, злятся, что я почти ушла. Я тоже. Лучший способ решить это? Выебать их.

— Лучше раздевайся, Птичка, — рычит Дизель.

Поэтому, закатив глаза, я срываю с себя майку, снимаю сапоги и шорты, пока не предстаю перед ними голая. Я чувствую себя уверенно в своей коже, поэтому я не пытаюсь спрятаться. Я провожу рукой по груди, чувствуя себя сильной, когда три пары глаз наблюдают за этим движением, а комната наполняется мужскими стонами.

Да, Гадюки могут кусаться.

Но я тоже кусаюсь.

И они мои.

— Что... — рычит Райдер, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть его застывшим на вершине парящей лестницы. — Роксана?

Я подмигиваю ему.

— Придешь поиграть?

Я нервничаю, но стараюсь не показывать этого. Наверняка он знает, что я ушла, но я вернулась. Он все еще хочет меня?

Райдер наблюдает за мной, отмечая каждый чертов дюйм кожи, каждое движение, каждый взгляд, как всегда. Анализирует, использует как оружие.

— Все зависит от того, любимая, планируешь ли ты снова уехать? — жестоко огрызается он.

— Все зависит от того, любимый, планируешь ли ты доставить мне несколько оргазмов? — передразниваю я.

Глаза Рая сужаются, а кулаки сжимаются, когда он спускается по лестнице, не останавливаясь, пока не оказывается передо мной, а остальные приближаются за ним. Я против четырех разъяренных, возбужденных Гадюк. Кажется, шансы равны, на самом деле, им не помешало бы иметь больше людей.

Он крепко держит меня за подбородок, его глаза жестокие и злые. Ледяные.

— Не смейся надо мной, любимая. То, что ты думаешь, что сможешь справиться с нами, еще не значит, что сможешь. Так докажи это, мать твою.

Он испытывает меня, пытается увидеть, сможет ли он держать меня на расстоянии, всегда пытаюсь защитить их сердца. Ну и хрен с ним.

— Ладушки, — отвечаю я, даже перед лицом его темной злобы. Его демонов.

Я не буду говорить, что он никогда не причинит мне боль. Он может. Он может даже убить меня однажды, но его любовь, блядь, того стоит. Они того стоят. Я не могу сказать, что доказать это слишком сложно. Поэтому я опускаюсь на колени, как хорошая девочка, и расстегиваю его брюки, просовывая руку внутрь.

— Вы все собираетесь стоять там и смотреть или участвовать в действии?

Они колеблются мгновение, я смотрю на Райдера и облизываю его твердый член, вспоминая, как нам было хорошо вместе. Он думает, что я не могу с ними справиться? Я трахну их всех и докажу, что он ошибается. Они — моя семья, мои Вайперы, мои Гадюки, а нельзя любить Гадюку, не любя боль.

Он хватает меня за шею и отталкивает, отбрасывая назад. Я падаю на спину, задыхаясь, и ухмылка искривляет мои губы, когда я вижу, что он не так спокоен, как хотел бы притворяться. Его глаза опасно сужаются.

— Дизель, напомни Роксане, кому она принадлежит.

— *О, Роксана, у тебя проблемы,* — насмехаюсь я, когда Дизель подходит ко мне сзади. Он откидывает мою голову назад и прижимает нож к моему горлу, а затем проводит им по груди, разрезает лифчик и спускается к пупку, царапая лезвием, заставляя меня стонать.

Кензо встает на колени и целует мое бедро, что так противоречит грубым, жестоким ладоням Дизеля. Его губы достигают моей киски, смыкаясь на ней через трусики, пробуя мою влагу на вкус.

Застонав, я выгибаюсь дугой навстречу ему и лезвию, порезавшись. Кровь струйкой стекает из крошечного пореза вниз по животу, заставляя Дизеля хрюкнуть позади меня, его рука крепко удерживает мою голову за волосы.

— Грязная Маленькая Птичка.

— Оргазмы, — требую я, задыхаясь, толкаясь своей киской в рот Кензо.

Дизель смеется.

— Позволь мне, — бормочет он Кензо, опускает лезвие ниже и одним плавным, умелым

движением срезает кружево, обнажая меня перед ними всеми. Глаза открыты, грудь вздымается, я смотрю на Райдера и Гарретта.

Райдер неподвижен, его взгляд прикован ко мне, он следит за каждой моей мимолетной реакцией. Руки Гарретта сжаты в кулаки, он вышагивает, его глаза тоже устремлены на меня, голодные и злые одновременно.

— Пока не позволяй ей кончать, — приказывает Райдер, садясь на диван и наблюдая за нами. Чертов мудака.

Я щурюсь на него, а он ухмыляется, словно знает, о чем я думаю.

— Гарретт, как ты думаешь, если Дизель будет держать ее голову с членом во рту, а Кензо будет сковывать ее руки, ты сможешь трахнуть киску Рокси?

Гарретт серьезно смотрит на меня, и я замираю, даже когда Дизель проводит ножом вверх и вокруг одного из моих сосков, а язык Кензо проводит по моей киске дразнящими маленькими движениями, словно я его любимый десерт, заставляя меня хныкать и хотеть большего.

— Да, — кивает он.

— Хорошо. Брат, сделай ее красивой и мокрой для него, а потом займись ее руками, пока он не кончит, — приказывает Райдер.

Эта чертова задница пытается все контролировать, как обычно. Сейчас я позволю ему, потому что это поможет Гарретту, но после? Все ставки отменяются.

Кензо делает то, что ему велят, он встречается со мной взглядом, затем обхватывает губами мой клитор и сосет, его пальцы скользят в мое влажное тепло. Дизель прижимает холодное стальное лезвие к моему сверхчувствительному соску, удерживая его там, пока я качаюсь во рту Кензо.

Мне не требуется много времени, чтобы довести себя до разрядки, но, как и подобает ублюдкам, Кензо отстраняется, как только я собираюсь кончить. Застонав, я закрываю глаза, ругаясь, пока мою голову не поворачивают и не засовывают член мне в рот. Я задыхаюсь на секунду, пронзительный звук тянется по моему языку, когда мои глаза распахиваются, чтобы встретиться со взглядом Дизеля. Кензо связывает мне руки, и две грубые ладони проводят по моим бедрам и раздвигают их еще шире. Я хочу повернуться, чтобы посмотреть, но не могу, Дизель контролирует мою голову, и он не собирается расслабляться. Он жестко трахает мой рот, наказывая меня за то, что я попыталась сбежать. Слезы падают из моих глаз от такой силы, мое горло сжимается, когда я пытаюсь дышать через нос и панику. Только когда я расслабляюсь, я чувствую, как Гарретт выстраивается в линию у моей киски.

Он проводит своим огромным членом по моей влажной коже, прежде чем ворваться в меня, заставляя меня кричать и задыхаться вокруг члена Дизеля, который в наказание разрезает ножом мою грудь. Я чувствую кровь, и внезапная боль заставляет меня сжиматься вокруг Гарретта, заставляя его стонать, когда он борется с моей тугой киской.

— Блядь, детка, — стонет Гарретт, его руки крепче сжимают мои бедра, когда он тащит меня дальше вниз, мое тело растягивается между Вайперами, когда они применяют ко мне свои наказания.

Гарретт трахает меня жестко и быстро, грязно и грубо. Его член тянется по тем нервам, которые заставляют меня стонать вокруг члена Дизеля. Его голубые глаза безумно смотрят на меня, когда он прижимает палец к ране на моей груди, щелкает и рвет края, боль смешивается с удовольствием.

— Маленькая грязная Птичка, — стонет он, пока его член дергается у меня во рту, когда

Дизель отводит палец, чтобы показать мне мою кровь на своей руке. Он вынимает свой член из моего рта, и я задыхаюсь, глядя, как Ди обхватывает его окровавленной рукой, поглаживая по мокрой длине, не сводя с меня глаз. Затем он прижимает кончик к моим губам.

— Отсоси у меня, грязная Птичка, и попробуй себя на мне. Посмотри, как красиво ты истекаешь кровью для моего клинка. Если бы здесь не было остальных, не смог бы гарантировать, что ты пережила бы меня с тем, что я чувствую сегодня, — рычит он.

Гарретт привлекает мое внимание, щелкает по моему клитору, пока я не вскрикиваю, мой рот открывается, и Дизель проникает внутрь. Привкус крови и мужчины взрывается у меня во рту, я стону и сосу его сильнее.

— Не дай ей кончить, — приказывает Райдер, и я дрожу от нарастающей во мне силы. — Ты не получишь награды за то, что пыталась сбежать от нас, Роксана. Ты будешь брать их члены, как хорошая девочка, и только когда мы закончим, мы решим, получишь ты свой оргазм или нет.

Дизель ухмыляется, покачивая бедрами и толкаясь в мой рот, пока мне не приходится просто держаться. Гарретт вбивается в меня, так сильно, что это балансирует на грани боли. Я чувствую, как его ногти впиваются в мою кожу, почти режут.

— Блядь, детка, — рычит Гарретт. Я чувствую, как его бедра замирают, а затем он стонет, врываясь в меня, прежде чем вырваться. Вот ублюдок!

Дизель смеется и хватается мою голову сильнее, насаживая меня на свой член и проталкивая прямо в мое горло, пока его глаза не закрываются и, со стоном, он тоже кончает. Его пресс сжимается, когда он задыхается, затем Ди отстраняется и откидывается назад с довольной улыбкой на лице.

— Вы гребаные засранцы, — хриплю я, голос становится грубым, когда я слатываю и облизываю губы. Кензо усмехается и отпускает мои руки. Мое тело болит, и моя киска сжимается снова и снова, так близко к тому, чтобы кончить, но вместе с тем так далеко.

Они получили свое удовольствие, теперь моя очередь.

Я сажусь, даже не поморщившись, когда чувствую, как сперма Гарретта вытекает из меня. Я поворачиваю голову и встречаю взгляд Райдера. Он контролирует ситуацию, но забывает, что я не очень хорошо воспринимаю приказы.

— Ты не можешь контролировать все, Рай, — бормочу я, подползая к нему. Он наблюдает за моим приближением, его губы раздвигаются, а взгляд тает. Я ползу по его ногам и скольжу к нему на колени, хватаю член Райдера и встаю, опираясь на него, прежде чем опуститься на член Рая. Он стонет, хватая меня за бедра, чтобы остановить меня, контролировать мои движения, но я не позволяю ему. Я хочу кончить, хочу кончить на его члене, и я беру то, что хочу. Я раскачиваюсь, поднимаясь и опускаясь, сперма его брата помогает мне. Это дикая, неконтролируемая скачка, пока он не ругается и наконец не отпускает меня.

Кензо придвигается ближе, и я поворачиваю голову, открывая ему рот. Он проскальзывает внутрь, его брат утопает в моей киске, а два других его брата стоят и смотрят.

Я так чертовски близка к тому, чтобы кончить, что, когда Райдер наклоняется вперед и берет в рот мой сосок, а я насаживаюсь на его член, я кончаю с криком вокруг члена Кензо. Но они не дают мне отстраниться, руки Райдера сжимают меня и двигают сильнее, трахая меня. Кензо входит и выходит из моего рта, их глаза смотрят на меня, когда они берут то,

что хотят. Я дрожу и трепещу между ними, едва справляясь со своей разрядкой, даже когда наступает новая.

— Черт возьми, Птичка, видела бы ты себя. Член у тебя во рту и один в пизде, а ты покрыта кровью, шедевр, блядь, — вторит Дизель позади меня, и мои глаза закрываются от этих слов, когда я сжимаюсь вокруг Райдера.

— Открой глаза, любимая, — огрызается Райдер. — Ты будешь смотреть, как мы трахаем тебя и наполняем своей спермой. Каждый чертов раз, когда ты попытаешься отстраниться от нас, мы будем напоминать тебе, кому именно ты принадлежишь. Это тело? — застонал он. — Оно наше. Эта киска? Наша. Никогда, блядь, не забывай об этом.

Кензо пыхтит, его глаза дикие, когда он смотрит на меня.

— Дорогая, блядь.

Я тянусь вверх и перекаत्याваю яйца Кензо в своей руке, пока скачу на члене Райдера. Кензо чертыхается, его глаза закрываются, как от боли.

— Я так, блядь, близок, Рокс. Боже, остановись...

Но я, черт возьми, не остановлюсь.

Я почти потеряла это.

Потеряла их.

Из-за гордости и страха.

Я сосу его сильнее и сжимаю яйца Кензо. Он кричит и дергается, погружаясь в мой рот, а затем внезапно вырывается, его рука обхватывает член, и он смотрит на меня. Мой рот болит, губы распухли, а он смотрит на меня.

— Мы все тебя пометим, — рычит он и еще дважды качает свой член, прежде чем кончить, его сперма брызжет на мои груди. Кензо стонет, а когда его глаза снова открываются, он видит свою сперму на мне и хрипит.

— Черт, как сексуально.

Проведя пальцем по этому беспорядку, я втягиваю палец в рот, поворачиваясь и глядя в глаза Райдеру. Он позволил мне закончить с его братом, прежде чем все мое внимание переключить на него. Тогда он напомнил мне, почему я люблю его наказания, его боль и огонь.

Почему я люблю его.

Рай переворачивает меня, наклоняет над диваном, моя голова болтается, когда он становится на колени позади меня и входит в мою киску. Одна рука запутывается в моих волосах и откидывает мою голову назад, он кусает меня за шею, его член твердый и толстый, проходящий по нервам, от чего я почти кричу, а мои глаза разбегаются от удовольствия.

— Никогда, блядь, больше не покидай нас, — требует он, голос дикий.

— Никогда, — пыхчу я, подаваясь назад навстречу его толчкам.

— Скажи это еще раз, — приказывает он, толкаясь в меня.

— Никогда, никогда, никогда, — повторяю я, пока он контролирует мое тело. Я чувствую, как Райдер теряет контроль, когда он вводит палец в мою задницу, отправляя меня за грань. Я кончаю с криком. Едва чувствую свое тело, в глазах темнеет, а когда я прихожу в себя, то прислоняюсь к дивану, на мне его вес и влажность между бедер, которая говорит мне, что он кончил.

Райдер снова облизывает мою шею.

— Мы еще не закончили. Когда взойдет солнце, ты даже не сможешь ходить после того, что мы запланировали для тебя. За то, что ты посмела уйти. Мы Гадюки, любимая. Мы

кусаемся, и мы никогда не прекращаем охоту.

Он выскользывает из моей киски, и я падаю на диван, без костей и липкая, но очень довольная. Моя киска болит, но, как он и обещал, он еще не закончил со мной.

Кензо вытирает мою киску мягкими движениями салфетки, затем отбрасывает ее, и его пальцы берут верх, поглаживая мою влажную киску. Я пытаюсь протестовать, но он медленный и нежный, и не успеваю я опомниться, как снова нагибаюсь к его пальцам.

Кензо вводит в меня два пальца и гладит, пока я не задыхаюсь и не поднимаю бедра, и только тогда он перетаскивает мои ноги на край дивана и зарывается в меня лицом. Лижет и лижет меня, успокаивая своим языком.

— Как она на вкус, брат? — бормочет Райдер, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть, как он смотрит на меня. Все они, и всем им снова тяжело. Боже мой.

Гарретт стонет, облизывая губы, когда подходит ближе, заставляя меня пыхтеть сильнее.

— Как в гребаном раю, — стонет Кензо, его руки жадно хватают меня, поглощая все быстрее и быстрее.

— Кензо, — хнычу я, выгибаясь дугой, когда лезвие Дизеля внезапно задевает мою кожу, заставляя меня дернуться и повернуть голову, чтобы увидеть его за диваном, наклонившегося, чтобы коснуться меня.

— Она так сладко стонет, не так ли? — смеется Дизель. — Ты бы слышал, как она кричит, когда ты режешь ее кожу.

Мои глаза закрываются на это, я не могу этого вынести, и когда Дизель сжимает мое горло, перекрывая доступ кислорода, а Кензо проводит языком по моему пирсингу, я кончаю с криком, и все они смотрят на меня, как я извиваюсь от удовольствия.

— Я хочу поиметь ее в задницу, — говорит Дизель остальным, а Кензо целует каждое бедро и переворачивает меня. Я не могу даже говорить, не то что спорить, и когда чувствую, как грубые, мозолистые руки Дизеля гладят мои бедра, я хнычу, зарываясь головой в диван.

О боже, я не могу.

— Ди, — шепчу я, но он слышит меня, и его зубы внезапно впиваются в мое бедро, заставляя меня вскрикнуть.

— Наша, — огрызается он. — Я буду иметь тебя, как только захочу, Маленькая Птичка. Будет больно, и тебе все это понравится.

Пытка.

Это он пыгает меня сегодня за то, что я посмела уйти от него. Они все такие, но когда это сопровождается одними из лучших оргазмов в моей жизни, как я могу протестовать? Поэтому, несмотря на то, что я измотана, мое тело устало и пресыщено, я не возражаю, когда он поднимает мою задницу в воздух.

— Я люблю тебя, Птичка. Ты — бензин в моем огне. Я бы никогда не отпустил тебя, и другие тоже. Они идиоты, если думали, что смогут, — бормочет он, раздвигая мои булки и облизывая мою попку.

— Готова ко второму раунду?

Вот дерьмо.

РАЙДЕР

Рокси явилась на завтрак с большим зевком. Рубашка на ней прозрачная, и на нашей девочке нет ни трусиков, ни лифчика. Я чуть не роняю чашку, настолько пристально смотрю. Она ухмыляется, поймав мой взгляд, и подмигивает, прежде чем плюхнуться на свое место и положить ноги мне на колени. Закатывая глаза, я глажу пальцы её ног, возвращаясь к чтению обновлений на своем телефоне.

Она спала почти сутки после нашего воссоединения, как называет это Дизель. Ее тело все еще болит, поэтому я не настаиваю на сексе, хотя мне хочется перегнуть ее через стол и трахнуть. В ту ночь мы устроили ей ад, ее кровь залила гостиную, она платила оргазмами за попытку уйти от нас. И ей нравилась каждая чертова минута, хотя, когда мы наконец закончили с ней и обняли Роксану, когда она заснула, она сказала, что ненавидит нас. Она такая чертова лгунья.

— Дизель, не хочешь объяснить, почему у нас теперь есть еще одна яхта? — спрашиваю я, поднимая глаза, чтобы увидеть, как он откидывается назад с ухмылкой, в то время как Гарретт картинно стонет.

— Я же говорил тебе, что он узнает, что это Ди, — смеется он.

Ди пожимает плечами.

— Ну, видишь ли, я шел по своим делам, когда увидел яхту под названием «Рокси». Конечно, никто, кроме нас, не мог владеть яхтой, названной в честь нашей девушки, поэтому я предложил им много денег, чтобы владелец продал ее.

Ди пожимает плечами, а Рокси смеется и берет кружку с кофе, которую ей протягивает Кензо.

— Ты забыл упомянуть о том, что владелец отказался, а ты выбил из него весь дух сковородкой и сказал, что теперь яхта твоя, и чтобы он называл себя Капитаном Сумасшедшим, — добавляет Гарретт, поеживаясь.

На мгновение воцаряется тишина, а потом мы все разражаемся хохотом, когда Дизель ухмыляется. Он смотрит на Рокси и подмигивает.

— Ты можешь называть меня просто Сумасшедшим, Птичка.

— У нас уже есть яхта, — вздыхаю я, когда наконец могу контролировать свой смех.

— Ну, теперь у нас их две, и мы можем участвовать в гонках, — смеется Дизель, открывая и закрывая зажигалку.

Собираюсь было попытаться объяснить, почему мы не будем этого делать, когда звонит телефон, прерывая меня. Отвечая на звонок, я массирую холодные пальцы Роксаны, но замираю от слов, прозвучавших в трубке.

— Произошел взрыв.

Я сажусь, мое тело напрягается, когда все намеки на что-либо еще важное, кроме Гадюк, исчезают.

— Где?

— В старом доме, — вздыхает Тони.

— Есть раненые или убитые?

Чувствую на себе пристальный взгляд остальных, поэтому поднимаю палец, безмолвно прося их немного подождать.

— Нет, там было пусто. Пожарные и полиция уже здесь, но мы их знаем, так что они скажут, что это взрыв газа и скоро уедут.

— Спасибо, Тони, держи меня в курсе, — рычу я.

— О, и босс? Мы нашли следы от мотоциклов, ведущие на грунтовую дорогу за домом. Четырех мотоциклов.

Тони повесил трубку.

Мотоциклы.

Триада.

Эти гребаные идиоты. Я убью их за то, что они сделали. Это не просто коварный выпад против нашей власти, это тотальное объявление войны. Мы могли бы списать попытку убийства на юношеский энтузиазм и усмирить их, но это?

Это событие ознаменует их смерть.

Захлопнув телефон, я смотрю на остальных, которые уже готовы, их тела вибрируют от напряжения, они знают, что что-то случилось.

— Они взорвали старый дом.

— Триада, — рычит Гарретт, его руки сжаты в кулаки, и я наклоняю голову.

— Обнаружены следы байков на заднем дворе. Полиция и пожарные сочтут это взрывом газа.

Скрежещу зубами и чувствую, как Рокси хмурится, глядя на нас.

— Старый дом? — спрашивает она, но я слишком взбешен, чтобы ответить, слишком занят мысленными подсчетами, чтобы даже говорить. Чтобы не взорваться и не обрушить свой адский гнев на весь этот город, который осмелился нам противостоять.

— Дом нашего отца. Мы жили там после его смерти некоторое время, пока строили этот дом, — говорит ей Кензо, но даже его голос напряжен.

Ударом по этому дому, по нашему дому, они пытаются спровоцировать нас на ответную реакцию. Если мы не ответим, нас сочтут слабаками, как будто мы их боимся, а это не так. Их семья могла управлять этим городом, но теперь они всего лишь реликтовые создания.

Любой реликт можно предать забвению.

— Что мы будем делать? — спрашивает Кензо.

Все забыли о еде.

— Мы возьмем их, конечно же, и убьем их всех, — рычит Дизель, вонзая нож в стол, его лицо искажено гневом.

— Нет, не сейчас. Мы покажем им, что можем легко добраться до них. Мы докажем свою силу, заставим их бояться нас, как и всех остальных. А потом мы их уничтожим, —

говорю я, спокойно ставя чашку с чаем и поправляя костюм.

— Возьму ракетную установку, — добавляет Дизель.

— Нет, они владеют рестораном, не так ли? Их родители управляли им много лет и жили над ним, дай мне адрес. И еще, дай мне адрес всех трех братьев. Сегодня воскресенье, так что они будут дома, у них семейный праздник.

Начинаю ухмыляться, а Кензо зеркалит мою ухмылку.

— Мне нужно сделать пару звонков. Мне нравится, куда ты клонишь, старший брат.

Взяв свой телефон, я встаю.

— Хочу, чтобы полиция была у всех трех дверей, арестуйте их по любому обвинению, покажите им, дайте им понять, что это от нас, и закройте этот ресторан, отберите его, он теперь принадлежит нам.

— Что ты собираешься делать? — с любопытством спросила Рокси, не выглядя при этом ни капли расстроенной.

— Собираюсь перешерстить документы всех членов их семей и сотрудников. Все, кто находится здесь нелегально, будут немедленно депортированы. Мы собираемся уничтожить их. Это война.

Затем она встала.

— Позволь мне помочь.

Остальные бросаются к своим телефонам, но я не тороплюсь звонить, смотрю на нее.

— Ты хочешь помочь?

Роксана кивает, лукавая ухмылка играет на ее губах.

— Думаешь, ты единственный, кто может? У меня есть идея. Ты мне доверяешь?

Я пристально смотрю на нее, и Роксана подходит ближе.

— Райдер, ты мне доверяешь?

Слова эхом отдаются вокруг меня, когда я киваю головой в знак согласия. Она ухмыляется шире, чем раньше, и целует меня в щеку.

— Хорошо, потому что сейчас все будет по-настоящему.

Она уходит, а я смотрю на ее удаляющуюся фигуру, размышляя, стоит ли мне беспокоиться о ней больше, чем о Дизеле и его пусковой установке, но у меня нет времени на раздумья. Если я хочу сделать это сегодня, мне нужно звонить, и быстро.

~

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, КАК я разговариваю по телефону, проходит несколько часов, Рокси возвращается, выглядя слишком довольной собой, а Гарретт идет за ней по пятам.

— Все готово, теперь мы сидим и наблюдаем.

— И что же ты сделала, любимая? — спрашиваю я, уже более спокойно.

Она опускается на мои колени, ухмыляясь, и наклоняется ко мне.

— Смотри и учись, детка.

Она целует меня и снова встает, насвистывая, когда направляется в гостиную и включает телевизор, чтобы посмотреть новости.

Я следую за ней, прислонившись к спинке дивана, и смотрю поверх ее головы, как она упоминает об облавах в городе — без сомнения, на их дома и ресторан, что заставляет меня ухмыляться, — но затем она переключается на новый выпуск новостей, и у меня открывается рот.

Репортаж посвящен их импортному бизнесу, бизнесу Триады.

— Сделай громче, — требую я, и телевизор громыхает на всю комнату, заставляя

появиться Дизеля и Кензо.

Репортер новостей рассказывает, что осведомитель подтвердил, что бизнес Триады связан с кражами и импортом наркотиков, а информаторы, которых они называют местными дилерами, подтверждают, что они их поставщики.

Я выключаю телевизор и бросаю взгляд на Рокси, которая рассматривает свои ногти с ухмылкой на лице.

— Любимая...

— Как, черт возьми, тебе это удалось?

Кензо вытаращился. Он смотрит на меня в шоке.

— Ты знал?

Я качаю головой, а Рокси поворачивается и смотрит на нас.

— Не только у вас есть друзья. Хочешь знать, кто сообщил об их бизнесе? Он постоянно приходит жаловаться на жену, любит бурбон и задолжал мне, — она пожимает плечами. — Хотя я обещала ему работу здесь, раз уж он потерял свою. Возможно, данная инфа не будет долго муссироваться, но это притормозит их на некоторое время и вымажет их имя в грязи.

— Дилеры? — спрашиваю я, нахмурившись, в то время как Дизель маниакально смеется.

— О важные шишки и курьеры? Да, хорошие парни, обреталась с ними некоторое время на улице. Копы все равно дышали им в затылок, так что это помогло сбить их с толку и выйти на их поставщиков, — говорит она, играя бровями. — Я обещала, что их не арестуют, а если арестуют, мы их вытащим. Проблемы?

Я просто смотрю на нее, не зная, что сказать.

— Вот дерьмо, дорогая, это чертовски невероятно. Клянусь, я прям завелся, — смеется Кензо.

Гарретт даже ухмыляется.

— Детка, ты точно одна из нас, жестокая сучка.

Она подмигивает ему, когда Дизель подлетает и крепко целует ее.

— Я же говорил тебе, Гадюка насквозь.

Они все смотрят на меня, а я просто смотрю на нее, и она наклоняет голову с ухмылкой.

— Твой план был лучше, но атака со всех сторон заставит их бежать и даст тебе время их уничтожить, — пожимает она плечами.

— Любимая.

Качаю головой и укоризненно смотрю на нее. Роксана придвигается ближе, и я беру ее за подбородок, глаза нашей девочки слегка вспыхивают от желания, губы приоткрываются.

— Ты гений, — бормочу я, наклоняясь и зачесывая ее волосы за ухо. — Продолжай в том же духе, и мы можем начать думать, что ты вовсе не ненавидишь нас, что мы тебе даже нравимся, — поддразниваю я.

Она фыркает и вырывается из моей хватки, отбрасывая волосы на плечо.

— Не наглей, мне было скучно, а это было весело, вот и все. Я все еще ненавижу тебя.

Я ухмыляюсь, пробегая глазами по ее телу.

— Это правда? Все еще придерживаешься этой привычной лжи?

Дизель подходит к ней сзади, тоже ухмыляясь.

— Птичка, не думаю, что ты нас ненавидишь.

Роксана щурится, а затем крутится, врезаясь коленом в его живот. Ди падает на пол, смеясь, даже когда морщится и прикрывает член. Идиотке это нравится. Она хватает его за

волосы и поднимает его голову, глядя на Дизеля сверху вниз, как гребаная королева.

— Не надо меня раздражать, мы оба знаем, что это закончится тем, что ты снова будешь истекать кровью.

Затем она смотрит на нас, ничуть не боясь, надеясь, что мы надавим на нее, заставим ее взбеситься.

— Кто-нибудь еще хочет, чтобы я напомнила?

Она тыкает пальцем в Гарретта.

— Хочешь пойти на второй раунд?

Он ухмыляется.

— Ты не справились со мной, детка. Помнишь, что случилось в первый раз?

— Когда тебе пришлось прикладывать лед к члену? — приторно отвечает Роксана, и он раздражается смехом.

У меня звонит телефон, и я отвечаю на звонок, когда она угрожает Кензо, на моих губах появляется улыбка.

— Готово. Долго не продержится, но достаточно, чтобы передать сообщение. Ты был прав насчет тех бумаг. Мы на пути к тому, чтобы обезопасить десять сотрудников и пять членов их семей.

— Хорошо.

Я кладу трубку и снова смотрю на нее.

— Хватит их дразнить, милая, нам нужно работать.

Роксана проходит мимо Кензо, который наклоняется к ней.

— Ты любишь нас, признай это.

Она бьет его прямо в лицо, и он падает на стул, смеясь, даже когда кровь льется из его носа. Взмахнув рукой, она подбегает ко мне, ее глаза горят.

— Если бы у меня была моя гребаная пушка...

— Да, вот почему тебе не дают оружие, у тебя есть склонность пускать его в ход.

Я ухмыляюсь, обхватывая ее рукой.

— Пойдем, ты пойдешь со мной на встречу. Мы дадим этим бедным ублюдкам отдохнуть от того, как ты их избиваешь.

Роксана хмыкает, но позволяет мне увести ее, и когда мы доходим до двери, я слышу, как Дизель заявляет:

— Я собираюсь жениться на этой женщине.

Она борется в моих руках.

— Дай-ка мне прирезать этого ублюдка...

Смеясь, я перекидываю ее через плечо.

— Веди себя хорошо, или я позволю ему играть с тобой. Бог знает, может, он даже женится на тебе, ничего тебе не сказав.

Она замирает.

— Чертовы животные. Тупые, мать их, змеи.

Я шлепаю Роксану по заднице, и она вскрикивает.

— Если ты не хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо посреди заседания совета директоров, хватит выражаться, соплячка.

Когда мы едем в лифте, я опускаю ее на ноги, и Рокси смотрит на меня — такая охуительная боевая девчонка, наша девочка. Это не значит, что я простил ее за то, что она ушла, но это уже начало.

— Что за встреча?

Она опускает глаза на прозрачную рубашку, потом смотрит на меня.

— С советом директоров. Мы расширяемся. Это скучные вещи сейчас, когда у нас есть несколько дней, чтобы разобраться с Триадой и ввести в действие надежный план, но мы все еще должны вести наши повседневные дела. Доказать, что их нападение не затронуло нас.

Я пожимаю плечами.

— И я должна явиться туда полуголая, почему?

Роксана вздыхает, скрепя руки. Я не говорю ей, что это только прижимает ее соски плотнее к материалу и заставляет мой рот наполняться слюной.

— Потому что я их на дух не переношу и мне становится скучно. С тобой мне может даже понравиться.

— Райдер, ты можешь разглядеть мое влагалище, — указывает она.

Пробежав глазами по ее формам, я ухмыляюсь.

— Могу? Какая жалость, может быть, это наконец-то встряхнет старых ублюдков настолько, что они начнут что-то делать.

— Ага, или доведет их до сердечного приступа?

Наклонившись ближе, я прижимаю ее к себе.

— Держи себя в руках, любимая, ты делаешь все остальное. Если ты будешь хорошо себя вести, я могу даже позволить тебе потом отметелить Дизеля.

— Как будто ты сможешь меня остановить. Мы оба знаем, что этот сумасшедший ублюдок будет этого ждать.

Она ухмыляется, но отбрасывает волосы на плечо, а затем смотрит на меня.

— Хорошо, одолжи мне свой пиджак.

Я делаю, что мне говорят, и Роксана надевает его, отворачивая слишком длинные для нее рукава. Она не утруждает себя его застегиванием, но он достаточно прикрывает ее грудь, чтобы вы не увидели ее сиськи, к моему большому разочарованию, и она выглядит несколько одетой. Какой позор.

— Говорю тебе, никто не заметит.

Я выпрямляюсь, когда мы останавливаемся.

— Да, как? — усмехается она.

Я ухмыляюсь и обхватываю Роксану за плечи, когда лифт поднимает нас на верхний этаж, который мы используем для встреч. Здесь есть несколько сотрудников, но как только мы выходим из лифта, они быстро отводят взгляд.

— Потому что они не осмелятся взглянуть на тебя, — пробормотал я, направляясь в конференц-зал. Они все уже там, десять мужчин и три женщины, сидят вокруг стола и ждут меня. Я вхожу и занимаю место во главе стола. Рокси подтаскивает стул поближе и садится рядом со мной, ее ноги поднимаются и голые лодыжки ложатся прямо на стол.

Я беру папку и пролистываю ее.

— Любой, кто хотя бы взглянет на Роксану, будет уволен на месте, — предупреждаю я небрежно.

Я слышу неловкое движение и быстрый кашель, но, когда я поднимаю взгляд, все глаза намертво прикованы ко мне.

— Начнем.

— Сэр, наши продажи выросли за последний квартал, и поскольку наша прибыль удвоилась за счет фармацевтических препаратов, мы хотим выкупить нашего конкурента и

расшириться таким образом, — начинает одна из женщин по имени Рейчел.

— Сделайте это, — соглашаюсь я, кивая. — Следующий.

Пухлый мужчина рядом с ней нервно кашляет, его лицо краснеет.

— Я... нам удалось получить разрешения, необходимые для строительства новой башни...

Он продолжает смотреть на Роксану, а я поднимаю руку, глядя в отчет.

— Вы уволены, — говорю я ему, не поднимая глаз от цифр.

— С-сэр, что? — прошипел мужчина, его лицо покраснело и пошло красными пятнами.

— Ты посмел посмотреть на мою женщину, ты уволен. Я хочу, чтобы ты убрался отсюда в течение следующего часа.

Я смотрю на женщину рядом с ним.

— Вы, скажите-ка мне то, что он был не в состоянии донести до меня.

— Разрешения получены, мы начнем строительство в конце месяца, — мгновенно выпаливает она.

— Хорошо. Ваша должность? — спрашиваю я, когда мужчина выбегает из комнаты.

— Я была его заместителем, заместителем генерального директора.

Она гордо откидывает голову назад.

— Больше им не являетесь. Добро пожаловать на борт, генеральный директор, сообщите им, что вам нужна его зарплата и льготы немедленно.

Я киваю и перехожу к следующему. Мы проходим по комнате без лишних вопросов, и Роксана наблюдает за всем, пока мы не доходим до последнего человека.

— Мы обеспечили недвижимость по всему городу для вашего нового предприятия в сфере общественного питания и барного бизнеса.

Я киваю.

— Хорошо, это все будет проходить через Роксану. Она здесь за главную.

Я чувствую, что она смотрит на меня, и подмигиваю ей.

— Бар «У Рокси» в составе этого сегмента. Можешь делать все, что пожелаешь и считаешь нужным, чтобы получить выгоду, я уверен...

Перевожу взгляд на мужчину, а он ухмыляется.

— Рид.

— Рид поможет тебе во всем, что тебе может понадобиться.

Он смотрит на Роксану, и я внимательно наблюдаю за ним, но он не сводит глаз с ее лица.

— Мне очень приятно работать с вами. Я осматривал бар «У Рокси», и у него есть деревенская привлекательность, на которой все поголовно сейчас заиклены. Я верю, что с вашим видением и знаниями у нас будут потрясающие заведения.

Ее глаза расширяются, когда она смотрит на него.

— Ты слишком наивен, парень. Сбрось галстук, и тогда мы сможем поговорить.

Я хихикаю, не в силах удержаться, а она наклоняется ближе.

— И еще, ты когда-нибудь напивался? Ты выглядишь слишком молодо.

Он нервно кивает, снимая галстук.

— Раз или два. У меня не было на это времени, когда я учился в университете...

— Хорошо. Первым делом, иди и напейся в хламинго. Ты хочешь управлять баром? Ты должен знать, что продается, чего они хотят. Пойди и узнай, — слегонца указывает она ему. Возможно, она не осознает этого, но Роксана — прирожденный лидер. У нее есть все

необходимые качества, и ее не так-то легко напугать, она станет дополнительным бонусом для нашей компании.

— Свободны, — говорю я, и они все переговариваются между собой, быстро собирая свои сумки и папки и собираясь уходить, но Рид колеблется и снова смотрит на Роксану.

— Мэм...

— Черт, не называй меня так, зови меня Рокси.

Затем он ухмыляется, расслабляясь.

— Рокси, возможно ли будет представить вам на рассмотрение несколько моих идей?

Она улыбается ему.

— Да, черт возьми. У меня нет ни одной идеи, парень, так что ты — моя палочка-выручалочка.

Он кажется непомерно гордым при этих словах и, наконец, уходит.

— «У Рокси»? — спрашивает она, выгнув бровь.

— Это твой бар.

Я пожимаю плечами.

— Теперь ты можешь делать все, что захочешь... открывай франшизу, мне все равно, делай свои собственные деньги. Хочешь построить казино? Сделай это. Хочешь целый чертов остров? Просто попроси.

Она качает головой, и я наклоняюсь, закрывая ей рот рукой.

— Наши деньги теперь принадлежат тебе, плюс я вложил немного твоих собственных из прибыли «У Рокси», и у тебя их больше, чем ты думаешь. Привыкай к этому, любимая.

— Должна признать, было чертовски сексуально наблюдать за тобой в деле.

Она смеется, наклоняясь ближе, когда я расслабляюсь в своем кресле. Схватив Роксану, я опускаю ее на колени, и она упирается спиной в стол, пиджак моего костюма расходится, чтобы показать ее розовеющие соски, проглядывающие сквозь рубашку.

— Правда? — спрашиваю я, поглаживая руками ее бедра.

Она кивает, позволяя мне задрать рубашку.

— Да, блядь, все под контролем. Ты бы видел, как они тебя боялись, это просто умопомрачительно. Итак, все дела улажены до ужина, что теперь?

— А теперь? Я собираюсь трахнуть тебя на этом столе, мисс генеральный директор, а потом мы разберемся с Триадой, — ухмыляюсь я.

Она смеется, когда я поднимаю рубашку, пока она не оказывается зажатой у нее под грудью.

— Звучит неплохо, приступай.

РОКСИ

— Ди засел в своей берлоге. Пойди посмотри, что он задумал, ладно? — просит Кензо.

— Почему я? Мне удобно, — стону я, прижимаясь к его груди, пока мы отдыхаем на диване, а Райдер готовит.

— Потому что если пойду я, он не будет слушать, но если это будешь ты, то он обязательно послушает.

Кензо ухмыляется, а затем отталкивает меня. Я падаю с дивана, запыхавшись, поворачиваюсь на пятках и ухожу. Я распахиваю входную дверь и направляюсь к лифту. Сканеры и охрана всего здания теперь знают меня, так что я могу уходить или ехать, куда захочу. Я еду в подвал, где играет Ди. И когда дверь открывается, я слышу крики, доносящиеся отсюда.

Я иду по коридору и прислоняюсь к дверному проему, пока он издевается над человеком, которого держит в цепях.

— Кто он? — спрашиваю я, перекрикивая вопли.

Ди поворачивается с широкой ухмылкой на лице, его потная и голая грудь покрыта кровью.

— Угроза. Птичка, идем поиграем!

Я ухмыляюсь, но остаюсь на месте.

— Нет, все для тебя.

— Пожалуйста, пожалуйста, мать вашу, помогите мне, он сумасшедший! — кричит мужчина, бряца цепями, а Ди хмурится и поворачивается к нему.

— Невежливо прерывать разговор, — наставляет он и быстро вонзает в него нож, прежде чем оглянуться на меня. — Прости, Птичка, у него дурные манеры. Все в порядке?

— Пришла поглядеть, чем ты тут занят, я скучаю по тебе.

Я ухмыляюсь, и через секунду Ди уже сосредоточен на мне. Он хватает меня и швыряет к стене, его губы впечатываются в мои. На вкус он как огонь и кровь, и я не могу удержаться от стога.

— Попродержи эту мысль, — бормочет он, пока мужчина продолжает кричать. Задыхаясь и прислонившись к стене, я наблюдаю, как Дизель поворачивается, хватает гребаную мясорубку и вбивает ее в открытый рот мужчины. С поворотом и тем, что я могу описать только как удар ниндзя, он пробивает ему череп.

Крики прекращаются, но, похоже, также его действия убивают мужчину, и Ди хмурится.

— Черт, ну, думаю, теперь ты моя игрушка, — пробормотал он, поворачиваясь, и все его внимание приковано ко мне.

Ди направляется в мою сторону и снова наваливает меня на ящик с инструментами. Похоже, мы часто оказываемся в таком положении. На мне все еще прозрачная рубашка, но я надела трусики, не то чтобы это имело значение для этих мужчин. Он вытаскивает пистолет и приставляет его к моей голове. Дыхание перехватывает в моем горле, даже когда моя киска сжимается. Нас с Райдером прервали раньше. Он чуть не пристрелил мужчину, но у него была работа, поэтому я не испытывала оргазма уже... двадцать четыре часа, что просто раздражает.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, ты бы умерла за нас? — бормочет он.

Я улыбаюсь.

— А мне нужно?

Ди нажимает на курок, а я даже не вздрагиваю, даже не моргаю. Он смеется и прижимает пистолет к голове.

— Я готов умереть за тебя.

Он снова нажимает на курок, раздается холостой выстрел, и Ди усмехается.

— Упс, забыл про пули. Ну что ж, все еще может пригодиться.

Он прижимает дуло к моему рту, и я открываю его. Ди просовывает его внутрь, и я облизываю металл, прежде чем он вытаскивает его, мокрый от моей слюны. Проведя дулом по моему подбородку, Ди распахивает мою рубашку, пока я не оказываюсь перед ним обнаженной, его руки в крови, но я уже мокрая. Я жажду его безумия, я хочу всего этого.

С Дизелем я свободна.

Ничто и никогда не шокирует его, не пугает. Я никогда не смогу сделать что-то, что вызовет у него отвращение или заставит его бояться меня. Он будет любить это, наслаждаться этим и поклоняться мне.

Задыхаясь от холодного металла пистолета, проходящего по моей груди и животу, я смотрю, как он вводит его в мои трусики. Раздвинув ноги, я упираюсь бедрами в металл. Дизель водит пистолетом по моей киске, смачивая ее, прежде чем прижать ствол к моему входу, и наклоняется ближе.

— Если я трахну тебя своим пистолетом, ты кончишь для меня?

— Ты знаешь, что да.

Я издаю стон, когда он слегка проталкивает ствол внутрь меня, чужеродность этого заставляет меня дергаться и стонать громче.

— Ди, пожалуйста, Райдер уже дразнил меня, пока нас не прервали, ты хочешь поиграть или нет?

— С тобой? Всегда, Птичка.

Дизель застонал, прежде чем сорвать с меня трусики, его взгляд остановился на стволе у моей киски. Поднимая его обратно, Ди прижимает его к моему клитору, спускает брюки и смачивает свой член в моих соках.

— Всегда такая охуенно мокрая.

— Трахни меня уже, — рычу я.

Он ухмыляется.

— У тебя грязный рот, я собираюсь поиметь и его позже.

Без предупреждения Дизель входит в меня, и я издаю крик, который заставляет его

рассмеяться. Он не теряет времени. Мы не занимаемся любовью, мы трахаемся жестко и быстро, как всегда.

Обхватив ногами его бедра, я наклоняюсь и крепко целую Дизеля, щетина на его челюсти скребет мое лицо, пока мы отчаянно ищем разрядки. Он держит пистолет прижатым ко мне, постоянная угроза, напоминание о его силе. Твердый металл трется о мой пирсинг почти болезненно, но я не могу удержаться, чтобы не покрутить бедрами, чтобы усилить удовольствие.

— Еще, — требую я.

С ворчанием Ди поднимает меня и опускает обратно, его член заполняет меня снова и снова. Пистолет прижат к моему бедру, пока он управляется со мной. Его окровавленная, потная грудь трется о мою, его пропитанная кровью рука злобно хватается за мое бедро.

Потянувшись вниз, я хватаю пистолет и выкручиваю Дизелю руку, пока он не отпускает его. Я поворачиваю пистолет и провожу им по его груди до его рта.

— Соси, — требую я с ухмылкой.

Он смеется, замирая, когда обхватывает губами ствол и вылизывает его дочиста от моей влаги. Я нажимаю на курок, и он стонет, его глаза закрываются, когда он дергается в моей киске. Ди хватается за пистолет, поднимает его ко лбу и прижимается к дулу.

— Сделай это, застрели меня, — дышит он, трахая меня.

Я нажимаю на курок, снова и снова, и он громко стонет, его лицо застывает в блаженстве. Когда я протягиваю между нами свободную руку и дергаю его за сосок достаточно сильно, чтобы Дизель застонал, он замирает, оргазм внезапно прорывается сквозь него. Ди заполняет меня, задыхаясь, опираясь на ствол. Я смеюсь, чувствуя странное удовлетворение. Мне удалось переломить ситуацию и заставить его кончить. Но тут его глаза открываются, и он смотрит на меня, сощурившись.

— Я не закончил играть, Птичка, — огрызается Дизель, выхватывая пистолет из моей руки, и мое запястье саднит от неожиданности. Он отстраняется от моей киски и прижимает пистолет к моему входу.

— Я собирался позволить тебе кончить на моем члене, но теперь тебе придется сделать это на моем пистолете.

Я задыхаюсь, не в силах сдержаться. Прохладный металл кажется таким странным, когда он вдавливают его в меня, моя киска смазана моими соками и его спермой, что помогает ему свободно проскальзывать. Ди трахает меня им неглубокими, медленными толчками, прежде чем сделать несколько жестких, держа меня в напряжении от незнания того, что произойдет в следующую секунду. Форма ствола заставляет меня стонать, и мои глаза закрываются.

Это так неправильно, так чертовски смертельно.

В моей киске находится чертов пистолет, и я почти кончаю от одной только мысли об этом.

Ди прижимается своим лбом к моему, трахая меня своей пушкой, растягивая меня вокруг оружия, пока он засовывает его все глубже.

— Что скажешь, если я заряджу его, Птичка?

Я дрожу, сжимаясь вокруг металла, а он ухмыляется, облизывая мои губы.

— Ты грязная Маленькая Птичка. Интересно... интересно, каким еще оружием ты позволишь мне трахать тебя.

О боже.

Я так близка, я чувствую, как оргазм нарастает и нарастает. Я пытаюсь сдерживаться, желая, чтобы это продолжалось, но он не позволяет мне. Он кусает мой подбородок, пока его большой палец тербит мой клитор, ствол врезается в меня и заставляет кричать, когда я сжимаюсь вокруг него. Ди немного вытягивает дуло и медленно вводит обратно, направляя меня сквозь мое освобождение, прежде чем вытащить пистолет.

Я падаю назад, не в силах пошевелиться, пока он держит блестящий пистолет, встречает мой взгляд и облизывает ствол, пробуя меня на вкус.

— Черт, этот может стать моим новым любимым пистолетом, особенно, если я знаю, что он побывал в твоей киске. Каждый раз, когда я буду использовать его для убийства, каждый раз, когда кровь будет покрывать его, я буду думать о том, как ты будешь кричать о своем освобождении с ним, запертым в твоей сладкой киске.

Ну, блядь, дерьмо. Что ты можешь на это сказать?

Он смеется и кладет его в карман, а затем отворачивается и приводит себя в порядок, давая мне время прийти в себя.

Когда мы возвращаемся наверх, я чувствую напряжение. Они все гадают, что будет дальше, как Триада отреагирует и отомстит. Это не просто конфликт банд, это война двух семей. Город — их поле битвы, залитое кровью и деньгами, и он достаточно велик только для одного из них.

Моих Гадюк.

Поскольку они не собираются проигрывать, они сделают все, чтобы победить, я помогу им. Теперь это моя жизнь. Они — моя жизнь. Я выбрала это, я хочу этого, и, честно говоря... это правильное чувство. С другой стороны, это нехорошее чувство, но волнение от всего этого делает меня счастливее, чем когда-либо, и я наконец-то чувствую себя живой. Они сделали это. Сделали из меня ту женщину, которую я обычно прячу. Они откинули занавес и позволили мне сиять, не боясь того, что они увидят за этим занавесом.

— Их освободили три часа назад. Интересно, что они планируют, — пробормотал Кензо, глядя на экран своего планшета.

— Что-то грандиозное, мы их смутили, — ухмыляется Райдер.

— Это происходит, наше убежище в центре города только что погрузилось во тьму, — рычит Гарретт, когда все поднимаются на ноги.

Пришло время начать войну.

ГАРРЕТТ

Мы ждем до следующего утра, а потом разделяемся. Райдер проверит все предприятия, Кензо — нелегальную сторону бизнеса, а Дизель пройдет по улицам и выяснит все, что сможет, пока я буду проверять конспиративные квартиры. Мы все возьмем с собой охранников и будем вооружены до зубов. Перед отъездом мы заставляем Рокси пообещать, что она не будет выходить из дома только сегодня и оставляем с ней несколько охранников.

Триада будет искать расплаты, понимая, что схватить одного из нас будет нелегко, но мы все равно должны быть осторожны. Я не обращаю внимания на свою ярость от того, как близко они подобрались к нам. Удары последовали слишком быстро, они никогда не планировали заключать мир. Они все это затеяли, чтобы уничтожить нас. Мы оставили их семьи в живых, и вот как они нам отплатили?

Я убью их всех.

Взяв бронированную машину, мы едем на конспиративную квартиру, которая была взорвана прошлой ночью. Я попросил Тони и еще нескольких человек поехать туда сразу после случившегося, но мне нужно увидеть все своими глазами. Сначала старый дом, потом этот. Как, черт возьми, они получают эту информацию? Райдер тоже напряжен — он хочет заполучить крысу, и хочет ее прямо сейчас.

Не могу дождаться, когда увижу, что Дизель сделает с ними, когда мы их найдем.

Поездка в убежище не занимает много времени. Мы держим их наготове для любого из наших сотрудников или даже для нас, если возникнет такая необходимость. У нас также есть пять планов эвакуации — теперь шесть, благодаря Рокси. Когда ты самый влиятельный человек в городе, то становишься ходящей мишенью, и ты должен знать, когда бежать.

Но это не один из тех случаев.

Этот случай? Просто еще один гребаный урок для мудаков, которые считают нас слабаками, которые думают, что мы не более чем деньги папочки Райдера.

Мы остановились у конспиративной квартиры. Я позволяю охранникам выйти первыми, хотя меня это раздражает, и, держа руку на пистолете, выскальзываю за ними, пока парни стучат костяшками пальцев по моей двери. Я не спускаю глаз, смотрю везде и всюду, проверяю дверные проемы, другие машины, крыши и окна. Никогда нельзя быть слишком осторожным, а поскольку Рокси ждет меня дома, мне хочется жить.

Сама конспиративная квартира — это крошечное бунгало, примостившееся между

двумя точно такими же бунгало в пригородной части города. Она маленькая и неприметная, как раз то, что нам нравится. У нас целый отель крошечных «домиков», разбросанных по всему городу — в конце концов, никогда нельзя быть слишком осторожным.

Ребята идут впереди меня, мы спускаемся по старой, потрескавшейся подъездной дорожке и проходим мимо заросшего сада к желтой облупившейся входной двери. Ручка сломана, замок тоже, и я касаюсь их плеч, чтобы они знали, что я позади них. Парни входят первыми, и я достаю пистолет, хотя Тони уже был здесь. Это может быть ловушка. Мы заходим в дом и разделяемся, чтобы проверить его. Спальня и ванная чисты, гостиная и кухня тоже. Засунув пистолет в кобуру, я хмурюсь, осматриваясь. Здесь все разгромлено: картины и прочий хлам сорван со стен, вмятины и трещины в штукатурке, мебель перевернута. Похоже, они что-то искали, но мы ничего не храним на конспиративных квартирах, так что все это само по себе представляет угрозу.

Напоминание о том, что они там и мы их разозлили.

Что они могут добраться до нас. Уперев кулаки в бока, я топаю через беспорядок, отбрасывая в сторону сломанный диван.

— Проверьте все остальные убежища, мне нужен отчет. Найдите того, кто нас предал! — огрызаюсь я.

Схватив телефон, я набираю номер Райдера.

— Говори, — рычит он, явно «веселясь» не меньше моего.

— Тут все разгромлено, они, блядь, точно знали, куда идти. Нам нужно найти того ублюдка, который сливает им эту информацию, — рычу я, ударяя кулаком в стену.

— Я, блядь, знаю это, я пытаюсь. Проверь другие дома, — приказывает он, прежде чем повесить трубку.

Я убираю телефон в карман. Райдер тоже напряжен, мы все это чувствуем. Раньше это не имело значения, это было бы забавой, игрой, чтобы уничтожить их, но теперь нам нужно думать о Рокси, а мы не хотим, чтобы она попала под перекрестный огонь. Мой телефон вибрирует, когда я засовываю его в передний карман джинсов; достаю его и читаю сообщение.

Кензо: «Не повезло».

Черт.

Положив его обратно, я тыкаю в каждого из парней пальцем.

— Эй вы, давайте выдвигаться. Мы проверим все дома, пока не найдем кого-нибудь, а когда найдем, то уьем его на хрен.

Они кивают, и мы спешим на поиски следующего убежища.

~

ПЯТЬ КОНСПИРАТИВНЫХ КВАРТИР СПУСТЯ, и я в бешенстве. Три были раскрыты, но нет никаких следов того, кто это сделал, или того, кто слил им инфу, потому что мы все знаем, что это Триада. Хренова вендетта. Может быть, они надеялись, что найдут кого-то в одном из убежищ, я не уверен. В любом случае я хочу разбить кому-нибудь морду.

Мне приходится сдерживать это желание, мое тело вибрирует от напряжения и гнева — чувства, которое я испытываю, когда готовлюсь к драке. Дыша через раз, я пытаюсь подавить гнев как можно дольше. Вдруг звонит телефон, и я, не глядя, отвечаю.

— Что? — рычу я в трубку, пока мы направляемся к следующему убежищу.

— Какая чертова грубость! Я собиралась хоть раз быть вежливой, но... — она смеется.

Это Рокси. Я мгновенно расслабляюсь при звуке ее голоса, улыбка появляется на моих

губах.

— Ты в порядке, детка? — интересуюсь я, теперь мой голос смягчается.

Наблюдаю, как двое мужчин спереди сдвигаются, поэтому я смотрю на их спины, и они горбятся.

— Да, ты, здоровяк? Я забеспокоилась, когда ни от кого из вас не было вестей, — фыркает она.

— Тебе скучно, да? — хихикаю я.

— Свихнуться можно.

Она издает резкий стон, заставляя меня смеяться сильнее.

— Ты еще не попала в какую-нибудь передрагу? — спрашиваю я, глядя в окно. Все мое напряжение словно улетучивается на мгновение, когда я представляю, как ее охранники бегут за ней с бледными лицами, пытаюсь не отстать, какие бы неприятности она ни затеяла.

— Пока нет, но сейчас только... девять утра, — смеется Рокси, звук направляется прямо к моему члену, и он разом твердеет. — Хотя я заказала нам несколько новых цепей, чтобы поиграть с ними.

Ее голос становится низким и знойным.

Чтоб меня.

Я же издаю стон, закрывая глаза на минуту.

— Детка, я в машине с тремя другими парнями, ты не можешь говорить такие вещи.

— Почему? Тебе бы хотелось и их посадить на цепь? — дразнит она.

— Веди себя прилично, — рычу я.

Она усмехается:

— Когда, блядь, я себя хорошо веду? А теперь поторопи свою большую задницу и приезжай домой, мне чертовски скучно, и кто знает, что я затею.

Рокси вешает трубку, хихикая. Я снова кладу телефон в карман, но теперь я чувствую себя спокойнее. Более расслабленным и контролирующим себя. Я чувствую, что парни смотрят на меня, поэтому я поворачиваю голову и шурюсь.

— Даже не думайте о ней, не смотрите на нее и не подходите к ней, или я, блядь, разукрашу вам морды.

Они все мгновенно отворачиваются, а я ухмыляюсь, даже когда Тони хихикает спереди. Следующее убежище — квартира над кофейней, и после того, как мы проверили ее и обнаружили, что она разгромлена, я решаю передохнуть. Я не ел сегодня утром, и мне кажется, что я скучаю по нашим обычным свиданиям за завтраком. Когда я ненавидел Рокси, или, по крайней мере, пытался ненавидеть, это были единственные реальные моменты, когда я мог быть рядом с ней без того, чтобы другие заметили мое желание. Я мог смотреть на нее так, чтобы они не заметили.

Вздохнув, я направляюсь внутрь. Один из моих охранников остается в машине, другой стоит у магазина, а третий сидит и ждет, сканируя всех глазами. Но я все равно делаю это, это привычка, и в этот момент я вижу ее.

Ее.

Вот, смотрит прямо на меня.

На ней капюшон, скрывающий половину лица, но это она. Я бы узнала ее где угодно. Губы сучки изогнулись в понимающей ухмылке, ее единственный васильково-синий глаз пристально смотрит на меня. Раньше я часами смотрел в ее глаза, гадая, будет ли она моей вечностью, а теперь она здесь.

Все мое тело замирает, грудь и мышцы горят, когда страх и ярость прошивают меня.

— Сэр? — в замешательстве спрашивает женщина за прилавком. Я в начале, и сейчас моя очередь делать заказ, но я не могу отвести от нее взгляд.

Дафна.

Сука, которая пыталась убить меня, которая содрала кожу с моей груди. Моя бывшая девушка. Она сидит в углу с нетронутой кружкой перед собой и смотрит на меня так же, как раньше. Я и не подозревал, что выражение лица у нее такое холодное и расчетливое, у этой жадной сучки, пока не стало слишком поздно. Пока она не вонзила свой клинок в мою грудь, разделявая меня на куски, пока просто смеялась.

Когда я очнулся в частной больнице, парни были там. Они знали, куда она убежала, она никогда не уходила достаточно далеко, чтобы скрыться от нас. Ни одно место никогда не будет достаточно далеко. Я не спрашивал, я просто сказал им позаботиться об этом. Чтобы ей было больно.

Чтобы она страдала за то, что сделала.

Потому что, когда я снял бинты, меня вырвало при виде собственной груди, и я не мог позволить медсестрам помочь мне промыть раны. Дизель должен был заниматься этим. Я не мог терпеть их руки на себе, и когда одна из них попыталась, я сломал ей запястье. Эта женщина пыталась убить меня, разрушить.

И даже добивалась этого много лет. Только сейчас, с Рокси, я наконец-то снова начал жить, а она здесь, смотрит на меня как ни в чем не бывало.

Как она выжила?

Снова раздаётся «Сэр?», но я отворачиваюсь и подбегаю к ней. Я хочу схватить Дафну за шею в кольцо рук, свернуть её, но это было бы слишком быстро. Как она выжила после того, что сделали парни? Это должно было быть что-то плохое, они уверяли меня, что она мертва.

Как она, блядь, может быть живой?

И почему у меня трясутся руки? Я прячу их за спину, возвышаясь над ее столом. Она пытается вести себя спокойно, ее рука тянется к своей кружке, но я вижу дрожь в них, страх в ее глазах. В отличие от Рокси, она всегда немного боялась меня за то, что я могу сделать. Ей были отвратительны мои драки, но эта холодная гребаная сука не возражала против моей крови.

Пизда.

Мой взгляд останавливается на ее запястье, когда ее толстовка задирается при движении, обнажая крапчатую, обожженную плоть. Она задыхается и убирает руку под стол, ее единственный глаз сужается на меня.

— Гар, — вздыхает она. — Ты выглядишь хорошо... почти полностью исцелился, — ухмыляется она.

— А ты еще жива, но как? — буквально визжу я, сдерживаясь, чтобы не напасть на нее.

Это не принесет нам ничего хорошего, но, черт возьми, это трудно. Я хочу сломать каждую косточку в ее предательском теле. Заставить эту суку почувствовать ту боль, которую чувствовал я, и не только из-за ее предательства.

— Это было нелегко, — она пожимает плечами. — Но мне было ради чего выживать.

— Словно гребаный таракан, от которого ты не можешь так просто избавиться, — рычу я, и эта пизда смеется раздражающим, высокопарным щебечущим смехом, который раньше заставлял Дизеля угрожать ей ножом. Это должно было быть достаточным

предупреждением. Она им не нравилась, но я был слеп.

Я даже защищал ее от него, позволял Дафне оттаскивать меня от моих братьев, когда она их боялась. Я причинил им боль, не то чтобы они когда-либо говорили об этом. Я знаю, что именно поэтому Райдер так паникует из-за Рокси, потому что я не мог просто уйти от них ради нее.

Я бы сделал все, что она попросила.

Раньше я думал, что Дафна — это то, что мне нужно, что мы остепенемся и поженимся. Это казалось правильным, поскольку она ожидала этого, делала намеки. Хотя я не был уверен, я все равно купил кольцо. Как я мог быть таким слепцом?

Она холодная, расчетливая золотоискательница.

Рокси такая живая, такая полная смеха, и если бы я попытался дать ей денег, она бы швырнула их мне в лицо. Ее ненависть, ее гнев совпадают с моими, ее шрамы отражают мои собственные. Теперь Рокси — мой мир, и это только показывает мне, насколько отчаянно я нуждался в любви, чтобы не только трахнуть эту женщину, но и сделать ей предложение.

— Гар, я помню, как ты не хотел от меня избавляться, — фальшиво мурлычет она.

— Не называй меня так, блядь, — рычу я. — Почему ты здесь? В моем городе? Ты должна была знать, что я узнаю и убью тебя на хуй.

Я чувствую, что люди смотрят на меня, ну и пусть. Пусть смотрят, как я стираю эту пизду с лица планеты, пусть боятся меня, мне плевать, что они думают. Есть только пять человек, о которых я забочусь, и они будут стоять за мной, блядь, они протянут мне клинок.

— Слышала, у тебя новая маленькая игрушка, она милая. А она знает о твоей склонности к боли? Или как ты любишь трахаться жестко и быстро... — При этих словах ее голодный взгляд опускается на мою грудь, и я бью кулаками по столу. — Держу пари, что не знает. Интересно, может ли она вообще смотреть на твою грудь?

Из моих легких вырываются хрипы, и я почти чувствую, как лезвие ножа снова вонзается в меня, разрывая на части. Темнота кружит вокруг меня, мои демоны разрастаются и требуют, чтобы их выпустили на свободу.

— Ответь мне сейчас же.

Сука ухмыляется и откидывается назад, и мне надоедают эти игры. Я хватаю капюшон и дергаю его назад. Мои глаза расширяются, когда она быстро встает, натягивая его на голову. Но она недостаточно быстра. Я увидел, что она пыталась скрыть.

Половина ее лица исчезла, расплавилась — ни волос, ни глаз, а кожа похожа на капающий воск. Без сомнения, это дело рук Дизеля. Это заставляет меня усмехнуться, и усмешка эта не из приятных.

— О, бедная маленькая Дафна, ты больше не можешь использовать свою внешность, чтобы добиться своего? Не похоже, что у тебя есть какие-то другие приемы, тупая дрянь. Зачем ты здесь? — усмехаюсь я в последний раз.

Я как струна, натянутая слишком туго, готовая сорваться, перед лицом женщины, о которой я когда-то заботился, той, которая почти забрала у меня все, и я понимаю, что жажду ее смерти. Я чувствую себя Дизелем, хочу купаться в смерти, смотреть, как ее кровь покрывает мою кожу, а потом ворваться к моей девочке и трахать ее покрытый кровью этой дряни с ног до головы.

— У меня есть незаконченное дело, Гарретт. С тобой и твоими гребаными Гадюками, — рычит она и придвигается ближе, вторгаясь в мое пространство.

Я не отступаю, даже когда мой мозг дымит, а руки чешутся схватить ее и прибить.

— Ты заплатишь за то, что сделал. А я буду там, чтобы посмотреть, как ты упадешь, — шепчет она, наклоняясь ближе, ее ногти с красными кончиками проходят по моей груди.

Я напрягаюсь, мой мозг туманит гнев, и я двигаюсь, прежде чем успеваю это осознать. Схватив Дафну за запястье, я отталкиваю эту суку, и она сильно ударяется о стену, смеясь. Через мгновение я уже набрасываюсь на нее, моя рука обхватывает ее горло. Глаз Дафны расширяется от страха. При всей ее бравате, она боится.

Смертельно боится. Меня. Нас. Того, что мы с ней сделаем.

Она не дергает за ниточки, она марионетка... но кого? Триады? Возможно ли, что на нас надвигается не один враг? Нет, они должны работать вместе. Они искали слабое место, способ добраться до нас, и они думали, что нашли его с ней.

Но на самом деле она никогда не была одной из нас. Дафна никогда не оставалась в нашем доме, не видела наших дел. Она видела то, что мы хотели, не более того. Я сжимаю ее крепче, даже не используя всю свою силу, чтобы удержать ее на месте. Я позволил ей увидеть это в моих глазах, как легко я могу убить ее, покончить с ней, и никому не будет до этого дела.

Никто не сможет остановить меня.

Но это было бы слишком быстро.

Шум вокруг нас возвращается. Люди кричат, и я слышу, как они разговаривают по телефону, когда моего плеча касается чья-то рука. С рычанием я поворачиваюсь, бросаю ее на пол и встречаю взгляд моего охранника.

— Если вы не хотите провести несколько часов в разговорах с полицией, нам нужно уходить. Если вы хотите, чтобы ее забрали или она умерла, только скажите, мы все организуем и позовем Райдера, чтобы он все убрал.

Охранник не спрашивает, кто она, даже не моргает, когда говорит это. Я оглядываюсь на эту суку, но она уже встала на ноги и поправляет толстовку. Она целует меня.

— Скоро увидимся, Гарретт, и передай привет своей девушке от меня.

Затем она уходит, бросается в толпу и сливается с ней.

— Нет, все же следуй за ней, — огрызаюсь я.

Он бросается прочь, а я топаю через пространство кофейни, люди падают, пытаюсь убраться с моего пути. Их лица бледные и испуганные, когда я распахиваю дверь кофейни и выхожу на улицу.

Я хватаю свой телефон, чтобы набрать номер Райдера и сказать ему, что знаю, кто этот крот, но когда я опускаю руку в карман, телефона там нет. У меня перед глазами мелькнула картинка, как она прижимается ко мне, ее рука гладит мою грудь... Я так запаниковал, был так зол, что даже не подумал об этом, когда оттолкнул ее.

Черт.

У этой пизды мой телефон.

РОКСИ

Мне чертовски скучно. Я не уйду только потому, что они так мило попросили. Ребята не были требовательными или властными, они искренне хотели, чтобы я осталась. Так что я остаюсь.

Я никогда не говорила, что буду вести себя хорошо, только то, что я останусь. Им стоило бы знать об этом заранее. Я делаю кое-какую работу. Райдер оставил мне контракты и информацию о барах, которые он хочет купить или построить, поэтому я пролистываю бумаги, отмечая те, которые будут хороши, и отбрасывая те, которые не подойдут. Он также указал прибыли «У Рокси» и размер его инвестиций. Бар приносит прибыль, более чем чертовски хорошую. У Райдера нюх на деньги и инвестиции — прибыль утроилась.

У меня есть деньги.

Больше, чем могу понять, что с ними делать, и гораздо больше, чем мне на самом деле нужно.

Он знал, что это займет меня на некоторое время, коварный ублюдок, и так и есть, ведь я рада заниматься тем, что мне нравится. Чем-то хорошим. Я планирую нанимать только бывших заключенных и беглецов. Людей, которые в этом нуждаются. Они будут получать хорошую зарплату, и мы сможем построить для них жилье, дать им второй шанс на жизнь. Как Рич дал мне. Я так и назову его — Фонд Рича.

Для него... человека, который спас мне жизнь, возможность создать фонд дали мне люди, которые меня любят.

Кто знал, что именно здесь я окажусь? Точно уж не я, когда спала под мостом, замерзая и помирая от голода.

Составив план на этот счет, я нахожу старую камеру Polaroid, спрятанную в комнате Кензо, делаю для них «грязные» фото и прячу их у них под подушками, хихикая все время. Затем я решаю попытаться проникнуть в их оружейную, потому что, честно говоря, я хочу вернуть свою битву. Мой взгляд возвращается к оружейной комнате. Там есть ручной сканер, интересно, смогу ли я его открыть. Они добавили мои отпечатки во все считывающие устройства в здании, несомненно, и туда тоже, разве нет? Если только оружейная не относится к другой системе безопасности.

Решив попробовать, я поднимаюсь наверх и прижимаю руку к экрану, но он вспыхивает красным. Ублюдок. Теперь, когда я думаю об этом, я хочу знать, что внутри. Мне это

необходимо. Непристойные мысли переполняют меня, те же самые, что привели к тому, что я порвала одежду Райдера и разгромила его машину, оставила «грязные» фото у них под подушками, купила тот подарок, который уже в пути...

К черту.

Интересно... Прокравшись вниз по лестнице, я хватаю нож и возвращаюсь к двери, пытаюсь взломать замок, но ничего не получается.

— Эй, чувак из службы безопасности? — зову я, перегнувшись через перила на балконе. — Тащи-ка сюда свое тело.

Он смотрит вверх от окна, которое охранял, и бледнеет, спотыкаясь, протягивая руки, как бы отгоняя меня.

— Пожалуйста, прошу вас, нет, они убьют меня. Я... вы очень красивая, но, черт, не говорите им, что я это сказал, — умоляет он, его глаза при этом расширены.

Смеясь, я отмахиваюсь от него.

— Не в этом смысле, чувак. У меня уже есть четыре члена, думаешь, мне нужно больше? Я не скажу им, если ты бросишься в эту дверь ради меня.

Он смотрит на дверь и качает головой.

— Нет, черт возьми, они меня убьют.

— Нет, не убьют, я не позволю им. Я скажу им, что это сделала я. Давай, большой чувак, помоги сестренке, — умоляю я.

Он смотрит на остальных, потом вздыхает и поднимается наверх, где смотрит на дверь.

— Хотите, чтобы я ее сломал?

— Я сама могу попытаться, и да услышат все женщины мира мой рык. Или я могу быть супер умной и позволить такому большому, крутому парню, как ты, сделать это за меня, — мило предлагаю я, а он фыркает.

— Вы еще та манипуляторша, больше даже, чем они. Теперь понятно, почему они вас любят, — небрежно комментирует он, прежде чем выбросить вперед ногу и пинком открыть дверь. Она разбивается изнутри, замок падает на пол.

— Я этого не делал, вы меня здесь не видели.

С этими словами он с важным видом двинулся вниз по лестнице.

Мой телефон вибрирует, и я проверяю его, чтобы увидеть, что это Райдер. Я переписывалась с ними все утро. Последним сообщением Дизеля была фотография его лица, покрытого кровью, с подписью:

"Ты сядешь на него позже".

Но сейчас это видеозвонок. С ворчанием я направляюсь в его спальню и плюхаюсь на его кровать, не желая, чтобы он знал, что я задумала.

Я отвечаю и поворачиваю телефон под углом, чтобы увидеть лицо. Райдер сидит в машине, телефон прижат к лицу, так что я вижу только кусочек его костюма. Его волосы зачесаны назад, а глаза холодные, но когда они смотрят на меня, кажется, что они немного тают. Даже через телефон я чувствую его силу, его всепоглощающий интерес, и это заставляет меня дрожать от желания. Райдер Вайпер — это гребаное оружие... для моей вагины.

— Любимая, что ты задумала? — переходит он прямо к делу. Его глубокий, хриплый голос заставляет меня сжать бедра вместе, и тут мне в голову приходит озорная мысль.

Ухмыляясь ему, я опускаю камеру вниз и провожу рукой по груди, чтобы погладить грудь, а затем спускаюсь вниз по животу. Он застонал, когда я начала задирать платье вверх,

открывая его взору мои бедра.

— Любимая, ты на моей кровати?

— Ага, — смеюсь я. — И мне скучно, и я возбуждена, — говорю я ему, показывая свои стринги, раздвигая бедра и позволяя ему смотреть, как я ласкаю себя.

Райдер стонет, а затем щелкает чем-то за пределами камеры. Я слышу визг, потом хлопает дверь.

— Что это было? — смеюсь я, откидывая камеру назад, чтобы увидеть эти ледяные глаза, требовательные и напряженные.

— Я не собирался позволить им подслушать тебя, — рычит он, как будто это очевидно, при этом он облизывает нижнюю губу кончиком языка.

— Покажи мне еще раз, любимая, потрогай себя.

— О, хочешь пошалить? — смеюсь я.

— Не заставляй меня просить снова, Роксана, — приказывает он.

— Или что? — ухмыляюсь я, проводя рукой по бедру и показывая ему.

— Ты слишком далеко, чтобы что-то сделать... — ворчит Райдер.

— Раздвинь бедра, окуни пальцы внутрь и покажи мне, какая ты мокрая.

Дразня его, я провожу пальцами по своей киске, отодвигая стринги.

— Если бы ты был здесь, ты бы сам все увидел.

— Не искушай меня, милая Роксана, делай, что тебе говорят, — требует он.

Задыхаясь, я сдвигаю стринги еще дальше в сторону, обнажаясь перед Райдером, и слышу его ответный стон.

— Такая чертовски мокрая, — бормочет он. — Потрогай себя, дай мне посмотреть.

Выгнувшись, я погружаю пальцы внутрь себя так, чтобы он мог видеть, прежде чем обвести мой клитор, желая, чтобы это был он.

— Заставь себя кончить, любимая. Дай мне посмотреть. Потом, если ты будешь хорошо себя вести, когда я вернусь, я проведу всю ночь меж твоих бедер, поедая твою гребаную киску, как изголодавшийся мужик.

Представляя себе это, я трусью быстрее, снова погружая пальцы внутрь себя и трахая свою киску, пока он смотрит. Я знаю, что внизу есть охранники, но мне все равно.

— Да? Никакого наказания? — спрашиваю я, задыхаясь.

— О, любимая, наказание будет всегда, потому что ты не знаешь, как себя нужно вести. Ты кончишь как минимум пять раз, прежде чем введешь мой член в эту сладкую маленькую киску. Я заставлю своих братьев смотреть, как ты кричишь и умоляешь меня, борешься со мной, даже когда поддаешься.

Его грязные слова заставили меня громко застонать, я шире раздвинула бедра и ускорила, перекатываясь и толкаясь пальцами внутрь, стремясь к той разрядке, волны которой накатывают на меня, они так близко.

— Вот так, малышка, трахни себя для меня, получи свое удовольствие. Позволь мне увидеть эти пальцы внутри этой жадной маленькой киски.

Моя киска все еще немного болит после прошлой ночи, но меня это не волнует, боль только усиливает удовольствие, проходящее через меня.

Хныча, я направляю камеру дальше вниз, и он стонет.

— Ты трогаешь себя? — спрашиваю я, задыхаясь.

Райдер стонет.

— Как гребаный подросток. Мы в чертовом гараже с охраной прямо снаружи, и я

трахаю свою руку, желая, чтобы это была твоя киска.

Могу себе это представить.

— Покажи мне, — умоляю я.

Я смотрю на экран, наблюдая, как он наклоняет его вниз. Его костюм на месте, за исключением обнаженного члена в его руке, которая сжимает и поглаживает его. Вид больших, покрытых шрамами рук Райдера, обхвативших член, заставляет меня почти кричать там и тогда, когда я кончаю, извиваясь на простынях и почти роняя телефон.

— Дай мне посмотреть, — требует он. — Не смей, блядь, ронять телефон.

Хныча, я снова сжимаю пальцы, моя киска пульсирует, прежде чем я вытаскиваю их из своих цепких мышц, пропитанных моими соками — свидетельством моей разрядки. Подняв камеру, я встречаю взгляд его расширенных от желания глаз и втягиваю пальцы в рот, облизывая их дочиста. Он громко хрипит, его глаза закрываются всего на мгновение, прежде чем Райдер открывает их снова, чтобы на этот раз посмотреть на меня. Лед исчез, а его место занял вулкан — насилие, которое он скрывает в своих недрах.

— Ебанный ад, любимая. Я буду дома через два часа. Два гребанных часа, и тогда эта киска будет моей.

— Да? — ухмыляюсь я, высвобождая пальцы. — Тебе придется поймать меня первым, я планирую вести себя не очень хорошо в указанные два часа.

— Один гребанный час, — рычит он.

Смеясь, я кладу трубку и сползаю с кровати, мое сердце замедляется. Я привожу себя в порядок в его ванной, прежде чем вернуться в оружейную. Мне не стыдно, если они слышали меня внизу, пусть. Если бы Райдер был здесь, я бы трахнула его у них на глазах без всяких сожалений. Когда дело касается моих Вайперов, я не в силах сопротивляться.

Ладно, я решила на плохое. Хорошо, что мы проникли в эту комнату. Теперь я почти могу представить себе наказание, и я, черт возьми, не могу дождаться. В последнее время они были слишком добры, и я жажду их жестокости. Их власти.

Зайдя в оружейную, я присвистнула, осматривая ее. Это не чертова комната, это гребанный арсенал. Все стены и столы уставлены оружием, ряды за рядами пистолетов, мечей, ножей, гранат... и гребанных ракет. Господи. В углу стоят бронежилеты и висят черные брюки карго.

— Черт возьми, как будто я встречаюсь с Джоном Уиком, — бормочу я, оглядываясь вокруг. — Интересно, смогу ли я уговорить кого-нибудь из них сыграть его роль.

Я вздыхаю, проводя пальцами по оружию.

Наверняка Кензо согласился бы, с его темными волосами он бы подошел на эту роль. Дизель слишком сумасшедший, чтобы быть Киану. Гарретт просто сказал бы мне отвалить, а потом трахнул бы меня. Райдер ухмыльнулся бы и потребовал, чтобы я дала ему за это что-нибудь взамен.

Ублюдки.

Но даже когда я думаю об этом, я улыбаюсь. Нахожу свою битку в конце комнаты и с любовью хватаю ее, осыпая поцелуями гладкое дерево.

— Я тоже скучала по тебе, детка, так сильно. Я никогда не позволю им забрать тебя снова. Скоро мы снова будем с тобой надирать всем задницы, — обещаю я с любовью.

В этот момент у меня звонит телефон. Ярываюсь между тем, чтобы обнять свою битку и ответить, но когда он снова завибрировал, я отложила битку и вытащила трубку из кармана... да, точно, сучки, у моего платья есть карманы. Нет ничего лучше. Можно легко

спрятать закуски и оружие.

Грампч член[2]: «Мне нужна твоя помощь, встретимся в отеле «Морс».»

Я перечитала текст сообщения, нахмурившись. Если я нужна Гарретту, значит, дело серьезное. Выглянув на балкон, я смотрю на охранников. Я не настолько глупа, чтобы идти без них, он бы этого не одобрил.

— Йоу, громилы, мы выезжаем.

— Мисс, нам сказали, чтобы вы оставались... — начинает один из них.

Я протягиваю свой телефон.

— Гарретт написал мне, ему нужна наша помощь, давайте, Автоботы, объединяйтесь! — воплю я, заставляя одного из них фыркнуть.

Один из них достает свой телефон, пока я спускаюсь вниз.

— Райдер не отвечает. Ладно, мы едем, но при первом же виде любой неприятности, мы уходим отсюда. Я не хочу, чтобы меня убили из-за этого, — бормочет он.

— Ты все верно понял, большой чувак, а благодаря твоему телу у меня теперь есть несколько новых игрушек.

Я ухмыляюсь, держа в руках пистолеты.

Он морщится.

— Они меня точно порешат.

— Не, ну ладно, может быть, но они сделают это быстро. — Я пожимаю плечами, пристегивая оружие, как крутышка.

Женщина Джона Уика.

Леди Уик... не, это отстой, я придумаю себе классное прозвище по дороге.

РОКСИ

Возможно, это плохая идея, но мне так хочется выбраться, помочь им. Я не из тех, кто сидит в стороне, поэтому ухватилась за представившийся мне шанс. Однако я привезу с собой парней из службы безопасности в качестве подкрепления и позволю им немного пострелять, чтобы они думали, что они главные. Забавно, как парни волнуются, когда я их не слушаю.

Я также обвешана оружием, пистолетами и ножами, некоторые из которых я украла. Я почти смеюсь над этим. Не могу носить свою битую незаметно, поэтому оставляю ее в комнате. Я натягиваю ближайшую ко мне пару туфель на каблуках, не желая тратить время на поиски своих сапог, и мы отправляемся в путь.

Отель находится в центре города, и по дороге мы попали в пробку. Они продолжают пытаться дозвониться до Райдера, но он не отвечает, что неудивительно, учитывая, что он собирался на встречу. Мы останавливаемся посреди улицы, и парни хмурятся.

— Мне это не нравится, — бормочет один из них.

Я вздыхаю, оглядываясь по сторонам.

— Может, ты и прав. Я нигде его не вижу, и я ни за что не пойду в случайное здание, получив смс-ку. Я не настолько глупа.

Я пытаюсь позвонить ему, но меня перебрасывает на голосовую почту. Черт, что если что-то не так?

— Что ты хочешь...

Меня обрывает на полуслове град пуль.

— Ложись! — кричит один из них.

Я бросаюсь на заднее сиденье, прикрывая голову, пока летят пули и разбивается стекло. Я чувствую, как оно сыплется мне на спину, а потом все прекращается. Поднимаясь на ноги, я заглядываю в переднюю часть, задыхаясь, когда вижу, что мои охранники мертвы. У каждого из них по пуле в башке. Черт. Схватив пистолет, я пытаюсь залезть на подножку, но если кто-то откроет дверь, я окажусь сидячей уткой. Я переползаю через заднее сиденье, открываю дверь и выскальзываю наружу, используя машину как укрытие. Я ищу в карманах телефон и ругаюсь, когда ничего не нахожу. Должно быть, он выпал, но возвращаться за ним уже поздно. Я поднимаю пистолет, снимаю с предохранителя и жду.

Я слышу звук двигателя, но он тихий, а затем звук приближающихся шагов. Заглянув под

машину, я вижу четыре пары ног, направляющиеся прямо ко мне. Черт. Это не было случайностью, это было спланировано, и кто-то завладел телефоном Гарретта, чтобы заманить меня сюда. *Чертova дура, Рокси!* Надеюсь, он в порядке, но у меня нет времени беспокоиться о нем. Мне нужно беспокоиться о себе и уносить отсюда свою задницу.

Я жду, пока они не откроют дверь, и бегу в переулок, расположенный сбоку от отеля. Я бегу так быстро, как только могу, качая руками, ко мне возвращаются мои старые времена, когда я убегала от полиции как девчонка из ночлежки.

Черт, черт.

Я слышу шаги позади себя, а затем их крики. Огибаю переулок и чуть не кричу. В конце меня ждет гребаный забор. К черту. Я отказываюсь сдаваться без боя. Спрятавшись за мусорным баком, я выжидаю. Один из них пробегает мимо меня, и я выскальзываю, стреляя на ходу. Он легко падает, и я оглядываюсь, чтобы увидеть еще трех мужчин в чертовых мотоциклетных шлемах, идущих на меня. Снова прыгаю, целюсь прямо в забор.

Я поняла. Бросаюсь к нему и начинаю перелезать. Я поскользывается, режу пальцы, но с рычанием перебарываю боль и подтягиваюсь. Выстрел рикошетит, я вздрагиваю, но продолжаю идти, пока они кричат.

— Не стреляйте, мать вашу, она нужна нам живой!

Ну, хоть что-то.

Перекидываю ногу через верх и кричу, когда рука хватает меня за лодыжку. Я смотрю вниз на шлем и использую пистолет как битую, ударяя им по козырьку. Тот разбивается, и парень падает с забора в переулок внизу. Отвлекаясь, я переваливаюсь через забор и приземляюсь на колени, быстро поднимаясь на ноги, мои каблуки попадают в чертову дыру. Однако у меня нет времени останавливаться, потому что они приближаются. Я слышу лязг забора, когда они перелезают через него.

Мое дыхание становится громким, когда я перехожу на спринтерский бег, но я все еще слышу их позади себя, топот их ног. Черт возьми, нет. Я не собираюсь так вот сдать, ни сейчас, ни когда-либо. Я пережила все это дерьмо не для того, чтобы умереть в этом чертовом переулке.

— Стой! — раздается крик.

Я фыркаю, как будто это сработает. Я молочу руками сильнее. Впереди переулок обрывается и становится похожим на парковку. Оттуда я могу выбежать на дорогу, потеряться в пробке и скрыться. Но они слишком близко, из-за каблуков я не бегу быстро и меня хватает чья-то рука.

Не пытаюсь кричать, зная, что никто мне не поможет, я впечатываюсь в того каблуком и отталкиваюсь. Он падает, а я поворачиваюсь, стреляя на ходу. Преследователь тяжело падает, и, вспомнив свою позицию, я сцепляю руки вместе и стреляю в двух других, но они прячутся за контейнерами. Затвор отлетает назад, магазин пустой, и я ругаюсь, зная, что у меня нет с собой других патронов. У меня есть ножи, но для этого они должны быть, как минимум, близко.

Я бросаю пистолет и снова бегу. Слышу, как они догоняют меня, они слишком быстрые. У меня не будет шанса добраться до дороги, поэтому я сворачиваю на парковку и пригибаюсь за машиной, тяжело дыша, стараясь не шуметь, пока приседаю. Потянувшись вниз, я сжимаю в ладони два ножа.

Если они думали, что я буду легкой мишенью, то их ждет другой сценарий. Кто-то наверняка слышал выстрелы, и полиция скоро будет здесь. Я просто должна уничтожить

этих двух засранцев, освободиться и вернуться к ребятам.

— Иди туда! — кричит один из них. Преследователи расходятся, что облегчает мне задачу. Я на карачках подхожу к багажнику машины и заглядываю в него. Один из них направляется в другую сторону, а другой осматривается вокруг и под машинами, приближаясь ко мне.

Выровняв дыхание, я крепко держусь, ожидая подходящего момента, чтобы наброситься на него. У меня только одна попытка. Они крупнее и у них есть оружие. У меня нет ни биты, ни привычного окружения, поэтому я должна сделать это быстро.

Давай, ублюдок, чуть ближе. Сжимаю крепче руку с ножом, я жду, пока он огибает машину с задней стороны, слегка повернув голову в сторону. Затем я наношу удар, быстро и низко. Он даже не успевает поднять пистолет, как лезвие оказывается у него в ноге. Мужик падает с криком, когда я выдергиваю его и с боевым кличем сажусь ему на грудь и наношу удары еще и еще.

Когда он перестает дергаться, я хватаю пистолет мужика и поворачиваюсь, чтобы достать другого парня, но я слишком медлительна. Слишком, блядь, медленно. Я вижу приклад пистолета за несколько секунд до того, как он впечатывается мне в лицо, а затем все погружается в темноту.

~

ЧЕРТ ВОЗЬМИ, затылок ноет. Я лежу неподвижно, когда чувствую, что что-то движется. О, подождите, это я, я двигаюсь. Что, блядь, произошло?

СМС.

Атака.

Я дышу ровно, как в детстве, надеясь, что отец не заметит, что я проснулась. Голова раскалывается, лицо болит, лучше бы этот сученок не ломал мне нос своим пистолетом. Какая чертова грубость. Не обращая внимания на боль, чему я научилась много лет назад, я сосредоточилась на том, где мы находимся. Подо мной жесткое, но вместе с тем мягкое сиденье, и я прислоняюсь к чему-то холодному и вибрирующему. Подо мной мурлыканье, а вокруг нас звуки клаксонов.

Мы в машине.

Я приоткрываю один глаз и замечаю, что прижалась к окну на заднем сиденье. Я не решаюсь повернуть голову, но чувствую, что рядом со мной кто-то есть, кто-то большой. Я также вижу двух парней спереди — одного за рулем и одного на пассажирском сиденье. Радио включено на минимальную громкость, из динамиков льется бодрая поп-песня, в такт тому, что стучит у меня в голове.

Ладно, три парня.

У меня бывало и больше, и я не имею в виду сексуальный подтекст... хотя сейчас это так, я думаю. Три больших парня, без сомнения, упакованы, но у меня преимущество. Они хотят меня живой, я же хочу их смерти.

Моя рука неловко застряла между моим телом и дверью машины, поэтому, слегка сдвинувшись, я вытаскиваю ее на свободу. Я замираю, когда чувствую, что парень впереди оглядывается, чтобы проверить меня. Только когда он поворачивается назад, я снова двигаюсь, медленно, чтобы не привлекать внимания. Я провожу рукой по бедру — черт, они забрали мое оружие.

Ставлю на то, что все — ручные ублюдки. Дизель будет в ярости. Мне даже в голову не приходит, что Гарретт в этом замешан. Если бы он хотел моей смерти, он бы меня убил. Нет,

кто-то добрался до него, надеюсь, он в порядке.

Хорошо, никакого оружия. *Думай, Рокси*. Черт, голова раскалывается. Это худшее похмелье в моей жизни, и я даже не получила кайфа от алкоголя и плохих сожалений, чтобы это стоило того. Слегка передвинув ноги, чтобы занять более удобное положение, я замираю. У меня есть мои каблуки. Мои гребаные каблуки.

Сучки острые... интересно...

Мы замедляемся, и я понимаю, что времени у меня, наверное, в обрез. Бог знает, как долго я была в отключке. Сейчас или никогда. Самое худшее, что может случиться, это то, что я снова окажусь в отключке... верно?

Я снова сдвигаюсь, пока не могу дотянуться до каблука, затем отрываю его и замираю, делая глубокий вдох. *Сейчас или никогда, Рокс*.

Откинув голову в сторону, я открываю глаза и фокусируюсь на парне напротив меня, который смотрит в окно. Он поворачивает голову, несомненно, почувствовав мое движение, и я начинаю действовать. Я слышу крик, но игнорирую его, молясь, что я все еще нужна им живой больше их потребности пристрелить меня на месте.

Я наношу удар каблуком, моя рука хватается туфлю. Я вгоняю каблук парню в грудь и шею, и когда он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня широко раскрытыми глазами, я вгоняю его ему в глаз. Тот вылетает из глазницы, и он кричит. Машину мотает из стороны в сторону.

— Хватайте ее, — слышу я их крики спереди.

Протягивая руку через парня, который пытается вырвать из глаза каблук, я хватаю его пистолет и нож и отстегиваю ремень безопасности. Я пинком открываю его дверь и выталкиваю тушку несчастного наружу. Он кричит, ударяясь о тротуар, я же посылаю тому воздушный поцелуй, прежде чем повернуться и посмотреть на двух парней спереди.

Тот, что сидит на пассажирском сиденье, ругается, пытаясь достать шприц, но при этом тянется ко мне. К черту. Я вожусь с пистолетом и случайно нажимаю на курок, глядя расширенными глазами на то, как мужчина на переднем сиденье вскрикивает, когда пуля попадает ему в ногу.

— Ой, простите, — говорю я, хватаю его за голову и, используя нож, перерезаю ему горло. Я не даю себе времени подумать о том, что я делаю. Я нахожусь в режиме выживания, или я, или они. В этой жизни, которой я сейчас живу, кровь обязательно должна была покрыть мои руки. Ты либо испачкаешься, либо умрешь.

Остался только водитель. Он матерится, вытаскивая пистолет, в надежде покончить со мной. Одной рукой ведет машину. Выглянув в переднее окно, я вижу, что мы едем по двойной проезжей части, и она оживленная, что мне явно на руку, потому что нам приходится ехать медленно. Наверное, тридцать миль в час [\[3\]](#). Черт, сейчас будет больно.

Схватив пистолет, я направляю его ему в голову и стреляю. Мужик падает вперед, в моих ушах раздается громкий звон от выстрела в такой близости. Застонав, я скольжу между сиденьями и сжимаю руль, наклоняясь над его телом, чтобы попытаться объехать другие машины, но я не могу выбрать правильный угол. Мы зацепили конец фургона, и нас закрутило. Крича, я держусь, пока мы крутимся и крутимся, мой желудок выворачивает, а потом мы останавливаемся.

На мгновение все затихает, и я падаю на заднее сиденье. Машина ударяет нас сбоку и впечатывает в барьер по центру. Мы ударяемся об него и переворачиваемся. Это происходит в считанные секунды, но мне кажется, что это длится целую жизнь, пока я катаюсь по

машине. Мне удается ухватиться за сиденье, и когда мы наконец приземляемся на крышу, я с хрустом падаю на нее.

Застонав, я смотрю вниз на свое тело. Вот черт.

Я в порядке! Черт возьми, это было чертовски удачно. Задняя дверь деформирована и не открывается, поэтому я бью по ней ногой, упираясь в крышу и прилагая все свои силы. После четвертого удара она открывается, и я выползаю на разбитое стекло на дороге, порезав руки. Пошатываясь, я встаю на ноги и прислоняюсь к машине. Эта сторона дороги не очень оживленная, и проезжающие мимо люди глазят на меня. Один даже останавливается. Но я ничего не слышу.

В ушах звенит, тело мучается, а голова раскалывается так сильно, что мне хочется повернуться и блевануть. Черт, мне хуже, чем я думала. Спотыкаясь, я иду вперед, подальше от машины, вдруг она взорвется или меня ждет очередное дерьмо, я иду, но мое тело отказывается функционировать. Я не могу удержаться и падаю на колени. Шок ли это или травма, я не знаю, но оно отказывается слушаться, и мое зрение плывет.

Двигайся, Рокси, двигайся!

Но я не могу.

Паника охватывает меня, оттесняя оцепенение, которое грозит поглотить меня целиком, но этого недостаточно. Шум привлекает мое внимание сквозь дымку, и я поворачиваю голову. Две черные машины остановились рядом с нашей разбитой. Из них высыпают парни и направляются напрямиком ко мне.

Их больше, чем я когда-либо смогу справиться, но это не значит, что я умру без боя. Спотыкаясь, я встаю на ноги, мои пальцы немеют, когда я хватаю кусок разбитого стекла — самое близкое оружие, которое у меня есть.

— Идите ко мне, засранцы!

Не знаю, кричу ли я это вслух или мысленно, именно это они и делают.

Они идут прямо на меня.

Я пытаюсь ударить стеклом, но это происходит медленно, мое тело слишком вялое, черт возьми. Они отбивают мою руку, и мои пальцы сводит судорогой, отчего стекло выпадает у меня из рук. Я бью, бью, но мои движения как будто вялые, слишком медленные для установления прямого контакта, к тому же, их чертовски много.

Это будет очень больно. Я знаю это. Поэтому я напрягаюсь, ожидая боли, но она проходит быстро, едва ощутимо, и когда я поворачиваю голову, вижу иглу, которую они вытаскивают. Ублюдки обманули.

По крайней мере, они не стали снова бить меня по лицу.

РАЙДЕР

— Нам нужно посмотреть на цифры и сравнить их...

Я выхожу с совещания, гадая, что задумала Рокси. Я обещал ей один час, но прошло уже полтора часа. Мне придется найти способ загладить свою вину. Я почти ухмыляюсь, думая обо всех возможных способах, каждый из которых включает ее обнаженную и кончающую под моим языком.

Мой телефон вибрирует в сотый раз, поэтому я поворачиваю стул и незаметно проверяю его. Эта встреча очень важна, и если все пройдет хорошо, мы будем расширяться в других городах, как законно, так и нет.

Неизвестный: «Рокси пропала».

Неизвестный: «Они взяли ее, Рай».

Два сообщения, два чертовых сообщения, и они разрушают мой мир. Ярость, которую я никогда не испытывал раньше, проникает в меня. Лед, который я так долго создавал вокруг себя, трескается, и лава течет сквозь него, сжигая все на своем пути.

Они забрали мою девочку?

Нашу девочку?

Я встаю, игнорируя сыплющиеся на меня вопросы, и выбегаю из конференц-зала, прижимая телефон к уху.

— Расскажи мне все, — кричу я. Я слушаю, как Гарретт объясняет, его голос напряжен и зол. Я слышу, как Дизель на заднем плане кричит на кого-то, а затем раздается выстрел.

— Мы проследили за ними до автостоянки и увидели следы шин. Должно быть, они схватили ее там.

Он замолкает на мгновение, пока я прыгаю вниз по лестнице здания, поднимаясь по двое за раз.

— Рай, блядь, она устроила настоящую битву, здесь повсюду трупы.

— Гарретт, — рычит Дизель, и на мгновение наступает тишина, прежде чем Гарретт ругается.

— Что? — требую я.

— Посмотри, что я тебе пришлю, — рычит он.

Я убираю телефон и останавливаюсь на лестнице, хватаясь рукой за перила, пока загружается видео. Я смотрю его один раз, потом еще два. Дыра в моем животе разрастается,

демоны вырываются наружу, пока я не превращаюсь в одержимого человека.

Они причинили ей боль.

Я смотрю, как Роксана выползает из разбитой машины, как камера видеонаблюдения с шоссе увеличивает ее. Она спотыкается, кровь капает с ее головы, рук и кистей. На ней только одна туфля, лицо бледное, глаза затуманены, когда наша девочка падает на колени. Я снова смотрю, как они набрасываются на нее, а она все еще борется, пытаюсь повалить их. Это моя гребаная девочка, боец до конца, но она не видит, как в нее вонзается игла.

Я смотрю, как она падает, и на этот раз ублюдки ловят ее и несут к машинам. Потом они уходят. Тяжело дышу, мои мышцы дрожат от желания убивать людей, я подношу телефон к уху.

— Отследил машины.

— Новый друг Дизеля уже занимается этим.

Он отводит телефон ото рта.

— Ди, он не сможет работать, если ты будешь продолжать колоть его, — огрызается Гарретт, а потом возвращается обратно.

— Не могу дозвониться до Кензо, у него нет сигнала в подвале «Даймондс». Заберешь его?

— Понял, — рычу я, на том конце все стихает. — Гарретт, мы их убьем.

— Чертовски верно, — отвечает он. — Любой, кто прикасался к ней, умрет ужасной смертью, а Триада? Мы, блядь, сожжем их заживо за то, что они забрали нашу девочку.

Я вешаю трубку и отправляю сообщение своему водителю и охранникам внизу, так что когда я выхожу в холл, они уже там. Машина простаивает на улице, и я быстро сажусь в нее.

— В «Даймондс», сейчас же, — требую я.

Прежде всего, нужно найти моего брата. Тогда они покойники.

Они боялись моего отца, но меня они должны бояться больше. Роксана — моя, она владеет нами, а они забрали у нас ту, ради которой мы готовы на все. Они разворошили проклятое логово гадюк, а теперь мы их покусам. Этот город будет окроплен кровью еще до вечера, и когда я найду их, я заставлю этих уебков кричать за каждый отпечаток их пальцев на ее теле.

Я набираю номер ресторана Триады, зная, что они получают сообщение. Они поймут.

— Вы забрали что-то, что принадлежит мне, что-то ценное.

Бесполезно отрицать, они уже знают, что у них есть, это единственное, что сейчас поддерживает в ней жизнь.

— Я позволю улицам окраситься кровью ваших людей, пока не верну ее, а потом? Я убью вас всех. Начиная с ваших семей, ваших жен, ваших сыновей и дочерей, даже ваших родителей. Только потом, когда все вокруг будет гореть и разрушаться, я убью вас. Вы окрысились не на ту семью.

Оставив сообщение, я вешаю трубку.

Раз, два, три, четыре, пять.

Повторяю это снова и снова, пытаюсь сохранять спокойствие, но не могу. Не получается. К черту спокойствие. Все, что я могу видеть, это Рокси, улыбку на ее лице, прежде чем она исчезает до того пустого, испуганного взгляда, который был у нее на шоссе.

Город вот-вот начнет войну.

И до того, как завтра взойдет солнце, останется только одна семья.

Наша.

~

Мы подъезжаем к «Даймондс», и жду, пока они заберут Кензо. Он садится в машину рядом со мной, хмурясь.

— Что стряслось? — сразу же спрашивает он, доставая телефон, прежде чем я останавливаю его.

— Ее нет.

Мой голос пуст, он не отражает того адского пламени, пылающего внутри меня. Как я могу говорить так спокойно, когда я так чертовски зол... и напуган? Страшно, что я потеряю ее. Боюсь, что лучшее, что когда-либо случилось со мной, исчезнет прежде, чем я успею сказать ей об этом. Боюсь потерять свою любовь.

— Что? — спрашивает он, хмурясь и глядя на меня.

— Роксана, они забрали ее, — прохрипел я.

Кензо замирает, опускает голову и смотрит на свой телефон, прокручивая сообщения.

— Что? — задыхается он. — Нет.

Он качает головой, когда мы отъезжаем от обочины.

— Да, они сделали именно это.

Кензо поворачивается ко мне, в его взгляде возмущение, губы искривились от злости.

— Как ты можешь быть таким чертовски спокойным? — кричит он, а затем бросается на меня. Он всегда носил свои эмоции на ладони. Я беру его голову в свои руки, прижимаюсь лбом к его лбу, пока он борется и ругается.

— Брат, посмотри на меня, — шепчу я, но он все еще борется, поэтому я прижимаю его сильнее. — Посмотри на меня! — приказываю я, мои руки дрожат на его коже.

Он перестает бороться и смотрит на меня. Его глаза потерянные, испуганные, как и мои.

— Мы вернем ее, я обещаю тебе это, — шепчу я. — Я ни разу не спокоен, я кто угодно, но я должен держать себя в руках. Ради тебя, ради нее. Сейчас, как никогда, мы нужны ей, и мы должны справиться с этим, мы должны найти их. Безволие не поможет, не сейчас. Мы должны использовать каждую чертову унцию нашей силы и интеллекта.

— Ты обещаешь? — умоляет он, глядя мне в глаза, как раньше, когда я был ребенком, а он был напуган, когда я поклялся защитить его. Сейчас я делаю то же самое, защищаю его, это моя работа. Потому что, честно говоря, я не знаю, успеем ли мы добраться до нее вовремя, и от этого мне так плохо, мне хочется заблевать здесь все, зная, что они с ней сделают.

Каждая минута на счету, но если ему нужна моя ложь, чтобы мы работали слаженно, то я ему ее наплету.

— Обещаю, мы вернем ее, а потом убьем всех до единого, — клянусь я.

Его глаза на мгновение закрываются, длинные ресницы скрывают его от меня, а с губ срывается дрожащий вздох. Когда Кензо снова открывает глаза, в его взгляде сквозит твердость и холодность, как и в моем. Это печалит меня, но я понимаю.

— Я не могу потерять ее, — признается он, и от его голоса у меня щемит сердце. Как бы мне хотелось оградить его от этого. Хотел бы я скрыть это от него, как и все остальное.

— Знаю. Мы не потеряем. Ты нужен мне, ты нужен Роксане, — говорю я Кензо, и он кивает.

— Мы убьем их всех, — соглашается он убийственно спокойно. Кензо испытывает тот тип спокойствия, когда ты чувствуешь слишком много и просто немеешь. Сейчас он не более

чем Гадюка.

Хладнокровная змея, наносящая удар.

В этих глазах я вижу себя и наше будущее, потому что, если мы потеряем нашу девочку — даже думать больно — возврата не будет. Мы перестанем существовать, как сейчас. Весь смех и любовь исчезнут, пока не останется ничего, ничего, кроме нашего яда.

Кензо отходит, и я позволяю ему, пряча от него свои дрожащие руки. Кензо нужна моя сила, а не моя слабость. Потому что она и есть наша слабость, но они не знают, что она также и наше сердце, наша сила, наша причина, по которой мы боремся сейчас.

— Каков будет наш первый шаг? — спрашивает он лишенным эмоций голосом.

Я смотрю в окно, жестокая улыбка кривит мои губы.

— Мы охотимся за ними по всему городу, начиная с самого низа. Прихвати свое оружие, сейчас в этом городе прольются реки крови.

ДИЗЕЛЬ

— Тебе нужно успокоиться, парень, ты уже порешил четверых, — огрызается Гарретт, но, несмотря на слова, его руки сжаты, а тело вибрирует от смертельного намерения. Я не единственный, кто борется с последствиями пропажи нашей девочки.

Моей Маленькой Птички.

Моей.

А они отняли ее.

Я выкрашу этот город в красный цвет. Я убью всех в нем и надену на себя их кожу, чтобы найти ее. Она моя!

— Они так и думали. — Я пожимаю плечами, вытирая кровь с рук.

— Тот последний парень? — усмехается Гарретт, и я смотрю на него с улыбкой, от которой он морщится. — Ди...

Он вздыхает.

— Он только спросил, чем он может помочь.

— Мне не понравилось его отношение, — фыркаю я, и чувствую, что он смотрит на меня.

— Мы вернем ее, Ди, но ты должен держаться, хорошо?

— Мы вернем ее.

Я спокойно киваю, а затем снова смотрю, ухмыляясь, на Гарретта.

— Я собираюсь вырвать их сердца из груди и отдать ей.

— Это... вполне в твоём духе, — хихикает он. — Чертовы идиоты не знают, что они развязали.

— А ты умеешь уговаривать, — ухмыляюсь я шире. — Почему же ты выбил дерьмо из охранника в квартире?

Он хмурится.

— Он позволил им уйти. Идиот.

— Он в реанимации, — весело замечаю я, но внутри меня горит огонь. Как всегда, он сжигает меня изнутри, но это пламя разрастается сильнее, чем раньше, без моей Маленькой Птички, которая помогает его контролировать. Языки пламени молят о крови, о смерти, и я дергаюсь сильнее, чем обычно. Я не знаю, что правильно, а что нет... даже для меня.

Гарретт прав, я уже прокладываю кровавый путь через город, но мне все равно. Когда я

охотился за убийцей моей мамы, трупы лежали кучами, а я даже никогда не любил ее так сильно. Маленькая Птичка? Она — мой мир. Мое чертово черное бьющееся сердце — ее, а она — мое.

Она моя.

И они забрали ее.

Резня будет невообразимой. Они будут называть меня серийным убийцей. Они все будут бояться меня, но мне все равно, лишь бы она вернулась в мои объятия до конца ночи. Когда я увидел тела ее охранников в машине и ее кровь на заднем сиденье... черт.

Паника, какой я никогда не испытывал раньше, пронзила меня. Никто не сможет причинить ей боль, услышать ее крики, кроме меня.

Моя Маленькая Птичка боролась, конечно, боролась. Она боец, Гадюка. Она убила их и убила бы их всех, если бы могла. Но она не могла, поэтому я сделаю это за нее. Я положу их тела к ее ногам за то, что они причинили ей боль. А после...

После ей придется пережить меня.

Потому что они выпустили настоящего меня на свободу.

~

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ с Райдером и Кензо на складе. Они тоже были заняты. До нас доносится запах океана, который находится сразу за причалом. Магазины недалеко, но внутри склада — совершенно другой мир. Наша охрана роится там, все мы вместе.

Все мы в ярости.

Все мы жаждем крови.

На коленях перед моими братьями стоят восемь человек, которые, без сомнения, работают на Триаду. Я не спрашиваю, как они нашли их так быстро, мне все равно. Я уже ощущаю их крики, их кости ломаются в моих руках. Я жажду их боли, чтобы насытить монстра внутри меня, пока я не доберусь до ублюдков, которые забрали ее. Но Райдер останавливает меня, шагнув вперед и с отвращением глядя на них.

— Триада забрала кое-что, что принадлежит нам, и мы не остановимся, пока не вернем это. Все, кто обладает какой-либо информацией, должны начать говорить прямо сейчас. Вы все что-то знаете, вы работаете на них.

Райдер ждет, и все мужчины нервно переминаются с ноги на ногу, не желая выдавать своих работодателей. Райдер теряет терпение.

Обычно он позволял Гарретту или мне делать грязную работу, не то чтобы он боялся крови, но это выдает в нем осторожного лидера. Но сейчас? Он выхватывает пистолет и внезапно стреляет, попадая в голову человеку слева, даже не моргнув, его лицо холодно. Стоящие на коленях мужчины отшатываются, некоторые кричат, некоторые плачут.

— Я буду убивать вас одного за другим, пока не получу то, что хочу знать, а если никто из вас этого не знает? Я начну с другой партии, вы не нужны мне живыми. Я убью всех вас. Так что я спрошу еще раз. Есть что мне сказать?

— О боже, — всхлипывает один из них, и Райдер пристреливает его следующим.

Осталось шестеро.

Я рыскаю вокруг них, дразня их, пиная, желая почувствовать их боль, желая, чтобы им было больно.

Приседая около одного, я глажу его потные волосы.

— Я бы сказал ему. Может, я и сумасшедший, но он еще хуже, — бормочу я ему, глядя на Райдера и Кензо. Обычно Кензо улыбается, пряча под маской хорошего парня Гадюку.

Он может быть мягким и романтичным для Рокси, но только для нее.

А ее здесь нет.

Гадюка показывает свою голову в нем. Лицо Кензо сереет от гнева, костюм с него снят, а кости быстро двигаются в его пальцах, когда он дрожит от необходимости что-то сделать. Что угодно. Я знаю, потому что я тоже это чувствую. Гарретт такой же, мечется по складу, разговаривая по телефону, несомненно, в поисках чего-нибудь, кого-нибудь, кто может нам пригодиться.

— Пожалуйста, — хнычет парень, трясясь от страха, пот льется по нему. — Я ничего не знаю, я всего лишь курьер...

Я сворачиваю ему шею и встаю, когда Райдер хмурится на меня, но он знает лучше, чем пытаться остановить меня. Особенно когда на кону стоит она, моя Маленькая Птичка.

Одна мысль о ней заставляет меня повернуться и схватить ближайшего ко мне парня. Я рычу ему в лицо, кричу. Он кричит в ответ, пытаюсь вырваться, но это бесполезно. Мне нужна кровь. Мне нужна боль.

Сейчас.

Все вокруг как в тумане, но когда я прихожу в себя, я задыхаюсь, а мое тело дрожит от адреналина. Я поднимаю руки и замечаю, что они в крови. Я чувствую, как она стекает по моему лицу, а у моих ног лежит растерзанный труп мужчины. Он превратился в кровавое месиво.

Я смотрю на остальных, и они кричат, один даже обмочился, запах наполняет воздух, пока я подбираюсь ближе.

— Ди, хватит, — рычит Райдер.

Я хмуро смотрю на него, но он шурится. Гарретт подходит ближе ко мне, наблюдая, не придется ли ему сдерживать меня. Это будет не первая его попытка. Пока не появилась Моя Птичка, я поступал по-своему. Делал все, что мне приказывали, только когда мне это было удобно.

Но потом она обвела меня вокруг пальца. Одна улыбка, один удар, и вот я уже у ее ног. Ее питомец. Ее головорез.

— Дизель! — рычит он, и я отползаю в сторону, хотя и не далеко.

— Кто-нибудь?

Кто-то сдвигается, и Райдер вздыхает, прицеливается снова, а тот парень вопит.

— Подождите, подождите! Я знаю кое-что! — умоляет он.

Райдер делает паузу, подходит ближе и прижимает пистолет к его голове, а я смеюсь.

— Расскажи нам, лучше расскажи нам.

Я ухмыляюсь.

— Они захватили одно из ваших убежищ, там они ее и держат, это все, что я знаю, клянусь. Я подслушал! — всхлипывает он.

Гарретт рычит и бьет кулаком по цементной опоре, должно быть, больно.

— Черт, у нас их полно, какое из них, блядь?

— Нужно найти Дафну и спросить у нее.

Гарретт поворачивается и, не говоря ни слова, расстреливает всех парней разом.

— Как она может быть жива?

Он возвышается надо мной, но я никогда не боялся его.

— Без понятия.

Я пожимаю плечами, действительно не знаю.

— Я немного поиграл с ней, прежде чем сжечь ее в здании. Она была привязана.

— Черт, — огрызается он. — Она помогает им, мы должны ее взять.

— Рокси первая, только она имеет значение, — напоминает нам Райдер, и мы все смотрим на него. — Нам нужно знать, какое убежище, созывайте всех. Найдите его.

Кензо молчит, просто отворачивается и топает к ожидающей нас машине. Я смотрю на тела.

— Мы должны послать сообщение, — бормочу я.

Райдер кивает.

— Сделай это. Я хочу, чтобы этот город ополчился на них. Пусть знают, что все, кто им помогает, теперь наши враги и умрут как крысы, которыми они являются. Выследите ублюдков, устройте кровавый дождь.

Я усмехаюсь.

— Ты даешь мне вольную?

Он смотрит на меня, убирая пистолет в кобуру.

— Оторвись по полной. Заставь их прийти к нашей двери, умоляя о прощении, пока я найду убежище. Гарретт, иди с ним, тебе нужно снять напряжение. Я предупреджу полицию, чтобы держались подальше от нас, — приказывает он, прежде чем посмотреть на машину, в которую сел Кензо.

— Я найду дом с Кензо, мы будем у него до рассвета. Будьте готовы примчаться по первому зову.

Я смотрю на Гаррета, и даже он выглядит обеспокоенным.

— Ди... — начинает он.

— Ты слышал его.

Я смеюсь.

— Давай поиграем.

— О, черт, — бормочет он. — Это должно быть круто.

За тобой, Маленькая Птичка, я иду за тобой.

ГАРРЕТТ

Наблюдаю, как Ди забавляется с парнем. Мои руки в крови, а боль от разбитых костяшек давно прошла. Райдер дал нам добро, и нам не нужно было повторять дважды.

Я выпустил все наружу — агрессию, ненависть. Все мои эмоции хлынули в город, как болезнь, оставляя за собой гору трупов. Они не должны были бросать нам вызов... и забирать Рокси. Тупой, блядь, ход.

Раньше мы могли легко отпустить их. А теперь? Теперь они умрут с нашими именами на устах.

Я избегаю думать о ней, потому что когда я думаю о ней, я не могу контролировать то, что происходит, а прямо сейчас этот парень принадлежит Ди, но мысль о том, что ей больно... что ей страшно... одной, наполняет меня такой яростью, что я должен убить кого-нибудь, кого угодно.

Мы обещали всегда защищать ее.

И посмотрите, что случилось. Я никогда не прощу себя за это, за то, что это была моя собственная гребаная вина. Если бы я не был так поглощен своей ненавистью к Дафне и шоком от того, что увидел ее живой, я мог бы заметить, что она использовала меня, чтобы заполучить мой телефон, чтобы заманить мою девочку, но я не заметил, пока не стало слишком поздно, а теперь это. Я виноват.

Она пришла за мной.

И теперь я стану тем, кто будет приходить за ней, всегда. Я спасу ее, а потом прокляну, сделав ее своей навсегда. Если я что-то и понял с тех пор, как узнал, что Рокси больше нет рядом, так это то, что я не могу жить без нее. Больше не могу.

Она проложила свой путь под моей броней, под моей разрушенной кожей к бойцу, искаженному убийце, скрывающемуся под ней, и она полюбила его и заставила его полюбить ее. Рокси — моя причина дышать сейчас, бороться со своими демонами каждый чертов день. Ди смеется, возвращая меня в реальность, отрывая от моих мрачных мыслей.

Мужчина ползет, из его глаз текут слезы. Его ноги сломаны в миллионах мест и бесполезно волочатся за ним. Кровавый след, который он оставляет, почти заставляет меня смеяться. Мужчина отстраняется, а Ди смеется еще сильнее, держа в руке молоток, которым он сломал бедняге ноги.

— Где она? — кричит он, а затем обрушивает молоток на его спину. Я смотрю,

позволяя ему выплеснуть все это. Парень помирает, крича от боли, и никакой информации для нас. Поэтому мы переходим к следующему.

Но прежде чем мы успеваем продолжить, мне перезванивает Черри. Она задолжала Рокси, и она уже упоминала членов Триады, поэтому я сказал ей, чтобы она немного поработала.

— Что? — отвечаю я, рыча.

— Они мертвы, все трое мужчин, которые приходили сюда. Они мало что знали, но они упомянули что-то о людях, которых ты приставил следить за бывшей — они мертвы.

Черт, вот почему мы не можем с ними связаться, и это оставляет нас в очередном тупике.

— Спасибо, Черри, хочешь, я пошлю к тебе людей прибраться? — спрашиваю я, пытаюсь играть вежливо.

— Нет, мы справимся, ты только верни ее, — требует она, вешая трубку.

Мы прыгаем на наши мотоциклы и мчимся, наращивая скорость, опасно пробираясь через пробки. Мне нужен этот адреналин, этот кайф, и ветер, чтобы унести меня хоть на мгновение, но когда мы оказываемся возле следующего здания, магазина, все возвращается снова.

Я должен вырваться, пока меня не скрутило, и назад дороги нет. Снимаю шлем, переставляю ногу и смотрю на Ди.

— Этот мой, — рычу я.

Он кивает, но следует за мной, и я направляюсь прямо к прилавку. Мужчина там поднимает взгляд от своей газеты, и его лицо бледнеет, когда он видит меня. Он отходит в сторону, а Ди начинает крушить магазин позади меня, громя все вокруг, давая выход своим чувствам.

— О боже!

Он хватается битой из-под прилавка и пытается ударить меня. Я ловлю ее в воздухе и вырываю из его рук, задевая коленом, прежде чем схватить его за воротник рубашки и перетащить через прилавок. Мужчина кричит и дергается, когда я бросаю его на пол. Он начинает вскарабкиваться на ноги, и я опускаю ботинок на его спину, вдавливая его в пол, но этого недостаточно.

Этого никогда не будет достаточно, пока она не вернется в мои объятия.

— Знаешь, почему мы здесь, — рычу я.

— О боже, пожалуйста, пожалуйста, нет, я работал на них много лет назад...

Я фыркнул.

— Кто раз ударил, тот ударит вновь.

Я топаю по его позвоночнику, прежде чем поднять мужчину, без усилий удерживая в воздухе. Он наносит удар ножом, который он откуда-то достал, и я хмуро смотрю на маленькое оружие, торчащее из моего бока, а затем поднимаю на него взгляд.

Его гнев улетучивается, когда я улыбаюсь. Я несколько раз ударяю его кулаком в лицо, затем бросаю идиота на прилавок и продолжаю его добивать. Я не могу остановиться. Весь гнев выливается из меня, костяшки пальцев трескаются, когда его лицо превращается в месиво, но этого все равно недостаточно.

Мой демон требует еще, пока мое внимание не привлекает шум. Поднимаю голову, грудь вздымается, и я встречаюсь взглядом с человеком, который прячется в задней комнате. Мы смотрим друг на друга в течение мгновения, прежде чем хозяин пытается снова

схватиться за рукоять ножа, торчащего из моего бока.

Я снова начинаю бить его по лицу, он пытается заблокировать, пытается отбиться, но я слишком силен для него.

Я выбиваю из него все дерьмо, пока Ди смеется.

— О, у них есть Mars, я люблю мороженое Mars, — орет он, а когда я оглядываюсь, он сидит на морозильнике и ест мороженое.

В этот момент, когда я не смотрю, мужчина вырывается из подсобки и пробегает мимо меня.

— Ди, останови его, — рычу я.

Он вздыхает, но выставляет ногу вперед, ставя подножку мужчине, прежде чем возвращается к поеданию мороженого, при этом он продолжает качать ногами взад-вперед, как гребаный маленький мальчишка.

Парень у прилавка теперь не двигается, поэтому я поворачиваюсь к парню на полу, который стонет. Схватив его за голову, я ставлю его на ноги и наклоняюсь, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Предупреди их, скажи им, что мы идем, пусть знают, что этот город окрасится кровью всех, кто когда-либо помогал им, работал на них или знал их. Они все умрут из-за них.

Я отпускаю его и отхожу.

Молодой человек поворачивается и смотрит на меня, затем делает шаг назад, как будто не верит мне.

— Иди! — кричу я.

Он поворачивается и бросается прочь. Выхватив нож из ножен, я бросаю его в него, попадая в плечо. Он кричит, падая.

— Лучше беги быстрее, пока я не передумал, — кричу я, и он поднимается на ноги, хватаясь за кровоточащее плечо, и исчезает, кровавый след тянется за ним.

Ди стонет.

— Дай мне поохотиться на него, посмотри, какой красивый след.

— Нет, ты можешь взять следующего, — рычу я, поворачиваясь к другому парню, который лежит неподвижно. Ухмыляясь, я поворачиваюсь к Ди.

— Мы закончили, это было приятно.

Он кивает, облизывая очередное мороженое, прежде чем предложить мне одно. Фыркнув, я беру его и разрываю упаковку, проглатывая целиком, пока он смотрит.

— А они говорят, что я псих, — бормочет Ди, прежде чем обнять меня. — Куда теперь, здоровяк? В магазин одежды или на рынок?

— На рынок, — огрызаюсь я.

— На рынок.

Он смеется и отбрасывает обертку. Мимо проходит женщина с седыми волосами, и он хватается за нее. Ди поворачивает женщину, кладет руку ей на горло, и я смотрю, как она кричит и брыкается. Его лицо хмурое, требующее выхода.

— Маленькая...

Ди понимает, что это не Рокси, и отшвыривает ее. Женщина падает на колени с хныканьем, бросает на нас взгляд и убегает отсюда. Я хлопаю его по плечу, когда он смотрит ей вслед.

— Скоро, брат, скоро, только держись.

— Пойдем, пришьем парочку ублюдков, — рычит он.

КЕНЗО

Чувствую на себе взгляд Райдера, чувствую его беспокойство за меня, но я не могу говорить, чтобы успокоить его, потому что я не в порядке. Я в ярости на Рокси, на Триаду и на себя. Я не должен был оставлять ее. Этого не должно было случиться. Мы обещали защищать ее, а теперь она в руках наших врагов, и они делают с ней Бог знает что.

Она выжила, она — боец, хоть и не должна им быть.

Крутанувшись, я ударяю кулаком в стену, с болезненным удовлетворением наблюдая, как кулак раскалывает штукатурку. Вытащив его, я отряхиваюсь от боли и поворачиваюсь к Райдеру, который перестал говорить и смотрит на меня. Когда он встречается со мной взглядом, то вздыхает и отворачивается.

— Я хочу, чтобы этим занялись все. Идите.

Тони спешит уйти, а Райдер оглядывается на меня.

— Мы вернем ее, держись, братишка.

— Но что, если она не сможет, — рычу я, вышагивая теперь, моя рука кровоточит и кровь капает на пол, пока я иду, портя его гладкую поверхность. Мне все равно.

— Она сможет, — настаивает он.

— Откуда ты знаешь? — кричу я.

Райдер встает на моем пути, загораживая меня силой своего гнева.

— Кензо, Роксана сильнее любого из нас. Она уже прошла через ад, она сможет пережить это. Если кто-то и может, то она, и сейчас нам нужно верить в это. Довериться ей. Так же, как она будет доверять нам, чтобы мы пришли и забрали ее. Я не могу этого сделать, когда ты теряешь голову! — кричит он, а потом надувается, глядя на меня.

— Ты мне нужен, я...

Он отводит взгляд.

— Я тоже борюсь. Мне нужна твоя помощь, Кензо, чтобы вернуть ее. Ничего не может пойти не так. Мы можем обрушить на них чертов ад, когда она будет у нас, но до тех пор мы должны держаться вместе. Ради нее.

Я уставился на брата, теряясь в догадках. В его глазах я вижу правду, страх, гнев... потребность. Мы нужны ему сейчас больше, чем когда-либо, и ей тоже. Он прав, я не могу потерять Рокс сейчас, не тогда, когда мы так близко. Я просто хочу быть с Гарреттом и Ди, выпустить пар.

Рай делает глубокий вдох, и я знаю, что он делает подсчеты, потому что, когда все заканчивается, он выглядит спокойнее. Хотел бы я так сделать.

— Уже поступают звонки от людей, которые работали на них много лет назад, они умоляют о мире, дают нам все, что мы захотим, если мы их не убьем. Город знает, и они отворачиваются от них.

— Это хорошо.

Я киваю.

— Но какое убежище?

— Гарретт проверил инфу на днях, они не могли захватить его с тех пор, так что это должно быть одно из тех, которые он не проверил, — бормочет Райдер, размышляя вслух.

Теперь его очередь расхаживать. Он сбросил пиджак и галстук и снял рубашку. Он так похож на нашего отца, что это пугает, если не считать татуировок. Отец никогда бы не стал марать свое тело татуировками, так как утверждал, что татушки — клеймо бедняков.

— Это должно быть так, но кто из них? Им нужно место, но им не нужно ненужного соседства. — Я даю ему подумать, зная, что он что-то задумал, зная, что он добьется своего.

Райдер всегда так делает. Он — чертов мозг. Если кто и сможет решить эту проблему, так это он. Я доверяю ему, Рокси доверяет ему. Вся эта ноша лежит на его плечах, но, как всегда, Райдер преуспевает в этом.

— Пространство... пространство, много пространства. Блядь, конечно!

Он поворачивается ко мне, его глаза загораются.

— Старый отель. Мы никогда туда не навещаемся, он находится в захудалом районе, где почти нет соседей. Полиция никогда не добирается до этой части города из-за банд. Это идеальное место, блядь.

— Черт, — шепчу я. — Ты прав, это было бы последнее место, которое мы искали.

В основном потому, что когда-то он принадлежал нашему отцу, и хотя мы не могли заставить себя снести его, хорошо известно, что мы все его ненавидим. Райдер хотел увидеть, как он гниет и разрушается, а теперь они отвезли туда нашу девочку.

Туда, где все это началось.

Туда, где погиб наш отец... от наших же рук.

Он не шевелится, без сомнения, переживая события той ночи. Я чувствую, как воспоминания тянутся и ко мне, пытаюсь впиться когтями в мою кожу. Вспышки крови, бледное и паническое лицо Райдера, когда он говорит мне бежать...

Я отряхиваюсь от наваждения, не желая возвращаться в тот переулочек. Я отказываюсь жить прошлым, и то, что мы сделали, мы сделали, чтобы выжить. Старик, блядь, заслужил это, и Райдер может жить с бременем того, что именно он нажал на курок, но это я кричал, чтобы он сделал это.

И теперь мы возвращаемся туда.

— Перезвони им. Мы напали на него в темноте. Выживших нет, — рычит Райдер прежде чем отвернуться. Я кладу руку ему на плечо.

— Сегодня здесь нет места для призраков, брат. То, что произошло тогда, осталось в прошлом и лучше забыть. Ей нужно, чтобы сегодня ты был на высоте. Не дай ему снова победить, — утешаю я его, а затем достаю телефон и набираю номера Гарретта и Дизеля.

Я знаю, что Райдер каждый день борется с грехами своего прошлого, с тем дерьмом, которое он сделал, чтобы гарантировать мою безопасность. Я бы хотел забрать это у него, но я не могу, и в ту ночь... в ту ночь он совершил величайшее преступление, чтобы спасти свою

семью. Чтобы спасти нас.

Это одна из многих причин, по которым я никогда не оставлю его, никогда не предаю его, никогда не отвернусь, даже когда он отгораживается от нас своей холодностью. Потому что под этим льдом скрывается мальчик, который взял пистолет из моих дрожащих рук, когда мне было страшно, который последовал за мной в отель нашего отца, когда я планировал убить его...

И нажал на курок, когда я не смог сделать этого.

— Что-нибудь есть? — рычит Гарретт, когда я слышу звук бензопилы на заднем плане.

— Возвращайтесь домой, мы знаем, где она, — говорю я ему, прежде чем повесить трубку.

РОКСИ

— Гребаные яйца дохлого осла.

Голова болит, тело болит, а в ушах стоит странный звон. Во рту каша, а глаза отказываются открываться. Где я, черт возьми, нахожусь? Что случилось? Я ломаю голову, продираясь сквозь туман и игнорируя раскалывающую на части боль. Это важно, я знаю это...

Черт.

Авария.

Черт, они поймали меня... так где же я? Голова словно наливается кровью, как бывает, когда долго лежишь вверх ногами. В ушах все еще звенит, но я могу расслышать, что это и мое колотящееся сердце, капает вокруг меня, как вода, медленно ударяющаяся о кафель, снова и снова. Кроме этого, я слышу только шелест ветра, кажется, далеко-далеко... потом тишина.

Хорошо. Успокойся, блядь, Рокс. Первым делом, открой свои гребаные глаза и пойми, где ты находишься. Потом мы сбежим и убьем этих ублюдков.

Я заставлю этих сучек плакать по своим мамочкам... как только смогу открыть глаза.

Я не позволяю панике овладеть мной и не даю ей овладеть мной, это ничего не даст. Жизнь или смерть, и мне нужно выбраться отсюда, пока они не вернулись. Я знаю, что это будет означать только пытку, пока они не закончат со мной, и тогда я закончу с пулей в голове. Я отказываюсь умирать таким образом. Я умру, как жила, с пивом в руке и верхом на чьем-либо члене.

Мне удастся наконец открыть глаза. В них стоят слезы, и мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы избавиться от них. Когда мне это удастся, я хмурюсь в замешательстве, пытаюсь понять, что я вижу.

Я что, перевернулась вверх ногами?

Мои волосы развеваются подо мной, касаясь пола и впитывая кровь из быстро разрастающейся там лужи. Пол покрыт ковром грязно-белого цвета. Подняв голову со звучным стоном, я осматриваю остальную часть комнаты. Ковер сходит на цемент дальше по помещению, стены выкрашены в белый цвет. Справа стоит что-то похожее на котел, а остальная часть комнаты почти пуста, если не считать приклеенных к стене в углу журналов с обнажённой бабенкой и старого деревянного стула, прислоненного к стене.

У нее красивые сиськи.

Черт, сосредоточься, Рокс.

В комнате стоит запах сырости и затхлости, как будто она была закрыта некоторое время. Окон нигде не видно. Бля. Поднимаю голову выше, спина напрягается, я смотрю на потолок и вижу, что я действительно прикована к нему, болтаюсь там, как гребаное мясо в мясной лавке. Я выкручиваю руки, которые связаны за спиной, и замечаю, что мои губы болят, как будто их заклеили скотчем. Вот ублюдки.

Неудивительно, что моя голова раскалывается, вся кровь приливает к ней, и я начинаю чувствовать головокружение. Мое тело ослабло, и у меня нет выбора, кроме как опустить голову вниз, заставляя мое тело неуверенно раскачиваться. Клянусь, если я упаду прямо сейчас, я буду в бешенстве, но цепь держится даже со скрипом.

Итак, я привязана вверх ногами... идеи? Ух, мой мозг болит. Затем я вспоминаю о ноже, который был спрятан у меня в районе позвоночного столба. Я напрягаю руки, пытаюсь нащупать его, плечи болят от движения, но его нет. Они забрали его. Хорошо, значит, оружия тоже нет. Я могу продолжать раскачиваться, попытаться сломать балку, на которой вишу. Единственная проблема — я могу удариться головой об пол или обрушить потолок, что не кажется мне такой уж хорошей идеей.

Готова поспорить, что к этому моменту парни уже знают, что меня нет. Они будут злиться, а Дизель будет в ярости, но я не могу ждать, пока они придут меня спасать. Мне нужно вытащить отсюда свою задницу. И тут я слышу звук ботинок, идущих в мою сторону. Мое дыхание учащается, сердце бешено колотится, пока я сглатываю желчь.

Ладно, что бы они ни делали, я с этим справлюсь.

Щелкает замок, дверь открывается, и в комнату входят трое мужчин. Дверь захлопывается за ними с громким щелчком. Я заперта вместе с ними. Блестяще. Я должна вести себя спокойно, вести себя умно, но, как всегда, мой язык — враг мой.

— Вечерочек, засранцы, это что, новая фишка? Потому что, признаюсь, мне это не нравится. Я мокрая, но, честно говоря, мне кажется, я немного описалась, так что я бы не стала списывать это на счет вашего появления.

Они не отвечают, но тот, что посередине, делает шаг вперед. Он одет в черный костюм; верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Его короткие черные волосы разметались по сторонам, а карие глаза напряжены и злы. Его губы сжаты, и я замечаю цифру «три», которая начинается на его шее и тянется к плечу. Двое других — явно головорезы. У того, что слева, бритая голова. Его тело громоздкое. На нем узкие джинсы и черная футболка. Я вижу на нем по крайней мере три пистолета, и он выглядит, скорее, как грубая сила, чем как мозг. У того, что справа, фиолетовый ирокез, пирсинг через левую бровь и нос, и даже один на губе. Его глаза голубые и немного дикие, когда он ухмыляется мне. Он долговязый и весь в татуировках, на нем нет рубашки, только кожаные штаны.

— Они натирают тебе? У меня они хуже всего натирают, знаешь? Особенно когда начинаешь сильно потеть, а в коже это происходит постоянно, я права? — спрашиваю я его.

Он ухмыляется шире.

— Детская присыпка.

— Ха, — говорю я серьезно. — Надо будет попробовать, спасибо.

— Хватит! — рявкает мужчина в костюме, возвращая на себя мое внимание.

— Что? Я только начала. Вы должны знать, что однажды я отговорила не выписывать мне штраф... ладно, три раза, но кто считает? Потом был тот раз, когда я оказалась в

мексиканской тюрьме и...

Черт.

Моя голова поворачивается, и я качаюсь от его пощечины. Моя щека болит, но я смеюсь, когда мужик ловит мое раскачивающееся тело и останавливает, поворачивая лицом к себе.

— Черт, это весело, сделай это еще раз, посмотрим, как далеко ты сможешь меня замахнуть!

Он снова бьет меня сзади, и на этот раз я кручусь, от этого желчь поднимается у меня в горле, и я удерживаю ее в себе, пока не сталкиваюсь с ними лицом к лицу снова, а затем извергаю ее на них. Она брызжет на его туфли и брюки, и я смеюсь, когда часть ее капает мне на щеку.

— Черт, это было весело.

Я кашляю.

Он кричит, отступает назад и с отвращением смотрит на свои когда-то до блеска начищенные ботинки. Парень с ирокезом смеется, и я подмигиваю ему.

— Подумала, тебе это понравится.

— Заткни ее, — рычит главный, поднимая ногу и глядя на нее сверху вниз.

Другой мужчина, Лысик, делает шаг вперед и упирает основание своего пистолета мне в живот. Дыхание вырывается из меня со стоном, и я раскачиваюсь взад-вперед, боль пронзает мое нутро. Он делает это снова и снова, пока я едва могу дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить. Я чувствую, как трещат мои ребра, черт. Каждый мой вдох причиняет мне боль, заставляя боль прошивать меня.

Но бывало и хуже, поэтому, когда я снова могу дышать, я издаю болезненный смешок.

— Это было здорово. Хотя должна признать, что мой парень — мастер пыток, и он гораздо изобретательнее. Где игрушки? Страх? Давайте, ребята, вы можете лучше.

— О, это будет позже.

Парень с ирокезом ухмыляется в стиле хорошего мальчика.

— Роксана, посмотри на меня, — требует парень в костюме.

Я так и делаю, и он подходит ближе, хватая меня за плечо и держит неподвижно, наклоня голову, чтобы встретиться с моими глазами.

— Даю тебе шанс рассказать нам все. Мы знаем, что ты не хочешь быть там с ними, они украли тебя, но мы можем помочь тебе. Просто расскажи нам то, что нам нужно знать, чтобы убить их, и тогда ты будешь свободна.

— Да... видишь ли, я бы поверила в твои слова больше, если бы вы не подвешивали меня как свинью. Тебе следовало бы начать с этого, а не с погонь и наркотиков, но твоя информация устарела, детка, я — гребаная Гадюка.

Я бьюсь головой вперед, врезаясь в его голову.

Удары головой — это не весело.

Головой бить больно, детки.

Он отшатывается назад с воем, его нос сломан, а в моей голове вспыхивает боль.

— Черт, чувак, у тебя толстый череп, — простонала я, на секунду закрыв глаза.

Когда я открываю их снова, он зажимает свой кровоточащий нос, его глаза горят яростью.

— Эндрю, она твоя. Достань для меня все, что мне нужно знать, а потом убей ее, — приказывает он, поворачивается и распахивает дверь.

Лысик следует за ним, и дверь захлопывается, замок задвигается на место. Эндрю, парень с ирокезом, делает шаг вперед, щелкая костяшками пальцев, и ухмыляется мне.

— Это будет весело.

Я вздыхаю.

— Эндрю, правда? Я ожидала какое-нибудь крутое имя. А твоя мамочка вообще знает, что ты здесь? Разве тебе не нужно ее разрешение?

Он ухмыляется шире, а затем его кулак обрушивается на мое лицо, и все вокруг погружается в темноту.

~

Когда я возвращаюсь в сознание, я привязана к деревянному стулу. Застонав, я смотрю на свои руки, каждая из которых привязана к ручкам стула, ноги тоже скованы. Ублюдки. Колючая проволока, которой они меня связали, впивается в запястья и лодыжки, когда я ерзаю на стуле, пытаюсь освободиться.

Ну, это что-то новенькое. Замирая, я поднимаю голову, слюна и кровь стекают по подбородку. В моем черепе звучит маршевый оркестр, мои плечи и спина убивают меня от висения вверх ногами, а мои легкие сжаты, и ребра скрипят при каждом вдохе.

Эндрю здесь нет, наверное, он где-то дреочит, поэтому я на мгновение закрываю глаза, перебарывая боль. Эти минуты утекают по мере того, как мой разум дрейфует. Забавно, что когда приближается конец, ты начинаешь думать о начале.

Моя жизнь никогда не была легкой, но, признаться, я не думала, что она закончится здесь. Из всех способов, которыми я предполагала умереть, этот не был одним из них. Но в том-то и дело, что жизнь тебе ни черта не должна.

Она не обязана тебе жизнью, ты должен бороться за нее, чтобы выстоять и выжить. И я боролась.

Она наполнена моментами, извилистыми путями и неожиданными поворотами. Каждый человек, который приходит в твою жизнь, предлагает тебе новый мир, новое место и чувства, не всегда хорошие, и от каждого из них мы получаем возможность чему-то научиться. Принимаем ли мы эти уроки — зависит от нас. От своего отца я научилась принимать боль, понимать, насколько сильным является мое тело, даже когда его неоднократно ломают, и благодаря этому я знаю, что смогу выжить. Каждый человек научил меня чему-то.

Любовь, любовь долговечна. Любовь слепа. Любовь беспорядочна и так совершенна, что мы ищем ее всю жизнь, даже когда нам кажется, что это не так. Думаю, я тоже, но я все равно нашла ее в лице четырех преступников. Их сердца такие же темные, как и их души.

Дело в том, что я никогда не пыталась бороться с ними. Наверное, какая-то часть меня узнала их, и хотя мой разум был затуманен предательством и гневом, в глубине души мы сошлись, как кусочки головоломки.

Дизель увидел это раньше всех нас. Остальные жили в неведении, не желая прогибаться и ломаться. Но не только он, хотя именно он разрушил эти стены внутри меня, отказавшись прятаться от правды. Кто-то может назвать его сумасшедшим, но, возможно, он просто просвещенный... и, ладно, немного сумасшедший.

Кензо... черт, Кензо. Это убьет его, если я умру. Он уже потерял свою маму, а у него такое заботливое сердце, даже если вы не всегда это можете видеть. Когда он любит, он любит сильно. Он весь в себе.

Райдер будет винить себя. Он думает, что это его работа — защищать всех, предвидеть

все, но он всего лишь человек. Однако это не мешает ему ненавидеть себя.

Гарретт и так уже близок к краю, это может подтолкнуть его. Мой боец со шрамами заблудится в дебрях своих страхов и демонов, пока его не убьют.

Так что нет, я не могу умереть здесь, потому что это может сломить их, сделать их слабыми и позволить Триаде убить их. Я отказываюсь быть причиной их смерти. Я отказываюсь умирать сама.

Как только я это осознаю, в моих костях обретается спокойствие. Я не собираюсь здесь умирать. Если я и умру, то в окружении своих людей, с оружием в руках и улыбкой на лице. Я должна сказать им, что люблю их.

Дверь открывается, и входит Эндрю, а за ним Лысик. Черт, ладно, время пыток. Я пережила и худшее, я переживу и это. Я повторяю себе это, откидывая голову назад и улыбаясь им.

— Привет, мальчики, кстати, мое стоп-слово — пузырьки.

— Тебе не понадобится стоп-слово, — шутит Лысик.

— Держу пари, ты говоришь это всем девушкам, наверное, поэтому ты не проходишь дальше первого свидания.

Я ухмыляюсь.

Ирокез Эндрю смеется.

— Она не ошибается.

Лысик подходит ко мне и втыкает дуло пистолета мне в живот, заставляя меня выдохнуть. Когда я наконец снова могу дышать, я ухмыляюсь.

— Черт, парень, ты что, не знаешь, как играть? Ты должен начать мягко, чтобы они все разогрелись. Ты не можешь просто так взять и сыграть, надеясь на лучший исход. — Я смотрю на Эндрю.

— Кто этот новичок? Ты таскаешь его с собой, как одна из тех девиц с чихуахуа в сумочке?

Он раздражается смехом и смотрит на Лысика, у которого вся голова покраснела. Я с нездоровым восхищением наблюдаю, как краснота стыда ползет по его блестящей голове.

— Ты ее воском натираешь? Например, полируешь ее, как полируют полы? Потому что она чертовски блестит...

На этот раз он втыкает дуло в мое больное плечо. От внезапного взрыва боли с моих губ срывается хрип, и я пытаюсь свернуться калачиком, чтобы защитить его. В юности я усвоила, что в конце концов все кричат, это может подстегнуть их, но, честно говоря, люди не кричат только в кино. О, нож в кишках? Дайте мне просто помолчать, это так не работает. Но есть два варианта игры — вы можете позволить им уничтожить вас, сломать вас, или вы можете использовать это против них.

Перевернуть ход истории, быть неожиданным.

Это то, что я делаю. Когда я могу дышать без слез, я подмигиваю ему.

— У тебя и затылок лысый?

Он втыкает пистолет мне в другое плечо, и я чувствую, что оно сломано, чертова сука.

— Чертова лысая сука, — рычу я. — Так нельзя обращаться с леди.

— Никакая ты, блядь, не леди, шлюха, ты — ходячая мертвая подстилка.

Наступает тишина, и я смотрю на Эндрю.

— Это очень неловко, потому что я не догоняю. Как ты думаешь, он все свои реплики черпает из плохих боевиков?

На этот раз Эндрю останавливает его.

— Фрэнни, хватит, — огрызнулся он. — Она моя, а ты здесь для подстраховки.

Я сдерживаю свой смех столько, сколько могу, а это всего тридцать секунд, а потом я смеюсь так сильно, что почти обмочилась.

— Боже мой, тебя зовут Фрэнни? Вот дерьмо, неудивительно, что у тебя проблемы с гневом, бедняжка Фрэнни! — завываю я.

Лысик рычит и направляется ко мне, но Эндрю опережает его, вставая перед ним, и на мгновение я понимаю, почему именно он мучитель. На его лице мелькает гнев, и он словно увеличивается в размерах. Лысик, он же Фрэнни, отступает, ругается, отворачиваясь, и тогда Эндрю расслабляется, снова сутулится и ухмыляется, словно ему нет дела до всего на свете.

Но теперь я увидела, что он скрывает под маской. Настоящий Эндрю, он любит боль, ему нравится, когда больно, это должно быть... чертовски ужасно.

Эндрю поворачивается и пожимает плечами.

— Веди себя хорошо, он может убить тебя.

— Да, это не сработает. Люди говорили мне вести себя хорошо с самого детства, и посмотрите, где я сейчас.

Пожимаю плечами в стиле «ну и дела», пока он подходит к подносу и расставляет свое оборудование.

— Так скажешь мне, как долго ты этим занимаешься?

— О, несколько лет, — отвечает он, беря в руки скальпель.

— Много клиентов? — спокойно спрашиваю я.

Он делает шаг ко мне с жестокой улыбкой.

— Ты странная, ты знаешь об этом? Не бери в голову, у них у всех красная кровь.

— Как бы вы испугались, если бы моя кровь сейчас оказалась синей?

Я смеюсь, но смех переходит в стон. Я скрежещу зубами, когда он проводит секачом по моему лицу, легкий порез, но достаточно глубокий, чтобы я почувствовала, как кровь стекает по щеке.

— Ублюдок, это чертовски выгодно, парень.

— Извини.

Он кивает и проводит лезвием по моей руке.

— Так лучше?

— Намного, спасибо. Только не испорти мне татуировки, а то Гарретт разозлится, а в прошлый раз, когда ему пришлось делать мне татуировку... ну, скажем так, это действие обернулось хэппи эндом для всех.

Эндрю ухмыляется.

— Конечно.

Он начинает проводить ножом по верхней части моих ног, и я издаю небольшой крик, который вызывает смех у Лысика.

— Эй, Фрэнни, ты думаешь, твоя мама назвала тебя так из-за твоего огромного влагалища? — спрашиваю я, задыхаясь.

Тогда Эндрю повышает градус. Когда он вонзается в мой живот, у меня нет времени на разговоры, все, что я могу делать в течение следующего времени, это дышать и кричать. Когда он отходит назад, моя голова падает, я с трудом сдерживаю слезы, поэтому, будучи сумасшедшей сукой, я закручиваю запястье в колючую проволоку, перерезая его так, что боль заставляет меня кричать, перекрывая шум водопроводных труб.

Они могут получить мои крики, больше ничего.

Когда я возвращаюсь в реальность, я поднимаю голову, плюю кровью в Лысика и смеюсь.

— Это было весело, что дальше?

— Скажи мне, как попасть в их квартиру? — спрашивает Эндрю. А, значит, они не так уж много знают.

— Не знаю, они любят завязывать мне глаза, извращенные ублюдки.

Я ухмыляюсь.

Он снова вонзает в меня нож, и я стону, но еще дышу, агония нарастает внутри меня. Черт, черт, черт. Не теряй сознание, Рокси. Когда я чувствую, что не отключусь, я улыбаюсь ему, мои губы слегка онемели.

— Можно мне звонок другу?

Он вздыхает и вытирает лезвие.

— Ну же, Рокси, было бы жаль выпотрошить такую женщину впустую. Расскажи мне то, что я должен знать. Расскажи мне все о Гадюках.

— Да, я собираюсь жестко отказаться от этого. Никакого компромисса, даже за твои денежки, сука, эти ублюдки сумасшедшие.

Он приседает и хватает меня за колени, глядя на меня сверху.

— Боишься их больше, чем меня?

— Да, блядь, да. Ты что, не слышал меня? Они безумны, а я им нравлюсь! Представь, что они делают с теми, кто им не нравится...

Тогда я ухмыляюсь шире.

— Представь, что они сделают с тобой за то, что ты ко мне прикоснулся. В прошлый раз они сломали парню руки и вырвали язык... Интересно, ты будешь кричать?

Я смотрю, как он поднимает нож, покрытый кровью. Это напоминает мне о Дизеле, и, как ни странно, моя киска сжимается... как, правда, сейчас? Сейчас не время.

Да, я успешно разозлила Эндрю.

Он бьет меня сзади, и моя голова откидывается в сторону, когда кровь наполняет мой рот. Выплюнув ее, я со смехом поворачиваюсь обратно и широко улыбаюсь ему, кровь, несомненно, покрывает мои зубы и губы, если судить по его отвратительной усмешке.

— Ты называешь это пыткой? Предпочитаю прелюдию поизящнее. Давай, ты можешь лучше, — дразню я.

— Скажи мне! — рычит он мне в лицо, нетерпеливый теперь, когда понимает, как трудно будет меня сломить.

Облизывая губы, я смотрю ему в глаза. Я ни за что не предаю своих ребят. Под пытками тебя учат раскрывать информацию, которая не важна и близка к правде, но я ни за что не пойду на такой риск. Дизель убьет меня, любовь это или нет. Я знаю, что это принесет мне немало боли, но я выдержу.

Я смогу это пережить.

Глубоко вдохнув, я серьезно киваю, все тело болит, кровь стекает по моим изгибам, и агония рвется по венам.

— Хорошо, хорошо, я расскажу вам...

Они оба выжидающе смотрят на меня, пока я пытаюсь выглядеть кроткой и сломленной, позволяя слезам наполнить мои глаза, настоящим слезам от боли. Задыхаясь от боли, протестуя ребрами, я произношу:

— И я всегда буду любить тебя...

Эндрю вздрагивает от того, как громко я пою.

Он снова бьет меня по спине, прерывая песню, и я выплевываю кровь и поворачиваюсь к нему спиной.

— Нет? Не чувствуешь? Как насчет репертуара группы Metallica? Нет, как насчет Тэй-Тэй[4]? Ты выглядишь прямо как тайный фанат Тейлор Свифт!

Лысик делает шаг вперед, нацеливая на меня свой пистолет.

— Заставь ее говорить, — требует он. — У нас не так много времени, прежде чем они придут за ней.

Я усмехаюсь на это.

— Фрэнни, они уже пришли, и ты в полной жопе. На чем я остановилась? О, Тэй-Тэй...

Я начинаю петь, и он с рычанием распахивает дверь и выбегает прочь.

— Подожди! — зову я. — Нам было так весело, Фрэнни! Я еще даже не дошла до своих любимых треков!

Эндрю вздыхает, как будто он разочарован во мне.

— Рокси, это могло быть так просто. Ты могла бы быстро умереть.

— Да, только мне никогда не нравился легкий вариант. Что я могу сказать? Мне нравятся жескач.

Я ухмыляюсь ему.

Он срывает с меня эту спокойную маску, и я понимаю, что меня ждет мир полный боли. Будем надеяться, что я смогу пережить это дерьмо, потому что мои Гадюки придут, я знаю это, и если они найдут меня мертвой... город не переживет их гнева.

Время течет медленно, мучительно медленно, как и боль, проходящая через меня, через все мое тело. Он мазохист, но не так хорош, как Ди, но все же это приносит пользу. Мои крики раздаются вокруг нас, и слезы, наконец, проливаются, покрывая мои щеки. Кровь стекает под меня, мои пальцы скользкие от нее. Он вырывает ногти на ногах, ломает мне пальцы. Он ломает мне палец. Он колет, режет и режет. Он накрывает мою голову мешком и льет на нее воду, пока я не перестану дышать, пока не думаю, что могу утонуть, а когда он отрывает мешок, вода течет у меня изо рта на грудь, легкие горят от ледяной жидкости.

— Спасибо, я хотела пить, — кричу я.

Эндрю старается изо всех сил. Его работа и жизнь на кону, если он не получит информацию, но вот в чем дело... Я умру, прежде чем предам их, прежде чем предам любого, кто дал мне шанс, кто был добр ко мне... а мои Гадюки?

Они любят меня.

И, как ни странно, я, блядь, тоже их люблю.

Так что если я умру здесь, одна, в чертовой мерзкой комнате, то так тому и быть. Я заигрывала со смертью с детства, а умереть за людей, которых любишь, кажется хорошим исходом.

Эндрю не может этого изменить. Он может ломать мое тело снова и снова, он может заставить меня кричать и плакать, он может заставить меня молить о смерти, но ни слова о моих парнях не слетит с моих уст. Думаю, он начинает понимать это, когда сидит и наблюдает за мной.

— Мне стоит восхищаться твоей преданностью.

Он вздыхает.

— Раздражает, но впечатляет. Скажи мне, они действительно купили тебя?

Я киваю, смачивая губы.

— Так откуда такая преданность? — интересуется он с любопытством.

— Потому что мы плохо начинали, но теперь они — мое все.

Я пожимаю плечами.

— Ты знаешь, как это бывает, давай посмотрим правде в глаза, каждая романтическая история в какой-то степени испорчена. Ромео и Джульетта? Они были детьми, и они умерли. Даже не начинай мне рассказывать о том искуплении, Господи, я ревела как ребенок. Преданность нужно заслужить, а не купить.

— И они ее заслужили? — спрашивает он.

Я не отвечаю, и он кивает.

— Я должен сообщить об этом своему боссу, подумайте об этом.

Эндрю встает и уходит, а я смотрю, как он уходит, хлопок двери и щелчок замка громко раздаются в сырой комнате.

Заслужили ли они это? Его вопрос звучит у меня в голове.

Несомненно, мы все испорчены, и наша любовь странная... но верность? Да, они заслужили ее, и мои мальчики будут продолжать ее получать, потому что я знаю, что они сделают все, чтобы защитить меня. Спасти меня. Дать мне все, в чем я нуждаюсь.

Когда никто другой этого не сделал, они приняли во внимание то, как я отношусь к ним и не вижу шрамов, и продолжали идти вперед, до тех пор, пока бы не добрались до меня.

Я не ребенок и не глупая. Я знаю, что если я предаю их, они убьют меня, даже если любят, но не поэтому я не предаю их. А потому, что я не смогу причинить им такую боль, даже ради спасения собственной жизни, и если это не любовь, то я не знаю, что это такое.

Иногда в жизни встречаются люди, ради которых стоит умереть, и обычно это те же люди, ради которых стоит жить. Но вы не всегда можете иметь все сразу. Если все, что я могу предложить им сейчас, это мое молчание и смерть, я сделаю это.

Мне, правда, хотелось бы забрать некоторых из этих ублюдков с собой.

Мои парни могут быть преступниками, иметь дело со смертью и властью, но когда дело доходит до дела, все, чего они действительно хотят — это любовь. Семья. Я отказываюсь ломать это.

Они могут быть моей силой, но я — их слабость.

В этот момент надо мной раздается взрыв, и все здание сотрясается от пыли, падающей с потолка. Я ухмыляюсь, точно зная, кто это.

Мне не нужен никакой гребаный герой, чтобы спасти меня, я могу спасти себя сама, но я ни разу не сомневалась, что они помогут мне, помогут спасти меня, и я оказалась права.

Хоть раз кто-то меня не подвел.

И я отказываюсь разочаровывать их.

Пришло время освободиться и встретиться с моими ребятами, тогда мы вместе перебьем всех этих ублюдков.

Ладно, Рокси, пора встряхнуть из них все дерьмо. Когда наверху раздаются взрывы и выстрелы, я оглядываюсь по сторонам, пока мне не приходит в голову идея. Это глупая, мать ее, идея, но это лучше, чем ничего. Итак, раскачиваясь из стороны в сторону, я наращиваю темп.

Стул начинает шататься, раскачиваясь вместе со мной, скрип громко раздается в комнате, но его заглушает звук драки. Я раскачиваюсь сильнее, и с воплем вместе со стулом валюсь набок. Рухнув на пол, я издаю стоны, ударяюсь головой, но стул разламывается. Я

перекатываюсь на спину и издаю стон, лежа так с минуту. Я приземлилась на левое плечо, которое не работает. Черт, кажется, я его вывихнула.

Черт, в «Джоне Уике» это дерьмо выглядело легко. Он соврал, это больно, как будто у сучки течка, хуже, чем это было с тем первым занозой в заднице.

Садясь, я замечаю, что части стула все еще прикреплены к моим рукам и ногам проволокой. Черт. Ударив запястьем в пол, мне удастся высвободить деревяшки, а затем размотать каждую часть проволоки, прежде чем сделать то же самое с лодыжками. Я могу использовать только одну руку, так как моя вторая рука смешно и безвольно болтается. Я хнычу, отдирая колочки, наблюдая, как кровь хлещет из моих лодыжек и рук. Суки.

Это происходит медленно, очень медленно, и когда я заканчиваю, я задыхаюсь и обливаюсь потом. Теперь нужно открыть дверь. Отталкиваясь, чтобы встать на нетвердые босые ноги, я защищаю грудь рукой, морщась от боли, пронзающей меня.

Вот еще одна глупая идея.

— Эй, Фрэнни, ты там? — кричу я. — Фрэнни, я освободилась, лучше приди за мной!

Дверь щелкает и открывается, в проеме показывается Фрэнни. Увидев меня, он рычит и бросается на меня. Вот и все...

Я притворяюсь, что падаю, хватаюсь здоровой рукой за нижнюю часть ручки стула, затем вскакиваю, когда он подходит ближе, и с криком бью его по его тупой морде снова и снова. Он воеет и отшатывается назад, пытаюсь заслонить меня, его пистолет падает на пол.

Я продолжаю бить, пока он не падает на пол. Задыхаясь, я беру пистолет в другую руку и прижимаю его к его голове. Его глаза расширяются, кровь стекает по лицу.

— Пока, Фрэнни, было приятно с тобой познакомиться.

Я нажимаю на курок. Прижимая пистолет поближе, я со стоном шагаю к двери.

Боже, сейчас бы вздремнуть.

Гадюки свернулись, готовые нанести удар. После этого от Триады ничего не останется.

Держись, дорогая, мы идем.

РАЙДЕР

Сидя в машине вниз по дороге от отеля, я проверяю свои пистолеты и оружие, пока мы осматриваем его.

— Они будут держать Рокси в безопасном месте, вероятно, под самим отелем. Там будет много людей, но я не ожидаю, что вся Триада будет здесь — слишком опасно им всем собираться в одном месте. Будет грязно. Держитесь ближе, проверяйте углы и прикрывайте друг друга. Переходим из комнаты в комнату, пока не найдем ее, — приказываю я, застегивая броник. Он немного защитит меня, но пуля в голову все равно свалит меня, так что нам нужно быть умными.

Даже когда во мне бурлит ярость, мне нужно добраться до моей девочки.

Дизель надевает свой ярко-фиолетовый рюкзак, на котором спереди красуется единорог. Я не задаю вопросов, потому что у нас нет времени разбираться сейчас и с его тараканами. У Гарретта на груди пристегнут дробовик, а на спине — чертов гранатомет: в конце концов, он будет идти первым. Кензо тоже вооружен до зубов.

Мы будем в меньшинстве, но где же веселье, если его нет?

— Поехали. Делаем все шумно, не сдерживаемся и помним, за что мы сражаемся по-настоящему, — рычу я, вставляя обойму.

— О-о-о-о, я знаю! Все для моей Маленькой Птички!

Дизель ухмыляется.

— Ты в порядке? — спрашивает Гарретт. — Не психически, мы все это знаем, но...

— О, я вколол себе немного адреналина. Поехали! — кричит он.

Смеясь, я выскальзываю из машины, и мы молча идем. Мы движемся строем в сторону отеля. У нас есть преимущество, мы знаем расположение, знаем проходы и способы быстро обойти периметр. Они этого не знают.

К тому же, мы сражаемся за нашу девочку, нас ничто не остановит.

Мы перебегаем дорогу, ночь скрывает нас, и я прижимаюсь спиной к стене рядом с входной дверью, цепочка, которая когда-то запирала ее, валяется забытая на тротуаре. Гарретт прижимается спиной к противоположной стороне, и я киваю, отсчитывая время на пальцах. Он берет в руки гранатомет, и я резким движением распахиваю дверь. Он входит внутрь, пригибается и стреляет, а затем отступает назад, когда здание сотрясают взрывы.

Раздаются крики, и мы все входим внутрь сквозь дым, разделяясь, чтобы занять каждую

сторону большого фойе. Я прячусь за столбом, Гарретт делает то же самое, а Дизель перелетает через старый диван, когда по нему решетят пули. Кензо проскальзывает за стойку регистрации. Я оглядываюсь, чтобы увидеть тела на полу, но с лестницы и сверху стреляют, похоже, из пистолетов-пулеметов, пули разлетаются во все стороны, дерево и куски дивана разлетаются повсюду, рев стоит оглушительный.

Затем наступает тишина, и мы вседвигаемся одновременно. Пригнувшись, я прицеливаюсь, выбирая верхний этаж, так как я лучший стрелок. С остальными я доверяю разобраться своим братьям. Я убиваю двух человек и успеваю спрятаться за колонну, когда они снова начинают стрелять, их крики разносятся эхом. Посмотрев на Гарретта, я киваю. Он снова берет в руки гранатомет, и я прикрываю его, выныривая и ведя беспорядочную стрельбу, пока он прицеливается и стреляет.

Мы оба прячемся за укрытиями, когда снова раздаются взрывы, а затем наступает тишина. Он закидывает гранатомет за спину и хватается за дробовик. Я киваю, и мы выходим из укрытия. Уже осталось только два парня, и они спускаются нам навстречу. Дизель с ревом летит на одного из них, кромсая и разрывая его на куски. Кензо берет на себя другого, перепрыгивает через стол, подкрадывается к нему сзади и стреляет в голову.

— Мы пригибаемся. Гарретт, ты сзади, — инструктирую я, когда мы проходим мимо лестницы к лестнице, ведущей в подвал. Без сомнения, они ждут, поэтому я открываю дверь и бросаю туда дымовую шашку, жду, пока не услышу крики и кашель, а затем пробираюсь вниз. Рука Кензо сжимает мое плечо, Дизель за ним, а Гарретт идет сзади, прикрывая наши спины.

Пригнувшись у подножия лестницы, я заглядываю за угол и вижу трех парней, все они кашляют и хнычут, дико озираясь по сторонам.

— Где они?

— Найдите их, мать вашу! — кричат они.

Выровняв дыхание, я убиваю всех троих, затем закидываю винтовку за спину и хватаю пистолет и нож. Кензо касается меня, и я киваю, затем он проскальзывает мимо меня в образовавшееся пространство, его пистолет наготове, когда он наклоняется и проверяет их, убеждаясь, что мудаки мертвы. Когда он кивает, мы врываемся в комнату. Там две двери, обе ведут в шкафы, и мы исследуем их. Единственный выход — дальше по узкому коридору.

Это может быть ловушка. Мы должны рискнуть.

— Дизель, — киваю ему я, и он проскальзывает в проход. Если это ловушка, только один из нас умрет. Таково правило.

Он движется бесшумно, мачете в одной руке, пистолет в другой. Дойдя до перекрестка, он прижимается к стене, затем сворачивает за один угол и целится в другой. Когда ничего не происходит, он машет нам рукой. Мы следуем за ним, и как только доходим до перекрестка, я хмурюсь. Куда, блядь, идти, Райдер, думай.

Мы слышим крик слева, очень знакомый крик.

Мы все переглядываемся, прежде чем Гарретт пытается перейти на спринтерский бег, но я удерживаю его одной рукой.

— Они могут использовать ее как приманку, черт возьми, подумай.

Теперь я двигаюсь быстрее, влекомый ее криками. Если они причиняют ей вред, я, блядь, убью их и разорву на куски. Коридор достаточно длинный, и здесь никого нет. В конце коридора открывается большая комната с другими дверями. Я знаю, потому что мы с Кензо играли здесь в прятки, пока отец работал.

— Так, мы с Кензо смотрим вверх. Гарретт и Дизель — слева и справа.

Я киваю, когда Гарретт переходит на другую сторону коридора и кивает мне, готовый войти первым.

Всегда готовый умереть за нас... а теперь и за нее.

Наш защитник, наш боец.

Но на этот раз я не решаюсь отдать приказ, ненавидя неизвестность, которую таит в себе эта комната. Обычно у нас есть план, а тут все впопыхах и в спешке, но он снова ворчит и кивает мне.

— Я разберусь, — бормочет он, прежде чем освободиться без моего приказа и шагнуть в комнату. Ругаясь, я следую за ним, остальные — следом.

Кто-то стреляет, и я пригибаюсь за бочкой, заглядываю за нее и вижу, что в другом конце комнаты нас поджидают по меньшей мере восемь человек. Они прячутся за опрокинутым столом, пивные кружки и карты разбросаны по полу. Они слышали, как мы пришли.

— Дизель, — шиплю я. — Самое время открывать этот гребаный рюкзак?

Он смеется.

— Не-а! Это легко, организуй мне прикрытие, — шепчет он, прежде чем скрыться в тени комнаты. Чтобы отвлечь их внимание, мы быстро стреляем, убедившись, что они сосредоточены на нас, а не на сумасшедшем ублюдке, который сейчас карабкается по трубам в потолке, как какая-то обезьяна.

Я не свожу с него глаз, переключаясь между стрельбой и наблюдением за ним. Ди приседает, когда оказывается рядом с ними, а затем, не говоря ни слова, опускается за стол прямо за ними.

— Бу! — кричит он, и я поднимаюсь на ноги, стреляя на ходу, остальные делают то же самое.

Дизель валит двоих, но мы слышим его крик, прежде чем он кричит еще громче.

— Ты ублюдок!

Вот дерьмо.

Мы валим остальных, но когда мы огибаем стол, он бьет человека.

— Пристрелить меня вздумал? Сука, сука, сука, сука, я сожру твое гребаное сердце...

— Ди? — зову я, и он смотрит вверх, кровь капает из его уха, в том месте, где парень, очевидно, получил пулю.

— Думаю, он мертв, — сухо замечаю я.

Ди смотрит вниз на парня и, фыркнув, роняет тело, после чего вытирает лицо о руку, размазывая по ней кровь.

— На чем мы остановились? — спрашивает он, подбирая мачете и бросая его. — Ах, да, спасали мою Маленькую Птичку.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Он кивает и снова вытирает лицо, перешагивая через тела, и присоединяется к нам в единственном коридоре, который ведет в котельную. Мы слышим еще один крик и переходим на спринтерский бег, понимая, что она там, внизу.

Дверь в конце коридора открыта, и мы стремимся к ней.

Мы огибаем дверь и просто смотрим. Наша девушка бьет прикладом пистолета по тому, что раньше было лицом, и, услышав нас, отбрасывает волосы назад, выпрямляется и ухмыляется.

— Эй, парни, вовремя. Надеюсь, я не пропустила все веселье!

Кровь покрывает почти все ее тело, одна рука странно повисла у нее на боку, пистолет слабо зажат в руке, тело дрожит, но она никогда не выглядела так чертовски красиво. Переступив порог комнаты, я хватаю ее и прижимаюсь губами к ее губам. Она стонет и прижимается к моему телу, а потом вздрагивает и отстраняется. Тяжело дыша, я смотрю на нее сверху вниз, отмечая каждую рану и ее руку.

— Что случилось?

— Вывих, думаю, когда я разбила стул, чтобы высвободиться.

Она вздыхает.

— Не пытайся, это не весело.

Смеясь, Дизель хватается за ее сзади.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка.

Кензо вырывает ее из его объятий и целует в макушку, откидывая ее волосы назад.

— Дорогая, ты меня до смерти напугала, — шепчет он срывающимся шепотом.

Гарретт вырывается из его хватки и прижимается лбом к ее лбу, заглядывая ей в глаза.

— Не смей больше пытаться повернуть нечто похожее еще раз, — огрызается он, прежде чем поцеловать ее.

Она отстраняется со смехом.

— Я тоже по вам скучала, — пробормотала она.

Дизель расхаживает по комнате, его лицо холодное и сердитое, его эмоции сменяются так быстро. Я киваю Гарретту, который отходит от двери, чтобы убедиться, что никто не подкрадывается к нам.

— Ты ушла, — рычит он.

Она смотрит на него и закатывает глаза.

— Кто-нибудь, разберитесь с моей гребаной рукой, она меня бесит.

Я киваю и мягко хватаю ее. Я держу руку Рокси прямо, пока встречаюсь с ней взглядом.

— Будет больно, милая.

— Блядь, просто сделай это, — огрызается она, и я делаю это, вставляя руку на место. Рокси вскрикивает и бьет меня, я позволяю ей. Усмехаясь, я целую ее руку, когда она встряхивает ей.

— Глупый твердолобый осел.

— Ты ушла! — кричит Дизель, и мы все смотрим на него.

Черт, он на грани.

— О, черт, — шепчет Кензо и направляет на него пистолет.

Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Ди, успокойся, — приказываю я, но он игнорирует меня, трясет головой, ударяя по ней руками.

— Ушла! Она ушла! — ревет он.

— О да, потому что я сама виновата в том, что меня похитили... — начинает она, но не успевает закончить.

Дизель уже рядом, крепко целует ее, пробует кровь Рокси, прежде чем прикусить ее пострадавшую губу.

— Ты будешь по самые уши в дерьме, когда мы вернемся домой, Птичка.

— Не могу, блядь, дождаться, — бормочет она ему в губы, пока он смеется, но вдруг его рука выныривает, обхватывает ее шею и сжимает, не играя.

Я не свожу с него глаз на случай, если он действительно попытается ее убить. Ди отпускает ее, проводит рукой по ее передней части и зарывается пальцами в рану, заставляя ее кровоточить сильнее, но она стонет и прижимается ближе, даже когда он причиняет ей боль.

— Я так чертовски зол на тебя, — рычит он.

— Да? Можешь вытрясти это из меня потом.

Рокси смеется, прижимаясь к нему, не боясь, но он отстраняется и снова начинает шагать по комнате, его блестящая сумка подпрыгивает при движении.

Она даже не задается этим вопросом, привыкшая к его безумию.

— Еще раз попробуешь провернуть такое дерьмо, и я заставлю тебя пожалеть, что они тебя не убили, — предупреждает он, останавливаясь, сжимая руки, и я переглядываюсь с Рокси.

Гарретт вздыхает.

— Я же говорил тебе не злить его, детка.

Она вскидывает руки вверх.

— В следующий раз я скажу им, чтобы они не похищали меня, хорошо?

Кензо хихикает, а Рокси смотрит на него.

— Не смейся, мать твою.

Она снова поворачивается к Ди:

— Успокойся, детка, просто подумай о всех тех людях наверху, которых ты сможешь убить.

Кажется, это его немного успокаивает, но он все равно злится, и я прижимаюсь к ее спине.

— Сейчас ты сама увидишь, почему мы предупреждали тебя не злить его, — бормочу я, и она вздрагивает, прислонившись к моей груди.

— Не могу дождаться...

Она вздыхает.

— Спасибо, что пришел за мной, я ни на секунду не сомневалась в этом, но... спасибо.

— Всегда пожалуйста, дорогая, — отвечает Кензо, делая шаг навстречу ей. — Сколько раз мы должны повторять тебе, что ты одна из нас?

Я слышу звук сапог наверху и отступаю назад, готовясь к тому, что должно произойти. У нас нет времени на нормальное воссоединение, нам нужно убить несколько врагов, а потом нам нужно осмотреть нашу девочку. Список можно продолжать и продолжать, поэтому я выпрямляюсь и расправляю плечи.

— Они будут ждать нас наверху. Готова устроить им адовы муки?

Рокси фыркнула.

— Всегда готова.

— Ди, иди первым. Любимая, ты идешь между нами. Убейте всех, кто не является Гадюкой. Пленных не брать, — приказываю я, и они все кивают, на их лицах одинаковые кровожадные ухмылки.

Готовые убить их всех из-за нашей девушки, которая теперь на нашей стороне.

ГАРРЕТТ

Я счастлив, но сейчас нет времени для воссоединения. Нам нужно выбраться отсюда, и тогда я покажу ей, как сильно я по ней скучал. Я все еще чувствую вкус ее губ на своих и ощущаю, как ее тело прижимается ко мне. Как бы я хотел впечатать ее в стену и трахнуть прямо здесь, выплеснуть свои разочарования и сожаления, но я не могу.

Рокси зависит от меня, как и все они. Я сосредоточен на том, что будет дальше, а не на женщине, идущей передо мной, ее задница соблазнительно покачивается, когда я держу дробовик. Она оглядывается на меня через плечо и подмигивает, когда видит, что я рассматриваю ее задницу.

— Позже, здоровяк, сейчас время убивашек.

Я ухмыляюсь, когда мы останавливаемся в конце коридора, а Ди осматривает комнату. Наклоняясь ближе, любуюсь ее дрожью, когда я прижимаюсь к ней, я бормочу ей на ухо:

— Кто сказал, что ты выживешь позже? Тебе нужно разобраться с четырьмя разъяренными парнями.

Она тихо смеется.

— Я могу справиться с вами четырьмя.

Я щипаю Рокси за ухо, и она вскрикивает.

— Чувак, — протестует она.

— Я Гадюка, детка, кусаться — наша фишка, и я планирую кусать и облизывать тебя всю, пока ты трахаешься с моими братьями.

— Знаешь, нет ничего сексуальнее, чем мужчина, умеющий пользоваться оружием, — призывает она, наблюдая за нами с нашими пистолетами.

— Она говорит о наших членах! — отвечает Дизель, выскакивая из-за угла. — Все чисто, они, должно быть, наверху.

— Удивлен, что ты не спросила про его смешной рюкзачок, — насмешливо говорю я ей.

Она смотрит на меня с ухмылкой.

— В списке странных, безумных вещей, которые делает Дизель, это занимает довольно ничтожное место, к тому же он смотрится мило.

Ди фыркает, и она вздыхает.

— Отлично, ты выглядишь чертовски сексуально. Я едва могу удержать свои руки при себе. Сверкающий единорог действительно подчеркивает безумие в твоих глазах, —

промолвила она.

— Уже лучше, а теперь пойдём.

Ди ухмыляется, ведя нас обратно через комнату. Рокси даже не моргает на трупы, когда мы взбегаем по лестнице и останавливаемся там, зная, что они должны ждать нас.

— Мы входим со всей страстью, не сдерживаемся, — приказывает Райдер. Затем он смотрит на Рокси. — Держись ближе к одному из нас и убей их всех.

Рокси держит свой пистолет поближе.

— Поняла, детка, идем. Я проголодалась.

— Ты можешь отведать мой член позже, дорогая.

Кензо усмехается, и, честно говоря, приятно видеть, что он снова шутит. На минуту я подумал, что мы его потеряли.

Ди берется за ручку и оглядывается на нас.

— Три, два, один, вперед! — зовет он, распахивая дверь и выбегая наружу. Мы следуем за ним, оглядываясь по сторонам, но никого нет. Встав рядом с Рокси, я наблюдаю за ее спиной, пока мы прочесываем комнату. Райдер кивает на лестницу, и я иду первым, Рокси за мной, пока мы поднимаемся на первый уровень.

Есть два пути, поэтому я оглядываюсь на Райдера и жестом показываю Кензо. Он кивает, и Кензо срывается с места и идет со мной. Затем я смотрю на Рокси.

— Иди с ними, детка, и присмотри за ними ради меня. Скоро увидимся.

Я отворачиваюсь, но Рокси хватается за меня, и ее губы впечатываются в мои. Застонав, я целую ее в ответ, прежде чем Рокси отстраняется и поворачивается, с пистолетом в руке, и следует за Райдером, а Ди идет за ней по пятам.

Я смотрю, как она уходит, и мое сердце гулко бьется в груди. Когда-нибудь я женюсь на этой девушке и сделаю ее своей навсегда. А пока мне нужно разгрести это дерьмовое шоу и отвезти ее домой. Кензо идет позади меня, прижавшись спиной к моей спине, пока мы начинаем прочесывать коридор. Они должны быть здесь, и я готов поспорить, что здесь есть хотя бы один член Триады.

У них есть правило, они никогда не бывают все вместе, но им нужна информация, поэтому один из них должен быть здесь. Мы найдем его, выведаем, что знает он, а затем выследим остальных. Разрушим их миры.

Затем мы сделаем Рокси центром нашего.

Я открываю дверь спальни и прочесываю ее, прежде чем двигаться дальше. Кензо берет левую сторону, а я — правую, прежде чем мы снова поднимемся наверх. Мы поднимаемся наполовину, когда на нас обрушиваются выстрелы. Прижавшись к стене, я прицеливаюсь и стреляю в ответ, но ракурс не тот. Зарядив дробовик, я бросаюсь вверх по лестнице, стреляю, забегая за угол, и застаю мужчину врасплох. Рядом с ним еще один, и он выхватывает нож. Я размахиваю ружьем, бью по его лицу, и он отступает к стене, затем я стреляю в него. Нет смысла быть незаметным. Оглядываясь по сторонам, я перезаряжаю дробовик.

Кензо проходит мимо меня на третьем этаже, но пригибается, когда пуля попадает в то место, где он только что находился.

— Пять, конец коридора и двигаемся вниз.

Я подхожу к нему сзади и киваю ему, наготове. Мы оба встаем на колени и стреляем за угол. Раздаются крики боли, и стрельба прекращается. По меньшей мере трое из них мертвы, один ползет к своему оружию, а один с трудом дышит, прикрывая рукой кровоточащую грудь.

Кензо проскальзывает по коридору, топает по спине ползущего человека и вышибает ему мозги, пока я сворачиваю шею парню, привалившемуся к стене. Проверив остальных, мы двигаемся дальше. Мы должны приблизиться к месту, где нас поджидают люди из Триады, а они, должно быть, быстро теряют численность.

— Последняя дверь закрыта, — бормочет Кензо, и я поднимаю голову, чтобы убедиться, что он прав. Все остальные двери либо отсутствуют, либо открыты, поэтому мы направляемся туда.

Я пинком открываю дверь и бросаюсь на человека, прицеливаясь, легко рассекаю ему шею, оглядываясь по сторонам.

— Черт, они как крысы, — бормочу я, встречая Кензо в коридоре.

— Ты не ошибся, похоже на выход на крышу.

Кензо вздыхает, замечая приоткрытую дверь, ведущую к лестнице, которая уходит навверх.

— Черт, — ворчу я и проскальзываю через нее.

На вершине лестницы металлическая дверь, и мы понятия не имеем, что за ней. Я смотрю на Кензо, который ухмыляется, снова заряжая пистолет.

— Еще раз, брат. Давай уьем их и вытащим отсюда нашу девочку.

Ухмыляясь ему в ответ, я берусь за рукоятку и молча отсчитываю время, затем открываю ее, и мы оба вываливаемся на крышу.

Она кишит ими. Эти чертовы ублюдки только и ждали нас — последнего шанса. Один задевает пулей мое плечо, я бросаюсь в сторону и прячусь за вентиляционной трубой, а Кензо успевает спрятаться за столб.

Зная, что Кензо справится сам, я прислоняюсь к вентиляционному отверстию и пытаюсь снять их. Мне удастся завалить нескольких, прежде чем они соображают и просто продолжают стрелять. Это так отвлекает меня, что я не замечаю людей, внезапно появившихся у двери на крышу, пока не становится слишком поздно.

Одному удается схватить меня, и мне приходится перекатиться, остановиться в открытом дверном проеме и снова перекатиться, когда меня настигает шквал пуль. Рядом раздается болезненный крик, когда я, спотыкаясь, встаю на ноги.

Я поворачиваю голову и вижу нож, блестящий от крови, торчащий из живота Кензо, когда он падает на пол. Я замечаю, как к нему подкрадывается человек, и понимаю, что он идет за мной, но выбирать не приходится.

Моя семья превыше всего.

Я прицеливаюсь и стреляю в подкрадывающегося человека, чтобы убить его.

— Гарретт!

Кензо кричит в знак предупреждения, но я поворачиваюсь слишком поздно, уже зная, что когда я прицелился, вопрос состоял в том, кто это будет — он или я.

Когда мои глаза закрываются от прилетевшего удара, я смотрю, как Кензо пытается добраться до меня, прежде чем его самого вырубает. По крайней мере, они не просто убили нас здесь...

ДИЗЕЛЬ

Следуя за Маленькой Птичкой, я стараюсь сдерживаться. У меня руки чешутся разорвать ее на части и собрать заново за то, что она посмела дать себя похитить, за то, что посмела покинуть нас. Гнев разливается по мне, разжигая внутри адово пламя, пока я не превращаюсь в бомбу замедленного действия.

Поэтому, когда мы открываем первую дверь и прерываем мужчину, избивающего другого битой, привязанной к стулу, я выхожу из себя. Проталкиваясь мимо Райдера и Птички, я бросаюсь внутрь. Я слышу, как он предупреждает ее, чтобы она не следовала за мной, но потом все расплывается. Остались только мои демоны и я.

Выхватив битую из рук Райдера, я направляю ее на мудака, выпуская своих демонов на волю. Мои руки напрягаются от силы ударов. В комнате тихо, только его крик и мой... смех.

Ха, вот он я.

Когда все закончилось, я поднял голову. Все мое тело в крови, глаза темные и безумные, но Маленькая Птичка вырвалась из объятий Райдера и без страха идет ко мне. Приподнявшись на носочках, она нежно целует меня.

— Он мертв, пойдём, детка.

Она выхватывает битую из моей руки и прислоняет ее к своему плечу, проходя мимо Райдера, и мы оба смотрим ей вслед.

— Я люблю ее, — серьезно заявляю я, а Райдер смеется.

— Тебе же, блядь, лучше. Никто больше не будет терпеть твою сумасшедшую задницу.

Мы оба поворачиваемся и идем за ней, проверяя каждую дверь на ходу, но все остальные спальни пусты. Кровь засыхает на моей коже, которая начинает чесаться, но я не обращаю на это внимания, устремив взгляд на мою Маленькую Птичку. Даже в самые мрачные минуты она любит меня, не боится меня.

Однажды это может убить ее...

Но, черт возьми, я слишком эгоистичен, чтобы заботиться об этом. Она моя. Я надену ей на палец чертово кольцо, чтобы весь мир знал об этом. Я даже могу вырезать свое имя на ее коже. Уверен, ей это понравится... особенно если я буду трахать ее в это же самое время...

— Ди, — проворкотал Райдер и посмотрел на меня. — Ты думаешь вслух.

Я моргаю и перевожу взгляд с него на Рокси, чтобы увидеть, как она ухмыляется.

— Вырежешь, да? Оставь это на потом.

Она идет, пока говорит, и в этот момент мы слышим характерный щелчок. Черт. Она поворачивается как раз в тот момент, когда я вижу, как предмет летит к нам по воздуху.

— Граната! — кричит Райдер и тянется к Птичке, чтобы защитить ее, но я с трепетом наблюдаю, как она крепче сжимает битую и, как настоящий гребаный крутой парень, замахивается, попадая в гранату.

Мы все смотрим с открытым ртом, как граната летит туда, откуда прилетела, и взрывается, ударившись о лестницу, отбрасывая нас назад.

Я успеваю схватить Птичку, когда приземляюсь над ней, защищая ее. Смех моей Маленькой Птички доносится до меня сквозь звон в ушах, и когда я оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что никто не стреляет и не идет на нас, я смотрю на ее ухмыляющееся лицо.

— Это было потрясающе, — заявляет она.

Ухмыляясь, я наклоняюсь и целую ее.

— И сексуально, как ад. Держи эту битую, мы поиграем с ней позже.

— Извращение.

Она кивает, когда я поднимаюсь на ноги и хватаю ее за одну руку, а Райдер берет Птичку за другую, и мы поднимаем ее на ноги. Он быстро осматривает ее, прежде чем кивнуть и передать ей битую.

— Давайте, двигаемся дальше, — бормочет он, его плечи покрыты пылью и сажей.

Мы поднимаемся по лестнице, избегая разрушенных перил и трупов. Когда мы достигаем лестничной площадки, она переходит в большую гостиную, и Райдер, кажется, замирает на мгновение.

— Рай? — спрашивает Маленькая Птичка, кладя руку ему на спину.

Он вздрагивает от прикосновения и смотрит на Птичку взглядом затравленного зверя.

— Когда-нибудь я поведаю тебе, почему именно в этой комнате все началось, но не сейчас, еще не время, — клянется он, а потом, кажется, отступает, выпрямляясь. — Держу пари, что кто-то из начальства находится там. Это большая комната с выходящим на балкон кабинетом.

Рокси крепче сжимает свою битую.

— Давай сделаем это.

Я киваю, и он берется за пистолет.

— Давай.

Мы врываемся в комнату, имея всего несколько секунд, чтобы ознакомиться с пространством. Здесь по крайней мере десять человек, все собрались и ждут нас. Я замечаю азиата в костюме на балконе, и когда он видит нас, он пригибается.

— Огонь! — кричит он.

Вот дерьмо. Я бросаюсь к Маленькой Птичке, усаживаю ее за приставной столик, а Райдер бросается за барную стойку. Они стреляют в нас градом нескончаемых пуль, и Рокси вздрагивает, пригибаясь ниже, когда я ухмыляюсь ей.

— Разве это не весело? Должен признать, я тверд, это точно наша прелюдия на сегодня.

Смеясь, она отвечает мне пощечину.

— Сосредоточься, думай другой головой.

— О, я думаю, он думает о том, как поймать тебя в задницу, — бормочу я, облакачиваясь на стол и бросая свой нож, не следя за тем, куда он приземляется, но я слышу,

как он вонзается в цель, и град пуль перестает сыпаться.

— Либо твоя киска... либо рот, честно говоря, я не привередлив, пока я могу делать это, когда кровь все еще покрывает мое тело.

— Ты сумасшедший.

Маленькая Птичка смеется, но когда она говорит это, то заставляет слова звучать как что-то хорошее.

Схватив другой нож, я бросаю и его, но промахиваюсь, и Райдер смотрит на меня.

— Открой эту чертову сумку! — кричит он.

Рокси смеется.

— Что в ней?

Опираясь на колени, я расстегиваю молнию и показываю ей гранаты внутри.

— Ты всегда держишь гранаты там? — спрашивает она, вокруг нас все еще продолжается стрельба.

— Не всегда, иногда я храню там ножи или тако, — пробормотал я, протягивая ей одну из лепешек.

— Тако? — повторяет она.

— Я могу проголодаться во время драки.

Я пожимаю плечами и вырываю чеку, бросаю одну, а затем накрываю Птичку.

Через мгновение граната взрывается, за взрывом следует крик, и я бросаю еще две, громкие удары. Я не жду, вскакиваю на ноги и оббегаю вокруг стола, чтобы увидеть, что все парни лежат, некоторые мертвы, некоторые просто потеряли сознание от взрыва. Застегнув сумку, я достаю зажигалку и быстро поджигаю пальто одного из них, переступая через них и насвистывая при этом.

— Он носит гребаный рюкзак, — хрипит один из них.

— Я думаю, это сексуально. — Рокси пожимает плечами, вертя битку в руке, и бьет его по кругу, отправляя в нокаут.

— Сумасшедшая сука.

Другой мужчина тянется за пистолетом, поэтому, когда у меня остается одна граната, я засовываю ее ему в рот и выдергиваю чеку, после чего пикирую на Рокси и Райдера. Мы успеваем спрятаться за столом, когда граната разрывается, осыпая всех кровавым дождем.

— Это было весело! — кричу я, вскакивая на ноги, а они медленно встают и проверяют остальных.

Райдер заботится об остальных, а Рокси оглядывается в поисках лестницы, по которой можно подняться.

— Вон там, — указывает Райдер и ведет ее туда.

Да пошло оно все.

— Лестница — для кисок! — кричу я, запрыгивая на диван и хватаясь за люстру наверху. Раскачивая ногами вперед-назад, мне удается перемахнуть на балкон, в последнюю секунду я хватаюсь за край и перемахиваю через него, чтобы встретиться с паническим взглядом азиата.

— Эй, парень, лестница — отстой, я прав? — заметил я, ударяя его по лицу и обезоруживая его, бросая пистолет на балкон, пока я жду остальных. Он тяжело падает, но быстро поднимается на ноги. К тому времени Рокси и Райдер уже поднялись сюда.

Мужчина с тремя татуировками на шее смотрит на Рокси и сплевывает.

— Тупая шлюха, ты еще не сдохла?

— Нет, извини, я живу, чтобы разочаровать таких как ты, — отвечает она, когда Райдер наносит ему удар ножом в живот. Это не смертельный удар, но он падает назад, из раны течет кровь.

В этот момент мы слышим крик и оглядываемся, чтобы увидеть мужчину с ирокезом, который бежит на нас с бензопилой с другой стороны балкона. Рокси выставляет ногу, ставя ему подножку, а я протягиваю ему руку помощи, чтобы он улетел через край. Мы все смотрим, как бедный парень падает с криком и приземляется на стол внизу, ударившись о декоративную статуэтку.

Оглянувшись на номер три, я усмехаюсь.

— Я бы поставил ему восемь баллов из десяти за его приземление.

— Думаешь, ты самый умный? Лучше проверь своих людей еще раз, готов поспорить, что одного ты упустил.

Он смеется, а Райдер подходит ближе.

— Кого?

— Этого твоего бойца?

Номер три усмехается, сильнее хватаясь за кровоточащий живот, когда падает на задницу.

— Мы дали обещание, и он поможет нам его выполнить...

— Где он? — кричит Рокси, прижимая свою битку к его подбородку.

— Он все равно уже мертв.

Он слабо хихикает.

— Вы все, блядь, мертвецы, — усмехается он.

Я поднимаю нож, но Рокси меня опережает.

С диким воплем она обрушивает на него битку, снова и снова, пробивая ему голову, когда его смех переходит в захлебывающийся шум. Но она не останавливается на этом, Птичка продолжает замахиваться, снова и снова, как одержимая женщина, пока не теряет силы. Бита с лязгом падает на пол, а она стоит, задыхаясь, с кровью на руках и кистях, брызги которой разлетаются по ее лицу.

Откинув назад волосы, она облизывает губы и выпрямляется, глядя на меня и Райдера, которые просто в шоке смотрят на нее.

— Что? — фыркает она.

— Ничего, Птичка... просто, блядь, это было так сексуально.

Я киваю, затем смотрю на Райдера.

— Если бы она не была одной из нас, я бы точно преследовал ее, взломал бы ее камеры, следил бы за ней через окна, все девять ярдов.

— Ну, разве я не счастливый ублюдок?

Она надулась.

— Я живу с тобой под одной крышей, так что теперь ты можешь просто преследовать меня до уборной.

Щелкнув зажигалкой, я беру сигарету и говорю.

— Вот именно, ты действительно прекрасна, когда принимаешь душ.

Она моргает и смотрит на Райдера.

— Я бы спросила, если бы он говорил это серьезно, но мне не нужно этого делать.

— Дети, — огрызается Райдер. — Давайте найдем Гарретта. Возможно, парень лгал чтобы напугать нас, но лучше перестраховаться, чем потом пожалеть.

Настроение мгновенно портится.

— Гарретт. Никто не возьмет этого здоровенного ублюдка, это все равно что пытаться нести слона.

Проскользнув мимо меня, Рокси похлопывает меня по груди.

— Я передам ему это.

РОКСИ

Мы быстро возвращаемся в отель в поисках Кензо и Гарретта, и у меня зарождается плохое предчувствие, когда мы идем по коридору, по которому они прошли, и в конце его находим открытую металлическую дверь. Поднявшись наверх, мы выходим на крышу, где повсюду валяются тела, но нет ни следа ни Кензо, ни Гарретта.

Но потом я слышу это.

Хрюканье.

Следуя за ним, я опускаюсь на колени за старой секцией трубопровода и вижу там Кензо. Его грудь кровоточит. Его лицо бледное, а глаза едва открыты. Крепко сжав его руку, я жестом подзываю остальных.

— Детка, что случилось?

Он стонет и смотрит на Райдера.

— Они схватили Гарретта, они хотели его все это время. Я не смог их остановить, мне жаль.

Райдер ударяет кулаком в трубу, но я вытираю потный лоб Кензо и нежно целую его, видя, что на нем отпечатались страдание и боль.

— Тише, все хорошо, мы сможем вернуть его.

Убирая его руку от раны, я замечаю там кровь.

— Нам нужно отвезти его к врачу.

Ди наклоняется и осматривает Кензо, прежде чем дать ему пощечину.

— Не спи. Сейчас будет больно.

Он хватает его, водружает на плечо и непринужденно встает, не так, как будто на нем рюкзак и Кензо.

— Пойдем, Птичка.

Райдер разговаривает по телефону, пока мы идем вниз через отель, и когда мы садимся в машину, я проскальзываю на заднее сиденье, а Ди кладет Кензо на заднее сиденье между моих бедер. Я прижимаю его к себе, глажу по волосам и целую его голову.

— Скучал по тебе, дорогуша.

Он вздыхает, его глаза смотрят на меня, когда Кензо тянется вверх окровавленными руками и берет в них мою ладонь, переплетая наши пальцы.

— Я тоже скучала по тебе, — признаюсь я. — Эти сосунки ничего не смыслили в том,

как похитить женщину, честно говоря.

Он смеется над этим, звук тонет в стоне, пока мы мчимся по городу.

— У них нет опыта, вот почему, — хрипит он. — Тебе стоило обманом заставить их полюбить тебя, да.

— Я собиралась спросить что-нибудь глупое, типа, а это больно?

Я фыркнула, наклоняясь и целуя его голову.

— Только не умирай у меня, слышишь, придурок?

— Понял, красавица, не умру, но ты можешь поиграть в медсестру и поцеловать все это получше позже.

Он подмигивает.

— Даже будучи при смерти, ты просто кокетка, — усмехаюсь я, хотя меня охватывает паника из-за того, что он теряет кровь. Я поднимаю глаза и встречаю взгляд Райдера, который в тревоге смотрит на своего брата. Кензо протягивает руку и сжимает ее.

— Я буду в порядке, брат, не волнуйся за меня. Разберись с этой ситуацией с Гарреттом, хорошо?

Райдер вдыхает воздух, но колеблется.

— Мне жаль, что тебе пришлось туда вернуться, — говорит он негромко.

— Мне тоже. Когда все закончится, мы сожжем это место дотла.

Кензо усмехается, поворачивает голову, чтобы встретиться с Райдером взглядом.

— Больше никаких призраков, никаких плохих воспоминаний, только мы, хорошо?

Райдер кивает и смотрит на меня.

— Позаботься о нем.

— Всегда, — отвечаю я, оглядываясь на Кензо. — С тобой все будет в порядке, ты слишком чертовски упрям, чтобы умереть из-за нас.

— Да? — шепчет он.

— Да.

Я киваю.

— Хочешь поспорить на это?

Он издает стон.

— Боже, я чертовски люблю тебя.

— Победитель получит новую машину Рая в хлам, — пробормотала я, заставив Ди рассмеяться.

— Если выиграю я, ты должна выйти за нас, тогда ты никогда не сможешь уйти.

Он ухмыляется.

— Черт, ты всегда ставишь по-крупному, — бормочу я. — То, что ты умираешь, еще не значит, что ты можешь просить такие странные вещи.

— Конечно, значит, — шепчет он, но его лицо теперь бледнее. Страх пронзает меня, когда я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его губам.

— Не умирай, блядь, и я выйду за вас всех замуж, я даже надену гребаное платье и все такое прочее.

— Договорились, — бормочет он.

— Мы на месте, доктор ждет, — объявляет Райдер, когда мы заезжаем на парковку. Моя дверь распахивается, и я вываливаюсь на руки Ди, пока двое громил из охраны хватают Кензо и уносят его. Я смотрю, как его уносят, со страхом в сердце и руками, покрытыми его свежей кровью. Мой страх сменяется гневом, когда я смотрю на Райдера.

— Нам нужно найти Гарретта, а потом мы убьем этих гребаных засранцев. Никто не заберет то, что принадлежит мне, — огрызаюсь я, когда двери лифта закрываются за Кензо. Я больше ничего не могу для него сделать, и я отказываюсь позволить Гарретту страдать. Этот человек и так достаточно намучился, я не хочу, чтобы ему снились новые кошмары.

— Я не знаю, где найти еще одного из Триады. Иди, приведи себя в порядок. Мы обьем город и получим информацию, как бы нам ни пришлось. Ди, куда ты направляешься?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, как Ди садится в машину.

— Я узнаю, где находится Триада, ты будь готова.

Я не спрашиваю как, мне все равно. Нам нужна эта информация. Райдер переплетает свои пальцы с моими, а свободную руку поднимает и проводит большим пальцем по моим губам.

— Кензо будет в порядке, мой брат — боец, но сейчас мы нужны Гарретту... оставайся со мной, любимая.

Облизывая его большой палец, я киваю.

— Нам нужно больше оружия.

— Тогда пойдём и возьмем его, — пробормотал он, наклоняясь и нежно целуя меня.

~

Я не утруждаюсь приведением себя в порядок, но надеваю чистое белье и платье, потому что драться в мокрых трусиках не очень весело. Кровь высыхает на моих руках и лице, и я оставляю ее. Пусть они увидят это, пусть умрут от моих рук, покрытых кровью моего любовника.

Я влезаю в красное платье, которое Райдер купил мне давным-давно, затем добавляю серьги и ожерелье. Пусть они все видят, что я — Гадюка. Что они связались не с той семьей.

Когда я встречаю Райдера в гостиной, он смотрит на Кензо, который сейчас спит. Врач сумел остановить кровотечение и наложил ему швы, но сейчас ему делают переливание крови, и Кензо нужен отдых.

Наклонившись над ним, я целую его неподвижные губы.

— Скоро будешь дома, будь здоров.

Я отворачиваюсь и выхожу через парадную дверь. Кензо в безопасности, а Гарретт — нет, и каждая прошедшая минута — это минута, когда его могут пытаться или убить. Я отказываюсь позволить этому случиться. Это мои люди.

Моя семья.

Никто не может причинить им боль, кроме меня.

Никто не может превратить их жизнь в ад, кроме меня. Триаде пора понять, что они поймали не просто парней — они поймали чертовски безжалостную суку.

Когда мы добираемся до парковки, Ди уже ждет нас там.

— Я знаю, где один из них, залезайте. — Я проскальзываю на заднее сиденье, Райдер садится на переднее, и Ди выезжает из гаража, заставляя Райдера хрюкнуть.

— Мы должны добраться туда целыми и невредимыми, брат, — огрызнулся он.

— Да, да, я тебя не убью. — Ди смеется, поворачивая за угол так быстро, что колесо съезжает с дороги, и я застегиваю ремень безопасности. Когда мы выпрямляемся, что-то стучит позади, заставляя меня подпрыгнуть.

Уставившись на багажник у себя за спиной, я хмурюсь, когда в нем что-то стучит снова, а затем слышу приглушенный крик.

— Эм, в багажнике кто-то связанный?

— Да, а где еще их держать?

Он смеется.

— Ладно, Ди, почему в багажнике мужчина... и как долго он там находится? — спрашиваю я, хватаясь за ручку с визгом «вот черт», когда мы чуть не разбились.

— Я схватил его, пока ты переодевалась в это чертовски сексуальное платье.

Он подмигивает мне.

— Кстати, я потом сдеру его с тебя.

— Следи за дорогой, — рывкает Райдер.

Ди смеется и оглядывается, чтобы не наехать на кого-то, переходящего через дорогу.

— Это он сказал мне, где он находится, он его водитель, мне повезло.

— Так где они? — спрашиваю я.

— Один из них там, где все это началось — в их ресторане. Я решил, что мы едем туда, я запугиваю и пытаю его, получаю информацию и освобождаю Гарретта, потом выслеживаю другого крысиного ублюдка, а потом следует оргия.

Он высовывается из окна, объезжая кого-то.

— Ты водишь как гребаная улитка!

Я оглядываюсь и замечаю, что это полицейская машина, но у меня слишком много информации, чтобы сосредоточиться на этом. Райдер вздыхает.

— Да, мы закончим сегодня вечером. Они должны были лучше знать, когда решили идти против нас. Теперь их семья будет стерта со всех карт.

— В городе много семей? — спрашиваю я, пытаюсь скоротать время и не думать о том, что происходит с Гарреттом.

— Когда-то было, но сейчас их всего три на всю округу. Мы, Триада, и семья Петровых, русские. Хотя они держатся особняком и владеют низами города, но Триада всегда была жадной и не хотела делать работу по созданию империи. Вместо этого они, как крысы, пытаются питаться за счет других.

Мы останавливаемся возле ресторана, и Райдер смотрит на меня.

— Держись рядом, не позволяй им увидеть твою слабость или то, как ты переживаешь за Гарретта. Они воспользуются этим. Это игра, любимая, мы должны играть в нее хорошо.

— Я не люблю гребаные игры, — бормочу я, и он сладко улыбается.

— Я знаю, но я в них лучший. Я верну его вместе с тобой. Ты готова?

Я киваю, а Рай откидывается назад и нежно целует меня.

— Просто будь собой. Я доверяю тебе там больше, чем другим, Принцесса.

Он доверяет мне.

Я наклоняю голову назад. Я не подведу Райдера. Выскальзываю из машины, а он подходит и берет меня за руку, ведя к ресторану, как будто мы здесь для того, чтобы вкусно поесть, а не для того, чтобы развязать войну. Когда мы проскальзываем через переднюю деревянную дверь в темный, освещенный свечами ресторан, я даю слабину. Я нужна Гарретту, я нужна Кензо, я нужна им всем. Сейчас самое время сделать шаг вперед.

Райдер проходит мимо стойки администратора, не обращая внимания на стоящего там человека в костюме, и огибает ресторан китайской кухни, после чего ведет меня вверх по изогнутой лестнице. Мы входим в открытый ресторан, который находится наверху и смотрит на пространство внизу, со столами, покрытыми белыми скатертями. Вдоль задней стены расположены окна от пола до потолка, из которых виден город, освещенный во всем своем

великолепии. Стены глубокого черного цвета с красными и оранжевыми акцентами в виде картин, гобеленов и гравюр. Потолок украшен подвесными фонарями. Здесь темно и депрессивно, и мне это нравится. Если бы не парни, которые им владеют, я бы хотела здесь ужинать, смотреть на город и наблюдать, как все проходит мимо, с рукой Райдера на моем бедре, пальцами Кензо, проникающими в мои трусики на глазах у всех, и тарелками с едой, забытой нами...

Райдер тянет меня за собой, пробираясь через столы к возвышению в задней части, где располагается круглый стол, слегка скрытый за ширмой с белыми буквами. Я ни на кого конкретно не смотрю. Ресторан пуст, за исключением мужчин в костюмах, наемных работников, которые наблюдают за нашим продвижением, но Райдер не боится. Как и Дизель позади меня.

Трое против по меньшей мере пятнадцати человек — вот сколько их, но они не проявляют никакого беспокойства. На самом деле, они прогуливаются по комнате, словно владеют ею, от моих парней волнами исходит сила, и тогда я понимаю, что значит быть Гадюкой, быть одной из Вайперов. Даже будучи окруженными и находящимися в логове врага, мы все равно большие злодеи.

Самые плохие ублюдки в городе.

Даже перед лицом потерь, даже перед лицом смерти мы владеем ситуацией. Я поднимаю голову и добавляю уверенности в свою походку. Я — гребаная Гадюка, пора начать вести себя соответственно. Мы берем то, что хотим, мы делаем то, что хотим.

Одиноким мужчиной сидит за столом боком к нам. Он берет салфетку и вытирает рот, сидя и ожидая, пока мы подойдем к нему. Его короткие волосы убраны назад, и он похож на азиата из отеля. На шее у него тоже вытатуирована цифра два. Это как, блядь, понимать Вещь Первая и Вещь Вторая?

Не обращая внимания на то, что он не пригласил нас присоединиться к нему, Райдер выдвигает для меня стул, и я сажусь. Он задвигает его обратно, но не слишком сильно, чтобы я могла получить доступ к своему оружию и быстро передвигаться. Он садится рядом со мной, ноги расставлены, рука рядом с пистолетом, даже когда он откидывается назад, как будто у него нет никаких забот в мире. Его лицо холодно и ничего не выражает, привычный контроль на месте. Я завидую ему, я не умею так блефовать, поэтому я буду контролировать себя, как злая, жестокая сука.

Расслабившись в кресле, я наклоняю голову и пробегаюсь по мужику глазами.

— Не знаю, у номера Три было куда больше силы... ты выглядишь как маленькая сучка.

Я усмехаюсь, когда его глаза сужаются и перебегают на Райдера.

— Ты пришел сюда без предупреждения, чтобы оскорбить меня? — огрызается он, но в его голосе ощущается дрожь. Это не входит в их план, он не знает, что происходит и что делать.

— Конечно, нет, но ты можешь понять гнев Роксаны. В конце концов, вы похитили и пытали ее.

Лицо Райдера напрягается при этих словах, его гнев вспыхивает, поэтому я наклоняюсь и облизываю его ухо, не сводя глаз с Номера Два.

— Не кипятись, малыш, ты можешь выплеснуть все на меня позже, — пробормотала я, и он застонал.

— Она склонна держать обиду. Я знаю это по личному опыту.

Он смеется.

— Но нет, мы здесь не для того, чтобы разговаривать. Мы оба знаем, что время для разговоров прошло. Ваша семья подписала свои смертные приговоры, и теперь у вас есть простой выбор, как быстро вы умрете.

Он усмехается.

Мужчины в комнате зашуршали, и один из них подошел ближе, держа пистолет наготове. Дизель смещается за мою спину, защищая меня. Выпрямившись на своем месте, я подмигиваю Номеру Два.

— Он прав, я обидчива донельзя. В этом мне нет равных. Спроси моих парней. О подожди... у тебя же один из них. — Виляя пальцем, я облокотилась на стол, выставив напоказ свои груди, взяла его бокал с вином и отпила, наблюдая за мужиком, прежде чем откинуться в кресле. Его взгляд перемещается на кровь, все еще остающуюся на моей коже, и он сглатывает.

— Так где он?

Райдер не напрягается, когда я заменяю его, нет, он больше расслабляется, он слишком эмоционален, чтобы играть прямо сейчас. Мне не нужно быть спокойной, я — отвергнутая девушка, поэтому я могу быть настолько сумасшедшей, насколько захочу, и я планирую быть такой. Они забрали то, что принадлежит мне.

Они причинили мне боль.

Они причинили боль моей семье.

Номер Два нервно облизывает губы, прежде чем улыбнуться.

— Возможно, его потрошат прямо сейчас, пока мы здесь разговариваем.

Я замираю и осторожно, спокойно ставлю бокал с вином на стол.

— Спрошу еще раз, и вам стоит знать, что каждый человек, который когда-либо причинял мне боль, имеет обыкновение находить свою смерть... и вы знаете человека, который стоит за мной, верно?

Я расслабляюсь, прижимаясь к Ди, который наклоняется и целует меня, заставляя меня стонать, когда он проводит языком по моим губам, пробуя вино.

— Он мастер пыток, а я училась у лучших, так что еще раз, пока я не разозлилась. Где Гарретт?

Рука Дизеля обхватывает мое горло и снова притягивает мою голову назад, целуя меня крепко и прикусывая губу, пока я не чувствую вкус собственной крови, прежде чем он отпускает меня. Облизывая губы, с которых, несомненно, капает кровь, я смотрю на Номер Два.

— Я жду, — мурлычу я.

— Иди на хуй, тупая сука. Вы все будете мертвы, когда все закончится, и никто не вспомнит о тебе и твоей поганой семейке, — рычит мужик.

Я моргаю, позволяя его словам упасть в пропасть тишины на две секунды, прежде чем начать действовать. Выхватив пистолет Райдера, я направляю его на ближайшего к нему мужчину и стреляю, попадая ему прямо в глаз, отталкиваясь от стола и вставая. Раздаются крики, затем оружие достают и стреляют, я делаю еще четыре выстрела, убивая еще четырех охранников, прежде чем отдать оружие Райдеру и обойти стол. Я верю, что они защитят меня. Я слышу смех Дизеля и крики других, когда встречаюсь лоб в лоб с Номером Два. Он запутался в скатерти, глядя на происходящее.

Он думал, что неприкасаемый, но он ошибается. Никто не неприкасаем, кроме нас. Все могут умереть, я убью их всех, чтобы вернуть своего человека. Никто не тронет то, что

принадлежит мне, моего сломленного любовника.

Я отбрасываю стул, и он с громким стуком падает на пол. Наступая на него, я прижимаю ногу к горлу мудака, чтобы он перестал сопротивляться, мой каблук давит на его мягкую плоть. Он задыхается, его руки разводятся в стороны в знак капитуляции, его испуганные глаза смотрят на меня. Он наконец-то осознает, что его семья уже мертва. Все, что они сделали ради победы, все законы и правила, которые они нарушили, все, кого они подкупили или убили, — все это было напрасно. Все потому, что они пожадничали и взяли то, что им не принадлежало.

— Где он? — рычу я.

Стрельба прекращается, но я не отворачиваюсь, когда Дизель обходит стол, приседает рядом с Номером Два и смотрит на меня с кровью на лице.

— Это было чертовски красиво. Ты наденешь эти каблуки позже, — бормочет он, когда Райдер подходит ко мне и смотрит на Номера Два.

— Мы тебя предупреждали, где он? — рычит он.

Я слышу шорох на лестнице, и Дизель, не глядя, выхватывает пистолет и стреляет. Я слышу хрюканье, а затем характерный звук падения кого-то с лестницы.

— Жаль твоего брата, он был настоящим мудаком.

Я ухмыляюсь, наклоняясь вперед, словно делюсь секретом.

— Он орал, как маленькая сучка на конце моей биты.

Номер Два прыскает, а я смеюсь.

— Никогда не смей наебать Вайпера. То, что у меня есть киска, не делает меня слабачкой. Ты решил наебать не ту семью.

Он щурится, но видит правду в моем взгляде и сдувается.

— Пожалуйста, не убивай мою жену, она в этом не виновата.

Я молчу, но глубже зарываю каблук в его плоть.

— Ты оказал нам такие же любезности? — огрызается Райдер.

Он на мгновение закрывает глаза, затем открывает их и смотрит на меня.

— Его держат в доме нашей семьи, адрес — Роузвотер 478. Особняк на холме с видом на город.

— Охрана? — спрашиваю я, чувствуя на себе удивленный и оценивающий взгляд Райдера.

— Более тридцати человек, последние из нас, мой брат тоже будет там... и она, — лопочет он, пока я погружаю каблук еще глубже.

— Она?

— Дафна, его бывшая, она работала с нами, — хрипит он. — Пришла к нам, желая отомстить. Мы заключили сделку, чтобы убить вас всех, но она могла делать с твоим братом все, что захочет. Она снабжала нас информацией.

— Блядь, так и знал, — рычит Райдер.

— Надо было побольше ее пытаться. — Дизель ухмыляется. — Я больше не допущу такой ошибки.

Тогда я смотрю на Райдера.

— Почему она предала его в первую очередь?

Человек под моим каблуком сопротивляется, поэтому я надавливаю сильнее, и он начинает задыхаться.

— Почему?

Он печально смотрит на меня.

— Ради денег и власти. Конкуренты предложили ей и то, и другое, она думала, что они будут владеть городом, но она ошиблась. Дафна чуть не убила его, они заплатили ей за это, но он выжил. Мы выследили ее, и Дизель убил ее, или мы так думали.

— Теперь он у нее, — шиплю я. — Она собирается закончить то, что начала, — шепчу я в шоке. — Райдер, мы должны забрать его сейчас же.

Он кивает и уже говорит по телефону, поэтому я снова смотрю на Номер Два.

— Что-нибудь еще?

Он качает головой, его глаза расширены, поэтому я хватаю свой пистолет, тот, который мне дал Гарретт, и стреляю ему в лицо. Оно взрывается, и я закрываю глаза, когда мозги и кровь попадают на меня и Дизеля. Некоторые даже попадают на Райдера, но он даже не моргает.

Отступив, я отрываю каблуки и с криком вбиваю их ему в грудь, прежде чем встать и зачесать волосы назад.

— Пойдемте за ним, — требую я, поворачиваясь и выбирая путь через тела. Я чувствую, что мои люди позади меня.

То, что началось как деловая сделка, теперь стало моей жизнью. Есть старая мудрость: «Бросьте меня на съедение волкам, и я вернусь вожаком стаи». Я была брошена гадюкам, и теперь они принадлежат мне.

Никогда не недооценивайте женщину, потому что те, кого считают слабыми, теряют гораздо меньше, чем те, у кого есть все.

Я привыкла быть аутсайдером, но больше нет. Нет, я — гребаная Королева Гадюк, их девочка, и я собираюсь рассказать об этом всему городу сегодня вечером, после того как верну своего мужчину и мы навсегда уничтожим Триаду. Никто никогда больше не придет за нами, пусть это будет их последним предупреждением.

Мы владеем этим городом.

Он принадлежит нам.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

ГАРРЕТТ

Я сразу же понял, что что-то не так: кровать подо мной слишком мягкая, чтобы быть моей собственной. Запах не тот, не говоря уже о том, что мои руки напряжены, а ноги находятся под неудобным углом. Моя голова, черт возьми, убивает меня, как будто я получил слишком много ударов по ней. Я не даю понять никому, кто смотрит, мое дыхание остается прежним, даже когда мой гнев прогоняет дымку тумана, вяло циркулирующую в моей крови.

Отель.

Крыша... Кензо.

Черт, надеюсь, он в порядке. Если кто и может выжить после ножевого ранения, так это этот скользкий ублюдок, но сейчас я тоже в беде. Они напали на меня, это была гребаная ловушка, они хотели схватить меня, но зачем?

Я выкручиваю руки и обнаруживаю, что мои запястья связаны, лодыжки тоже. Я раскинулся орлом, прохладный воздух бьет меня, заставляя дрожать. Я пытаюсь отогнать панику из-за того, что меня снова связали, в голове проносятся воспоминания о прошлом. В комнате пахнет чистотой, мятой и отбеливателем, но постель кажется неубранной и грязной.

Куда, блядь, они меня забрали?

Я собираюсь убить их всех на хрен. У меня были планы, например, напомнить Рокси, что она моя, и чтобы ее задницу не похищали... а потом я пошел и меня похитили.

Я не понимаю, почему они выделили именно меня. Умнее было бы взять Райдера или, черт возьми, даже Дизеля, чтобы он не охотился на них. Нет, это личное. Как раз в тот момент, когда я думаю об этом, слышу, как рядом открывается дверь. Держа глаза закрытыми и ровно дыша, я жду, когда услышу мягкие шаги, приглушенные ковром, которые направляются в мою сторону.

Сначала меня окутывает ее духами. Даже сейчас она все еще носит ту же вонючую «Шанель», и я понимаю, почему я. *Она*. Сука хотела меня. Наверное, это было ее условием работы с ними, тупая дрянь. Я чувствую, как ее длинный ноготь проводит по моей груди, и понимаю, что я снова голый, связанный и беспомощный перед ней.

Жизнь, блядь, сука.

Я пережил это однажды, я смогу снова, но я отказываюсь быть тем же, шокированным, преданным мальчиком. Я — чертова Гадюка.

Мои глаза открываются и встречаются с ее глазами, когда она ухмыляется, глядя на меня, ее лицо наполовину сожжено. Наконец, гниль внутри нее проявляется снаружи.

— Ты выглядишь чертовски ужасно, — усмехаюсь я.

Она хмурится и щурит глаза, впиваясь своими длинными ногтями в мою грудь.

— А ты выглядишь лучше? Бедный, маленький поврежденный Гарретт. Интересно, ты вообще еще можешь завестись на женщину, или она должна тебя при этом обязательно резать?

— Так ты работаешь с Триадой? Сколько членов тебе пришлось отсосать, чтобы они вообще обратили на тебя внимание? — неприятно подкалываю я.

Она рычит и засовывает руку глубже, режет мою кожу, но я даже не реагирую, что ей не нравится.

— Нет, они хотят, чтобы ты сдох. Мы заключили сделку, чтобы ты был у меня. Сейчас твою маленькую шлюху и братьев убивают.

— Сомнительно, — насмехаюсь я. — Ты никогда не сможешь их убить, особенно Рокс, эта сучка слишком упряма, чтобы умереть.

При упоминании ее имени Дафна рычит и проводит ногтями по моей истерзанной груди, заставляя меня хрюкать от боли, когда она пускает мне кровь.

— Да? Тогда она проживет достаточно долго, чтобы вернуть твое разбитое, окровавленное тело. Ты умрешь сегодня ночью, как и должен был тогда, но это не значит, что мы не можем сначала немного повеселиться.

Она трепещет ресницами, ее полурасплавленное лицо вытягивается в то, что, как я предполагаю, должно быть соблазнительным выражением. Господи, как я раньше трахал эту женщину?

— Нет, спасибо, я бы лучше засунул свой член в цепь бензопилы, это было бы куда веселее, чем твоя пизда.

Я смеюсь.

Она вонзает ногти в мой живот, заставляя мои внутренности хрустеть, пока ругаюсь на нее. Смеясь, Дафна отстраняется и слизывает мою кровь со своих ногтей, от чего у меня возникает рвотный рефлекс.

— У тебя с мозгами полный пиздец.

— Верно, но я устала от разговоров. Как насчет того, чтобы воссоздать старые добрые времена?

Она вынимает нож из кармана и освещает его на свету, показывая мне.

— Это тот самый нож, который я использовала на тебе в прошлый раз. Я сохранила его на память, но потом тебе пришлось взять и выжить, не так ли?

Я не отвечаю, просто скрежещу челюстью, останавливая вспышки, которые возвращаются ко мне, как я очнулся в больнице с трубками в горле, когда я паниковал. Я отказываюсь позволить ей увидеть, как сильно она влияет на меня, как ужас заполняет мое тело. Я отказываюсь давать ей еще больше власти надо мной, чем она уже имеет.

Забравшись на кровать рядом со мной, она проводит ножом по моему лицу, но я отворачиваюсь. Сука рычит и хватает меня за подбородок, притягивая к себе, и ее губы прижимаются к моим. От ее вкуса у меня начинается рвота, я вырываюсь и бью ее головой за то, что она дотронулась до меня. Она отступает с криком, но через мгновение возвращается, нож приставлен к моему члену, ее губа разбита и кровоточит, что заставляет меня ухмыляться.

— Интересно, а твоя маленькая Рокси в курсе, как тебе раньше нравилось причинять мне боль? Что это тебя заводило? Что тебе нравилось смотреть, как я делаю это с другими? — шепчет она.

Я не могу удержаться от ухмылки.

— Это был единственный способ, которым я мог кончить с тобой. Я даже не осознавал, что это так классно до нее. Мне тоже нравится делать ей больно, но ей это чертовски нравится, она кончает на мои пальцы и язык от боли, в то время как она также трахается с моими братьями.

Я бросаю это Дафне в лицо, зная, что она всегда хотела и их тоже, власть и деньги, которые она могла бы получить, будучи их девушкой. Но они ненавидели ее, чувствовали страх этой суки и разглядели правду раньше, чем даже я. Она вонзает нож в мое бедро рядом с членом, и я замираю, когда она рычит:

— Она все равно мертва! — кричит она, прежде чем сделать глубокий вдох. — И скоро ты тоже будешь мертв, а я стану королевой, у меня будут деньги и власть.

Я фыркнул.

— Ты бредишь. Когда Триада закончит с тобой, они убьют тебя. Они не смогут тебя продать, ты слишком уродлива для такого. Нет, они сделают это быстро. Ты — ничто. Просто засохшая, старая, копающаяся в золоте сука. Ты никогда не станешь чем-то большим.

С воплем она встает на меня ногами и начинает наносить удары. Крики застревают у меня в горле, я дергаюсь, пытаюсь вырваться, моя кровь покрывает лезвие ее ножа и забрызгивает ее руки и кисти, пока она дико кричит.

Черт!

Я не могу умереть здесь, я просто не могу...

РОКСИ

Мы мчимся к дому. Тони, Сэм и остальные едут за нами на другой машине. Я не жду их. Эта мразь убьет его, но сделает это больно. Пора этой суке сдохнуть. Я устала от того, что ее призрак причиняет ему боль.

Только я могу положить этому конец.

Чем дальше мы удаляемся от города, тем тише становятся дороги. Дизель передает еще оружие, которое было у них в машине, и его рюкзак снова при нем. Только на этот раз на нем веселое, огненное солнце. Seriously, он их коллекционирует, что ли?

Мне нужно будет изучить это дерьмо, как только мы вернемся, потому что так странно видеть этого большого, плохого, сумасшедшего, красивого парня... со сверкающим смешным рюкзаком за спиной. А еще это странно сексуально. На этот раз я не спрашиваю, что в нем.

— Дизель, ты налево, я направо. Остальные идут через черный ход. Понятно? — Райдер смотрит на меня, пока ведет машину, его рука на секунду хватается мою и сжимает. — Мне нужно, чтобы ты вытащила моего брата. Он будет где-то на втором этаже.

Я втягиваю воздух, понимая, что он доверяет мне это, но киваю и крепче сжимаю битку между ног.

— Эта сучка — моя.

Он ухмыляется и смотрит обратно на дорогу. Она длинная и извилистая, мы едем по холму к освещенному особняку на вершине. Отсюда я могу видеть стеклянные балконы, окружающие белое двухэтажное здание. Красивый, блин, дом, жаль, что к концу этого вечера его сравнивают с землей.

Мы подъезжаем к воротам и выходим, все охранники вооружены до зубов. Но когда подъезжает другая машина, мы все наставляем пистолеты и ждем, фары слегка ослепляют нас, пока дверь со стороны водителя не открывается и оттуда не вываливается Кензо.

Он ухмыляется нам.

— Не думали, что сможете разобраться с этим без меня, верно?

Он смеется, шагая к нам. Его грудь прикрыта жилетом, но он слегка наклоняется в одну сторону.

— Нет, возвращайся домой, брат, — рявкает Райдер. — Ты ранен.

Он закатывает глаза, когда доходит до нас и крепко целует меня.

— Привет, дорогая. Не думала же ты, что я позволю тебе получить все удовольствие, а?

— Кензо... — начинает Райдер, но Кензо рычит на него.

— Он и мой брат тоже. Я здесь, я не собираюсь возвращаться домой, и ты тоже. Мы делаем это вместе. Каждую минуту, которую мы теряем, он может умереть, так что хоть раз просто заткнись и послушай меня, — огрызается Кензо, но потом смягчается. — Со мной все будет в порядке, доктор дал мне болеутоляющие, чтобы мышцы не болели и швы не разошлись, пока я не сделаю какую-нибудь глупость.

— Черт! — кричит Райдер, но поворачивается, чтобы посмотреть на дом, понимая, что он прав. — Хорошо, но держись поближе ко мне, — требует он.

— Понял, брат.

Кензо смотрит на меня сверху вниз и подмигивает.

— Не думай, что я забыл о нашем пари. Док сказал, что ты даже плакала, как мило. Я знал, что ты меня любишь.

— Ни хрена я не плакала. Мне пылинка в глаз попала. Я все еще ненавижу твои кишки, — рычу я, приподнимаясь на цыпочки и крепко целую его. — Не делай глупостей.

Я поворачиваюсь к Райдеру, хватаю его за рубашку и притягиваю к себе, целую и его тоже. Он стонет мне в рот, когда я отстраняюсь, задыхаясь, потом меня резко разворачивают. Это уже Дизель целует меня.

— Позже, Птичка, — обещает он, приподнимая и ставя меня на ноги.

Мое сердце бьется, возбуждение течет по моим венам, но сейчас не время. Мне нужно спасти одного человека, и я собираюсь называть его Принцессой Гарреттом до конца наших дней. Он может называть меня своим рыцарем в сияющих доспехах.

Я все еще в платье, но Райдер без слов застегивает на мне броник. То же самое он проделывает со своим жилетом, и мы направляемся к воротам. Мы не пробираемся через них и не издаем звуков, Дизель просто подрывает эту хреновину, все время потешно ухмыляясь. Клянусь, я понимаю, почему люди боятся его, но когда я смотрю на Ди, все, чего я хочу, это прокатиться на этом сумасшедшем поезде.

Буквально оседлать его.

Но, как он и сказал, этим мы займемся позже.

Но это помогает. Охранники выходят из дома, и мы укладываем их по мере продвижения по подъездной дорожке, я за линией из охраняющих меня тел, играю поумному. Входная дверь открыта, кровь погибших охранников покрывает ступени, когда мы входим в прихожую. Я бегло осматриваюсь вокруг. Это красивый дом, все стены белые, плюс мраморные полы, с большой лестницей слева, картинами на стенах и большими декоративными люстрами. Убранство кричит о богатстве, можно то тут, то там увидеть акценты в азиатском стиле. Дом действительно прекрасен, какая жалость.

Я жду, когда ребята разойдутся, а Райдер оглядывается на меня и кивает. Я прижимаю битую к плечу, держа пистолет в другой руке, делаю глубокий вдох, и, пока летят пули, бегу к лестнице. Мне нельзя терять времени, они могут убить Гарретта, если услышат, что мы идем. Я не могу этого допустить, они все ждут этого от меня, он ждет этого.

Они умрут, только если я убью их.

Я поднимаюсь по лестнице, прыгая через две ступеньки, пригибаясь, когда раздается взрыв, пока не оказываюсь на лестничной площадке. Отсюда открывается дверь в гостиную, от которой отходит только один коридор. Он должен быть внизу. Торопливо пересекая гостиную, я прижимаюсь к стене, когда из коридора раздается выстрел, направленный прямо на меня. Чертов ублюдок.

Схватив пистолет, я ныряю за угол и стреляю. Я слышу чей-то крик, но в коридоре почти нет света, чтобы что-то можно было разглядеть. Бросившись по нему, я чуть не споткнулась о парня, прижимающего руку к ране. Застав его врасплох, я размахиваюсь битой и обрушиваю ее на его ногу. Я слышу хруст, когда она поддается, поэтому я замахваюсь снова, нанося удар с другой стороны, и парень падает на пол, его нога переломана в двух местах. Он отключился, но я не могу позволить этому мудиле подкрасться ко мне, поэтому я хватаю его пистолет и стреляю в него, прежде чем двигаться дальше.

Ну же, Гарретт, где ты, блядь?

Стрельба снизу кажется все тише и тише, чем дальше я пробираюсь по коридору, пока не остаюсь одна. Черт, когда все закончится, мне нужно поехать в отпуск и покататься на большом количестве членов... и испытать оргазм. Много-много оргазмов.

Я хочу чувствовать, что умираю от них. Глупые Гадюки и их глупые враги мешают моим планам на член. Слева есть дверь, и, вспомнив, что я видела в фильмах, я прижимаюсь спиной к стене и напеваю мотив заглавной песни из фильма «Миссия Невыполнима». Я распахиваю ее и прыгаю внутрь. Там пусто, и это кажется немного меня подбешивает, но я проскальзываю к следующей двери. Их всего три. Одна открывается в пустую ванную, поэтому я делаю вдох и подхожу к той, что в конце.

Это, должно быть, она самая.

Он за этой дверью? Черт, пусть с ним все будет хорошо. Я не из тех, кто молится, но сейчас я молюсь всем, кто слушает, Богу и Сатане, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, если кто и прикроет нам спину, так нужно, наверное, мой чувак, больше похожий на Князя Тьмы.

Протянув руку, я хватаюсь за серебряную ручку и готовлюсь к тому, что может оказаться по другую сторону. Когда я распахиваю дверь, у меня есть доля секунды, чтобы осмотреть комнату, и когда я это делаю, во мне снова вспыхивает гнев.

Эта чертова сука.

Она стоит над ним, обхватив его колени, его тело обнажено и покрыто кровью из различных ран. Его руки и ноги закованы в цепи, а нож она держит нацеленным на его блестящую, окровавленную грудь.

Его лицо искажено в страшном оскале, глаза дикие и большие. Я чувствую его гнев, боль и ужас отсюда, и вижу призраков, которые кружат вокруг него. В эту долю секунды я ненавижу ее так, как никогда никого не ненавидела.

Не потому, что он любил ее, а она предала его, а из-за боли, с которой, я знаю, Гарретту придется жить после всего произошедшего. Ненависть переполняет меня, мои движения становятся дергаными, и я, должно быть, издаю какой-то звук, потому что она начинает поворачиваться ко мне.

Никогда прежде я не хотела причинить кому-то такую боль, чувствовать, как этот кто-то истекает кровью, слышать его крики и знать, что он страдает так же сильно, как и она. Но для этой суки это ожидаемо. Теперь я понимаю. Почему Дизель это делает, почему Гарретт борется. Мне это тоже нужно.

Мне нужно, чтобы эта сука страдала.

Переступая через порог комнаты, когда она поднимает голову, я наблюдаю, как расширяются ее глаза и открывается рот. Я размахиваю битой, набирая обороты, пока не оказываюсь рядом с ней, а затем бью ее по лицу.

Она слетает с кровати, и я прыгаю за ней, приземляясь над ней на ковер. Она кричит,

хватаясь за упавший нож, а я бросаю битую и снова и снова бью кулаками по ее лицу.

— Он, черт возьми, принадлежит мне, ты, сучья соска, психованная пизда.

Я слышу, как слова вылетают у меня изо рта, но все, что я вижу, это ужас и боль, искажающие лицо Гарретта, нож, покрытый его кровью, ухмылку на ее губах.

Кровь пузырится на ее губах, когда она задыхается и борется подо мной.

— Подожди! — зовет она, задыхаясь, но я не слышу ее. Я вижу только кровь на ней, кровь Гарретта. С моих губ срываются новые слова, я снова и снова бью кулаками по ее лицу. Я чувствую, как трескаются костяшки пальцев, моя собственная кровь смешивается с ее и Гарретта, но боль от этого только усиливает мою ненависть.

Я не могу остановиться.

Ее нос ломается, звук громкий, а губы лопаются, как спелый плод. Ее голова мотается из стороны в сторону от моих ударов. Лицо ебаной пизды разбито, ее взгляд тускнеет, пока я убиваю ее. Этого все еще недостаточно, этого никогда не будет достаточно. Когда я физически не могу больше бить, опускаю руки к ее груди, тяжело дыша и глядя на кровавое месиво, которое когда-то было женщиной.

Мои руки испачканы ее кровью, и я знаю, что часть крови принадлежит Гарретту. С болезненным криком я возвращаю кулак назад и снова бью ее по лицу, мои руки болят и ноют, как будто я поднимаю тяжести.

Учащенно дыша, я падаю на бок и ползу по полу к кровати, а затем, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги. Не обращая внимания на ее неподвижное, окровавленное тело, я бросаюсь к Гарретту, который бьется и кричит в цепях. Его глаза дикие, грудь вздымается, кровь заливает кровать.

Он не видит меня.

Он видит ее, потерянный в собственных воспоминаниях и панике. Черт.

Но я должна попытаться, я должна заставить его увидеть меня, поэтому я забираюсь рядом с ним и дергаю за цепи, пытаюсь освободить, зная, что лучше не трогать его прямо сейчас, но у нее должен быть ключ. Он перестает двигаться, и я смотрю в эти глаза, эти сломленные, полные боли глаза, и ничего не могу с собой поделать. Слезы катятся по моим щекам, когда я закрываю его лицо окровавленными руками.

— Я здесь, большой парень, она больше не сможет причинить тебе боль, — шепчу я, задыхаясь от рыданий. Я просовываю руки обратно в цепи, проскальзывая своими покрытыми кровью, неуклюжими пальцами, но мне удастся, наконец, расстегнуть одну.

Это была ошибка.

Я не вижу, как он приближается, а он не видит меня — нет, он видит ее. Его рука выныривает и обхватывает мое горло, сильно сдавливая, перекрывая доступ кислороду. Мои глаза расширяются, когда моя рука поднимается, чтобы вцепиться в руку Гарретта, но я останавливаюсь — это не поможет. Вместо этого я расслабляюсь в его прикосновениях, даже когда мои легкие кричат, требуя воздуха.

Посмотри на меня, здоровяк, пожалуйста, почувствуй меня. Почувствуй меня. Вернись ко мне.

Я безмолвно умоляю его, расслабляясь в его прикосновениях, мои глаза закрываются, когда все вокруг начинает темнеть. Если я умру здесь, от его рук, то так тому и быть. Но я знаю, что это убьет его больше, чем она когда-либо пыталась, поэтому я борюсь, держусь изо всех сил, надеясь, что он еще не слишком далеко ушел.

Что он сможет прогнать этих демонов и вернуться ко мне.

Пожалуйста, вернись ко мне.

— Детка? — кричит он, его слова звучат с болью, и я открываю глаза.

Его рот открыт, глаза быстро моргают, и я понимаю, что это он. Гарретт смотрит вниз на свою руку и кричит, отдергивая ее. Я падаю вперед, слабая, с отчаянным вдохом. Я слышу, как он дергает за цепи, несомненно, чтобы добраться до меня.

— Я в порядке, я в порядке, — кричу я и чувствую, как он замирает рядом со мной.

— Детка, Боже, прости меня. Черт, Боже, мне так жаль...

Я поднимаю голову, слыша боль в его голосе и видя слезы в его глазах.

— Я не мог видеть тебя, я не мог, клянусь, я думал, что это она, я думал, что это она, — всхлипывает он, большие рыдания, сотрясающие все его тело, и, несмотря на усталость и слабость, я тащу свою задницу к нему и ложусь на грудь Гарретта, прижимаясь лбом к его лбу и вытирая слезы.

— Я знаю, тише, я здесь. Мне жаль, что я не пришла быстрее, но она больше никогда не причинит тебе вреда, я обещаю. Боже, детка, прости меня, — шепчу я, и мои собственные слезы каплют на его лицо.

Просто две разбитые души, встретившиеся в залитой кровью спальне, оба потерянные, пока мы не оказались в объятиях друг друга. Его боль — моя, и сейчас я хотела бы забрать все это. Избавить его от нее. Я хочу вернуть моего жестокого, злобного мудака, который ничего не боится, но сейчас ему нужно быть слабым.

Ему нужно, чтобы я удерживала его, пока он уязвим, чтобы он мог снова стать тем мужчиной, чтобы он мог найти свой путь назад. Поэтому, несмотря на то, что я знаю, что нам нужно двигаться, я обнимаю его, целуя его лицо.

— Все хорошо, я здесь, ее больше нет.

Я просто повторяю это.

— Детка? — в конце концов, произносит он, и я снова смотрю в его глаза. — Я ненавижу тебя, — шепчет он, его дрожащие губы трогает еле заметная улыбка.

— Я тоже тебя ненавижу, — шепчу я, наклоняясь и нежно целуя его. — Нам лучше двигаться, здоровяк, ты не против?

Он кивает и втягивает воздух, кажется, немного восстанавливая контроль над собой.

— Да, а остальные здесь? — спрашивает он, прочищая горло.

— Внизу, — говорю я, сажусь и развязываю его вторую руку, прежде чем сползти вниз по кровати и развязать его ноги. Освободившись, Гарретт пытается сесть, но падает обратно, несомненно, от потери крови и шока. Я помогаю ему встать.

— Не торопись.

— Где она? — рычит он, и я показываю на край кровати.

— Мертва, прости, я не могла удержаться.

Яжимаю плечами, понимая, что он, вероятно, хотел бы убить ее сам.

— Хорошо, — огрызается Гарретт и втягивает воздух, перебираясь на край кровати.

Я встаю на ноги, держа руки перед собой на случай, если он упадет, пока хватается за кровать и поднимает свое тело, морщась от боли.

— Нам просто нужно спуститься вниз, здоровяк, а потом мы пойдем домой, — заверяю я его, а он смотрит на меня и дарит мне чертовски душераздирающую улыбку.

— Мой дом там, где ты, — шепчет он.

— Да, ты потерял слишком много крови, ты возненавидишь себя за сказанное тобой позже, — дразню я. — Но не волнуйся, я напомню тебе, что ты это сказал, когда ты снова

будешь называть меня соплячкой.

Гарретт фыркает, а затем стонет от боли, прикрывая грудь рукой. У него повсюду маленькие следы порезов и колотые раны, их слишком много, чтобы сосчитать, и, вероятно, поэтому так много крови. Он голый, поэтому я торопливо ухожу, пока не нахожу какие-то треники, а затем опускаюсь на колени у его ног.

— Держись за мою голову, позволь мне помочь тебе, — предлагаю я, прижимая их к себе.

Он хватается меня за волосы, поднимая одну ногу, затем другую, пока я натягиваю треники, прежде чем встать на колени и натянуть их до конца, прикрывая его наготу. Я не могу спросить, причинила ли она ему боль там, пока нет, но если он захочет поговорить об этом, я рядом. Я не буду давить на него. Я просто чертовски рада, что он жив.

Поднявшись на ноги, я обхватываю Гарретта рукой за плечи, и мы выходим из комнаты. Ему удастся удерживать часть своего веса, но чем дальше мы идем, тем сильнее он прижимается ко мне. Мы идем медленно, и когда спускаемся по лестнице, я уже не слышу звуков борьбы. Каждый шаг для него — агония, а мне приходится стискивать зубы от давления на мое тело.

К тому времени, как мы достигаем низа, мы оба задыхаемся и покрыты потом. Я маневрирую вокруг тел, проверяя, нет ли среди них моих парней. Я замечаю Сэма в углу и замираю на секунду. Его глаза пусты и ничего не видят, лицо бледное, пистолет лежит на полу рядом с ним, как будто он его уронил, а в груди у него зияет дыра.

Тяжело сглотнув, я отворачиваюсь, понимая, что мне нужно вызволить Гарретта. Парни встретят меня там, я знаю это. Они должны это сделать. Мы проходим через парадную дверь и поднимаемся по подъездной дорожке, каждый шаг медленнее предыдущего, пока я не начинаю хрюкать, удерживая почти весь его вес.

— Давай, здоровяк, не отставай от меня, ладно? Осталось совсем чуть-чуть.

— Люблю тебя, детка, — говорит он, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть, что его лицо бледное, а из раны на груди сочится слишком много крови.

— О нет, блядь, не любишь, держись! — требую я, и он снова фыркает.

— Такая властная, — бормочет он.

— Тебе это прекрасно известно, так что, блядь, послушай меня хоть раз, ты, дровича.

Я тащу его так далеко, как только могу, и уже прохожу ворота, когда слышу шум и оглядываюсь.

Прижимая Гарретта к себе, я вижу Райдера, идущего к нам. Он просовывает голову под другое плечо Гарретта и помогает мне. Кензо не отстает, но он держится за живот и морщится, в остальном он выглядит нормально.

— Где Ди? — спрашиваю я обеспокоенно, как раз когда вижу, что он удаляется от дома с сигаретой во рту. Он небрежно машет мне рукой, затем бросает сигарету обратно в дом и бежит к нам.

Это занимает всего три секунды.

Дом взлетает на воздух.

ДИЗЕЛЬ

Гарретт в плохом состоянии. Он бледен и теряет много крови. Нам удастся затащить его на заднее сиденье. Мы оставляем Тони, чтобы он привел здесь все в порядок и привел Номера Первого, как указывали его татуировки, к нам домой. Все, что сейчас имеет значение — это наша семья.

Наша разбитая семья. Кензо ранен. Гарретт умирает... он не может умереть.

Я не могу его потерять.

Паника накатывает на меня, пока я не ударяюсь головой о приборную панель, чтобы заглушить ее. Райдер смотрит на меня с мрачным лицом, заводит машину и сдает назад.

— Не может умереть, умереть, нет, умереть, не может умереть.

Я даже не знаю, что говорю, пока кто-то не шлепает меня по башке.

— Он, блядь, не умирает, слышишь? Так что заткнись, Ди! — орет Птичка, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть слезы в ее глазах. Ее платье порвано и залито кровью, и ужас в ее глазах потому, что, несмотря на ее крик, она боится, что он умрет.

— Маленькая Птичка, — шепчу я, пытаюсь помочь ей, но Гарретт в этот момент стонет, и она снова поворачивается к нему.

— Я здесь, здоровяк, я здесь, — шепчет она, и его глаза слегка приоткрываются.

— Прости, детка, — бормочет он.

— Нет, не извиняйся, мать твою. Просто оставайся со мной, хорошо? — требует она, и он фыркает, а затем кричит в агонии, звук заполняет машину и заставляет Райдера нажать на педаль газа. Я подсакиваю на своем сиденье, когда Кензо крепко обхватывает голову Гарретта, чтобы не дать ему двигаться.

Он успокаивается, но, похоже, по большей части теряет сознание. С каждой милей меня охватывает все большая паника, когда я перевожу взгляд с дороги на него.

Глядя на заднее сиденье, я вижу, как наша девушка прижимает платье к его груди, чтобы остановить кровотечение, ее лицо застыло в решительном оскале. Меня охватывает паника, но я не могу не восхищаться ею. Она наклоняется к его лицу и дает ему пощечину.

— Ты не бросишь меня на хрен, слышишь? Если кто-то и убьет твою упрямую задницу, то это буду я, так что борись, мать твою!

Его глаза снова открываются, губы подрагивают.

— Ди сказал нам, что мы тебе нравимся.

— Заткнись, блядь.

Она смеется, звук получается захлебывающимся от слез.

— Я все еще ненавижу вас, ублюдки.

Его глаза снова закрываются, и она наклоняется к нему.

— Пожалуйста, пожалуйста, не бросай меня, все меня бросают, пожалуйста, только не ты.

Ее мольба заполняет машину, и у меня на глаза наворачиваются слезы, когда я смотрю на Рокси.

Если бы я мог что-то сделать, я бы сделал. Если бы я мог спасти его или ее от этого, я бы сделал, но я бесполезен, и это убивает меня. Рука Гарретта свисает с сиденья, поэтому я тянусь назад и сжимаю его ладонь.

— Держись, брат, — приказываю я. — Кто еще остановит меня от безумных поступков, если не ты?

— Или остановит Райдера от того, чтобы он не вел себя как полный придурок.

Кензо смеется, звук слабый.

— Или Рокс от убийства всех нас, — добавляет Райдер.

— Да, я нужен вам, ублюдки, — бормочет Гарретт, заставляя нас всех смеяться.

— Нужен, здоровяк, ты мне нужен, хорошо? Пожалуйста, просто держись, — умоляет она, нежно целуя его.

— Доктор все еще там. Я сказал ему не уходить, если кто-то из нас пострадает, — сообщает нам Кензо. — Мы просто должны добраться туда.

Следующие несколько миль пролетают в тишине, нарушаемой только неровным, влажным дыханием Гарретта и шепотом моей Маленькой Птички. Похоже, это помогает, так как, когда мы въезжаем в гараж, он все еще с нами. Мы не можем поехать в больницу, они задают слишком много вопросов. Нет, здесь лучше. Мы торопливо несем его наверх, но Гарретт отказывается отпускать руку Рокси, даже когда мы кладем его на стол и врач начинает его лечить.

— Пожалуйста, мне нужно немного пространства, — говорит ей врач, и Рокси отступает назад, но Гарретт резко вскакивает на ноги.

— Рокси! — дико кричит Гарретт, и Птичка бросается к нему, успокаивая, пока он укладывается обратно на стол.

— Мне нужно дать ему успокоительное, — бормочет доктор, и прежде чем Гарретт успеет запротестовать, он так и делает. Мы все наблюдаем за происходящим со страхом в сердце из-за потери нашего брата. Наши плечи соприкасаются, пока наша женщина держит его за руку, а врач делает свою работу.

Проходит несколько часов, прежде чем измученный мужчина отходит и кивает.

— Если он переживет эту ночь, то будет жить.

Гарретт все еще в отключке, и в этот момент Маленькая Птичка выглядит измученной, ее тело покачивается, хотя я не думаю, что она знает об этом. Ее лицо бледное и потерянное. Она выглядит такой маленькой, такой тихой для нашей Рокси. Мне это не нравится.

Я не могу помочь ему, моему брату, но я могу помочь нашей девочке. Я смотрю на Райдера и киваю головой в сторону Рокс. Он кивает, помогая Кензо сесть, пока доктор осматривает его швы. Оставив их, я направляюсь к ней.

На ее руках кровь, кровь моего брата, кровь ее любовника. Ее лицо бледное и потрясенное, она не двигается и не говорит, поэтому я осторожно поднимаю Птичку и беру

на руки. Я несу ее в ванную, не желая далеко отходить, на случай, если Гарретт проснется и снова начнет буянить, если не увидит Рокси, но за ней тоже нужно присмотреть.

Она не сопротивляется и не говорит, и это показывает мне все, что мне нужно знать. Я пускаю струю в раковину и быстро, но аккуратно, мою ее руки, морщась от вида разбитых костяшек, а затем мою и лицо. Она прислоняется к моим рукам, ее глаза закрываются, а по щекам текут слезы.

— Мы чуть не потеряли его, мы чуть не потеряли их обоих.

— Но мы не потеряли, Птичка, — тихо прошептал я. — Не потеряли, благодаря тебе, и теперь наша очередь заботиться о тебе.

Она поднимает голову, ее глаза наконец-то встречаются с моими.

— Ди? — шепчет она.

— Да, Птичка?

— Расскажи мне что-нибудь, что угодно, чтобы занять мои мысли, — шепчет она так сокрушенно, что мне хочется всех зарезать. Никто не причинит ей боль, никто не заставит ее плакать, даже мой родной брат. Если Гарретт выживет и поправится, я надеру ему задницу.

— Я никогда не знал своего настоящего отца. Мне нравилось фантазировать, что мужчина, с которым мама встречалась большую часть моего детства, был им. Но потом он ушел, как и все остальные. Однажды я попытался найти настоящего отца, — признаюсь я, делаясь тем, о чем никогда никому не рассказывал.

— Ты нашел его? — спрашивает она, кажущаяся теперь более живой.

— Нет, наверное, он какой-нибудь чертовски скучный бухгалтер, представляешь? — поддразниваю я, и она слегка хихикает. — Я знаю, знаю, скажи кому-нибудь, и я убью тебя, Птичка.

— Я люблю тебя, — шепчет она, прислонив свою голову к моей.

— Я тоже тебя люблю, Птичка, — отвечаю я.

Мы сидим так некоторое время, просто глядя друг другу в глаза, я даю ей время передохнуть, расслабиться и переварить случившееся, а я остаюсь рядом с Рокси. Ее глаза ищут мои, и я глажу ее, ее бедра, ее волосы, ее руки, каждую частичку ее тела, пока она не прижимается ко мне.

— Могу я его увидеть?

Подняв Птичку на руки, я несу ее обратно в гостиную и подтаскиваю стул поближе, прежде чем сесть и усадить ее к себе на колени. Доктор осматривает Рокси и перевязывает сломанные пальцы на ногах и руках, промывает порезы и накладывает швы, если это необходимо. У нее также сломаны ребра, но он мало что может сделать с этим, кроме как дать ей обезболивающее, которое она принимает. Птичка также ударила головой, и он предупреждает, что у нее может быть сотрясение мозга.

После того как доктор закончил, я переносу нас поближе к Гарретту. Она тянется к нему и переплетает свои пальцы с его. Его голова повернута в нашу сторону, а глаза закрыты. Таким умиротворенным никогда не видел Гарретта.

— Он любит тебя, — шепчу я ей. — Больше всего на свете. Он никогда не боялся потерять кого-то или умереть, до тебя.

Она прижимается ко мне, а Райдер и Кензо подтаскивают стулья по обе стороны от нас. И так мы сидим всю ночь, не сводя глаз с нашего брата, который борется за свою жизнь, а между нами наша женщина.

Когда встает солнце, Райдер варит кофе, молча передает его Маленькой Птичке, прежде

чем сесть обратно.

— С ним все будет хорошо, — шепчет она.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Райдер, в его голосе звучит усталость.

— Потому что он Гадюка. Гадюки не умирают, — говорит она. Мы говорим одно и то же уже много лет, и тут как будто что-то щелкнуло. Как легко она вошла в нашу жизнь и стала центром нашего мира. Это никогда не будет легко — черт, я рад, что не будет, легко — это скучно, — но когда она в моих объятиях, вся кровь, вся боль и игры за власть стоят того.

И когда Гарретт застонал и открыл глаза, встретившись со взглядом Рокси, стало ясно, что без нее... мы — ничто. То, что началось как деловая сделка, переросло в нечто гораздо большее, чем мы могли себе представить. Жизнь. Дом.

Любовь.

Те самые вещи, о которых никто из нас не знал, не знал, что мы в них нуждаемся, включая Маленькую Птичку, но теперь они у нас есть все вместе, и мы никогда этого не упустим. Или ее.

Я бы погнался за ней на край земли и притащил обратно, пинающуюся и кричащую... вообще-то, это было бы весело.

— Какого хрена вы все так нездорово выглядите, — прохрипел Гарретт, а потом закашлялся.

Мы все обмениваемся взглядами, прежде чем разразиться хохотом.

Гадюки никогда не умирают.

Гадюки никогда не падают на колени... разве только ради татуированной, нецензурно выражающейся владелицы бара.

КЕНЗО

— Она наконец-то заснула, — говорю я им, смотря на нашу девочку.

Сегодня рано утром мы переместили Гарретта в его комнату, а Рокси последовала за ним после того, как он испугался и ударил Ди, когда не смог ее увидеть. Теперь они свернулись калачиком и храпят. Хорошо, им нужен сон. Мне тоже, поэтому, несмотря на боль, я позволил Райдеру и Дизелю заняться организацией похорон тех, кого мы потеряли, включая друга Рокси, Сэма.

Я также позволил им разобраться с остальными членами Триады. У меня есть дела поважнее, например, обнять мою девочку. Иногда быть братом босса, да еще и раненым, имеет свои преимущества. Пока они ворчат и уходят работать, я проскальзываю в кровать к Гарретту и Рокси, прижимаюсь к ее спине и зарываюсь лицом в ее шею и волосы.

— Что ты делаешь? — бормочет она, заставляя меня хихикать.

— Мне нужно восстанавливаться, дорогая, твое тело — моя таблетка, — дразню я.

— Ебаный сыр из мышеловки, — бормочет она, придвигаясь ближе ко мне, заставляя меня застонать. — Я ранена, а не мертва, не искушай меня этой гребаной задницей.

Она смеется, а Гарретт стонет.

— Заткнись, блядь, или я тебя вышвырну.

— Меня? — хихикает Рокси, а он рычит и притягивает ее ближе, даже когда стонет от боли.

— Нет, этого гребаного идиота. У меня не осталось достаточно крови на стояк, так что заткнись.

Мы оба смеемся, и я снова прижимаюсь ближе, просто вдыхая запах моей девочки. Я ощущаю запах крови и пота, но под ними — только она.

— Тише, раненые пытаются заснуть, — бормочу я.

Они смеются, отчего Гарретт начал стонать.

— Я чертовски ненавижу быть раненым.

— Я тоже.

Я вздыхаю.

— Я могла бы поцеловать его получше, — предлагает она, и мы оба поворачиваемся к ней лицом.

— Мне нравится быть раненым, — поправляю я, и Гарретт молча кивает.

— Моя новая любимая вещь. Думаю, я позволю Ди причинить мне боль время от времени, — бормочет он.

— Мужчины.

Она вздыхает.

— А теперь заткнитесь на хрен. Я устала после спасения ваших задниц. Кстати, вы все должны мне много-много оргазмов за это дерьмовое шоу последних нескольких дней.

Ухмыляясь, я целую Рокс в шею, заставляя ее дрожать от желания, даже когда она зевает.

— Все, что ты скажешь, дорогая.

— Такая властная, — бормочет Гарретт.

— Козлы, — огрызается она, а потом вздыхает.

— Ненавижу вас.

— Я тоже тебя ненавижу, — отвечает Гарретт.

— Ненавижу тебя еще больше, — добавляю я, и она фыркает, но прижимается ближе, и они оба затихают, погружаясь в дремоту. Кто бы мог подумать, что именно здесь мы окажемся? Я думал, что наша жизнь была идеальной, пока не появилась Рокси и не показала мне, насколько пустой и бессмысленной была наша жизнь до нее.

Нет, я не могу представить ее по-другому без Рокси в центре. Может быть, это странно, и другие никогда этого не поймут, но мы никогда не следовали правилам. Мы создаем свои собственные правила, а Рокси? Рокси — наша.

Навсегда.

~

РАЙДЕР

Пока мои братья и девушка отдыхают, я все организую. Я занимаюсь организацией похорон и возмещаю расходы их семьям, чтобы они никогда не волновались. Я связываюсь с уборщиками и полицией. Выпускаю заявление, в котором выражаю сожаление по поводу трагической бойни, произошедшей в нашем городе. Я играю роль хорошего руководителя.

И бизнесмена.

Затем я снимаю костюм и спускаюсь в подвал к Ди. Он держит третьего и последнего члена Триады, закованного в цепи. Он уже был занят тем, чтобы начать пытать этого человека, конечно, пока я не вошел.

— Как ужасно, должно быть, чувствовать себя, зная, что вся твоя семья мертва, — вздыхаю, входя в комнату, и усмехаюсь, встретившись с его испуганными, сердитыми глазами. — Не волнуйся, скоро ты присоединишься к ним.

— Вы гребаные змеи, — выплевывает он, его акцент слышится сильнее, чем обычно.

— Чертовски верно.

Я ухмыляюсь, снимая рубашку и делая шаг к нему. Дизель смеется.

— О, теперь у тебя неприятности, — насмехается он, обходя его по кругу, когда я делаю шаг навстречу мужчине. — Тебе не следовало приходить за моей семьей, тебе следовало бы свернуть с намеченного пути и согласиться на сделку. Ты дурак.

— Я думал, это будет легко, — шепчет он, побежденный, — этому человеку больше не для чего жить. Я забрал все, что он любит.

— Ты думал неправильно. Никогда не загоняй Гадюку в угол, мы от этого всегда бьем сильнее, — говорю я ему, беря отвертку и поднося ее к свету. — Мне следует сделать из тебя пример. Твои братья, боюсь, все избавились от тебя, но ты все еще у меня.

Он сглатывает и откидывает голову назад, у него уставший взгляд, возраст дает о себе знать.

— Вы никогда не собирались дать нам победить, не так ли?

Я ухмыляюсь.

— Нет, никогда.

Он кивает.

— Ты убьешь наши семьи?

— Может быть.

Я пожимаю плечами. Я не говорю ему, что уже депортировал их и устроил там, где они хотели, с новыми документами и деньгами, чтобы они могли прожить свою жизнь так, как того желают. Я не убиваю невинных, если в этом нет необходимости. Они не знали, и их кровные узы разорваны. Я чувствую себя вознагражденным, и угроза исчезла, так что они в безопасности от нас. Если только они не нападут на нас снова. Их предупредили, чтобы они никогда не произносили наших имен и не ступали ногой в эту страну.

У меня такое чувство, что мы больше никогда их не увидим и не услышим о них.

— Приступим, не так ли? — спрашиваю я, и он кивает, его дух сломлен, его честь попорана. Он потерпел неудачу — Триада проиграла, а мы победили. Теперь пришло время показать всем, что бывает с предателями, чтобы они дважды подумали, прежде чем идти против нас.

Никто больше не причинит вреда моей семье, я позабочусь об этом. Пролейте кровь сейчас, чтобы сберечь ее потом. Особенно теперь, когда Роксана здесь, мои защитные инстинкты работают на полную, как никогда. Защищать ее будет сложнее, потому что она непредсказуема и дика, но когда я увидел ее сегодня вечером... когда она действительно стала одной из нас, это было великолепно.

Поэзия в движении.

Сегодня она была не просто Гадюкой, она была Вайпер.

Она была нашей.

А мы защищаем то, что принадлежит нам. Всегда.

Я начинаю с его ног, продвигаясь вверх по телу. Дизель должен быть на подхвате. Мы ломаем ему лодыжки, пальцы ног, коленные чашечки, ребра, пальцы и нос. Затем сдираем с него кожу живьем, что сложнее, чем кажется. Номера Первого мы отрезаем от остальных, чтобы сохранить в качестве демонстрации силы, и когда мы заканчиваем, мы оба покрыты кровью, а он мертв.

Все кончено, моя семья в безопасности... пока.

Нам еще нужно решить несколько других вопросов, но они могут подождать... по крайней мере, несколько дней. В кои-то веки я возьму отпуск, чтобы провести время с моими братьями и моей любовью. Я собираюсь расслабиться и насладиться их обществом, чего я не делал уже много лет.

Мы будем восстанавливаться. Вместе.

РОКСИ

Смыть кровь сложнее, чем кажется. Я проснулась через несколько часов, горячая, липкая и слишком зудящая от крови в тех местах, где ее не должно быть, несмотря на то, как сильно Дизель пытался ее смыть, не говоря уже о том, что мои волосы теперь рыжие, а не серебристые. Поэтому, оставив Гарретта и Кензо обниматься, я отправилась в свою старую спальню, чтобы принять душ. На мне только лифчик и трусики, поэтому я сбрасываю их на пол, зная, что больше никогда их не надену, и иду в ванную.

Странно, что все началось в этой комнате. Когда я проснулась здесь, я думала, что это будет конец моей жизни, что здесь я наконец умру. А теперь? Это мой дом, и я никогда не чувствовала себя более живой и любимой, даже когда было больно или страшно.

Странно, как все оборачивается.

Включив воду, я подхожу к брызгам, дрожа от холода и ожидая, пока вода нагреется. Я закрываю глаза, все еще уставшая, но и слишком взбудораженная, чтобы заснуть. Мои сны преследуют меня из-за того, что я не успела вовремя добраться до Гарретта, и я вижу фрагменты его смерти от ножевых ранений, пока я кричу и пытаюсь добраться до него, отчего просыпалась снова и снова.

Я подскакиваю, когда сзади рука обхватывает мое горло. Когда до меня долетает запах огня и дыма, я с улыбкой расслабляюсь, когда пар начинает заполнять комнату.

— Привет, горячая штучка.

— Привет, Птичка, — бормочет он, лизнув мое ухо. — Я был занят, и теперь ты мне нужна.

Повернувшись в его объятиях, я вижу кровь, покрывающую его обнаженное тело. Я не спрашиваю, чья она, но есть что-то в голом Дизеле, покрытом кровью, что заставляет мою киску сжиматься. Его светлые волосы липкие и матовые от крови, его губы растянуты в дерзкой, безумной улыбке.

Может быть, дело в том, что я чуть не потеряла их. Может быть, дело в том, что мне нужно почувствовать себя живой, ощутить их в своих объятиях. Заменить эту кровь на моих руках их кожей и любовью. А может, я просто трахнутая на всю голову девка и постоянно хочу выбить им мозги. Но я бросаюсь на Ди, и он ловит меня со смехом, его руки ложатся на мою задницу и сжимают ее, пока он ведет нас назад, а я не упираюсь спиной в стену. Я задыхаюсь, когда дыхание вырывается из меня, мои ребра все еще очень чувствительны,

когда он прижимается своими губами к моим.

Я чувствую привкус сигарет и крови на губах Ди и стону, ищу большего, пока наши языки переплетаются. Наши тела становятся скользкими от брызг, падающих на нас, которые на мгновение омывают нас от грехов.

Я даже не могу сказать ему, как много для меня значило то, что он ухаживал за мной прошлой ночью. Он был таким нежным и милым. Да, Дизель может быть сумасшедшим, он может быть одержимым и помешанным на крови, но он любящий. Он добрый и страстный, и когда ты принадлежишь ему, ты сливаешься с ним на всю оставшуюся жизнь.

Он стонет мне в рот, когда его пальцы проникают между нашими телами, скользят по моей влажной киске и погружаются внутрь меня быстрым, жестким толчком.

— Такая чертовски мокрая, Птичка, — бормочет он мне в губы.

— Всегда, — отвечаю я, потираясь о его руку. — Будешь трахать меня или дразнить?

Дизель рычит, наклоняясь, чтобы сильно укусить меня за шею, заставляя меня хныкать, даже когда я сжимаюсь вокруг его пальцев, боль и удовольствие прогоняют всю неуверенность, страх, злость и беспомощность последних двух дней.

Дизель всегда знает, как заставить меня почувствовать себя живой.

— Трахни меня, — рычу я ему в губы.

Усмехаясь, он высвобождает пальцы, опускает меня на скользкий пол и быстро поворачивает меня, разбивая мою пострадавшую щеку о кафель, когда я стону от боли. Он трется своим твердым членом о мою попку, облизывая и покусывая мое ухо.

— Помнишь наш первый раз?

Я киваю, задыхаясь от нетерпения, раздвигая ноги, позволяя ему тереться членом о мою киску.

— Помню, как впервые увидел тебя. Такую красивую, такую опасную. Я немного влюбился в тебя в тот день, когда эти большие, яростные глаза посмотрели на меня. С тех пор я не перестаю думать о тебе. Ты — мое гребаное наваждение, Птичка. И так будет всегда, — рычит он, выпрямляется и врезается в меня, заставляя кричать и от боли, и от удовольствия.

Дизель сильно прижимает меня к стене, его рука на моей шее, чтобы удержать меня там.

— Это будет быстро и жестко. Прошло слишком много времени. Позже я наполню твою задницу своей спермой, пока они будут за этим наблюдать, но сейчас... сейчас я подчинюсь тебе.

Он вжимал мои руки в стену, кровь капала с наших тел и смешивалась у наших ног в стоке, я стонала его имя. Ди откидывает мою голову назад, запустив руку в мои волосы, его член входит и выходит из меня, становясь все тверже. А он двигается только быстрее, пока мои руки скользят по кафелю.

— Ди, пожалуйста, — умоляю я.

Он рычит и входит и выходит из меня без всякого ритма. Я беспомощна перед ним, пока Ди вытягивает из меня удовольствие.

— Я так чертовски сильно люблю тебя, Птичка, ты — мое все. Я готов убить любого ради тебя. Я готов на все ради тебя. Я бы ползал на своих гребаных коленях, чтобы быть рядом с тобой.

Я хнычу от его слов, удовольствие нарастает внутри меня, вытягиваясь из самых пальцев ног. Я в отчаянии толкаюсь в его руки и член, так сильно желая кончить. Голова кружится,

глаза закрываются, в ушах звенит, и я знаю, что в любую минуту он просто вырвется из меня.

— Я чертовски сильно люблю тебя, — рычит он, его вторая рука тянется и хватается мою киску в собственническом, жестком захвате, который заставляет меня мгновенно вылететь за край.

Я кричу о своем освобождении, беспомощно борясь с ним, сжимаясь вокруг него, мои бедра двигаются, а голос надтреснут, когда я дрожу и извиваюсь. Я чувствую, как голова Ди прижимается к моей спине, и его сперма вытекает из моей киски, а я тяжело дышу, прижавшись к стене душа.

Он прижимается своим телом к моему, пока между нами не остается ни сантиметра пространства, и мы оба дрожим от ощущений только что накрывшего нас оргазма. Его голос звучит хрипло и низко.

— Я знал, что в тебе есть это, Птичка, чтобы стать нашей... стать Гадюкой. А теперь посмотри на себя — наша собственная королева.

Королева.

Красиво звучит.

Жизнь с ними никогда не будет скучной.

~

Гарретт медленно идет на поправку, как и Кензо. Но они как большие дети, и мне приходится говорить им, чтобы они взяли себя в руки и перестали хандрить через два дня. Райдер взял отгул на работе, и, честно говоря, приятно, что он рядом. Дизель исчезает на целый день, но когда он возвращается, то клянется никогда больше не покидать меня.

А потом он протягивает мне руку.

С коробкой.

Честно... это чертовски романтично. Оказывается, это была рука парня с ирокезом, Эндрю. Вот это подарочек.

Хотя я не знаю, что нужно делать, чтобы сохранить руку, так что оставляю это на усмотрение Дизеля. Однажды я даже застала его за тем, как он хвалил Гарретта, на что здоровяк ударил его по лицу и вырубил. Когда он пришел в себя, он хохотал во все горло.

Сумасшедший ублюдок.

Райдер возвращается к работе, но начинает делать это со стола в столовой. Я слышу много ругани на другом конце телефона. Оказывается, он уничтожает все, что осталось от Триады.

Однажды, когда я чувствую себя назойливой, я устраиваюсь у него на коленях, пока он разговаривает по телефону — ладно, я надеюсь на повторение инцидента в офисе, но этого не происходит. Он вдруг начинает нервничать и прижимает меня ближе. Его нос касается моей шеи, и он втягивает воздух, прежде чем выпрямиться и начать звонок.

На другом конце звучит женский голос, хриплый, от которого я даже вздрагиваю, но Райдер, кажется, этого не замечает. Нет, на его лице написано уважение к этой женщине, кем бы она ни была. Ревность пронзает меня, и он, должно быть, замечает это, потому что задирает мою рубашку и хватается мою голую киску под столом. Просто держит ее. Как собственник.

Да, это помогает.

Хотя мне хочется ударить битой женщину с сексуальным голосом по этому чертовому телефону.

— Мистер Вайпер, как приятно вас слышать. Как я понимаю, у вас недавно возникли

небольшие проблемы...

Райдер улыбается, злобно.

— Ничего такого, с чем бы я не смог справиться.

— Конечно.

Она смеется, издавая такой звук, будто курит.

— У нас тоже были небольшие проблемы с ними, но они, похоже, сосредоточили все свои усилия на вас. Можете быть уверены, мы не ссоримся ни с вами, ни с вашим городом, у нас есть чем заняться.

Я смотрю на него. Кто это?

— Я никогда не спрашивал, не так ли?

Она снова смеется.

— Давайте не будем играть в игры, мы с вами слишком умны для этого. Я знаю, почему вы мне звоните, и да, мы все еще союзники. У вас есть ваш город, у нас, Петровых, есть наш.

Райдер немного расслабляется, и я понимаю, что он беспокоился, что ему придется вступить в войну с русской семьей, о которой он мне рассказывал.

— Хорошо, пожалуйста, дайте мне знать, если я могу как-то поспособствовать вам в вашей... ссоре.

— Мы оценили вашу любезность. Слышала, вы наконец-то нашли себе женщину. Нужно ли мне купить платье на свадьбу?

Я замерла, мои глаза расширились. Свадьба? О, черт возьми, нет! Я пытаюсь убежать, но Райдер усмехается и обхватывает меня покрепче, очевидно, зная, какой будет моя реакция.

— В будущем, да, она очень... скользкая.

Скользкая? О, я отдам этому ублюдку скользкость. Выдернув локоть назад, я бью его в живот, и он, задыхаясь, отпускает меня. Стоя, я шурю, смотря на него.

— Скользкая? Я бы не вышла за вас, ублюдки, даже если бы вы приставили пистолет к моей башке, — шиплю я, прежде чем броситься прочь.

Я слышу, как они смеются вслед за мной.

— Она мне нравится, приводите ее в гости. До свидания, мистер Вайпер.

— Роксана, — слышу, как меня зовет Рай, его голос холодный и требовательный.

Вот дерьмо, я за это заплачу. Оглянувшись через плечо, я вижу, как он снимает с себя рубашку, его глаза смотрят на меня и взгляд накаляется.

Черт, черт, черт.

Я делаю единственное, что могу — бегу.

Он смеется, преследуя меня. Я должна была знать, что он всегда будет ловить меня... и когда он это делает, что ж, я кричу по хорошим причинам, а не по плохим.

ДИЗЕЛЬ

— Мне жаль, мне искренне жаль, но, клянусь, я не знал, что они собираются...

Я обрываю его слова, хватая иглу и зажав голову мудака в тиски.

Слезы падают из его глаз, пока он борется в кресле, руки и ноги парня привязаны к нему колючей проволокой, как они сделали с моей девочкой.

— Тише, не двигайся, иначе я могу все испортить, — огрызаюсь я, когда начинаю продевать нитку через его губы.

Он двигается и кричит, но когда я отступаю назад, все выглядит не так уж плохо. Ровные стежки, не слишком далеко друг от друга, и его рот фактически зашит. Его глаза выпучены, кровь стекает по подбородку, когда я запрыгиваю на его стол и раскачиваю ногами.

Райдер уничтожает бизнес Триады, а я очищаю наш любимый город. Все, кто когда-либо хотел выступить против нас, кто когда-либо работал с Тριάдой или угрожал, они умрут. Мы не можем рисковать тем, что у кого-то из них появятся идеи и он возьмет и придет за Рокси. Только не снова.

— Они были твоими сыновьями, ты знал.

Я фыркнул.

О да, папаша Триады, весь в Китае. Я запрыгнул на наш самолет, пока Рокси спала, и прилетел прямо в здание его корпорации. Он знал, его сыновья никогда не делали ни одного шага без его одобрения.

— К сожалению, у нас не так много времени. Я должен вернуться в самолет до того, как меня поймут власти. Я бы предпочел поиграть с тобой еще немного...

У меня звонит телефон, и я смотрю, что это Маленькая Птичка.

— Подожди минутку, старичок, ты же знаешь, как это бывает.

Ответив, я включаю громкую связь, спрыгиваю со стола и обхожу их отца.

— Маленькая Птичка? — бормочу я.

— Где ты? — спрашивает она, ее голос резок.

— Скучаешь по мне? — дразнюсь я, хватая его за голову, отбрасывая ее в сторону и отрывая ухо. Он пытается закричать, но приглушенный звук проникает в телефон.

— Аххх.

Она смеется.

— Извини, не знала, что ты работаешь.

— У меня всегда есть время для тебя, ты же знаешь, — бормочу я, делая то же самое с другим его ухом и бросая окровавленные части на стол.

— Что случилось, Птичка?

— Мне скучно, Гарретт и Кензо спят, а Райдер куда-то ушел. Я хотела поиграть. — Ее голос понижается на октаву, заставляя меня дрожать, а мой член мигом становится твердым.

— Помучай Гарретта немного, а я вернусь, как только смогу, — обещаю я.

Она вздыхает.

— Хорошо, — бормочет она, а потом, кажется, оживляется. — Гарреттттттт, Дизель сказал, что ты должен поиграть со мной.

Ее голос сладок, словно мед, но это заставляет меня смеяться.

Я слышу, как он ругается, а потом хрюкает, когда Рокси смеется.

— Пока, Ди, скоро увидимся!

Держа мужчину в кресле, я прижимаю телефон к уху, пока веду его к окну.

— Пока, Птичка, береги себя.

Положив трубку, я убираю телефон в карман и прижимаюсь лицом к его лицу, глядя на наше отражение в окне.

— Женщины, я прав? Без них нельзя жить, без них нельзя убивать.

Я серьезно киваю.

— А теперь я хочу, чтобы ты поздоровался от меня со своими сыновьями.

Я смеюсь, выпрямляясь, и тут снова звонит мой телефон. Вздохнув, я отвечаю.

— Что ты ей сказал? — рычит Гарретт.

— Поиграть, а что? — спрашиваю я, глядя на свои окровавленные ногти.

Он стонет, как от боли.

— Ди, она носит цепи словно это нижнее белье, а я должен соблюдать постельный режим.

Смеясь, я подмигиваю их отцу.

— Тогда соблюдай его... с ней в кровати вместе с тобой. Мне пора, пока!

Убрав телефон, я с ухмылкой смотрю на папушу Триады.

— Извини, приятель, долг зовет. Полет пройдет хорошо, если и ты мне в этом поспособствуешь.

Я смеюсь, отводя ногу назад и нанося удар.

Я наблюдаю, как он катится к стеклу, а затем пролетает сквозь него, и стекло разбивается вокруг мудака. Наклонившись через разбитое окно, я наблюдаю с сорокового этажа, как он с грохотом падает на асфальт внизу. Вот это было весело.

Смеясь, я вытираю стол от отпечатков и, насвистывая про себя, спускаюсь по лестнице. Мне нужно успеть на самолет, моя Птичка нуждается во мне, и теперь, когда город чист... она — все, на чем мне нужно сосредоточиться.

Надеюсь, она готова.

~

РАЙДЕР

Знаю, я должен праздновать, но не могу не винить себя. Эмоции, которые Роксана открыла во мне... для нее это сопровождается чувством вины. Если бы мы не забрали ее, ее бы не пытали и чуть не убили. Она все еще хромотает, ее пальцы ног, ребра и пальцы рук болят, когда она думает, что мы не замечаем. Я слежу за тем, чтобы Рокси принимала

обезболивающие, но она пострадала из-за меня.

Не говоря уже о моих братьях, которые даже сейчас все еще лечатся. Они чуть не погибли, потому что у меня не хватило ума предвидеть это. Мой отец был прав, я никогда не буду достаточно хорош, чтобы руководить.

Отхлебнув виски, я поворачиваюсь к окнам конференц-зала. Я не знаю, почему я пришел сюда, только то, что это было правильно. Я слишком мрачен, слишком зол и растерян, чтобы быть с кем-то сегодня вечером, даже с моей любовью. Она попыталась бы спасти меня от этого, а я не могу этого допустить. Мои неудачи — только мои, и я должен учиться на них.

В будущем я должен действовать рационально, чтобы обезопасить их всех. Я должен видеть надвигающиеся угрозы, чтобы защитить их. Именно поэтому я нанял больше охранников, и договор с Петровыми официально вступил в силу. Потребовалось провести немало переговоров, но они хорошая, сильная семья, которая нас прикроет.

Это поможет уберечь мою семью. Я знал, что эта жизнь может убить нас всех, когда вступал в нее, я с радостью принял ее, но теперь, когда Роксана здесь, я думаю, правильное ли решение я принял. Она была бы так же счастлива жить в дерьмовой квартире и работать в баре каждую ночь, ей не нужны деньги или власть.

Только мы.

Словно я вызвал ее своими темными, бурными мыслями, я замечаю мою девочку в отражении в окне. Повернувшись, я встречаюсь с ней взглядом. Она стоит в дверном проеме, на ней только одна из наших рубашек.

— Отправляйся спать, милая, уже поздно, — говорю я ей, но мой голос дрожит, и я отворачиваюсь, руки снова дрожат. Почему она так на меня влияет?

Раньше я никогда так не волновался. Никогда не сомневался в каждом своем решении, думая, согласится ли она с тем, что оно правильное. Черт, я даже продолжаю перебирать в памяти свое прошлое и все, что я сделал, ворошу всех демонов, которые там прячутся, размышляя, будет ли ей противен мужчина, с которым она делит постель, если она узнает обо мне все.

— Пойдем со мной, — пробормотала она.

— Не сегодня, любимая.

Я слышу ее вздох, прежде чем Роксана руками обхватывает меня сзади.

— Ты не должен страдать в одиночестве, Рай. Я здесь, твои братья здесь. Я знаю, какой груз ты несешь, пытаешься спасти всех нас, но это не твоя работа, понимаешь? Мне не нужно, чтобы ты меня спасал. Мне нужно, чтобы ты был со мной, чтобы ты опирался на меня, чтобы я могла опираться на тебя. Ты не обязан всегда быть идеальным, холодным и расчетливым. Это нормально — ломаться время от времени, но не делай этого в одиночку.

Я не отвечаю, и она пинает мой стул и впивается в мое лицо, ее собственное теперь искажено гневом.

— Блядь, поговори со мной, Райдер. Не отгораживайся от меня. Не будь таким мудаком, или, клянусь, ты меня потеряешь. Ты хочешь защитить нас? Отлично, хочешь погрязнуть в жалости к себе? Отлично, но не смей отгораживаться от меня, ни сейчас, ни когда-либо.

С ревом я встаю и мгновенно оказываюсь перед ее лицом, моя рука на ее шее.

— Нет? Ты бы предпочла, чтобы я выместил это на тебе? Ударил тебя? Сделал тебе больно? Потому что именно это и произойдет, если ты будешь продолжать давить, Роксана. Я — это он, в конце концов.

Я отталкиваю ее с отвращением, не на нее, а на себя, зная, что если я этого не сделаю, то могу причинить ей боль. Кровь папаши-мудака течет в моих венах, и именно в такие дни, как этот, он обычно срывал злость на моей маме.

Я тоже это чувствую.

Потребность забыть, причинить кому-то боль, чтобы чувствовать себя сильнее, менее неуправляемым. Контролировать ее и ее действия, чтобы все эти... эти чертовы эмоции и потрясения снова ушли. Я такой же монстр, как и он.

И это мой самый большой страх, что я причиню ей боль, потому что я люблю ее.

А моя любовь? Она сопровождается шипами.

РОКСИ

— Хочешь причинить мне боль? Отлично, причини, если это поможет. Я могу вынести её, — огрызаюсь я, устав от этого дерьма. Когда мне кажется, что я уже близко, он снова отстраняется, предлагая мне только те части себя, которые хочет, скрывая остальные. С меня хватит.

Рай упирается руками в окно, его голова прижимается к стеклу.

— Убирайся, — приказывает он.

— Нет, — спокойно отвечаю я, скрещивая руки. — Нет, пока ты не разберешься со всем этим дерьмом. Ты боишься причинить мне боль? Из-за твоего отца? Верно? Или, может быть, ты просто винишь себя за все, что произошло?

Я фыркнула, когда он вздрогнул.

— Я знаю тебя, Райдер, возможно, лучше, чем ты думаешь. Ты будешь перечислять каждую чертову деталь, винить себя, думать, что ты мог бы предотвратить это, но, детка? Иногда дерьмо просто случается, и знаешь что? Я не виню тебя, и твоих братьев тоже. Благодаря тебе мы живы и вместе. Дерьмо случается, Райдер, ты должен справиться с ним и двигаться дальше. Если ты застрянешь в прошлом, ты никогда не освободишься от его призраков.

Он замолкает на мгновение, и я думаю, что завела его слишком далеко, но когда его голос раздаётся, он еле слышен и испуганный.

— Это моя работа — защищать вас всех.

Опустив руки, я наклоняюсь и прижимаюсь головой к его спине, обхватывая руками его дрожащее тело.

— И да, и нет. Это наша работа — защищать друг друга. Мы все знали, во что ввязываемся, Райдер. Эта жизнь нелегка. Если бы это было так, все бы этим занимались, не переставь пытаться взвалить весь груз забот на себя. Гадюке Вайперу нужен баланс, тебе нужны твои братья и я.

Он поворачивается, и меня отбрасывает назад. Его глаза дикие, рот разинут в рычании, тело дрожит, а кулаки сжаты. Он выглядит великолепно и чертовски устрашающе.

— А если я не смогу? Что если я позволю вам всем помочь мне? Что если я выпущу все наружу и стану таким же, как он? — кричит он.

— Как твой отец? — спрашиваю я.

Он смотрит в сторону, скрежеща челюстями.

— Он был ублюдком, Роксана, настоящим гребаным ублюдком. Он обидел мою мать, меня и Кензо.

Райдер качает головой, кажется, что он сдувается, наблюдая за мной.

— А если я причиню тебе боль?

— Тогда я убью тебя.

Я смеюсь, а он смотрит на меня.

— Рай, ты не можешь причинить мне боль, пока я тебе не позволю. Прости, но я не твоя мать, я боец. Я пережила своего отца, я пережила Ди и Гарретта, я могу пережить и твоих демонов. Я никогда не позволю тебе причинить мне больше боли, чем я того желаю, и другим тоже. Ты так боишься быть им, что мешаешь себе быть собой.

Он сглатывает, его глаза ищут мои.

— Я убил его.

Я моргаю от этого.

— Хорошо.

Он смеется, самодовольный звук.

— Тебя это даже не удивляет.

— Что ты убил человека, который ранил твою мать и брата? — Я фыркнула. — Нет, Райдер, я не удивлена. Я жалею, что ты не сделал этого раньше.

Он усмехается, но вскоре сдувается, и садится обратно, его тело при этом налито свинцом, как будто он устал.

— Кензо пытался, — признается он, в его голосе звучит боль и чувство вины. Как долго он держал это в себе? — Я убивал и раньше, мой отец заставил меня, сделав из меня своего наемника. Я сделал это, чтобы защитить Кензо, потому что знал, что если не защищу его, то он сделает наемника из моего брата. Но я не мог защищать его вечно, и хотя я пытался оградить Кензо от этой жизни, он все равно вошел в нее, чтобы спасти меня от отца. Он видел, что такая жизнь делает со мной, и ненавидел ее. Однажды ночью он взял мой пистолет, когда я спал, пошел в отель...

— В отель? Где я была? — спрашиваю я, плюхаясь к Раю на колени.

Ему нужно выговориться, но я тоже нужна ему здесь. Он благодарно обнимает меня, его голова прижимается к моей.

— Одно и то же, любимая, это наше, я хотел, чтобы оно сгнило.

Затем он целует меня мягко, так мягко.

— Кензо пошел туда, чтобы убить его, чтобы спасти меня. Но когда он добрался до моего отца, он не смог этого сделать. Кензо любящий мальчик, а первый раз нажать на курок — это тяжело, любовь моя, а что уж говорить про то, чтобы пойти с оружием против нашего собственного отца? Невозможно для Кензо. Он видел хорошее в каждом и любил их, даже когда они этого не заслуживали, и до сих пор любит.

— Эй, — протестую я, и он улыбается.

— Не только ты, Роксана. Если кто-то в этом мире и заслуживает любви, так это ты и он. Но Гарретт, Ди и я? Мы ее практически не заслуживаем.

Я качаю головой, но он закрывает мне рот.

— Дай мне сказать, хорошо? Я проснулся, и когда увидел, что мой пистолет пропал, я понял. Он вел себя странно весь день, и я просто понял это, любимая. Мне никогда не было так страшно. Я знал, что отец убьет Кензо, и к тому времени, когда я приехал, Кензо истекал

кровью, будучи на пороге смерти. Я забрал у него пистолет...

— Ты убил его, — бормочу я, прижимаясь к его руке.

— Я убил отца, выстрелил ему в голову, а потом разрядил в него обойму.

Он вздрагивает.

— И я ничего не чувствовал, ничего, любимая. Даже радости не было, это было просто что-то, что нужно было сделать. Я помог Кензо подняться, и мы просто стояли над его трупом. Всю нашу жизнь он был тираном, таким большим, сильным человеком. Вся эта власть и деньги, и в конце концов, все это лишь подписало ему смертный приговор. Он выглядел таким слабым, таким маленьким. Это было легко сделать, убить, легче захватить его бизнес и разрушить его. Именно тогда я был в своей стихии, разрушал вещи, а Кензо был тем, кто создал. — Райдер делает глубокий вдох, и я прижимаюсь ближе, предлагая ему утешение, пока он снимает весь груз, тянущий его вниз.

— Он собрал эту семью вместе. Я думаю, он сделал это для меня, чтобы попытаться удержать меня на крючке, потому что он тоже это видел — мою способность разрушать, мой потенциал быть хуже, чем у отца, и он пытался остановить это, и это работало, любимая, так долго. Это заземлило меня, но потом появилась ты... — Он снова качает головой, его глаза загораются, а губы кривятся. — Как чертов ураган. Ты потрясла мой мир. Я знал, что так и будет, когда увидел тебя, но я просто не мог уйти. В тебе есть невинность. Я знаю, что ты видела все дерьмо, которое может предложить жизнь, но ты все еще улыбаешься, все еще смеешься. Я жаждал этого, хотел присвоить это себе и... уничтожить. Но я не рассчитывал на твою гребаную волю. Ты так легко обвела меня — нас — вокруг своих пальцев. Я бы сделал для тебя все, что угодно, любил бы, был бы всем, что тебе нужно, и это пугало меня, потому что та же сила, те же демоны, которые сделали моего отца тем, кем он был, живут и во мне, и тебе придется иметь дело со всеми ними. Потому что я не могу тебя отпустить, никогда.

Мое сердце разрывается от его слов. Райдер, Боже, мой бедный Райдер. Он все время беспокоится. Неудивительно, что этот лед там, он защищает его и всех вокруг от огня внутри. Ди использует его, Кензо блокирует его, Гарретт высвобождает его, но Рай? Рай живет в нем.

— Это делает меня убудком, я знаю, но когда ты в моих объятиях, я чувствую себя непобедимым. Я чувствую себя таким чертовски сильным, как будто я могу сделать все, что угодно. Ты делаешь меня таким. Ты делаешь меня сильнее, и из-за этого тебе приходится иметь дело с последствиями...

Оттолкнув его руку, я крепко целую его.

— И я с радостью приму их. Райдер, ты сильнее, чем думаешь, чертовски сильнее. Как ты думаешь, почему я осталась? Даже когда я впервые кончила, я не пыталась сбежать и никогда не понимала почему. Может быть, потому что я знала, что здесь мое место. В твоих объятиях. Так у тебя есть демоны? Детка, они совпадают с моими. Мы можем сделать это вместе, но больше не надо нас обманывать. Мы — семья. Они не осудят тебя, как и ты не осудишь их. Пришло время отпустить, Райдер, пусть призраки умрут вместе с отелом, потому что теперь тебе есть ради чего жить. И я буду напоминать тебе об этом каждый гребаный день, если тебе это нужно. Я возьму все это, каждый кусочек гнева и разрушения. Нарисуй это на моей коже, и я буду носить с радостью. Я твоя, Райдер, а ты мой.

Он заглядывает мне в глаза.

— Обещаешь?

Это детское слово на устах мужчины, мужчины, который так долго терял все. Которого никогда не учили любви или доброте. Мы учимся вместе. Слова не всегда могут быть любящими, нет, иногда они прямо-таки ядовиты. Яд на наших губах, как огонь, льющийся из наших душ, но они всегда правдивы.

— Обещаю, — шепчу я.

Райдер стонет, на мгновение закрывая глаза.

— Я чертовски люблю тебя, Роксана, даже когда ты ведешь себя как грубиянка.

Я не могу не рассмеяться на это замечание.

— Не волнуйся, я все еще ненавижу тебя.

Он усмехается, его глаза вспыхивают, когда Рай обводит рукой мою шею, эти длинные, изящные, покрытые шрамами пальцы прижимают меня к нему.

— Это правда? — бормочет он, взгляд моего мужчины опасно вспыхивает, и это свидетельство того, насколько я ебанутая, что моя киска сжимается от одного этого взгляда.

— Спорим, я смогу заставить тебя кричать «Я люблю тебя» так, что все услышат.

— Сомневаюсь, приятель.

Я только фыркаю, даже когда наклоняюсь к нему, поднимая руку к его рубашке. Пуговицы отрываются, оставляя его грудь обнаженной для моего голодного взгляда, его коллаж из татуировок почти ослепляет меня. Райдер — произведение искусства, и он, блядь, знает это.

Чертова картина в движении. Его душа такая же темная, как его татушки, а глаза такие же холодные, как общество, в котором он плавает, и все же я жажду Райдера. Его боли и любви. Мне становится больно, когда я смотрю на него. Его слишком много, но он мой.

Он может быть жестоким и бессердечным. Его руки и язык — оружие. Райдер может свалить меня, сломать и уничтожить так же легко, как и заставить меня кричать от удовольствия. Каждый из парней Гаденышей — это обоюдоострый меч. Они любят так же глубоко, как и ненавидят.

Им так же больно, как они дышат, и я нахожусь в центре всего этого, и все их взгляды и внимание прикованы ко мне. Если я не буду осторожна, они могут убить меня так же легко, как и полюбить. Я украла их сердца, а они взамен украли мое.

Они хранят его в своих пропитанных кровью ладонях, и когда Райдер опускает руки к моей заднице и сжимает ее, я стону от желания. Такую боль, такую смерть они оставляют на своем пути. Эти руки принадлежат убийцам.

Грешникам.

Гадюкам.

Но я все равно хочу их. Я жажду их укуса, хочу, чтобы их особый яд струился по моим венам, превращая меня в их девушку. Каждое прикосновение, каждый взгляд — это бальзам на душу девушки, которую никогда не любили как следует.

Однажды это может поглотить нас всех, и мы взорвемся. Но какая это будет прекрасная смерть.

— Рай, — умоляю я, проводя ногтями по его груди, разрезая кожу и оставляя свой след, отдавая столько же, сколько получаю.

Они любят меня за это, потому что я способна на ту же кровь и разрушение, ненависть и мучения, потому что они живут в тени, но и я тоже.

— Боишься, любимая? — прошептал он, почти прижимаясь своими губами к моим. Его дыхание мятное, с нотками виски, доносится до меня, пока я извиваюсь на его коленях,

чувствуя, как его член твердеет во мне.

— С тобой? Никогда. От того, что не получишь оргазм в ближайшее время? Абсолютно, блядь, абсолютно нет, — молвлю я.

— Ну, мы не можем этого допустить, не так ли?

Райдер ухмыляется и встает, прижимая меня к себе, прежде чем опустить на стеклянный стол. Его руки хватают меня за бедра и раздвигают их, прежде чем он заводит руку за рубашку и дергает, отрывая пуговицы, пока она не распахивается, и я оказываюсь перед ним обнаженной.

Его глаза пробегают по моему телу, его язык облизывает губу.

— Каждый раз, блядь, я забываю, как ты прекрасна. — Его руки скользят вверх по моим бедрам, костяшки пальцев задевают край моей киски, заставляя меня стонать.

— Каждый чертов раз, любимая, у меня перехватывает дыхание.

— Докажи это, — требую я, раздвигая ноги еще шире. Его взгляд падает на мою киску, и он стонет, опускаясь на колени.

Когда великий Райдер, главная гребаная Гадюка, стоит на коленях и смотрит так голодно, словно может поглотить меня целиком, это пьянит. Эта сила заставляет меня ухмыляться, я тянусь вниз и хватаю его за голову, пока он проводит языком по моим бедрам, дразня меня, наказывая меня.

— Могу попросить Гарретта набить татуировку «Собственность Райдера» над этой киской.

— Вряд ли он согласится, если только я не сделаю татуировку «Собственность Рокси» на твоем члене, — огрызнулась я, заставив его хихикнуть и подуть теплым воздухом на мою нуждающуюся в нем киску.

Я дрожу.

— Хватит болтать.

— Ты отдаешь здесь приказы, любимая? — бросает он вызов, в наказание покусывая мое бедро. — Потому что я могу легко трахнуть эту тугую маленькую киску, наполнить тебя своей спермой и оставить тебя, чертовски нуждающуюся, без права на оргазм.

— Ты ублюдок, — шиплю я.

— Верно, любимая, и я твой ублюдок, так что ложись на спину и позволь мне пялиться на мою собственность столько, сколько мне, черт возьми, будет угодно. Ты получишь мой член, когда я скажу, что ты получишь мой член, — рычит Рай, впиваясь зубами в мою кожу. Я вздрагиваю, опускаю голову на стекло и закрываю глаза от боли.

Я такая мокрая, что даже неловко, мне нужен он внутри меня, моя пустая киска пульсирует и хватает воздух. Ощущение его темного, голодного взгляда на моей киске не помогает. Я подпрыгиваю, когда пальцами Рай касается меня, раздвигая мои половые губы, прежде чем его язык касается моего клитора, обводит его, затем проводит по центру и погружается внутрь меня, жадно впитывая мои соки. Мои руки вцепились в его волосы, и я прижимаюсь к его лицу, насаживаясь на его язык, пока мои глаза закрываются. Мое сердце колотится, а тело покрывается испариной.

— Рай, боже, пожалуйста, — умоляю я, когда он убирает язык и поднимает голову, его темные глаза встречаются с моими, когда он облизывает губы.

— Ты на вкус как гребаное райское наслаждение.

Райдер стонет, прежде чем его голова снова опускается на мою киску, и он перестает дразнить.

Его глаза закатываются и встречаются с моими, когда Райдер обхватывает губами мой пирсинг и сосет, заставляя меня со стоном оторваться от стола. Отпустив пирсинг, он ласкает мою киску, словно это его любимый десерт. Пальцами Райдер игриво обводит мою дырочку, прежде чем погрузиться внутрь и выйти едва ли на дюйм. Я двигаю бедрами, пытаюсь добиться большего трения, мне так сильно хочется кончить, что это моя единственная цель.

Я в беспамятстве, жажду удовольствия, прижимаясь все сильнее. Слова слетают с моих губ, угрозы, обещания, все это заставляет его смеяться и дразнить меня еще больше, пока я наконец не останавливаюсь и просто расслабляюсь, позволяя ему делать со мной все, что он хочет.

Тогда он показывает мне, как сильно он дразнил меня.

Его пальцы проникают в мою киску, растягивая, мое дыхание громко звучит в тихой комнате, когда он играет на моем теле, как на гребаной скрипке. Руки Рая скользят вверх по моему животу и хватают мои груди, сильно сжимая их, пока он лижет и щелкает мой пирсинг, потягивая его. Боль и удовольствие смешиваются вместе. Его влажные пальцы обводят мои соски, а затем спускаются вниз по телу и проскальзывают внутрь меня.

Они сжимают словно тиски, потирая мои внутренние стенки, пока он сосредотачивает все свое внимание на моем клиторе. Каждое движение его языка и скольжение пальцев заставляет меня извиваться в его рту.

— Райдер! — кричу я, когда его зубы сжимают мой клитор.

Это выводит меня за край, экстаз омывает меня, я дергаюсь под ним, мой оргазм застаёт меня врасплох и заставляет меня кричать. Он облизывает меня, а затем ползет вверх по моему телу и слизывает соки с моих сосков. Тяжело дыша, я открываю глаза, чтобы встретиться с его темными глазами. Его подбородок и губы покрыты моими соками, и он выглядит чертовски диким. Мне это нравится.

— Это было только начало, любимая, — пробормотал Райдер, его зубы зацепились за мой сосок, когда я задрожала под ним. — Я просто хотел, чтобы ты поняла, что ты принадлежишь мне, и только когда ты будешь вести себя хорошо, ты получишь то, что тебе нужно.

Я не могу говорить, во рту пересохло, язык онемел, и он хихикает, сволочной ублюдок. Райдер переворачивает меня и тащит к краю стола, снимая с меня рубашку, пока я не остаюсь голой. Его руки проводят по моей спине, а затем ртом Райдер следует за его намерением; зубы впиваются в половинку моей задницы, заставляя меня стонать.

— Дизель сказал мне, что трахал твою задницу ножом, это правда? — пробормотал он.

Я отказываюсь стыдиться.

— Да.

— Хорошо, потому что я собираюсь трахнуть твою задницу. Будь хорошей девочкой, и я заставлю тебя кончить больше раз, чем ты сможешь сосчитать. Посмеешь наругать, и я сделаю так, что тебе будет больно, и пока ты будешь плакать, я заставлю тебя кончить, заставлю полюбить агонию.

Черт возьми, почему это так возбуждает?

Его руки гладят меня по заднице, прежде чем он шлепает по обеим ягодицам, заставляя меня дергаться и вскрикивать. Он смеется и втирает укус, прежде чем прижать свой член к моей киске. Он двигает им взад-вперед по мне, а затем медленно вводит внутрь. Он делает всего два толчка. Я только начинаю отталкиваться и встречать его толчки, как он

вырывается и оставляет меня пустой.

— Черт возьми, Рай, — ворчу я, задыхаясь, прижимаясь лицом к столу, а задницей к его рукам.

— Просто смочил свой член для твоей пухленькой попки, — рычит он.

Мои глаза закрываются от этого замечания, я задыхаюсь, мои бедра инстинктивно двигаются. Я ничего не могу с собой поделать, он мне так нужен. Рай шлепает меня еще раз, дважды, прежде чем низвергнуть меня в боль. Я громко стону, не в силах сдержаться. Он делает меня такой слабой.

Заставляет меня полностью сдаться.

Когда я расслабляюсь, он лижет мою задницу.

— Хорошая девочка, любимая, вот так, расслабься и прими в себя мой большой член.

Он прижимает головку к моей попке, и я расслабляюсь, когда он входит в меня. Он толстый и большой, и я не могу удержаться, чтобы не прикусить губу, когда член проскальзывает мимо моих мышц.

— Хорошая девочка, посмотри, какая ты красивая, — хвалит Райдер, отстраняясь и вставляя свой член в мою задницу, продвигаясь по дюйму за раз.

Когда он глубоко вошел, то стал массировать мои булки.

— Какая чертовски хорошая девочка, посмотри на себя.

Черт возьми, мне хочется огрызнуться на его слова, но с его членом в моей заднице я не могу пожаловаться. Он усмехается, как будто знает, о чем я думаю, и медленно начинает двигаться, трахая меня нежно. Мягко.

Сдерживаясь, как обычно.

Пытается защитить меня.

Я знаю, что ему нужно больше, ему нужна боль и страдание, а также контроль, но Райдер любит меня, боится причинить мне боль. Мне нужно сломить его.

— В чем дело, Рай? Стал мягче со мной? — дразню я. Его руки впиваются в мои бедра, и он вжимается в меня сильнее, но этого все равно недостаточно.

— Оооо, пожалуйста, Рай, не делай мне больно, — передразниваю я.

Я оглядываюсь на него через плечо.

— Твой брат трахается жестче, мне научить тебя?

Его глаза сужаются, когда я ухмыляюсь.

— Что случилось, Рай?

Я облизываю губы и толкаюсь назад, принимая его глубже.

— Никакого быстрого возвращения? Никаких требований или приказов? Должна сказать, я разочарована... ты обещал причинить мне боль. Похоже, это были одни разговоры, альфа, — говорю я.

Это ломает его. Райдер врывается в меня так сильно и быстро, что мне становится больно, и я вскрикиваю. Его рука выныривает и обхватывает мое горло, сжимая его, когда он наклоняется и кусает мое ухо.

— Ты хочешь, чтобы было больно? Ты хочешь, чтобы я перестал заботиться о тебе?

Он сжимает мое горло так сильно, что я не могу дышать.

— Хорошо, ты думаешь, что сможешь выдержать это, любимая? Докажи это.

Райдер вырывается из меня и отпускает мое горло. Дернув меня вверх, он крутит меня так быстро, что у меня кружится голова, и я спотыкаюсь.

Ему все равно, Райдер подтаскивает меня к окну и разбивает стекло. Резкая боль

проходит через мои поврежденные ребра, а когда он хватается меня за руки и прижимает их к окну надо мной, мое поврежденное плечо и палец дергается. Боль тает во мне, превращаясь в удовольствие, мои соки стекают по бедрам.

Его руки ложатся на мои бедра, и он рывком возвращает меня назад, лаская мой зад, когда снова толкается в меня быстрыми, жесткими толчками, теперь уже не нежными. Он вводит свой член в мою задницу снова и снова, пока я не упираюсь в стекло.

Но ему этого недостаточно.

Его рука проводит по моему боку, изящные пальцы прослеживают мои ребра, а затем он сжимает, сжимает все еще ноющие, заживающие ребра, пока я не вскрикиваю от боли, содрогаясь вокруг него. Это заставляет его стонать, когда он заполняет меня своим членом.

— Блядь, любимая, ты так сладко кричишь. Неудивительно, что Ди это нравится.

Я ничего не могу с собой поделаться, боль переходит в удовольствие, особенно когда он тянется и тербит мой клитор, снова доводя меня до пика, даже когда мое тело протестует против жесткого траха.

Но вдруг он снова вырывается, оставляя меня холодной и дрожащей у стекла, пока я шатаюсь на нетвердых ногах. Моя задница болит, мои ребра болят, а моя киска пульсирует, как сердце, изливаясь моими соками, пока я медленно возвращаюсь с той стороны тонкой грани освобождения. Повернув голову, я смотрю, как Райдер подходит к столу в углу, его пальцы перебирают предметы.

— Интересно, Рокси, как далеко ты готова зайти?

Он смотрит на меня, проводя глазами по моему телу.

— Как далеко я могу завести тебя? Сделать тебе больно?

Он хватается сбоку бутылку с водой, и я замираю, широко раскрыв глаза, когда он возвращается ко мне, раздвигает мои ноги и прижимает ее к моей киске.

— Думала, ты справишься, милая? — насмехается он, вгоняя ее в меня. Я вскрикиваю от вспышки боли, за которой следует хныканье, когда он обхватывает мои бедра и снова толкается в мою задницу. Бутылка и его член так сильно растягивают меня, что это граничит с агонией. Он держит меня в таком положении, оседлав эту тонкую грань, когда начинает двигаться.

Он держит бутылку неподвижно, моя киска сжимается вокруг нее, пока Рай вводит и выводит член из моей задницы, заставляя меня скакать на предмете. Это так чертовски неправильно, так чертовски грязно, но вместе с тем мне так хорошо. Я так полна, что не могу даже думать, едва дышу.

— Рай, боже, — кричу я, чувствуя, как бутылка проникает в меня все дальше с каждым толчком его члена в мою задницу.

— Если они посмотрят вверх, то смогут увидеть тебя, любимая, увидеть, как тебя трахают, знать, что ты принадлежишь нам, как ты кричишь в ночи, — рычит он мне в ухо, прикусывая его и заставляя меня снова навалиться на его член.

— Трахни, трахни, трахни, пожалуйста, Райдер, — умоляю я, качая головой.

Это слишком. Ощущения переполняют меня, прохладное стекло напротив моего тела противоречит жару его тела позади меня. Круглая бутылка заполняет меня, растягивая, и делает мою задницу еще более тесной для его огромного члена. Каждое движение — это боль и наслаждение в одном флаконе. Я хочу остановить его, но не могу насытиться.

Он заставляет меня оседлать эту грань. Грань, которую он всегда проходит.

Но я серьезно сказала, что он никогда не сможет причинить мне боль. Даже сейчас,

даже когда его руки сжимают мои бедра, его член заставляет мою задницу растягиваться вокруг него, а бутылка, которую он запихнул в меня, заставляет меня вздрагивать. Я все еще хочу этого.

Хочу еще.

Хочу всего.

Когда его сильные, уверенные пальцы обхватывают мое горло, удерживая меня, пока Райдер вбивается в меня, я теряю сознание. Мои глаза закрываются, за ними загораются звезды. Я не могу слышать биение собственного сердца, и между одним толчком и следующим я взрываюсь.

Он врезается в меня, скрежеща, заполняя мою задницу до отказа, когда стонет. Я чувствую, как он взрывается внутри меня, моя киска болит, когда он медленно извлекает бутылку и выбрасывает ее.

Я чувствую себя сырой, больной и использованной.

И охренительно удовлетворенной. Улыбка искривляет мои губы, даже когда я опускаюсь на стекло, тяжело дыша. Он прижимается к моей спине, обхватывает меня за мое естество, помогая встать, мы оба вспотели и дрожим от пережитого.

— Господи, Рокси, — стонет он, облизывая и целуя мою щеку. — Как мне так повезло?

— Иногда нужно украсть несколько девушек, прежде чем встретишь ту, которая тебе нужна, — дразню я. Голос у меня низкий и хриплый от моих криков.

Он задыхается и стонет, когда он толчками входит в меня.

— Любовь моя, я краду вещи каждый гребаный день, я чертов мафиози, но ты? Ты — лучшее, что я когда-либо крал, и я планирую продемонстрировать тебе это до конца наших дней, пока мы тебе не надоедим и ты не попытаешься нас убить.

— Попытаться? — поддразниваю я. — Сучки, ради бога, мы оба знаем, что попытки не будет.

Он снова смеется.

— Признайся, любимая, мы украли твое сердце.

— Нет, вы украли мою киску. — Я смеюсь, даже когда снова прижимаюсь к нему. —

Оргазм — это путь к сердцу женщины...

— Ну, тогда я лучше вернусь к работе, — пробормотал он.

ГАРРЕТТ

— Ты уверена, что в порядке, милая? — интересуюсь я, а она только кивает, облизывая губу.

Меня прислали сюда, чтобы проверить Роксану. Мы все одеты и готовы, но все могут подождать, пока она не будет готова идти. Мы только вчера сказали ей, что сегодня будут похороны Сэма. Он ей нравился, и мы знали, что это будет тяжело для нее, но важно, чтобы мы пошли. Черное платье нашей девочки скромно и спускается ей чуть ниже колен, а кожаные сапоги доходят до подола. Она практически не накрашена, а единственным цветным акцентом является ожерелье, которое она никогда не снимает. Она выглядит чертовски красивой, даже не пытаюсь.

И грустной.

Ей нравился Сэм, она даже подружилась с ним, хотя мы угрожали ему. А теперь он мертв, и сегодня состоятся его похороны. Я знаю, что Рокси тяжело, и она чувствует себя виноватой, винит себя и скучает по нему. Сейчас ей нужно утешение, и я не лучший выбор для этого, но сейчас у Рокси никого больше нет, так что это я.

Обхватив ее руками, я снова притягиваю девушку к своей груди, глядя на нее в зеркало.

— Ты справишься, детка, сегодня все взоры будут прикованы к нам, но ты справишься. Мы будем рядом. Просто продержись еще немного, и ты сможешь сломать все, что тебе нужно, позже, обещаю.

— Меня не волнуют людские взоры, меня волнует его семья, — огрызнулась она, а потом вздохнула. — Прости.

— Никогда не извиняйся за заботу, — пробормотал я и поцеловал ее в щеку. — Но нам нужно выдвигаться, детка.

— Я знаю, — шепчет она, а потом встряхивается. — Хорошо.

Рокси надевает темные очки, затем поворачивается и кладет свою ладонь в мою. Я веду ее к выходу и вниз к машинам, где все уже ждут. Тони приехал, чтобы отвезти нас в лимузине, и все одеты в черные костюмы. Сцена мрачная.

Рокси тащит меня к Тони, не отпуская мою руку, словно это спасательный круг. Он грустно улыбается ей, и она отвечает ему тем же.

— Ты в порядке? — спрашивает она его.

Наша самоотверженная Гадюка. Иногда она может быть жестокой сукой, но у нее

чертовски золотое сердце, когда дело касается людей, о которых она заботится.

— Он был хорошим другом, но ему нравилось то, чем он занимался. — Он вздыхает. — Только это не значит, что я не буду скучать по парню.

Рокси кивает.

— Мне жаль, Тони, правда жаль. Возьми перерыв на столько времени, сколько тебе понадобится, а мы будем рядом, — предлагает она, не задаваясь вопросом о том, что только что приказала нашим сотрудникам. Это заставляет меня ухмыльнуться, а Райдер смеется, прежде чем откашляться, чтобы скрыть непрошенный смешок.

Тони улыбается ей.

— Да, мисс Рокси, спасибо. Но я бы предпочел быть здесь, защищая вас.

Черт бы побрал этого человека, теперь мы не можем его убить, и он это знает.

Рокси кивает и наклоняется, чтобы поцеловать его в щеку, но замирает и смотрит на нас, сощурившись.

— Если вы убьете его, я отрублю вам члены.

Она целует Тони, прежде чем позволить мне оттащить ее к лимузину.

Райдер хватается Рокси за горло и притягивает ближе, а Дизель прижимается к ее спине.

— Одноразовое исключение, милая.

Дизель вдыхает ее аромат, утыкаясь в шею.

— Я все равно убью его, — угрожает он.

Рокси смеется и оглядывается на него.

— Нет, не убьешь, потому что это причинит мне боль, а если это не физическая боль, ты ее ненавидишь.

Дизель рычит и отстраняется.

— Чертова Маленькая Птичка, слишком умная для своего собственного блага.

Но это заставляет ее улыбаться, а это то, чего мы все хотели. Кензо наклоняется и нежно целует ее.

— Я не позволю им, дорогая. Давай, пора, а потом мы можем вернуться, съесть пиццу и выпить пива.

Он выпрямляется и морщится от боли, заставляя ее вздохнуть.

Сам я не показываю боли, хотя каждый шаг напрягает мои швы и вызывает желание ударить кого-нибудь, но Рокси знает, потому что идет медленнее, чем обычно, и когда я с трудом забираюсь в лимузин, она улыбается и целует меня. Черт, да я буду мучиться каждый чертов день, если будет такой результат.

Поездка до церкви не занимает много времени. Рокси сидит между нами, в кои-то веки тихо, и когда мы подъезжаем к оживленной парковке и видим там камеры, она вздрагивает. Они могли не знать Сэма, но они знали, что мы приедем, как и некоторые из самых влиятельных людей в городе. Это почти похороны знаменитости.

Как только открывается наша дверь, они уже гарцуют возле нее, задают вопросы и фотографируют. Это не в первый раз. Нам часто удается избегать прессы, но, будучи холостяками города, как они нас называют, это случается время от времени. Я знаю, что Райдеру и Кензо тоже пришлось столкнуться с этим на похоронах их матери.

Но мы знаем, как с этим справиться.

Райдер берет Рокси за руку. Мы уже решили представить ее вместе с ним прессе, чтобы обезопасить ее и исключить ненужные вопросы. Он выскальзывает и обхватывает ее рукой, не обращая внимания на камеры, пока я проталкиваюсь вперед, а Дизель и Кензо за ними,

чтобы раздвинуть толпу. Мы быстро, но не слишком быстро, идем к церкви, расслабляясь только тогда, когда дверь за нами закрывается.

Пройдя к алтарю, мы занимаем одну из передних скамей, и я оглядываюсь, чтобы увидеть вдову Сэма в одиночестве на другой стороне. Слезы медленно катятся по ее щекам, а ее глаза устремлены вдаль. Ее руки сжаты на коленях, она пытается держать себя в руках. Рокси следит за моим взглядом и вдыхает воздух, прежде чем подняться на ноги.

Я хватаюсь за нее, но она обходит мою руку и, не обращая внимания на уставившихся на нее людей, преодолевает расстояние и садится рядом с вдовой Сэма, молча берет ее руку и держит ее. Женщина в шоке оглядывается, но Рокси не говорит и не показывает эмоций, просто сидит рядом с ней.

Мы киваем Тони, и он идет и садится с другой стороны от женщины. Мне неприятно, что Рокси так далеко, но я знаю, почему она это сделала — чтобы жена Сэма не была одна. Однако я не могу протестовать или тащить Рокси обратно, потому что церемония начинается.

Она хорошая, как для похорон, и когда мы следуем на кладбище неподалеку, Рокси наконец-то подходит к нам и прислоняется к Райдеру. Он целует ее в щеку и выходит вслед за всеми из церкви, где все еще ждут люди с камерами, снимая все подряд, яркие лампы мигают и заставляют меня рычать. Однажды я разбил их камеры, и сейчас у меня возникает искушение, но я не могу. Дело не в нас.

Не сегодня.

Поэтому я терплю, но на всякий случай держусь поближе к Рокси. Мы кружим вокруг нее, создавая защитный кокон, пока идем по траве и старым камням. Пока мы идем по траве, Рокси наконец говорит.

— Я была одна на похоронах Рича, никто не должен проходить через это в одиночку, — шепчет она.

Мы ничего не говорим, но прижимаемся ближе, ненавидя то, что она была одна, когда нуждалась в нас. Если бы только мы нашли ее раньше, но она права, мы не можем изменить прошлое, только то, как мы поступим в будущем, и Рокси больше никогда не будет одна.

Мы все стоим на ветру вокруг могилы, пока гроб опускают в нее. Когда все заканчивается и люди начинают исчезать, Рокси наклоняется и бросает немного земли на крышку гроба.

— Мне жаль, — шепчет она, ее голос задыхается.

— Детка, — бормочу я.

Она стоит и смотрит на нас, в ее глазах стоят слезы, а гнев вибрирует в теле. Мы ничем не можем помочь, и я ненавижу это. Я чувствую себя чертовски бесполезным. Мои кулаки сжимаются по бокам от желания причинить боль, уничтожить, помочь. Но сейчас ей нужна мягкость, доброта, а я не знаю, как это предложить.

Ей все равно, что у нас нет мягкости. Она все равно тянется к нам.

Там, под прицелом камер и глаз всего города, она тянется ко всем нам. Мы все смотрим друг на друга. Мы не стесняемся наших отношений, и каждый, кому есть что сказать, может умереть, но мы не хотели, чтобы ее репутация была испорчена. Однако мы беспомощны, когда дело касается ее. Поэтому Дизель прижимается к ее боку, и я держу ее за руку, а Райдер прижимается к ее спине. Кензо держит ее за другую руку.

Когда она стоит посреди нас, я слышу вздохи и перешептывания, но нам все равно. Сегодня речь идет не о нас, а о человеке, который отдал свою жизнь, чтобы спасти нашу.

Настоящий герой, мать его.

КЕНЗО

Рокси сегодня ведет себя крайне тихо, а эти идиоты не знают, как себя вести. Райдер предложил деньги вдове. Гарретт предложил причинить кому-то боль. Дизель предложил кого-то убить. Они все выглядят ошеломленными, когда это не сработало. Покачав головой, я подхватываю Рокси на руки и ложусь на диван, крепко обнимая ее.

— Все хорошо, дорогая, мы здесь, — шепчу я нашей девочке, и она зарывается головой в мою грудь, прячась руками мне под рубашку, и плачет.

Я обнимаю Рокси, глажу по спине, целую в макушку, говорю ей, что мы здесь, что мы любим ее, что мне очень жаль. Ее слезы делают забавные вещи с моим сердцем, заставляя его болеть. Они влияют и на других. Гарретт бормочет о том, что собирается драться. Райдер выглядит беспомощным и с болью смотрит на меня. Дизель рычит и убегает, вероятно, чтобы убить кого-нибудь.

Но Рокси сейчас не это нужно, ей просто нужно чувствовать, поэтому я позволяю, и когда Рокси наконец поднимает голову, я смахиваю ее слезы и целую личико нашей девочки.

— Я люблю тебя, дорогая.

— Я тоже тебя люблю, — шепчет она, ее голос бархатный, прежде чем снова опустить голову.

Так Рокси и засыпает в моих объятиях, а я смотрю на Райдера, который наблюдает за ней с искаженным от боли лицом.

— Ты знал, что нужно делать, — бормочет он негромко, чтобы не разбудить Рокси.

Я киваю, и он вздыхает, вытирая лицо.

— Я не знал.

— Ты не обязан знать, как делать все, мы все ей нужны, — шепчу я, и Райдер кивает и поднимается на ноги.

— Я иду на работу. Я проверю, как там ее бар и все такое. Дай мне знать, если ей что-нибудь понадобится.

Он уходит, почти убегает.

Эти идиоты. Столкнувшись со слезами, они превращаются в маленьких испуганных мальчиков. Я не рассказываю Рокси о том, какие истории и сплетни распространяются о нас всех. Все хотят знать о женщине, которая приручила Гадюк. Фотография, на которой она изображена между нами на похоронах, распространяется повсюду. Райдер, конечно,

забылся о защите и держит ее личность в секрете, чтобы они не могли раскопать прошлое нашей девочки и навредить ей.

Но теперь все внимание приковано к нам. Все хотят быть ею.

Но мы хотим только ее.

Нашу Рокси.

~

— Кензо? — шепчет Рокси в полудреме.

Сдвинувшись, я притягиваю ее ближе.

— Привет, дорогая.

Она моргает, открывая глаза, и смотрит на меня.

— Прости, я не хотела плакать на тебе.

Она вздыхает.

— Плачь на мне в любое время, Рокс, — ухмыляюсь я. — Это повод держать тебя подле себя.

Она фыркает и переворачивается, я переворачиваюсь на бок и обнимаю Рокси, пока она рассеянно проводит пальцем по моей груди.

— Думаю, это вернуло все назад. Я продолжала видеть Рича...

Рокс икнула, и я крепче прижал ее к себе.

— Иногда легко не думать об этом, просто продолжать заниматься делами, чтобы не думать, но сегодня я не смогла...

— Все в порядке, дорогая, тебе позволено скучать по нему. Тебе позволено страдать, ты любила его, — успокаиваю я, а затем, решив, что сейчас самое время, достаю из кармана фотографию и протягиваю ее. — Я подумал, что это может быть важно, я сделал это в тот день, когда мы забрали тебя.

Она берет фотографию и смотрит на нее, слезы снова наполняют ее глаза, даже когда она улыбается.

— Он был чертовски жестким человеком, таким грубым и язвительным, но, боже, я скучаю по этому. Мне не хватает его «эй, девочка, тащи сюда свою задницу». Он делал вид, что ему все равно, но когда я нуждалась в нем, он был рядом. Никогда не осуждал, просто понимал.

— Он, наверное, был удивительным человеком. Жаль, мне не суждено узнать его лично.

Рокси кивает, проводя рукой по фотографии.

— Спасибо, что принесли ее.

— Всегда пожалуйста. Расскажешь мне больше о нем? — прошу я.

Она вздыхает и смотрит на меня.

— Он бы ненавидел вас, ребята, возможно, пытался бы вас убить. Я помню один раз, когда я привела парня...

Я слушаю историю за историей о первом мужчине, которого она когда-либо любила, и не могу не влюбиться в нее еще больше. Она любит так глубоко, заботится так сильно, и я обязан этому человеку всем. Без него я мог бы потерять Рокси еще до того, как узнал ее. За это он пользуется моим уважением и преданностью, и я сделаю все, чтобы он никогда не был забыт.

Ради нее.

— У меня есть идея, — говорю я Рокси позже, когда мы просто наблюдаем за закатом из окна. Я знаю, что она думала о создании фонда, названного в его честь, но может быть...

просто может быть... — Почему бы тебе не назвать свои новые бары в его честь?

Она прижимается ко мне, где мы сидим на балконе.

— Думаешь, Райдер позволит мне?

— Они твои, дорогая, не его, называй их как хочешь. Это была просто идея, — предлагаю я, крепче прижимая ее к себе.

— Это хорошая идея. Ему бы она понравилась, — шепчет Рокси, и я прижимаюсь лицом к ее макушке.

— Кензо? — бормочет Рокси.

— Да, дорогая?

— Я все еще ненавижу вас всех на хрен, и я хочу вернуть свою битку, — огрызается она.

Я не могу удержаться от смеха, Рокси присоединяется, и когда мы встаем, она толкает меня в бассейн, я поднимаюсь, брызгаясь, но улыбаясь. С ней все будет в порядке.

Роксана — боец, но ей больше никогда не придется бороться в одиночку.

ДИЗЕЛЬ

— Что думаешь? — интересуется Райдер, охватывая рукой пространство дома.

— Это так... по-домашнему.

Я никогда не представлял себя в таком доме, но теперь, когда мы создаем нашу семью, это имеет смысл.

— Массивная кровать в ее комнате — приятный штрих.

Я фыркаю, открываю зажигалку и прикуриваю.

Он ухмыляется.

— Подумал, что тебе это понравится, почти так же, как подвал.

Я вздрогнул от этого замечания.

— Подвал?

— Подвал, — кивает Райдер. — Чтобы превратить его в темницу для тебя и Рокси. Делайте там друг с другом все, что хотите, но работа остается в многоквартирном доме.

— Чертова сделка, — бормочу я, затягиваясь сигаретой. — Черт возьми, я не могу дождаться. Подумать только, какими игрушками я смогу его заполнить.

Сам дом — чертовски безопасное место. Он огромный, с барьерами, ограждениями и охранниками, готовыми к патрулированию. В нем есть оружейная комната, пуленепробиваемые окна и туннели для побега в случае необходимости. Это чертова крепость, как раз то, что нам нужно. А еще он в черных тонах.

Как наши гребаные души.

Весь черный, снаружи и даже почти весь внутри. Рокси понравится. Я даже не спрашиваю, когда у Райдера появилось время начать работу над этим проектом. Ясно, что он отремонтировал этот дом по своим требованиям, подлый ублюдок. Но он прав — наша квартира хорошая, но это не дом.

Вот дом.

С Маленькой Птичкой в нем.

Не могу дождаться, когда покажу ей его и поиграю в нашем новом подземелье, надо будет сделать ей подарок на новоселье... плетки ведь для этого подходят? Должно быть, я говорю это вслух, потому что Райдер смеется и хлопает меня по плечу.

— Хорошо, что она тебя любит, Ди, потому что ты просто сумасшедший ублюдок.

За это я пускаю дым ему в лицо.

— Да, но Маленькая Птичка не хотела бы, чтобы я был другим.

— Думаю, мы можем переехать уже в конце месяца. Мне понадобится помощь, но поскольку Рокси занята работой над своими барами, это будет достаточно легко сделать. Гарретт уже работает со специалистами по безопасности, чтобы обезопасить его, а я организовал домашний офис, так что смогу быть рядом чаще.

— А что насчет Кензо? — спрашиваю я, проводя рукой по черно-золотой мраморной кухонной стойке.

— Он в курсе. Я хотел, чтобы у Кензо был дом, о котором он всегда мечтал. Это было то место, о котором он мечтал, когда мы были детьми. Кензо счастлив работать дома, насколько это возможно, поэтому гараж такой большой — для его игрушек, — сообщает он мне.

— Дом. — Я вздыхаю и смотрю на Райдера. — Должен признаться, никогда не думал, что у меня будет еще один.

— Я тоже, — отвечает Райдер, оглядываясь по сторонам. — Но мне кажется, что это правильно.

Я киваю.

— Да, если только ты найдешь горничную или еще кого-нибудь. Кровь будет трудно убрать с этих полов.

— Они будут в порядке.

Он поджигает губы, глядя на плитку.

Я хватаю свой нож, режу руку, и кровь капает на пол.

— Приберись и посмотрим.

— Черт побери, Ди! — огрызается Райдер и оглядывается по сторонам в поисках чего-нибудь, чем можно отмыть кровь. Выпустив еще дым, я смотрю, как он срывает с себя куртку, бросает ее на кровь и начинает убирать, в то время как моя рука все больше и больше кровоточит на плитку.

— Долбаный онанист, продолжай в том же духе, и я испорчу тебе сюрприз от твоей Птички.

— Сюрприз? — спрашиваю я, замирая.

Он ухмыляется, затем встает, с отвратительной усмешкой отбрасывая от себя куртку.

— Да, сюрприз, засранец. Попробуй.

Я заворачиваю руку, гадая, что задумала Маленькая Птичка. Черт, надеюсь, это связано с болью и ее киской. Мне не хватало наших маленьких сессий, но я хотел дать ей время, чтобы вылечиться после того, что случилось.

~

РОКСИ

— Собираюсь немного вздремнуть, хотите присоединиться ко мне? — спрашиваю я у находящихся в комнате, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Вздремнуть? — Гарретт фыркает. — Сколько мне, восемьдесят? Не думай, что я не знаю, что Райдер заставляет тебя присматривать за нами.

Уперев руки в бедра, я смотрю на них обоих.

— Ладно, тогда давайте прекратим это дерьмо. Тащите свои прекрасные задницы вверх и отдыхайте. Вам нужно вылечиться, и чем больше времени это займет, тем дольше вам придется сидеть и строить из себя гребаных слабых сучек.

Его рот открывается, а я сладко ухмыляюсь.

— И тем дольше вам придется обходиться без секса.

Это заставляет их двигаться. Кензо подхватывает меня на руки, и они поднимаются по ступенькам, направляясь в его комнату. Он бросает меня на кровать, где я подпрыгиваю, пока они быстро раздеваются. У меня открывается рот от вида кожи и мышц, но они не дают мне времени попускать слюни, когда забираются в кровать, Кензо с одной стороны, а Гарретт с другой. Они оба пытаются притянуть меня к себе, и начинается перетягивание каната, в центре которого я.

— Я не гребаная игрушка, перестань дергать меня, как ты дергаешь свой член, — рычу я, проскальзывая под одеяло и прижимаясь к груди Гарретта. Я чувствую, как Кензо прижимается к моей спине, их ноги и руки обхватывают меня.

— Если твой член хотя бы прикоснется ко мне, я ухожу, — рычит Гарретт.

— Понял, никаких скрещиваний мечей, — дразнит Кензо, заставляя меня хихикать, когда я закрываю глаза.

— Спи, сейчас же, — требую я.

— Такая чертовски властная, дорогуша. Тебе не хватает только костюма, и тогда ты Райдер в юбке.

Я фыркаю на это замечание.

— Не, я умнее его... только не говорите ему об этом, а то Рай меня выпорет.

Гарретт ухмыляется и прижимается ближе.

— И тебе бы это понравилось, детка.

— Чертовски верно, а теперь спите, чтобы мне снились мокрые сны о тростях и членах.

Они оба стонут, но затихают, даже когда я чувствую, как твердый член Кензо прижимается к моей заднице. Я отклоняюсь назад и толкаюсь в него. Он стонет и щиплет меня за плечо.

— Веди себя хорошо.

Я хриплю.

— Да, это была ошибка.

— Ага, ты большая дразнилка.

Я бормочу что-то о том, что они оба — дочки, но в конце концов мне удается заснуть. Когда я просыпаюсь, мне жарко и беспокойно: два очень твердых члена прижаты ко мне, а блуждающие руки обхватили мои ноги и скользят туда-сюда.

— Ты обманываешь меня, — сонно бормочу я.

— Сон подействовал, я исцелился, — заявляет Гарретт, поглаживая выше и задирая рубашку на мне.

— Я тоже, все зажило, — соглашается Кензо, целуя меня в плечо. — Так охуенно зажило.

— Не-а, мы можем порвать твои швы, — протестую я, но не слишком решительно, потому что, блядь, я мокрая как черт и уже хочу их. Их грубые руки и дразнящие губы заводят меня. Я чуть не потеряла их обоих, и с тех пор мы не были вместе. Я жажду их тел как подтверждения того, что они действительно здесь, действительно живы и не собираются умирать из-за меня.

— Сестра, мне нужно, чтобы ты меня вылечила.

Кензо ухмыляется проводя губами по моей коже, пока Гарретт ласкает меня через трусики.

Черт.

— Я тоже, — бормочет Гарретт. — Слышал, что лучшая форма лечения — это оргазм.

Я хриплю и пытаюсь освободиться, но они сжимают свои ноги вокруг меня, чтобы не дать мне отодвинуться. Мое влагалище, как у шлюхи, тоже участвует в командном сексе, по сути, подавая им знаки «трахните меня».

— Исцеление, — пробурчала я. — Равно отдых.

Но Кензо и Гарретт игнорируют мои слова, эти тупые дрочеры и их тупые, соблазнительные пенисы. Пенисы? Какое множественное число у пениса? Да какая, блядь, разница.

— На хуй, — бормочу я, и Кензо выдыхает смешок.

— Спасибо, блядь.

Он переворачивает меня и хватает за голову, притягивая мои губы к своим, пока Гарретт целует мое плечо и скользит вниз по моим бедрам, чтобы раскрыть их, прежде чем перекинуть одно через ногу Кензо.

Я отстраняюсь и перекатываюсь на край кровати, поднимаюсь на колени, чтобы посмотреть на них. Они переворачиваются и ухмыляются мне. Рука Гарретта заведена за голову, мышцы его груди соблазнительно напряжены, я пробегаю взглядом по его торсу, а затем смотрю на Кензо, который голодно наблюдает за мной, его грудь тоже обнажена. Они похожи на двух греческих богов, с темными глазами и мускулами, и оба смотрят на меня, ожидая, когда я сделаю шаг.

Два хищника наблюдают и выжидают, но они должны знать, что я больше, и я держу их именно там, где хочу. Хотят меня, ждут, когда я сделаю шаг. Прелюдия гадюк, кто первый нанесет удар.

Я Роксана, блядь, Гадюка. Они не говорят, как и когда. А я говорю.

Схватившись за низ рубашки, я ухмыляюсь им.

— Вы хотите снять это?

Они оба кивают, и Гарретт издает грохочущий стон, когда его взгляд опускается на мои бедра и снова поднимается по моему телу, заставляя меня дрожать от желания. От одного его гребаного взгляда. Это несправедливо, власть, которую эти мужчины имеют надо мной, но опять же, я имею такую же власть над ними.

Они нацелены и готовы нанести удар, все мускулы и сила, но они смотрят и ждут, слушая меня. Склоняясь перед моей волей.

— Тогда вы будете делать то, что вам говорят.

Кензо усмехается, неторопливо откинувшись назад, его очаровательные губы кривятся в высокомерной ухмылке, глаза сверкают уважением и потребностью.

— Рассказывай, дорогая.

Я спорю о том, как это сработает. Гарретт пострадал больше всех, но он не сможет быть ниже меня. Я бросаю на него взгляд, и мы обмениваемся небольшой улыбкой, безмолвно спрашивая, сможет ли он справиться с этим. Я не хочу причинить ему еще большую боль, но его глаза темнеют и жадно опускаются по моему телу.

— Я хочу Гарретта в своей киске, — пробормотала я, мое сердцебиение участилось от возбуждения. — А тебя у себя во рту.

Я оглядываюсь на Кензо, когда подползаю ближе к нему на кровати, возвышаясь над его коленями.

Его рот слегка приоткрывается, глаза расширяются, и он, кажется, не знает, что сказать в этот раз, что заставляет меня ухмыляться, обдувая его воздухом.

— Это проблема, дорогой?

Гарретт застонал, его рука потянулась и ущипнула меня за бок.

— Будь милой.

— О, я такая. Если бы я была грубой, я бы сидела здесь и рассказывала тебе обо всем, что я хочу, чтобы ты сделал, например, чтобы Кензо наполнил мой рот своей спермой, пока у меня не останется выбора, кроме как глотать ее, пока ты трахаешь меня, жестко и быстро, твой толстый член заполняет мою киску, пока я не закричу. — Я оглядываюсь и подмигиваю.

— Видишь? Мило, милый.

Глаза Гарретта сужаются, когда он смотрит на меня и шлепает меня по боку.

— Тогда лучше займись этим, детка. Открой свой красивый ротик и будь очень милой с Кензо, — приказывает он, вставая на колени и двигаясь вокруг меня, пока я не перестану его видеть.

Я дрожу от предвкушения, но когда он не прикасается ко мне, я оглядываюсь на Кензо и стягиваю с него боксеры, его твердый член вырывается на свободу, и он смотрит на меня с голодом, отчаянно.

— Это то, чего ты хочешь? — мурлычу я. — Чтобы я была хорошей девочкой?

Он тяжело сглатывает, его адамово яблоко покачивается при этом движении, пока он смотрит на меня, как зачарованный. Схватив его руку, я тяну ее вверх и, пока он смотрит, засасываю его палец в рот, обхватывая его губами и лаская языком. Кензо стонет, и я подпрыгиваю, когда Гарретт шлепает меня по заднице, очень сильно. Это так удивляет меня, что я выпускаю палец Кензо изо рта и дергаюсь вперед. Внезапная боль почти заставляет меня вскрикнуть, пока его большая, грубая рука не начинает массировать саднящее место, заставляя меня стонать и отталкиваться.

— Детка, я сказал вести себя хорошо.

Кензо зарывается пальцами в мои волосы, длинные, худые пальцы пробираются сквозь путаницу, пока не упрутся в основание, обхватывая его кулаком и притягивая меня ближе.

— Ты слышала его, дорогая.

Кензо прижимает меня к себе, но позволяет мне выбирать, что я хочу делать, а это всегда он. Обхватив рукой основание его твердого члена, я закатываю глаза к нему, втягивая головку его члена в рот. Он стонет, его бедра приподнимаются и заставляют его член войти глубже. Рука Гарретта проводит по моему позвоночнику и возвращается вверх, где он прижимает мою голову вниз, пока моя задница не оказывается в воздухе.

Заглатывая Кензо полностью, я покачиваюсь вверх-вниз, но останавливаюсь, когда он начинает медленные, размеренные толчки в мой рот, пытаюсь растянуть этот процесс надолго. Пока что я позволяю ему. Просто смотрю в эти глаза, когда чувствую, что Гарретт стоит позади меня, его большие руки охватывают мои бедра, прежде чем скользнуть вниз и раздвинуть мои бедра.

— Она чертовски мокрая, брат, — рычит Гарретт, когда его рука опускается к моей киске и раздвигает губы, поглаживая меня с любовью. — Такая охуенно мокрая, но нам понадобится еще больше смазки, чтобы ты смогла принять мой большой толстый член, детка.

Черт, его грязные слова почти заставили мой рот оторваться от члена Кензо, но он хрипит и снова тянет меня вниз, используя мои волосы, чтобы двигать мной, как он хочет, пока я не теряю контроль.

Гарретт не обращает внимания на мои попытки и погружает в меня палец, затем добавляет еще один и растягивает меня. Он выгибает их и поглаживает вдоль моих стенок и нервов, что заставляет меня выгибаться. Удовольствие бьет через меня, и мое тело почти дрожит, когда он дразнит меня. Мой пульс бьется, я так возбуждена, представляя, как Гарретт стоит позади меня и смотрит, как я сосу член его брата, пока он гладит меня.

Блядь.

Я стону вокруг Кензо, и он ворчит, запустив руку в мои волосы, пока меня не пронзает боль, и я сжимаю пальцы Гарретта. Он усмехается, ублюдок, и освобождает их, поглаживая мой клитор, быстро и сильно. Я отталкиваюсь, моя киска захлебывается, отчаянно желая наполниться воздухом, но он этого не делает. Он игнорирует меня и просто продолжает тереть мой клитор, пока внезапно, из ниоткуда, меня не настигает разрядка.

Взорвавшись в моем теле, как одна из бомб Дизеля. Я хнычу вокруг члена Кензо, заставляя его стонать, его бедра на мгновение замирают, а затем ускоряются, толкаясь быстрее в мой рот, пока мне не приходится держаться, даже когда я содрогаюсь от судорог оргазма. Но у меня нет времени успокоиться, потому что член Гарретта уже там, его толстая головка прижимается к моему входу, а он любовно гладит меня по бокам.

— Так чертовски красиво, детка. Из всех боев, в которых я участвовал, я никогда не был так счастлив, как выиграть этот для тебя, — прохрипел он, от чего мое сердце заколотилось. Как он может говорить такие вещи, когда я не могу ответить? На самом деле, возможно, именно поэтому он и говорит это, ублюдок.

Он смеется, как будто чувствует, что я оскорбляю его, и, схватив меня за бедра, дергает назад, насаживая меня на несколько дюймов своего члена, а затем вытаскивает и снова вводит.

— Черт, она такая чертовски тугая, — рычит он сквозь стиснутые зубы, заставляя Кензо стонать подо мной, его член прыгает у меня во рту, когда он отчаянно крутит бедрами.

— Блядь, блядь, блядь, — пыхтит он. — Ее рот — это слишком охуенно, чувак, и эти глаза. — Он распахивает свои и фиксирует их на мне, громко стоная. — Я вижу в них твой голод, то, как тебе нравится сосать мой член, дорогая. Ты убиваешь меня, я беспомощен даже сейчас, когда я пытаюсь сделать так, чтобы это длилось, чтобы твой рот оставался на моей длине как можно дольше.

Оторвавшись от его члена, я провожу зубами по длине Кензо, а затем снова облизываю.

— Почему? — пробормотала я, голос хриплый. — Я уже сказала, что хочу, чтобы ты трахал мой рот и кончал мне в горло, — мурлычу я, облизывая головку, пробуя его сперму, от чего я только стону. Мои веки смыкаются, и я облизываю губы, открывая глаза, а затем снова фиксирую свой взгляд на нем, когда Гарретт вводит еще один дюйм, толкая меня вперед, и член Кензо ударяется о мои губы.

Он притягивает меня ближе за волосы, и его глаза становятся дикими, отчаянными. Я открываю рот, как хорошая девочка, и глотаю его, когда Гарретт, наконец, достигает нужной точки в моей киске и замирает. Его толстый член растягивает меня до боли, и все же он не двигается, но мне нужно, чтобы он это сделал. Он должен, потому что он просто заполняет меня вот так — блядь. Я отталкиваюсь, и он снова шлепает меня по заднице, не мягким любовным касанием, нет, он так сильно дубасит меня по заднице, что я вскрикиваю, обхватив Кензо.

— Веди себя хорошо, детка. Я знаю, что это трудно для тебя, но если ты не сделаешь этого, я трахну тебя и выплесну свою сперму в твою киску, не дав тебе кончить снова, —

рычит он.

— Ублюдок, — бормочу я вокруг члена Кензо, заставляя его застонать и сузить глаза.

— Не делай этого.

Он ворчит, его толчки прекращаются, когда он закрывает глаза другой рукой.

— Трахни ее, Гарретт, потому что я долго не протяну.

— Ты слышишь это, детка? Он уже близко? Его член заполнил твой маленький убогий ротик? — спрашивает Гарретт, вытаскивая и снова вставляя, заставляя меня принять член Кензо глубже, до самого горла, что заставляет Кензо кричать и дергаться.

Гарретт смеется, вытаскивает член и снова вводит его в меня, каждый толчок заставляет меня двигаться вперед и назад на члене Кензо, словно он управляет нами обоими. Мои глаза расширяются и слезятся, когда он снова и снова ударяется о заднюю стенку моего горла, но я не задыхаюсь. Я застряла между ними, моя вторая рука вцепилась в постельное белье и сжимает его в кулак, пока я беру то, что они дают мне. Плавные удары Гарретта медленно восстанавливают огонь внутри меня, разжигая его с каждым поворотом и движением его бедер.

Стены Кензо наполняют комнату, и он, наконец, прекращает попытки сдерживаться. Он двигает рукой, глаза горят и смотрят на меня, его рука больно дергает меня за волосы, но это чертовски хорошо. Кензо дико извивается подо мной, его бедра отчаянно поднимаются, трахая мой рот сильно и быстро. Слюна капает с моих губ, щеки болят, а моя рука сжимает основание его члена, пока он не хрипит. Его глаза закрываются, а рот широко открыт. Потрясающая грудь Кензо покрыта потом, а пресс сжимается, когда он пытается сдержаться.

Гарретт ворчит, его толчки ускоряются, пока он просто не трахает меня жестко и быстро, так, как может только мой боец. Никаких игр, только сырой трах. Ничего не сдерживает его. Он владеет моим телом, не задаваясь вопросом, получаю ли я удовольствие от этого, ведь он заставляет меня. Его толстый член заполняет меня и доводит до предела снова и снова. Я подаюсь назад, чтобы встретить его, задыхаясь вокруг члена Кензо.

— Дорогая, блядь, боже, я собираюсь...

Кензо предупреждает, его член набухает в моем рту. Я заглатываю его, смыкая губы вокруг его основания и гудя. Он кричит и дергается у меня во рту, выплескиваясь мне в горло, прежде чем рухнуть обратно на кровать, его мышцы дрожат, когда Кензо освобождает руку от моих волос и дрожащими пальцами проводит по моей щеке.

— Чтоб меня, я люблю тебя так сильно, что это нереально.

Да, я не отвечаю на это дерьмо. Немного неловко заниматься любовными утехами, когда член другого мужчины все еще бьется в твоей киске, не то чтобы его это волновало. Он улыбается с самодовольным удовлетворением и выскальзывает из моего рта.

Слотнув, я вытираю губы, задыхаясь от смеха, и в этот момент Гарретт решает показать мне, что он просто играл. Его рука обхватывает мое горло, и он тащит меня на колени, моя спина ударяется о его грудь. Кензо лениво протягивает руки и зажимает мне живот, пока я не оказываюсь беспомощной, но принимаю жесткие толчки, которые он в меня вбивает.

Снова и снова.

— Чертовски нравится быть внутри тебя, — рычит Гарретт мне в ухо. Грязные, гортанные слова заставляют меня вскрикнуть, когда я отталкиваюсь, насколько могу, чтобы принять его, новый ракурс ударяет в такую точку внутри меня, что мои глаза почти вылезают из орбит.

— Клянусь, ты достаточно хороша, чтобы заставить грешить чертова священника, детка.

Это горячее маленькое тело сводит меня с ума, и я думаю только о тебе. Блядь, мне даже снится твоя горячая маленькая пизда, как ты скачешь на моем члене, и я просыпаюсь жестким и нуждающимся в разрядке.

Его слова овладевают мной. Я сжимаю член Гарретта, когда мои глаза закрываются, это слишком. Слишком, блядь, много. Эта искра превратилась в инферно, она горит для него, для всех них. И каждый удар его толстого члена внутри меня подталкивает меня все выше и выше к этой грани. Мое удовольствие подвластно ему, и мой сломленный мучитель дает мне все, чего я всегда хотела.

Он.

— Блядь, детка, я чувствую, как твоя киска сжимает меня, как чертовы тиски. Тебе нравится, когда я говорю грязные вещи? Тебе нравится, когда я обращаюсь с тобой как с сукой, которой ты и являешься? Когда я вытрахиваю из себя всю эту ненависть?

Я хнычу в ответ, и его рука сжимает меня сильнее, его толчки покачивают мои груди, и Кензо стонет от этого зрелища, его язык пробегает по нижней губе.

— Я думаю, тебе это нравится, нравится, когда веду себя как мудак с тобой. Это делает тебя чертовски мокрой, тебе нравится борьба, игра, пока один из нас, наконец, не сдастся и не сломается. Скажи мне, детка, кто сломается первым? — бормочет он, его язык проводит по моему уху, когда он пытается замедлить свои толчки, но я подаюсь назад, принимая Гарретта глубже, и он стонет, его рука сгибается на моей шее. В нем столько чертовой силы. Это та самая рука, которая убивает мужчин одним щелчком, которая покрыта таким количеством крови, что он никогда не отмоеется.

— Ты, — выдавливаю я, заставляя его хрюкать, когда я намеренно сжимаюсь вокруг его члена.

С рычанием Гарретт отпускает мою шею и толкает меня лицом в кровать, его руки хватают мои бедра так сильно, что я знаю, на них появятся синяки, пока он вбивается в меня. Это на грани боли, и она смешивается с удовольствием, пока я не начинаю дрожать, просто держась, пока он доказывает, как сильно он меня ненавидит.

— Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя.

Я чувствую, как эти слова срываются с моих губ, когда я толкаюсь назад, принимая на себя его дикие толчки.

Он ворчит и шлепает меня по заднице снова и снова, пока при последнем толчке не шлепает рукой по моей киске, лоя мой клитор и посылая меня с криком за край. Я кончаю так сильно, что почти теряю сознание, мое зрение затуманивается, а когда я прихожу в себя, я дрожу и трясусь, с моей киски капает, и я громко задыхаюсь. Он снова притягивает меня к себе, с любовью гладит мою шею, целует горло.

Расслабившись, я позволяю Гарретту держать меня, пока я превращаюсь в довольную массу потеющей плоти. Он хихикает мне в ухо, что заставляет меня сжиматься вокруг него, и, в свою очередь, заставляет его стонать и затихать.

— Черт возьми, детка, ты меня уничтожаешь.

— Я чертовски тебя ненавижу, — бормочу я, закрыв глаза.

— Я тоже тебя ненавижу, детка. — Он шлепает меня по бедру, и я снова падаю вперед, когда Гарретт отпускает меня, его член выскользывает на свободу. Мы оба падаем на матрас рядом с Кензо, который поворачивается и притягивает меня к себе, его член снова твердый, но мы оба не обращаем на него внимания.

Мы все падаем в изнеможении, наши тела блестят от пота, и я замечаю, что из раны

Кензо сочится кровь, но он не обращает на это внимания и прижимается ближе. Я хочу проверить, как там Гарретт, но он стоит позади меня, и то, как крепко он меня держит, говорит о том, что он не намерен двигаться в ближайшее время.

Придурки.

Райдер убьет нас.

Но в свою защиту скажу... как я могу им сопротивляться? У них пресс, черт возьми. Эти маленькие вмятины счастья — моя слабость, и серьезно, разве какая-нибудь девушка откажется от оргазма от их мощных, татуированных, мускулистых... подождите, я потеряла ход мысли.

А, к черту.

— Я, блядь, обожаю дремать.

Гарретт надулся, заставив нас всех рассмеяться.

— Дремота — моя новая любимая вещь, — заявляет Кензо. — Думаю, мне нужно еще немного подлечиться.

Он играет бровями, заставляя меня чмокнуть его в грудь.

— Да, как и моей киске, так что закрой свой рот и давай спать, — приказываю я, и они оба хихикают.

— Так мило, когда она приказывает нам, — бормочет Гарретт, прижимаясь ближе к моей спине. — Детка, ты думаешь, что контролируешь нас?

— Я не думаю, я знаю, что контролирую, а теперь заткнись и дай мне поспать, — требую я, закрывая глаза, и, как я и думала, они замолкают.

Да, я контролирую этих ублюдков, просто они этого не понимают.

РОКСИ

После нашего небольшого сна я просыпаюсь раньше других и оставляю их восстанавливаться. Я пишу Райдеру сообщение, в котором упоминаю, что ему может понадобиться доктор, чтобы проверить их, а затем проваливаюсь в изнуряющую дрему в своей комнате. Должно быть, я проспала остаток дня и ночь, потому что, когда я проснулась, снова светило солнце, так что сейчас явно утро.

Наверное, последняя неделя дала о себе знать, но сегодня я чувствую себя полной сил, и когда я потягиваюсь и ударяюсь обо что-то твердое, я даже не кричу, я просто переворачиваюсь, хватаю нож из-под подушки и в мгновение ока приставляю его к его шее.

Дизель едва приоткрывает один глаз, но улыбка кривит его губы.

— И тебе доброе утро, Птичка, — бормочет он, прежде чем схватить меня и снова притянуть к своей груди.

— Ди! — восклицаю я, прижимаясь ближе. Я скучала по этому сумасшедшему ублюдку. Вчера его не было весь день, он был занят работой, как он сказал.

— Я же говорил тебе, что сегодня буду свободен. Ты была занята, — бормочет он, поглаживая меня по спине, даже когда я прижимаю лезвие к его горлу.

— Что я могу сказать, мне скучно, — дразню я, заставляя его смеяться, прежде чем он издает стон.

— Нам лучше встать, сейчас время завтрака, а я умираю с голоду. Если меня скоро никто не покормит, я могу съесть тебя, — мрачно предупреждает он, а потом хихикает.

— В любое время, детка, в любое, блядь, время.

Садясь, я соскальзываю с его груди с ножом в руке и голая иду в душ. Я слышу его стон позади себя.

— Нечестно, Птичка, — слышу голос Дизеля, когда смеюсь и закрываю дверь.

Приняв душ и переодевшись в рубашку, я выхожу, чтобы застать их всех за столом, как обычно. Честно говоря, я скучала по этим встречам за завтраком. Это единственное время, когда мы обычно все вместе, а с возвращением Райдера на работу, с отъездом Дизеля и его занятостью, все стало не так, как раньше. Я опускаюсь на свое место. Райдер наливает мне кофе, а Кензо наполняет мою тарелку, после чего его рука ложится на мое бедро под столом и небрежно поглаживает его, пока я поднимаю другую ногу и кладу ее на колени Райдера.

Его рука опускается на нее и массирует, при этом он продолжает попивать чай из

чашки. Вид того, как он это делает, почему-то до сих пор сводит меня с ума. Каждый день я смотрю, как он пьет из нее, как на чертов ритуал, как будто он меня приворожил.

Райдер ловит мой взгляд и подмигивает, а его глаза сегодня кажутся... теплее. Неужели он все больше и больше тает в нашем окружении, а я даже не замечаю? Черт, у него даже нет при себе телефона.

— Доброе утро, любимая, — бормочет он, наклоняется и целует меня так нежно, пробуя кофе на моих губах, прежде чем вернуться к потягиванию чая. — Хорошо, Ди, пора делиться информацией.

— Папаша Триады мертв, выкатился прямо в окно, упс, а вчера я убедился, что в городе не прячутся другие.

Дизель ухмыляется, открывая зажигалку и прикуривая сигарету, а затем защелкивает ей. Его ноги поднимаются и громоздятся на стол, он скрещивает ноги, продолжая курить.

— Гарретт, как ты себя чувствуешь?

Гарретт пожимает плечами и доедает свой завтрак, откинувшись назад.

— Нормально, доктор обработал раны.

Он подмигивает мне, заставляя меня хихикнуть.

— Кензо? — спрашивает Райдер.

Кензо наклоняется ко мне, продолжая поглаживать мое бедро.

— Заживает и все в порядке. Можешь благодарить Рокси за наш откат.

— Не-а.

Я качаю головой.

— Это все вы, ублюдки. Я была там, невинно дремала...

— С твоей задницей, прижимающейся к моему члену, — перебивает Кензо, но я игнорирую его.

— А вы решили устроить сосисочную вечеринку по-быстрому.

Я хватаю сосиску на своей тарелке и жестом сквозь пальцы объясняю, что заставило фыркнуть даже Райдера.

И тогда я понимаю, что это их вариант проверки — иногда по делу, иногда по семейным делам. Так они держатся вместе, потому что слушают. Это восхитительно, но я не говорю об этом вслух, потому что четверо мужчин будут охотиться на меня и докажут, что это не так уж и восхитительно.

Бросив сосиску, я смотрю на мужчину, о котором идет речь.

— Райдер?

— Да?

Его голос звучит растерянно.

— Нет, я имею в виду, как дела? — фыркаю я.

Он моргает, и тут я понимаю, что никто никогда не спрашивал его об этом раньше.

— Эм, хорошо, у меня сегодня день открытых дверей. — Он вытирает рот и ставит свою чашку. — Что еще раз напоминает мне, что нам нужно кое-что обсудить.

Мой желудок ухаёт вниз, и я оглядываюсь вокруг, чтобы увидеть, как все их лица стали серьезными.

— Собираетесь попытаться убить меня? — спрашиваю я непринужденно.

Честно говоря, я бы не прогнала их, если бы они решили, что им придется это сделать.

— Не сегодня, — отвечает Дизель, поджаривая меня своей сигаретой.

— Нам нужно поговорить, милая, — серьезно повторяет Райдер, заставляя меня затаить

дыхание. Что-то не так, это должно быть так... но как это связано со мной?

Я никого сегодня не избивала, так что дело явно не в этом.

~

РАЙДЕР

Усаживаю Роксану на диван и приседаю перед ней, держа ее руку в своей. Кензо и Дизель стоят по обе стороны от нее, а Гарретт стоит позади нее, защищая ее спину, как всегда.

— Любовь моя, мы тут подумали.

Я обмениваюсь взглядом с остальными, которые кивают в знак поддержки.

— Твой отец...

Она щурится от этого напоминания, и я грустно улыбаюсь и закрываю ее губы рукой, прежде чем она успевает начать кричать и снова говорить, что ненавидит нас.

— Твой отец, Рокси, должен заплатить за то, что он сделал с тобой, как в прошлом, так и недавно. Мы могли бы принять сделку, но теперь, когда мы... мы...

— Любим тебя, — уверенно вставил Кензо.

— Да, любим тебя, — киваю я. — Это значит, что мы не можем допустить такого оскорбления нашей девочки. Я знаю, что ты ненавидишь его, и он несет ответственность за отвратительные вещи в твоём прошлом — поверь мне, любимая, я понимаю это — вот почему я хочу знать, хочешь ли ты, чтобы мы разобрались с этим.

Я отпускаю ее губы, и она облизывает их, глядя между нами.

— Ты имеешь в виду убить его? Ты сделаешь это?

— Детка, когда же ты поймешь, что нет ничего, что мы не сделали бы для тебя? — фыркает Гарретт.

— Я не знаю, смогу ли я встретиться с ним лицом к лицу, прошли годы... — признается она, и Дизель прижимается ближе.

— Знаю, любимая, поэтому я и хочу, чтобы ты позволила нам сделать это для тебя, — успокаиваю я ее, но я знаю еще до того, как она решила, что никогда нам этого не позволит. Это ее монстр, которого она должна уничтожить, и как бы мне ни хотелось, чтобы мы могли сделать это для нее, она должна справиться с ним сама. Наша Роксана никогда не пойдет на компромисс со своими проблемами, нет, она слишком сильна для этого, и это только заставляет меня любить ее еще больше.

— Нет, нет, ты прав. Это было уже давно. Наверное, я просто... — Она покачала головой. — Честно говоря, я немного забыла о нем, но ты прав, он никогда не исчезнет из моей жизни, — грустно соглашается она и встречает мой взгляд. Ее глаза потемнели, но в них все та же сила, что и всегда.

— Да, я хочу быть там.

— Просто быть там? — спрашивает Дизель. — Потому что если ты не хочешь иметь с ним дело, ты знаешь, что это сделаю я, Птичка.

Она улыбается, но это злая улыбка, как та, которой она нас постоянно одаривала.

— Нет, он мой отец, моя ответственность. Я хочу, чтобы ты был там со мной, хотя, это было очень давно, и увидеть его снова...

— Это навевает воспоминания.

Я киваю, понимая это.

— Мы прикроем тебя, всегда, ведь ты теперь наша семья. Не его, ни разу не его. Он никогда больше не причинит тебе вреда.

Роксана кивает, протягивая руки Дизелю и Кензо. Гарретт кладет свою на ее плечо, а я обхватываю ее колени, когда Рокси делает вдох.

— Наверное, я всегда знала... знала, что он никогда не любил меня. Это должно произойти. Он всегда будет думать, что может контролировать меня, использовать меня, и теперь это распространяется и на вас. Я не могу позволить ему. Пришло время отцу заплатить за свои грехи.

Рокси поднимает глаза, и в них нет слабости. Только гребаная Гадюка мелькает в этих темных глубинах.

— Он умрет сегодня.

Да будет так.

РОКСИ

В машине тихо, поскольку мои парни дают мне возможность подготовиться к тому, что должно произойти. Они правы, отец представляет угрозу не только для меня, но и для них. Они — моя семья, а он никогда ею не был. Он может быть моей родной кровью, но это означает лишь то, что он был моим началом, а не серединой или концом.

Родная кровь не всегда означает быть семьей. Иногда вы находите свою семью в друзьях, в фигурах, похожих на отца и мать... или в любовниках. Я оглядываюсь вокруг и улыбаюсь, думая, что иногда находишь это, когда меньше всего ожидаешь. Наша семья может быть запутанной, ненавистной, влиятельной и богатой... но когда мы вместе, мы счастливы. Мы в безопасности, и это все, что имеет значение.

Теперь моя очередь оберегать свою семью, защищать мужчин, которые защитили бы меня от чего угодно, которые охотились бы за мной и всеми, кто причинил бы мне или нам боль, по всему миру и никогда не останавливались.

Мой отец — нет, я должна перестать называть его так — Роб — не более чем угроза, а для Гадюк с угрозой легко справиться. Мы убиваем их.

Возможно, его кровь и спасла его от моего возмездия однажды, когда я предпочла бежать, а не сражаться, но он подписал себе смертный приговор, когда решил, что не может оставить меня в покое. Теперь меня заполняет тьма, которую он создал, убийца, которого он сделал своими кулаками, своими жестокими словами и оскорблениями.

Боец.

Выживший.

Я пережила его однажды, но он не переживет меня больше никогда.

Я, блядь, Гадюка, а он — ничто. Просто ходячий мертвец.

Мы подъезжаем к дому. Светит солнце, и оно греет меня через тонированное стекло машины, пока я смотрю на ветхий дом, который когда-то казался мне тюрьмой. Как я жаждала любви Роба или даже просто его внимания, чтобы он шел дальше и не видел меня. Я ушла отсюда ребенком, а теперь возвращаюсь женщиной.

— Готова, любимая? — спрашивает Райдер, врываясь в мои мысли.

Я поворачиваю голову и вижу, что все они смотрят на меня, все предлагают мне свою силу. Я киваю и выскальзываю из машины, хлопая дверьми, звук громко раздается в заброшенном районе, и они следуют за мной.

Мы стоим на улице.

Райдер в костюме, Кензо тоже. Гарретт в кожаной куртке, а Дизель в джинсах и женской кофте, но все в их внешнем виде говорит о том, что они при деньгах, и, наверное, я тоже. Мои ноги обтянули рваные джинсы, я щеголяю дизайнерской рубашкой и модными ботинками.

Я пришла из ниоткуда, как и мои парни, а теперь я владею этим городом. Вместе с ними.

Идти по тропинке — все равно, что совершать путешествие по дорожке памяти, так как воспоминания о той ночи, когда я сбежала, переполняют мою память. Была ночь, они спали, а я так боялась быть пойманной, мои скудные пожитки были засунуты в пластиковый пакет для покупок. Я упала, ободрала колени и руки, и мне пришлось прикусить губу, чтобы не закричать, чтобы они не услышали. Я оглянулась на дом, на закрытые шторы и темные окна.

Прямо как сейчас.

Я подошла к двери и, затаив дыхание, подняла руку и постучала костяшками пальцев по пошарпанному дереву двери. Мы молча ждем, но никто не отвечает, поэтому я стучу громче и слышу шарканье внутри.

— Да, да, если это снова эти библейские пиздюки... — говорит Роб и распахивает дверь, замирая, когда его взгляд падает на парней, а затем на меня, и его губы кривит усмешка. Темные глаза Роба, такие же, как и мои, наполнены раздражением.

— Какого хрена тебе надо? Ты купил ее, я не хочу ее возвращать, — огрызается он и пытается закрыть дверь. Я торможу ее ботинком, а затем открываю, заставляя его попятиться назад, даже когда Роб начинает кричать.

— Какого хрена тебе надо? Я покрыл долг, и я не должен вам, ублюдки...

Райдер пихает его на стул.

— Сядь и заткнись хоть раз, — рычит он, затем отходит и прислоняется к стене, закатывая рукава.

Гарретт закрывает дверь и стоит перед ней, скрестив руки. Дизель бродит по комнате, хихикая и то и дело щелкая зажигалкой. Кензо остается рядом со мной на случай, если он мне понадобится. Я застываю на месте, оглядываясь по сторонам.

Он меньше, чем я помню, и пахнет сильнее. Наверное, боль искажает воспоминания. В моей голове это был ад, и когда мне снятся кошмары об этом месте, все здесь кажется намного... больше. Наверное, столкнувшись с этим сейчас, я поняла, что создавала это место в своей голове, и теперь, когда я стою здесь, я не боюсь.

Мой взгляд возвращается к человеку, который причинил мне столько страданий. Его рубашка грязная, испачканная, местами порванная. Его борода и волосы неухожены, глаза затуманены от того, что он пил или употреблял. Его тело почти иссохло; Роб долговязый и худой, меньше, чем я помню. Его лицо исхудало, глаза запали, а волосы поредели и засалились.

Не могу поверить, что когда-то я так боялась этого человека. Обойдя диван, я опускаюсь на край испачканной подушки и смотрю на него.

— Привет, папа, как поживаешь?

Он фыркает и поворачивает голову, чтобы сплюнуть на ковер, заставляя меня с отвращением поджать губы.

— Какого хрена тебе надо? Мы же договорились.

— О, да, я в обмен на твой долг. Неужели, Роб, ты все еще используешь меня как грушу

для битвы, потому что ты недостаточно взрослый, чтобы разобраться со своими собственными проблемами?

Я горько усмехаюсь.

Он бросает на меня взгляд, но смотрит на Райдера.

— Лучше контролируй свою пизду, пока я не напомнил ей, кто все еще мужчина в этом доме.

— Судя по всему, не ты, — огрызаюсь я, возвращая взгляд Роба к себе. — Они не помогут тебе, они здесь, чтобы помочь мне.

— О чем ты говоришь, девчонка? — усмехается Роб, наклоняясь вперед и тяжело сопя, вытирая испачканный рот.

— Я имею в виду, что я теперь одна из них, а они не очень хорошо относятся к тому, что что-то или кто-то может причинить нам боль. Как ты, Роб, ты просто продолжаешь возвращаться. Я могла бы уйти, если бы ты отпустил меня, когда я сбежала, но ты этого не сделал, ты продал меня. Ты снова влез в мою жизнь. Да, для меня это вывернулось хорошо, но я не могу допустить, чтобы это случилось снова. Достаточно, чтобы постучался не тот человек, и ты сломаешься, как дешевый гребаный офисный клерк и крыса, которой ты и являешься. Я не позволю тебе подвергать нас опасности, — огрызнулась я.

— Ладно, как скажешь, но что нужно сделать, чтобы ты снова ушла?

Роб вздыхает, не понимая. Я качаю головой и помахиваю пальцем.

— Ничего, что ты можешь себе позволить, — дразню я.

Роб только смеется и откидывается назад, его тело кажется неспособным удержать его. Тогда я смотрю на него, действительно смотрю, и понимаю, какой он сломленный человек. У Роба нет ничего и никого, кроме выпивки, которую он пьет в баре. Роб стареет и, вероятно, скоро умрет от всех тех издевательств, которым подвергал свое тело.

Я не могу этого сделать, я не могу убить его. Не потому, что я все еще боюсь его или люблю, а потому что он ничтожество. Он жалок, он призрак, и его убийство не вернет мою мать и не избавит меня от кошмаров. Это не изменит мое прошлое, да я и не хотела бы этого. Поэтому я встаю, готовая уйти. Я получила то, что мне было нужно — закрыла гештальт. Мое прошлое мертво и забыто, как этот дом, и я оставлю пепел там, где ему самое место.

Погребенным.

— У меня есть деньги! — кричит он, глядя на меня. — Возьми деньги, девочка, и мы снова сможем стать семьей!

Я содрогаюсь от этого слова, произнесенного им, и мои парни подходят ближе.

— Я не хочу быть частью твоей семьи, у меня есть моя собственная, — холодно отвечаю я.

— Делай, что тебе велят, и слушайся своего папочку, — лает он, надуваясь, как тогда, но сейчас он выглядит просто жалко.

— Не волнуйся, она слушается, и она будет называть меня папочкой чуть позже.

Дизель ухмыляется, несмотря на то, что я задыхаюсь от гнева и смотрю на него.

— Нет, блядь, не буду.

Мой отец горько смеется, и я оглядываюсь на него.

— Да, наконец-то ты стала хоть на что-то годна, да, девочка? Шлюха за деньги.

На мгновение мир замирает, затаив дыхание, прежде чем мои парни начинают действовать и бросаются на него. Я смотрю, как они хватают Роба, но холод проходит через меня, гнев... гнев от желания причинить боль человеку, который причинил боль мне.

— Остановитесь, — спокойно приказываю я, и они делают это, все оглядываются на меня. — Бросьте его.

Они делают это и отступают назад, мои Вайперы смотрят на меня, когда я останавливаюсь перед хрипящим отцом, его лицо краснеет, когда он падает на пол. Приседая, я наклоняю голову, наблюдая за ним. Раньше я так сильно боялась этого человека, он преследовал меня на каждом шагу, но теперь это делают мои Гадюки, придя ему на смену. Как я могу бояться этого сломленного человека, когда я видела зло, которое может предложить мир, и змей, которые наполняют мою постель?

Он слаб.

Он жалок.

Это место — всего лишь дом, а он — всего лишь человек.

А я? Я гребаная змея, детка.

— Раньше я так чертовски боялась тебя, — признаюсь я, эти призраки и фантомные страхи поднимаются во мне. — Раньше я боялась темноты, потому что именно тогда ты причинял мне боль, но потом я встретила лицом к лицу с этими демонами. Я посмотрела в темноту и приняла свой страх, потому что боль приходит и днем, и ночью. Монстры не ждут, пока зайдет солнце, это не чертова сказка. Это жизнь и монстры... монстры повсюду. Но они люди. Из плоти и крови, как я и ты. Я так долго ненавидела тебя, твой контроль надо мной даже после моего ухода. Но я наконец-то двигаюсь дальше, и чтобы сделать это, чтобы двигаться дальше от тебя, я должна простить тебя. Вырвать эти когти, отпустить боль и страх. Простить темноту и себя за то, что так долго ненавидела тебя и держалась за это чувство, пока оно не исказило меня.

Роб моргает в замешательстве.

— Я вижу это сейчас — насколько ты слаб. Твой собственный страх в твоих глазах, страх перед собой. Того, что ты есть... того, чем ты стал, но, папа? Ты должен больше бояться того, что ты создал.

— Какого хрена...

Я качаю головой и даю ему пощечину, заставляя его замолчать.

— Я говорю, и ты, блядь, будешь слушать! — кричу я. — Я была готова уйти, оставить тебя здесь гнить, но теперь? Теперь я этого не сделаю. Ты больше никогда не причинишь вреда моей семье или мне. Может быть, это сделает меня лучше, сильнее, если я уйду, но, блядь, мне плевать. Мне плевать, что я хочу убить тебя, и что это значит для меня и моей души, потому что эти люди? Они любят меня за это, и я устала бороться с собой. Я та, кто я есть. Рожденная из крови и боли, я — гребаная Гадюка.

— Ты — ничто, просто дешевая шляха, прокладывающая себе путь на вершину, а когда ты им больше не будешь нужна, они тебя выбросят, — хихикает Роб.

— Не-а, не выбросят.

Теперь настает моя очередь смеяться.

— Мы — семья, мы — то, чего теперь боятся люди в темноте. Все мы родились из потребности, от таких людей, как ты. Они уничтожили свое прошлое, и теперь пришло время мне сделать то же самое. Ну что, последние слова, отец?

— Пошла ты, — рычит он, бросаясь на меня.

Я двигаюсь, моя рука уже сжимает нож на бедре. Роб изумленно моргает, когда я смотрю на него с расстояния в несколько дюймов, мой нож вонзается ему в подбородок, пронзает его снизу и вонзается в рот, кровь пузырится на его губах. Его глаза в страхе

мечутся из стороны в сторону.

— Не очень изобретательные последние слова, но они подойдут, — бормочу я. —
Никогда не связывайся с Гадюками.

Я вытаскиваю лезвие и быстро перерезаю ему горло. Кровь брызжет на меня, когда
ярменная вена Роба перерезана, покрывая мое лицо и грудь, пока я не смахну капли с ресниц.
Я чувствую ее вкус на губах, но не двигаюсь, глядя ему в глаза.

Его руки поднимаются, чтобы прикрыть шею, но Дизель оказывается рядом и быстро
отбрасывает их, смеясь, пока мы все смотрим, как этот человек, мой отец, наконец,
встречает конец, которого он заслуживает.

Может быть, мне следовало уйти, быть хорошим человеком и оставить его в живых.

Но я никогда не утверждала, что я хороший, мать его, человек.

Проходит больше времени, чем я ожидала, и когда он наконец затихает, его грудь не
двигается, его глаза все еще открыты... но пусты. Как у меня. Потому что я ничего не
чувствую. Я думала, что буду, но не чувствую. Это была просто еще одна работа, которую
нужно было сделать, о которой нужно было позаботиться.

Дизель наклоняется ко мне, его рука проводит по моей щеке и остается в крови.

— Я люблю тебя, Птичка, все кончено.

Я киваю, и Ди наклоняется ко мне, не обращая внимания на кровь, и прижимается
губами к моим губам, пока я чувствую, как остальные придвигаются ближе, всегда рядом,
всегда защищая меня.

Иногда не нужно искать героя, достаточно найти того, кто будет стоять с тобой в
темноте и не бояться крови и смерти. Нет, иногда вам не нужен герой... вам нужен
преступник, злодей.

— Пойдем домой, любимая, — бормочет Райдер, когда его рука ложится мне на плечо и
сжимает его.

Да, домой.

С моими парнями, моей семьей.

Моими Гадюками.

ДИЗЕЛЬ

Прошло две недели с тех пор, как Рокси убила своего отца. Мы, конечно, справились с последствиями, вызвав службу очистки и наших полицейских приятелей, чтобы они никогда не узнали, что произошло на самом деле. Просто еще один наркоман, умирающий в трущобах. Вот как они это преподносят.

Он никогда больше не сможет причинить ей вред.

Если бы она не убила его, я бы убил за то, что он с ней сделал. Он заслуживал худшего, но это было ее правосудие, и Птичка сделала это прекрасно... Я чувствовал вкус его крови на ее губах, когда целовал Рокси. Я до сих пор слышу ее крики, когда мы с Райдером вымыли ее в душе и заполнили ту пустоту, которую мы видели в ее глазах, удовольствием.

Сегодня я почти не видел Маленькую Птичку, с самого завтрака, а сейчас уже почти середина ночи. Я был занят делами в доме, готовя нашу новую темницу, но мне начинает казаться, что она что-то подозревает, потому что весь день Рокси не отвечала на мои сообщения. Поэтому вместо того, чтобы растягивать время на ночь, чтобы закончить темницу, я отправляюсь домой, намереваясь найти ее после того, как Райдер напишет мне.

Но когда я добираюсь до пентхауса, дверь открыта, и везде темно. Сузив глаза, я бросаюсь внутрь, страх пронизывает меня насквозь.

— Маленькая Птичка? — кричу я. — Рокси!

Никто не отвечает. Схватив телефон, я набираю номер Райдера, бегая по комнате в поисках ответов, и останавливаюсь у записки на столе как раз в тот момент, когда Райдер отвечает.

Он усмехается.

— Развлекайся, Ди, постарайся не убить ее.

Он кладет трубку, пока я все еще смотрю на записку.

Хочешь поохотиться? Найди меня, если сможешь. Я твоя, если поймаешь.

Подписано рисунком маленькой птички.

Мой член мгновенно твердеет, когда я отбрасываю телефон и срываю с себя рубашку, оставаясь в одних джинсах и ботинках. Рокси хочет поиграть? Как раз, блядь, вовремя. Я найду ее, и, как она и сказала, она будет моей. Она будет кричать о большем, даже когда я буду резать ее кожу.

Моя любимая, блядь, игра — она.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, — зову я, наклоняя голову, чтобы прислушаться. — Хочешь поиграть?

Я рыщу по темной гостиной, ухмыляясь, когда проверяю каждое место, где можно спрятаться.

— Ты должна была так сказать, потому что я хочу поиграть с тобой.

Ее здесь явно нет, поэтому я направляюсь по коридору в ее комнату, не то чтобы она действительно там спала.

— Когда я найду тебя... — Я втягиваю воздух, стону от образов, заполнивших мою голову. — Я заставлю тебя пожалеть, что ты не попросила хорошенько.

Мой голос — единственный звук, когда я проскальзываю в ее комнату. Под одеялом есть выпуклость, и я сдергиваю его, смеясь, когда замечаю подушки в форме человека. Я проверяю ванную и гардеробную, но они все пусты, поэтому я возвращаюсь в коридор, проводя пальцем по стене.

— Птичка! — зову я. — Выходи, выходи, где бы ты ни была! Ты знаешь, что хочешь мой член... и руки... и боль.

Я слышу движение наверху, поэтому я бегу через гостиную и поднимаюсь по лестнице, промахивая по две ступеньки за раз, пока не оказываюсь на площадке, а потом оглядываюсь.

— Птичка, — воркую я, — не делай себе хуже. Чем больше времени это займет, тем больнее мне будет.

Я снова слышу шорохи, поэтому поворачиваюсь к комнате Райдера и быстро проверяю ее, прежде чем снова выйти в коридор.

— Ты организовала это только для меня, Птичка? — кричу я, направляясь исследовать свою комнату и другие. — Ты весь день мокнешь, ждешь меня, представляешь, что будет, когда я тебя найду? Что я и сделаю.

В комнатах пусто, и я раздражен, поэтому я бегу обратно по коридору, мой член дергается в штанах от предвкушения того, что я сделаю с ней, когда найду ее. Ее кожа так легко покрывается синяками, кровь Птички покрывает мои руки и член... черт.

Я так отвлекаюсь, что просто хожу взад-вперед, зову ее.

Я проскальзываю назад мимо оружейной, которую мы больше не запираем, когда дверь внезапно открывается, и что-то твердое и металлическое прижимается к моему подбородку, опрокидывая его вверх. В темноте я едва различаю ее, но вижу достаточно. Моя Маленькая Птичка держит битку прямо под моим подбородком, ухмыляясь мне, на ней нет ничего, только бархат ее кожи. Кожи, которую я жажду потрогать, попробовать на вкус и заставить истекать кровью.

— Думал, ты прячешься? — пробормотал я.

— Я устала прятаться, это не мой стиль. Я поняла, что лучше бы мне охотиться на тебя. Рокси ухмыляется.

Я удивляю ее, когда хватаю битку и рывком притягиваю Птичку к себе. Она задыхается и падает мне на грудь, когда я отбрасываю оружие, хватаю ее за шею и впечатываю в стену. Я прижимаюсь к ее спине, а мои руки блуждают по ее коже, сжимая пухлую попку Птички и покусывая ее бока, прежде чем я добираюсь до ее сосков. Она стонет, даже когда борется.

— Маленькая птичка, — бормочу я, покусывая ее ухо. — Заставила меня ждать того, что и так принадлежит мне, а у меня нет с собой игрушек.

Я хмыкаю.

— Думаю, мне придется импровизировать.

— Да? Я сказала, что сначала ты должен поймать меня.

Она смеется, а затем ее локоть возвращается назад, ударяя меня прямо в брюхо. Я отпускаю Рокси, хрипя, и она бьет меня коленом в лицо, прежде чем отлететь.

Смеясь, я выпрямляюсь и чувствую, как из носа течет кровь. О, началось, Птичка.

Я лечу за ней вниз по лестнице, ловлю ее за талию и бросаю в гостиную. Птичка со стоном ударяется о кофейный столик, но тут же вырывается и встает на ноги, продолжая ухмыляться мне.

— Это все, на что ты способен? Великий Дизель не может поймать даже свою собственную женщину? — насмехается она.

Она пытается прорваться мимо меня, но я наклоняюсь и перекидываю ее через плечо, не обращая внимания на борьбу, когда подхожу к столу и кладу ее на него.

— Оставайся здесь, — огрызаюсь я, отходя в сторону, и быстро бегу наверх за веревкой. Конечно, когда я возвращаюсь, она уже встала и стоит рядом со столом, глядя на меня, даже губы ее дрожат.

Пропустив веревку через руки, я облизываю губы, делая вид, что ухожу влево от стола, заставляя ее бежать вправо, что я тоже делаю, прежде чем снова схватить ее и бросить обратно на стол. Она брыкается и сопротивляется, но я связываю обе ноги, а затем каждую руку, прижимаю их к блестящей поверхности и обматываю веревку вокруг каждого угла, пока она не оказывается связанной.

Птичка смотрит на меня, пока я прохаживаюсь по столу, проводя рукой по ее телу и заставляя Птичку снова дрожать.

— А я думал, ты хочешь поиграть, — бормочу я.

— Да, но не хотела быть привязанной к гребаному обеденному столу, — рычит она.

Вскинув бровь, я провожу рукой по ее раздвинутым бедрам и по влажной киске. Я снова скольжу рукой по киске Птички, вызывая вздох, а затем ласкаю ее руку и живот, заставляя раздраженно хмыкнуть.

Убедившись, что веревки, привязанные к каждой ножке стола, затянуты, я щелкаю зажигалкой, наблюдая, как она смотрит, как вздымается ее грудь и ее кровь пачкает стол, что только заставляет меня напрягаться еще сильнее, а ее — еще больше. Я вижу, как ее киска истекает соками, вниз по бедрам и на стол внизу, пока она наблюдает за мной, натягивая веревки, пока я надрачиваю.

— Надо было быть хорошей Птичкой, я мог бы позволить тебе кончить прямо сейчас, если бы ты это сделала.

— Трахни меня, — требует она.

Смеясь, я беру две свечи и зажигаю их, а затем наклоняюсь близко к ее лицу.

— Когда я захочу, я обязательно сделаю это, но сейчас я хочу поиграть.

Держа свечи, я позволяю ей наблюдать, как плавится воск.

— Ты когда-нибудь чувствовала, как горячий воск капает на тебя, Птичка?

Ее глаза расширяются от понимания, а затем темнеют от голода.

— Да, чувствовала. Тебе это нравится? А как насчет всего тела?

Наклонив свечу, пламя мерцает, я держу ее над ее грудью, ухмыляясь ей. Воск медленно капает и попадает на ее ключицы, заставляя Птичку шипеть, прежде чем ее шипение переходит в стон.

— Так я и думал, Птичка, — воркую я, хватая вторую свечу и держа их обе, опрокидываю прямо ей на грудь. Пока они горят, я распыляю их между грудей и на живот,

воск капает на ее кожу, пока она хнычет и дергается на веревках.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, как красиво ты таешь для меня, — смеюсь я держа свечу над каждой грудью.

Рокси качает головой, но я все равно наклоняю свечу, и воск падает на ее обнаженную грудь. Она громко задыхается, когда я намеренно направляю часть свечи на ее сосок. Она вскрикивает, даже когда ее бедра приподнимаются. Дав воску остыть на ее коже, я провожу рукой вниз по ее телу и снова касаюсь ее мокрой киски.

— Я знал, что тебе это понравится, Птичка, и смотри.

Другой рукой я стряхиваю немного застывшего воска на розовую кожу под ней.

— Он так красиво тебя выделяет.

— Ты ублюдок, — выплевывает Рокси, даже толкается в мою руку, держащую ее киску в мертвой хватке.

— Птичка, следи за своим ртом, а то я его заполню, и это будет не мой член.

Птичка опускает голову обратно на стол, ее тело слегка дрожит, когда я провожу языком по ее животу и целую там драгоценный камушек пирсинга, прежде чем вытащить нож и показать ей. Она замирает, даже дрожа от желания, ее глаза широко раскрываются, губы приоткрываются в поисках воздуха. Я опускаю нож и использую острый край, чтобы стряхнуть застывший воск, медленно и методично, пока ее грудь и живот снова не становятся чистыми, за исключением оставленных розовых следов, которые заставляют меня потянуться к джинсам и сжать член.

— Будешь продолжать кормить меня обещаниями? — бросает она вызов, дразня меня, даже когда она лежит связанная и отдается всему, что я хочу с ней сделать.

— Птичка, ты знала, что я сделаю, когда поймаю тебя. Мучить тебя — мое любимое хобби. Ты сама этого хотела, так что будь хорошей девочкой и дай мне поиграть, — смеюсь я.

Она хрипит, но не протестует, пока я провожу ножом по ее горлу и останавливаюсь над сердцем.

— Ты бы сразилась со мной прямо сейчас? — спрашиваю я с любопытством, вгоняя острие так глубоко, чтобы прорвать кожу.

На месте соприкосновения моего лезвия с ее плотью появляется капля крови.

— Ты бы попыталась остановить меня?

— Нет, — мгновенно отвечает она, выгибаясь дугой и вдавливая лезвие глубже, издавая блаженный стон. — Я бы позволила тебе.

— Ты бы позволила, не так ли? — шепчу я, поднимая голову и прижимаясь лбом к ее лбу. — Ты позволила бы мне убить.

— Позволила бы. — Птичка кивает, облизывая мои губы. — Я бы умерла с улыбкой на лице.

Мои демоны теснятся ближе, обвиваясь вокруг меня в своем безумии, заставляя мою руку опускаться ниже и погружать лезвие глубже, пока Рокси не задыхается от боли. В глазах Птички появляются слезы, но она не сопротивляется. Нет, она возвращает меня с края пропасти.

— Но ты не хочешь убить меня, Ди, ты не хочешь моей смерти, это было бы слишком просто. Ты хочешь моей жизни, навсегда, чтобы мучить меня и играть со мной до конца наших дней. Покончить с этим сейчас было бы слишком быстро. Ты имеешь дело не только с болью, но и с удовольствием, а сейчас, детка, это просто боль, — признается она.

Я моргаю, смотрю на лезвие в шоке и отбрасываю его.

— Маленькая Птичка, Маленькая Птичка, всегда пытается меня спасти.

— Нет, не спасти тебя, а сжечь себя вместе с тобой, — бормочет она, прежде чем поднять голову и прижаться своими губами к моим, пока ее грудь кровоточит между нами. На губах Птички я чувствую отчаяние и голод... но также и ее любовь. Ко мне.

Ее поврежденной Гадюке, ее сумасшедшему ублюдку. Человеку, которого она снова и снова вытаскивает из пламени собственного разума, не задумываясь о том, как это обжигает ее. Я хочу показать ей, как много это значит. Всё началось как наша игра и превратилось в нечто реальное.

В жизнь и смерть, потому что я могу легко убить ее, не имея на то намерения, и она это знает. Но ей все равно, Рокси все равно хочет меня, стонет мне в рот и покусывает мои губы, пытаюсь подтолкнуть меня дальше.

— Ди, пожалуйста, — умоляет она, отдаваясь мне еще больше, не принимая, а просто прося.

Как я могу отказать в чем-то Птичке?

Я принадлежу ей с того самого первого дня, но она никогда не требует от меня, никогда не приказывает мне. Только просит, умоляет, просит. Облизывая ее губы, я провожу губами по подбородку Птички и шее к ране, обвожу вокруг крови, капающей прямо над сердцем, зная, что там наверняка останется шрам.

— Все, что ты попросишь, все, что угодно, Птичка, будет твоим. Этот мир твой, если ты захочешь, я заставлю их всех склониться у твоих ног, — бормочу я, опускаясь ниже и ползя по ее телу, пока не оказываюсь над киской Рокси. — Я заставлю их истекать кровью ради тебя, заставлю их кричать, заставлю их умереть ради тебя, — клянусь я, вылизывая ее киску, издавая стоны от сладкого вкуса моей девочки. Она — моя гребаная одержимость, моя слабость и моя сила в самом сладком чертовом пакете.

Птичка стонет, наклоня бедра так сильно, как только может, чтобы прижать свою влажную киску к моему лицу. Проводя пальцем по ее половым губкам, я раздвигаю их и погружаю в нее два пальца, наблюдая, как дырочка Рокси сжимается вокруг них, ее клитор напрягается и просит моих губ и зубов. Ее пирсинг блестит на свету, совпадая с пирсингом в моем члене.

Она вскрикивает, когда я выкручиваю пальцы, обхватываю губами ее клитор и посасываю, ее бедра подрагивают, когда она обхватывает мои пальцы. Впиваясь зубами в ее уязвимую плоть, я примешиваю боль к ее удовольствию, пока она не вскрикивает, кончая так быстро, что я почти кончаю сам.

Такая чертовски совершенная, вот что она такое.

Совершенство.

Слизывая ее соки, я вытаскиваю пальцы и очищаю их языком, не в силах насытиться ее сладостью. Это даже лучше, чем ее кровь. Я погружаю их обратно, чтобы получить еще, и она выкрикивает мое имя, извиваясь в своих путях.

— Дизель!

Не удержавшись, я наклоняюсь над ней и подцепляю веревку на одной из ее ног. Она быстро обхватывает меня за талию, пытаюсь притянуть к себе, пока я нависаю над ее телом, поддерживая себя ладонью рядом с ее головой. Ее спина выгибается, она трется своей кровью и сиськами о мою грудь, пока я не могу больше терпеть.

Схватив ее за бедра, я выпрямляюсь и врезаюсь в нее, заставляя ее снова кричать обо

мне. Ее руки извиваются в путах, сжимая их, пока я трахаю ее жестко и быстро. Нас ничего не сдерживает.

Есть только мы.

Это жизнь, даже если нас окружает смерть.

Голова Рокси откидывается назад, и я впиваюсь зубами в ее шею, с каждым толчком впиваясь все сильнее и быстрее, не в силах сдерживаться, когда дело касается моей Птички. Наслаждение пронзает меня, почти сгибая позвоночник от того, какая она чертовски тугая и влажная. Ощущение того, как Рокси обхватывает мой член, словно тиски. Ее мягкость прижимается к моей твердости. Ее кровь на мне.

Блядь.

Птичка подстегивает меня.

— Да, боже, да, детка, еще. Блядь, сделай больно! — кричит она, пока я наказываю ее своими толчками.

Потянувшись вниз, я прижимаю большой палец к ране, чтобы убедиться, что попал в ту точку внутри нее, которая заставила Птичку снова закричать в мгновение ока, обхватив мой член так красиво.

Ее глаза закрыты, лицо расслаблено от удовольствия, а рот в синяках и раздвинут, пока она дрожит и пытается дышать подо мной. Но я еще не закончил. Защелкнув крепления на другой лодыжке, я освобождаюсь от ее цепкой, пульсирующей киски и быстро переворачиваю Рокси, поднимая ее задницу в воздух.

Руки Птички вытянуты над головой, лицо повернуто и прижато к столу, когда она пытается дышать. Ее спина усеяна мелкими порезами и струйками сочащейся крови. Задница Рокси красная и чертовски красивая, и я собираюсь трахнуть ее.

Прижимая ее ноги ближе к телу, я смотрю, как Птичка с готовностью раздвигает их, когда я раздвигаю половинки ее задницы. Я наклоняюсь и провожу языком по ее дырочке, затем скольжу вниз к киске Птички и снова вверх. Она хнычет и отталкивается от моего языка.

— О, черт, это так чертовски неправильно, — смеется она. — Не останавливайся, блядь.

Я и не планирую останавливаться, так как я ласкаю языком ее задницу, пока она снова не начинает толкаться, мои пальцы впиваются в ее пухлые ягодицы. Я прижимаю Рокси к своему лицу, пока не могу больше терпеть. Стоя на коленях на столе позади нее, я провожу пальцем по ее щели к киске и просовываю свой член внутрь, поглаживая ее, прежде чем вытащить его и покрутить им вокруг другой дырочки. Мой член все еще капает из ее пизды, и я хватаю его, прижимая к ее заднице.

— Тебе понравился мой нож в твоей заднице, но мой член тебе понравится больше, Птичка, и я могу даже оставить тебя здесь связанной и истекающей кровью, с которой капает моя сперма, пока не вернутся остальные.

— Бля, бля, бля, — только и говорит она, отталкиваясь и заставляя меня смеяться.

Видя, как толстая головка моего члена прижимается к ее заднице, я почти кончаю, поэтому я не тороплюсь, проталкиваясь внутрь через кольцо мышц, пока Рокси расслабляется для меня.

— Хорошая девочка, — воркую я, поглаживая ее бока, когда прохожу мимо них и ввожу себя на дюйм, затем отступаю назад и снова ввожу, продвигаясь дальше с каждым толчком, пока, наконец, не оказываюсь глубоко в ее заднице.

Наклонившись над спиной Птички, я лижу ее позвоночник, кровь из ее порезов

заполняет мой рот, и я зацепился за кусочек стекла, все еще находящийся в коже Птички, и порезал язык. Застонав, я сильнее дергаю ее назад, насаживая на свой член, когда она вскрикивает. Кровь капает из моего рта на ее бледную кожу, и я провожу по ней вверх и вниз, оставляя кровавый след, пока боль от пореза заставляет меня дергаться в ее заднице.

Но Птичке надоело, что я не двигаюсь, она толкается в меня, заставляя меня войти глубже. Ворча, я откидываюсь назад, ее полные бедра заполняют мои руки, когда я вхожу в ее задницу, прежде чем выйти из нее. Теперь я не медлю. Нет, я трахаю ее, как грязную маленькую девочку, которой она и является.

Рокси чертовски тугая, такая чертовски тугая, что трахать ее почти невозможно, и она громко стонет, почти кричит.

— Нравится мой пирсинг в твоей попке, Птичка? — дразню я, мой собственный голос низкий и шершавый, пока я сдерживаю свое собственное освобождение, ограничивая его, что почти болезненно.

— Боже, я чувствую себя такой наполненной, — пробормотала она.

— В следующий раз я попрошу Кензо трахать твою киску одновременно, и тогда ты будешь очень полной, Птичка, — огрызаюсь я, заставляя Птичку вскрикнуть, наблюдая, как мой член входит и выходит из ее задницы, и это зрелище меня возбуждает.

— Так чертовски сексуально, — бормочу я.

Покальвание начинается у основания моего позвоночника и проходит через меня, тянет меня, требуя, чтобы я отпустил себя. Я не могу сдержать это. Это слишком сильно, ее кровь, киска и задница вытягивают это из меня.

— О, боже, Птичка, я так чертовски близок.

Издаю стон, не в силах отвести взгляд от своего члена, который входит и выходит из ее попки все быстрее и быстрее.

Она хнычет, ее киска снова пульсирует, и я знаю, что она близка. Наклонившись, я кусаю ее за задницу, больно впиваясь зубами, и она кричит о своем освобождении, задница Рокси сжимается на мне, пока я не могу больше вытащить член, и эти тиски заставляют меня взорваться.

Она, кажется, проходит через меня снова и снова, вытягивая из меня все, заставляя наполнять ее снова и снова, извергаясь в задницу, пока я окончательно не кончаю. Убрав зубы с ее аппетитной попки, я вижу кровоточащий след и ухмыляюсь. Я медленно сползаю с задницы Птички, шепча успокаивающие слова, опускаясь рядом с ней и пыхтя.

Я пытаюсь заново научиться дышать, пока мое сердце колотится в груди, так громко, что это все, что я могу услышать, мои ноги подкашиваются. Когда я чувствую, что могу стоять, я, спотыкаясь, встаю из-за стола и иду на кухню, очищая свой член, прежде чем взять несколько полотенец, вытереть Маленькую Птичку и выбросить их в мусорное ведро. Забравшись обратно на стол, я высвобождаю руки Птички и тащу ее в свои объятия. Кровь и сперма покрывают нас, но, черт возьми, я не могу больше двигаться, даже если бы захотел.

— Я люблю тебя, Птичка, — шепчу я ей в губы. — Я так рад, что ты ударила меня по лицу в тот день.

Она смеется.

— Я тоже. Я тоже тебя люблю, сумасшедший ублюдок.

Я нежно целую ее, но через мгновение отстраняюсь.

— Я не могу дождаться, чтобы продолжить охотиться на тебя всю оставшуюся жизнь.

Она смеется, и я присоединяюсь к ней, хотя я серьезен, но видеть ее лицо, ее губы в

синяках от моих поцелуев и тело, покрытое моими отметинами... я никогда не был так счастлив.

Для мальчика, потерявшего все из-за человека, который жил в огне и крови, Маленькая Птичка — это моя свобода. Мой второй шанс. Моя любовь.

ГАРРЕТТ

Возвышаясь над Рокси, пока она спит, я не могу перестать пялиться. Она слишком красива. Ее серебристые волосы разбросаны по подушке Кензо, одна его рука под ней, другая над ней, спина обнажена, где она, должно быть, сбила одеяло ночью. Я не могу удержаться и стаскиваю его еще ниже, пока не вижу ее персиковую попку и длинные, худые бедра, ухмыляясь заживающим следам зубов на ее заднице от Ди. Я чуть не надрал ему задницу, когда мы вернулись той ночью и увидели следы на Рокси, но она только рассмеялась. Рана на ее груди все еще заживает, и доктор считает, что на ней может остаться шрам, к большому удовольствию Ди.

Проводя рукой по ее боку и по заднице, я чуть не застонал. Как я мог подумать, что она похожа на эту пизду? Она чертовски удивительна, вся нежная кожа и татуировки, но в ней есть злая жилка, мой маленький боец, и когда я привожу ее в ярость... это потрясающе.

Доктор наконец-то разрешил мне вернуться к боям, но только на неполный день и при условии, что я буду заниматься только один раз в день. Больше я не буду гробить себя на ринге, не то чтобы мне это было нужно сейчас, когда Рокси здесь. Просто у меня больше нет желания. Я хочу драться, конечно, хочу, и причинять боль другим, это всегда будет со мной, но я не хочу умирать.

Вместо этого я хочу взять ее с собой, чтобы Рокси смотрела на меня. В прошлый раз, когда я победил, она смотрела на меня с таким вожделием, такими темными, голодными глазами, но я был слишком потерян в своем собственном гневе и ненависти к себе, чтобы действовать в соответствии с этим. Больше не буду. Я собираюсь пригласить ее на бой, и ей он понравится.

— Просто поглазеть? — спрашивает она, даже не открывая глаз.

Я ухмыляюсь, гадая, как долго она не спала, и зная, что я просто пялился на нее, как чудик, но ей все равно. Она переворачивается, волосы растрепаны, глаза моргают, лицо без грамма косметики. Солнце льется внутрь, слабый полуденный свет целует ее загорелую кожу и ложится на драгоценный камень в ее животе, нашу змею.

Рокси неторопливо потягивается, ее тело извивается и напрягается от движения, заставляя мой рот превратиться в Сахару, а член затвердеть, но у меня другие планы, кроме как нагнуть ее и трахнуть прямо сейчас.

— Дремлешь? — рычу я, скреживая руки на груди.

Она смотрит на меня, дразнящая улыбка кривит губы, которыми я одержим.

— С Кензо, он убедил меня.

Я фыркнул, еще бы. Мы не можем оторваться от нее. Даже во время собраний, Райдер только на этой неделе четыре раза выгонял всех, и в мгновение ока раздавались ее крики.

Шлепнув Рокси по бедру, я наклоняюсь и целую ее, радуясь, что теперь могу.

— Прими душ и оденься, а потом встретимся внизу.

Она дуется, когда я отстраняюсь.

— Куда мы идем?

— На улицу, — огрызаюсь я.

— Это свидание, не так ли?

Она смеется.

— Нет, блядь, не свидание, — рычу я, топая прочь, но улыбка кривит мои губы.

— Да! — громко зовет она. — Я знала, что нравлюсь тебе!

Я хихикаю и спускаюсь вниз, обнаружив Дизеля, лежащего на обеденном столе со странным, пустым, мечтательным выражением лица.

— Ди, ты в порядке?

Потом я замечаю, что его рука в штанах.

— Чувак, какого хрена? Мы же там едим!

Он моргает и продолжает дронить, встретившись со мной взглядом.

— Я вспоминаю ту ночь.

Он вздыхает.

— Это было так хорошо.

— Это так хуево. Не смотри мне в глаза, это так странно!

Я огрызаюсь на него, ухожу, качая головой и отправляя Райдеру смс с просьбой купить новый обеденный стол. Теперь я ни за что не смогу за этим есть. Я слышу его стон позади себя.

— Я уже закончил, на случай, если ты хочешь поговорить, чувак! — зовет он меня, смеясь.

Сумасшедший ублюдок.

Я жду на кухне, намеренно не глядя на него. Рокси спускается примерно через час, умытая и одетая. Мы все начали хранить некоторые из ее вещей в своих комнатах по этой самой причине... ну, Дизель на самом деле украл всю ее одежду и положил ее в свою комнату, так что нам пришлось сначала забрать ее обратно.

Рокс одета в крошечные черные рваные шорты, которые обтягивают ее персиковую попку, от вида которых у меня чуть слюнки не потекли, свободную рваную рубашку со змеей, притаившейся посередине, и сетчатые чулки, покрывающие ее длинные худые ноги и заканчивающиеся ее любимыми сапожками. Волосы убраны в беспорядочный пучок, из которого выбиваются серебристые пряди. Ее губы покрашены красным, а глаза подведены темным.

Рокси выглядит как гребаная богиня.

Я бросаюсь к ней раньше Дизеля и обхватываю ее рукой, направляя к двери, когда слышу, как он вскакивает из-за стола.

— Поиграй со мной, Птичка!

— Ты уже поиграл с собой! — кидаю я в ответ, а она хихикает и хватается свою кожаную куртку из шкафа на выходе.

Когда мы едем в лифте, я засовываю руку в задний карман, сжимаю ее попку, и она прижимается ко мне, зная, что теперь все в порядке, пока мы смотрим, как бегут цифры.

— Так куда мы направляемся на это свидание?

— Это не свидание, — ворчу я, и она смеется.

— Абсолютное свидание, но ладно, пусть это будет сюрпризом.

Она хмыкает, когда открывается дверь в гараж. Я веду ее к своему мотоциклу и протягиваю ей шлем. Рокси надевает его на голову, пока я качаюсь и похлопываю по сиденью позади себя. Она легко забирается на сиденье и крепко обхватывает руками низ моего живота, повернув голову, пока я завожу двигатель и выезжаю в город.

Ее руки пробираются все ниже и ниже, пока не прижимаются к моему твердому члену. Чертова дразнилка. Я ускоряюсь и быстрее прохожу повороты, когда солнце окончательно садится и ночь разливается по городу, выводя на улицу всех грешников и преступников.

Таких, как мы.

Я нахожу старый спортзал, в котором он находится сегодня, и паркуюсь сзади на случай, если нам нужно будет быстро уйти. Она отходит и ждет, пока я сделаю то же самое, и я складываю наши шлемы, прежде чем взять ее за руку и повести к металлической двери сзади. Я стучу в нее, и появляется Шиэн, ухмыляясь при виде меня.

— Я уж думал, ты умер или еще что, парень. Пойдем, у меня есть два человека...

— Один, ты получишь только один бой, так что выбирай противника с умом, возможно, это самый большой ублюдок здесь, — тянет Рокси, ухмыляясь Шиэну, который смеется и кивает.

— У меня как раз есть такой парень, — говорит он ей, исчезая в доме.

— Самый большой чувак? — фыркнул я.

Она смеется и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, моя рука все еще в ее и протянута между нами.

— Иначе не было бы честной борьбы, нужно дать им шанс.

Она подмигивает, пробегая глазами по мне.

— Ты все равно надерешь ему задницу, здоровяк, но так ты сможешь дольше выплескивать свою агрессию, а если его будет недостаточно? — Она наклоняется ближе. — Ты сможешь выпустить ее в меня.

Затем она смеется и поворачивается, идя в спортзал.

Ворча, я следую за Рокси. Толпа уже расступается перед ней, не только я, они все знают, кто она теперь. Гадюка. Они одновременно боятся и уважают ее. Слухи легко распространяются о кровожадной женщине, которую мы любим, и я замечаю, что не одно бледное лицо смотрит на нее.

Я ухмыляюсь. Похоже, она теперь так же знаменита, как и мы. Я веду ее к креслам в углу, где сидят два богатых придурка.

— Подвиньтесь, — рычу я.

Они поворачиваются, чтобы возразить, но, увидев нас, вскакивают на ноги и убегают. Она бросается в одно из кресел, ноги ее вытянуты на другом, а я снимаю рубашку и передаю ей свою, пистолет и ножи, которые она держит на коленях, ее глаза голодно бегают по моей груди. Когда-то это разозлило бы меня, но теперь это делает меня горячим и твердым, что не очень хорошо, когда дело идет к драке.

Наклонившись, я целую ее на глазах у всех, заявляя свои права.

— Будь умницей, детка, стреляй первой, а уж потом задавай вопросы.

Она смеется и отталкивает меня, ухмыляясь. Я поворачиваюсь к рингу, который сегодня действительно представляет собой кольцо ринга. Все следы веселья и желания покидают меня с каждым шагом, и когда я ныряю под канаты и ступаю на мягкие маты, я готов. Злость и ненависть переполняют меня, кулаки сжимаются по бокам. Хрустя шейными позвонками, я прошаживаюсь по своему углу, ожидая начала боя.

Объявляют другого парня, но я даже не смотрю на него, пока не слышу гонг. Как всегда, толпа и все вокруг затихают, когда я поворачиваюсь и вижу, что ко мне приближается большой ублюдок. Он злобно выглядит, явно русский и привык драться.

Но это ему не поможет.

Я слышу, как моя девочка болеет за меня, и теряюсь в драке, в ударах кулаками, в уклонениях, в боли и крови. Когда меня оттаскивают, я все еще борюсь, и они не могут меня остановить, темнота застилает мне зрение, но тут передо мной появляется она.

Рука Рокси лежит на моей вздымающейся, вспотевшей груди, замораживая меня. Я моргаю и смотрю на нее, не обращая внимания на четырех парней, пытающихся меня контролировать, но эта женщина останавливает меня без усилий. Она ухмыляется, ее глаза темные, голодные и впечатленные.

— Это было круто, здоровяк, но он в отключке, хочешь драться? Сразись со мной, — мурлычет она.

Я игнорирую скандирующую толпу и перекидываю Рокс через плечо, прежде чем прыгнуть с ринга. Я хватаю свои вещи и пробираюсь сквозь толпу, пока не нахожу дверь с надписью «раздевалки». Открываю ее, пинком закрываю и запираю за нами. Здесь тускло, только один свет мерцает, но он все еще работает.

Шкафчики покрыты граффити, некоторые сломаны, деревянные скамейки повреждены. Душевые в задней части грязные. Я нахожу ближайшую голую стену и прижимаю ее к ней, а пистолет и ножи кладу у наших ног в свободном доступе на случай, если кто-то станет тупить.

Рокс ухмыляется, извиваясь.

— Это было «вау», здоровяк!

Я тяну руки Рокси вверх и держу запястья в своих ладонях над ее головой, пока тянусь между нами, расстегиваю ее шорты и стягиваю их вниз. Она выходит из них, и я обхватываю Рокси ногами за талию, разрывая дыру в рыболовных сетях над ее киской, покрытой стрингами, и отодвигая их в сторону, затем я вхожу в нее. Мы оба слишком возбуждены после драки, и это быстрый, грязный трах.

Она кричит, ее киска сжимается вокруг меня, мокрая словно адово пекло, как я и знал.

— Грязная гребаная девчонка, ты вся мокрая, когда смотришь на меня?

Рокси стонет, ее глаза расфокусированы, волосы спутались от моих рук, помада размазалась по моим губам, она, без сомнения, на моих губах и подбородке тоже. Хорошо. Это выглядит как кровь, размазанная по ней, заставляя меня хрюкнуть. Рокси вся чистая и ухоженная, а я — потный, истекающий кровью. Мои костяшки пальцев разбиты и в синяках от драки, но это только заставляет ее хотеть меня еще больше.

— Да, черт возьми, ты как машина... вся эта мощь, черт, я все время представляла, как она направлена на меня, как ты трахаешь меня вот так, — кричит она, сжимая мой член так сильно, что я стону.

Ее ноги плотнее обхватывают мою талию, пока между нами не остается пространства, ее дыхание становится учащенным, убыстряется, пока я вхожу в нее, с каждым движением

впечатывая ее спиной в стену.

— Черт, Гарретт, да. Боже, да! — кричит Рокси, ее глаза закрываются, когда она наклоняет бедра навстречу моим толчкам. Я уже так близко, весь на взводе от драки и от нее, и она тоже. Я чувствую, как Рокси сжимается вокруг меня, как приближается разрядка, пока вдруг она не вскрикивает.

Ее ногти впиваются в мои руки, и она сжимает мой член. Я издаю стон, борясь с ее напряженными мышцами, но всего через два толчка я следую за ней, изливаясь. Глаза моей девочки распахиваются и встречаются с моими, и мы просто смотрим друг на друга в грязной раздевалке.

Она неожиданно улыбается, а затем начинает смеяться, и я присоединяюсь к ней, прижимаясь потным лбом к ее груди, вдыхая воздух.

— Ну, это было отличное свидание.

— Не свидание, — рычу я, даже когда улыбаюсь.

— Конечно, здоровяк, там были развлечения и все закончилось сексом — это было свидание.

Рокси смеется, заставляя меня стонать, когда сжимает мой размякший член. Выскользнув, я снова запихиваю себя в джинсы и помогаю ей влезть в шорты, пока кто-то не вошел и не застал нас.

— Просто не хватало хавчика.

— Тебе нужна еда?

Я фыркнул.

— Да, черт возьми, гамбургеры. От секса я всегда голодная.

Рокси усмехается, беря меня за руку после того, как я снова надел рубашку и оружие.

— Готово. Давай-ка, малышка, покормим тебя, пока ты не разозлилась и не пристрелила кого-нибудь.

РОКСИ

— Дорогуша?

Я оживляюсь и отрываюсь от контрактов и заявлений на работу в новых барах, за которые я отвечаю, чтобы увидеть в дверях Кензо. На нем пурпурная шелковая рубашка, волосы зачесаны назад, черный пиджак расстегнут, а кости перекатываются по костяшкам пальцев. Его губы изгибаются в усмешке, когда он наклоняется ближе.

— Хочешь прокатиться?

— Всегда.

Я улыбаюсь, перепрыгиваю через диван и впечатываю поцелуй в его губы.

— Позволь мне взять туфли, есть какой-нибудь дресс-код?

Я смотрю вниз на свободную рубашку, в которой я валяюсь.

— Одно из этих чертовски сексуальных платьев.

Он ухмыляется.

— Да? Идем в какое-нибудь хорошее место?

Я смеюсь.

— Нет, просто мне нравятся эти платья и легкий доступ к ним.

Кензо подмигивает, а я показываю ему знак V двумя пальцами, направляясь по коридору в свою комнату.

Я быстро переодеваюсь в темно-фиолетовое атласное платье на бретельках и туфли на каблуках, затем крашу губы и распускаю волосы. Когда я закончила, он ждал в гостиной, разговаривая по телефону, но, увидев меня, отложил его и присвистнул.

— На самом деле, давай не пойдем никуда. — Он начинает приближаться ко мне с голодным выражением лица, заставляя меня рассмеяться и оттолкнуть его.

— Позже, — обещаю я.

Он оказывается позади меня, целует мою шею.

— Позже ты обхватишь меня ногами и будешь кричать мое имя, — клянется он, прежде чем взять меня за руку и, игнорируя мой придыхательный стон, повести меня вниз в лифте. Когда мы приехали в гараж, я решила, что он за рулем, и направилась к его машине, но он вместо этого потянул меня к моей тачке.

— Ты поведешь, дорогая.

Он ухмыляется и бросает мне ключи.

Я пискнула и проскользнула внутрь. У меня было не так много времени, чтобы поездить на машине, которую они мне купили, и, признаться, мне хотелось прокатиться на ней и посмотреть, как быстро она может ехать. Я завожу двигатель, когда он садится, и он смеется.

— Едем в Чайнатаун.

Я киваю и выезжаю из гаража, вдавливая педаль, чтобы ехать как можно быстрее, смеясь, когда машина урчит и набирает скорость.

— Святое гребаное дерьмо, мне это нравится.

Когда я оглядываюсь, то замечаю, что Кензо наблюдает за мной с любящей улыбкой, поэтому я подмигиваю, беру его ладонь и кладу ее себе на бедро, когда переключаю передачу. Он хихикает и гладит мою голую кожу, пока я лавирую в пробках.

Обычно я беспокоилась бы о штрафе за превышение скорости, но, честно говоря, парни никогда его не получают. Я не спрашиваю как, но догадываюсь, что теперь это распространяется и на меня. Кензо указывает короткие пути и направления, когда мне это нужно, пока мы не останавливаемся за баром. Выскользнув из машины, я встречаю его у входа, где он берет меня за руку и ведет к черному ходу.

Кензо открывает ее без стука и ведет меня вниз по ступенькам к другой металлической двери. На этот раз ему приходится постучать, и раздвижная щель открывается, и глаз выглядывает наружу. Когда тот, что за дверью, видит нас, дверь быстро захлопывается и распахивается, открывая взору высокую, худую, красивую китаянку. Она кланяется Кензо и отступает назад, пропуская нас.

В комнате накурено и темно, кругом слабое освещение, что придает некий уют. Это одна большая комната, и выглядит она так, как я представляла себе казино... только с выходом через черный ход. Вокруг всех столов и у бара сидят мужчины в костюмах. Женщины здесь тоже есть, и я даже заметила одну в костюме, что заставило меня усмехнуться. Официанты проходят через толпу с подносами и разносят напитки.

Музыка и смех наполняют комнату, и это заставляет меня расслабить плечи. Мне здесь больше нравится, чем в доме богатого ублюдка, куда мы однажды наведывались. Здесь кажется, что мы можем быть кем угодно. На нас бросают несколько взглядов, но все выглядят уважительно и фактически оставляют нас наедине.

Кензо скользит рукой по моей спине к заднице и ведет меня через столы к кабинке в задней части, которая оцеплена золотой веревкой. Здесь темнее, и после того, как мы проскользываем внутрь, мгновенно приносят напитки. Он кивает, осматривая толпу, берет стакан и делает глоток, пока я прислоняюсь к его боку.

— Это один из ваших? — наконец спрашиваю я, и Кензо поворачивается ко мне, его рука обхватывает мои плечи, а ноги скрещиваются, когда он смотрит на меня сверху вниз, где я лежу рядом с ним.

— Да, один из самых первых. Я приходил сюда играть в азартные игры, когда мы только начинали скупать город. Я удваивал наши деньги каждую ночь, и в конце концов заработал так много, что у владельца возникли подозрения, и он отвел меня в сторону. Он научил меня всему, что знал, как только понял, кто я такой. Думаю, он всегда знал, кем мы станем, и хотел уйти на пенсию. Он подарил мне это место.

Кензо пробегает глазами по нему.

— Это мое любимое, самое первое место, где я открыл свой талант.

— Азартные игры, — поддразниваю я.

— Стратегия, — пробормотал он, оглядываясь на меня. — Все дело в стратегии и

умении читать людей, дорогая, так же, как я прочитал тебя в тот первый день и каждый день с тех пор.

Смеясь, я делаю глоток своего напитка и снова оглядываюсь вокруг. Я понимаю, это как бар «У Рокси». Это место, где ему комфортно и хорошо, где он нашел свое будущее. Но когда я оглядываюсь на Кензо, он смотрит на меня.

— Ты — лучшая ставка, которую я когда-либо выигрывал, дорогая, — бормочет он, его пальцы касаются моего плеча. — И теперь это и твоя империя тоже.

— Да?

Я ухмыляюсь, наклоняясь.

— А если я решу, что мне не нравится, как на меня смотрят некоторые из твоих клиентов... смогу ли я их убить?

Кензо фыркнул.

— Дорогая, в этом городе ты можешь делать все, что захочешь, и тебе все сойдет с рук. Теперь все знают, кто ты, и никто, никто, блядь, ни копы, ни судьи, ни гангстеры, ни преступники, не посмеют тебя допрашивать. Ты наша девочка, это дает тебе определенные привилегии.

— Какого рода? — спрашиваю я, проводя рукой по его груди, чтобы накрыть член Кензо и сжать, пока он не застонал.

Его глаза опасно вспыхивают.

— Что, если бы я задрала платье и решила оседлать тебя прямо здесь и сейчас?

Кензо облизывает губы, его темные глаза голодно обводят мои собственные губы, наблюдая за мной, как будто я единственная в комнате.

— Тогда я бы сказал, чего ты ждешь? Этот город твой, и я тоже.

Я чувствую, что кто-то приблизился к столу, но я не поворачиваю голову, и Кензо тоже. Нет, мы заставляем их ждать. Я начинаю понимать, что дает мне эта сила. Если им нужно наше внимание, они будут молча ждать часами, не смея нас потревожить, пока мы не будем готовы с ними заговорить. Власть пьянит, мы чертовски неприкасаемы.

Наклонившись, я облизываю губы Кензо.

— Почему бы тебе не доказать мне это? Ты говоришь, что ты мой... но это делает меня твоей, дорогой.

Я целую его крепко и быстро, прежде чем отстраниться и посмотреть на ожидающего мужчину, его глаза опустились на пол в знак уважения.

— Что? — огрызаюсь я.

Он тяжело сглатывает и отодвигается, но все еще не поднимает глаз.

— Извините за беспокойство, сэр и мадам. У нас возникла проблема, и раз уж вы здесь, я подумал, что вы захотите с ней разобраться.

— Какого рода? — спросила я, откинувшись назад.

— Кто-то жульничал всю ночь, — быстро отвечает он, заставляя Кензо фыркнуть.

— Идиот.

Он смеется.

— Ага.

Я ухмыляюсь и, наблюдая за парнем, поворачиваюсь к Кензо.

— Мы не можем этого допустить, не так ли? — мурлычу я.

— Зови ребят, давайте повеселимся, — приказывает Кензо, пригубив свой напиток. — Свяжи его на кухне и заставь ждать, — инструктирует он мужчину, который кивает и спешит

сделать именно то, что ему велели.

Смеясь, я отправляю групповое сообщение, и мы ждем, оба дразним друг друга, наблюдая за залом. Мужчина возвращается, чтобы охранять нашу кабинку и ждать дальнейших указаний, пока мы флиртуем.

Вайперы никогда не успокоятся, это их мир, и сейчас я полностью в нем. Он прав, это будет весело. Я снова увижу своих парней в действии, а мы все знаем, как это меня возбуждает.

Не прошло и двадцати минут, как они вошли в клуб, и все взгляды обратились к ним, включая мой. Сила, которой они обладают, она исходит от них, она вызывает привыкание. Даже если бы я видела их впервые, я бы увидела эту власть, окружающую их, в том, как они держат головы, как их взгляды сканируют комнату и игнорируют все, что видят, пока не останавливаются на мне — все три пары голодных глаз.

Все три — мои.

Я счастливая сука.

Райдер в костюме и выглядит безупречно, как всегда — холодные глаза, слишком идеальное лицо и тело, неприкасаемый. Кроме меня, я могу трогать его сколько захочу. Звучит грязно... но, наверное, это правда. Его губы кривятся в знакомой высокомерной ухмылке, он движется сквозь толпу, как змея, весь гладкий, свернутый напряжением и сильный. Я вижу проблеск пистолета у его бедра, и это заставляет меня облизнуть губы, когда мои глаза уже сканируют Дизеля рядом с ним.

На нем кожаная куртка и ничего под ней, демонстрирующая его крепкую грудь и прекрасно обрамляющая птицу и змею над сердцем. Из его черных джинсов с прорезами спереди торчит нож. Он держит сигарету между губами, его голубые глаза усмеваются, наблюдая за мной. Светлые волосы зачесаны назад, что подчеркивает острые углы его красивого лица. Я не могу не подмигнуть, глядя на Гарретта. Боже, когда я впервые увидела этого человека... я подумала, что он чертов титан.

Я права. Он огромный. Возвышается над всеми присутствующими. Его тело кричит об опасности, убийстве. Татуировки, покрывающие каждый дюйм его кожи, похожи на замысловатые произведения искусства, а когда на нем все черное и оружие, он выглядит как чертов убийца. Его волосы убраны назад, пирсинг блестит, а суровый взгляд сканирует толпу на предмет угрозы, пока не упирается в меня. Он улыбается, заставляя остальную часть комнаты исчезнуть.

Да, мне повезло, сука. Все трое — боги, неприкасаемые Гадюки, и все они мои.

Кензо облизывает мое ухо.

— Готова, дорогая?

Время поиграть.

Выскальзываю из кабинки, пока остальные добираются до меня, и позволяю им пробежаться глазами по платью. Дизель опускается на колени и резко целует мою руку.

— Черт возьми, Птичка, пожалуйста, скажи, что ты позвонила, чтобы мы могли потрахаться.

Смеясь, я наклоняюсь и целую его.

— Позже, детка.

Райдер нежно целует меня, прежде чем кивнуть Кензо. Гарретт кивает, но колеблется, поэтому я проскальзываю мимо Дизеля и прижимаюсь к его груди, позволяя ему принять решение. Он медленно опускает голову, и я нежно целую его.

— Привет, малыш, — бормочет он.

— Привет, здоровяк, — шепчу я, нехотя отстраняясь. Я хватаю свой напиток и бросаю стакан обратно.

— Кто-то крадет у нас. Он связан в подсобке. Я подумала, что мы могли бы с ним немного поразвлечься, — предлагаю я, а затем поворачиваюсь к человеку, который связал его и сейчас терпеливо ждет. — Веди.

Он кивает и спешит прочь, проверяя, следуем ли мы за ним через каждые несколько шагов. Все взгляды устремлены на нас, все напуганы, но пока они в безопасности. Я держу голову высоко поднятой, идя позади мужчины. Рука Райдера ложится мне на спину, и он наклоняется ко мне.

— Как настоящая королева Гадюк, — бормочет он, заставляя меня усмехнуться, когда мужчина открывает дверь и ведет нас по коридору к распашным дверям.

Он проталкивается через них и придерживает для меня, мои каблуки стучат, когда пол становится кафельным. Я вхожу и оглядываюсь по сторонам. Это похоже на обветшалую кухню, где большинство приборов вынесены за пределы столов, а в центре под раскачивающейся старой лампой сидит человек, привязанный к металлическому стулу. Он борется с путами, когда мы входим, а двое мужчин в черном наблюдают за ним у каждой из стен. Увидев нас, они выпрямляются. Глаза мужчины расширяются, когда мы заполняем своим присутствием все пространство, и он пытается говорить, но его рот заклеен скотчем.

— Уходите, — требую я, и охранники быстро и тихо делают это, оставляя только нас, Гадюк.

Подойдя ближе, я провожу пальцами по его связанной руке и по плечу, пока не оказываюсь позади него, затем наклоняюсь и громко шепчу:

— Ты действительно думал, что сможешь украсть у нас?

Парни смотрят на меня, их глаза жесткие и злые, у всех, кроме Дизеля, который выглядит так, будто не может решить, трахнуть меня или убить этого парня. Возможно, и то, и другое, если бы он захотел. Вместо этого он запрыгивает на стойку и качает ногами, закуривая и наблюдая за мной.

— Ты думал, что сможешь обмануть змей? — шепчу я и облизываю его ухо, не сводя глаз с моих парней. Я чувствую, как мужчина дрожит, но это от страха, а не от похоти. — Никто не возьмет то, что принадлежит нам. Ты пожалеешь, что не умер, прежде чем мы закончим с тобой.

Я выпрямляюсь и провожу рукой по его другому плечу, обводя его, пока он борется; приглушенный голос доносится из-за пленки. Опустившись к нему на колени, я прижимаю палец к его губам поверх пленки.

— Тише, я не говорила, что ты можешь разговаривать, — огрызаюсь я и наклоняюсь, балансируя на его коленях, но тут рука в моих волосах дергает мою голову назад, и я ухмыляюсь. Мужчина перестает бороться, замирает, его лицо бледнеет, а глаза становятся широкими и испуганными.

— Не прикасайся к нему, дорогая, — раздается низкий, смертоносный голос рядом с моей головой, когда губы встречаются с моей щекой. — Или мне придется убить его, прежде чем мы получим удовольствие.

Ухмыляясь, я подмигиваю парню.

— Одержимый.

Он сглатывает, и я быстро хватаю клейкую ленту и срываю ее. Когда он закричал, я

ударил его, отбросив его голову в сторону.

— Я сказала не разговаривать, — рычу я, прежде чем встать и повернуться к Кензо. Я опускаю руку к его члену и обхватываю его, чувствуя, как он твердый и тяжелый упирается в мою ладонь.

— Тогда мне придется просто руководить, направлять со стороны, Гадюка.

Его глаза темнеют, а затем он хватается за мою руку в жесткий захват и сжимает, заставляя меня задыхаться, когда его губы изгибаются. Он внезапно хватается за бедра и, удерживая меня, без усилий опускает на стойку рядом с Дизелем, прокладывая себе путь между моих бедер.

— Скажи нам, что ты хочешь, чтобы мы сделали с ним, дорогая, и мы сделаем, давай не будем пачкать твоё красивое платье.

Он целует меня и отступает назад, когда я чувствую, как меня берут за руку, и когда я поворачиваю голову, Дизель слизывает кровь на моих костяшках, заставляя меня смеяться. Он подмигивает и направляет мою руку к своему твердому члену, наклоняясь ко мне.

— Наблюдать за тобой в действии, чертовски возбуждает, Маленькая Птичка. Нам придется делать это чаще.

— Это свидание, — обещаю я, оборачиваясь, чтобы увидеть, как Гарретт снимает с себя рубашку и разбивает костяшки пальцев. Райдер подходит и наклоняется рядом со мной, поправляя запонки на своем костюме, наблюдая за мужчиной. Кензо стоит рядом с ним, его тело вибрирует от гнева. Дизель целует меня в щеку и спрыгивает вниз, снимая с себя кожаную куртку и кладя ее мне на колени, а затем, передернув плечами, начинает пробираться к мужчине.

— Итак, любимая, что ты хочешь, чтобы мы с ним сделали? — Райдер смотрит на меня, передавая мне свой контроль.

Чертова девчонка Гадюк.

КЕНЗО

Он посмел тронуть мою девочку. Неважно, что она это начала, он умрет здесь. Но сначала заплатит за то, что украл у меня, у нас. Прямо в моем гребаном доме. Мужик дрожит от страха, наблюдая за всеми нами троими, но мы не трогаем его, ожидая, пока Райдер или Рокси отдадут приказ.

— Мальчики, — зовет она, ее хриплый, бархатистый голос направляется прямиком к моему уже твердому члену. Видя, как Рокси так командует... видя, насколько глубоко она в нашей семье, наша гребаная Королева, я хочу разорвать это платье, как она дразнила, и погрузиться в ее трепещущую влажную киску. Но это пока подождет, сначала дело.

Мы все поворачиваемся к Рокси, и мужчина в кресле тоже смотрит мимо нас на нее, зная, что она вершит его судьбу.

— Повеселитесь немного, не так ли?

Она ухмыляется, прислоняясь к Райдеру и упираясь подбородком в его плечо, как будто он ее опора, а не самый страшный человек в городе.

— Я хочу, чтобы он истекал кровью.

Дизель целует ее.

— Это мы можем устроить, Птичка.

Я подмигиваю и отворачиваюсь, когда Гарретт подходит и бьет кулаком по его лицу снова и снова, пока у парня не закрывается глаз, не ломается нос и не идет кровь по губам, тогда он отходит и дает Дизелю попробовать. Все мы пытаемся произвести впечатление на Рокси.

Когда я оглядываюсь через плечо, она смотрит на нас голодными глазами. Райдер все еще поддерживает ее, положив руку ей на бедро, поглаживая круговыми движениями, пока она раздвигает ноги, заставляя меня стонать и отворачиваться.

Я знал, что парни были заняты сегодня вечером. Райдер встречался с охраной нового дома, Дизель достраивал подвал, а Гарретт разбирался с новыми тренажерными залами, которые он покупает, но как только она позвонила, они прибежали. Мне почти смешно смотреть, как он плачет.

— Пожалуйста, пожалуйста, — бормочет вор, оглядываясь на Рокси. — Я отдам все, все деньги!

— Это правда? — спрашивает она и вскакивает на ноги, подходит и прижимается

спиной к Дизелю, который начинает целовать ее шею и плечо, пока она говорит.

— Но Маленькая Птичка сказала мне, что ты уже потратил их... это правда?

Он сглатывает и что-то бормочет, и я бью его кулаком в лицо.

— Когда он спрашивает, ты отвечаешь.

Мужик вскрикивает, но кивает.

— Мне пришлось расплатиться с некоторыми людьми, но если ты дашь мне время, я могу...

Она фыркает и отмахивается от него.

— Бла-бла, ты взял наши деньги, думаю, вместо этого мы возьмем натурой — твой плотью.

Она смотрит на меня.

— Кензо, а что ты думаешь?

Я улыбаюсь и киваю.

— Кажется, это равнозначный обмен. Скажи мне, сколько ты снова украл? — спрашиваю я его, и он с трудом, но отвечает.

— Сорок тысяч, — шепчет он.

— Кажется, справедливо. Если ты сможешь пережить сорок минут пыток, ты сможешь выйти на свободу.

Я киваю, а она смеется.

— Поехали, — мурлычет Рокси и отступает назад. Райдер обхватывает ее руками и притягивает к своей груди, а мы кружим вокруг него, как стервятники.

— Удачки.

Гарретт начинает первым. Мы держим его на грани бессознательного состояния, не давая отключиться, и когда Гарретт отходит, наступает моя очередь. Перекатывая кости в пальцах, я наблюдаю за ним.

— Выбери цифру.

Он качает головой, все еще плача, и я повторяю.

— Назови номер. Если он правильный, ты получишь свободу.

— А если неправильный? — хнычет он, заставляя меня широко ухмыляться.

— Ну, тогда мне, конечно, придется забрать свой выигрыш, — мило замечаю я, и он плачет еще громче, пока Гарретт не шлепает его по затылку.

— Угадай.

Мужик выкрикивает цифры, пока я подбрасываю кости в воздух и ловлю их в закрытую ладонь. Смотря на него, я раскрываю ладонь, чтобы показать две игральные кости.

— Упс, ошибся, — объявляю я, заставляя его снова ерзать на стуле. Я быстро вбиваю кулак в его живот. То, что я не всегда дерусь, не значит, что я не умею, в конце концов.

Он задыхается, когда я отступаю назад, голова падает вперед, когда он пытается свернуться калачиком.

— Еще раз, — требую я.

— Четырнадцать, — хрипит он.

Я бросаю кости и снова смеюсь.

— Не-а, ошибся, а я думал, ты разбираешься в ставках.

Я хватаю его за пальцы на левой руке и быстро ломаю три.

— Еще раз.

— Пожалуйста, пожалуйста, Боже, нет, пожалуйста, — всхлипывает он.

— Еще раз! — реву я, бросая кости.

— Девять, — шепчет он.

— Неправильно. — Я ухмыляюсь, хватаю свой нож с лодыжки и вонзаю его в оба колена, затем вытаскиваю нож, вытираю о рубашку и засовываю обратно в кобуру.

— Моя очередь, — бормочет Дизель, и я ухмыляюсь, зная, что он терпеливо ждал, но теперь ему надоело ждать. Я убираю кости в карман и наклоняюсь к лицу мужчины.

— Надо было угадать правильно. Ди заставит тебя пожалеть, что ты не умер, — обещаю я, отступая назад, а он истекает кровью и плачет.

Я слышу Рокси, прежде чем она прижимается к моей спине, пока мы наблюдаем за работой Дизеля.

— У Райдера есть это... хочешь прокатиться? — мурлычет она, и когда я поворачиваюсь, Рокси ухмыляется и отступает еще дальше, ее глаза следят за моим телом. — Я даже могу позволить тебе забрать свой выигрыш, дорогой.

Она поворачивается и, махнув рукой остальным, исчезает за распашными дверями.

Райдер хлопает меня по плечу, а я просто смотрю ей вслед.

— Лучше догони ее раньше меня, брат, — поддразнивает он, подменяя ее.

Я киваю и спешу за Рокси, преследуя ее по всему клубу. Она ждет меня у двери, и я хватаю ее за руку и вытаскиваю на улицу, пока она смеется. Рокси размахивает ключами в другой руке и собирается открыть дверь, но я захопываю ее и крепко целую.

Рокси стонет мне в рот, ее нога прижимается к моей, когда наши языки переплетаются. Задышавшись, я отстраняюсь.

— Лучше ездить быстро, дорогая, или я могу просто трахнуть тебя в твоей машине.

Она стонет от этого, ее глаза расширяются от потребности, а я хихикаю. Оттащив Рокси от двери, я открываю ее для нее, и она проскальзывает внутрь, когда я аккуратно закрываю дверь, прежде чем поспешить сесть в машину, когда она заводит двигатель. Послушавшись моего совета, Рокси мчится прочь из клуба. Мы оба чувствуем это, потребность постоянно разгорается между нами.

Возможно, я был первым, у кого была Рокси, но я никогда не буду последним. Я смирился с этим, пока она продолжает смотреть на меня так, как сейчас. Ее глаза смотрят на меня, полные вожеления и потребности, ее тело слегка дрожит от того, что, как она знает, должно произойти.

— Быстрее, — требую я, протягивая руку, проводя ладонью по ее бедру и задирая платье. Она стонет и дергает руль в сторону. Я едва успеваю выглянуть наружу, как мы внезапно останавливаемся, понимая, что находимся на какой-то парковке. Она отъезжает назад под деревья, где нет освещения. Там пусто и тихо, в стороне от дороги. Она явно не может ждать.

Рокси поворачивает голову, и как только наши глаза встречаются, потребность прорывается наружу. Я протягиваю руку, сжимаю ее затылок и притягиваю к себе. Наши губы сталкиваются в шквале зубов и языков. Она проводит рукой по моей груди, пытаюсь разорвать рубашку, я задышаюсь и отстраняюсь, но в машине мало места, и она стонет от разочарования.

Я выхожу и обхожу машину, открывая ее дверь, когда она в замешательстве поворачивает ко мне голову.

— Выходи, дорогая.

Рокси выскальзывает, и я прижимаю ее к борту машины, задирая руку вверх по ее

платью и нащупывая ее киску через ткань, и снова целую ее. Она стонет мне в рот, толкается в мою руку, когда я проскальзываю мимо ее стрингов и глажу ее киску. Она мокрая словно гиена огненная, несомненно, от того, что наблюдала, как мы работаем, наша грязная маленькая девочка. Она прикусывает губу в наказание, заставляя меня смеяться, когда я просовываю в нее два пальца, но она не хочет моих пальцев.

— Член, сейчас же, — требует Рокси, и я освобождаю пальцы и провожу ими по ее губам, прежде чем слизать влагу.

— Ты больше не командуешь, дорогая. Посади свою прекрасную задницу на капот и раздвинь ноги, — приказываю я, отстраняясь и расстегивая ремень, а затем расстёгиваю молнию, пока она смотрит на меня, ее губы раздвинуты, а тело слегка дрожит.

— Сейчас же, — приказываю я.

Рокси хрипит, но отталкивается от машины к капоту, пытаюсь сползти на него, но она маленькая и скользкая, поэтому я хватаю ее за бедра и помогаю подняться, прижимая руку к груди и подталкивая ее к спине. Серебристые волосы Рокси рассыпаются по матовой поверхности, ее груди почти вываливаются из платья, когда она вздымает грудь. Поддерживая ее одной рукой, я стаскиваю с нее стринги и засовываю их в карман, снова поглаживая ее киску.

— Я представлял, как трахаю тебя на капоте твоей тачки с тех пор, как купил ее для тебя, — признаюсь я.

— Ну, мы бы не хотели, чтобы эти фантазии пропали даром, не так ли? — пробормотала Рокси, выгибаясь дугой, проводя рукой по своей груди, нащупывая груди через платье и снова толкаясь своей киской в мою руку. — Чего ты ждешь, гребаное пари? Вот одно, заставь меня кричать так, чтобы все слышали, и я буду сосать твой член каждый день на этой неделе. Если ты не сделаешь этого, тебе придется вытатуировать мое имя на своей заднице.

Ворча, я наклоняюсь и целую ее.

— Договорились, дорогуша.

Она откидывает голову назад, глаза Рокси устремлены на меня, когда она задыхается. Я провожу пальцем по ее киске и обвожу клитор, а затем щелкаю по нему, пока она смотрит на меня. Она стонет, ее глаза закрываются, а ее бедра наклоняются, подаваясь навстречу моим прикосновениям. Я продолжаю непрекращающиеся прикосновения, пока Рокси почти не кончает, и тогда я отстраняюсь, заставляя ее зарычать.

— Думал, ты хочешь мой член внутри себя, дорогая?

Я дразнюсь, обхватывая себя руками и прижимаясь к ее киске, двигаясь взад и вперед по ее влажному теплу, пока она снова не вскрикивает, становясь податливой в моих руках.

— О, ради всего святого, Кензо, если ты не...

Я врезаюсь в нее, и угроза обрывается низким стоном, когда она извивается в моих руках, ее тугая киска сжимается вокруг меня, а луна светит на нас.

Быстро и сильно надавливая на ее клитор, я выхожу и снова вхожу в нее, толкая ее от ударов. Руки Рокси тянутся по обе стороны машины, она приподнимает бедра навстречу моим толчкам. Это чертовски быстро, быстрый трах, зная, что нас могут застукать в любой момент, что делает его еще более сексуальным.

Мое сердце стучит в груди, когда я изгибаюсь над Рокси и крепко сжимаю ее шею, трахая. Она принимает все это как хорошая девочка, ее бедра поднимаются и обхватывают мою талию, чтобы прижать меня к себе, а ее тугая киска сжимается вокруг меня. Рокси уже

так близко.

— Черт возьми, Рокси, как ты можешь быть такой охуенно совершенной? Даже когда ты борешься со мной, с тобой так легко любить тебя, хотеть тебя, — бормочу я, облизывая ее подбородок и грудь, целуя ее в области сердца. — Нуждаться в тебе. Я чувствую себя живым только тогда, когда я внутри тебя.

Рокси вскрикивает, ее грудь выгибается дугой, когда она сжимается вокруг меня, заставляя меня стонать. Я сдерживаю свою разрядку, борясь с ее киской, проникая в нее. Наше пыхтение и шлепки наших тел громко звучат в тишине ночи.

— Кензо! — кричит Рокси, ее глаза открываются и встречаются с моими, когда я просовываю руку между нашими телами и шелкаю ее клитор, желая увидеть, как она кончает. Рокси громко кричит, ее руки впиваются в мои плечи, и она прижимается ко мне, наваливаясь на меня и скрежеща, пока я не могу больше сдерживаться.

Освобождение прорывается сквозь меня, вырываясь из каждой клеточки ее тугой маленькой киски с криками. Оно вырывается из меня, разливаясь внутри нее, когда я погружаюсь в Рокси до упора, заставляя ее чувствовать каждый гребаный дюйм.

Когда все кончено, я опускаю голову, ее ноги дрожат вокруг моей талии, но я остаюсь на месте. Мы просто держим друг друга, понимая, что должны двигаться, но не желая отстраняться. Рокси была дана нам не для того, чтобы сделать нас лучше — нет, она была дана нам для того, чтобы мы боролись сильнее, чтобы нам было что любить и к чему возвращаться домой. Чтобы убивать. Чтобы умирать.

Она снова дала нам цель.

Семью.

И однажды мы можем пожениться и завести детей, а может, блядь, и нет. Я ревнивый ублюдок, и делить ее внимание с детьми... да, Дизель, наверное, тоже бы взбесился. В любом случае мы теперь вместе навсегда. Ничто и никто никогда не сможет встать между нами.

— Я люблю тебя, дорогая.

Я ищу ее глаза, звезды сияют над нами, но ни одна не сравнится с той, что в моих объятиях.

— Так сильно.

— Я тоже тебя люблю, но твой член я люблю больше, — смеется она.

РАЙДЕР

— Итак, открытие через месяц. Мы назначим дату позже. Я уже обратилась к местным журналам, пишу о еде и вине, а также к нескольким крупным авторитетным блогерам в Интернете, чтобы они раскрутили это место. Маркетинг в социальных сетях, и у меня уже есть менеджер. Здание готово, и сейчас идет отделка, пока персонал осваивается. Я постаралась сделать бар как можно более аутентичным, но с высокосексуальными элементами и потрясающей едой, все в стиле барной кухни, гамбургеров и крылышек....

Рокси прерывает словесный поток, пока я просматриваю записи. Она чертовски нервничает. Я слышу это в ее голосе. Возможно, это ее деньги, но она уже говорила, что не питает иллюзий по поводу того, что мы не дали ей эту возможность стать больше, чем она когда-либо думала, что может быть, развить свой бизнес и отдать долг этому городу... и человеку, который спас ее — Ричу. Это подходящее имя, и я заказал его фотографию, чтобы ее увеличили и повесили над барной стойкой.

Сюрприз для нее, когда откроется бар.

Откинувшись в кресле, я сжимаю пальцы, наблюдая, как она нервно переминается с ноги на ногу за моим столом. Не часто я вижу, как Рокси нервничает. Это мило, но она не должна нервничать. Она так легко стала деловой женщиной. У нее хороший глаз на персонал и отличные идеи, и с нашей помощью и помощью своих людей она далеко пойдет. Я не сомневаюсь, что ее коллекция баров взлетит. Их сочетание деревенского, шарма дайверов-завсегдатаев и высокосексуальных коктейлей и блюд, а также мрачная черная и угрюмая атмосфера — идеальны.

— Мне это нравится, — говорю я ей, и Рокси неожиданно улыбается, расслабляясь. — Правда, нравится, любимая. Это потрясающе, и твои показатели выглядят хорошо. Твое присутствие в Интернет-пространстве пока поражает. Это будет невероятно.

Она вздыхает и собирает бумаги обратно в папку.

— Он бы так гордился тобой.

Рокси замирает, ее глаза наполняются слезами, когда она моргает и смотрит на меня.

— Думаешь? — тихо спрашивает она.

Я киваю и наклоняюсь над столом, беря ее ладонь в свою.

— Не сомневаюсь. Ты стала удивительной женщиной, Роксана. Такой сильной, такой уверенной, и твоё начинание не станет исключением.

Она улыбается, грустно.

— Надеюсь на это. В один из последних раз, когда я видела Рича, он сказал мне, что всегда надеялся, что я чего-то добьюсь, что я могу далеко пойти, если постараюсь... если перестану позволять своему страху удерживать меня. У Рича был способ видеть меня насквозь. Вот почему он оставил мне бар, чтобы помочь мне, подтолкнуть... Я просто надеюсь, что он видит, что я наконец-то слушаю его.

Я сжимаю ее руку и притягиваю ближе. Рокси встает и обходит стол, когда я притягиваю ее в свои объятия. Она прижимается ко мне, ее голова лежит на моей груди, а я глажу мою девочку по спине.

— Никто никогда не сможет остановить тебя, Роксана, если ты решишься на это. Это только начало, любимая.

Она вздыхает и наклоняется, нежно целуя меня.

— Боже, иногда ты слишком совершенен, чтобы быть правдой.

В ее глазах загорается озорной огонек, когда она тянется ко мне и гладит мои волосы, заставляя меня фыркнуть.

— Ну вот, так-то лучше.

— Ты слышала что-нибудь о Гарретте? — спрашиваю я, доставая свой телефон и пролистывая электронные письма и сообщения. От моих братьев их нет, поэтому я снова бросаю телефон и сосредотачиваюсь на женщине в моих руках.

Она хмыкает.

— Он прислал мне фотографию своего члена около часа назад.

Я моргаю, а она смеется.

— Я попросила его об этом. Он все еще в разъездах, сортирует список спортзалов, которые хочет купить, и придумывает, как убрать детей с улиц и устроить их туда, чтобы они могли найти работу.

Я киваю.

— Это хороший план, он даст им возможность, если они захотят ею воспользоваться, и подготовку, чтобы они могли постоять за себя.

— Да, вы все огромные мягкотелые тюлени. Правда. Правда. — Она смеется, заставляя меня посмотреть на нее с прищуром, а она хихикает.

— Я никому не скажу, ваш секрет со мной в безопасности.

— Мы не мягкотелые, — огрызаюсь я.

Рокси приподнимает бровь и наклоняется, усаживаясь на мои колени и упираясь спиной в стол, глядя на меня.

— Правда? Покупаете спортзалы и приюты для бездомных, чтобы помочь тем, кто страдает? А как насчет денег, которые ты каждый месяц отправляешь в благотворительные организации города? Или дом, который вы купили, чтобы превратить его в убежище для потерявшихся детей?

Я еще больше шурю, мой лед тает, когда она ухмыляется мне.

— Детка, признай это, вы все мягкотелые.

— Я покажу тебе мягкость, — огрызаюсь я, подхватывая ее и бросая на свой стол.

Ее зрачки расширяются от этого, и она смеется.

— У меня есть кое-что очень чертовски твердое.

— Еще бы, — подначивает она. — В чем дело, Рай? Большой плохой Райдер — мягкотелый парень, — мурлычет она.

— Мягкотельный? — дразню я, срывая с нее трусики, отбрасывая их в сторону, раздвигая ее бедра и таща Рокси к концу стола, откидываясь на спинку стула.

— Мне кажется, ты забыла, кто я, Роксана.

— Ооо, *Роксана*, теперь у меня точно проблемы, — смеется она.

— Так и есть, любимая. Ласкай себя, позволь мне смотреть, но ты не должна кончать, поняла меня?

Я приказываю, устраиваясь поудобнее в своем кресле, пока она наблюдает.

— Что? — насмехается она. — Может, ты просто, блядь, сам прикоснешься ко мне?

— Как насчет того, чтобы ты делала то, что тебе велят, или я накажу тебя, и ты не получишь удовольствия, — огрызаюсь я.

— Ты уверен в этом? — дразнится она, но проводит рукой по бедру и задирает платье, чтобы показать мне свою блестящую киску. — Ты знаешь, что ты мне нравишься.

Рокси трет свой клитор и снова опускается вниз и обводит рукой свою дырочку.

— Жестокий, — добавляет она, просовывая палец внутрь себя. — Ненавистный.

Ворча, я заворожено смотрю.

— Еще один палец, — требую я, контролируя ее даже сейчас, зная, что ей нравится, когда я это делаю.

Рокси делает то, что ей говорят, стон срывается с ее губ, когда она медленно вытаскивает их и снова вводит, ее вторая рука тянется вверх по бедру, чтобы отчаянно тереть свой клитор.

— Смотри на меня, — рявкаю я.

Она переводит глаза на мои, пока трахает себя пальцами, ее бедра поднимаются навстречу прикосновениям, когда она трется и трахает себя. Ее дыхание учащается, щеки краснеют, румянец ползет по груди, и я знаю, что она близка к тому, чтобы кончить.

— Остановись, — приказываю я.

Она продолжает еще мгновение, и я щурюсь.

— Прекрати сейчас же.

Она хнычет, но освобождает пальцы и, наблюдая за мной, облизывает их. Мой член дергается в штанах, болезненно давя на молнию, пока я наблюдаю за ней. Блядь.

— Сними платье, — приказываю я, расстегивая молнию на брюках, пока она смотрит.

Она снимает его и отбрасывает в сторону, груди Рокси выпущены на свободу и подпрыгивают от движения, соски так и просятся мне в рот, но я пока сопротивляюсь.

— Ложись, подтяни колени к груди и держи их там.

Она так и делает, обхватывая руками голени и открывая себя для меня. Я пробегаю взглядом по ее сочащейся киске, облизывая губы, когда встаю и спускаю брюки, обводя взглядом свою длину, когда подхожу ближе.

— Ты останешься лежать так, или я остановлюсь, поняла?

— Да, — стонет она. — Пожалуйста, Рай.

Проводя пальцем по ее киске, я погружаю палец внутрь и поворачиваю, заставляя ее вскрикнуть, прежде чем извлечь его и ввести туда свой член, позволяя ей почувствовать мою твердость. Она пытается надавить вниз, чтобы взять меня, но я отстраняюсь, и она снова замирает, задыхаясь на моем столе. Моя собственная ручная Гадюка в моей власти.

Когда она ведет себя хорошо, я снова прижимаю свой член к ее входу и одним плавным движением погружаюсь в Рокси до упора, от чего она вскрикивает, сжимаясь вокруг меня. Всегда такая чертовски тугая и влажная.

— Черт возьми, любимая, тебе так хорошо. Посмотри на эту милую розовую киску, которая принимает меня, как хорошая девочка.

Я смотрю, как ее киска заглатывает мой член, когда я вхожу и выхожу из нее. Ее пальцы побелели от того, как сильно она сдерживается, чтобы не прикоснуться ко мне, пытаюсь хоть раз побыть хорошей девочкой.

— Райдер, черт, — стонет она.

— Так чертовски красиво. Каждый раз, когда я здесь, теперь я вижу только тебя, склонившуюся над моим столом, это очень мешает работать, — рычу я, проводя пальцем по ее клитору, пока Рокси не задыхается и громко стонет. — Такая чертовски твердая, как мой член, когда я даже думаю о тебе.

— Пожалуйста, — умоляет она, и я касаюсь ее ноги.

— Не двигайся, Принцесса, — требую я, снова и снова входя в Рокси, потирая ее клитор, пока она не вскрикнет, обхватив меня. Только тогда я позволяю ей опустить ноги. Я переворачиваю ее, перегибаю через свой стол и трахаю ее по-настоящему.

Она отдает столько же, сколько получает, отталкиваясь назад, чтобы встретить мои толчки, ее волосы намотаны на мой кулак, а я кусаю и облизываю ее шею, где ее пульс бьется о кожу.

— Ты, блядь, приручаешь меня, — бормочу я.

— Покажи мне, покажи мне, насколько сильно, — требует она, ее голос хриплый, а тело покрыто тонким слоем пота, когда я снова облизываю ее шею и вхожу в нее с дикой несдержанностью. Лед, за который я когда-то так крепко держался, с ней становится просто лужицей воды, а мои стены рушатся.

Мы просто влюбленные мужчина и женщина.

Просто две Гадюки, сплетенные вместе.

— Я люблю тебя, — выдыхает она, и я стону.

— Скажи это еще раз, — требую я.

Я никогда не устаю это слышать, особенно из ее уст. Кажется, она говорит это только тогда, когда я ее уламываю.

— Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, — повторяет Рокси, встречая мои жестокие толчки. — Люблю тебя! — кричит она, когда я снова врезаюсь в нее, и все еще, тая, мои яйца сжимаются, а член изливается внутри нее, когда она тоже кончает.

Мы падаем на стол, я все еще внутри нее, и когда она снова начинает толкаться, мой размягченный член начинает твердеть.

— Черт возьми, любимая.

— Лучше приступайте к работе, мистер Вайпер, — мурлычет она, заставляя меня хихикать.

— Каждый чертов день, — обещаю я, снова начиная двигаться неглубокими, маленькими толчками, которые она принимает, толкаясь навстречу. — Я люблю тебя, Роксана, моя слабость, моя любовь.

РОКСИ

Я наблюдаю за их взаимодействием между собой, пока потягиваю кофе. Теперь это наш утренний ритуал, и мне он определенно нравится. Они знают об этом, поэтому всегда стараются, чтобы каждое утро они были здесь. Гарретт смеется над тем, что говорит Дизель, Райдер качает головой, а Кензо ухмыляется.

Если я присмотрюсь, то увижу, как они изменились с тех пор, как я впервые села на этот самый стул... да что там, я и в себе вижу изменения... и все благодаря им.

— Нам есть что тебе показать, милая, — говорит мне Райдер, вырывая меня из моих мыслей.

— Да? — с интересом реагирую я и допиваю свой кофе. — Что-то хорошее?

— Что-то потрясающее, — поправляет Кензо, как раз когда я собираюсь спросить, не их ли это члены, и шлепает меня по бедру. — Иди, собирайся.

Я быстро одеваюсь, чувствуя возбуждение, и они завязывают мне глаза, когда мы садимся в машину.

— Извращение, — бормочу я, заставляя их смеяться. Мы едем некоторое время, и я пытаюсь запомнить повороты, но мне становится скучно, и я отвлекаюсь, когда кто-то начинает гладить мое бедро, ублюдки. Когда мы наконец останавливаемся, я заведена и еще больше раздражена. Двери открываются, а потом кто-то хватается за руку и вытаскивает из машины на то, что кажется гравием под ногами. Они идут позади меня.

— Готова, детка?

Это Гарретт.

— Да, блядь, покажите мне, засранцы, — огрызаюсь я, заставляя их снова рассмеяться, когда с меня снимают повязку.

Я в замешательстве смотрю на стоящий передо мной дом... ну, это больше похоже на гребаный особняк. Он черный. Чертовски черный особняк. Я оглядываю деревья, заслоняющие его от посторонних глаз. Слева есть массивный гараж. Двойные двери открыты, и я хмурюсь сильнее. Он потрясающий, абсолютно потрясающий, и, честно говоря, я никогда раньше не видела абсолютно черного дома, кто бы им ни владел, этот кто-то просто гребаный гений.

— Что... что это? — спрашиваю я, сбита с толку.

— Наш дом. Мы теперь семья, и нам нужно больше, чем квартира. Это для нас, чтобы

начать строить наше будущее правильно. Здесь безопасно, у нас есть охрана, и никто не знает, где это...

Райдер нервно замолчал, поэтому Кензо поднялся и продолжил за него.

— Это для тебя, дорогуша, чтобы показать тебе, что мы здесь навсегда. Это наш дом.

— Наше будущее, — добавляет Дизель, а затем подмигивает. — Здесь даже есть подвал, где мы можем поиграть.

— Спортзал, — пробормотал Гарретт.

— Домашний офис для нас обоих, — вставляет Райдер.

— Наш? — шепчу я, оглядываясь на него, прежде чем завизжать. — Можно мне войти?

Они кивают и смеются, и я бросаюсь в двери, как ребенок, просто таращась. Это прекрасно. Стены темно-серого цвета, а полы из темно-белого и черно-золотистого мрамора. Лестница разделена на две части и изогнута вверх. Она современная, как и квартира, но я чувствую разницу, тепло и правильность того, что я здесь. Он выглядит огромным, и мне не терпится его исследовать. Я никогда не представляла дом для себя, потому что у меня не было такой возможности, но теперь, когда я здесь... я не могу не думать, что он идеален.

Просто нужны последние штрихи, например, много черепов повсюду... не настоящих, хотя я бы не отказалась от черепа Дизеля.

Райдер берет меня за руку и соединяет наши пальцы, ведя меня через дверь слева в гостиную с огромным телевизором, пятью кожаными диванами, низким журнальным столиком и ковром. Темные книжные шкафы из красного дерева выстроились в задней части комнаты. Все здесь просто кричит о богатстве владельцев, но в то же время дом выглядит уютно и очень по-моему... по-нашему.

— Он и правда наш? — шепчу я.

Он кивает.

— Здесь не все готово, мы хотели, чтобы ты выбрала мебель, но здесь десять спален и девять ванных, бассейн на заднем дворе, спортзал, гараж, два офиса, библиотека, игровая комната, подвал и многое другое. Это дом, любимая, как бы ты ни хотела его обставить, делай с ним все, что захочешь.

— Дом, — пробормотала я, когда руки обхватили меня сзади.

— Наш дом, — взволнованно шепчет Кензо. — Возможность не быть похожими на нашего отца. Он будет наполнен смехом и, черт возьми, возможно, кровопролитием, но я не могу дождаться, а ты? — с тоской предлагает он.

Я сглатываю, снова оглядываясь по сторонам. Я чувствую, как они все наблюдают за моей реакцией. Это было нелегко сделать, но теперь, когда я здесь, они правы, здесь чувствуешь себя как дома. Мне нравится квартира, но было бы неплохо иметь больше пространства. Я чуть не фыркнула. Господи, когда это квартира стала для меня недостаточной?

Подумать только, когда-то я была девушкой, живущей в квартире, расположенной над баром. Это похоже на сказку, только эти парни далеко не герои. Они злодеи... даже в спальне.

Это только заставляет меня любить их еще больше.

Когда они оказываются рядом со мной, я поворачиваюсь и смотрю им в глаза.

— Вы все время говорите, что не хотите быть похожим на своего отца.

Я смотрю на Кензо и Райдера.

— На свою мать.

Я смотрю на Дизеля.

— О своем гневе и ненависти.

Затем я смотрю на Гарретта.

— Но вопрос не в том, кем ты не хочешь быть, а в том, кем ты хочешь быть. Я думаю, вы наконец-то решили, — шепчу я, в моих глазах стоят слезы. — Как и я. Я хочу быть вашей. Принадлежать вам.

Когда ты находишь любовь, ты держишься за нее крепко. Это хрупкая маленькая вещь, и когда она уходит, остается дыра и воспоминания, мы все это знаем. Воспоминания, которые вы хотели бы пережить заново, но из каждой любви вы чему-то учитесь. Чему-то важному.

У своей матери я научилась быть сильной.

У отца я научилась принимать боль.

От Рича я узнала, что нужно любить, пока любовь длится, и что конец — это не всегда плохо.

От моих Гаденышей я узнала, что любовь безусловна и может прийти в самые странные времена и места.

А от себя? Я узнала, что любить себя — это нормально. Даже самые темные уголки своей души. Неважно, какой формы, размера или с каким багажом странностей вы пришли в этот мир. Примите свои шрамы и никогда не стыдитесь быть тем, кто вы есть, потому что вы у себя один.

И если вы не любите себя, как может вас полюбить кто-то другой?

Я неидеально совершенная. Я любовница и боец. Я сильная и слабая. Я могу быть жестокой и убийцей, но также доброй и исцеляющей раны. Я все это есть, и любовь к своим слабостям означает, что я могу принять свои сильные стороны и быть такой, какой я хочу быть.

В их объятиях и с нашим новым домом с крышей над головой у меня есть надежда. Надежда на лучшее будущее и надежда на то, что впервые темнота может оказаться хорошей вещью.

Я принадлежу им.

Они принадлежат мне.

Самое время начать нашу совместную жизнь.

РОКСИ

Полгода спустя...

— Куда мы идем? — спрашиваю я в восьмой раз. Я была занята установкой последних бит в баре «Пятнадцатый Рич». Именно так, пятнадцатый — они стали хитом. Они раскупались так быстро, что я даже не знала, что делать. Думаю, теперь я еще и богата. Не то чтобы парням было все равно, они по-прежнему балуют меня, словно компенсируя все то время, что мной пренебрегали.

Я им, конечно, позволяю.

Последние шесть месяцев прошли как вихрь. Мы переехали в наш дом пару месяцев назад, и он еще не совсем закончен, но ремонт уже чертовски близок к завершению. Мне нравится просыпаться там каждый день и завтракать с моими парнями. Райдер по-прежнему очень занят работой и управлением городом. У Гарретта теперь три новых спортзала, и он проводит большую часть своих будней, помогая обездоленным и беспризорным детям получить новые возможности и найти выход из трудной ситуации под названием жизнь.

Дизель... ну, Дизель есть Дизель. Он проводит свои дни, изобретая новые игрушки для пыток меня и всех, кто нам перечит. В конце концов, мы никогда не встанем на путь праведности, по крайней мере, пока я здесь. Просто здесь так много развлечений, а деньги должны быть плохими.

На той неделе Кензо открыл свое двадцатое казино, и было большое торжественное открытие, где мы были запечатлены пожимающими всем руки и целующимися. Черт, это даже вышло на международный уровень в рекламе. Если бы кто-нибудь когда-нибудь узнал, что мы на самом деле представляем собой... Я почти смеюсь, заставляя Кензо оглянуться и подмигнуть мне.

Но давайте вернемся к сегодняшнему дню. Они похитили меня из бара и потащили к машине.

— Клянусь всеми святыми, вы, засранцы, я еще надеру вам задницы. Куда мы едем?

Я снова огрызаюсь, когда мы заезжаем на подземную парковку. Они все выглядят взволнованными. Дизель чуть ли не подпрыгивает на своем сиденье, и как только мы останавливаемся, он выходит и тащит меня за собой.

Остальные смеются, когда мы поднимаемся по лестнице, а когда она превращается в мраморный пол, я хмурюсь. Мы направляемся в офис в задней части здания. Уже поздно,

поэтому я удивляюсь, когда мы открываем дверь и видим пожилого седовласого мужчину в одежде судьи, сидящего за этим столом.

Он не выглядит удивленным, увидев нас.

— Серьезно, что, блядь, происходит? — рычу я. — У вас, ребята, опять проблемы? — фыркаю я.

— Нет, дело в тебе, Птичка, — бормочет Дизель мне на ухо, шлепая меня, отчего я вскрикиваю и отхожу в сторону, оказываясь прямо в объятиях Кензо, который целует меня.

— Тебе лучше сказать ей, — предупреждает Райдер, и Гарретт смеется.

— Скажи мне сейчас же, — приказываю я.

— Мы женимся! — кричит Дизель и широко улыбается мне, а я просто моргаю ему.

— Какого черта? — кричу я, вскидывая руки вверх. — Ты должен был попросить... кольцо... — бормочу я.

— Это не законно, — скулит судья, а я бросаю на него взгляд.

— Не лезьте в это, — огрызаюсь я, даже когда поворачиваюсь к ним.

— Вы его слышали, это, блядь, не законно, — рычу я.

Они просят меня уже несколько месяцев, но я отказываюсь выходить замуж только за одного из них, это вызовет ревность... Похоже, мои парни решили нарушить правила еще раз — все они женятся на мне, пока я официально беру их фамилию.

Райдер обходит стол и вытаскивает судью, и я таращу глаза, когда понимаю, что он привязан к стулу... они похитили гребаного судью. Дизель приставляет пистолет к его голове, все еще безумно ухмыляясь.

— Это законно, если мы так скажем. — Он хихикает. — А теперь выходи за нас.

Я не могу удержаться от смеха. Они увидели проблему и нашли способ ее решить... незаконный способ, конечно, но это заставляет меня таять внутри, когда я смотрю на каждого из них.

— Вы сумасшедшие убудки, я вас ненавижу.

— Я тоже тебя ненавижу, любимая. Что скажешь? Хочешь выйти за нас, чтобы стать Гадюкой официально?

— Сука, пожалуйста, мы уже знаем, что я такая и есть.

Я фыркнула.

— К черту, давайте поженимся.

— Вот это разговор! — смеется Дизель, а Райдер делает шаг вперед и опускается на колени с коробкой в руке. Гарретт опускается на колени рядом с ним, тоже с коробкой в руке, и, подмигнув судье, Дизель делает то же самое. Я моргаю и смеюсь, когда Кензо тоже опускается на колени, все четверо стоят на коленях, все держат коробки.

— Скажите мне, что здесь нет четырех колец.

Издаю стон, даже когда ухмыляюсь так широко, что у меня сводит лицо.

— Конечно! — Дизель ухмыляется и открывает свою, чтобы продемонстрировать красивый оранжевый камень в оправе из полосы, вытравленной в пламени.

Кензо открывает свою, и я смеюсь над красным камнем с вырезанными игральными костями на боковой стороне кольца.

— Детка, — бормочет Гарретт, перехватывая мой взгляд, и открывает коробочку, чтобы показать кольцо Дафны. — Оно всегда было твоим, я просто отдал его по ошибке не той.

Райдер прочищает горло, когда слезы наполняют мои глаза, и открывает свою коробочку, чтобы показать традиционный, холодного вида, огромный бриллиант.

— Роксана Вайпер, будешь ли ты нашей женой?

— Навсегда!

Я смеюсь, когда они вскакивают на ноги и обступают меня.

— Я все еще ненавижу вас, — бормочу я, заставляя их всех хихикать.

Мы поворачиваемся к судье, и он вздыхает, но, кажется, все равно улыбается.

— Ну, вы все явно сумасшедшие, но, к черту, все равно. Вы...

Церемония проходит быстро, благодаря Ди, который говорит ему поторопиться, потому что он хочет одеть меня в белое платье и покрыть его нашей кровью. Райдер целует меня первым, скрепляя сделку, а затем передает меня своему брату, который одаряет меня французским поцелуем, заставляя меня смеяться. Гарретт хватается за щеки, без слов, глядя в мои глаза, и целует меня так нежно, словно я сделана из стекла.

Дизель? Дизель режет свою руку, а затем мою, заставляя меня задохнуться, и сжимает наши кровоточащие ладони вместе, целуя меня.

— Навсегда, Птичка.

Я отстраняюсь и смотрю между ними, вынужденная улыбнуться.

У меня есть остаток жизни, чтобы заставить их заплатить за это. Я не могу ждать, и, судя по выражениям их лиц, они тоже.

Я многому научилась с тех пор, как встретила их.

Например, что жизнь не точно пойдет по плану. Она состоит из тысяч крошечных моментов, которые охватывают всю жизнь. Выбор, действия, каждое из которых ведет нас по разным дорогам. Мой путь, мой выбор привел меня к ним. Четверым парням, которые разглядели меня сквозь кожу и броню, а мой болтливый рот и злость не скрыли женщину, которую я так упорно скрывала. Прекрасно несовершенную, но выжившую, потому что я такая и есть.

Выжившая.

Воин.

Королева.

Гадюка.

Я — все это и многое другое. Когда мой путь привел меня на самую темную дорогу, я нашла в себе силы идти дальше в самые темные закоулки. Когда я знала, что мои родители не любят меня, когда они разбили мне сердце, я продолжала жить. Когда я впервые осталась одна, когда страх был единственной постоянной вещью в моей жизни... я решила идти дальше.

Или когда я держала за руку первого мужчину, которого любила, человека, который помог мне спастись, когда он умирал, я выбрала борьбу. Когда я смотрела, как сожаление и желания наполняют его пропитанные слезами глаза, как его хрупкая рука сжимает мою, его голос хриплый, а кожа серая... Я выбрала идти дальше. Но в тот момент я усвоила урок, который останется со мной навсегда. Смерть приходит к каждому из нас, и пока она не наступила, мы должны делать все возможное, чтобы жить. Прожить жизнь на полную катушку, никогда не жалеть. Любить так глубоко, что этой любовью можно было бы заполнить океан, не позволять страху остановить вас от того, чтобы быть тем, кем вы хотите быть.

Потому что если вы не сделаете этого, если вы позволите страху победить, сожаление сожрет вас, и это будет все, с чем вы останетесь в конце.

Я отказываюсь быть таким человеком, я отказываюсь сожалеть о своей жизни или о

том, кто я есть. Поэтому я выбираю их каждый проклятый день, когда просыпаюсь. Четыре сломленных, покрытых шрамами, но вместе с тем сильных мужчин. Даже когда это трудно, даже когда мир против нас, я выбираю их каждый раз, снова и снова, и они выбирают меня. Мое сердце принадлежит им, а их сердца принадлежат мне.

Мы не идеальны. Мы преступники, игроки, бойцы, бизнесмены и убийцы.

Но эти четверо преступников? В них мое счастье.

В них моя жизнь.

Они — мой дом, и куда бы ни привел нас наш путь, мы делаем это вместе.

Просто пять Гадюк, сплетенных воедино в одном логове.

До самого конца.

[1] Viper (Вайпер) (англ.) — гадюка

[2] Отсылка к известному мему Грампи Кэт («Сердитый кот»)

[3] Около 50 км/ч

[4] Прозвище американской певицы Тейлор Свифт

Больше книг на сайте - Knigoed.net